

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (31) 2018

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (31) 2018

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2018
© Tomsk State University, 2018

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (31) 2018

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2018
© Томский государственный университет, 2018

CONTENTS

No 4 (31) 2018

Maria K. Amelina. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Gydan dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels.....	7
Nurgun S. uola Bagdaryyn. Nomenclative geographical vocabulary found in the toponyms of the northwestern Sakha.....	79
Tatiana I. Bondarenko. Nominalization strategies in Barguzin Buryat.....	95
Egor V. Kashkin. Towards the typology of semantic shifts undergone by verbs of throwing: evidence from Hill Mari.....	112
Sergei V. Kovylin. “Conversations About the True God and the True Faith in the Dialect of the Ob Ostyaks” (1900) by the Bishop Macarius: Noun morphology.....	130
Yuri B. Koryakov. Language vs. dialect question and Samoyedic languages.....	156
Natalia A. Kosheliuk. Graphic-phonetic analysis of the archive Pelym dictionary, compiled by archpriest Konstantin Slotvsov.....	218
Fanuza Sh. Nurieva, Margarita M. Petrova, Milyausha M. Sungatullina. General characteristics of the Grammar book by Hieronymus Megiser.....	227
Andrey B. Shluinsky. Contextual converb in Enets dialects.....	233

ДИСКУССИИ

Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova, Valerij S. Gibalin. Are there diphthongs in Orochon?.....	247
Anna V. Dybo. A polemic note to the article “Are there diphthongs in Orochon?”.....	257
Style sheet	268

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (31) 2018

М. К. Амелина. Ударение в непроезженных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема.....	7
Нь. Багдарыын. Географическая номенклатурная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха	79
Т. И. Бондаренко. Стратегии номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка	95
Е. В. Кашкин. К типологии семантического развития глаголов со значением 'бросать': данные горномарийского языка	112
С. В. Ковылин. «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900) епископа Макария: именная морфология	130
Ю. Б. Коряков. Проблема язык или диалект и самодийские языки.....	156
Н. А. Кошелюк. Графико-фонетический анализ архивного словаря пелымского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова	218
Ф. Ш. Нуриева, М. М. Петрова, М. М. Сунгатуллина. Общая характеристика «Грамматики» Иеронима Мегизера	227
А. Б. Шлуинский. Контекстное деепричастие в диалектах энецкого языка	233

ДИСКУССИИ

О. Н. Морозова, С. В. Андросова, В. С. Гибалин. Есть ли дифтонги в ороchonском языке?	247
А. В. Дыбо. Дискуссионная заметка к статье О. Н. Морозовой, С. В. Андросовой, В. С. Гибалина «Есть ли дифтонги в ороchonском языке?»	257
Требования к оформлению статей.....	268

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**Ударение в непроизводных именах
с однородным вокалическим составом
в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка.
Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема¹**

Введение

Тундровый ненецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную. Гыданский диалект, наряду с надымским, тазовским и таймырским (енисейским), является одним из крайневосточных идиомов восточной диалектной группы [Терещенко 1965; 2008: 8—11]. В работе [Salminen 1998: 16] приводится соответствие обозначений диалектов тундрового ненецкого языка по изданиям [Терещенко 1965] и [Lehtisalo 1956]: так, крайневосточным диалектам по [Терещенко 1965] территориально наиболее близки тазовские говоры (Т) в записи Т. Лехтисало [Lehtisalo 1956: СШ].

В данной статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, собранные в ходе работы с носителями гыданского диалекта тундрового ненецкого языка в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа в сентябре 2011 г.² Полевые данные были собраны нами по специальной анкете, нацеленной на выявление акцентных характеристик непроизводных имен разных слоговых структур и вокалических составов. Каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах).

Данная статья посвящена анализу акустических коррелятов ударения в непроизводных³ именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. В недавних статьях [Амелина 2016а] и [Амелина 2016б] нами уже были рассмотрены акустические корреляты ударения в непроизводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего, среднего и верхнего подъёмов, в ямальском диалекте (одном из восточных идиомов) тундрового ненецкого языка (в этих работах мы подробно коснулись особенностей комбинаторики акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте, а также выявили его экспираторно-квантитативный характер), а в последней статье [Амелина 2017] — акустические корреляты ударения в непроизводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте. Данная статья, таким образом, является второй частью работы [Амелина 2017].

В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 8; Амелина 2016б: 8] вопрос о системе вокализма и количестве гласных фонем тундрового ненецкого языка уже был рассмотрен нами подробно. Мы придерживаемся точки зрения Т. Салминена, который выделяет следующие фонемы в системе вокализма Т ненец.: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i, u, e, o, a*), один краткий монофтонг ($\emptyset = \text{ə}$), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также “schwa phoneme”, один дифтонгоид *æ* и два долгих монофтонга ($\bar{i} = i$ в обозначении Т. Салминена, $\bar{u} = u$ в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 9—11; Амелина 2016б: 9—10] нами также уже были подробно проанализированы основные характеристики ударения в тундровом ненецком языке, выделявшиеся учеными ранее.

¹ Работа над данной статьей осуществлялась при поддержке проекта РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. — В. М. Алпатов).

² Мы выражаем искреннюю благодарность информантам, которые деятельно помогли нам в течение полевой работы на Гыданском полуострове: Салиндер (Яптунай) Ульяне Григорьевне, Яптунаю Николаю Ханзотавичу, Яр Нине Ябиновне, Лапцуй (Салиндер) Анжелике Ляликовне, Яр (Лапцуй) Галине Ванзовне, Вэнго Зое Торневне, — а также Яру Иосифу Пияковичу — за помощь в организации экспедиции.

³ Под «непроизводными» здесь и далее мы понимаем слова, которые не являются производными по продуктивным моделям в современном тундровом ненецком языке, при этом на прасамодийском или протоненецком уровнях они могут быть производными и образованными по типичным словообразовательным моделям.

Подробно о типах «оценок выраженности ударения», которыми мы в том числе руководствуемся при определении места ударения (выделения просодическими средствами одного слога в фонетическом слове), см.: [Амелина 2012: 9; Амелина 2016а: 14; Амелина 2016б: 7] («оценка по максимуму» [Кодзасов 1991: 108—109; Кривнова 2004: 6], «оценка выраженности ударения по контрасту» и «оценка выраженности ударения по временному эталону» [Кривнова 2004: 3]). Так как обычно принято выделять три фонетических компонента ударения (по преобладанию одного из них определяется фонетический тип ударения): 1) интенсивность, «достигаемую увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха», 2) высоту голосового тона и 3) длительность [ЛЭС 1990: 530], — то ниже мы подробно останавливаемся именно на этих трех параметрах, анализируя их комбинаторику и значимость каждого из них.

Собранные полевые данные по гыданскому диалекту были проанализированы нами с помощью экспериментально-фонетической программы Praat (версия 5.3.61 by Paul Boersma and David Weenink; официальный сайт: www.praat.org). Настройки спектрографирования (Spectrogram settings): тип фильтра (Window length) — широкополосный (время реакции, отклика — 5 мсек.), диапазон частот (View range) — от 0 до 5000 Гц, динамический диапазон (Dynamic range, настройка яркости/затемненности спектра) — 70 дБ. Настройки визуализации частоты основного тона (Pitch settings): диапазон основной частоты голоса (Pitch range) — от 75 до 500 Гц. Подробно об акустическом анализе с помощью программы Praat и использовании этой программы в лингвистических целях см. [Boersma 2013; 2014; Styler 2017].

В качестве основных средств визуализации речевого сигнала и акустического анализа нами были использованы осциллограммы (waveforms) и динамические широкополосные спектрограммы (dynamic broadband spectrograms). На широкополосных динамических спектрограммах в программе Praat желтой тонкой линией также отображается контур интенсивности (в децибелах, дБ), а голубой толстой линией — частоты основного тона (в герцах, Гц). Красными точками визуализированы форманты⁴ и области формантных переходов. Таблицы, представленные ниже, состоят из девяти колонок:

- 1) порядковый номер фонетического слова с буквенным указанием на диалект (Г — гыданский диалект);
- 2) в колонке «слово» дается запись слова в фонологической (без скобок) и фонетической (в квадратных скобках с отмеченным ударением) транскрипциях, в круглых скобках строчкой ниже приводится примерная общая длительность произнесения слова в мсек. (с точностью до 5 мсек.);
- 3) в колонке «Д1» указаны абсолютная длительность гласного первого слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);
- 4) в колонке «И1» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного первого слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;
- 5) в колонке «ЧОТ1» указаны данные по частоте основного тона гласного первого слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);
- 6) в колонке «Д2» указаны абсолютная длительность гласного второго слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);
- 7) в колонке «И2» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного второго слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;
- 8) в колонке «ЧОТ2» указаны данные по частоте основного тона гласного второго слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);
- 9) в последней колонке («инф.») указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны фонетические слова, привлекаемые к анализу (полные данные об информантах приводятся в конце статьи); номер в круглых скобках после инициалов диктора обозначает порядковый номер произнесения при анализе.

Если частота основного тона значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (1); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (2); в случае одновременного указания на (1) и (2) данные по средней ЧОТ приводятся в круглых скобках, а данные по динамике ЧОТ — за пределами скобок.

В формулах слоговых структур *C* обозначает любой согласный, а *V* — любой гласный звук; «мягкость» в фонологической транскрипции обозначается прямым апострофом с наклоном ('), а в фонетической — символом для обозначения палатализации *j* в верхнем регистре.

⁴ Форманты — это резонансные максимумы передаточной функции речевого тракта. Они формируют фонетические различия между звуками.

Осциллограммы, спектрограммы, контуры (оггибающие) интенсивности и контуры частоты основного тона (мелодические кривые) для рассматриваемых фонетических слов в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка в форме именительного падежа единственного числа (NOM.SG) представлены в *Приложении* в конце статьи. Все осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона снабжены указанием на порядковый номер слова, диалект, фонетическую и фонологическую транскрипции, произнесшего это слово информанта и номер конкретного произнесения: например, (25Г) Т гыдан. [jir'i] *jir'i* [СУГ: 1].

Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом, представленным аллофонами гласных фонем верхнего подъема, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка

1. Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема заднего ряда, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка

1.1. Акцентные характеристики фонетических слов с аллофонами гласной фонемы верхнего подъема *i* ([i], [i̥] и др.) в первом и втором слогах в гыданском диалекте

Различая в транскрипции гласные звуки [i] и [i̥], мы все же считаем фонетическими словами с однородным вокалическим составом не только имена структуры [i]—[i] и [i̥]—[i̥], но и [i]—[i̥] и [i̥]—[i], т. к. эти гласные звуки в гыданском диалекте Т ненец. являются вариантами (аллофонами) одной фонемы (за основной вариант условно принимаем [i]).

1.1.1. В *Таблице 1* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [i] ([i])⁵ в первом и втором слогах фонетических слов слоговых структур /CiCi/ и /CiCi[?]/, представленных подвидами [CiCi] / [CiCi[?]] (25Г)⁷ и [CiCi[?]] / [CiCi[?]] (26Г). Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена:

[CiCi] / [CiCi[?]] (CiCi)

(25Г) *ури* 'дед, дедушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свёкор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк' [Терещенко 1965, 2008: 147], *yiryi* (N *yi*≡), *YIRYI* [Salminen 1998: 274, 542], O, Sj., U, U-Ts. *jūrī*, OP *jir'ri* 'Grossvater (z. B. Vater od. älterer Bruder der Mutter, des Vaters, U auch: Vater der Frau, des Mannes)' <'дедушка (например, отец или старший брат матери, отца, в говоре U также: отец жены, мужа)'> [Lehtisalo 1956: 129b]; ср. Л *ници*, *ници* 'дед, дедушка (отец матери или отца, любой старый мужчина); старший брат отца или матери' [Бармич, Вэлло 2002: 82, 190], *'ni'i*⁸ 'дед; старший брат отца или матери; старший брат мужа; свёкор; все мужчины из рода мужа, старше его' [Попова 1978: 67], *hi'li* 'дед' [Попова 1978: 22], Lj., P *n'i'li* 'Vater des Vaters, der Mutter, des Mannes; älterer Bruder des Vaters, der Mutter, des Mannes' <'отец отца, матери, мужа; старший брат отца, матери, мужа'> [Lehtisalo 1956: 129b], Lj., P *il'li* 'Grossvater (Kindersprache)' <'дедушка (в детской речи)'> [Lehtisalo 1956: 32b] < ПС **irz*- (? **iräj*) ~ **jirz*- (? **jiräj*) 'Grossvater, der Alte' <'дед, старик'> [Janhunen 1977: 27];

[CiCi[?]] / [CiCi[?]] (Ci(C)Ci[?])

(26Г) Т гыдан. *ничу*'(н) (в стандартной орфографии может быть записано как *ници*'(н)), являющееся диалектным вариантом существительного *нинзи*'(н) 'нёбо' [Терещенко 1965; 2008: 313], *nyĩncyih*⁹ (N *ng*¹⁰+o (~ +ye)), NYIHSYING [Salminen 1998: 268, 494] (~ *nyĩncyah* (N *ng*+o), NYIHSYANG) [Salminen 1998: 267], O *n'in'ĩ'ĩ'*¹⁰, Sj. *nĩn'ĩ'ĩ'*¹⁰, K *n'in'ĩ'ĩ'*¹⁰, U *nĩn'ĩ'ĩ'*¹⁰ 'Gaumen' <'нёбо'> (N *nĩž'em* POSS.1SG) [Lehtisalo 1956: 325b]; ср. Л *ниньши*'ку 'нёбо' [Бармич, Вэлло 2002: 83], *'niñšiku* [niñšikʰkʰ] 'нёбо' [Попова 1978: 67], Nj. *n'in'ĩž'ku* 'Gaumen' <'нёбо'> [Lehtisalo 1956: 325b].

⁵ Здесь и далее символом *i* обозначен ненапряженный нелабиализованный переднерядный гласный, более низкий по подъему, чем [i̥].

⁶ Символом [?] здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный согласный (= ' в записи Н. М. Терещенко, *h* — в обозначении Т. Салминена).

⁷ В этой (второй) части статьи продолжена нумерация, начатая в первой части [Амелина 2017].

⁸ В издании [Попова 1978] ударение обозначается символом ' перед ударным слогом.

⁹ В работе [Salminen 1998] символом *i* с подчеркиванием обозначается, что мы имеем дело, скорее всего, с нейтральной по длительности фонемой *i*, но возможно также, хотя и менее вероятно, с долгой фонемой *ī* (в нотации Т. Салминена *ī*).

¹⁰ Диграфом *ng* в записи Т. Салминена передается фонема *ŋ*.

Здесь следует обратить внимание на деназализацию (упрощение) сочетания согласных (утрату носового сонорного *n*) и аффрикату в середине слова (26Г) в гыданском диалекте. По нашим полевым данным, в первом слоге слова (26Г) в гыданском диалекте представлен вариант нейтральной по длительности, а не долгой гласной фонемы *i*.

См. шесть осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона данных фонетических слов в *Приложении*, (25Г) и (26Г).

Таблица 1

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[i] в 1С и [i] ([i]) во 2С ([i]—[i]/[i]) /CiCi/ ([CiCi] / [CiCi])								
25Г	<i>jir'i</i> [jiri] (542 мсек.)	120 (89%)	83,19 (82,33)	212-249	206 (152%)	82,76 (80,28)	205-145	СУГ (1)
	<i>jir'i</i> [jiri] (525 мсек.)	141 (107%)	80,94 (79,27)	196-235	230 (175%)	79,22 (76,03)	217-142	СУГ (2)
[i] в 1С и [i] ([i]) во 2С ([i]—[i]/[i]) /CiCi/ ([CiCi] / [CiCi]) // CiCCiC (C'iCC'ih), по [Salminen 1998: 268, 494]								
26Г	<i>n'ic'i?</i> (<i>n'itei?</i>) ¹¹ [n'itei?] (667 мсек.)	159 (120%)	84,77 (82,98)	214-237-193	151 (114%)	86,01 (82,78)	195-164-[84]	ЛАЛ (1)
	<i>n'ic'i?</i> (<i>n'itei?</i>) [n'itei?] (675 мсек.)	152 (113%)	84,21 (82,64)	206-224-203- 183	126 (93%)	83,81 (82,78)	194-163 (175)	ЛАЛ (2)
	<i>n'ic'i?</i> (<i>n'itei?</i>) [n'itei?] (710 мсек.)	178 (125%)	84,62 (82,08)	235-269-215	154 (108%)	84,85 (82,19)	201-174- [319-338]	ЛАЛ (3)
	<i>n'ic'i?</i> (<i>n'itei?</i>) [n'itei?] (717 мсек.)	191 (134%)	84,79 (82,15)	226-254-216- 199	181 (127%)	87,77 (82,97)	196-168 (176)	ЛАЛ (4)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного [i] второго слога, являющегося открытым и конечным, в произнесениях слова (25Г) диктором СУГ превышает длительность первого гласного [i] — на 85—90 мсек. (63—68%), что связано с возможностью протяжного произнесения гласного в открытом конечном слоге перед паузой. Длительность гласного второго слога, закрытого гортанным смычным, в произнесениях слова (26Г) информантом ЛАЛ не превышает длительности первого гласного [i], а уступает ему: как незначительно (на 8—10 мсек., на 6—7%, в произн. 1 и 4), так и более заметно (примерно на 25 мсек., на 17—20%, в произн. 2 и 3).

Следует, однако, отметить, что гласный [i] первого слога в произнесениях слова (25Г) звучит с большей интенсивностью, чем гласный второго слога. Так, максимальная интенсивность [i] первого слога может превосходить пиковую интенсивность гласного второго слога в этих произнесениях как незначительно, на 0,4 дБ (произн. 1), так и более — примерно на 1,7 дБ (произн. 2), а средняя интенсивность — на 2 и 3,2 дБ соответственно. Получается, что, несмотря на большую длительность гласного [i] второго слога в абсолютном конце фонетического слова (25Г), экспираторно выделенным оказывается гласный [i] первого слога.

¹¹ Здесь и далее мы не отмечаем символом ^j «мягкость» аффрикаты *te*, т. к. эта аффриката является палатальной, а не палатализованной.

Показатели средней интенсивности обоих гласных в произнесениях слова (26Г) численно сопоставимы. При этом максимальная интенсивность второго гласного может превышать пиковую интенсивность первого — на 1 дБ (произн. 1) и даже на 3 дБ (произн. 4), — что связано с резким скачком интенсивности после глухой аффрикаты.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного в произнесениях слов (25Г) и (26Г) составляет примерно 1—2,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1—4,8 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого. Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога убывает относительно быстро и резко (см. контуры интенсивности в *Приложении*, (25Г)). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога двух произнесений слова (25Г) и четырех произнесений слова (26Г) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(25Г) *jir'i* [jír'i] [СУГ: 1]: 78,98 / 80,28 / 81,03 / 81,55 / 82,05 / 82,52 / 82,76 (max) / 82,71 / 82,51 / 82,11 / 81,25 / 79,42 / 77,12 / 76,34 / 75,73 / 73,75 / 71,89 / 70,60 / 68,19 (min); средняя — 80,28 дБ;

(25Г) *jir'i* [jír'i] [СУГ: 2]: 75,68 / 77,86 / 78,97 / 79,19 / 79,10 / 78,95 / 79,05 / 79,20 / 79,22 (max) / 79,05 / 78,18 / 76,38 / 74,30 / 73,72 / 73,54 / 72,18 / 70,37 / 69,05 / 68,50 / 67,87 / 66,50 / 64,32 (min); средняя — 76,03 дБ;

(26Г) *n'ic'i?* (*n'itei?*) [n'ítei?] [ЛАЛ: 1]: 83,74 / 85,70 / 86,01 (max) / 85,36 / 84,29 / 83,23 / 82,73 / 82,83 / 82,30 / 80,68 / 78,79 / 77,66 / 76,51 / 74,57 (min); средняя — 82,78 дБ;

(26Г) *n'ic'i?* (*n'itei?*) [n'ítei?] [ЛАЛ: 2]: 81,63 / 83,44 / 83,81 (max) / 83,50 / 83,12 / 82,78 / 82,80 / 82,69 / 82,01 / 80,66 / 78,39 (min); средняя — 82,78 дБ;

(26Г) *n'ic'i?* (*n'itei?*) [n'ítei?] [ЛАЛ: 3]: 81,97 / 84,35 / 84,85 (max) / 84,42 / 83,75 / 83,12 / 82,78 / 82,52 / 82,19 / 82,06 / 82,07 / 81,42 / 79,83 / 77,75 / 75,48 (min); средняя — 82,19 дБ;

(26Г) *n'ic'i?* (*n'itei?*) [n'ítei?] [ЛАЛ: 4]: 83,57 / 86,32 / 87,55 / 87,61 / 87,77 (max) / 86,20 / 84,25 / 83,35 / 83,17 / 82,97 / 82,67 / 82,35 / 82,11 / 81,70 / 79,79 / 75,96 / 73,08 / 70,68 (min); средняя — 82,97 дБ.

Частота основного тона в произнесениях слов (25Г) и (26Г) информантами СУГ и ЛАЛ повышается на гласном [i] первого слога примерно на 20—40 Гц, а затем понижается к концу фонетических слов довольно значительно и резко — на 60—100 Гц. См. контуры ЧОТ в произнесениях слов (25Г) и (26Г) в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структур /CiCi/ и /CiCi?/ характерно ударение на гласном первого слога. Для слова структуры /CiCi/ основным акустическим коррелятом словесного ударения при выделении узкого гласного [i] первого слога в первую очередь оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным; темпорального маркирования ударного гласного [i] первого слога в фонетических словах с открытым вторым слогом часто может не происходить по причине протяжного произнесения конечного слога перед паузой. Для слова структуры /CiCi?/ темпоральный параметр оказывается более значим, а экспираторный — менее. Видимо, как дополнительный акустический коррелят ударения для слов обеих указанных структур можно рассматривать повышающийся тон на ударном гласном первого слога, который затем резко понижается на втором слоге.

О том, что ударение в словах (25Г) и (26Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы аккузатива единственного числа: (25Г) [jír'im(?)] (*yiryi-m*) ACC.SG; (26Г) [n'íteim(?)] (*nyĩncyih-m*) ACC.SG [СУГ, ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных фонетических слов данных слоговых структур обобщены нами в *Таблице 2*.

Таблица 2

/CiCi/		
[i] первого слога		[i] / [i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2
/CiCi?/		
[i] первого слога		[i] / [i] второго слога
Д1	> / =	Д2
И1	=	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Данные слова не зафиксированы в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому. Однако, как уже было подробно разобрано в работе [Амелина 2016б: 12], выявленный нами факт, что ударный гласный [i] первого слога может не превышать по длительности безударный [i] ([I]) второго слога (открытого конечного или даже закрытого гортанным смычным), подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта: О *jīrī*, ОР *jīr'ṛ'ṛ'* [Lehtisalo 1956: 129b]; О *n'in'ṛ'ṛ'ṛ'* [Lehtisalo 1956: 325b].

Наш вывод о месте ударения на первом слоге в слове (26Г) косвенно подтверждается также данными Т. Салминена: (26Г) *nyĩncyih* (N ng+o (~ +ye)), NYIHSYING [Salminen 1998: 268, 494] ~ *nyĩncyah* (N ng+o), NYIHSYANG [Salminen 1998: 267]. Вариативность этого слова с разными гласными во втором слоге (i или a) свидетельствует в пользу ударения на первом слоге, т. к. гласный первого слога остается неизменным, а, следовательно, выделенным, гласный же второго слога может претерпевать изменения и редукцию.

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 11—15].)

1.1.2. В гыданском диалекте Т ненец. имеются слова слоговой структуры [CīCī] / [CīCī] (в фонологической записи Т. Салминена — CīCī° с зиянием и фонемой ° в абсолютном конце), где первый согласный мягкий (27Г), и [CīCī] / [CīCī]=[CəCī]¹² (в фонологической записи Т. Салминена — CīCī° с зиянием и фонемой ° в абсолютном конце), где оба согласных твердые (28Г). В *Таблице 3* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [i] ([I]) и [i] ([i]=[ə]) в первом и втором слогах фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. восемь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и ЧОТ в *Приложении*, (27Г) и (28Г)):

[CīCī] / [CīCī] (CīCī°)

(27Г) *ipy* (вост.) ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’ [Терещенко 1965: 147, 150], *yiri*° (N e~iə), YIRE~IØ [Salminen 1998: 59, 542], О *jīrī*, ОР *jīr'ṛ'ṛ'*, Sj. *jīrī*, U *jīrī*, N *jerī* ‘Mond; Monat’ ‘луна; месяц’ [Lehtisalo 1956: 129a]; ср. Л *ḍīḍi* ‘луна, месяц (небесное светило); месяц (часть года)’ [Бармиц, Вэлло 2002: 30], *ḥi'li* ‘луна, месяц’, ‘месяц (время года)’ [Попова 1978: 22], S, Kis. *jīlī*, Nj. *jīr'ṛ'ṛ'* ‘Mond; Monat’ ‘луна; месяц’ [Lehtisalo 1956: 129a] < ПСС der. **jirz-* ‘Mond; Monat’ ‘луна; месяц’ [Janhunen 1977: 28];

[CīCī] / [CīCī]=[CəCī] (CīCī°)

(28Г) *nyly* ‘нижний, находящийся внизу, находящийся под кем-либо, чем-либо; являющийся моложе кого-либо, следующий за кем-либо по возрасту; (перен.) упряжной олень’ [Терещенко 1965; 2008: 409], *ngili*° (N e~iə), NGILØ→E~IØ [Salminen 1998: 58], О, T₁, Sj. *nylī* ‘unter, darunter befindlich’ ‘находящийся под чем-либо’ [Lehtisalo 1956: 31b]; ср. Л *ny'ly* ‘нижний’ [Попова 1978: 85], Nj. *nyrī* ‘unter, darunter befindlich’ ‘находящийся под чем-либо’ [Lehtisalo 1956: 31b] < der. ПС **ilā-* ‘Boden, das Untere’ ‘нижний’ [Janhunen 1977: 24].

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этих слов как *yiri*° и *ngili*° [Salminen 1998: 58—59], т. е. с последовательностью гласных фонем i° (зиянием) в абсолютном конце. Напомним, что в фонетической транскрипции мы разграничиваем в записи [i] и [i], в отличие от фонологической записи Т. Салминена, где представлен только символ i.

Как видно из *Таблицы 3*, во всех произнесениях слов (27Г) и (28Г) длительность гласного [i] второго слога (в фонологической записи Т. Салминена — i°) превышает длительность гласного первого слога: на 110—135 мсек., т. е. в относительной длительности примерно на 100—130% (*jiri*°, диктор ЛАЛ, произн. 2 и 4; *jiri*°, диктор СУГ, произн. 1 и 2; *nyli*°, диктор ЛАЛ) и даже на 170—200 мсек., примерно на 150—165% (*jiri*°, диктор ЛАЛ, произн. 1 и 3; *nyli*°, диктор ЯНХ). Отметим, что если разница между относительными длительностями гласных в этих случаях с двуморовым вторым слогом составляет примерно 100—165%, то между длительностями гласных в рассмотренных выше произнесениях слова (25Г) с ударением на первом слоге и одноморовым конечным открытым слоге — всего 63—68%. Это вызвано тем, что абсолютная длительность второго гласного в двуморовом конечном открытом слоге в словах (27Г) и (28Г) составляет примерно 190—300 мсек., а относительная длительность — 173—245%, тогда как аналогичные числовые показатели для второго гласного в одноморовом конечном открытом слоге в слове (25Г) составляют примерно 205—230 мсек. и 150—175% соответственно.

В произнесениях информанта ЛАЛ числовые показатели по максимальной и средней интенсивности гласных оказываются практически сопоставимы: только в произн. 1 слова (27Г) средняя интенсивность гласного 1С превосходит среднюю интенсивность гласного 2С на 1 дБ, только в произн. 2 слова (27Г) пиковая интенсивность первого гласного превышает максимальную интенсивность второго на 1,5 дБ,

¹² Здесь и далее символом ə, наряду с ɨ, обозначен ненапряженный, редуцированный, более низкий по подъему [i].

Таблица 3

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[i] ([i] в 1С и [i] во 2С ([i]/[i]—[i]) // (i—i°), по [Salminen 1998: 59, 167, 542] [CiCi] ([CiCi] // CiCi°, по [Salminen 1998: 59, 167, 542])								
27Г	<i>jiri</i> ^o [jiri] (505 мсек.)	112 (89%) ¹³	83,83 (83,17)	240-264- 255 ¹⁴	300 (238%)	83,68 (82,06)	230-128-139	ЛАЛ (1)
	<i>jiri</i> ^o [jiri] (443 мсек.)	123 (111%)	85,21 (82,16)	226-241-235	242 (219%)	83,67 (81,83)	218-157-137	ЛАЛ (2)
	<i>jiri</i> ^o [jiri] (415 мсек.)	87 (84%)	83,82 (82,86)	215	254 (245%)	83,76 (82,30)	204-176 (196)	ЛАЛ (3)
	<i>jiri</i> ^o [jiri] (415 мсек.)	90 (87%)	83,41 (82,80)	205	223 (215%)	83,35 (82,93)	190-179-162 (186)	ЛАЛ (4)
	<i>jiri</i> ^o [jiri] (435 мсек.)	100 (92%)	82,81 (82,31)	230-273	211 (194%)	80,30 (79,74)	200-141-149 (164)	СУГ (1)
	<i>jiri</i> ^o [jiri:] ¹⁵ (515 мсек.)	94 (73%)	82,91 (82,53)	209-258	225 (175%)	83,67 (79,23)	193-144-151	СУГ (2)
[i] ([i]=[e]) в 1С и [i] во 2С ([i]/[i]—[i]) // (i—i°), по [Salminen 1998: 58, 498] [CiCi] ([CiCi]=[CeCi]) // CiCi°, по [Salminen 1998: 58, 498])								
28Г	<i>nili</i> ^o [nili] ([neili]) (493 мсек.)	56 (45%)	87,71 (85,07)	150-158 (155)	257 (209%)	82,43 (81,61)	169-189-152- 171 (175)	ЯНХ (1)
	<i>nili</i> ^o [nili] ([neili]) (447 мсек.)	58 (52%)	83,56 (83,39)	195	193 (173%)	84,14 (83,59)	186-159 (177)	ЛАЛ (1)

что не является значительными величинами с учетом общеречевой тенденции. В произнесениях информанта СУГ средняя интенсивность первого гласного превышает среднюю интенсивность второго примерно на 2,6—3,3 дБ (соотношение по максимальной интенсивности при этом может быть различным). В произнесении слова (28Г) диктором ЯНХ интенсивность гласного первого слога превосходит интенсивность [i] второго слога более заметно: максимальная — более чем на 5 дБ (5,3 дБ), средняя — примерно на 3,5 дБ. Следует учитывать при этом общеречевую тенденцию произносить начало фонетического слова с большей громкостью и чёткостью, чем его конец.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,2—3 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,5—2 дБ (и всего в одном произнесении диктора СУГ — 4,5 дБ). Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в словах (27Г) и (28Г) убывает медленнее и не так резко, как в рассмотренном выше фонетическом слове (25Г), и таким образом дольше остается относительно высокой (см. контуры интенсивности слов (27Г) и (28Г) в *Приложении*). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений фонетических слов (27Г) и (28Г) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

¹³ Для слов (27Г) и (28Г) относительная длительность гласных в % высчитывается с учетом того, что фонетические слова состоят из четырех фонетических сегментов (а не пяти фонологических).

¹⁴ Частота основного тона в начале произнесения [j] составляет 216 Гц.

¹⁵ Здесь с помощью знака двоеточия отмечена многоударность [r].

(27Г) [jiri°] [ЛАЛ: 1]: 82,49 / 81,97 / 81,87 / 82,18 / 82,45 / 82,48 / 82,22 / 81,65 / 81,26 / 80,99 / 81,04 / 81,84 / 82,92 / 83,68 (max) / 83,54 / 82,92 / 82,79 / 82,99 / 82,61 / 82,32 / 82,45 / 81,85 / 80,65 / 79,15 / 77,30 / 75,09 / 72,56 / 69,01 (min); средняя — 82,06 дБ;

(27Г) [jiri°] [ЛАЛ: 2]: 83,67 (max) / 83,51 / 83,37 / 82,64 / 82,08 / 81,78 / 81,76 / 81,80 / 81,78 / 81,84 / 81,75 / 81,60 / 81,83 / 82,22 / 82,25 / 82,10 / 81,99 / 82,07 / 82,15 / 81,71 / 81,33 / 81,24 / 80,45 / 78,22 (min); средняя — 81,83 дБ;

(27Г) [jiri°] [ЛАЛ: 3]: 82,95 / 83,76 (max) / 83,23 / 82,52 / 82,39 / 82,34 / 82,25 / 82,16 / 82,27 / 82,38 / 82,19 / 82,04 / 82,34 / 82,58 / 82,35 / 81,97 / 81,90 / 82,09 / 82,59 / 82,59 / 80,73 / 77,14 / 74,51 / 72,07 (min); средняя — 82,30 дБ;

(27Г) [jiri°] [ЛАЛ: 4]: 83,21 / 83,03 / 82,66 / 82,47 / 82,61 / 83,07 / 83,32 / 83,15 / 82,90 / 82,93 / 83,07 / 82,99 / 82,93 / 82,85 / 82,98 / 83,35 (max) / 83,12 / 81,85 / 79,48 / 76,39 / 73,67 (min); средняя — 82,93 дБ;

(27Г) [jiri°] [СУГ: 1]: 79,23 / 79,67 / 79,72 / 79,85 / 79,97 / 79,91 / 79,68 / 79,74 / 80,00 / 79,99 / 80,03 / 80,23 / 80,25 / 80,30 (max) / 79,81 / 78,35 / 75,61 / 73,01 / 71,71 / 70,13 (min); средняя — 79,74 дБ;

(27Г) [jiri°] [СУГ: 2]: 83,67 (max) / 82,84 / 81,37 / 80,82 / 80,94 / 80,72 / 80,08 / 79,63 / 79,77 / 79,85 / 79,48 / 78,97 / 78,96 / 79,16 / 78,89 / 77,73 / 75,74 / 73,06 / 70,13 / 68,14 / 66,30 / 63,51 (min); средняя — 79,23 дБ;

(28Г) [ɲili°] ([ɲəli°]) *ɲili°* [ЯНХ: 1]: 81,96 / 82,43 (max) / 82,26 / 81,54 / 81,06 / 81,17 / 81,74 / 81,85 / 81,23 / 81,46 / 82,25 / 82,23 / 81,85 / 81,67 / 81,87 / 82,31 / 82,24 / 81,37 / 80,08 / 78,94 / 76,85 / 72,89 / 69,56 / 67,77 (min); средняя — 81,61 дБ;

(28Г) [ɲili°] ([ɲəli°]) *ɲili°* [ЛАЛ: 1]: 83,22 / 83,60 / 83,93 / 84,14 (max) / 84,04 / 83,80 / 83,82 / 83,92 / 83,81 / 83,66 / 83,58 / 83,47 / 83,44 / 83,38 / 83,19 / 82,01 / 78,80 / 73,22 (min); средняя — 83,59 дБ.

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то тон обычно повышается на гласном первого слога: примерно на 15—25 Гц в некоторых произнесениях диктора ЛАЛ (*jiri°*, произн. 1 и 2) и даже на 40—50 Гц в произнесениях информанта СУГ (*jiri°*, произн. 1 и 2), — а затем понижается на втором слоге. Общее понижение частоты основного тона к концу фонетических слов по сравнению с наибольшей ЧОТ на гласном первого слога составляет при этом 100—135 Гц. Однако возможны также произнесения без повышения тона на гласном первого слога, в этих случаях общее понижение частоты основного тона к концу фонетических слов не превышает 20—40 Гц (*jiri°*, диктор ЛАЛ, произн. 3 и 4; *ɲili°*, диктор ЛАЛ). Кроме того, в *Таблице 3* зафиксировано также небольшое (не более 40 Гц) повышение частоты основного тона на гласном не первого, а второго слога в произнесении слова (28Г) диктором ЯНХ. См. контуры частоты основного тона произнесений слов (27Г) и (28Г) в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов (27Г) и (28Г) характерно ударение на втором слоге. Акустическим коррелятом словесного акцента в этом случае является в первую очередь бóльшая длительность ударного гласного второго слога по сравнению с безударным (при сохранении при этом довольно высокой средней интенсивности на гласном второго слога в большинстве случаев). В идиолекте диктора ЯНХ повышение частоты основного тона на ударном гласном второго слога, возможно, является дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента.

О том, что ударение в словах (27Г) и (28Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (27Г) [jiri°-m] ACC.SG; (28Г) [ɲili°-m] ACC.SG [ЛАЛ, СУГ, ЯНХ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 4*.

Таблица 4

<i>CiCi°</i> , <i>CiCi°</i> [CiCi°] ([CiCi°]), [CiCi°] ([CiCi°]=[CəCi°])		
[i] ([i]), [i] ([ə]=[i]) первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	> (/ =)	И2
ЧОТ1	> (/ <)	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове (28Г) структуры *CiCi°* в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (28Г) T₁ *ɲiŋi* [Lehti-

salo 1956: 31b], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (\bar{i}). К сожалению, слово (27Г) в записи Т. Лехтисало для тазовского диалекта не зафиксировано (ср., однако, его вариант в говорах другого восточного диалекта — ямальского: О $j\bar{i}r\bar{i}$, ОР $j\bar{i}r\bar{i}r\bar{i}$ [Lehtisalo 1956: 129a] (подробнее см. [Амелина 2016б: 19]).

О том, что в словах (27Г) и (28Г) ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салминеном: (27Г) $yiri^\circ$ (N $e\sim i\emptyset$), $\ddot{Y}IRE\sim I\emptyset$ [Salminen 1998: 59, 542]; (28Г) $ngili^\circ$ (N $e\sim i\emptyset$), $NGIL\emptyset\rightarrow E\sim I\emptyset$ [Salminen 1998: 58, 498]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой / \circ / (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359], т. е. в данном случае ударение приходится на вторые слоги — ri и li .

(Ср. анализ слов данных слоговых структур в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 15—19].)

1.1.3. В Таблице 5 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого слога и второго слога фонетического слова (29Г) слоговой структуры $[C\bar{i}CCiC^\circ C]=[C\bar{i}CCiC^\circ C]^{16}$ / $[C\bar{i}CCiC^\circ C]=[C\bar{i}CCiC^\circ C]$ (в фонологической записи Т. Салминена — $C\bar{i}CCiC^\circ C$). Как пример слова этой структуры нами было выбрано для анализа имя (29Г) *имбыт*“(д) ‘рубашка, рубаха, сорочка; платье (женское)’¹⁷ [Терещенко 1965, 2008: 143], $yimpit^\circ q$ (N $t+o$), $\ddot{Y}IMPIT\emptyset T$ [Salminen 1998: 321], О $j\bar{i}mB\bar{i}t\bar{i}$, ОР $j\bar{i}mb\bar{i}t\bar{i}$, Sj. $j\bar{i}mB\bar{i}t\bar{i}$, U $j\bar{i}mB\bar{i}t\bar{i}$ ‘Hemd’ ‘рубашка, рубаха, сорочка’ [Lehtisalo 1956: 110b] < ПС $*jemp\hat{a}-j\hat{a}t\hat{i}\hat{a}t$ ‘Hemd’ ‘рубашка, рубаха, сорочка’ [Janhunen 1977: 42]¹⁸ < ПС $*jemp\hat{a}$ ‘Kleidung’ ‘одежда, платье’ [Janhunen 1977: 42] (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и ЧОТ в Приложении, (29Г)).

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (29Г) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру $C\bar{i}CCiC^\circ C$ с фонемой / \circ / в третьем, последнем, слоге перед гортанным смычным согласным: $yimpit^\circ q$ (N $t+o$), $\ddot{Y}IMPIT\emptyset T$ [Salminen 1998: 321]. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т. ненец., то в некоторых произнесениях на спектрограммах обнаруживается гласный призвук после [t], однако непоследовательно.

Существительное *пуркыбт*“(д) ‘изголовье, подушка’ [Терещенко 1965, 2008: 498] ($pirkibt^\circ q$ (N $t+o$), $PIRXA\rightarrow iPTA\rightarrow \emptyset T$ [Salminen 1998: 321]), зафиксированное в ямальском диалекте и рассмотренное нами в [Амелина 2016б: 19—21], не является словом с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте, где оно представлено в огласовке *пуркыбт*“(д) [p $\bar{u}r\bar{k}\bar{o}r\bar{t}^\circ?$] / [p $\bar{u}r\bar{k}\bar{o}r\bar{t}^\circ?$] ($purkibt^\circ?$); ср. также диалектные варианты с u в первом слоге в словаре Т. Лехтисало: О₁ $pur\bar{k}\bar{k}\bar{a}p\bar{t}$, Т₁ $pur\bar{k}\bar{k}\bar{a}p\bar{t}$, U $pur\bar{k}\bar{k}\bar{o}p\bar{t}$, U-Ts. $pur\bar{k}\bar{k}\bar{o}-\bar{i}$ ‘Kissen, Kopfkissen’ ‘подушка’ [Lehtisalo 1956: 366a].

Таблица 5

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[i] ([i]) в 1С и [i] во 2С ([i]/[i]—[i]— \circ) // (i—i— \circ), по [Salminen 1998: 321] [C $\bar{i}CCiC^\circ C$] ([C $\bar{i}CCiC^\circ C$)] // C $\bar{i}CCiC^\circ C$ (C $\bar{i}CCiC^\circ C$), по [Salminen 1998: 321]								
29Г	$j\bar{i}mpit^\circ?$ [j $\bar{i}mb\bar{i}t\bar{i}^h(\circ)$] (743 мсек.) ¹⁹	91 (86%)	86,33 (84,43)	212	168 (158%)	87,10 (83,01)	238-262-239- 226 (249)	СУГ (1)
	$j\bar{i}mpit^\circ?$ [j $\bar{i}mp\bar{i}t\bar{i}^h\bar{a}?$] (715 мсек.) ²⁰	57 (64%)	83,48 (82,94)	204	80 (90%)	86,48 (84,08)	259-281-272 (271)	СУГ (2)

¹⁶ Символом ? здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный (= ” в записи Н. М. Терещенко, q — в обозначении Т. Салминена).

¹⁷ В гыданском диалекте слово *имбыт*“(д) употребляется только в значении ‘платье (женское)’ (ср., наоборот, в другом восточном диалекте, ямальском, — только в значении ‘рубашка, рубаха’).

¹⁸ В [Janhunen 1977: 14] указано, что t^i обозначает либо c, либо t, а t^3 — c, k, s или t.

¹⁹ В данном произнесении зафиксирован смычный [t] с турбулентным шумом (аспирацией) в конечной фазе. В данном произнесении не представлен гортанный смычный согласный [?] в абсолютном конце. Относительная длительность данного фонетического слова рассчитывается с учетом семи сегментов.

²⁰ В данном произнесении зафиксирован смычный [t] с турбулентным шумом (аспирацией) в конечной фазе. В данном произнесении представлен гортанный смычный согласный [?] в абсолютном конце. Относительная длительность данного фонетического слова рассчитывается с учетом восьми сегментов.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного второго слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В приведенных здесь для примера произнесениях слова (29Г) диктором СУГ длительность гласного [i] второго слога превосходит длительность гласного первого слога на 77 и 23 мсек. (на 72% и 26% соответственно). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного [i] второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: (28Г) 1:1,8 [СУГ: 1]; (28Г) 1:1,4 [СУГ: 2], — т. е. длительность гласного второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,4—1,8 раза.

При этом средняя интенсивность гласного первого слога может как превосходить среднюю интенсивность гласного [i] второго слога (примерно на 1,5 дБ), что связано с общей речевой тенденцией произносить начало слова более громко и экспираторно выделенно, чем его конец, так и уступать ей (примерно на 1 дБ). Максимальная интенсивность гласного [i] второго слога при этом превышает пиковую интенсивность первого гласного — на 0,8 дБ (произн. 1) и даже на 3 дБ (произн. 2). См. контуры интенсивности данных произнесений слова (29Г) в *Приложении*.

Что касается динамики частоты основного тона, то следует отметить, что тон повышается на гласном [i] второго слога довольно значительно — примерно на 50—70 Гц по сравнению с ЧОТ на гласном первого слога. См. контуры частоты основного тона в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры [CiCCiC^(o)C] (C'iCCiC^oC) характерно ударение на гласном [i] второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются большая длительность (темпоральная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность), а также довольно высокая интенсивность ударного гласного по сравнению с безударным. При этом параметр темпоральной выделенности можно считать основным акустическим коррелятом ударения, а тональное и экспираторное маркирование — дополнительными.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированного фонетического слова обобщены нами в *Таблице 6*.

Таблица 6

CiCCiC ^o C [CiCCiC ^(o) C] / [CiCCiC ^(o) C]		
[i] ([I]) первого слога		[i] второго слога
Д1	<	Д2
И1	< (= / >)	И2
ЧОТ1	<	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [CiCCiC^(o)C] / [CiCCiC^(o)C] (CiCCiC^oC) в гыданском диалекте не может быть напрямую подтвержден данными, представленными в словаре [Lehtisalo 1956], т. к. это слово не зафиксировано в нем для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, а только для другого восточного — ямальского: О *jimB^fjtst*, ОР *jimbjt^fjtst* [Lehtisalo 1956: 110b].

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: *yimpit^oq* (N *t+o*), *YIMPITOT* [Salminen 1998: 321]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой /^o/, что согласуется с нашими полевыми данными.

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 19—21].)

1.2. Акцентные характеристики фонетических слов с аллофонами противопоставленных по долготе гласных фонем верхнего подъема \bar{i} / \bar{i} и i / i в гыданском диалекте

Как уже было отмечено выше, в тундровом ненецком языке, в том числе и в гыданском диалекте, гласные верхнего подъема противопоставлены по долготе: существуют нейтральные по длительности [i] и [i] и долгие [ī] и [ī]. В этом разделе мы рассмотрим просодические характеристики слов с [ī] и [ī] в

первом слоге и [i] и [i] во втором слоге, отделяя их от проанализированных выше слов с нейтральными по длительности гласными верхнего подъема в обоих слогах.

1.2.1. В гыданском диалекте Т ненец. имеются слова слоговой структуры [C̣iC̣(i)C̣i(ʔ)] / [C̣iC̣(i)C̣i(ʔ)] (30Г, 31Г) с возможным «звонким» гортанным смычным в абсолютном конце (C̣*i*CC̣*i*(C))²¹. В *Таблице 7* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов указанной структуры. Как примеры слов этой структуры нами были выбраны для анализа следующие имена:

(30Г) пибти'(н) 'нижняя губа' [Терещенко 1965, 2008: 461], *pyibtyih* (N ng+o, ~ +ye), PYIPTUYING [Salminen 1998: 269], O₁ pīB̄ṭṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ', T₁ pīB̄ṭṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ', T₂ pīptṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ', S_j. pīptṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ', U-Ts. pīβṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ', N pīβṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ' 'Unterlippe' 'нижняя губа' [Lehtisalo 1956: 386b]; ср. Л *nunmūy*, *nunchi* 'нижняя губа' [Бармич, Вэлло 2002: 111], *pīp't'ij* 'нижняя губа' [Попова 1978: 103], S *pīp'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, Kis. *pīp'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, Nj. *pīB̄ṭṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, P₁ *pīp'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, P₂ *pīB̄ṭṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'* 'Unterlippe' 'нижняя губа' [Lehtisalo 1956: 386b] < ПС **peptän* / **peptäj* ~ **piptän* / **piptäj* (энец., ненец. < ? **piāptän* / **piāptāj*) 'Lippe (Unterlippe)' 'губа (нижняя губа)' [Janhunen 1977: 122];

(31Г) пирци 'желудок птицы' [Терещенко 1965, 2008: 469] (гыданский диалектный вариант можно было бы записать как *purchu*), *pyircyvi* (N yī≐), PYÍRSYI²² [Salminen 1998: 273] ~ *pyircyih* (N ng+o, ~ +ye), PYÍRSYING [Salminen 1998: 268], O *pīr'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, S_j. *pīr'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'* 'Kropf des Vogels' 'зоб птицы', K *pīr'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'* 'Kropf des Vogels; Blättermagen' 'зоб птицы; желудок', ŌP *pīr'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'* 'Blättermagen' 'желудок' [Lehtisalo 1956: 385b]; ср. Л *pīlšā* 'желудок птицы'²³ [Попова 1978: 102], S *pīl'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'*, P *pīl'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'ṭ'* 'Blättermagen' 'желудок' [Lehtisalo 1956: 385b] < ПС **pirkä* (~ **perkä*) 'Bauch' 'живот, желудок' [Janhunen 1977: 122].

См. десять осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и ЧОТ в *Приложении*, (30Г) и (31Г).

Отметим, что в работе [Salminen 1998] предложена фонологическая интерпретация этих слов с долгим гласным *i* в первом слоге (в записи Т. Салминена символом *i* обозначается долгая фонема верхнего подъема переднего ряда), однако указано также на то, что такая интерпретация не бесспорна и что вероятность наличия в первом слоге нейтральной по длительности гласной фонемы *i* все же остается (символ *i̇* с подчеркиванием в записи Т. Салминена обозначает, что мы, вероятно, имеем дело с долгой *i*, но возможно, хотя и менее вероятно, — с нейтральной *i*). В словаре Н. М. Терещенко эти имена записаны как слова с нейтральным по длительности (а не долгим) гласным в первом слоге, хотя в некоторых других случаях долгая фонема *i̇* получает свое обозначение в этой работе (как *i̇*).

Подобно ямальскому диалекту, в гыданском идиоме существительное *уысы* (~ б.-з. *уэсы*) 'стоянка, стойбище, парма (стоянка из нескольких чумов); оседлое поселение, поселок, деревня, село' [Терещенко 1965, 2008: 410, 423] (ср.: (Eastern) *ngisi* (N i≐), NGESO(→i)→I [Salminen 1998: 272] ~ Western, Central *ngesi*) фиксируется не как [ŋi̇si], а как [ŋesi], поэтому не привлекается нами здесь к дальнейшему рассмотрению.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность долгого гласного *i̇* первого слога превышает длительность гласного второго слога в произнесениях слова (30Г) *p'ṭbt'i̇?* диктором ЛАЛ: на 14—25 мсек., т. е. примерно на 10—20% (произн. 1, 3 и 4), и даже на 56 мсек., на 54% (произн. 2). Однако в произнесениях слова (31Г) *p'ṭrtei(ʔ)* диктором ЛАЛ длительность гласного открытого второго слога может превышать длительность *i̇* первого слога: на 10—30 мсек., на 10—27% (произн. 3—6), и даже примерно на 50—65 мсек., на 40—58% (произн. 1 и 2), — что, вероятно, связано с возможностью протяжного произнесения гласного в открытом конечном слоге перед паузой.

В абсолютном большинстве произнесений слов (30Г) и (31Г) диктором ЛАЛ интенсивность гласного *i̇* первого слога превосходит интенсивность второго гласного: максимальная — примерно на 0,5 дБ (*p'ṭrtei(ʔ)*, произн. 1), на 2—3 дБ (*p'ṭbt'i̇?*, произн. 1 и 4; *p'ṭrtei(ʔ)*, произн. 3, 4 и 6) и даже на 4—5,5 дБ (*p'ṭbt'i̇?*, произн. 2; *p'ṭrtei(ʔ)*, произн. 2 и 5); средняя — на 0,5—3 дБ и даже примерно на 4,5 дБ (*p'ṭbt'i̇?*, произн. 2; *p'ṭrtei(ʔ)*, произн. 6). Только в одном произнесении слова *p'ṭbt'i̇(ʔ)* (произн. 3) и слова *p'ṭrtei(ʔ)* (произн. 1) информантом ЛАЛ показатели интенсивности гласного первого и второго слогов оказываются численно сопоставимы: разница не превышает 0,2—0,4 дБ, что не может считаться значительной величиной.

²¹ Символ *i̇* с подчеркиванием в записи Т. Салминена обозначает, что мы, вероятно, имеем дело с долгой фонемой *i*, но возможно, хотя и менее вероятно, — с нейтральной по длительности фонемой *i*.

²² Видимо, в гыданском диалекте представлен вариант слова (31Г) без «звонкого» гортанного смычного в абсолютном конце.

²³ Ср. *pīlšā* 'высокий' [Попова 1978: 102].

Таблица 7

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ī] в 1С и [i] ([i]) во 2С ([ī]—[i]/[i]) // (ī—i), по [Salminen 1998: 268, 269] [C̄īC(̄)C̄ī(?)] / [C̄īC(̄)C̄ī(?)] (C̄īCC̄ī(?) // C̄īCC̄ī(C), по [Salminen 1998: 268, 269]								
30Г	<i>p̄ʔbt̄ī</i> ²⁴ [p̄ʔpt̄ī] ²⁵ (540 мсек.)	154 (143%)	86,48 (81,59)	207-165	140 (130%)	84,48 (81,64)	189-133-103	ЛАЛ (1)
	<i>p̄ʔbt̄ī?</i> [p̄ʔb̄t̄ēī] (525 мсек.)	154 (147%)	85,47 (81,91)	199-164 (185)	98 (93%)	79,99 (77,56)	186-123	ЛАЛ (2)
	<i>p̄ʔbt̄ī?</i> [p̄ʔb̄t̄ēī] (663 мсек.)	195 (147%)	88,39 (82,42)	206-181 (200)	170 (128%)	88,77 (82,00)	231-248-217- 204	ЛАЛ (3)
	<i>p̄ʔbt̄ī</i> ²⁶ [p̄ʔb̄t̄ēī?] (880 мсек.)	179 (122%)	89,76 (82,41)	201-171 (191)	165 (112%)	86,51 (81,59)	234-251-220 (240)	ЛАЛ (4)
31Г	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (560 мсек.)	100 (89%)	83,98 (82,62)	207-217 (214)	165 (147%)	83,53 (82,37)	208-153-128	ЛАЛ (1)
	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (573 мсек.)	111 (97%)	88,58 (84,62)	215-221-207 (217)	158 (137%)	84,80 (82,07)	209-152-134	ЛАЛ (2)
	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (560 мсек.)	109 (97%)	85,39 (82,88)	215-198 (209)	120 (107%)	82,63 (80,04)	200-155-127	ЛАЛ (3)
	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (532 мсек.)	100 (94%)	87,15 (83,26)	220-240-233 (233)	128 (121%)	84,32 (82,03)	203-111	ЛАЛ (4)
	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (560 мсек.)	131 (117%)	88,67 (83,34)	214-243-238 (233)	150 (134%)	84,33 (82,83)	198-139-109	ЛАЛ (5)
	<i>p̄ʔrc̄ī(?)</i> (<i>p̄ʔr̄t̄ēī(?)</i>) [p̄ʔr̄t̄ēī] (583 мсек.)	120 (103%)	83,63 (83,22)	197-187 (194)	145 (128%)	80,90 (78,48)	188-146- [155] (174)	ЛАЛ (6)

Следует обратить внимание на тот факт, что интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога в фонетических словах (30Г) и (31Г) убывает относительно быстро и резко (см. контуры интенсивности данных слов в *Приложении*). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений фонетических слов (30Г) и (31Г) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

²⁴ Относительная длительность гласных в первых трех произнесениях слова (30Г) диктором ЛАЛ рассчитывается с учетом пяти фонетических сегментов — без гортанной смычной фонемы /ʔ/, которая не имеет в этих произнесениях фонетической сегментной реализации.

²⁵ Обращаем внимание на аффрикатизацию /tʃ/ в гыданском диалекте.

²⁶ В четвертом произнесении слова (30Г) относительная длительность гласных рассчитывается с учетом шести сегментов, в том числе гортанной смычки.

(30Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩbt̪i' [ЛАЛ: 1]: 81,20 / 83,82 / 84,48 (max) / 83,77 / 82,67 / 82,05 / 81,70 / 81,64 / 81,47 / 80,26 / 77,68 / 74,81 / 71,85 (min); средняя — 81,64 дБ;

(30Г) [p'ĩbt̪eɪ] p'ĩbt̪i' [ЛАЛ: 2]: 77,56 / 79,69 / 79,99 (max) / 79,05 / 77,56 / 75,89 / 74,37 / 72,64 / 69,65 (min); средняя — 77,56 дБ;

(30Г) [p'ĩbt̪eɪ] p'ĩbt̪i' [ЛАЛ: 3]: 86,91 / 88,70 / 88,77 (max) / 88,11 / 85,73 / 83,23 / 82,07 / 81,81 / 81,78 / 81,76 / 81,92 / 82,09 / 82,09 / 81,94 / 81,13 / 78,80 / 74,53 (min); средняя — 82,00 дБ;

(30Г) [p'ĩbt̪eɪ] p'ĩbt̪i' [ЛАЛ: 4]: 83,71 / 86,31 / 86,51 (max) / 85,91 / 83,83 / 81,91 / 81,20 / 81,36 / 81,66 / 81,74 / 81,59 / 81,43 / 81,48 / 81,53 / 80,99 / 78,98 (min); средняя — 81,59 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 1]: 79,09 / 81,75 / 83,06 / 83,53 (max) / 83,46 / 83,18 / 82,90 / 82,73 / 82,50 / 82,37 / 81,95 / 80,73 / 78,65 / 75,71 / 72,51 (min); средняя — 82,37 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 2]: 83,92 / 84,80 (max) / 84,47 / 83,64 / 82,88 / 82,49 / 82,16 / 81,99 / 81,95 / 81,97 / 81,98 / 81,44 / 79,57 / 76,29 (min); средняя — 82,07 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 3]: 77,23 / 80,84 / 82,45 / 82,63 (max) / 81,88 / 80,93 / 80,04 / 79,16 / 77,54 / 74,72 / 71,62 (min); средняя — 80,04 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 4]: 79,32 / 82,73 / 84,22 / 84,23 / 84,32 (max) / 83,46 / 82,87 / 82,44 / 81,62 / 80,17 / 78,35 / 76,41 / 73,34 (min); средняя — 82,03 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 5]: 81,19 / 83,80 / 84,33 (max) / 83,85 / 83,17 / 82,86 / 83,05 / 83,15 / 82,80 / 81,99 / 80,79 / 79,04 / 76,44 / 72,25 (min); средняя — 82,83 дБ;

(31Г) [p'ĩrt̪eɪ] p'ĩrc'i' (p'ĩrteɪ(?)) [ЛАЛ: 6]: 75,33 / 78,49 / 80,24 / 80,90 (max) / 80,56 / 79,65 / 78,86 / 78,48 / 77,92 / 76,57 / 74,15 / 70,81 / 67,48 (min); средняя — 78,48 дБ.

Для большинства произнесений слов (30Г) и (31Г) диктором ЛАЛ характерно понижение частоты основного тона от начала к концу фонетических слов на 40—100 Гц (*p'ĩbt̪i'*, произн. 1 и 2; *p'ĩrteɪ(?)*, произн. 2, 3 и 6). В двух произнесениях (произн. 4 и 5) слова (31Г) *p'ĩrteɪ(?)* информантом ЛАЛ наблюдается небольшое локальное повышение тона на гласном *i* первого слога (на 20—30 Гц), в этих случаях общее падение частоты основного тона к концу фонетических слов по сравнению с наибольшей ЧОТ на гласном первого слога составляет 120—130 Гц. Следует также отметить, что в двух произнесениях слова (30Г) *p'ĩbt̪i'* диктором ЛАЛ (произн. 3 и 4) отмечено повышение частоты основного тона (на 20—50 Гц) на гласном второго слога, что может быть связано с фонетической реализацией звонкого гортанного смычного после второго гласного.

Для рассмотренных выше слов структуры [C'ĩC(i)C'i(?)] / [C'ĩC(i)C'i(?)] (C'ĩCC'i(C)) характерно ударение на гласном [i] первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента в этих фонетических словах в первую очередь является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, а дополнительными — темпоральная выделенность ударного гласного, изначально присущая долговому гласному (*i*), и тональное выделение ударного гласного.

О том, что ударение в словах (30Г) и (31Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также следующие формы: (30Г) [p'ĩb(i)t̪eɪm(?)] / [p'ĩb(i)t̪eɪm(?)] (*pyĩbtyih-m*) ACC.SG; (31Г) [p'ĩr(i)t̪eɪm(?)] (*pyĩrcyi(h)-m*) ACC.SG [ЛАЛ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов слоговой структуры C'ĩCC'i(C) обобщены нами в *Таблице 8*.

Таблица 8

C'ĩCC'i(?) [C'ĩC(i)C'i(?)] / [C'ĩC(i)C'i(?)]		
[i] первого слога		[i] / [i] второго слога
Д1	> / = (/ <)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что ударный гласный *i* первого слога в рассмотренном выше слове (30Г) в гыданском диалекте может выделяться темпорально, подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говора тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (30Г) T₁ p'ĩbt̪i'nd, T₂ p'ĩpt̪i'nd [Lehtisalo 1956: 386b], — гласный первого слога обозначен там символом с диакритикой долготы (*i*). Слово (31Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, а только для ямальского (подробнее анализ диалектной формы этого слова в Т ямал. см. в [Амелина 2016б: 26]).

Наш вывод о месте ударения на первом слоге в словах (30Г) и (31Г) косвенно подтверждается также данными Н. М. Терещенко и Т. Салминена: (30Г) *пибти'(н) ~ пибтя'(н)* [Терещенко 1965, 2008: 461],

pyĩbtyih (N *ng+o*, ~ +*ye*), PYÍPTYING [Salminen 1998: 269] ~ *pyĩbtyah* (N *ng+o*), PYÍPTYANG [Salminen 1998: 267]; (31Г) *nyrcy* ~ *nyrcyã* [Терещенко 1965, 2008: 469], *pyĩrcyi* (N *yi≡*), PYÍRSYI [Salminen 1998: 273] ~ *pyĩrcyih* (N *ng+o*, ~ +*ye*), PYÍRSYING [Salminen 1998: 268] ~ *pyĩrcya* (N *ya→yi*), PYÍRSYA [Salminen 1998: 231]. Вариативность этих слов с разными гласными во втором слоге (*i* или *a*) свидетельствует в пользу ударения на первом слоге, т. к. гласный первого слога остается неизменным, а, следовательно, выделенным, гласный же второго слога может претерпевать изменения и редукцию.

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 21—26].)

1.2.2. В *Таблице 9* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетического слова структуры [CĩCĩ] (CĩCĩ)²⁷. Как пример слова этой структуры нами было выбрано для анализа следующее имя (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и ЧОТ в *Приложении*, (32Г)): (32Г) *лыды* ‘позвоночник; скелет; рост’ [Терещенко 1965, 2008: 197], *lidi°* (N *e~io*), LÍTE~IØ [Salminen 1998: 58], O, T₇ *l̄ĩđĩ* ‘Rückgrat, Wirbelsäule’ ⟨‘хребет, позвоночник’⟩ [Lehtisalo 1956: 227b] (~ OP *l̄ẽđĩ*, Sj. *l̄ẽđĩ*, K *l̄ẽđĩ* [Lehtisalo 1956: 227b]); ср. Л *lyl'tyl* [ʰiːhʰty] ‘позвоночник’ [Попова 1978: 50], Nj. *r̄ĩĩ*, P *l̄ĩĩ* ‘Rückgrat, Wirbelsäule’ ⟨‘хребет, позвоночник’⟩ [Lehtisalo 1956: 227b] < ПС **le-tãjã* (der.) < ПС **le* ‘Knochen’ ⟨‘кость’⟩ [Janhunen 1977: 82].

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этого слова как *lidi°* [Salminen 1998: 58], т. е. с последовательностью гласных фонем *i°* (с зинием) в абсолютном конце и долгим гласным в первом слоге. В словаре Н. М. Терещенко фонологическая долгота гласного первого слога не отмечена. По нашим полевым данным, рассмотренным выше (см. произнесения слова (28Г) дикторами ЯНХ и ЛАЛ), длительность безударного [i] первого слога составляет примерно 55—60 мсек. (45—52%). Что касается слова (32Г), то в его произнесениях длительность гласного первого слога составляет примерно 110—130 сек. (99—117%). К тому же гласный первого слога в слове (32Г) однозначно воспринимается носителями как долгий, а не просто нейтральный по длительности. Как нам кажется, гласный первого слога в этих именах следует признать долгим — [ĩ].

Таблица 9

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ĩ] в 1С и [i] во 2С ([ĩ]—[i]) // (i—i°), по [Salminen 1998: 58]								
[CĩCĩ] // CĩCĩ°, по [Salminen 1998: 58]								
32Г	<i>lidi°</i> [l̄ĩđĩ] (455 мсек.)	113 (99%)	84,50 (83,69)	197	190 (167%)	87,79 (82,32)	191-202-160- 133	ЛАЛ (1)
	<i>lidi°</i> [l̄ĩđĩ] (438 мсек.)	128 (117%)	85,37 (84,45)	195-180 (186)	171 (156%)	85,26 (81,93)	188-144 (162)	ЛАЛ (2)

Как видно из *Таблицы 9*, длительность гласного звука [i] второго слога в рассмотренных выше произнесениях фонетического слова (32Г) превышает длительность гласного первого слога (на 77 и 43 мсек., т. е. на 68% и 39%), несмотря на то что первый гласный является фонологически долгим. Напомним, что разница между относительными длительностями гласных в фонетических словах (27Г) и (28Г) с ударным двумерным вторым слогом и нейтральным по длительности первым гласным составляет примерно 100—165%, а между длительностями гласных в рассмотренных выше произнесениях слова (25Г) с ударением на первом слоге и одномерным конечным открытым слогом — 63—68%. Абсолютная длительность второго гласного в двумерном конечном открытом слоге в произнесениях слова (32Г) составляет примерно 170—190 мсек., а относительная длительность — 156—167%, тогда как аналогичные числовые показатели для второго гласного в одномерном конечном слоге в произнесениях слов (30Г) и (31Г) составляют примерно 100—170 мсек. и 93—147% соответственно.

В двух произнесениях слова (32Г) средняя интенсивность гласного первого слога превосходит среднюю интенсивность гласного второго слога (примерно на 1,5—2,5 дБ), что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей громкостью и четкостью, чем его конец. При этом максимальная интенсивность второго гласного после смычного согласного может как числен-

²⁷ Напомним, что в записи Т. Салминена символом *i* с диакритикой акута обозначается долгий гласный *i*.

но совпадать с пиковой интенсивностью гласного первого слога (произн. 2), так и даже превышать ее (на 3,3 дБ в произн. 1). Интенсивность на протяжении произнесения гласного второго слога при этом убывает постепенно, а не резко, довольно долго оставаясь относительно высокой (см. контуры интенсивности в *Приложении*). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога двух произнесений слова (32Г) с разницей в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(32Г) [l̥ɪd̥i] l̥idi° [ЛАЛ: 1]: 86,16 / 87,79 (max) / 87,06 / 84,91 / 83,00 / 82,38 / 82,32 / 82,37 / 82,37 / 82,26 / 82,30 / 82,20 / 81,73 / 81,32 / 80,45 / 78,27 / 75,19 (min); средняя — 82,32 дБ;

(32Г) [l̥ɪd̥i] l̥idi° [ЛАЛ: 2]: 80,44 / 84,06 / 85,26 (max) / 84,52 / 83,29 / 82,83 / 82,63 / 82,31 / 82,02 / 81,84 / 81,25 / 80,17 / 78,86 / 77,38 / 75,65 / 72,82 (min); средняя — 81,93 дБ.

В рассмотренных выше произнесениях слова (32Г) тон остается довольно ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова — примерно на 40—60 Гц (см. контуры ЧОТ в *Приложении*).

Для рассмотренного выше слова (32Г) характерно ударение на втором слоге. Акустическим коррелятом словесного акцента в этом случае является в первую очередь большая длительность ударного гласного второго слога по сравнению с безударным гласным первого (несмотря на фонологическую долготу первого гласного), а также медленное «затухание» интенсивности (ее поддержание на относительно высоком уровне) на втором гласном.

О том, что ударение в слове (32Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма аккумулятива единственного числа: (32Г) [l̥id̥im(?)] (l̥idi°-m) ACC.SG [ЛАЛ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных произнесений фонетического слова структуры [C̥iC̥i] (в записи Т. Салминена — CiCi°) обобщены нами в *Таблице 10*.

Таблица 10

CiCi° [C̥iC̥i]		
[ī] первого слога		[ī] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [C̥iC̥i] (в записи Т. Салминена — CiCi°) в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говора тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (32Г) T₇ l̥id̥i [Lehtisalo 1956: 227b], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) не только первого (фонологически долгого), но и второго гласного (ī).

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: l̥idi° [Salminen 1998: 58].

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 26—29].)

1.2.3. В гыданском диалекте Т ненец. не представлено слово t̥in̥'ik° 'гусь-гуменник (вид гуся)' (tyinyik° (N ∅≡), TYINYIQXØ [Salminen 1998: 61]) слоговой структуры [C̥iC̥iC̥i] (CiCiCi°)²⁸, рассмотренное как (35Я) в ямальском диалекте (см. [Амелина 2016б: 29—31]). По нашим полевым данным, в гыданском диалекте это имя зафиксировано в варианте с неоднородным вокалическим составом — с фонемой e в первом слоге: t̥'en̥'ik° [t̥'en̥'ik^h] (диктор ЯНХ); ср. теник ябто 'гусь-гуменник' [Терещенко 1965, 2008: 649], tyenyik° (N ∅≡), TYENYIQXØ [Salminen 1998: 61], Sj. t̥'ēññik̥ 'eine Gänseart, russ. гуменник' <'вид гуся, гусь-гуменник'> [Lehtisalo 1956: 513b].

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным аллофонами нейтральной по длительности и долгой гласных фонем верхнего подъема заднего ряда (слоговых структур CiCi, CiCi[?] и даже C̥iC̥Ci^(?)), является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах слоговых структур CiCi[?], C̥iCi[?] и C̥iC̥i[?] с ударением на втором слоге темпоральное выделение ударного гласного, сопровождаемое «незатухающей» интенсивностью на протя-

²⁸ Напомним, что в записи Т. Салминена символом ī с диакритикой акута обозначается долгий гласный.

жении его произнесения, оказывается основным акустическим коррелятом словесного акцента. В словах слоговой структуры *CiCCiC°C* с ударением на втором слоге темпоральное маркирование ударного гласного также является основным акустическим коррелятом ударения, а экспираторное и тональное — второстепенными.

2. Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема заднего ряда, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка

2.1. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными верхнего подъема заднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

2.1.1. В гыданском диалекте Т ненец. представлены слова слоговых структур **[CuCu]** / **[CuC^o]**²⁹ (**CuC^o**) и **[C^uCu]** / **[C^uC^o]**=[C^üC^o]³⁰ (**C^uCu**), где оба слога открытые. В *Таблице 11* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетических слов указанных структур. Как примеры слов этих структур нами были выбраны для анализа следующие имена (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и ЧОТ в *Приложении*, (33Г) и (34Г)):

(33Г) туху ‘муха; личинка (мухи)’ [Терещенко 1965, 2008: 677], *tux^o* (N $\emptyset \equiv$), TUXØ [Salminen 1998: 151], O, Sj. *tùxù*, K *tuxù* ‘heller Wurm, Made (in verdorbenem Fleisch, Fisch)’ <‘светлый червь, опарыш (в гниющем мясе, рыбе)’> [Lehtisalo 1956: 496b]; ср. Л *тухутавсу* ‘большая муха’ [Бармич, Вэлло 2002: 130, 219], *tu'xu* [t^huxu] ‘личинка мухи’ [Попова 1978: 134] (ср. *tuxun'tāpšu* ‘муха’ [Попова 1978: 134]), S *tuxù*, P *tuxù* ‘heller Wurm, Made (in verdorbenem Fleisch, Fisch)’ <‘светлый червь, опарыш (в гниющем мясе, рыбе)’> [Lehtisalo 1956: 496b] < ПС **cuk* (~ **cukā*) ‘Wurm’ <‘червь’> [Janhunen 1977: 34];

(34Г) юху ‘(анат.) сетка, сетчатый желудок (олени)’ [Терещенко 1965; 2008: 819], *yuxu* (N $u \equiv$), YUXU [Salminen 1998: 368, 544], O, Sj., K, U-Ts. *jùxù* (ср. der. U-Ts. *jùxù* [t^hʃə^p]), OP *juxù* ‘Netzmagen’ <‘сетчатый желудок’> [Lehtisalo 1956: 141a]; ср. Л *ху'ху* [h^hoxu] ‘сетчатый желудок оленя’ [Попова 1978: 27] (ср. der. S *jùxijəkki*, Nj. *jùxijəkki*, P *d'ujəkki* ‘Netzmagen’ <‘сетчатый желудок’> [Lehtisalo 1956: 141a]).

В первую очередь следует оговорить, что для имени (33Г) Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как o : *tux^o* (N $\emptyset \equiv$), TUXØ [Salminen 1998: 151]; ср. также возможную прасамодийскую реконструкцию этого имени без гласного или с гласным \hat{a} во втором слоге — ПС **cuk* (~ **cukā*) [Janhunen 1977: 34]. Однако в гыданском диалекте, как и в ямальском, мы имеем дело с фонетическими последовательностями с однородным вокалическим составом (что подтверждают в частности данные словарей: *туху* [Терещенко 1965; 2008: 677]), обусловленным прогрессивной дистантной ассимиляцией гласных после *x*.

Таблица 11

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[u] в 1С и [u] ([\emptyset]) во 2С ([u]—[u]/[\emptyset]) // (u — o), по [Salminen 1998: 151] [CuCu] ([CuC ^o]) // CuC ^o , по [Salminen 1998: 151]								
33Г	<i>tux^o</i> [t ^h úy \emptyset] (365 мсек.)	103 (113%)	87,70 (84,24)	241-275-232	137 (150%)	83,00 (81,65)	189-146 (168)	ВЗГ (1)
	<i>tux^o</i> [túy \emptyset] (287 мсек.)	74 (103%)	84,22 (83,95)	277-287-272 (281)	122 (170%)	83,57 (82,97)	236-169	ВЗГ (2)
[u] ([\mathring{u}]=[\ddot{u}]) в 1С и [u] ([\emptyset]) во 2С ([u]/[\mathring{u}]—[u]/[\emptyset]) // (u — \mathring{u}), по [Salminen 1998: 368, 544] [C ^u Cu] ([C ^u C ^o]=[C ^ü C ^o]) // C ^u Cu, по [Salminen 1998: 368, 544]								
34Г	<i>juxu</i> [j ^h úy \emptyset] ([j ^h úy \emptyset]) (325 мсек.)	119 (146%)	85,05 (82,86)	216-148	95 (117%)	79,64 (78,66)	153-129-115 (143)	ЛАЛ (1)

²⁹ Здесь и далее символом \emptyset обозначен ненапряженный лабиализованный гласный заднего ряда, более низкий по подъему, чем [u].

³⁰ Здесь и далее символами \mathring{u} (u-перечеркнутым) или \ddot{u} (с точкой сверху) обозначен огубленный звук [u], продвинутый вперед после палатальных и палатализованных согласных.

Как следует из данных в *Таблице 11*, возможны разные варианты произнесения данных слов: как с большей длительностью гласного второго открытого (конечного) слога (длительность второго гласного превышает длительность первого на 34—48 мсек., 37—67%, в произнесениях слова (33Г) диктором ВЗТ), так и с большей длительностью первого гласного (она превосходит длительность гласного второго открытого слога на 24 мсек., 29%, в произнесении слова (34Г) диктором ЛАЛ).

При этом во всех рассмотренных выше произнесениях интенсивность гласного первого слога превышает интенсивность гласного второго слога: максимальная — на 0,7 дБ (слово (33Г), произн. 2, диктор ВЗТ) и даже на 4,7—5,5 дБ (слово (33Г), произн. 1, диктор ВЗТ; слово (34Г), диктор ЛАЛ); средняя — на 1 дБ и 2,6—4,2 дБ соответственно (см. контуры интенсивности произнесений данных слов в *Приложении*). Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений фонетических слов (33Г) и (34Г) с разницей примерно в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(33Г) [tʰúyʊ] *tux*^o [ВЗТ: 1]: 81,65 / 82,22 / 82,93 / 83,00 (max) / 82,52 / 82,16 / 81,96 / 81,61 / 81,14 / 80,59 / 79,51 / 77,11 / 72,84 (min); средняя — 81,65 дБ;

(33Г) [túyʊ] *tux*^o [ВЗТ: 2]: 83,12 / 83,35 / 83,22 / 82,91 / 83,03 / 83,57 (max) / 83,35 / 81,86 / 80,91 / 80,35 / 77,78 / 72,72 (min); средняя — 82,97 дБ;

(34Г) [júyʊ] ([júyʊ]) *juxi* [ЛАЛ: 1]: 79,35 / 79,64 (max) / 79,41 / 79,06 / 78,66 / 77,62 / 75,54 / 72,12 / 67,38 (min); средняя — 78,66 дБ.

В произнесениях данных фонетических слов информантами ВЗТ и ЛАЛ наблюдается заметное понижение тона: общее падение тона к концу фонетических слов составляет около 100 Гц. При этом возможно также локальное повышение тона (примерно на 35 Гц) на первом гласном (слово (33Г), произн. 1, диктор ВЗТ). См. контуры частоты основного тона в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структур [CuCu] / [CuCo] (*CuC*^o) и [C'uCu] / [C'uCo]=[C'úCu] (*C'uCu*) характерно ударение на гласном первого слога. Основными акустическими коррелятами словесного ударения при выделении гласного первого слога оказываются бо́льшая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Темпоральная выделенность отходит на второй план, но может быть дополнительным акустическим коррелятом ударения. На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога в слове (33Г), указывает также и прогрессивная дистантная ассимиляция гласных после *x*, в результате которой гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

О том, что ударение в словах (33Г) и (34Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (33Г) [túyʊm(?)] (*tux*^o-*m*) ACC.SG; (34Г) [júyʊm(?)] ([júyʊm]) (*juxi*-*m*) ACC.SG [ЛАЛ, ВЗТ, СУГ].

Результаты анализа просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 12*.

Таблица 12

CúC ^o , C'úCu		
[CúCu] / [CúCo], [C'úCu] / [C'úCo]=[C'úCu]		
[ú] / [ú] ([ú]) первого слога		[u] / [u] второго слога
Д1	< (/ >)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

В словаре Т. Лехтисало слова (33Г) и (34Г) не зафиксированы для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому. По данным словаря Т. Лехтисало, в говорах ямальского диалекта эти имена представлены как О *tùxù* [Lehtisalo 1956: 496b] и О *jùxù*, ОР *juxù* [Lehtisalo 1956: 141a]. В фиксации первого слова не отмечена долгота ни одного гласного. В фиксации второго имени отмечена долгота (длительность) гласного открытого слога в абсолютном конце слова, тогда как длительность ударного гласного первого слога никак не обозначена.

(Ср. анализ слов данных слоговых структур в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 31—33].)

2.1.2. В гыданском диалекте Т ненец. представлены слова слоговой структуры [C'uCu] / [C'òCu]³¹ (*C'uCu*^o), где первый согласный мягкий, а второй твердый. В *Таблице 13* приведены числовые данные по

³¹ Здесь и далее символом ò (с точкой сверху) отмечен продвинутый вперед редуцированный, ненапряженный лабиализованный гласный [u] (более низкий по подъему, чем [u]).

Таблица 13

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[u] ([ö]) в 1С и [u] во 2С ([u]/[ö]—[u]) // (u—u°), по [Salminen 1998: 149, 523; 544] [CuCu] ([C ^ö Cu]) // CuCu° (C ^u Cu°), по [Salminen 1998: 149, 523; 544]								
35Г	<i>t'uku</i> ^{o32} [t ^ö kú] (545 мсек.)	66 (48%)	80,68 (79,36)	266-263-269- 246 (262)	214 (157%)	79,88 (74,53)	227-118	СУГ (1)
	<i>t'uku</i> ^o [t ^ö kú] (584 мсек.)	92 (63%)	78,40 (77,05)	243-264-247 (252)	214 (157%)	78,01 (72,77)	220-139-120	СУГ (2)
	<i>t'uku</i> ^o [t ^ö kú] (627 мсек.)	108 (69%)	81,02 (79,62)	256-297-272 (280)	269 (172%)	81,26 (75,77)	246-139-123- 129	СУГ (3)
36Г	<i>jutu</i> ^o [jötú] (620 мсек.)	116 (75%)	88,52 (83,68)	211-242-(без голоса)	204 (132%)	84,74 (79,88)	206-176-163- 141	СУГ (1)
	<i>jutu</i> ^o [jötú] (535 мсек.)	95 (71%)	81,48 (80,27)	209-236-227	203 (152%)	84,01 (80,10)	225-131	СУГ (2)
	<i>jutu</i> ^o [jötú] (522 мсек.)	72 (55%)	83,70 (82,82)	217-250	209 (160%)	83,29 (81,86)	256-146	СУГ (3)
	<i>jutu</i> ^o [jötú] (505 мсек.)	83 (66%)	83,67 (82,90)	249-306-290	198 (157%)	83,69 (81,42)	278-134	СУГ (4)
	<i>jutu</i> ^o [jötú] (628 мсек.)	84 (54%)	82,89 (81,83)	221-278-261	236 (150%)	84,10 (82,60)	276-129-117	СУГ (5)

длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в произнесениях слов указанной структуры. Как примеры слов этой структуры нами были выбраны для анализа следующие (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (35Г) и (36Г)):

(35Г) тюку ‘этот, эта, это’ [Терещенко 1965; 2008: 696], *tyuku*^o (N o~uø), TYUQXO~UØ [Salminen 1998: 149, 523] (~ *tyuki*^o), O₁, T₂ *t^öukkü*, O₂, T₁, T₄, S_j., U, U-Ts., N *t'ukkü*, OP *t'ukkü* (~ O₁ *t^öukkü*) ‘dieser hier’ ‘этот, эта, это’ [Lehtisalo 1956: 520a]; ср. Л *чуки* ‘этот, эта, это’ [Бармич, Вэлло 2002: 147], *t'u'koj* ‘этот’ [Попова 1978: 133], Lj. *t^öökü*, Ni. *t^öökü* (~ Lj. *t^öökü*, S *t^öökü*, Kis. *t^öökü*, P *t^öökü*) ‘dieser hier’ ‘этот, эта, это’ [Lehtisalo 1956: 520a] < ПС **tü(-)* ‘dieser’ ‘этот, эта, это’ [Janhunen 1977: 167];

(36Г) юту ‘юкола (тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами, без костей и головы)’ (по данным полевых материалов автора, 2011 г.), *yutu*^o (N ø≡), YUTU(Ø) [Salminen 1998: 149, 544], O *jüttü*, OP *jüttü*, T₁₂ *jüttü*, S_j. *jüttüβ* ‘zu Klippfisch getrockneter kleiner Fisch’ ‘маленькая сушеная, вяленая рыба’ [Lehtisalo 1956: 146b] (ср. Л Lj. *d'uttam*, P *d'uttam* ‘Fischmehl (wurde früher in einem Trog aus über einer Grube geräuchertem und gebackenem Klippfisch zerkleinert; wurde statt Brot verwendet)’ ‘рыбная мука’ [Lehtisalo 1956: 146b]).

Здесь следует указать, что Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию этих слов как (35Г) *tyuku*^o (N o~uø), TYUQXO~UØ [Salminen 1998: 149, 523] и (36Г) *yutu*^o (N ø≡), YUTU(Ø) [Salminen 1998: 149, 544], т. е. с последовательностью гласных фонем *u*^o (зиянием) в абсолютном конце слова.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Во всех рассмотренных произнесениях слов (35Г) *t'uku*^o и (36Г) *jutu*^o диктором СУГ длительность гласного второго слога значительно превышает длительность первого гласного — примерно на 90—160 мсек. (57—109%). Иными словами, соотношение длительности гласного первого слога к дли-

³² Относительная длительность звуков в словах (35Г) и (36Г) рассчитывается с учетом четырех фонетических сегментов.

тельности гласного второго слога в этих рассмотренных произнесениях составляет: (35Г) 1:3,3 [СУГ: 1]; 1:2,3 [СУГ: 2]; 1:2,5 [СУГ: 3]; (36Г) 1:1,8 [СУГ: 1]; 1:2,1 [СУГ: 2]; 1:2,9 [СУГ: 3]; 1:2,4 [СУГ: 4]; 1:2,8 [СУГ: 5], — т. е. длительность гласного второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,8—3,3 раза. Разница в длительности ударного гласного в конечном двуморном слоге в словах (35Г) и (36Г) и в длительности безударного гласного в конечном одноморном слоге в словах (33Г) и (34Г) значительна: так, абсолютная длительность указанного гласного в первом случае составляет примерно 200—270 мсек. (относительная длительность при этом — примерно 130—170%), а абсолютная длительность во втором случае — около 95—140 мсек.

Показатели максимальной интенсивности гласных первого и второго слогов во многих из рассмотренных произнесений диктором СУГ оказываются численно сопоставимы: так, разница между ними не превышает 0,4 дБ в двух произнесениях слова *t'uku*^o (произн. 2 и 3) и двух произнесениях слова *jutu*^o (произн. 3 и 4). Однако возможны также иные соотношения пиковой интенсивности гласных первого и второго слогов: так, максимальная интенсивность гласного первого слога превышает пиковую интенсивность второго гласного на 0,8 дБ в первом произнесении слова *t'uku*^o и даже на 3,8 дБ в первом произнесении слова *jutu*^o, а в двух других произнесениях слова *jutu*^o (произн. 2 и 5), наоборот, пиковая интенсивность гласного первого слога уступает максимальной интенсивности второго гласного на 1,2—2,5 дБ. Что касается показателей средней интенсивности гласных, то в большинстве произнесений (в тех случаях, когда пиковая интенсивность первого *и* превосходит максимальную интенсивность второго *и* или численно сопоставима с ней) средняя интенсивность гласного первого слога превышает среднюю интенсивность второго гласного примерно на 1—5 дБ, и только в одном произнесении слова *jutu*^o (произн. 5), где максимальная интенсивность второго *и* превосходит пиковую интенсивность *и* первого слога, показатели по средней интенсивности второго гласного также оказываются больше, чем показатели по средней интенсивности первого гласного, хотя и не очень значительно — не более чем на 0,8 дБ. В произн. 2 слова *jutu*^o показатели по средней интенсивности гласных численно сопоставимы. См. контуры интенсивности произнесений слов (35Г) и (36Г) в *Приложении*.

Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога всех произнесений фонетических слов (35Г) и (36Г) с разницей примерно в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(35Г) [t^oökú] *t'uku*^o [СУГ: 1]: 74,64 / 77,89 / 79,38 / 79,88 (max) / 79,75 / 79,29 / 78,57 / 77,87 / 77,00 / 75,83 / 74,42 / 72,33 / 70,38 / 69,42 / 69,08 / 68,81 / 68,39 / 67,42 / 65,37 / 62,13 (min); средняя — 74,53 дБ;

(35Г) [t^oökú] *t'uku*^o [СУГ: 2]: 72,48 / 75,87 / 77,41 / 77,92 / 78,01 (max) / 77,94 / 77,56 / 76,81 / 75,87 / 74,74 / 73,06 / 70,78 / 68,08 / 66,09 / 65,41 / 65,09 / 64,02 / 62,07 / 59,61 / 56,54 (min); средняя — 72,77 дБ;

(35Г) [t^oökú] *t'uku*^o [СУГ: 3]: 70,94 / 75,77 / 78,74 / 80,37 / 81,05 / 81,26 (max) / 81,10 / 80,39 / 79,58 / 79,15 / 78,70 / 78,13 / 77,53 / 76,54 / 74,92 / 73,14 / 71,23 / 69,48 / 68,12 / 67,16 / 66,76 / 66,14 / 64,64 / 62,39 / 59,26 (min); средняя — 75,77 дБ;

(36Г) [jötú] *jutu*^o [СУГ: 1]: 80,41 / 82,58 / 83,38 / 83,94 / 84,74 (max) / 84,33 / 82,22 / 80,65 / 80,15 / 79,88 / 79,45 / 79,03 / 78,33 / 77,84 / 77,55 / 76,62 / 75,49 / 74,22 / 72,45 (min); средняя — 79,88 дБ;

(36Г) [jötú] *jutu*^o [СУГ: 2]: 80,10 / 82,70 / 83,32 / 83,47 / 83,82 / 84,01 (max) / 83,64 / 82,82 / 81,65 / 80,65 / 79,98 / 78,95 / 77,26 / 75,71 / 74,53 / 72,67 / 71,51 (min) / 71,88 / 72,08; средняя — 80,10 дБ;

(36Г) [jötú] *jutu*^o [СУГ: 3]: 81,67 / 82,92 / 82,56 / 82,27 / 82,29 / 81,86 / 81,39 / 81,77 / 82,56 / 83,12 / 83,29 (max) / 83,13 / 82,65 / 81,54 / 79,78 / 78,54 / 77,85 / 75,91 / 74,52 (min); средняя — 81,86 дБ;

(36Г) [jötú] *jutu*^o [СУГ: 4]: 81,28 / 83,54 / 83,69 (max) / 83,29 / 83,29 / 83,16 / 82,50 / 81,58 / 81,01 / 81,42 / 81,94 / 81,73 / 80,70 / 79,21 / 77,67 / 75,97 / 73,71 / 70,99 / 67,17 (min); средняя — 81,42 дБ;

(36Г) [jötú] *jutu*^o [СУГ: 5]: 81,33 / 83,29 / 83,64 / 83,57 / 83,21 / 82,73 / 82,47 / 82,80 / 83,37 / 83,85 / 84,10 (max) / 83,83 / 82,96 / 81,60 / 79,98 / 78,49 / 77,83 / 77,28 / 75,97 / 73,70 / 70,39 / 66,51 (min); средняя — 82,60 дБ.

Для всех произнесений слов (35Г) и (36Г) диктором СУГ характерен следующий тональный контур: на первом слоге частота основного тона обычно повышается на 20—70 Гц, а на втором слоге понижается довольно резко — обычно на 90—150 Гц, общее падение тона на протяжении всего фонетического слова (от наибольшей ЧОТ на первом гласном до наименьшей в абсолютном конце) составляет при этом примерно 100—170 Гц.

Для рассмотренных выше слов (35Г) *t'uku*^o и (36Г) *jutu*^o характерно ударение на гласном *и* второго слога. Акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказывается бóльшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, которой сопутствует его достаточно высокая (медленно затухающая) интенсивность. Иными словами, основным акустическим коррелятом ударения в этом случае оказывается бóльшая длительность (темпоральная выделенность), а второстепенным — экспираторная выделенность ударного гласного.

О том, что ударение в словах (35Г) и (36Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (35Г) [t^hökúm(?)] (*tyuku*^o-*m*) ACC.SG; (36Г) [jötúm(?)] (*yutu*^o-*m*) ACC.SG [СУГ, ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 14*.

Таблица 14

C'uCú° [CuCú], [C'òCú]		
[u] / [ò] первого слога		[ú] второго слога
Д1	<	Д2
И1	= / > (/ <)	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры *CuCu*^o в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (35Г) T₂ t^huk^hkū, T₁, T₄ t'uk^hkū [Lehtisalo 1956: 520a]; (36Г) T₁₂ jūtū [Lehtisalo 1956: 146b] (здесь с неоднородным вокалическим составом — с *j*; ср., однако, форму с однородным вокалическим составом в говорах другого восточного диалекта — ямальского: О jūtū, ОР jūtū [Lehtisalo 1956: 146b]). Во всех этих фиксациях длительность (долгота) второго гласного обозначена с помощью диакритики (*ū*).

О том, что в словах (35Г) и (36Г) ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (35Г) *tyuku*^o (N *o~uø*), TYUQXO~UØ [Salminen 1998: 149, 523]; (36Г) *yutu*^o (N *ø≡*), YUTU(Ø) [Salminen 1998: 149, 544]. По мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359].

(Ср. анализ слова данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 33—35].)

2.1.3. В гыданском диалекте Т ненец. представлены также слова слоговой структуры [CuCuC] / [CūCuC], [CòCuC], [C'òCuC]³³ (*CuCøC*^o). В *Таблице 15* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов фонетического слова данной слоговой структуры, где все согласные твердые. Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа имя (37Г) *nyxud* ‘верхняя губа’ [Терещенко 1965, 2008: 405], *nguxod*^o (N *ø≡*), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499], О, S_j. *nyxūd*, ОР *nyxūd*, T₂ *nyxūd*^o, К *nyxūd*^o, N *ūd*, U-Ts. *ūd*^l ‘Oberlippe’ ‘верхняя губа’ [Lehtisalo 1956: 42b]; ср. Л *nyxuty* ‘верхняя губа’ [Бармич, Вэлло 2002: 99], *nyxu'tyj* ‘верхняя губа’ [Попова 1978: 85], N_j. *nyxuntī*, Р *nyxūtāēi* ‘Oberlippe’ ‘верхняя губа’ [Lehtisalo 1956: 42b] < ПС **ukā* (der.?) [Janhunen 1977: 30] (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и ЧОТ в *Приложении*).

Следует оговорить, что, по мнению Т. Салмина, это слово является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CuCøC*^o с фонемой *ø* (*a*) во втором слоге и ^o в третьем: *nguxod*^o (N *ø≡*), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499]. Подобная интерпретация, возможно, опирается в том числе на произношение этого слова с гласным призвуком в абсолютном конце в тазовском (наиболее близком к рассматриваемому нами гыданскому), большеземельском и малоземельском диалектах Т ненец. в записи Т. Лехтисало: T₂ *nyxūd*^o, К *nyxūd*^o, U-Ts. *ūd*^l [Lehtisalo 1956: 42b] (ср. также трехсложный когнат этого слова в лесном ненецком: Л *nyxuty* [Бармич, Вэлло 2002: 99], *nyxu'tyj* [Попова 1978: 85], N_j. *nyxuntī*, Р *nyxūtāēi* [Lehtisalo 1956: 42b]). Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту (как и по ямальскому) Т ненец., то на осциллограммах и спектрограммах мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце данного слова, поэтому далее рассматриваем это имя как фонетически двусложное.

Т. Салминен предлагает фонологическую интерпретацию гласного второго слога как *ø* (*a*), что согласуется также с прасамодийской реконструкцией этого имени: der. (?) ПС **ukā* [Janhunen 1977: 30]. Однако в гыданском диалекте (как и в ямальском) мы имеем дело с фонетической последовательностью с однородным вокалическим составом, что подтверждают в частности данные словарей: *nyxud* [Терещенко 1965, 2008: 405]; T₂ *nyxūd*^o (а также О *nyxūd*, ОР *nyxūd*, S_j. *nyxūd*, К *nyxūd*^o) [Lehtisalo 1956: 42b]. Таким

³³ Здесь и далее знаком «тильда» над символом для гласных звуков обозначена наализация (*ū*, *õ*).

образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*.

Таблица 15

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[u] ([ũ], [u], [õ]) в 1С и [u] во 2С ([u]/[ũ]/[u]/[õ]—[u]) // (u—ø—°), по [Salminen 1998: 53, 499] [CuCuC] ([CũCuC], [CøCuC], [CõCuC]) // CuCøC°, по [Salminen 1998: 53, 499]								
37Г	<i>ηuxəd</i> ³⁴ [ηũyút ^h] (633 мсек.)	106 (84%)	82,85 (82,33)	213-165	110 (87%)	84,40 (83,36)	155-160-146 (155)	ЛАЛ (1)
	<i>ηuxəd</i> [°] [ηõyút ^h] (475 мсек.)	89 (94%)	84,59 (82,47)	211-179	98 (103%)	84,14 (83,82)	156-139 (148)	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного второго слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В двух, приведенных для примера, произнесениях слова (37Г) *ηuxəd*[°] диктором ЛАЛ длительность гласного второго слога численно сопоставима с длительностью первого гласного: разница в 4—9 мсек. (3—9%) не превосходит перцептивный порог и не является значительной. Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: 1:1,04 [ЛАЛ: 1]; 1:1,1 [ЛАЛ: 2], — т. е. длительность гласного второго слога превосходит длительность *u* первого слога всего в 1,04—1,1 раза. Такая незначительная разница, видимо, обусловлена фонологической краткостью второго гласного.

Несмотря на общую речевую тенденцию произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец, интенсивность гласного второго слога может превышать интенсивность первого гласного: максимальная — на 1,6 дБ (произн. 1), средняя — на 1—1,4 дБ (произн. 1 и 2). Во втором произнесении числовые данные по пиковой интенсивности гласных сопоставимы (разница не более 0,5 дБ). При этом в произнесениях диктора ЛАЛ разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,5 и 2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1 и 0,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность гласного второго слога затухает плавно, нерезко и даже медленнее, чем интенсивность первого гласного (см. контуры интенсивности в *Приложении*).

Частота основного тона начинает понижаться на гласном *u* первого слога (на 30—40 Гц), а общее падение тона к концу фонетического слова по сравнению с наибольшей частотой основного тона на первом гласном составляет примерно 60—70 Гц (см. контуры частоты основного тона в *Приложении*). Иными словами, мы не наблюдаем никакого тонального выделения гласного второго слога в рассмотренных произнесениях слова (37Г) диктором ЛАЛ.

Для рассмотренного выше слова структуры [CuCuC] / [CũCuC], [CøCuC], [CõCuC] (CuCøC°) характерно ударение на гласном второго слога. Акустическим коррелятом словесного ударения при выделении гласного не первого слога в данном случае оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Экспираторное выделение ударного гласного можно считать основным акустическим коррелятом ударения в данном случае, т. к. темпоральная выделенность ударного гласного ослаблена ввиду его фонологической краткости.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных произнесений данного фонетического слова обобщены нами в *Таблице 16*.

Наш вывод о том, что темпоральная выделенность ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове (37Г) в гыданском диалекте ослаблена ввиду его фонологической краткости, подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: Т₂ *ηuxid*[°] [Lehtisalo 1956: 42b], — здесь гласные первого и второго слогов обозначены символом *u* без диакритики долготы, в отличие от вариантов этого слова в говорах ямальского и большезе-

³⁴ Относительная длительность гласных в двух произнесениях слова (37Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

Таблица 16

<i>CuCáC°</i>		
[CuCúC] ([CūCúC], [CоCúC], [CǔCúC])		
[u] ([ū], [u], [ǔ]) первого слога		[ú] второго слога
Д1	= (<)	Д2
И1	<	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

мельского диалектов: О, Sj. *ñìxūđ*, ОР *ñìxūđ*, К *ñìxūđ°* [Lehtisalo 1956: 42b], — где с помощью диакритики обозначена длительность (долгота) второго гласного (*ū*). См. также о большей темпоральной выделенности ударного гласного в этом слове в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 36].

О том, что в слове (37Г) ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: *nguxød°* (N *ø*≡), NGUXØTØ [Salminen 1998: 53, 499].

(Ср. анализ слов аналогичных слоговых структур в ямальском диалекте в [Амелина 2016б: 35—37].)

2.2. Акцентные характеристики фонетических слов с аллофонами противопоставленных по долготе гласных фонем верхнего подъема заднего ряда *ū* и *u* в гыданском диалекте

В гыданском диалекте Т ненец. представлено также слово слоговой структуры [CūCju] *CūC'u* (в записи Т. Салминена *CúC'u*)³⁵, где первый гласный долгий, а второй нейтральный по длительности: (38Г) *сую* [олений] теленок, олененок' [Терещенко 1965, 2008: 571], *súyu* (N *yu*≡), SÚYU [Salminen 1998: 368, 510], О, ОР, Т₁, Sj., К, N *šūjjū*, U, U-Ts. *šūjjū* 'Kalb des zahmen oder wilden Renntiers' <'детеныш домашнего или дикого оленя, олененок' [Lehtisalo 1956: 417a] (~ ОР *šūjji* 'Renntierkälbchen; Fell des Renntierkälbchens' <'оленок; шкура оленика'), О, Sj. *šūjji* 'Fell des Renntierkälbchens' <'шкура оленика' [Lehtisalo 1956: 417b]); ср. Л *ходю* 'оленок, (местн.) теленок (олений)' [Бармич, Вэлло 2002: 138], 'xūt'u 'теленек' [Попова 1978: 141], Nj. *χōjjū*, P *χōđ'd'ū* 'Kalb des zahmen oder wilden Renntiers' <'детеныш домашнего или дикого оленя, олененок' [Lehtisalo 1956: 417a] (~ Nj. *χūjjū* 'Fell des Renntierkälbchens' <'шкура оленика' [Lehtisalo 1956: 417b]). См. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона произнесений данного слова в *Приложении*.

Отметим, что в словарях это имя имеет разные фонологические интерпретации — с нейтральной по длительности *u* в первом слоге в словаре Н. М. Терещенко и с долгой *ū* в словаре Т. Салминена (в его записи — *ú*). Мы придерживаемся точки зрения Т. Салминена и рассматриваем здесь слово (38Г) как *sūju* — с долгой фонемой *ū* в первом слоге.

В *Таблице 17* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласного *ū* в первом и *u* во втором слоге в произнесениях данного слова.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В *Таблице 17* зафиксированы разные соотношения по длительности гласного *ū* первого слога и *u* второго слога в произнесениях слова (38Г) диктором ЛАЛ: так, длительность гласного *ū* первого слога может превышать длительность второго гласного (на 21 мсек., 18%, произн. 4), быть численно сопоставимой с ней (разница не превышает 13 мсек., 11%, произн. 3) или уступать ей (примерно на 30 мсек. (23%) и 40 мсек. (31%) в произн. 2 и 1), что связано с возможностью продления гласного в открытом конечном слоге перед паузой.

Во всех рассмотренных выше произнесениях слова (38Г) диктором ЛАЛ интенсивность гласного *ū* первого слога превышает интенсивность гласного *u* второго слога: максимальная — примерно на 0,7—2 дБ (произн. 1 и 2) и даже на 4,7—6,3 дБ (произн. 3 и 4), средняя — примерно на 1,5—3 дБ (произн. 1—4); см. контуры интенсивности произнесений слова (38Г) диктором ЛАЛ в *Приложении*. Ниже приводятся данные по интенсивности гласных второго слога произнесений фонетического слова (38Г) с разницей примерно в 10 мсек. (через косую черту /), с указанием на максимальную (max), минимальную (min) и среднюю интенсивность (в децибелах, дБ):

(38Г) [sūju] ([sūjū]) *sūju* [ЛАЛ: 1]: 83,39 (max) / 83,17 / 82,98 / 82,94 / 82,66 / 81,98 / 81,54 / 81,42 / 81,42 / 81,46 / 81,16 / 80,16 / 78,28 / 75,26 / 70,99 (min); средняя — 81,46 дБ;

³⁵ В записи Т. Салминена символом *ú* обозначен долгий гласный верхнего подъема заднего ряда [ū].

Таблица 17

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ū] в 1С и [u] ([u]=[ū]) во 2С ([ū]—[u]/[u]=[ū]) // (ú—u), по [Salminen 1998: 368, 510] [CūCū] ([CūCū]=[CūCū]) // CūCu (CūCu), по [Salminen 1998: 368, 510]								
38Г	sūju [sūjū] ([sūjū]) (523 мсек.)	111 (85%)	85,25 (83,05)	211-201 (206)	152 (116%)	83,39 (81,46)	191-154- [135] (173)	ЛАЛ (1)
	sūju [sūjū] ([sūjū]) (510 мсек.)	112 (88%)	83,72 (82,83)	201-178 (186)	142 (111%)	83,07 (80,60)	176-155 (170)	ЛАЛ (2)
	sūju [sūjū] ([sūjū]) (495 мсек.)	125 (101%)	88,97 (83,43)	241-263-247 (255)	138 (112%)	82,71 (81,96)	189-140-128 (155)	ЛАЛ (3)
	sūju [sūjū] ([sūjū]) (480 мсек.)	140 (117%)	87,48 (82,75)	220-234-208 (225)	119 (99%)	82,75 (79,84)	159-143-128- [135]	ЛАЛ (4)

(38Г) [sūjū] ([sūjū]) sūju [ЛАЛ: 2]: 83,07 (max) / 82,94 / 82,95 / 82,94 / 82,59 / 81,78 / 80,60 / 79,33 / 79,04 / 79,39 / 78,50 / 75,82 / 72,02 (min); средняя — 80,60 дБ;

(38Г) [sūjū] ([sūjū]) sūju [ЛАЛ: 3]: 82,63 / 81,97 / 81,53 / 82,08 / 82,71 (max) / 82,42 / 82,15 / 81,99 / 81,01 / 79,35 / 76,92 / 74,21 / 72,39 (min); средняя — 81,96 дБ;

(38Г) [sūjū] ([sūjū]) sūju [ЛАЛ: 4]: 82,53 / 82,75 (max) / 82,51 / 82,21 / 81,78 / 80,65 / 79,04 / 77,01 / 74,69 / 72,43 / 70,15 / 67,43 (min); средняя — 79,84 дБ.

Во всех произнесениях слова (38Г) диктором ЛАЛ наблюдается понижение частоты основного тона к концу фонетического слова. Однако в двух произнесениях (произн. 1 и 2) это понижение оказывается равномерным, тон постепенно понижается без заметных колебаний (на 45—55 Гц). В двух других произнесениях (произн. 3 и 4) общее падение частоты основного тона к концу фонетического слова по сравнению с наибольшей ЧОТ на гласном первого слога оказывается более резким и заметным, составляя 100—130 Гц, при этом на гласном *ū* первого слога фиксируется небольшое локальное повышение тона на 15—20 Гц. См. контуры частоты основного тона для данных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры *CūCu* характерно ударение на гласном *ū* первого слога. В данном случае основным акустическим коррелятом словесного ударения при выделении гласного первого слога оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным являются дополнительными акустическими коррелятами ударения, проявляющимися тем заметнее, чем отчетливее произносится слово.

О том, что ударение в слове (38Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [sūjūm(?)] / [sūjūm(?)] (*sūyu-m*) ACC.SG [СУГ, ЛАЛ].

Результаты анализа просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 18*.

Таблица 18

<i>CūCu</i> ³⁶ [CūCū] ([CūCū]=[CūCū])		
[ū] первого слога		[u] ([u]=[ū]) второго слога
Д1	> (/ = / <)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

³⁶ В записи Т. Салминена символом *ú* обозначен долгий гласный верхнего подъема заднего ряда [ū].

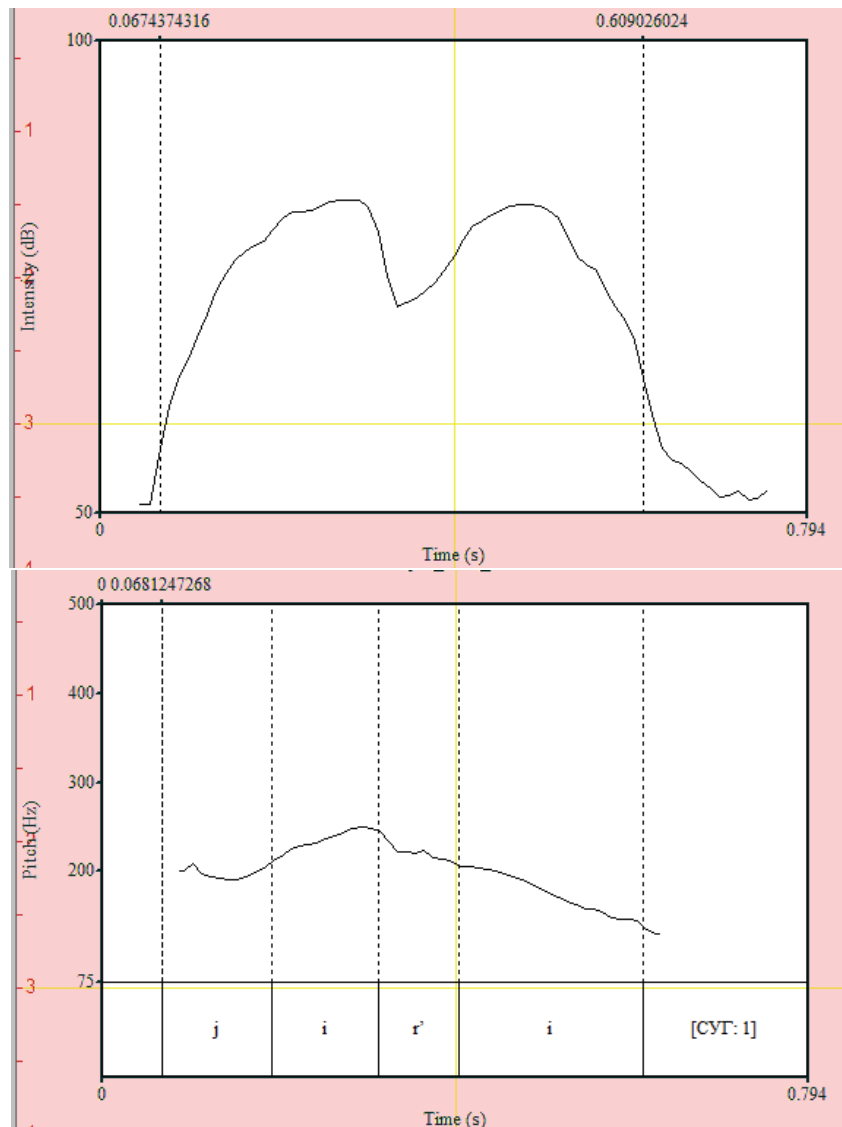
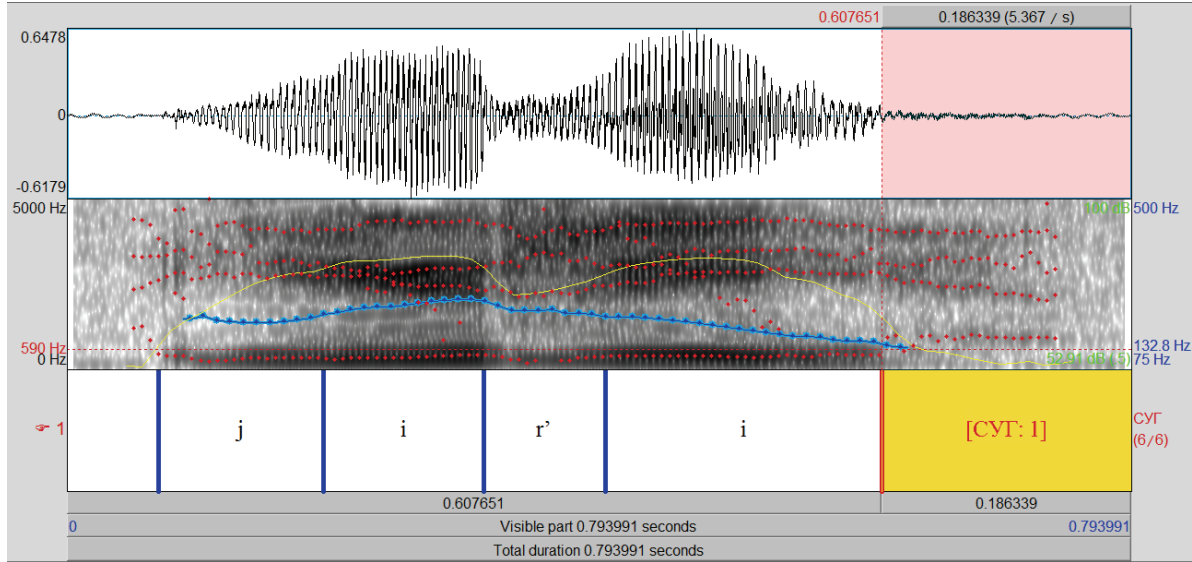
Наш вывод о темпоральной и экспираторной выделенности ударного гласного первого слога в рассмотренном выше слове структуры $C\acute{u}Cu$ в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: T_1 $\xi\ddot{u}j\ddot{u}$ [Lehtisalo 1956: 417a], — где первый гласный обозначается символом с диакритикой долготы (\ddot{u}), а второй гласный — с отмеченной редукцией (?), т. е. не как u , а как u (\dot{u}).

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным лабиализованными гласными звуками верхнего подъема заднего ряда (слоговых структур $[C\acute{u}Cu]$ / $[C\acute{u}C\ddot{u}] = C\acute{u}C^\circ$, $[C\acute{u}Cu]$ / $[C\acute{u}C\ddot{u}]$ ($[C\acute{u}C\ddot{u}]$) = $C\acute{u}Cu$ и даже $C\acute{u}Cu$), является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах слоговой структуры $CuCu^\circ$ с ударением на втором слоге темпоральное выделение ударного гласного, сопровождаемое «незатухающей» интенсивностью на протяжении его произнесения, оказывается основным акустическим коррелятом словесного акцента. В слове слоговой структуры $CuCu^\circ = [CuC\acute{u}C] / [C\ddot{u}C\acute{u}C] / [C\ddot{u}C\acute{u}C] / [C\ddot{u}C\acute{u}C]$ с ударением на втором слоге темпоральное маркирование ударного гласного также является основным акустическим коррелятом ударения (однако оно ослаблено ввиду фонологической краткости второго гласного), а экспираторное и тональное — второстепенными.

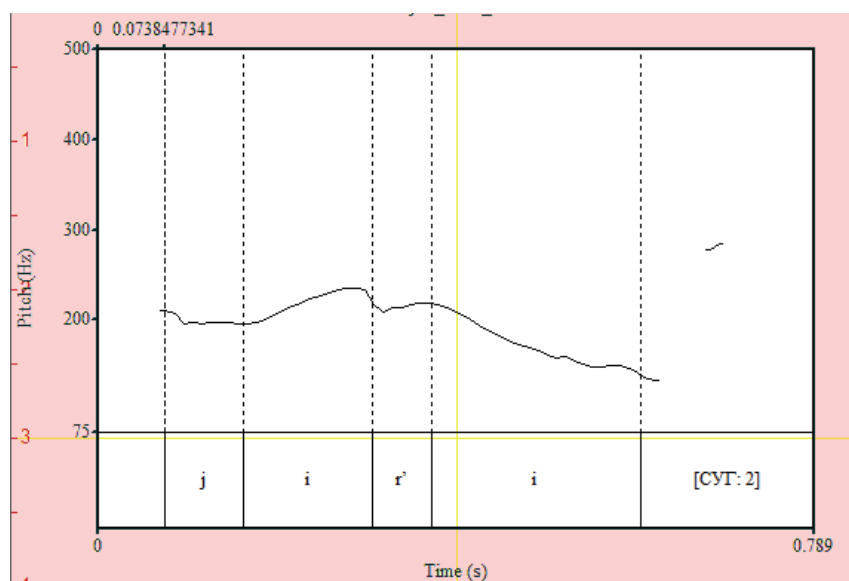
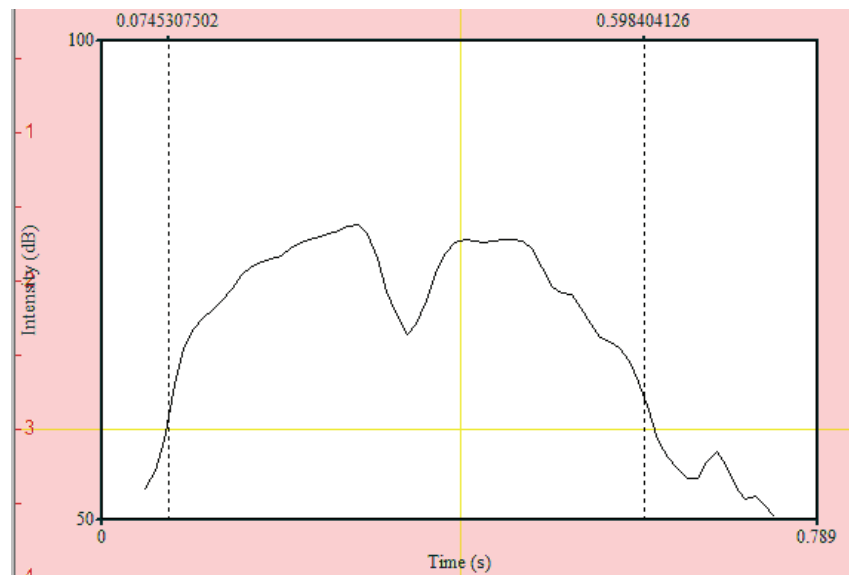
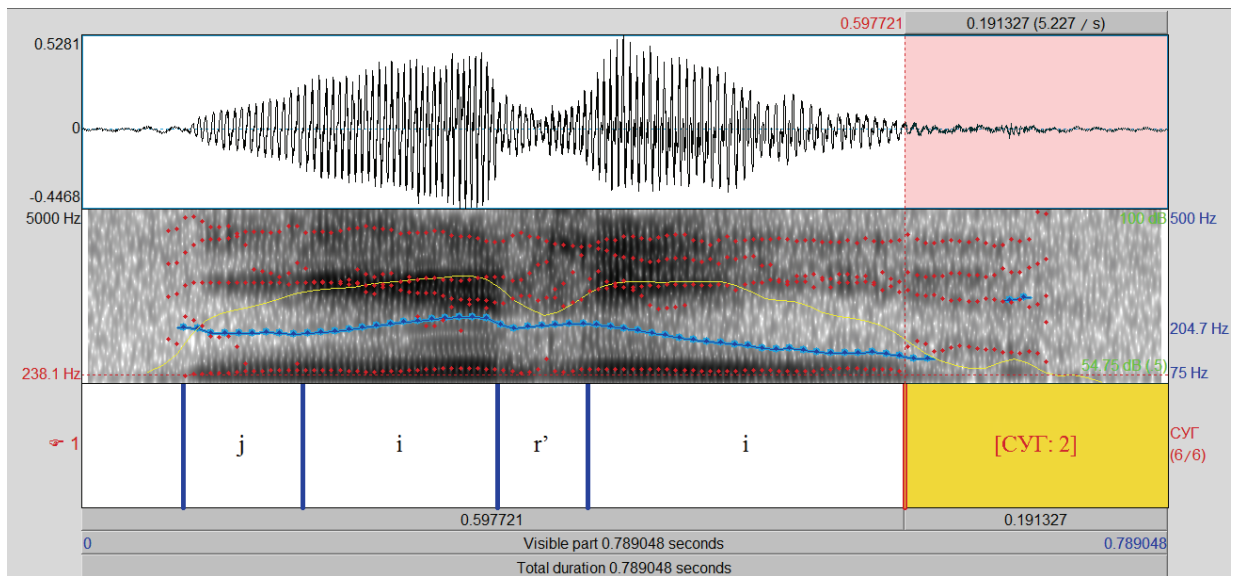
Приложение

1. Фонетические слова с аллофонами гласной фонемы верхнего подъема *i* ([i], [i̥] и др.) в первом и втором слогах

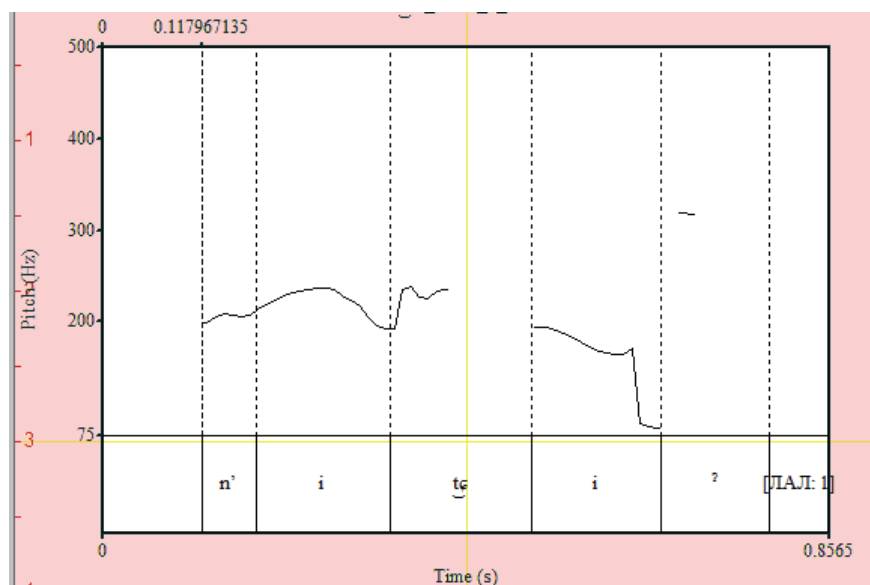
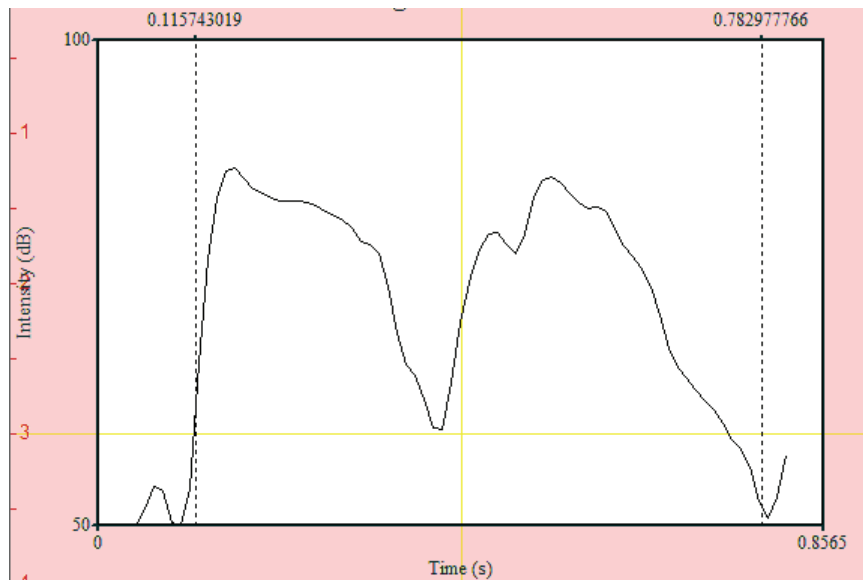
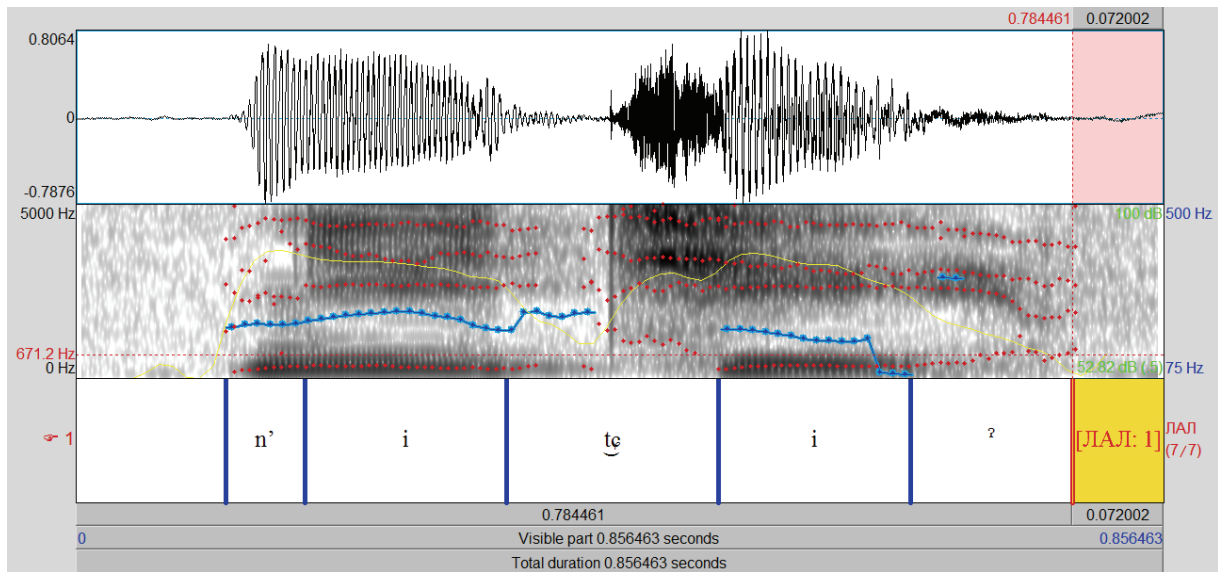
(25Г) Т гыдан. [jiri] *jir'i* [СУГ: 1] 'дед, дедушка (отец отца или матери)...'

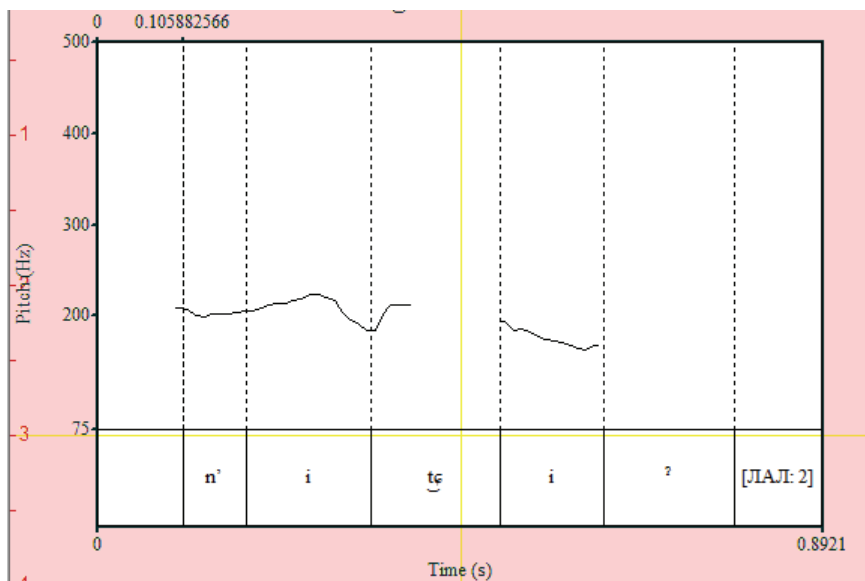
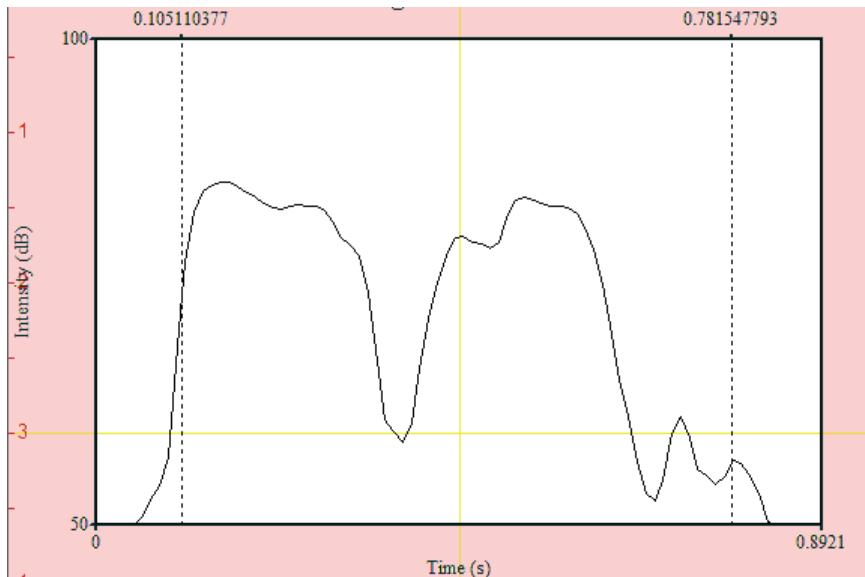
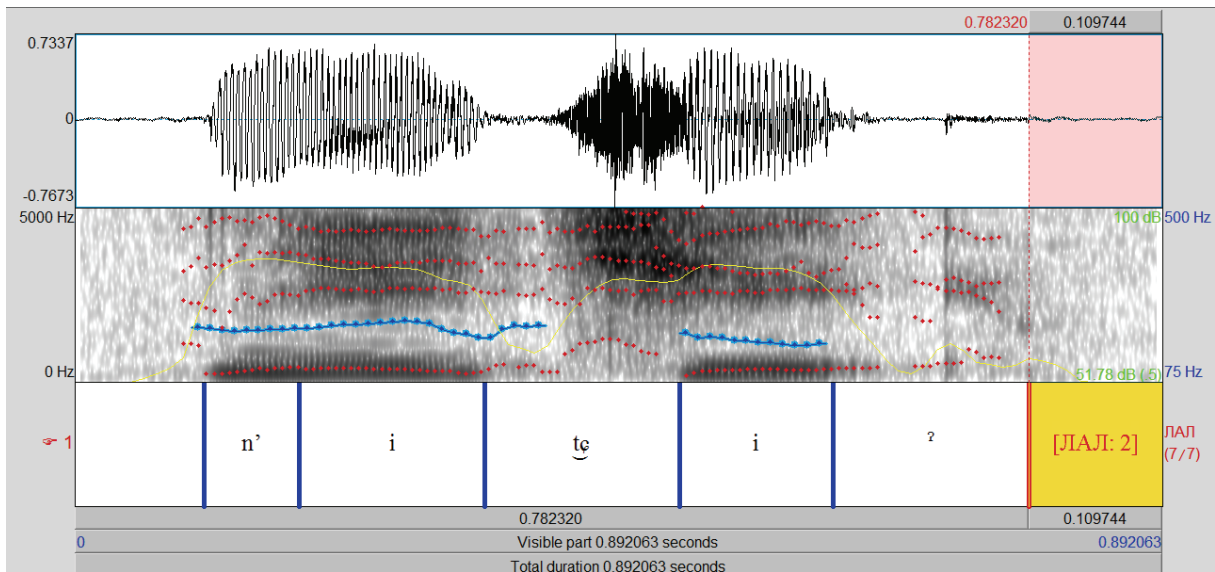
(25Г) Т гыдан. [jiri] jir'i [СУГ: 2] 'дед, дедушка (отец отца или матери)...'

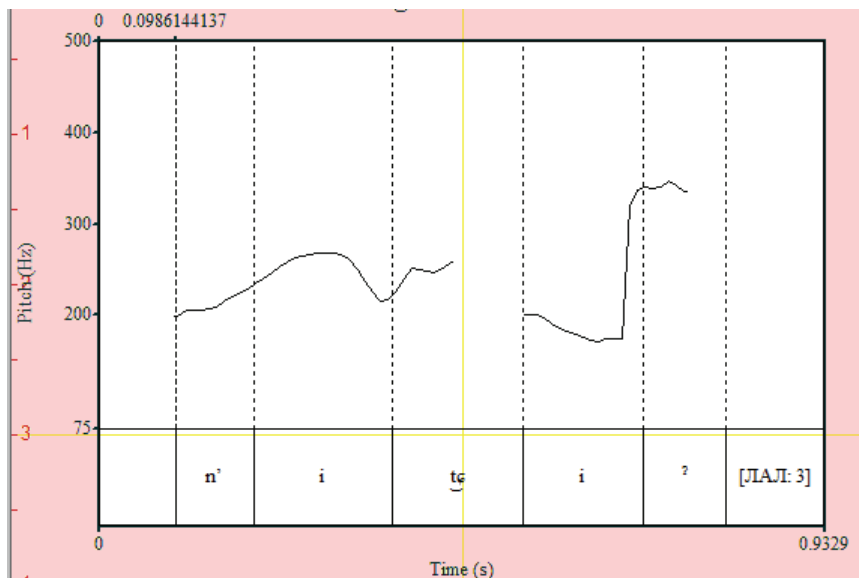
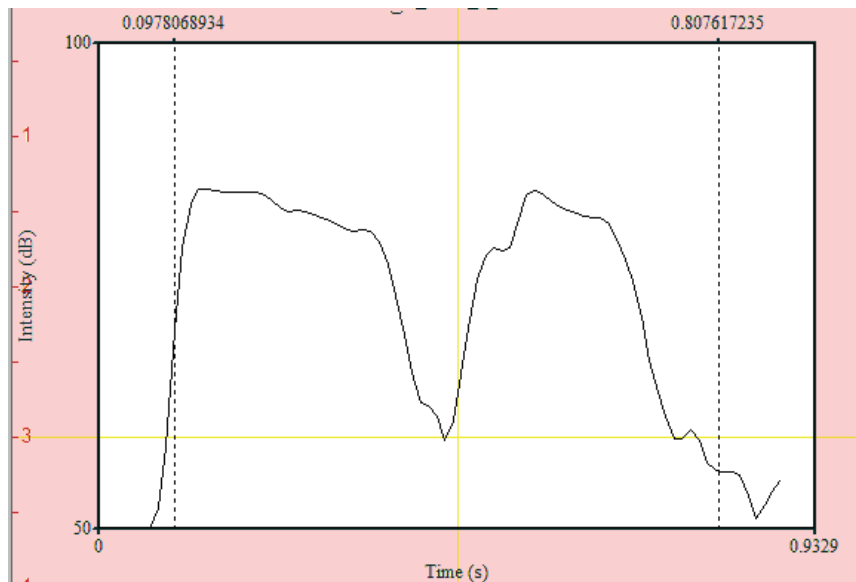
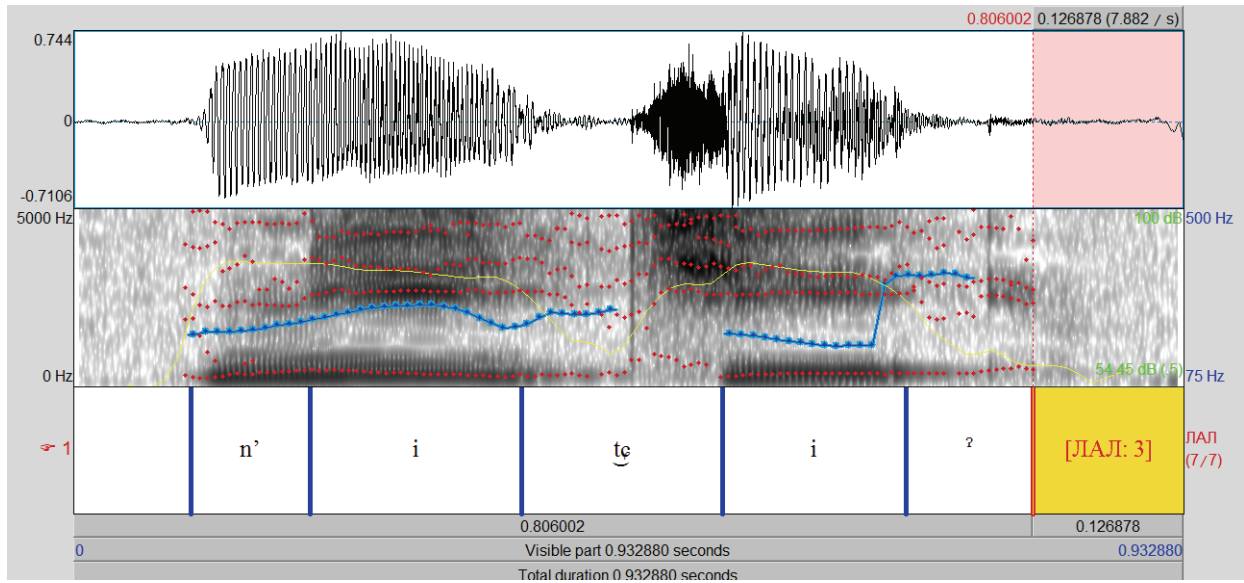
(26Г) Т гыдан. [n'iteɪʔ] n'ic'iʔ (n'iteiʔ) [ЛАЛ: 1] 'небо'

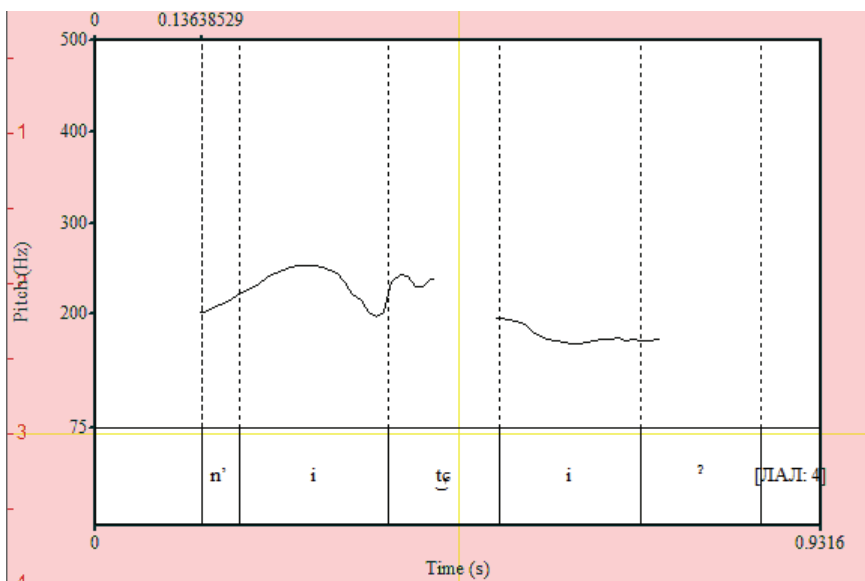
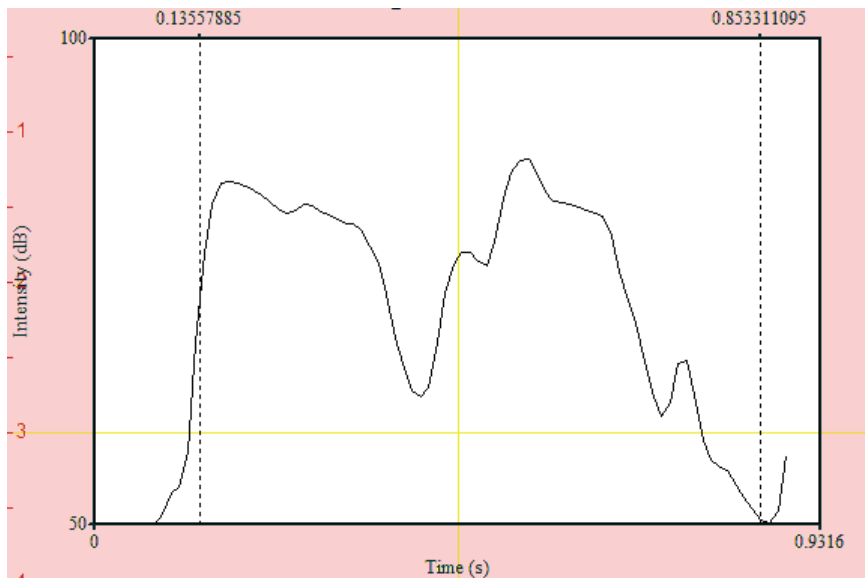
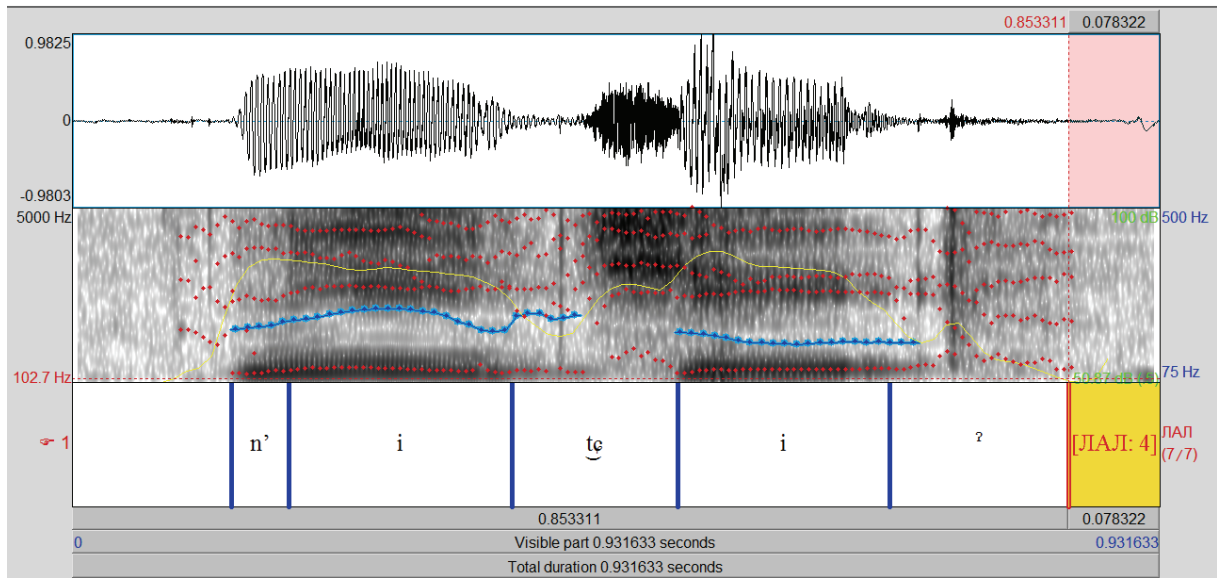
(26Г) Т гыдан. [n'iteiʔ n'ic'iʔ (n'iteiʔ) [ЛАЛ: 2] 'нёбо'

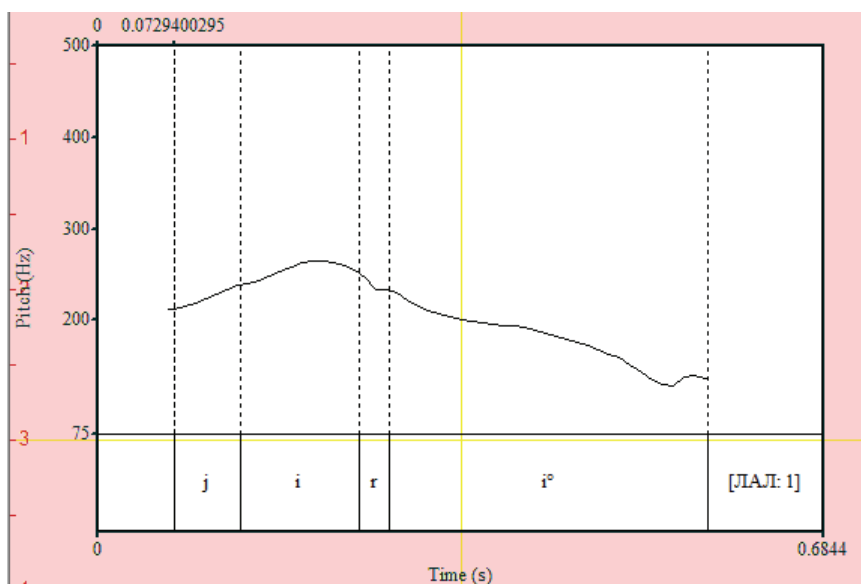
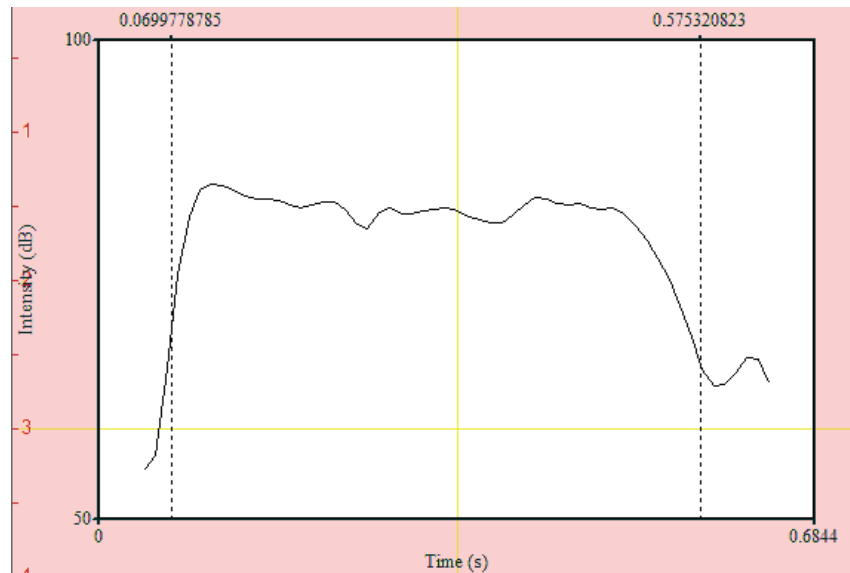
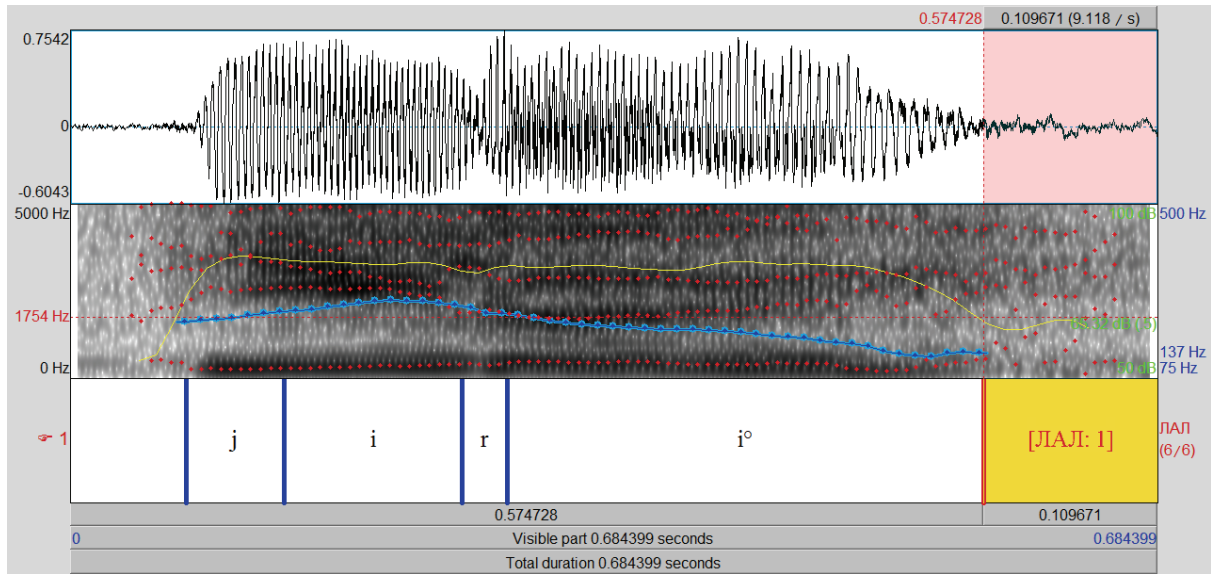
(26Г) Т гыдан. [n'iteiʔ] n'ic'iʔ (n'iteiʔ) [ЛАЛ: 3] 'нёбо'

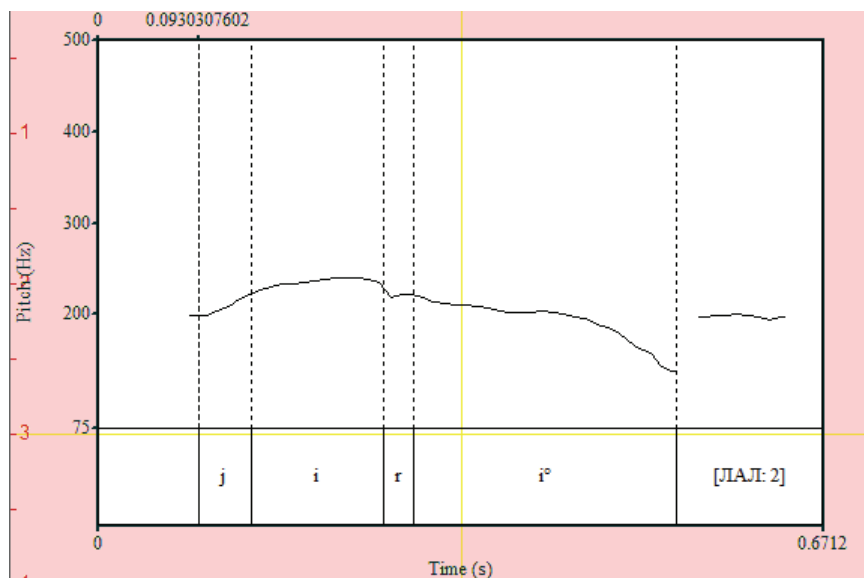
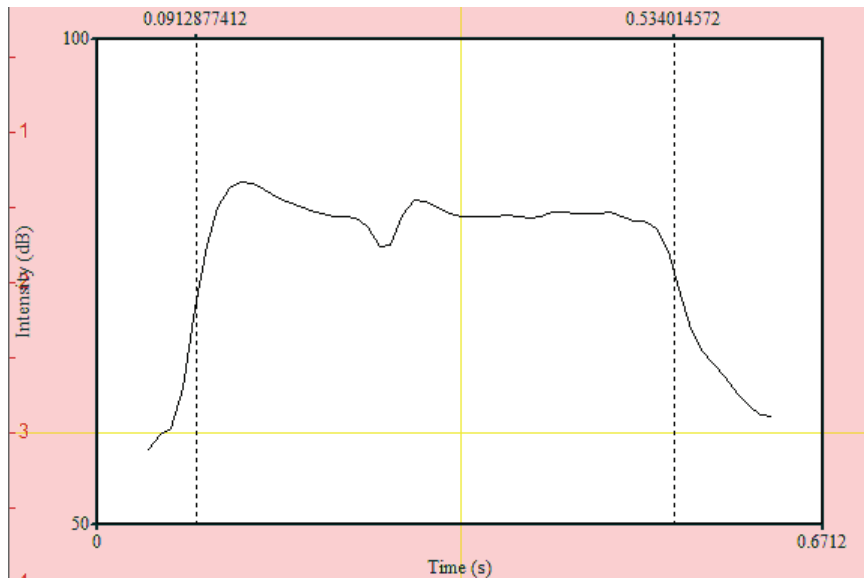
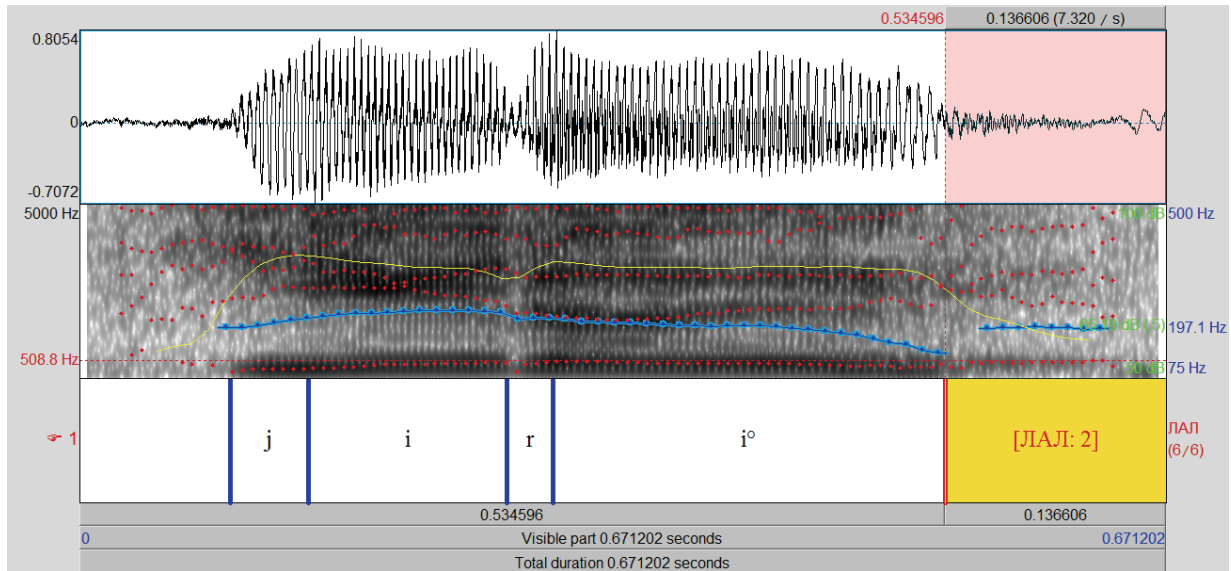
(26Г) Т гыдан. [n'iteiʔ] n'ic'iʔ (n'iteiʔ) [ЛАЛ: 4] 'нёбо'

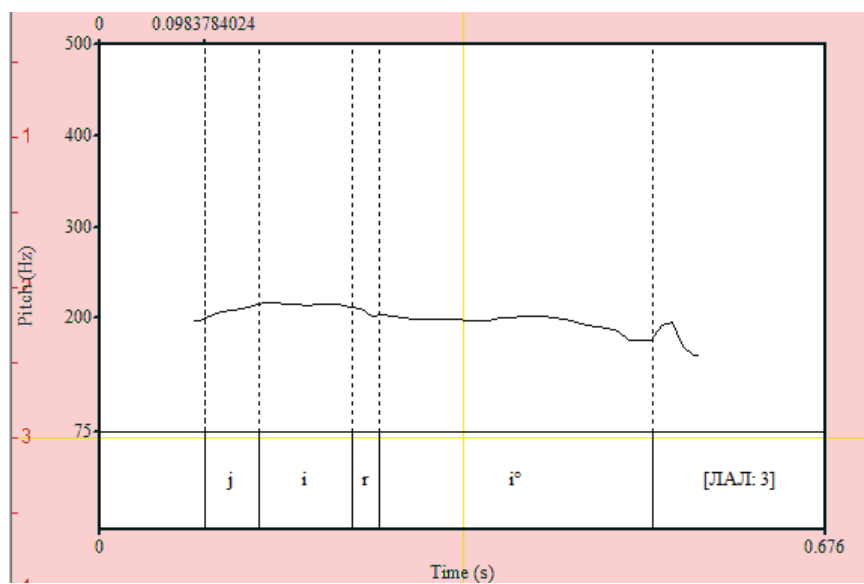
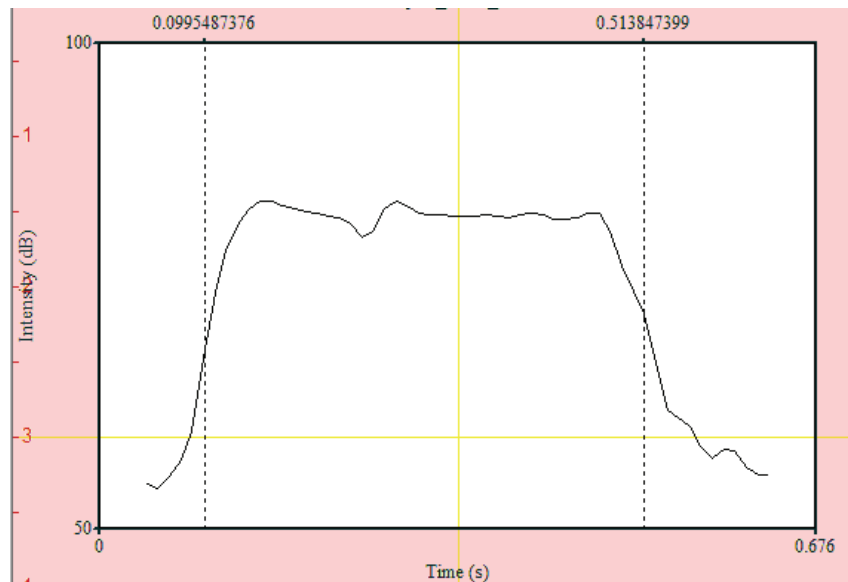
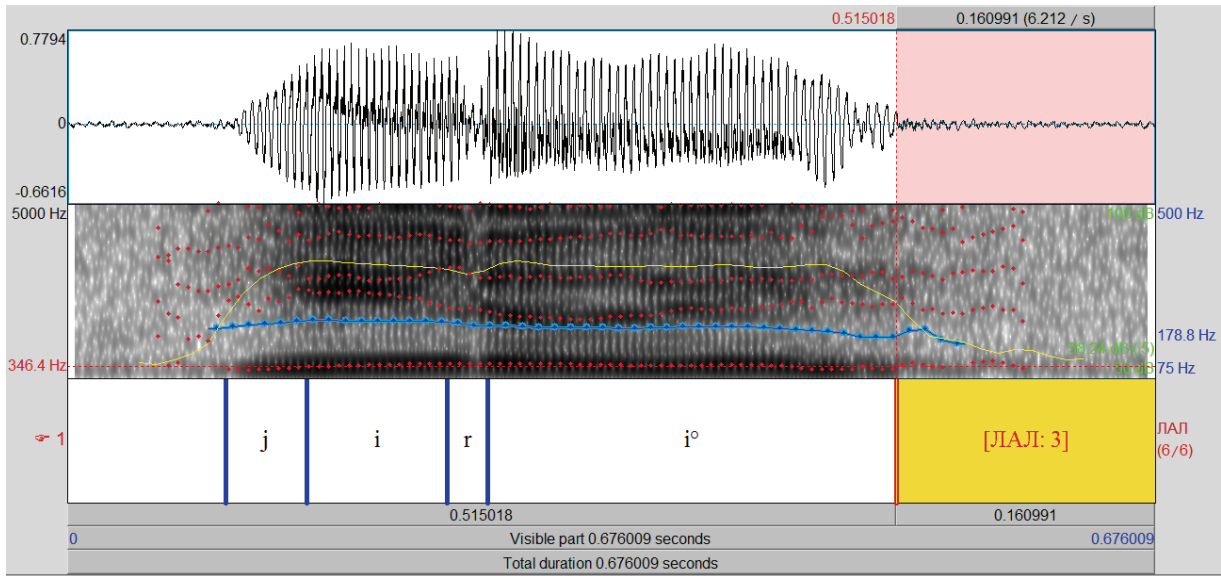
(27Г) Т гыдан. [jirɨ́] *jiri*° [ЛЛЛ: 1] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

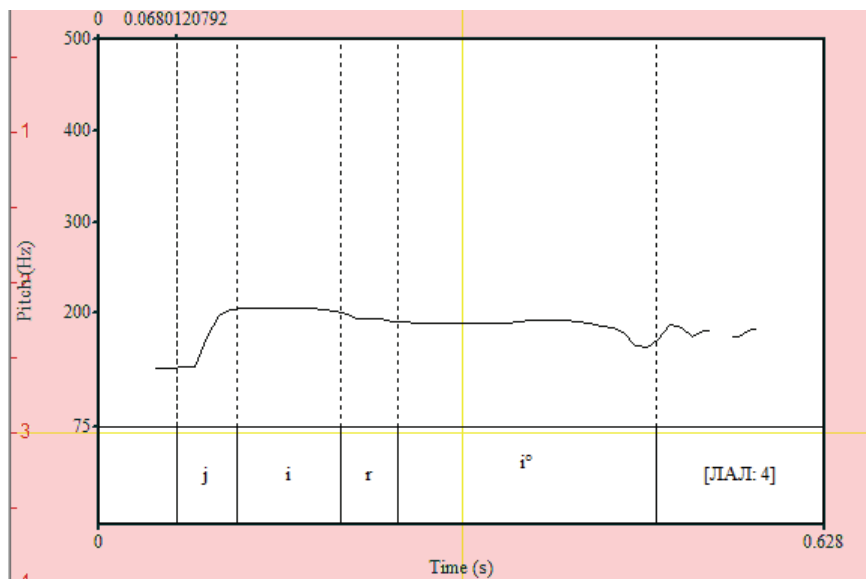
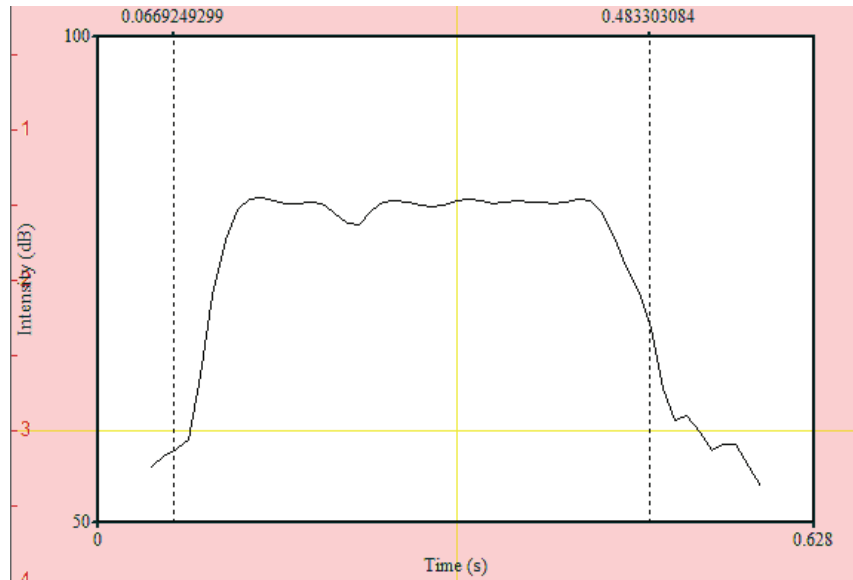
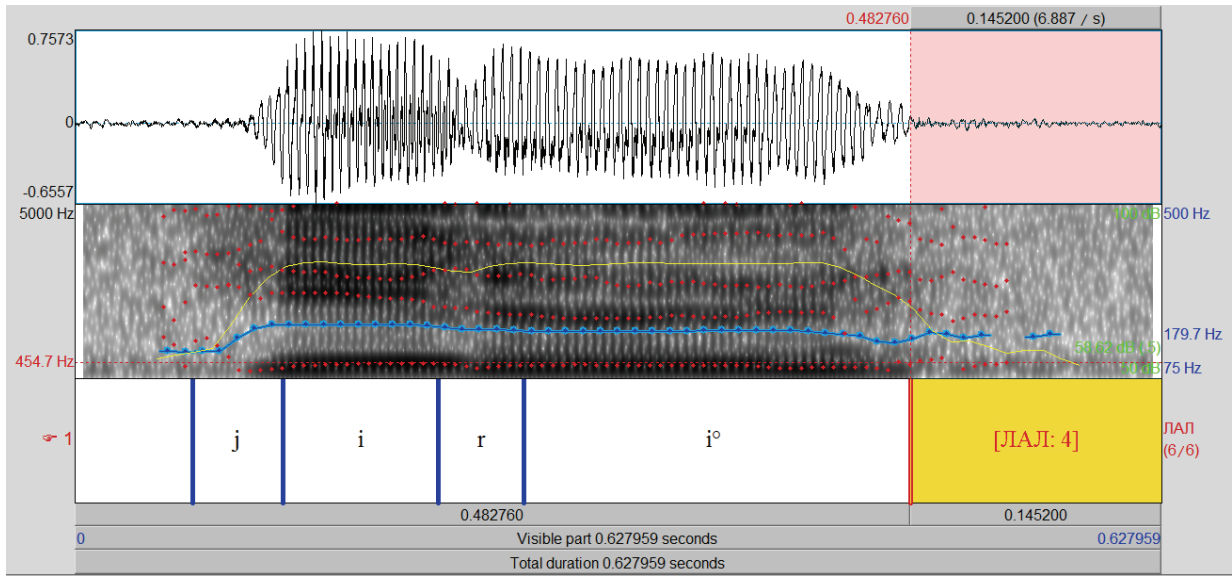
(27Г) Т гыдан. [jiri°] [ЛАЛ: 2] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

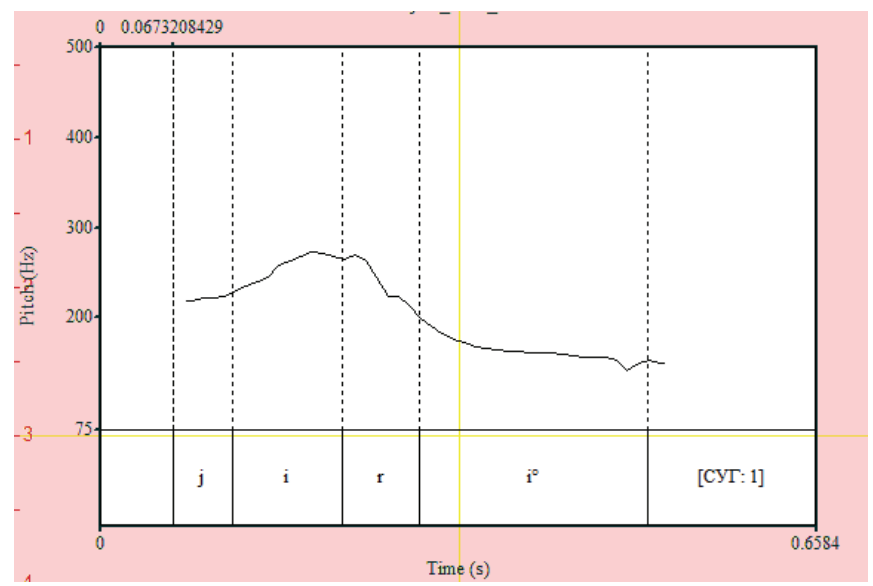
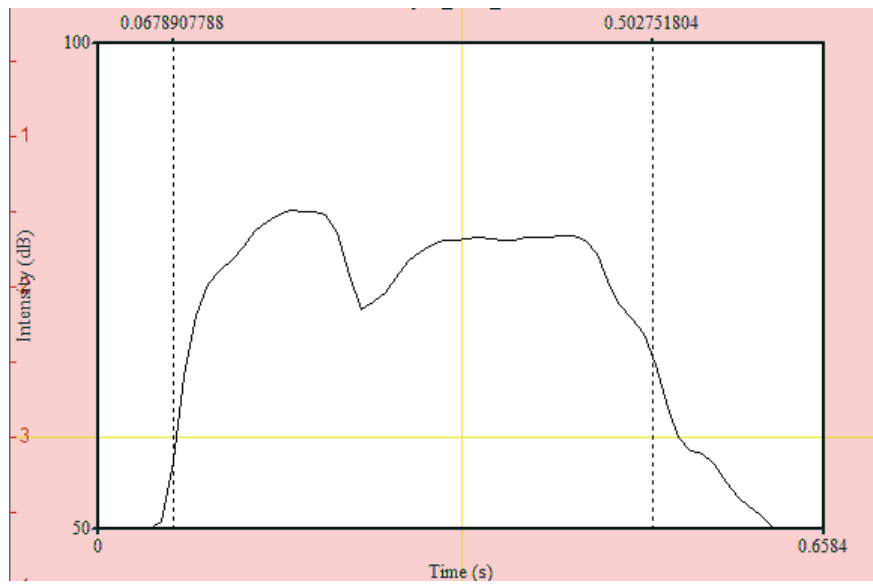
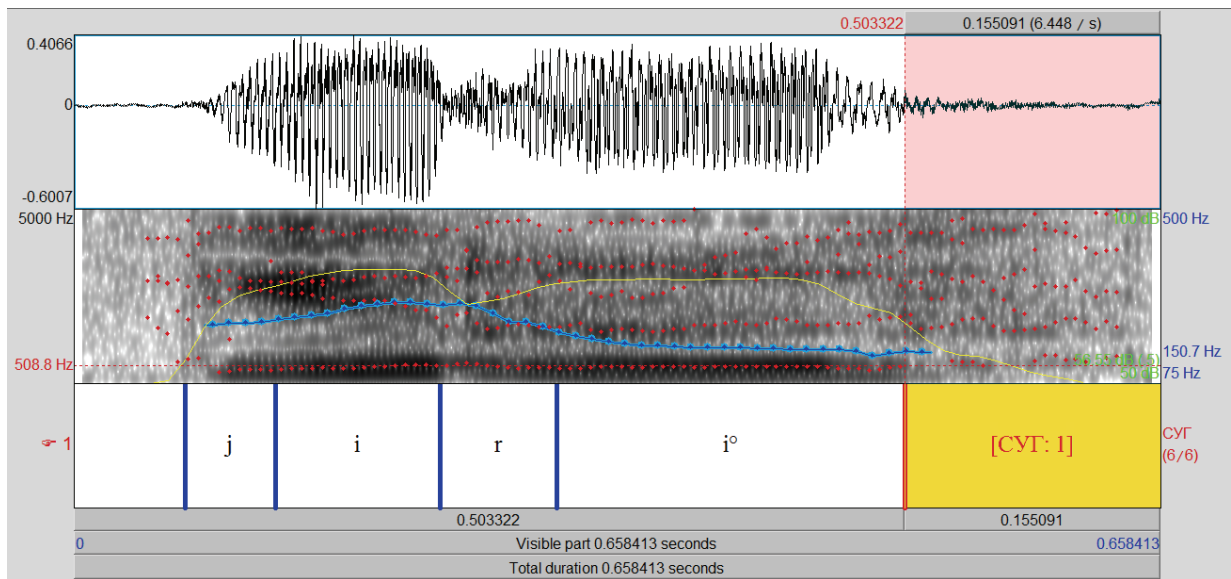
(27Г) Т гыдан. [jiri°] *jiri*° [ЛАЛ: 3] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

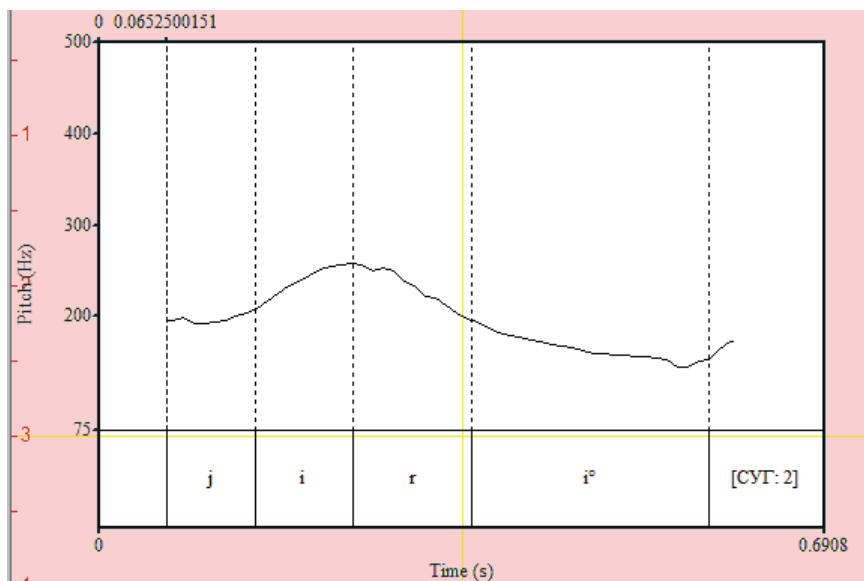
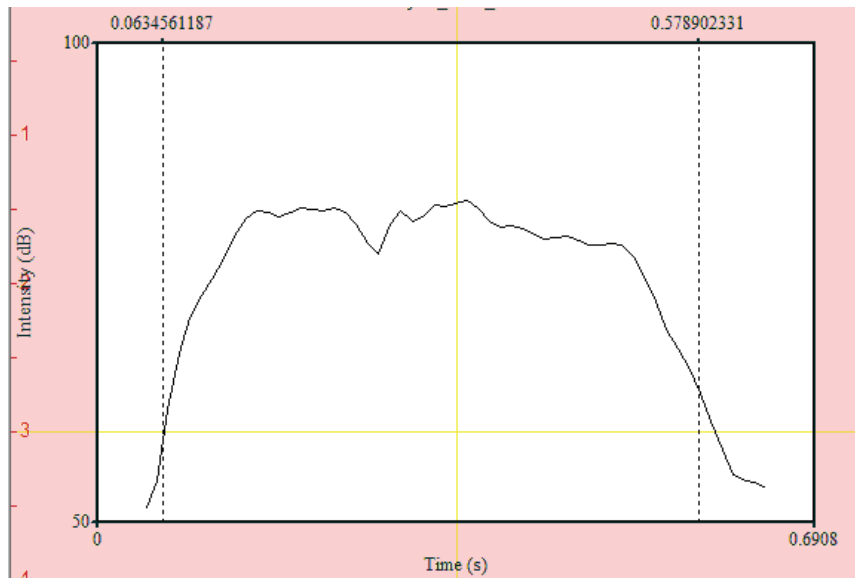
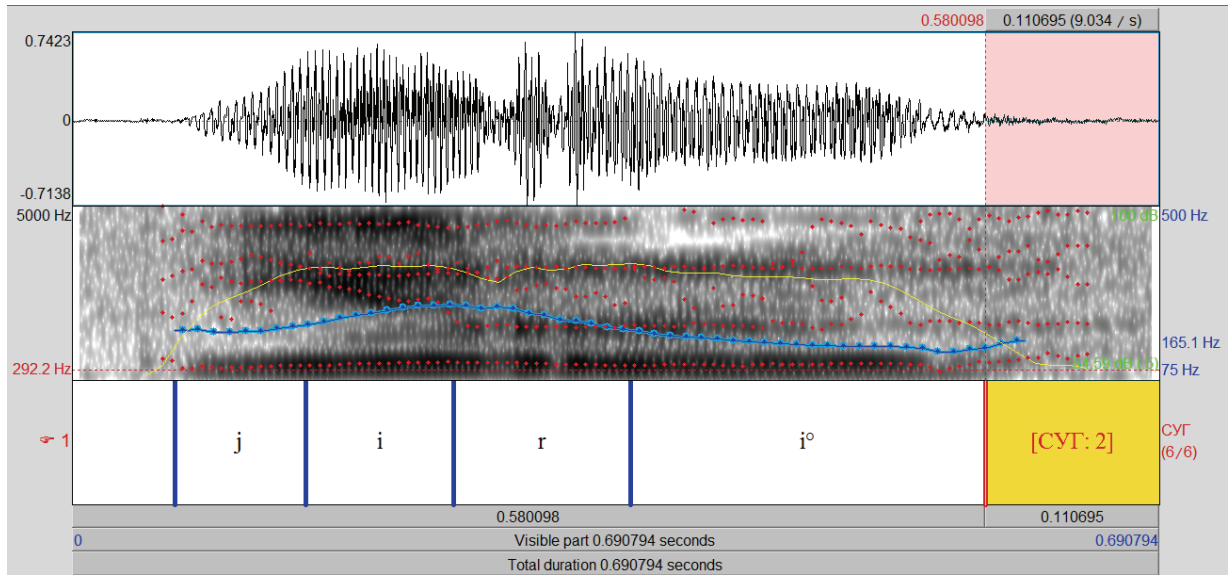
(27Г) Т гыдан. [jiri°] jiri° [ЛАЛ: 4] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

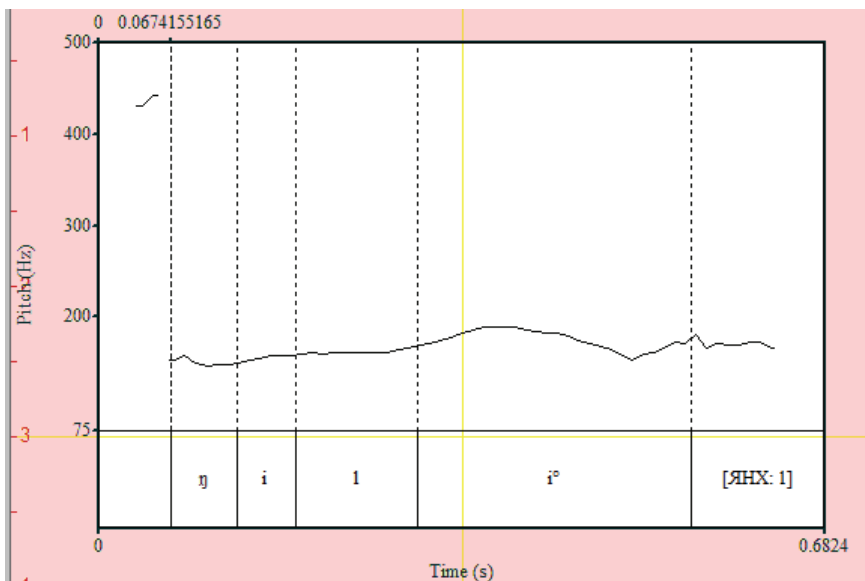
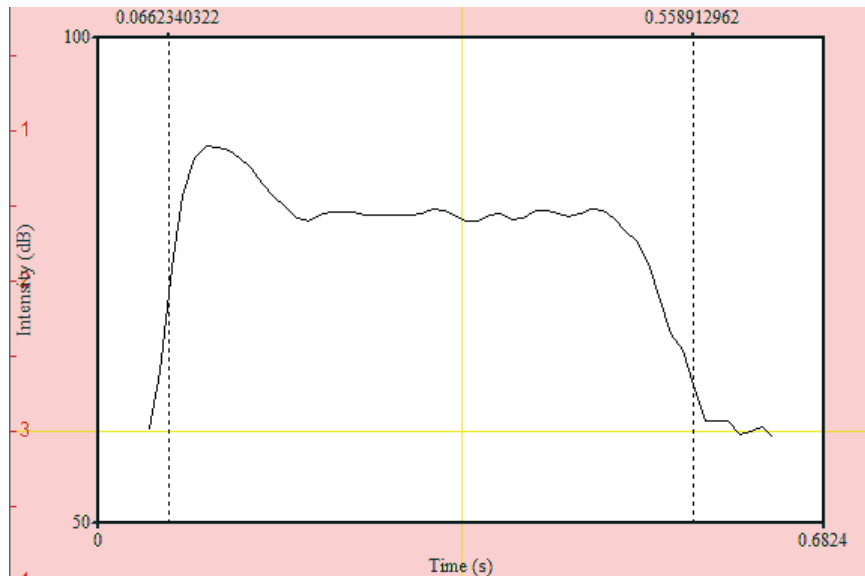
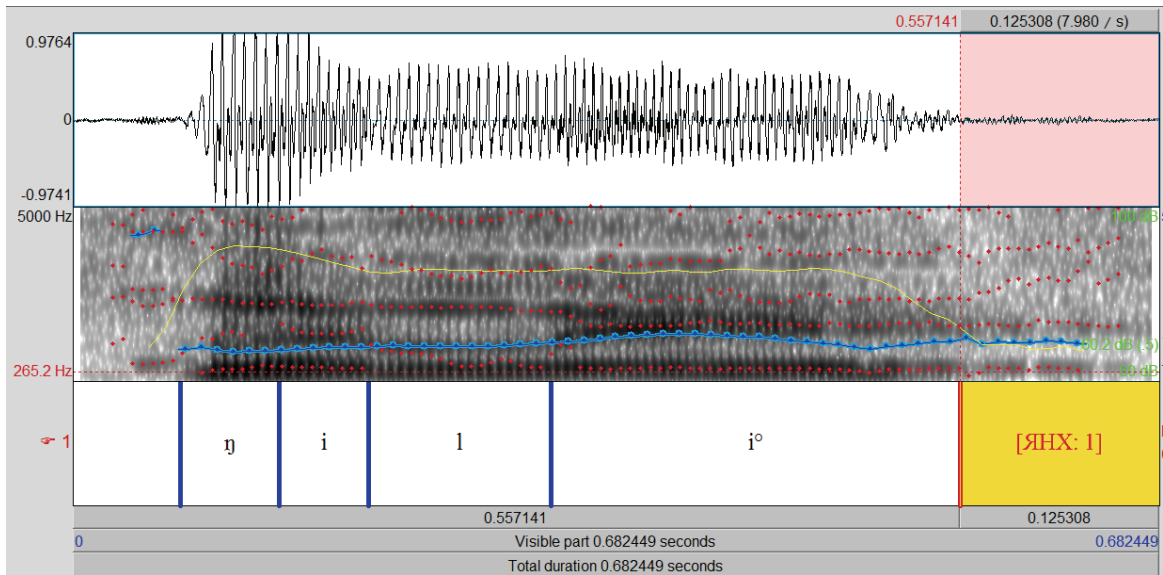
(27Г) Т гыдан. [jɪŋ] *jiri*^o [CYГ: 1] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

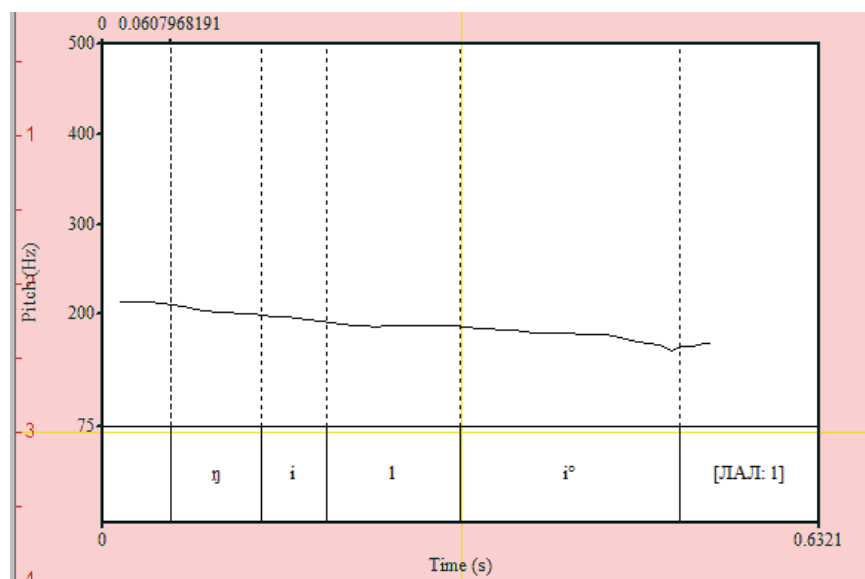
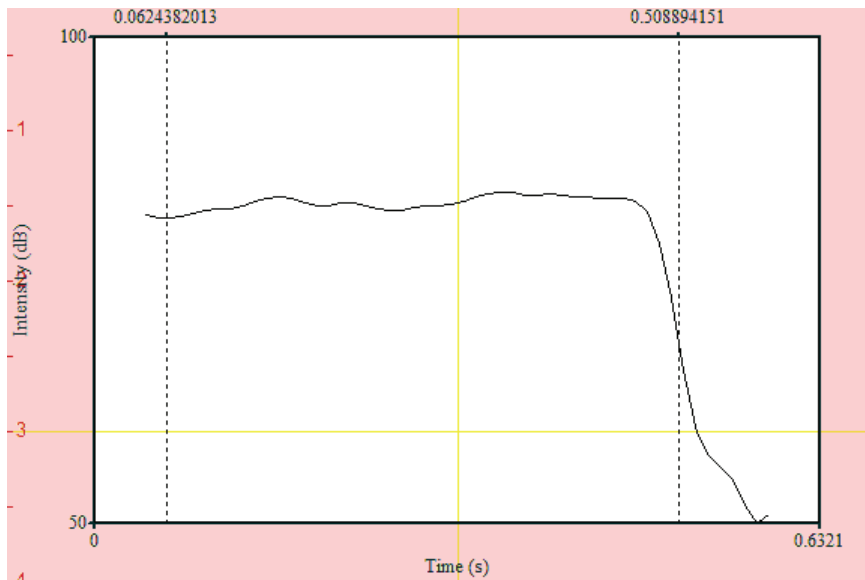
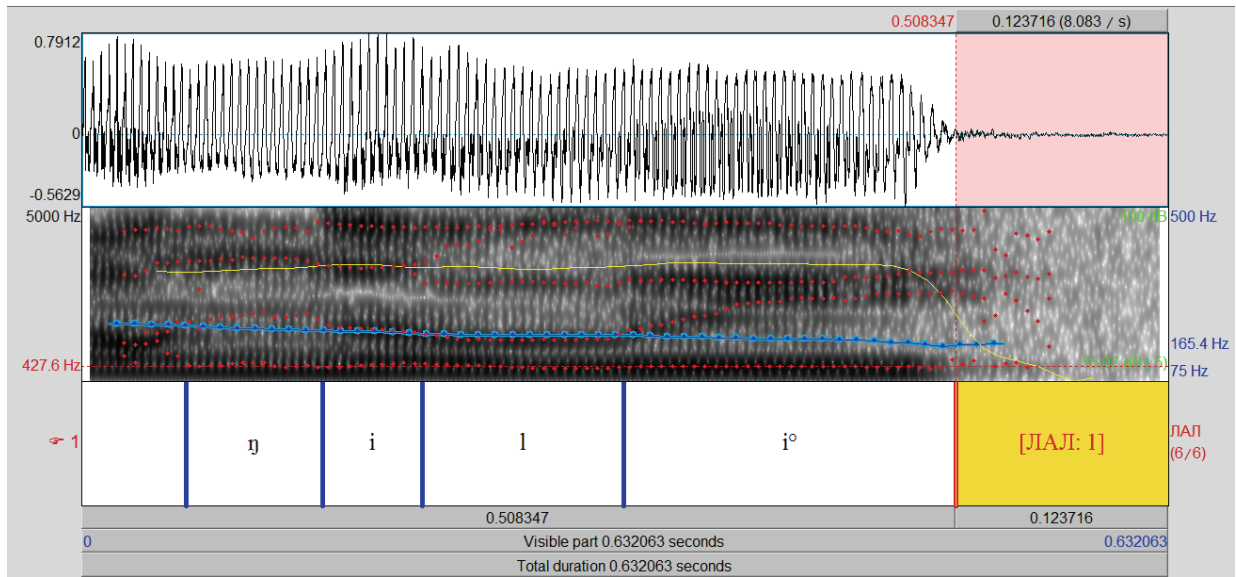
(27Г) Т гыдан. [jir:i]jiri° [СУГ: 2] ‘луна, месяц (светило); месяц (часть года)’

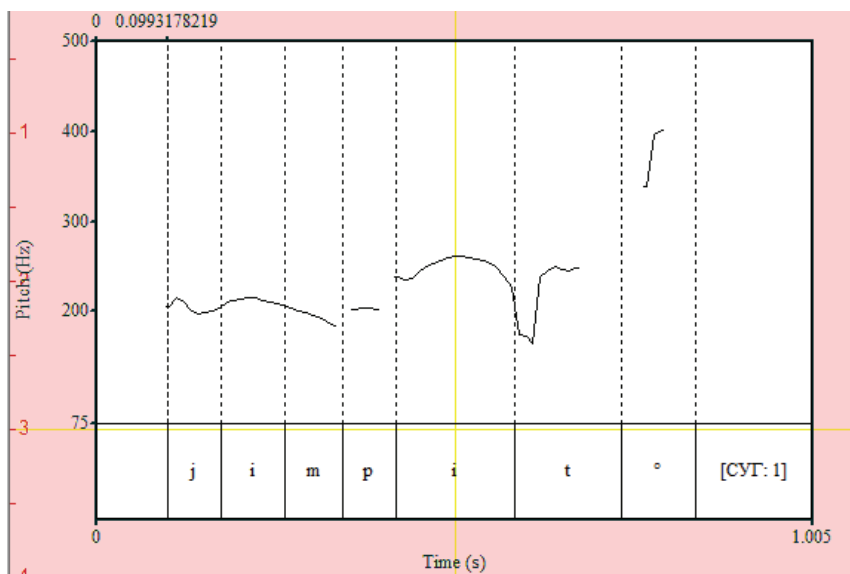
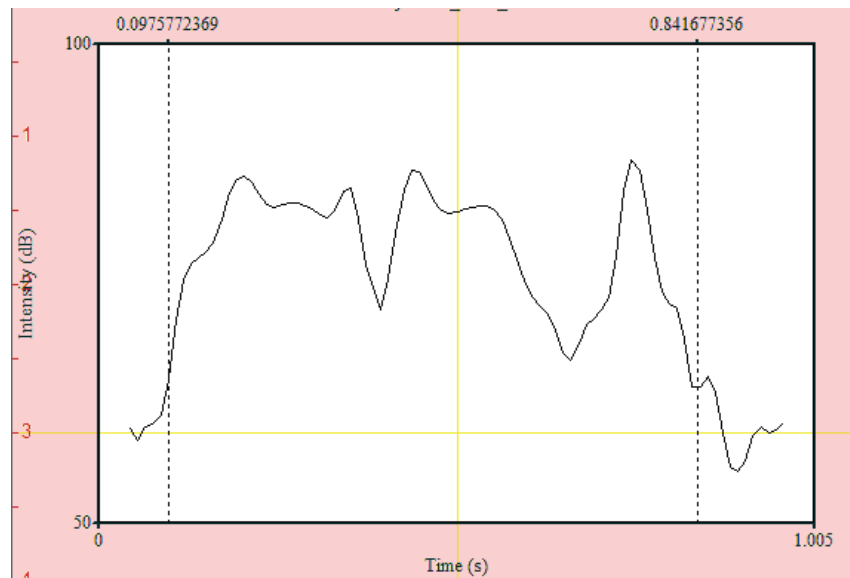
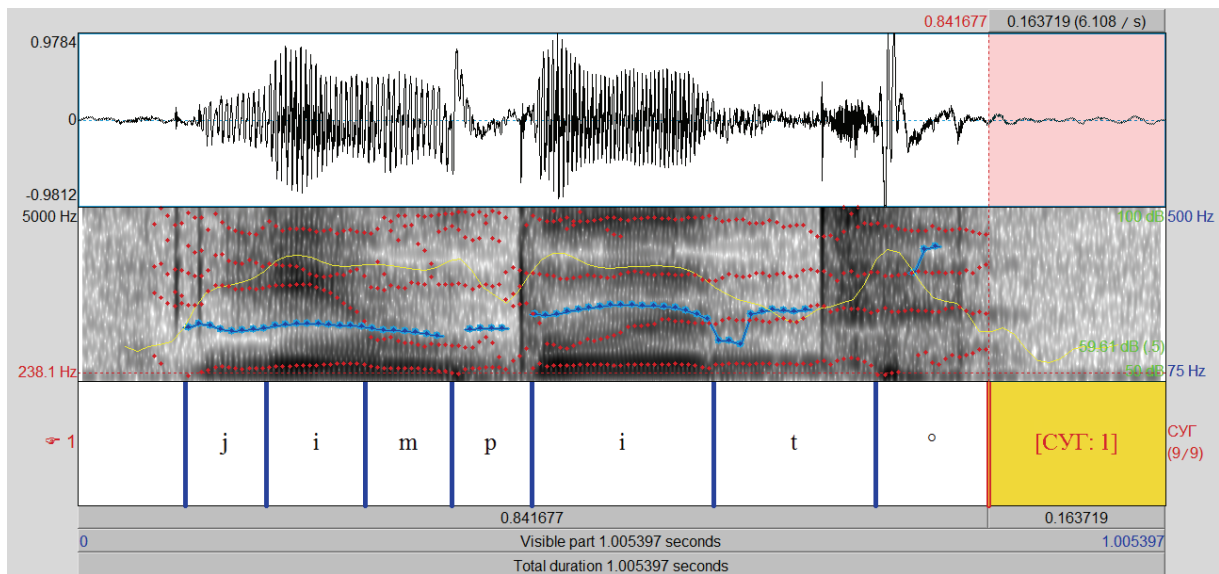
(28Г) Т гыдан. [ŋiŋ] ([ŋəŋi]) *ŋili*° [ЯНХ: 1] ‘нижний, находящийся внизу, находящийся под кем-либо, чем-либо’

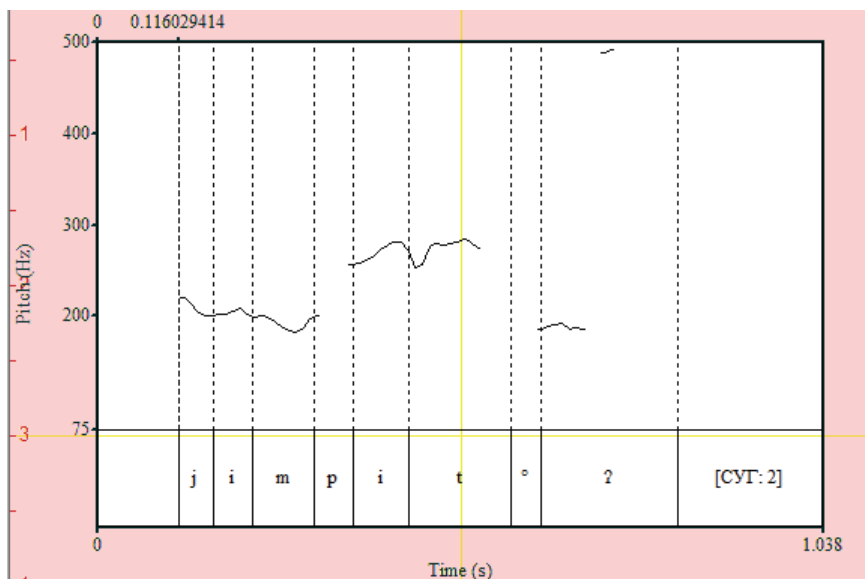
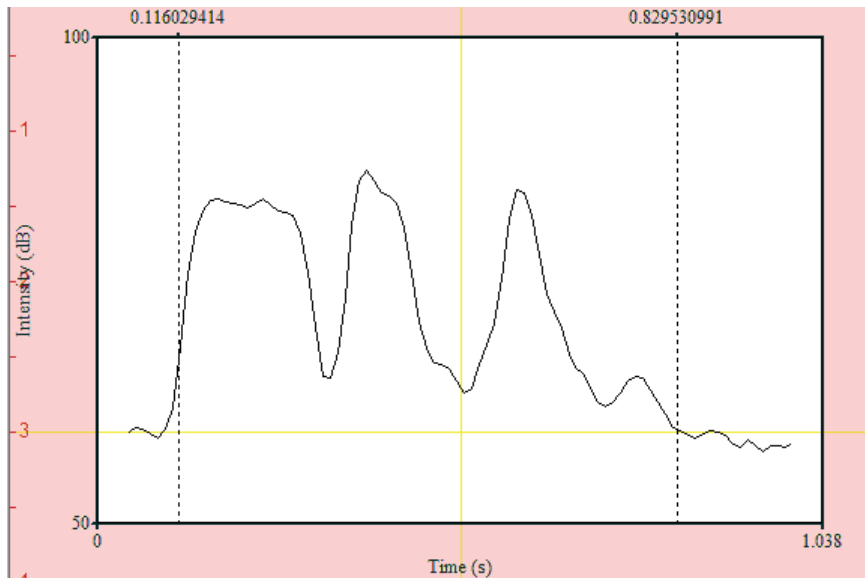
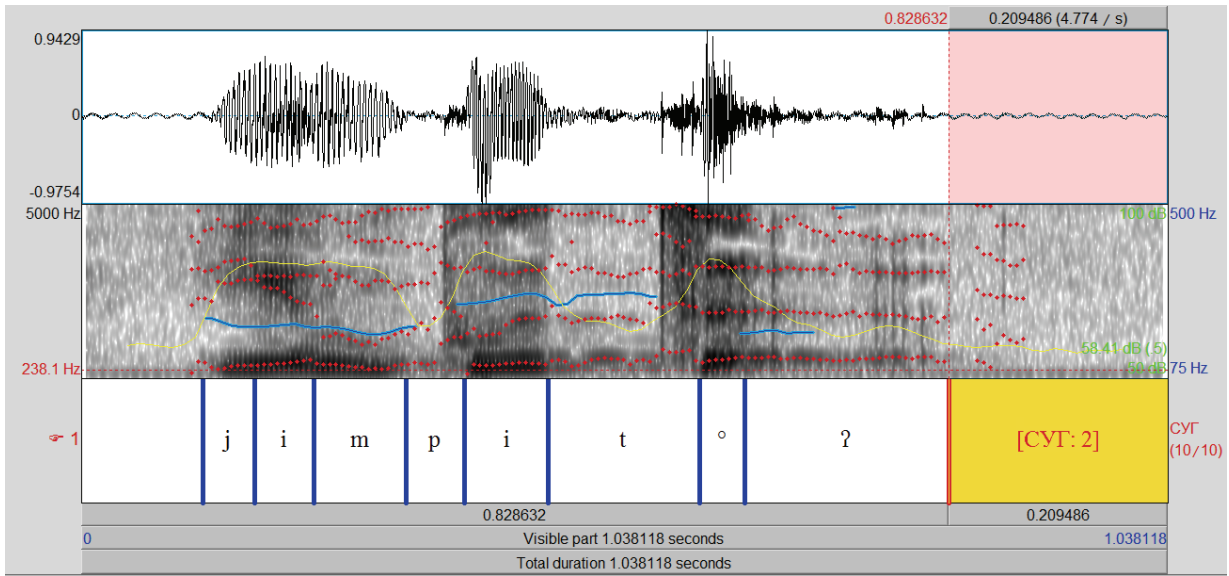
(28Г) Т гыдан. [ŋŋi] ([ŋəli] *ŋili*° [ЛАЛ: 1] ‘нижний, находящийся внизу, находящийся под кем-либо, чем-либо’

(29Г) Т гыдан. [jimbít^h(°)] *jimpit*? [СУГ: 1] ‘платье (женское)’

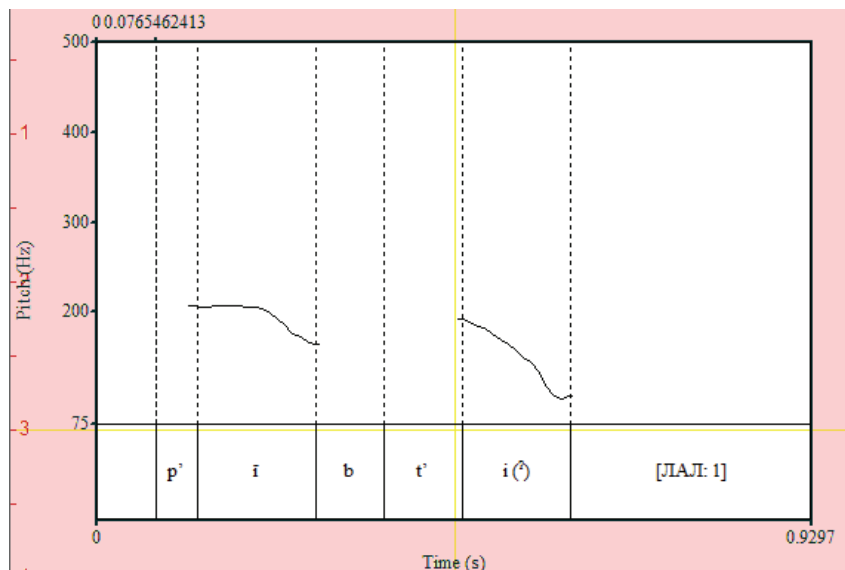
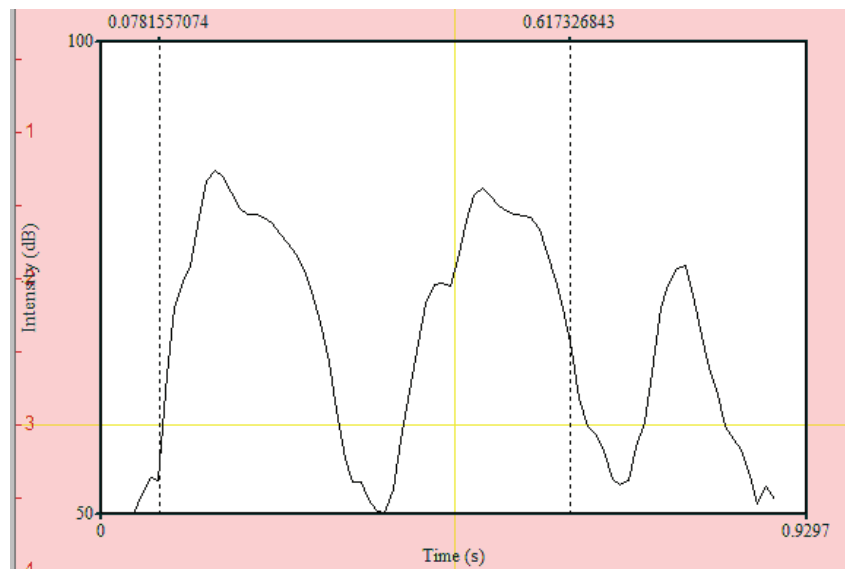
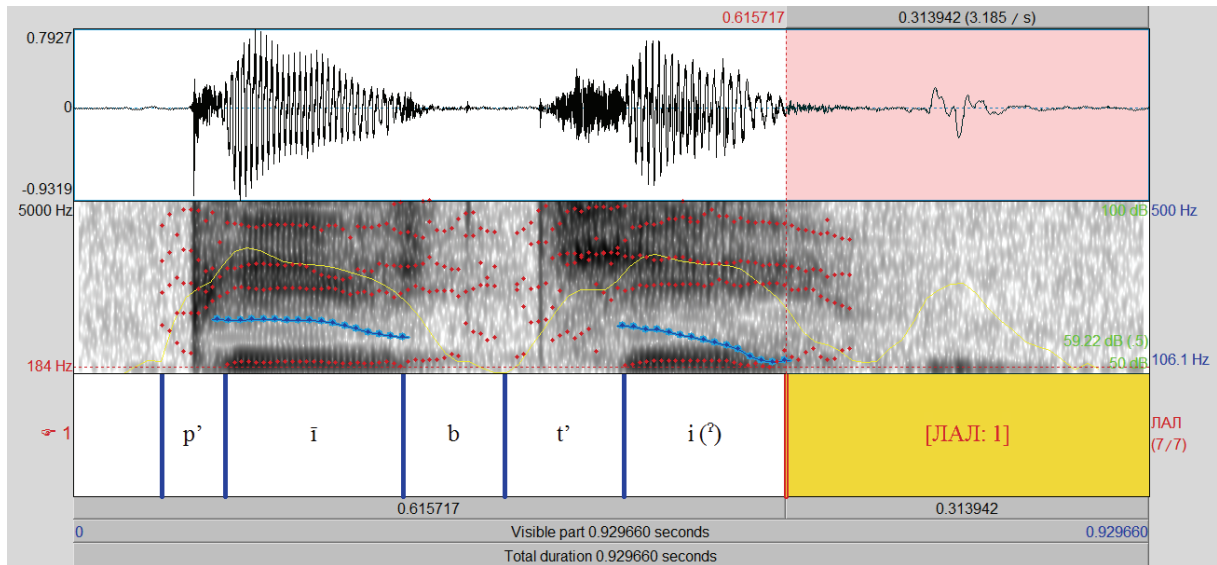

(29Г) Т гыдан. [jɪmpɪtʰəʔ] *jimpit*? [СУГ: 2] ‘платье (женское)’

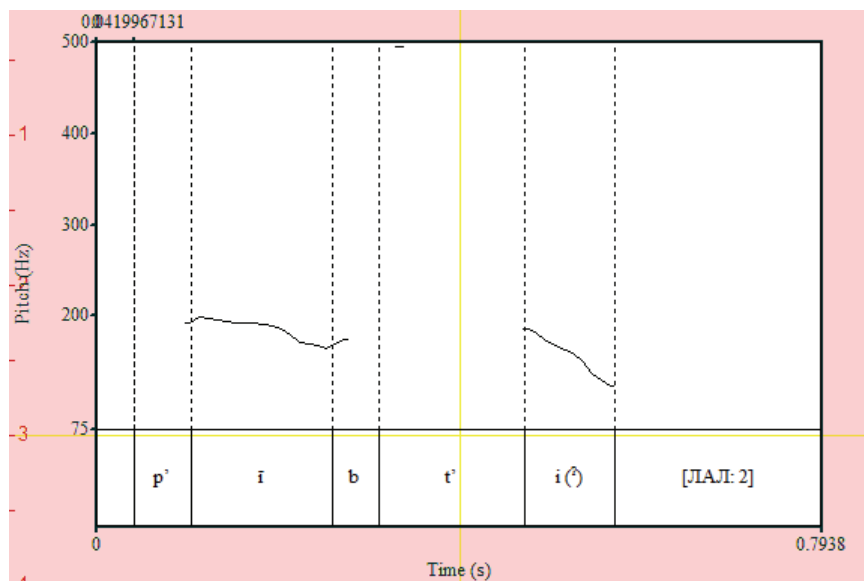
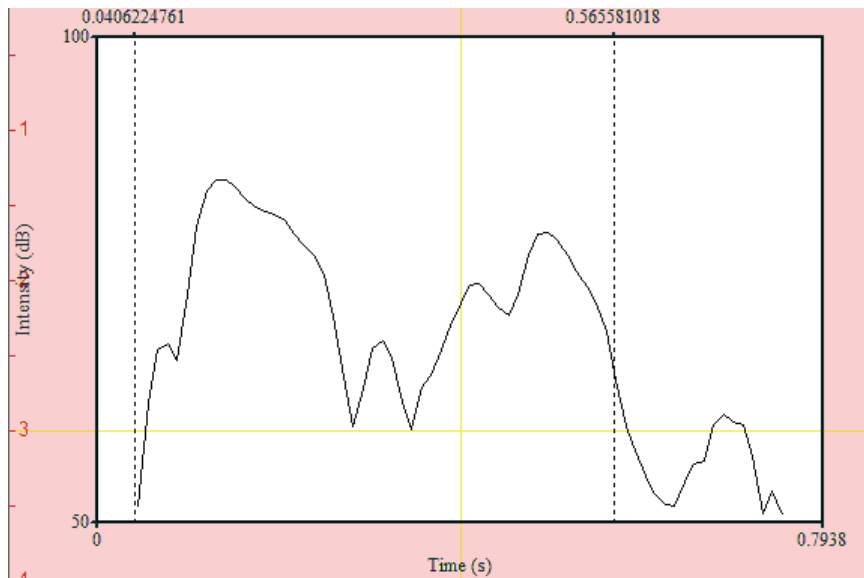
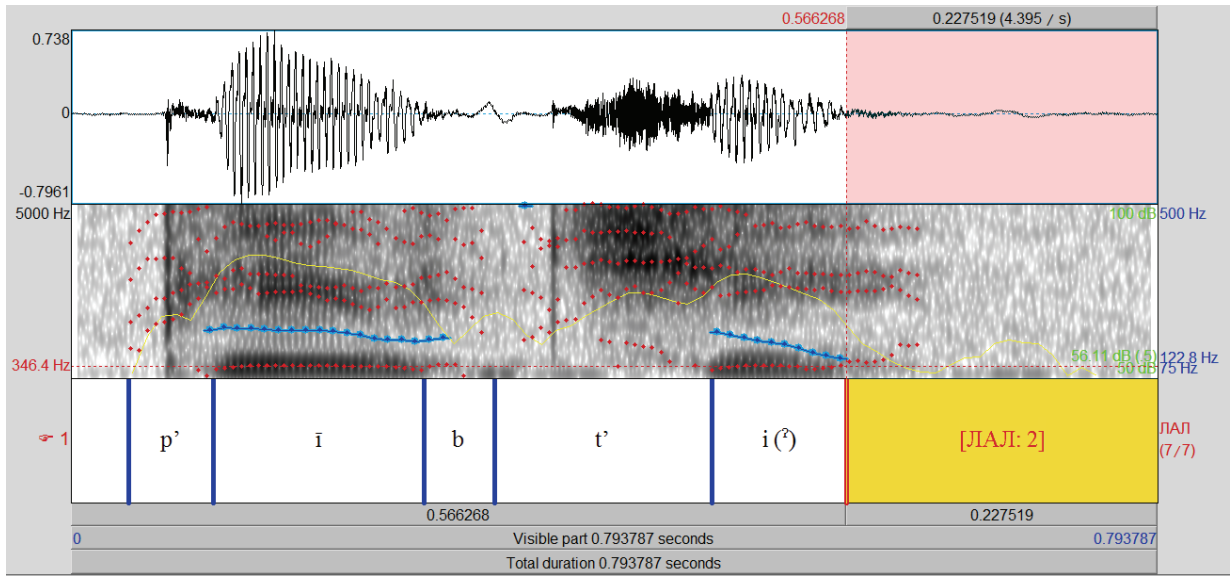

2. Фонетические слова с аллофонами противопоставленных по долготе гласных фонем верхнего подъема \bar{i} / \bar{i} и i / i в первом и втором слогах

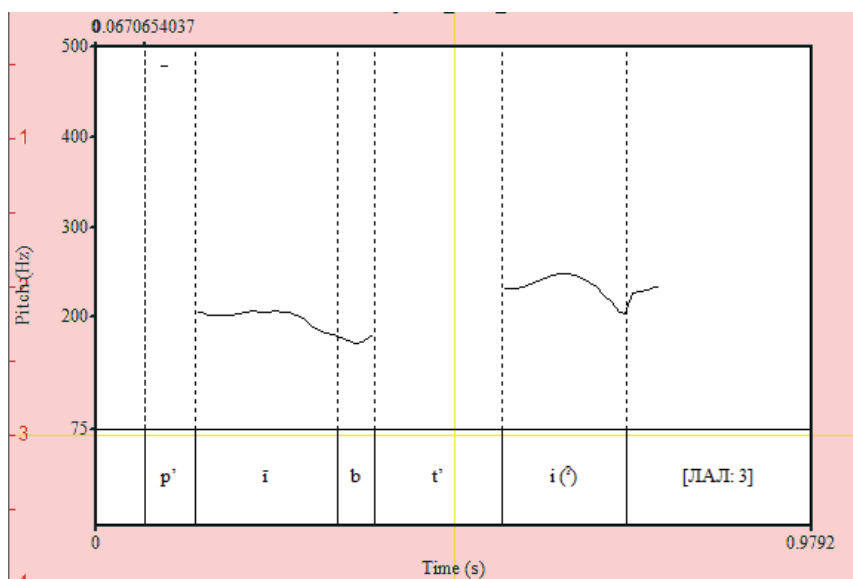
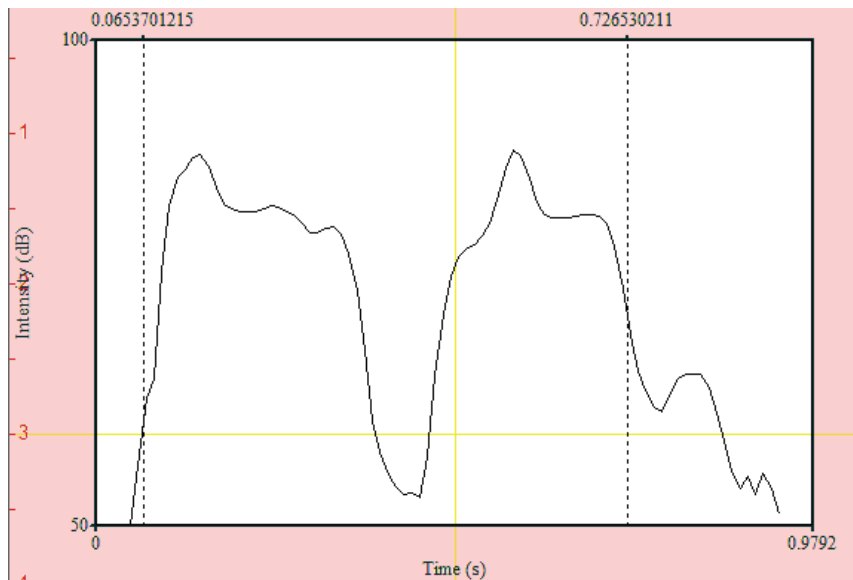
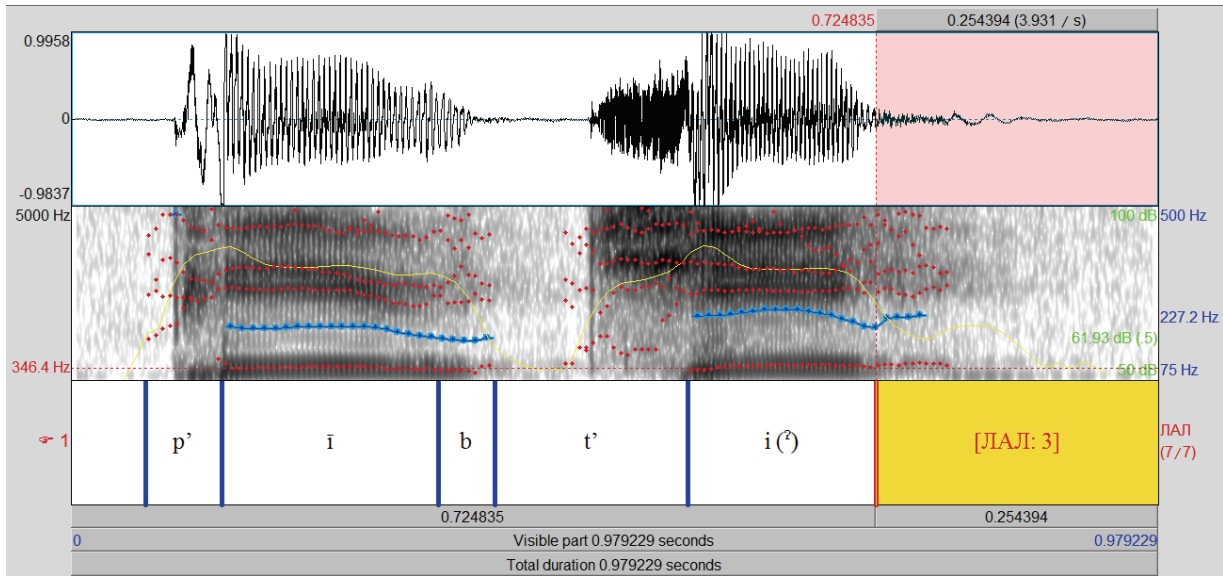
(30Г) Т гыдан. [pʰɪpt̪i] pʰɪbt̪iʲ [ЛАЛ: 1] ‘нижняя губа’

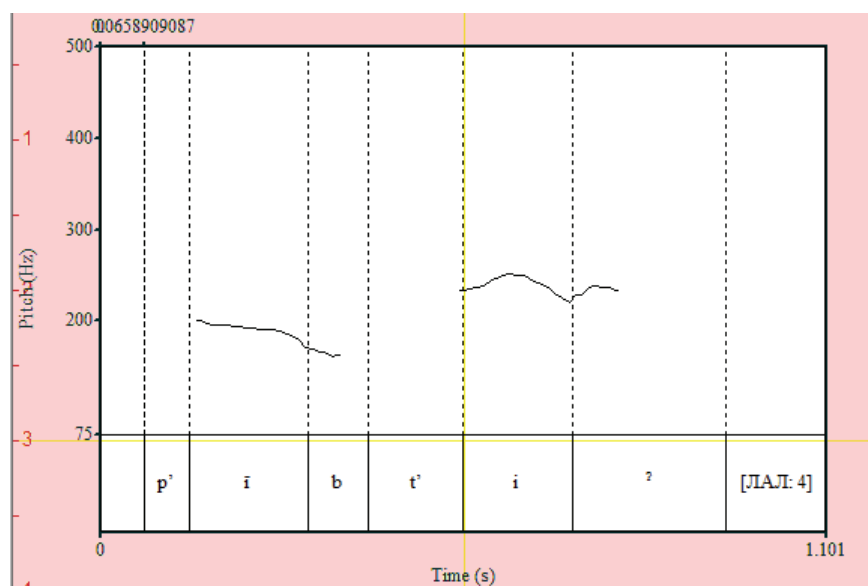
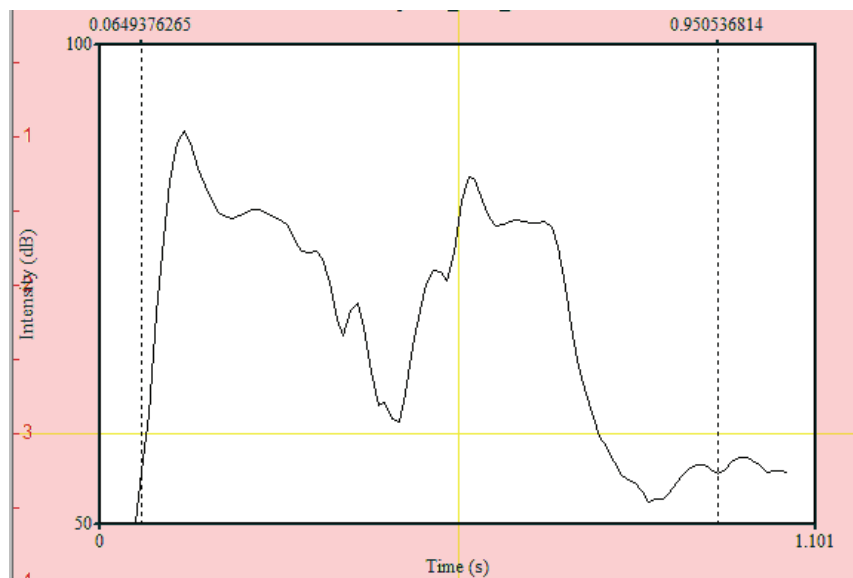
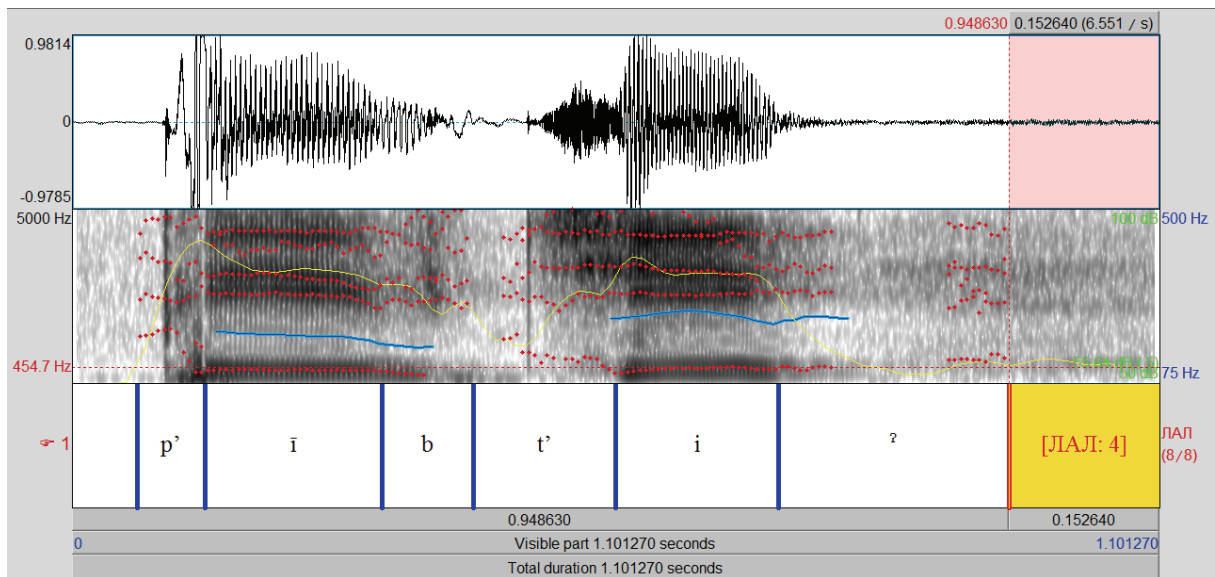
(30Г) Т гыдан. [pʰb̄t̄eɪ] pʰbtʰiʲ [ЛЛАЛ: 2] ‘нижняя губа’

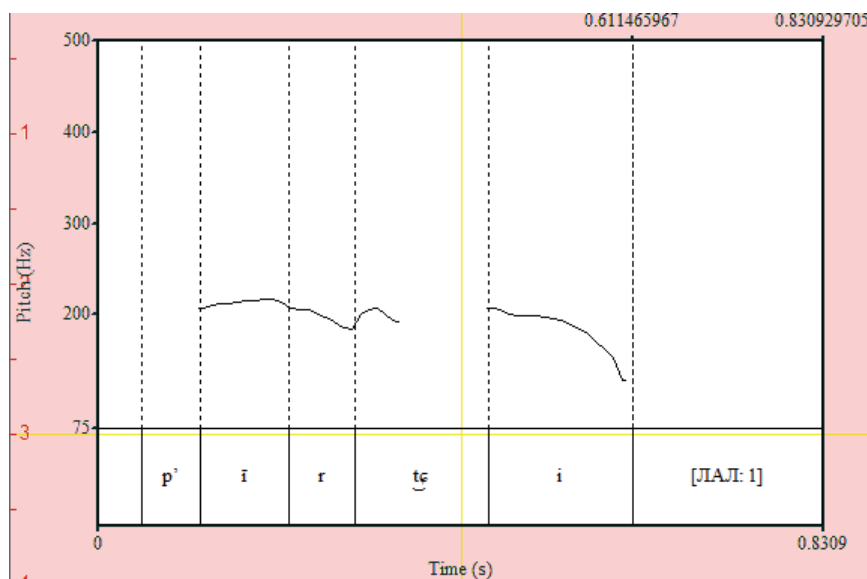
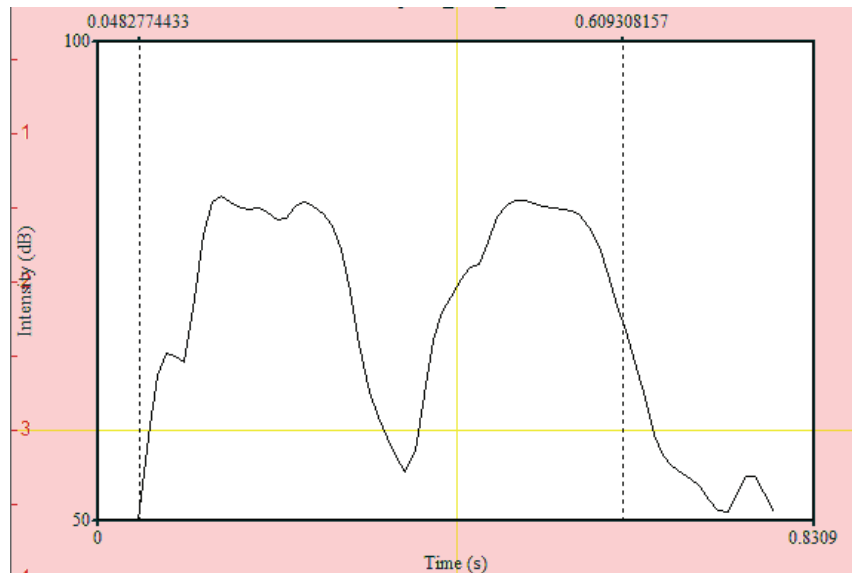
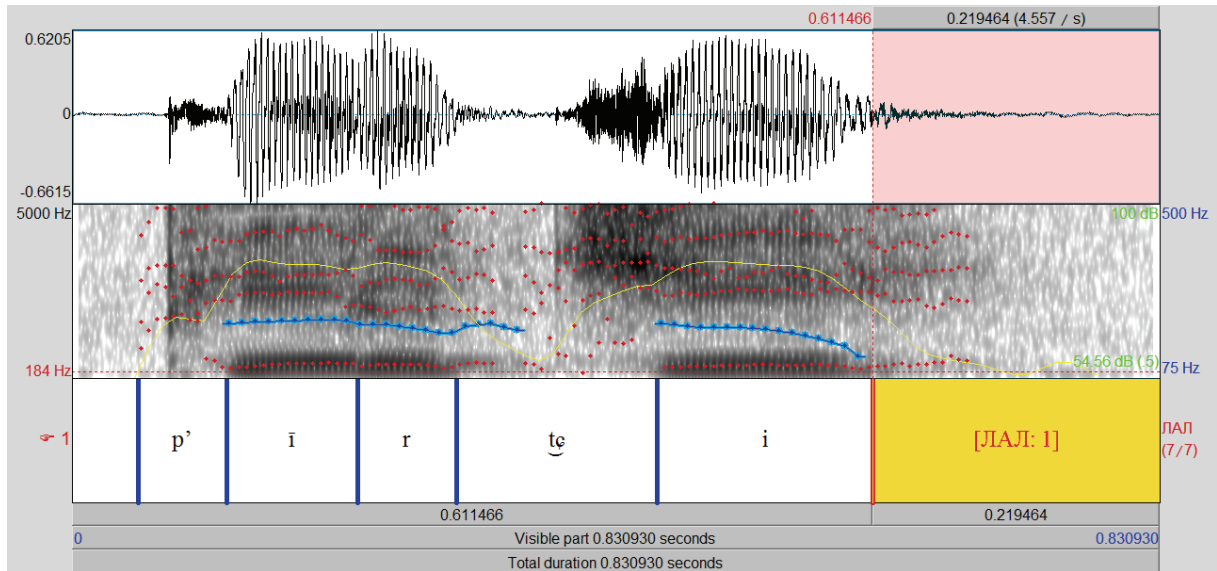
(30Г) Т гыдан. [pʰb̥t̥ei] pʰbt̥iʔ [ЛАЛ: 3] ‘нижняя губа’

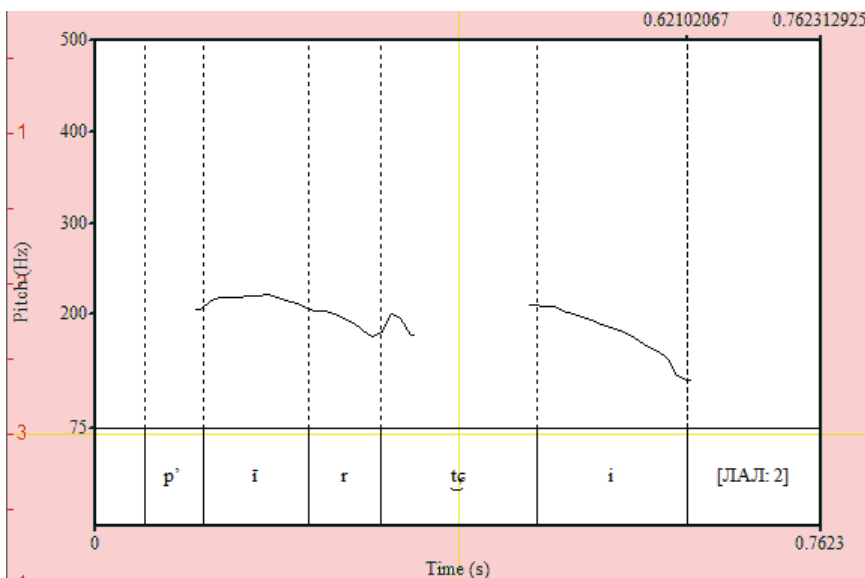
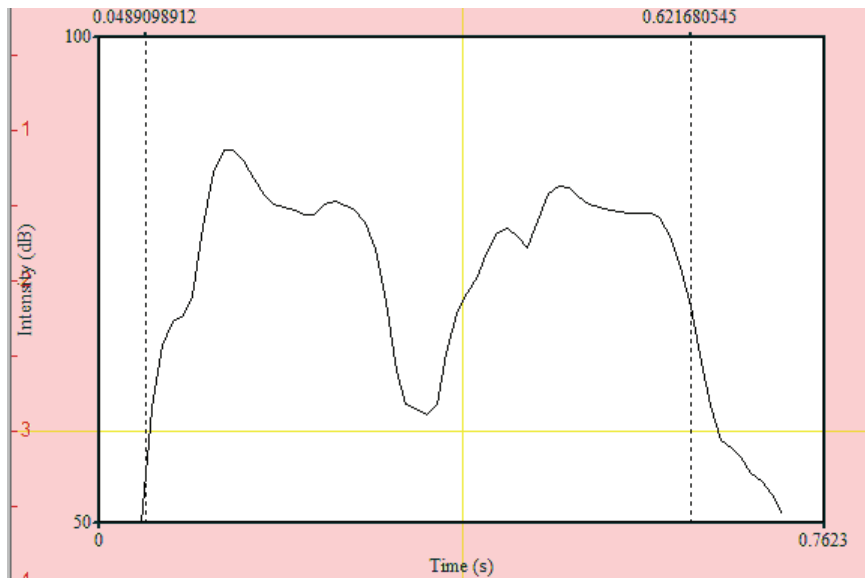
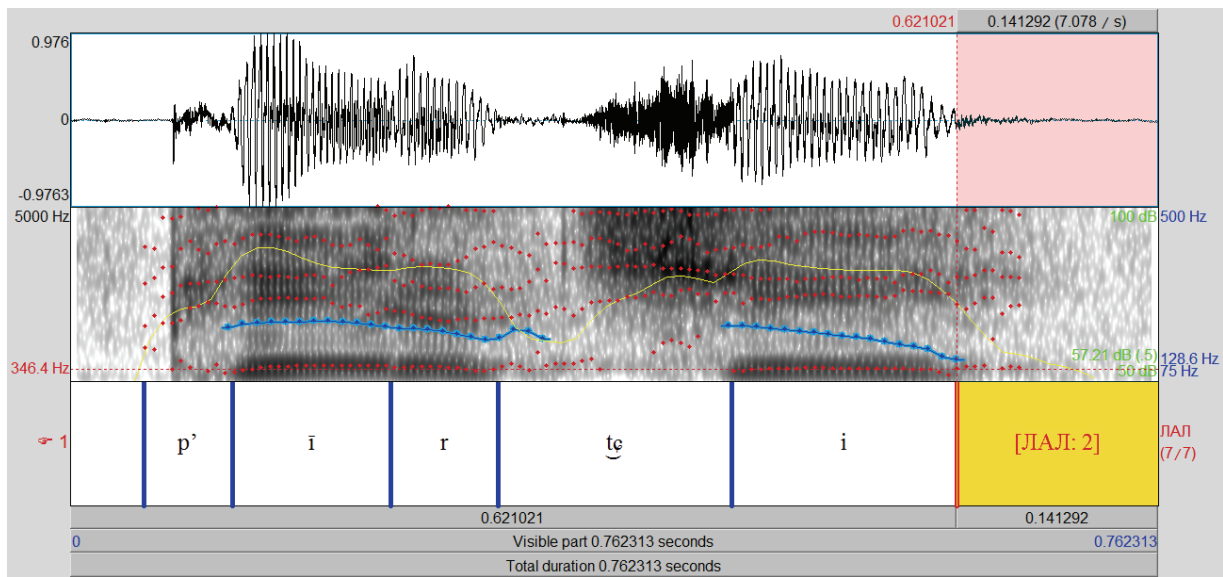
(30Г) Т гыдан. [pʰb̥tʰiʲ] pʰbtʰiʲ [ЛАЛ: 4] ‘нижняя губа’

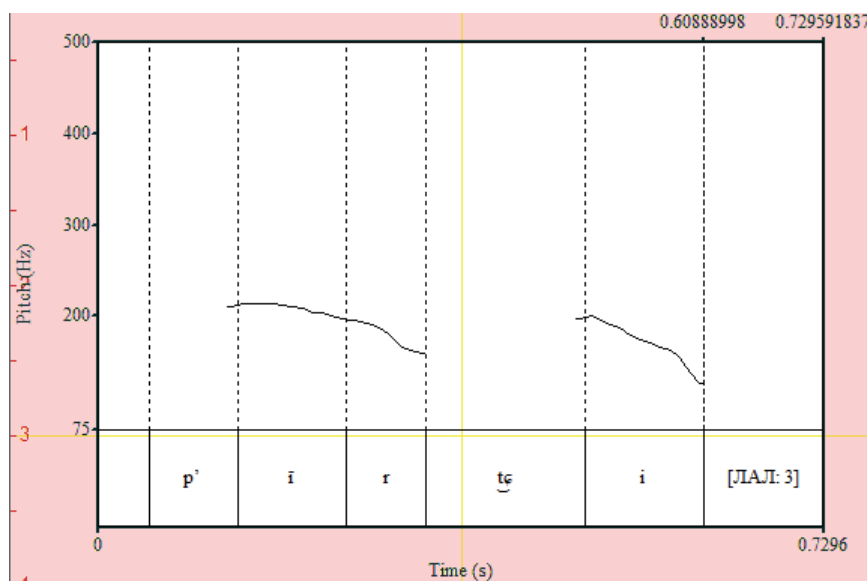
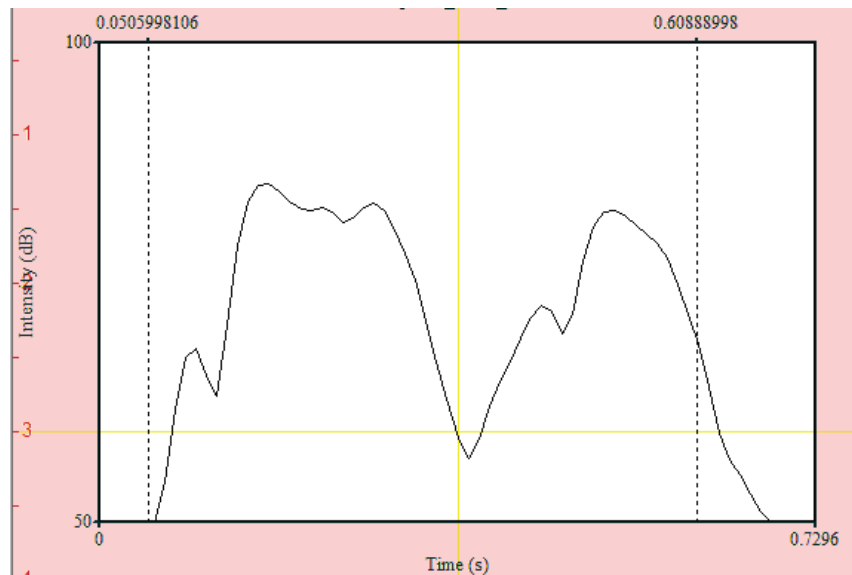
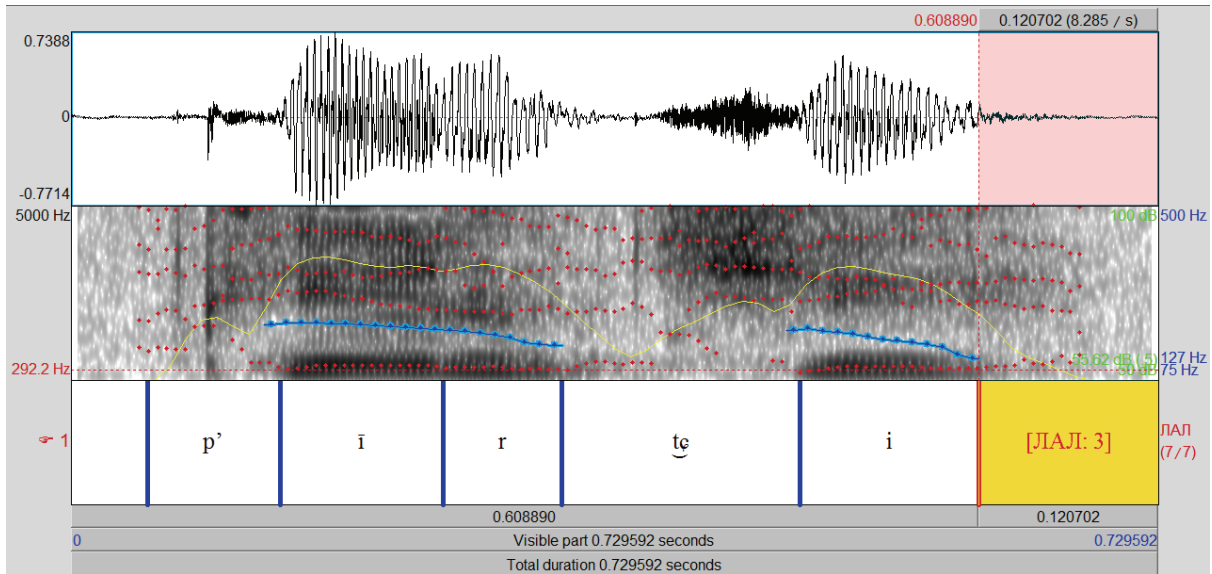
(31Г) Т гыдан. [pʰĩr̥t̪ei] pʰĩrcʰi(?) (pʰĩr̥t̪ei(?)) [ЛЛЛ: 1] ‘желудок птицы’

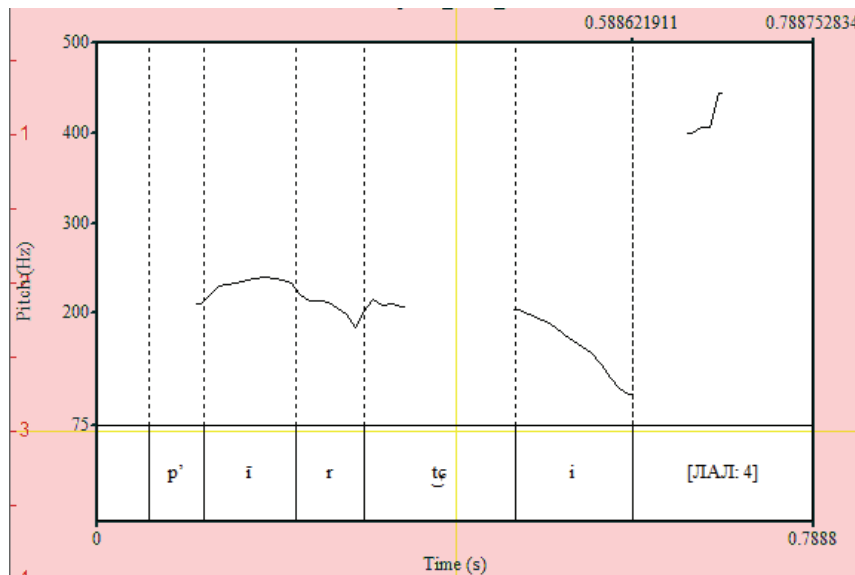
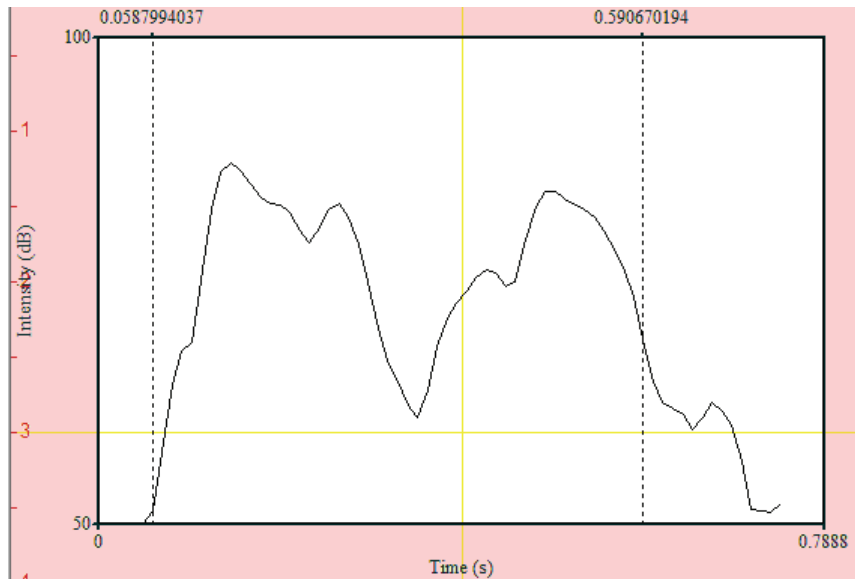
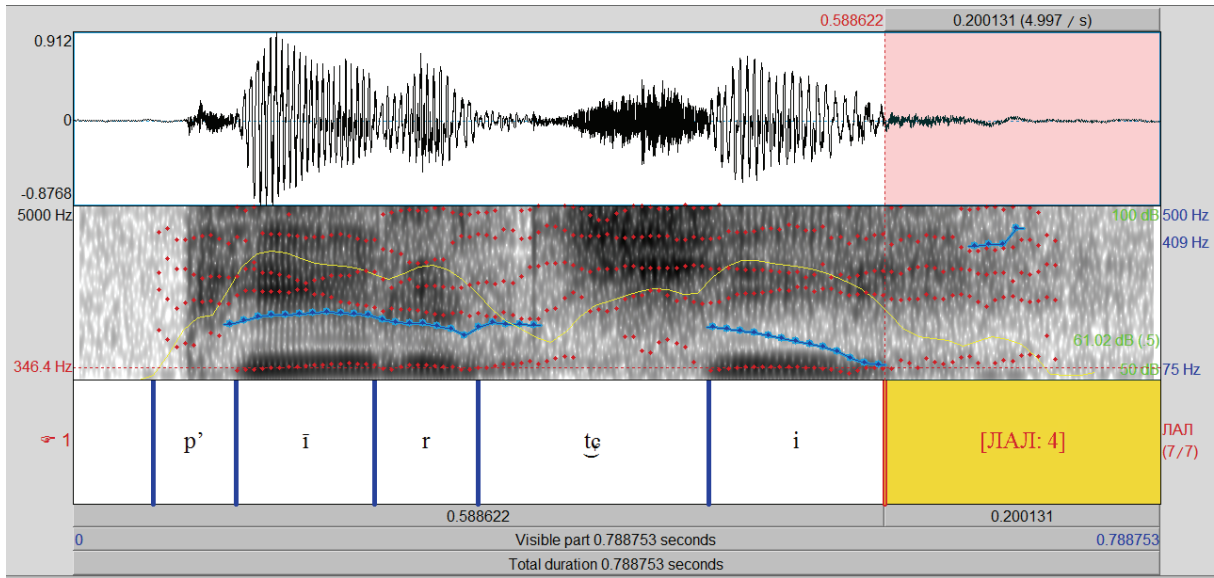
(31Г) Т гыдан. [pʰɪrteɪ] pʰɪrcʰi(?) (pʰɪrteɪ(?)) [ЛАЛ: 2] ‘желудок птицы’

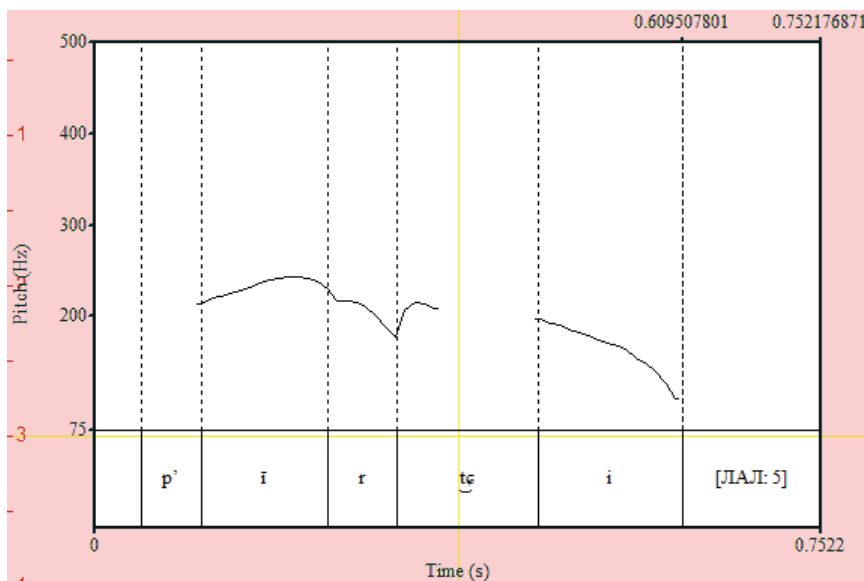
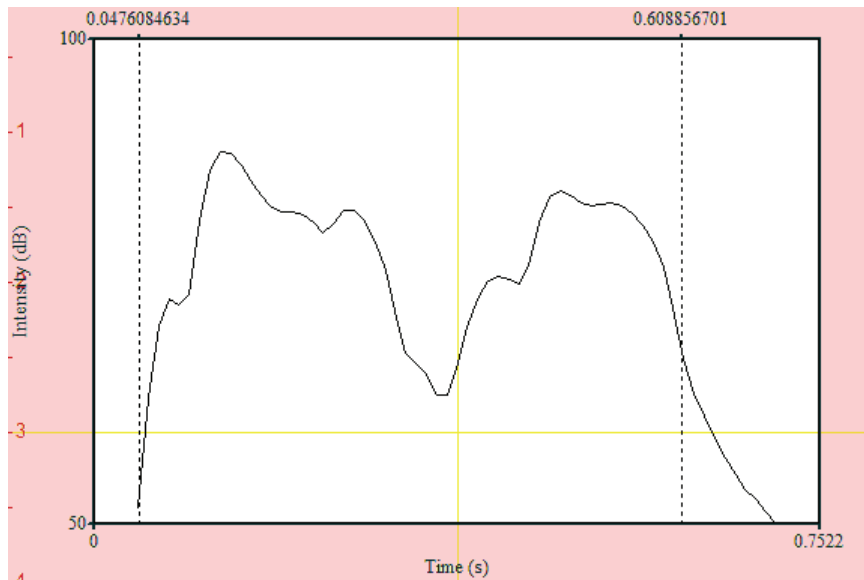
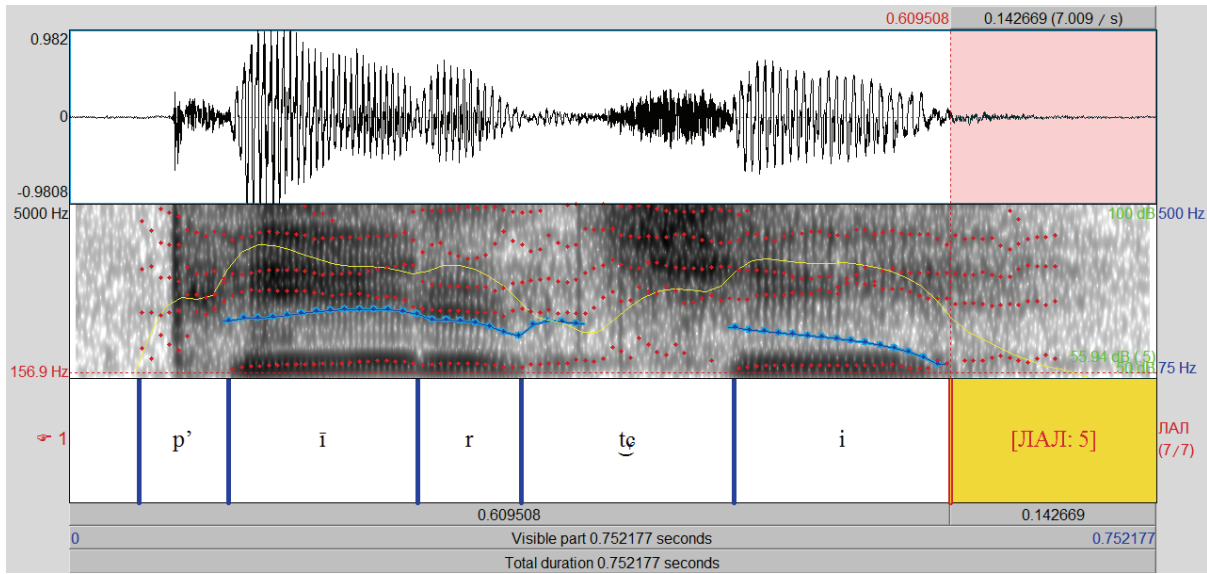
(31Г) Т гыдан. [p̣ʰṛṭeɪ] p̣ʰṛc̣'i(?) (p̣ʰṛṭeɪ(?)) [ЛЛЛ: 3] 'желудок птицы'

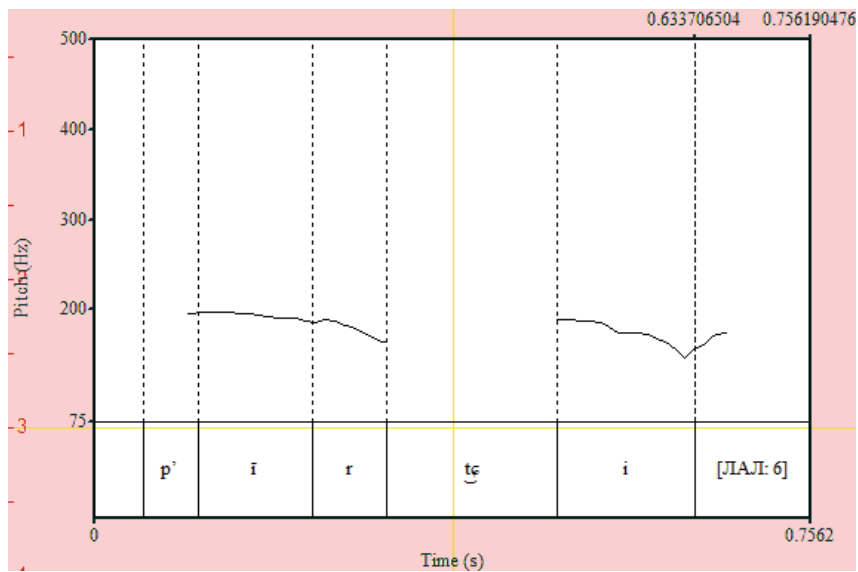
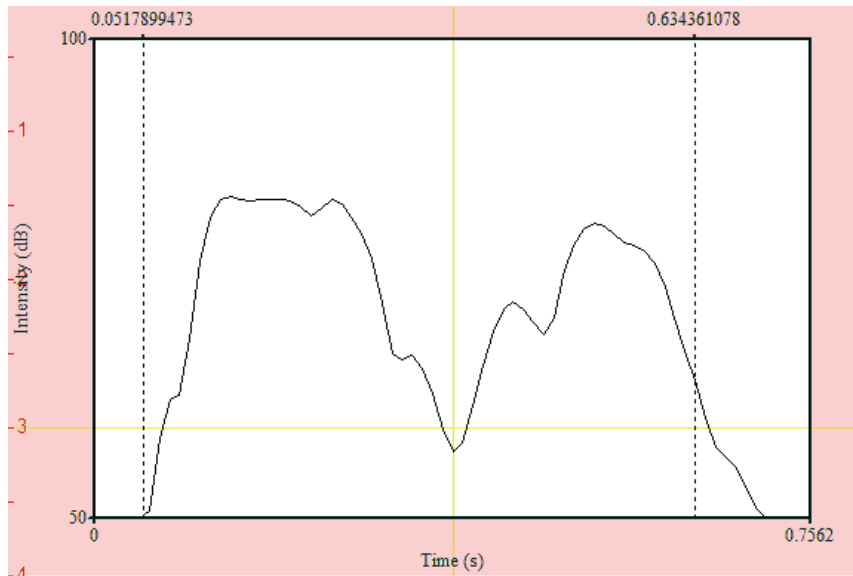
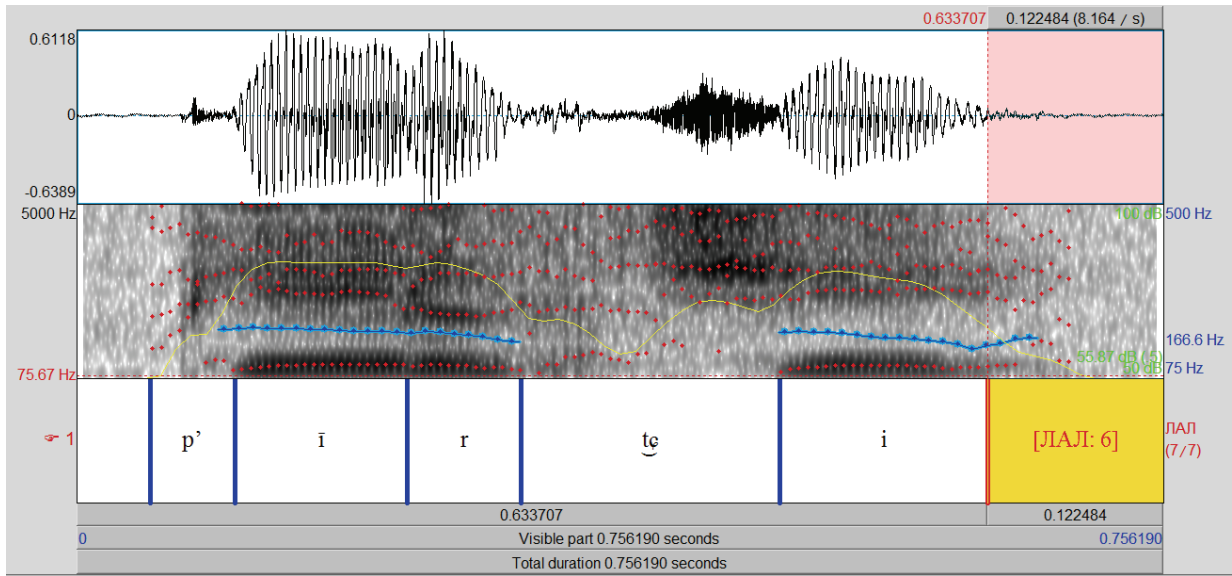
(31Г) Т гыдан. [pʰɪrtɛi] pʰɪrcʰi(?) (pʰɪrtɛi(?)) [ЛАЛ: 4] ‘желудок птицы’

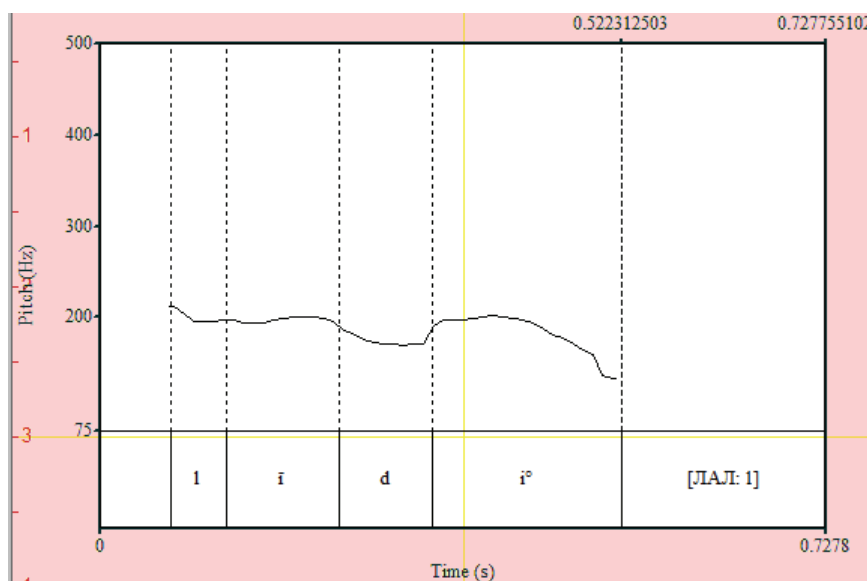
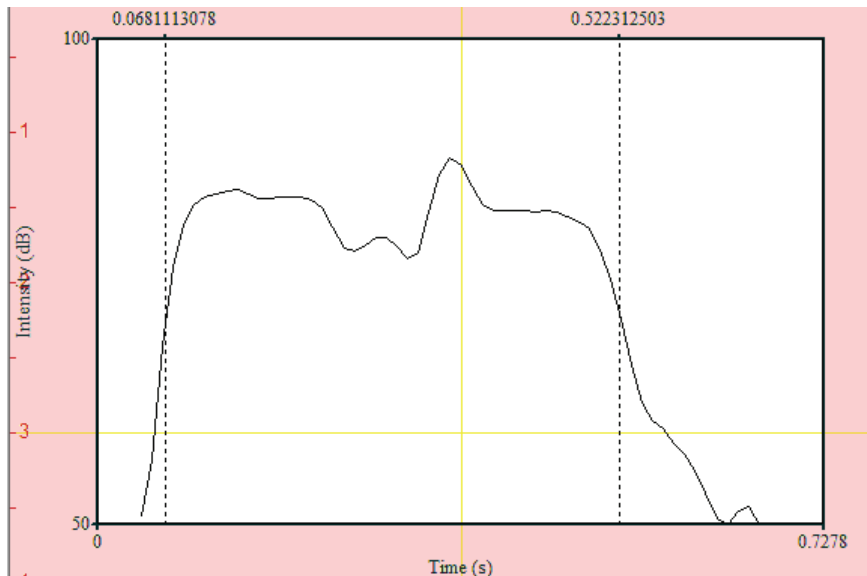
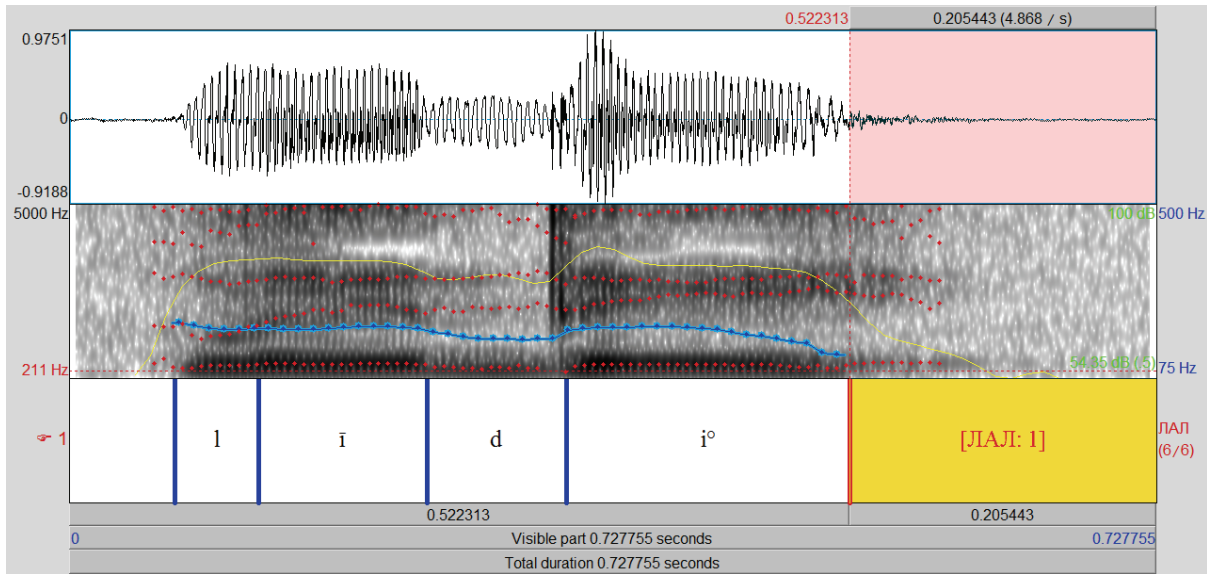
(31Г) Т гыдан. [p'irtɛi] p'irc'i(?) (p'irtɛi(?)) [ЛЛЛ: 5] 'желудок птицы'

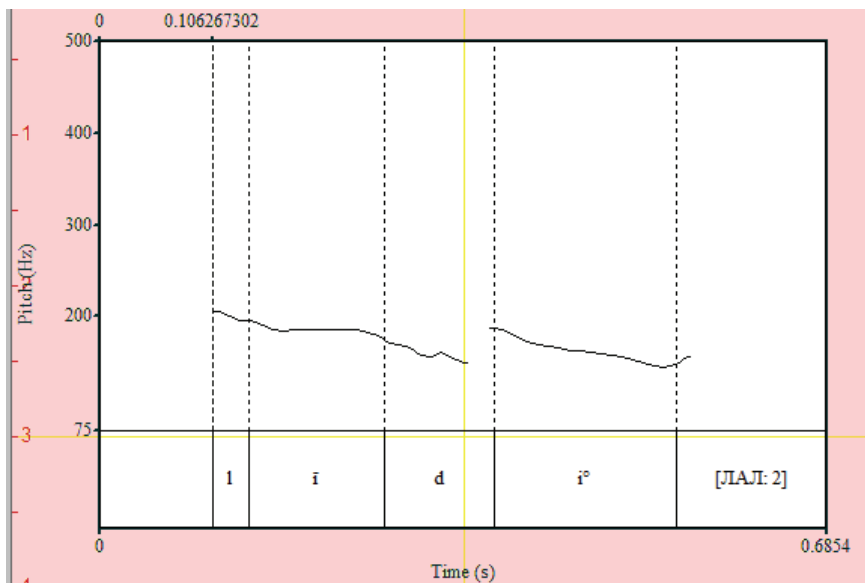
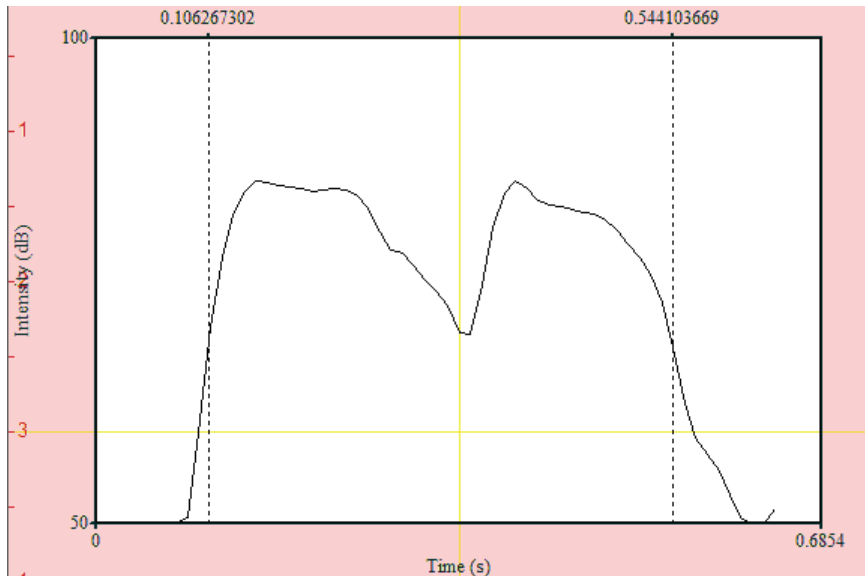
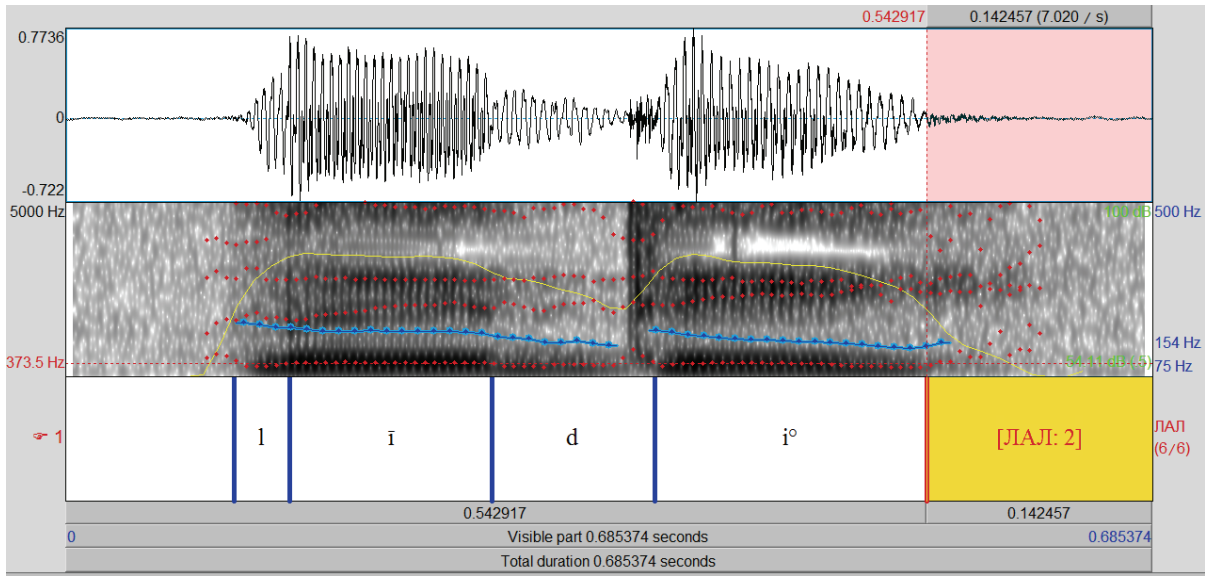
(31Г) Т гыдан. [pʰɪrteɪ] pʰɪrcʰi(?) (pʰɪrteɪ(?)) [ЛАЛ: 6] ‘желудок птицы’

(32Г) Т гыдан. [l̥d̥i] l̥di° [ЛЛЛ: 1] ‘позвоночник’

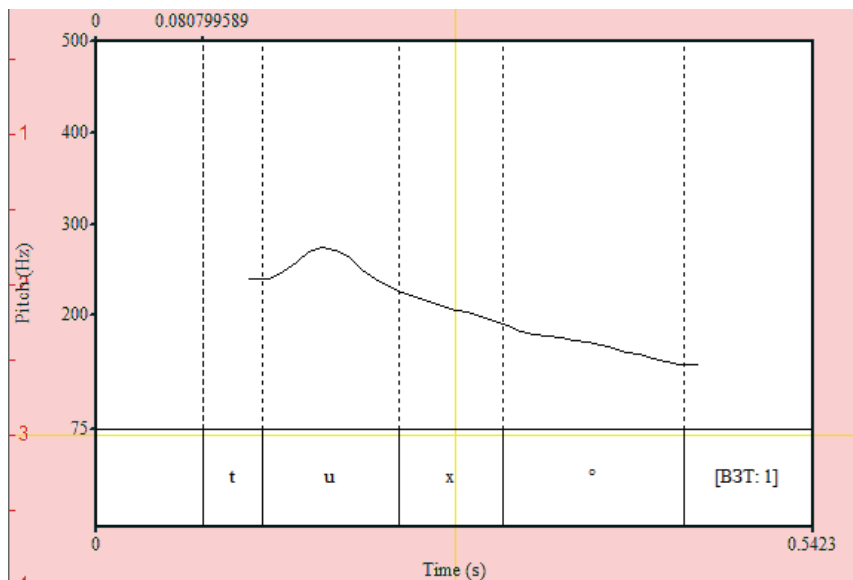
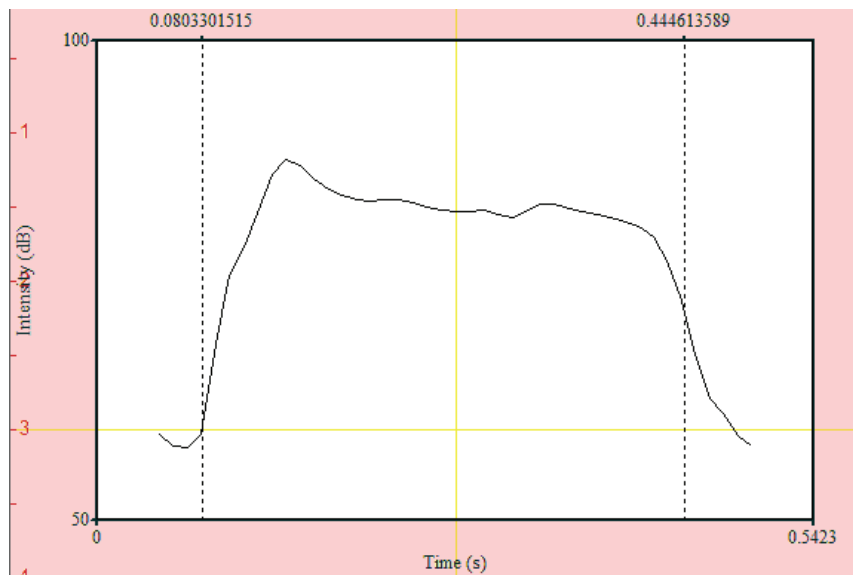
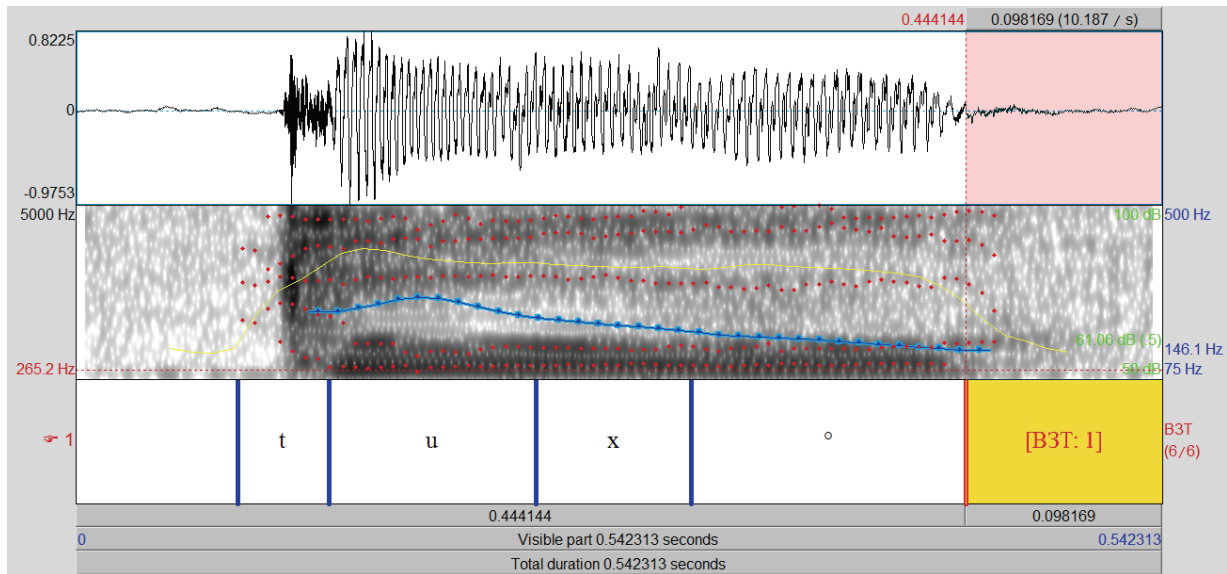

(32Г) Т гыдан. [l̥d̥i̯] l̥di̯° [ЛЛЛ: 2] ‘позвоночник’

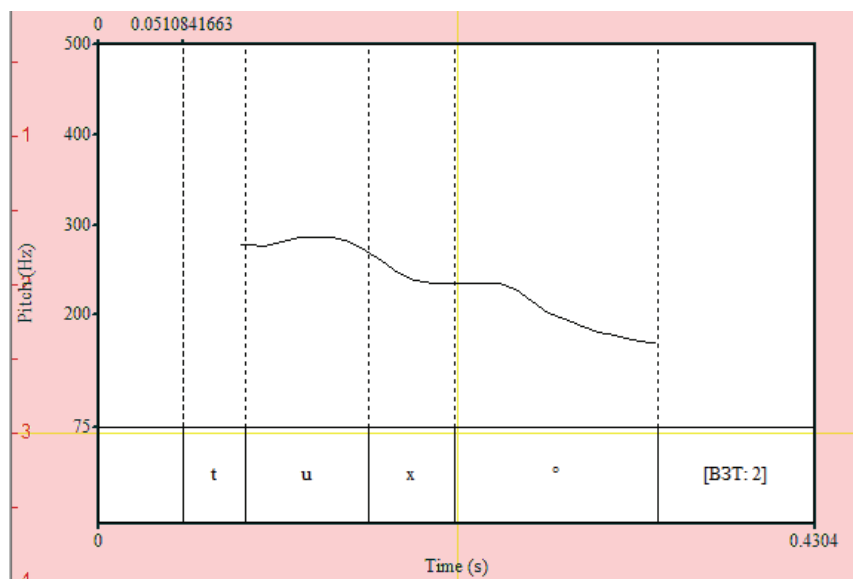
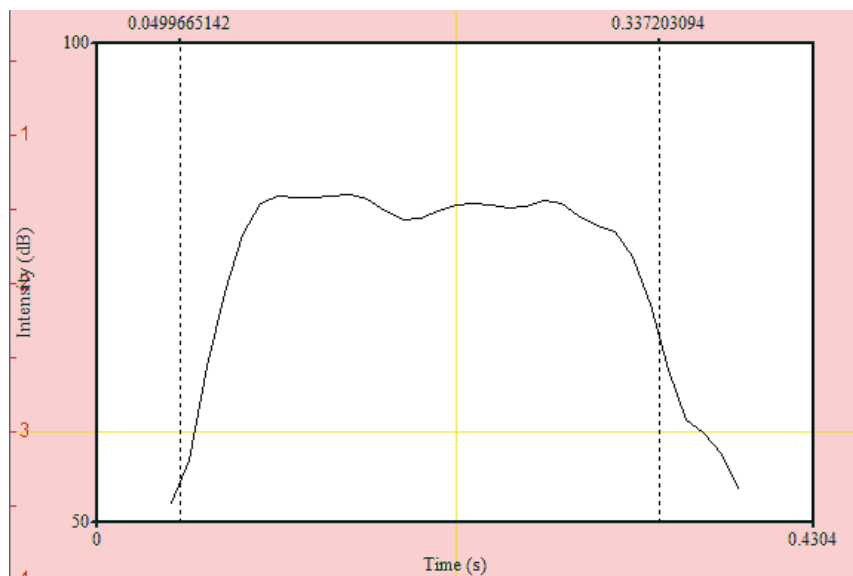
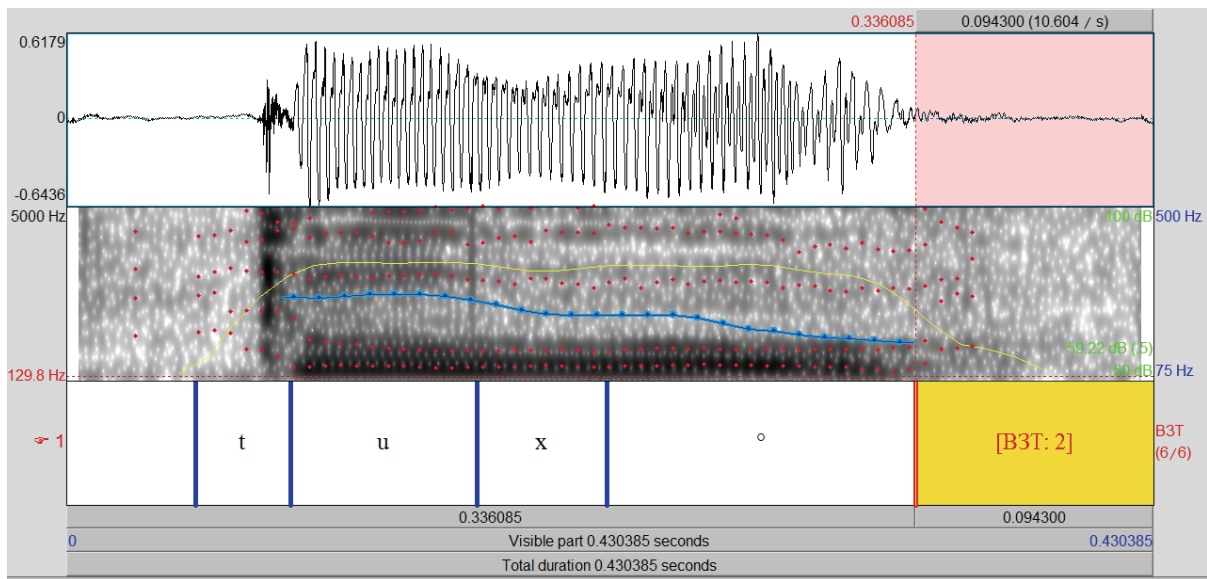

3. Фонетические слова с гласными верхнего подъема заднего ряда в первом и втором слогах

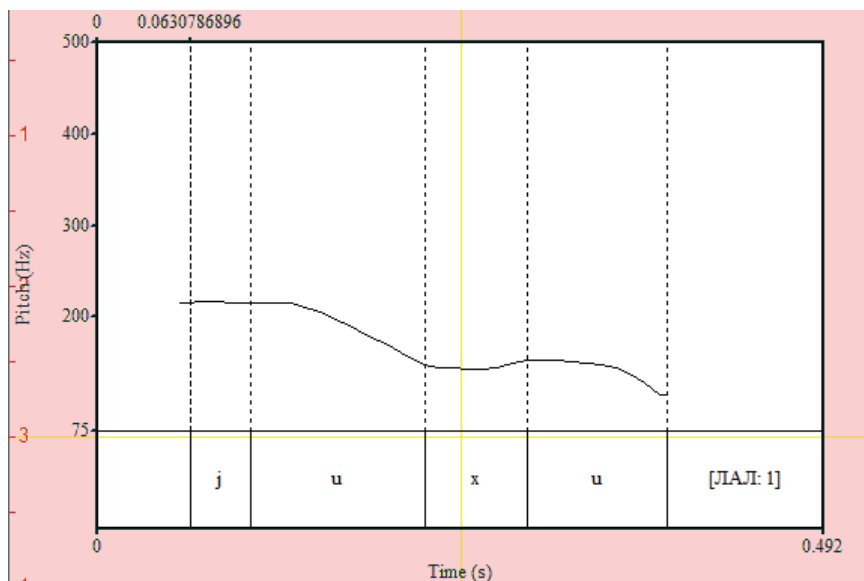
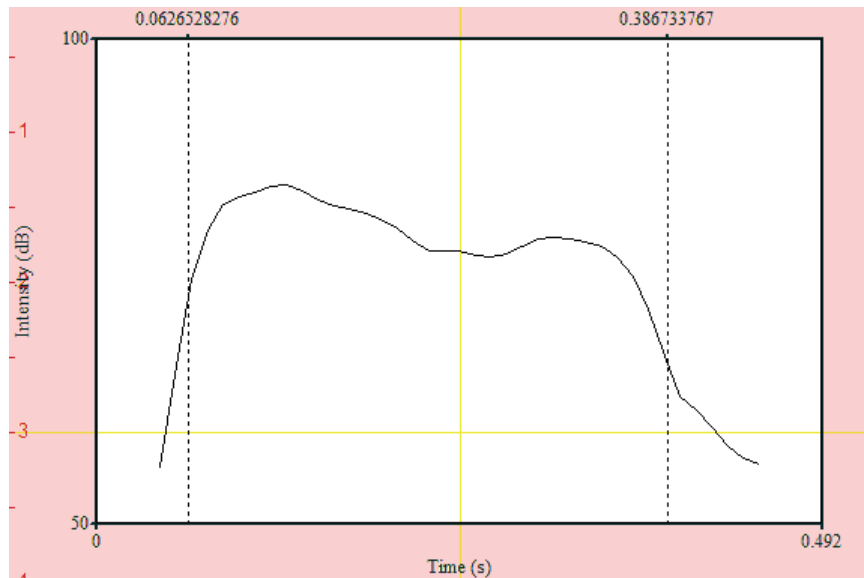
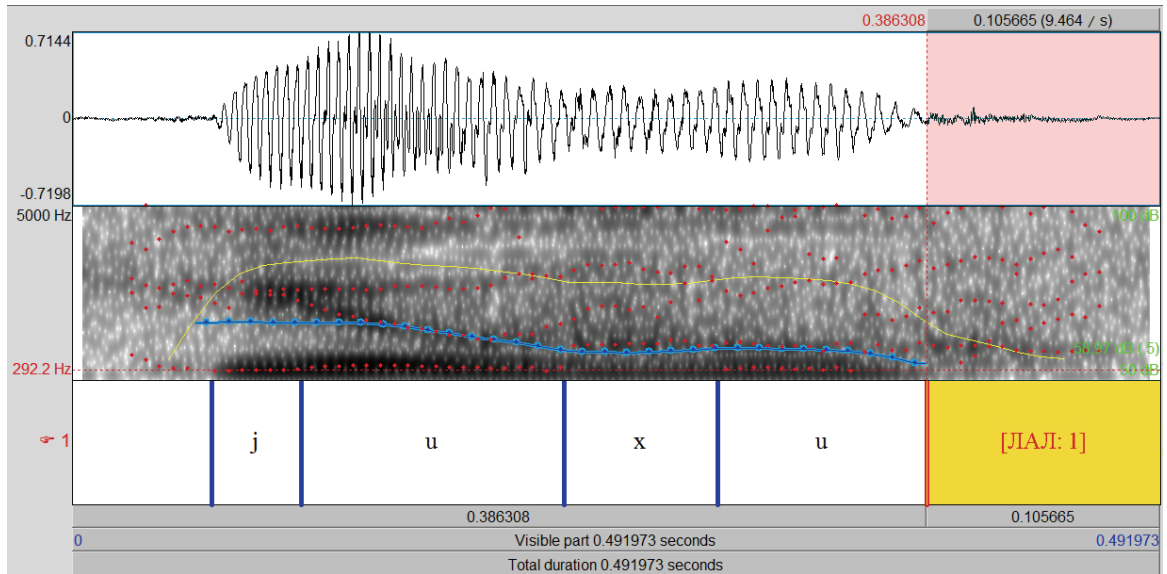
(33Г) Т гыдан. [t^húço] *tux*° [B3T: 1] ‘муха’

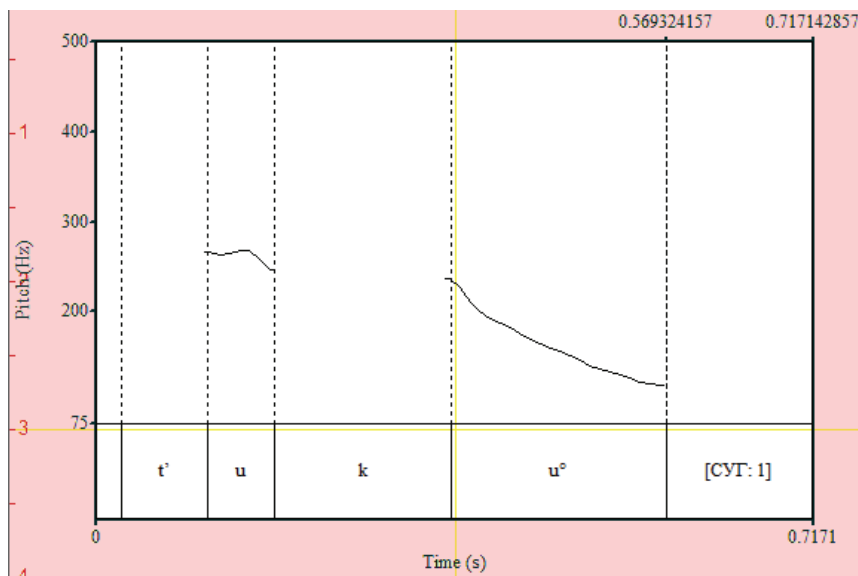
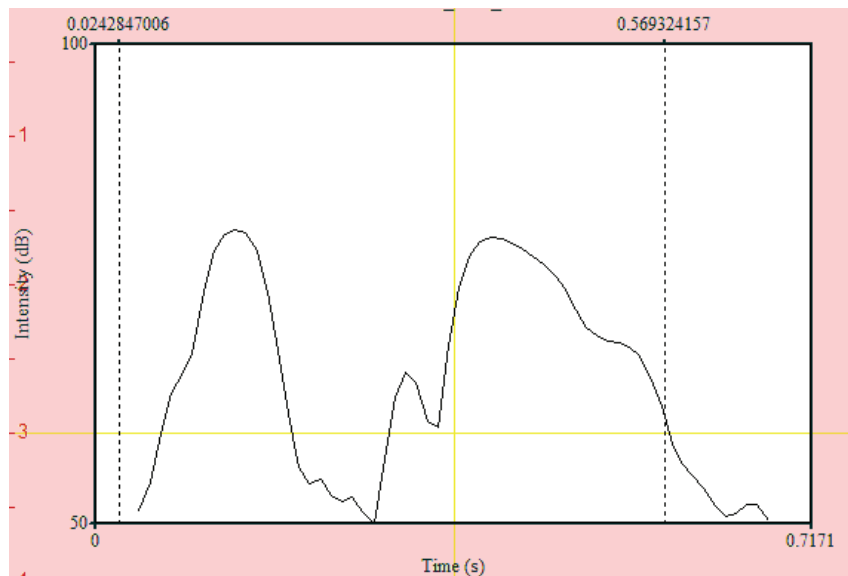
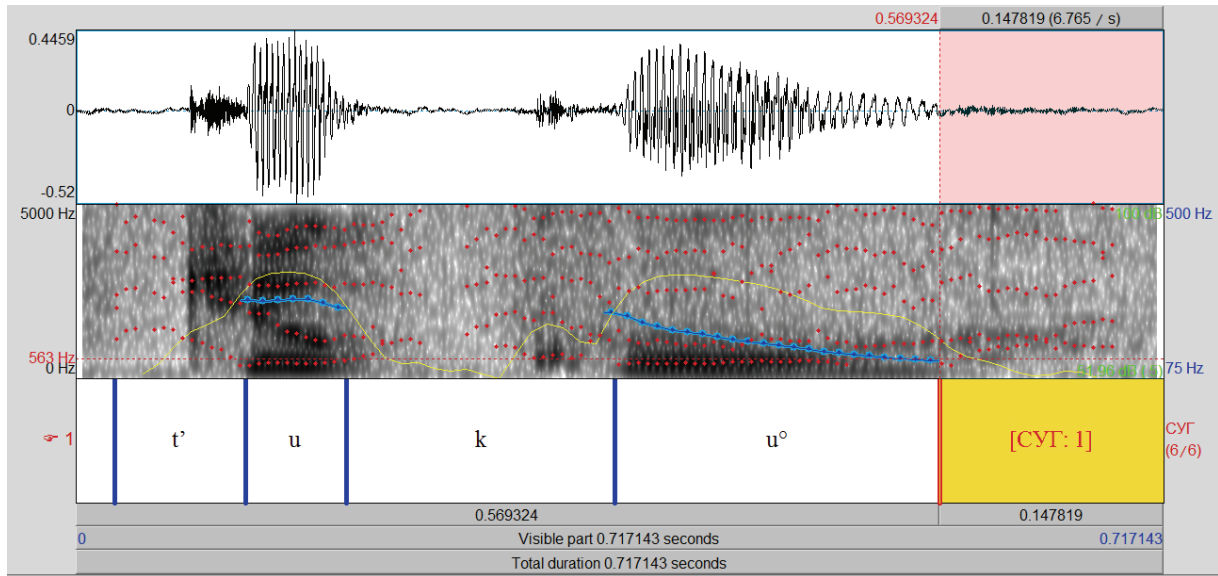
(33Г) Т гыдан. [túçó] *tux*° [ВЗТ: 2] ‘муха’

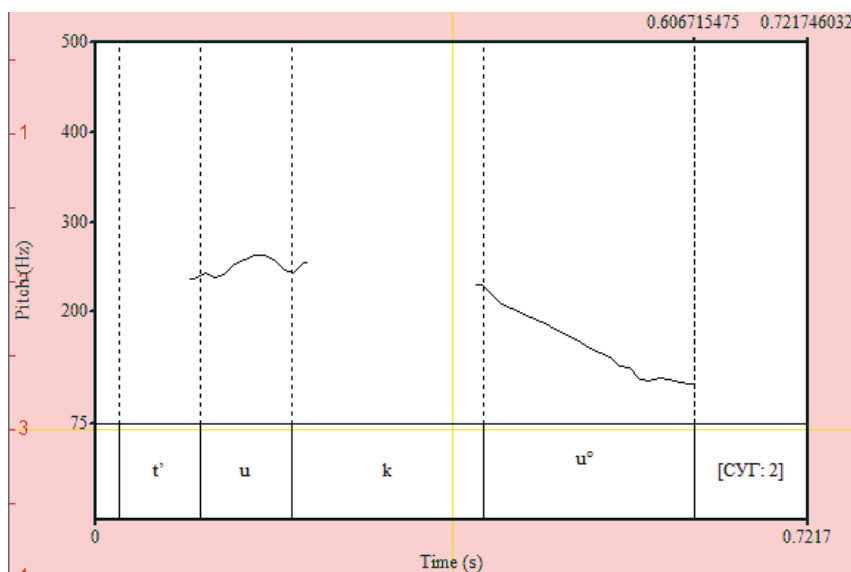
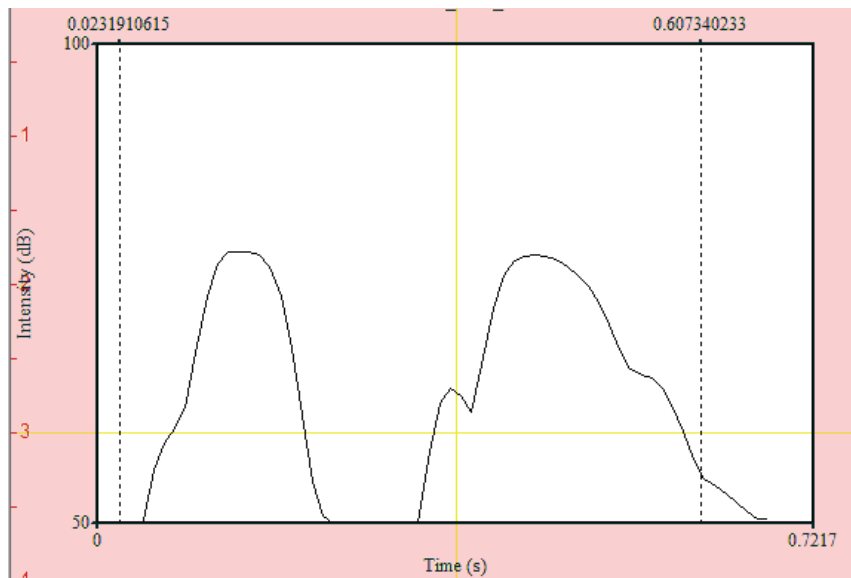
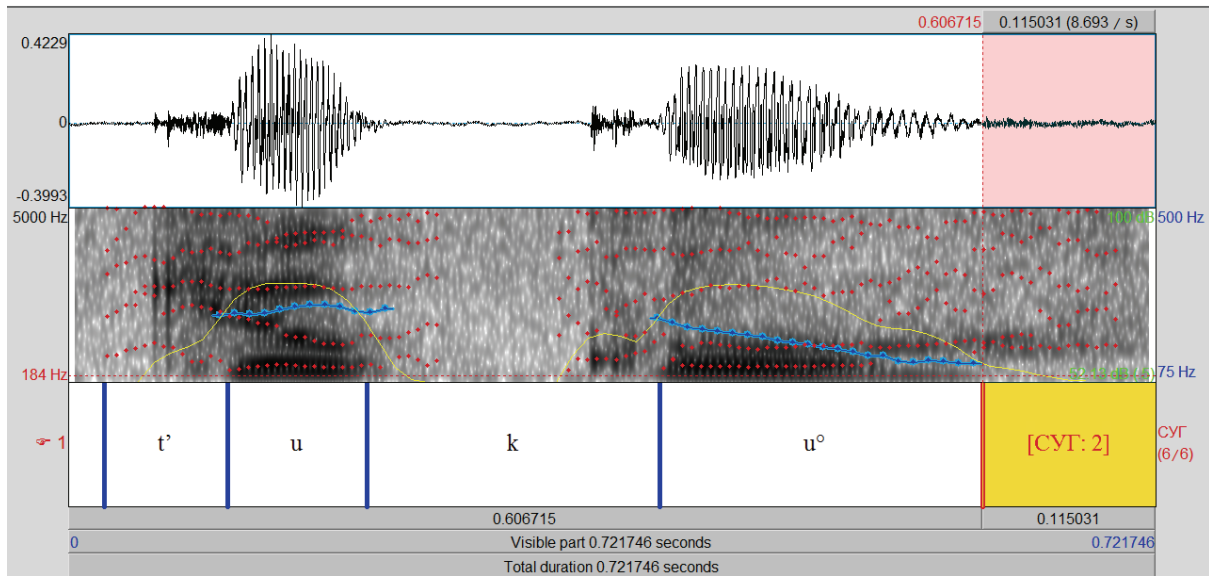
(34Г) Т гыдан. [júyo] ([júyo]) *juxi* [ЛАЛ: 1] ‘(анат.) сетка, сетчатый желудок (олень)’

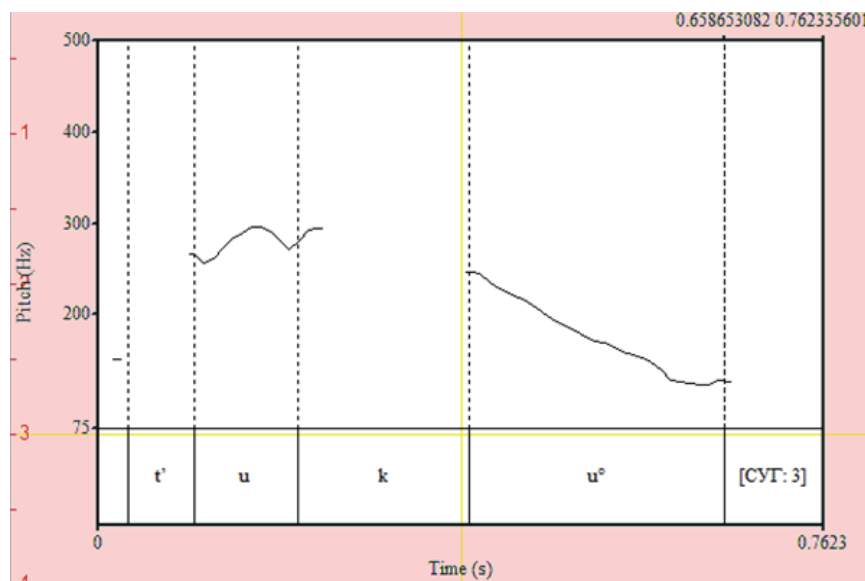
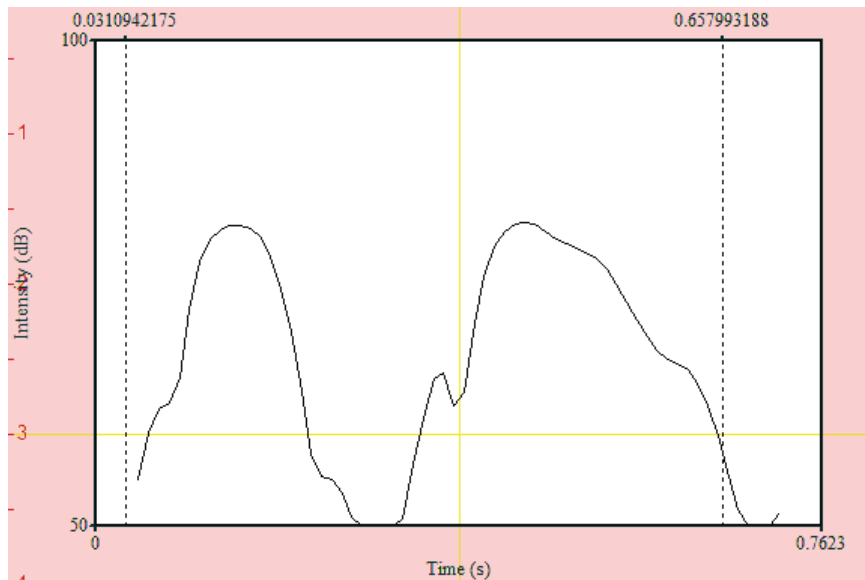
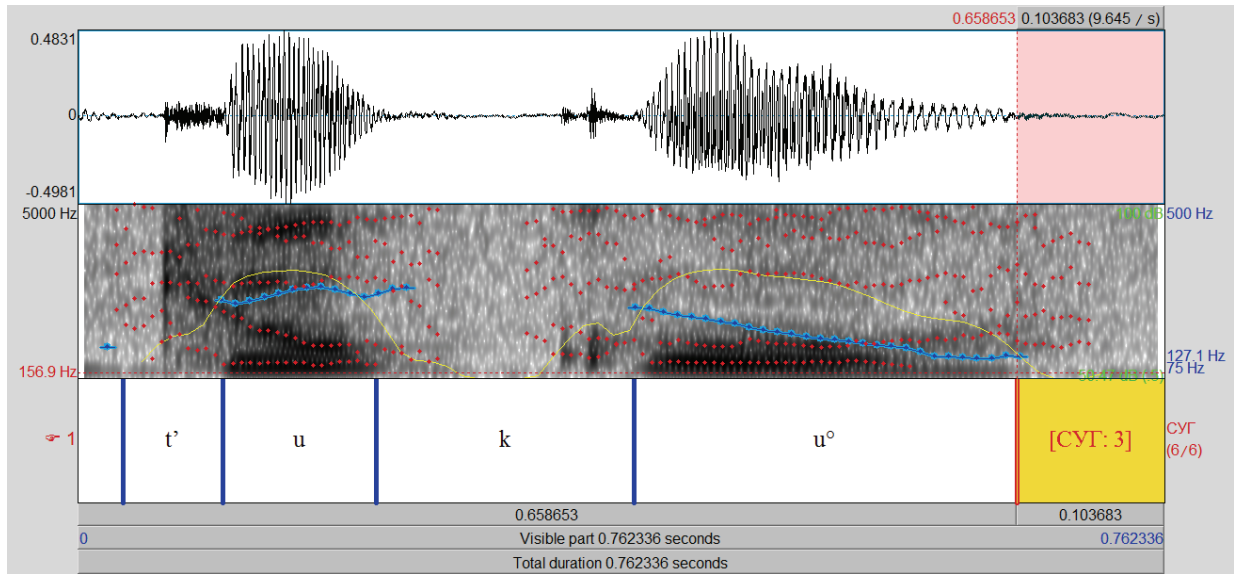
(35Г) Т гыдан. [tʰókú] tʰuku° [СУГ: 1] ‘этот, эта, это’

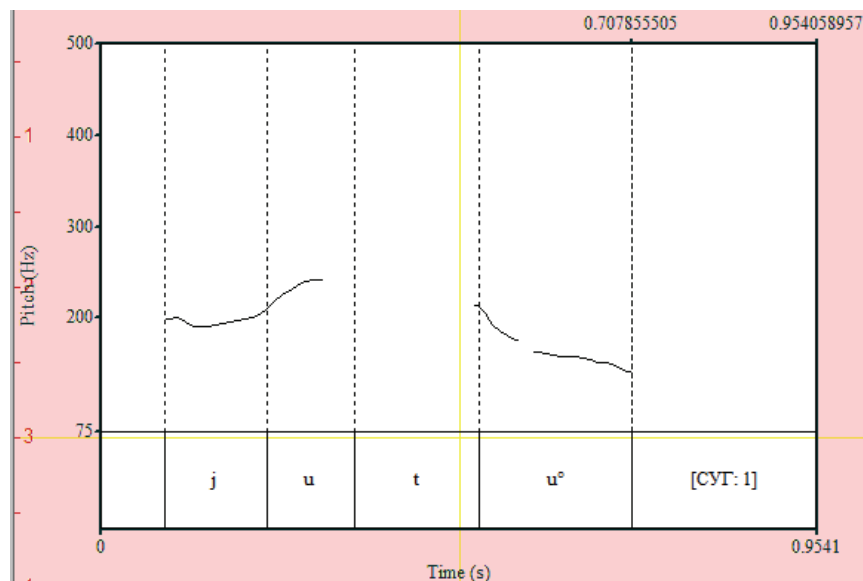
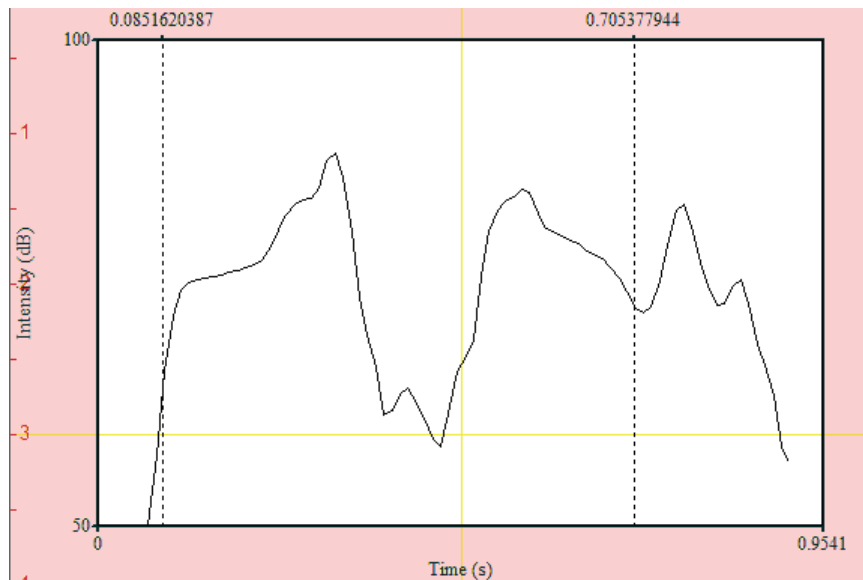
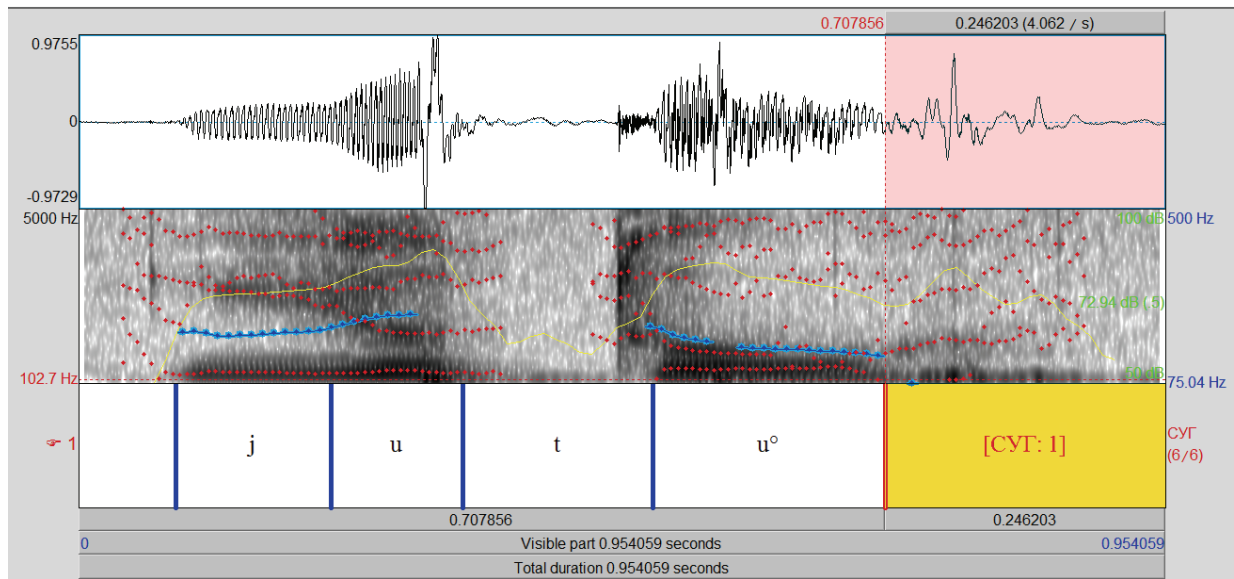
(35Г) Т гыдан. [tʰökú] tʰiku° [СУГ: 2] ‘этот, эта, это’

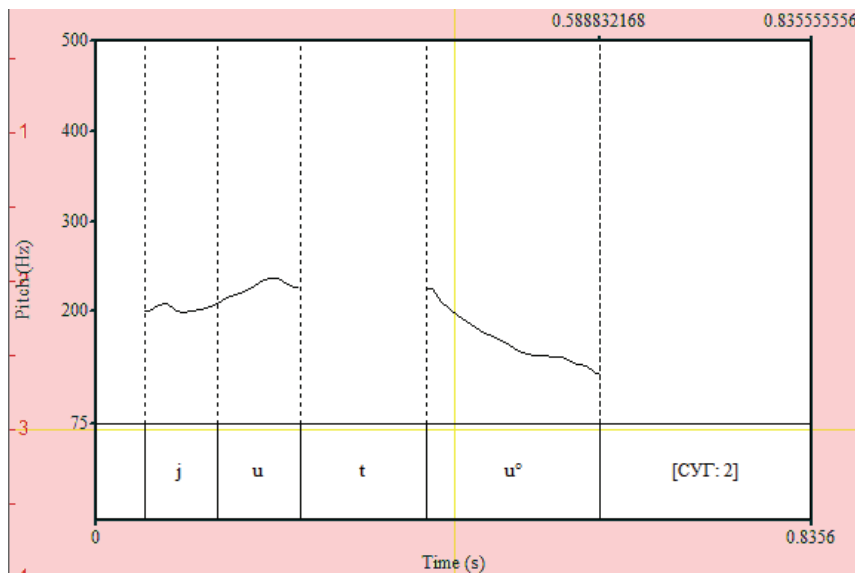
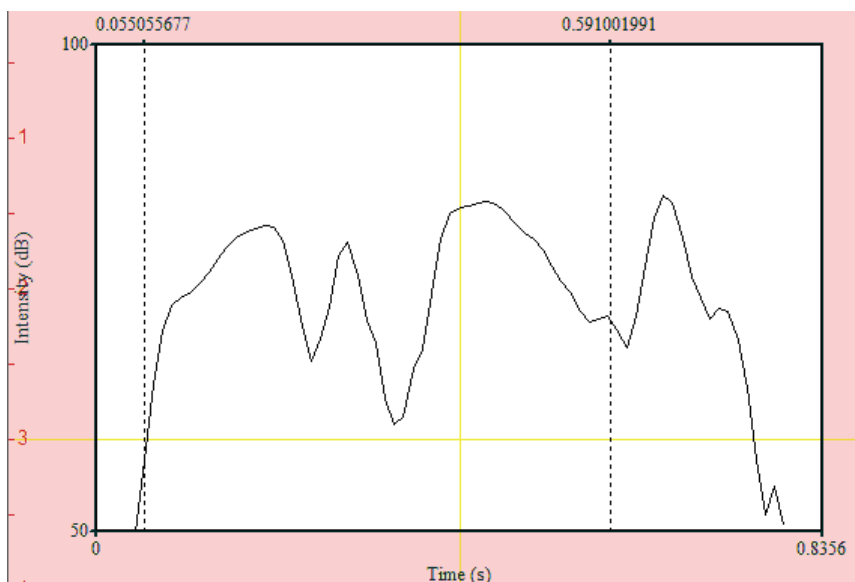
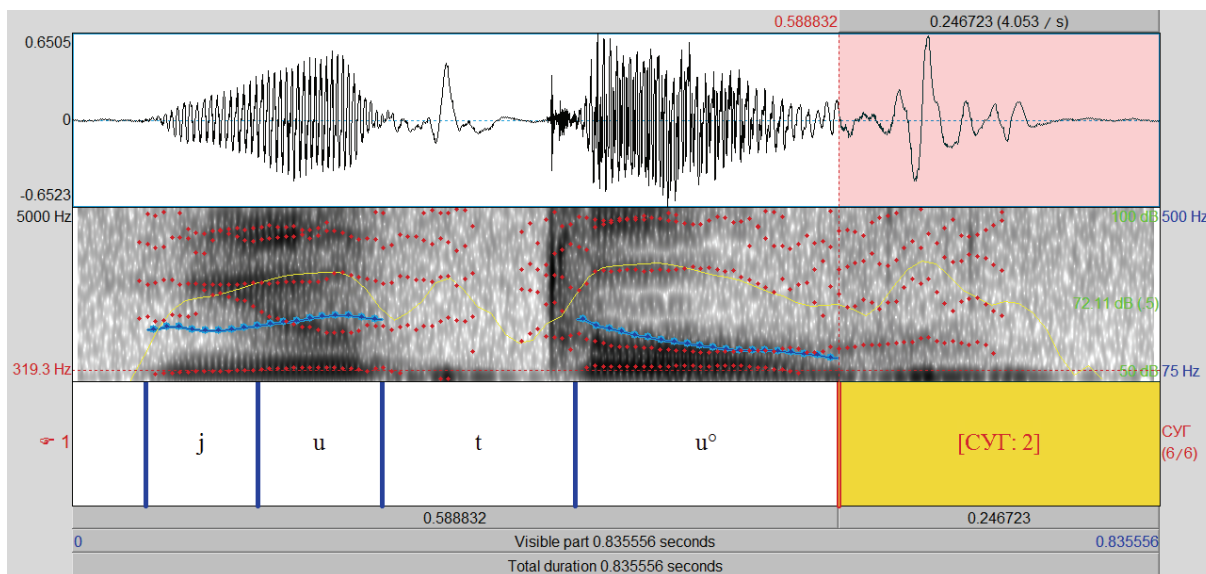
(35Г) Т гыдан. [tʰökú] tʰiku° [СУГ: 3] ‘этот, эта, это’

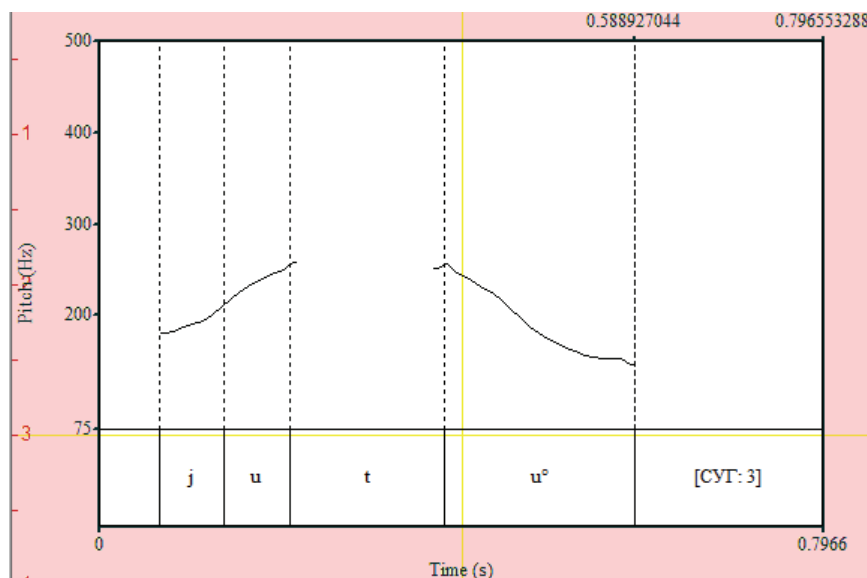
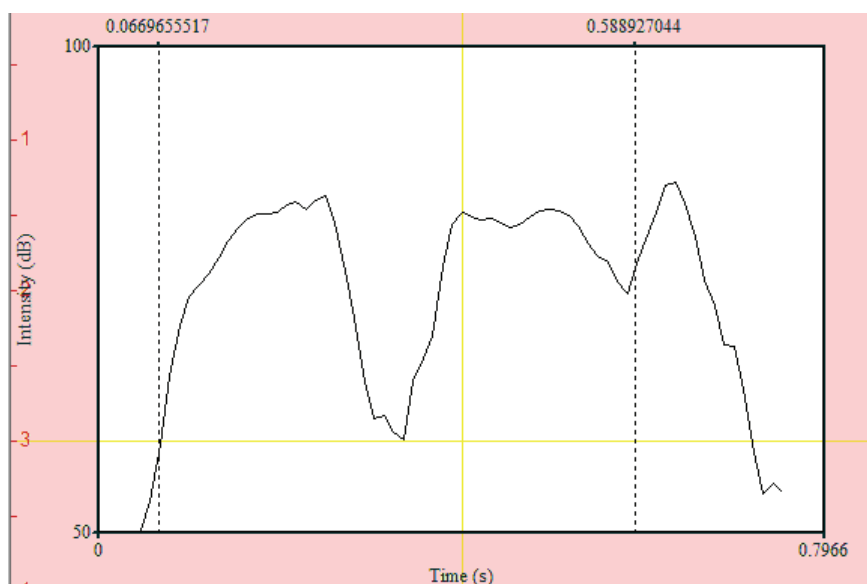
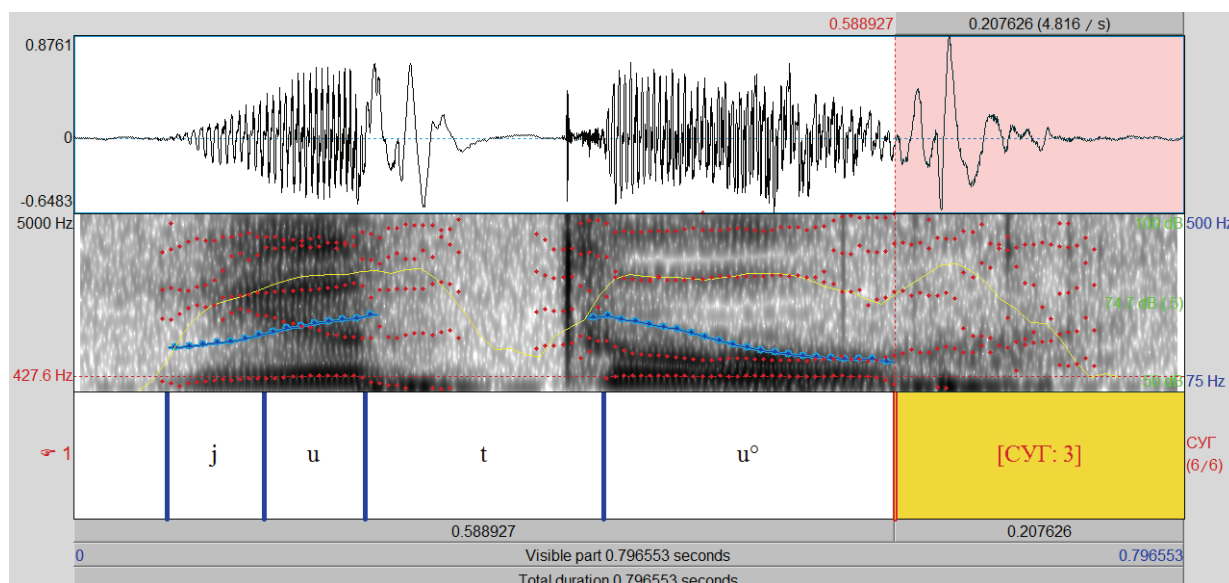
(36Г) Т гыдан. [jótú] *jutu*^o [CYT: 1] ‘юкола
(тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами, без костей и головы)’

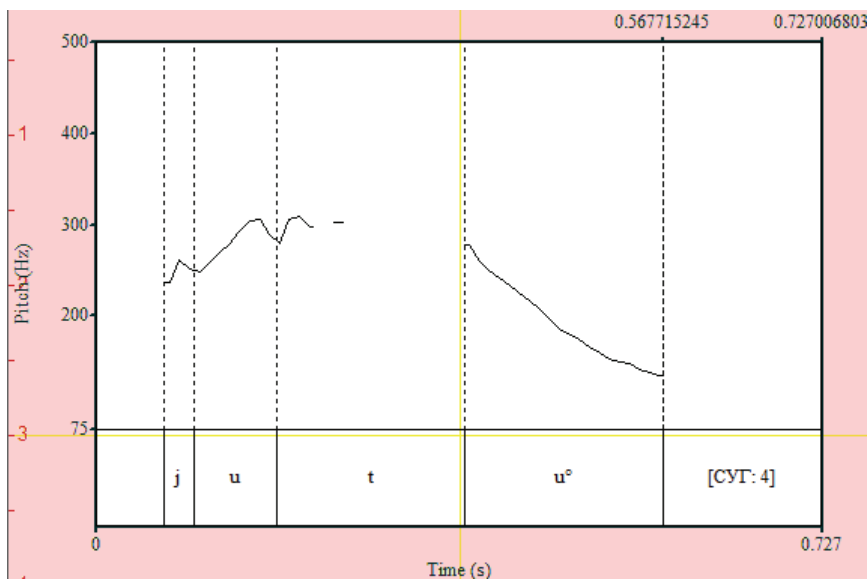
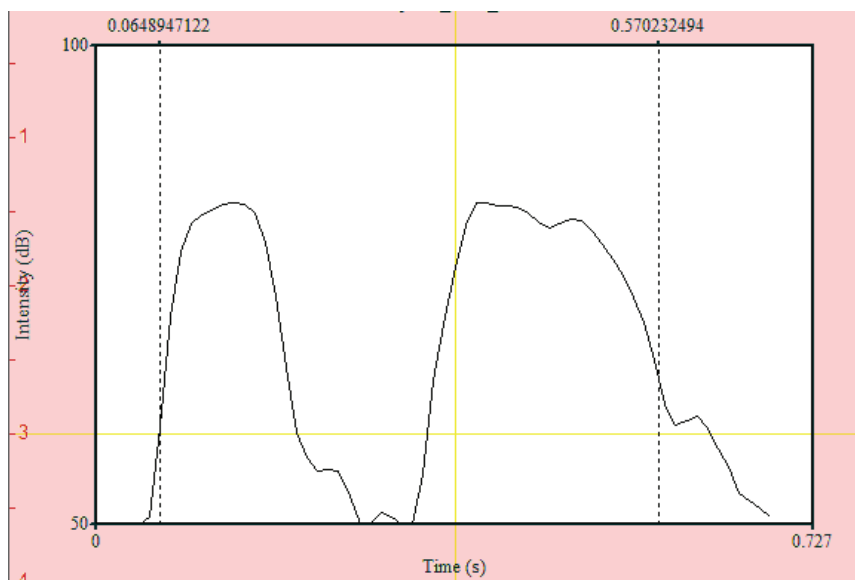
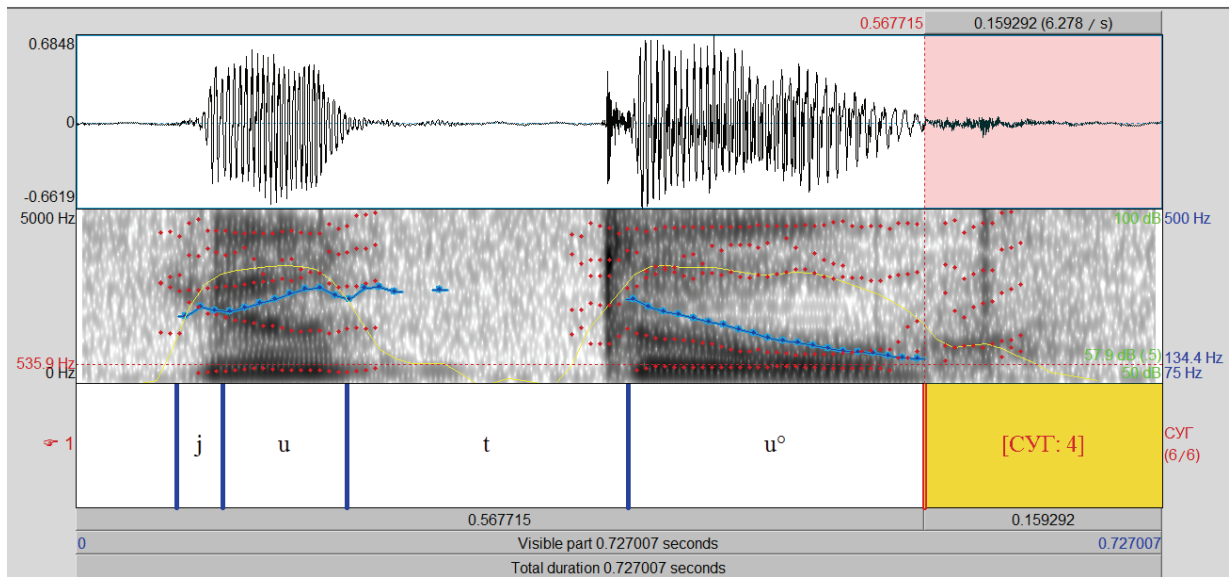
(36Г) Т гыдан. [jótú] *jutu*^o [СУГ: 2] ‘юкола
 (тонкая сушенная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами, без костей и головы)’

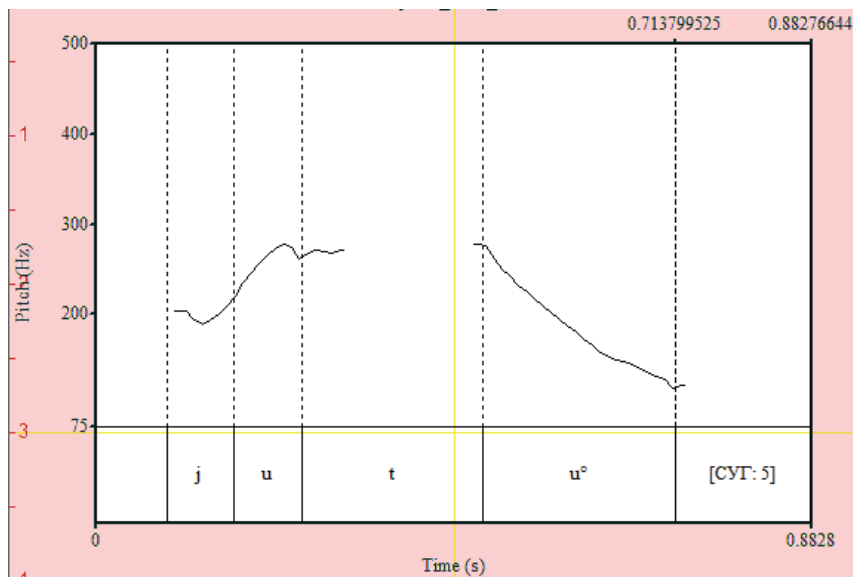
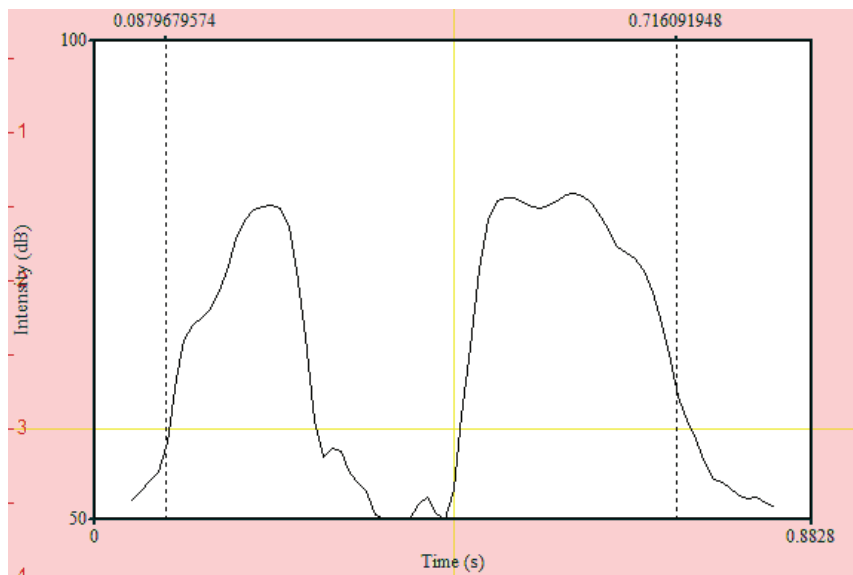
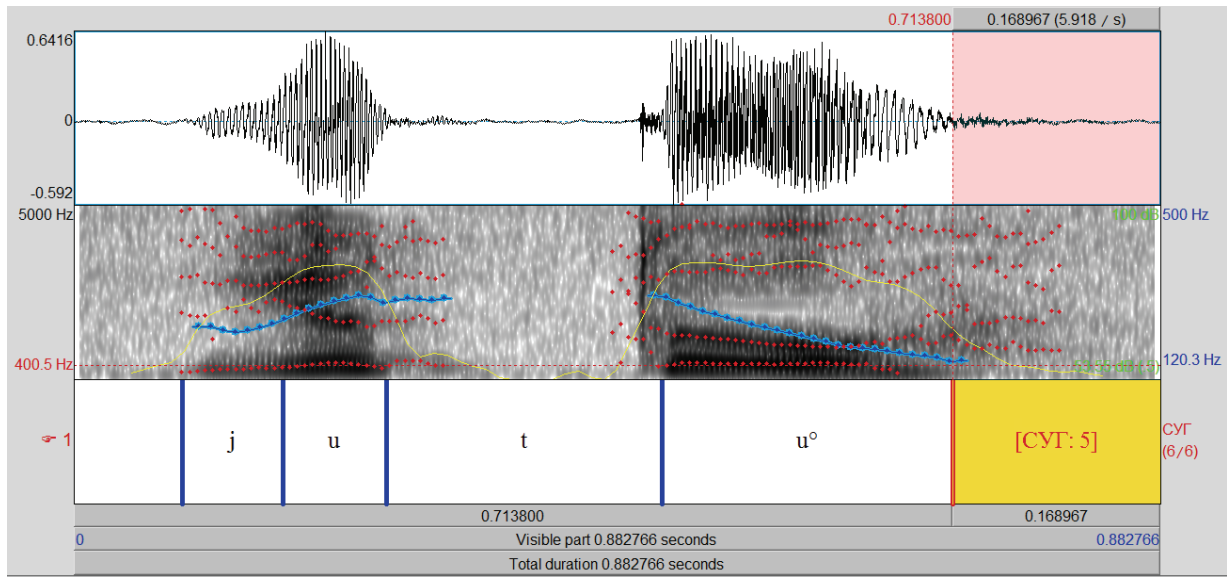
(36Г) Т гыдан. [jótú] *jutu*^o [СУГ: 3] ‘юкола
(тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами без костей и головы)’

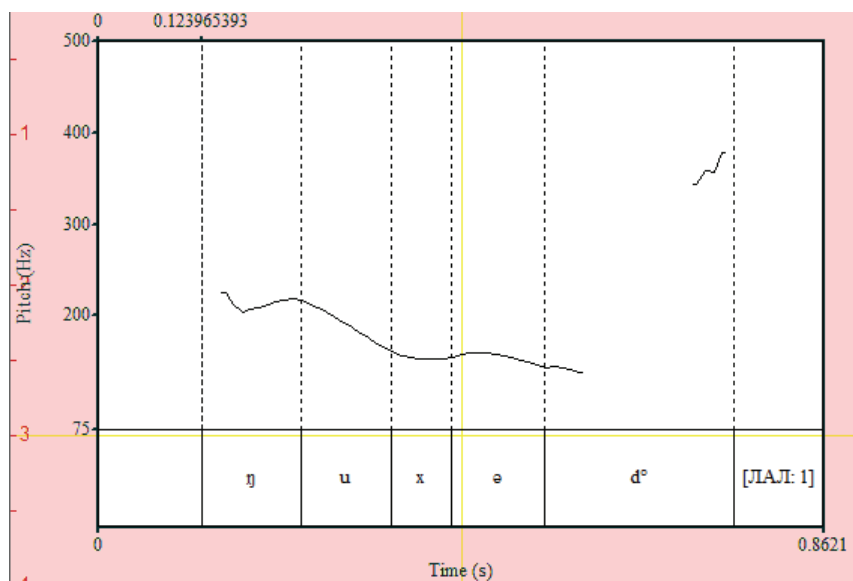
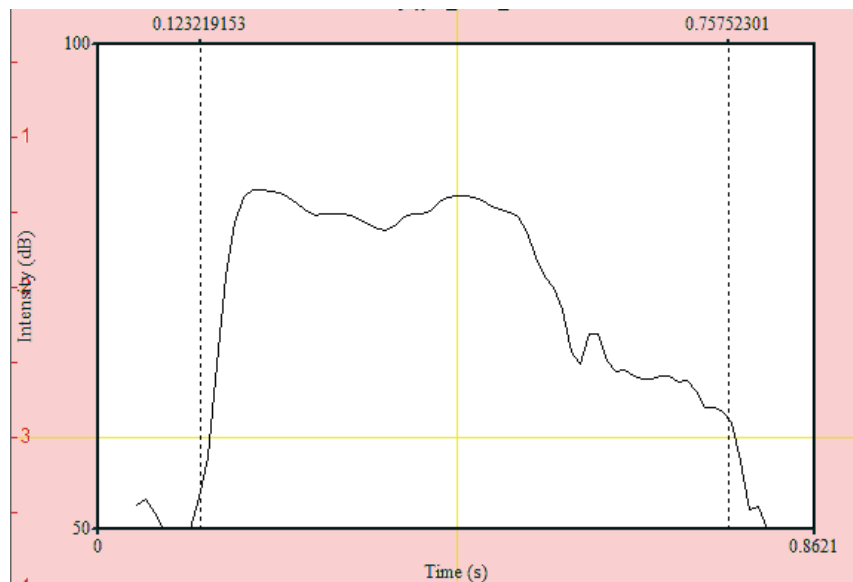
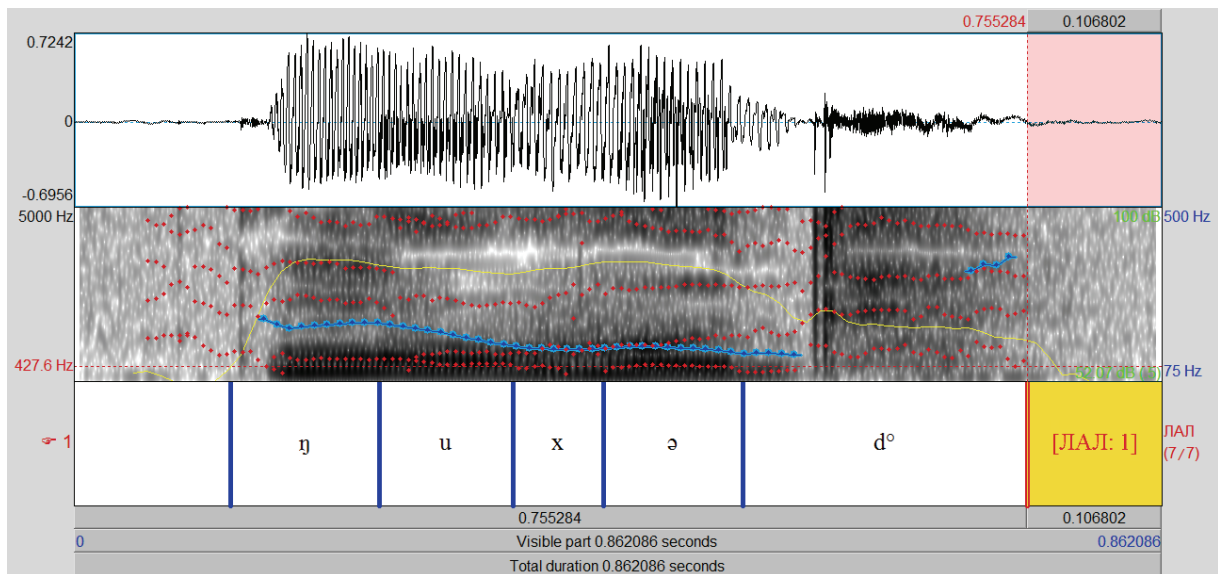
(36Г) Т гыдан. [jötú] *jutu*^o [СУГ: 4] ‘юкола
(тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами без костей и головы)’

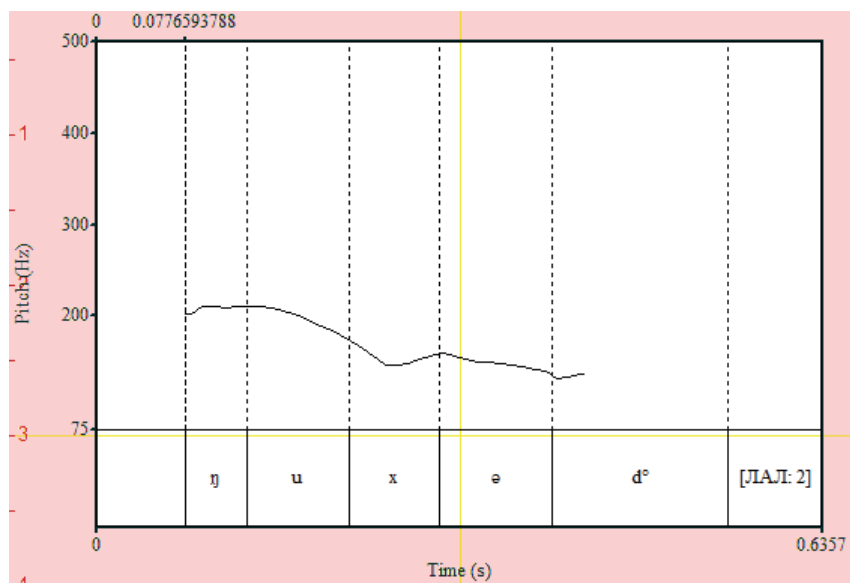
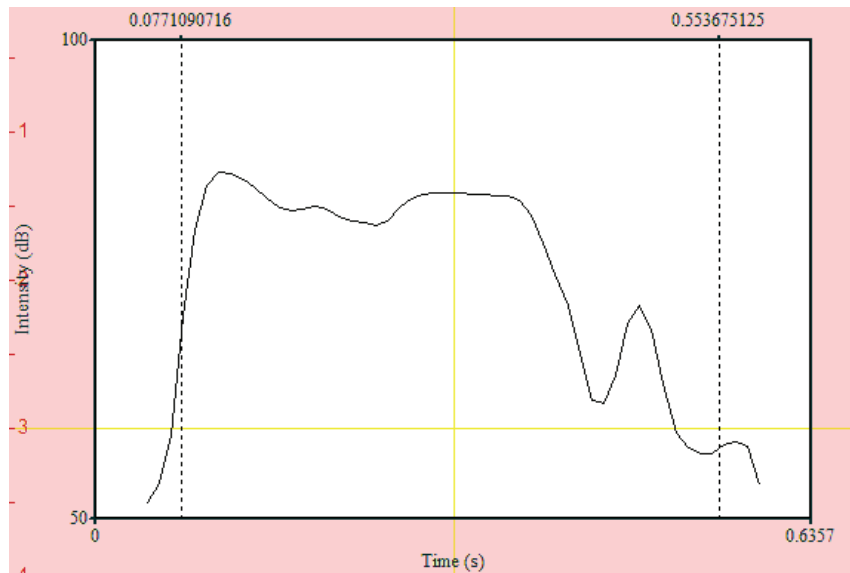
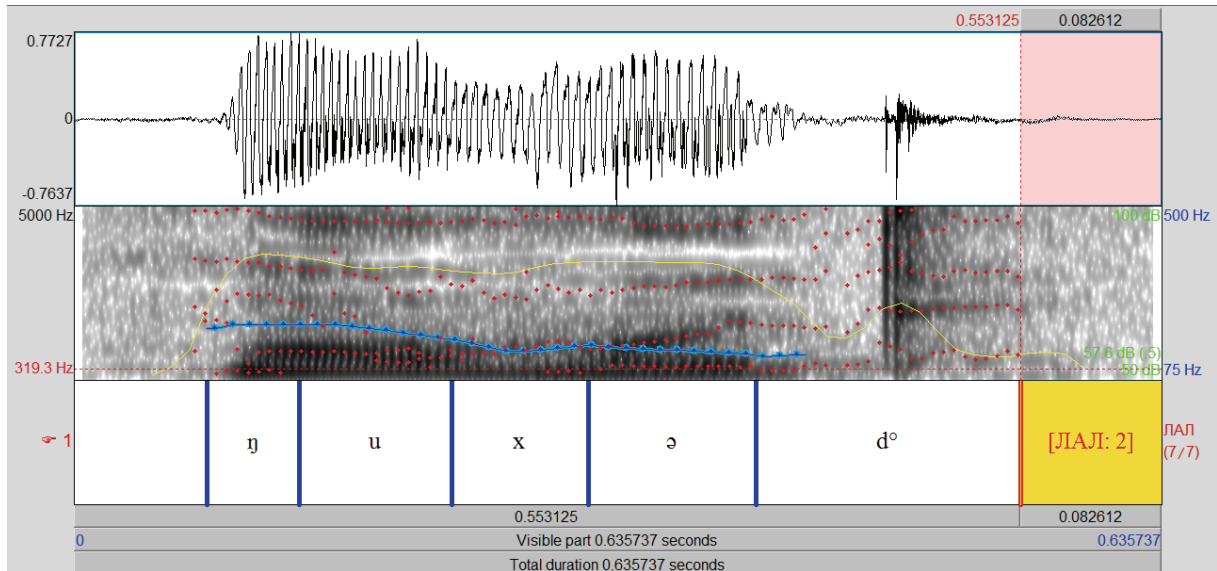
(36Г) Т гыдан. [jótú] *jutu*^o [CYT: 5] ‘юкола
(тонкая сушеная на ветру и солнце рыба с поперечными надрезами без костей и головы)’

(37Г) Т гыдан. [ɲɯɯtʰ] ɲuxəd° [ЛАЛ: 1] 'верхняя губа'

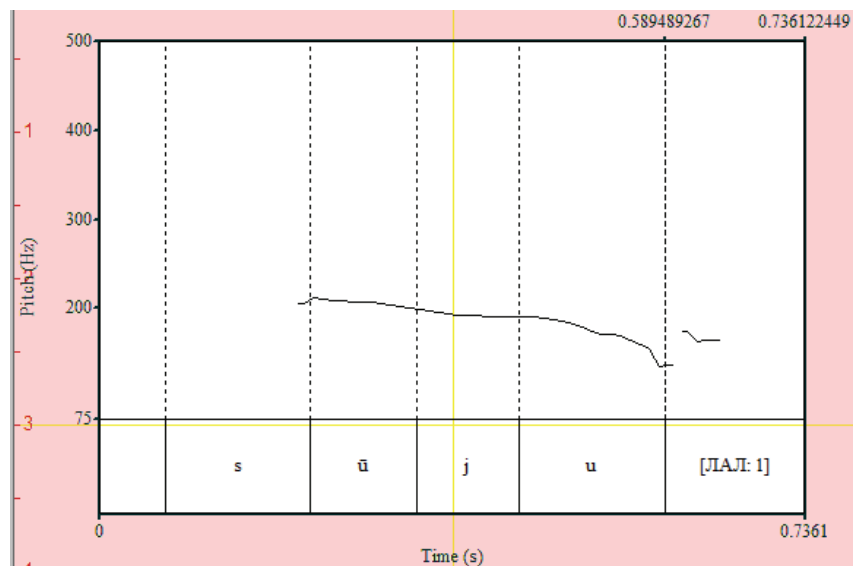
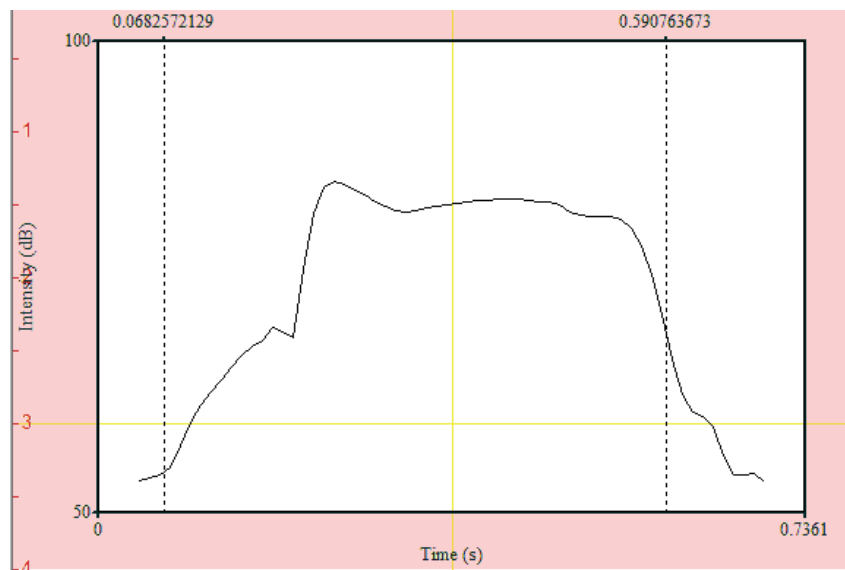
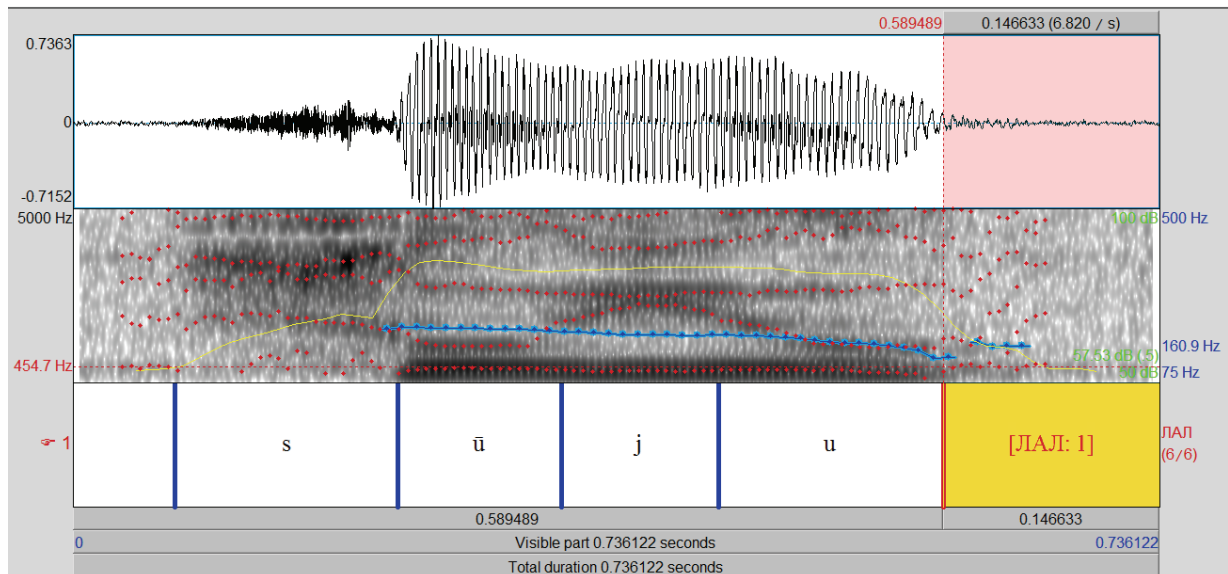

(37Г) Т гыдан. [ŋõyútʰ] *ŋuxəd°* [ЛАЛ: 2] ‘верхняя губа’

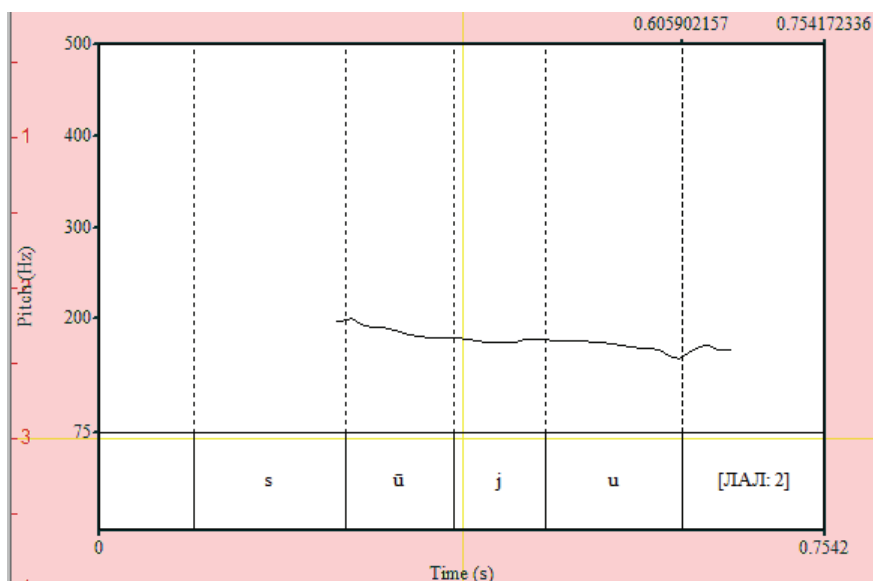
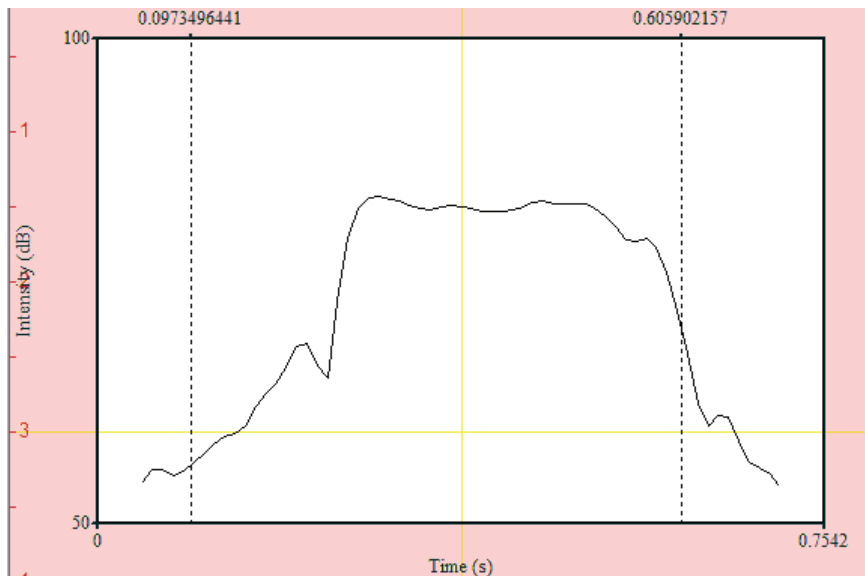
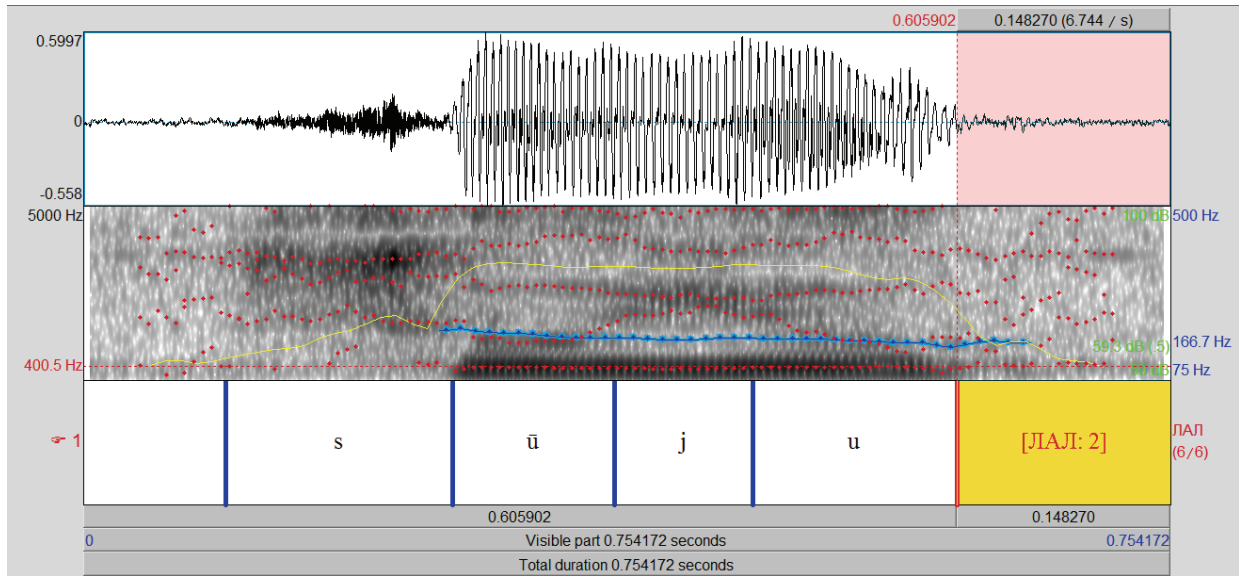

4. Фонетические слова с аллофонами противопоставленных по долоте гласных фонем верхнего подъема заднего ряда \bar{y} и u в первом и втором слогах

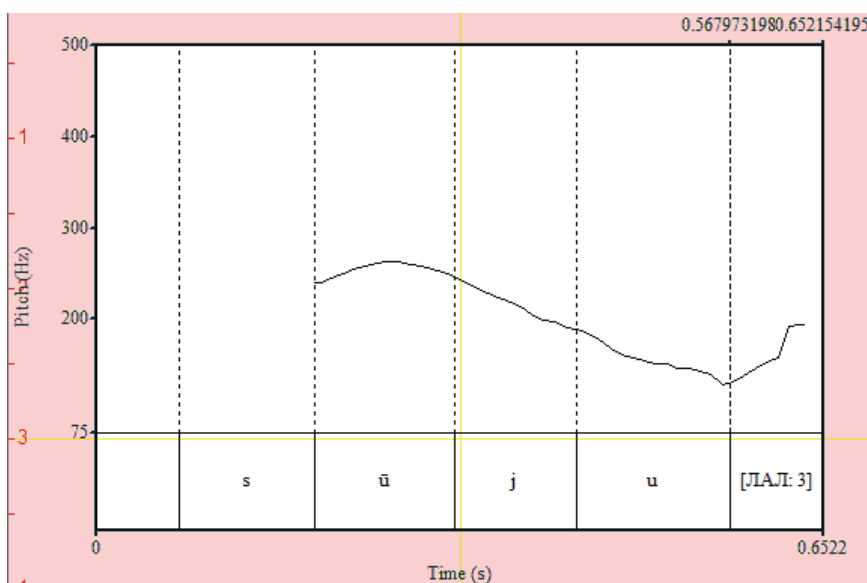
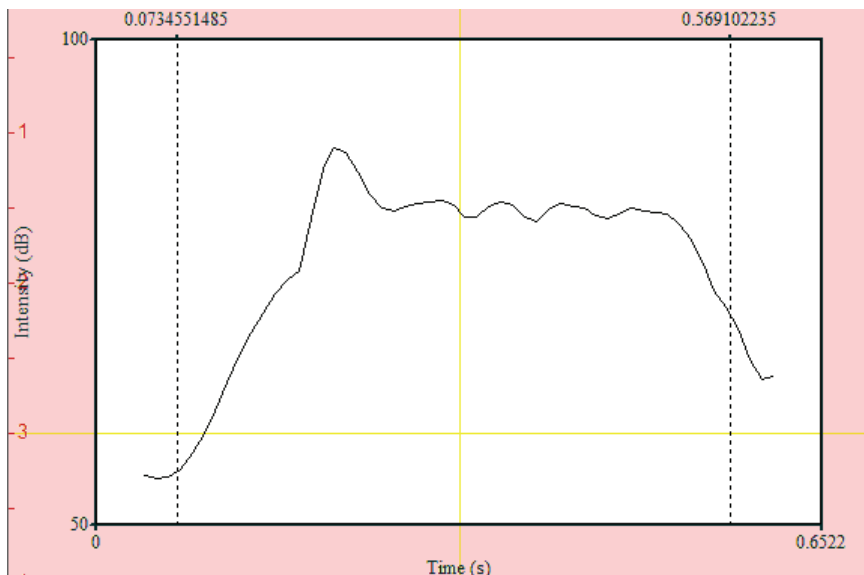
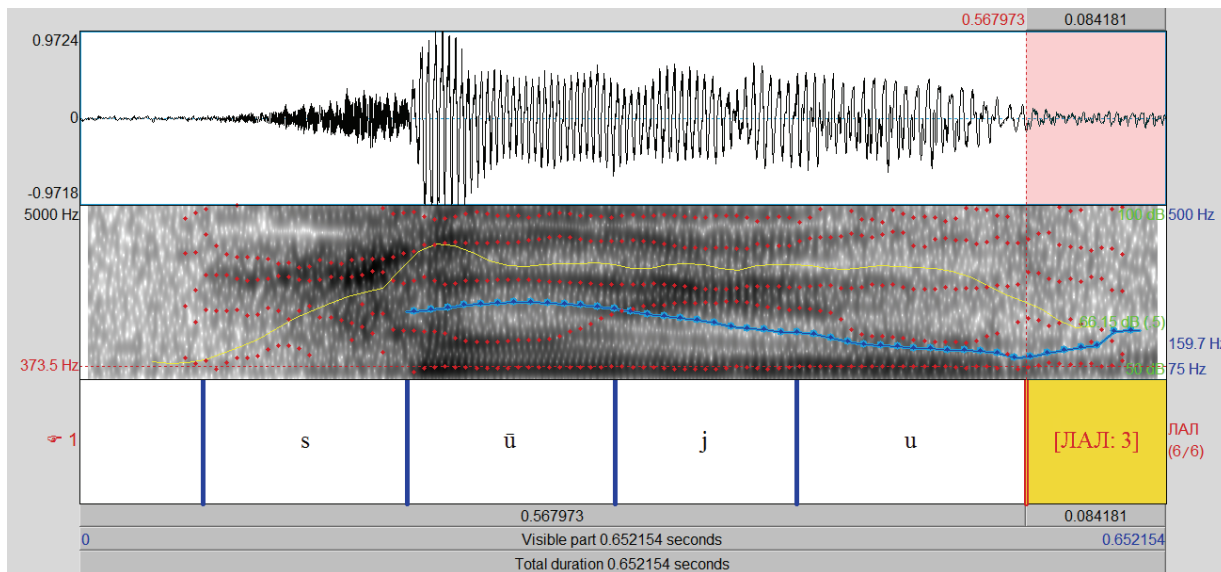
(38Г) Т гыдан. [sújɯ] ([sújü) sūju [JAJ: 1] ‘[олений] теленок, олененок’

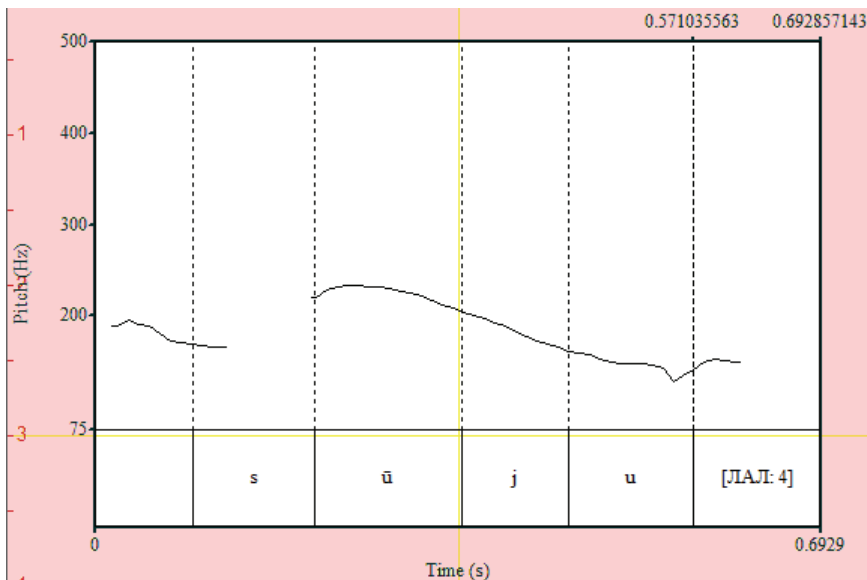
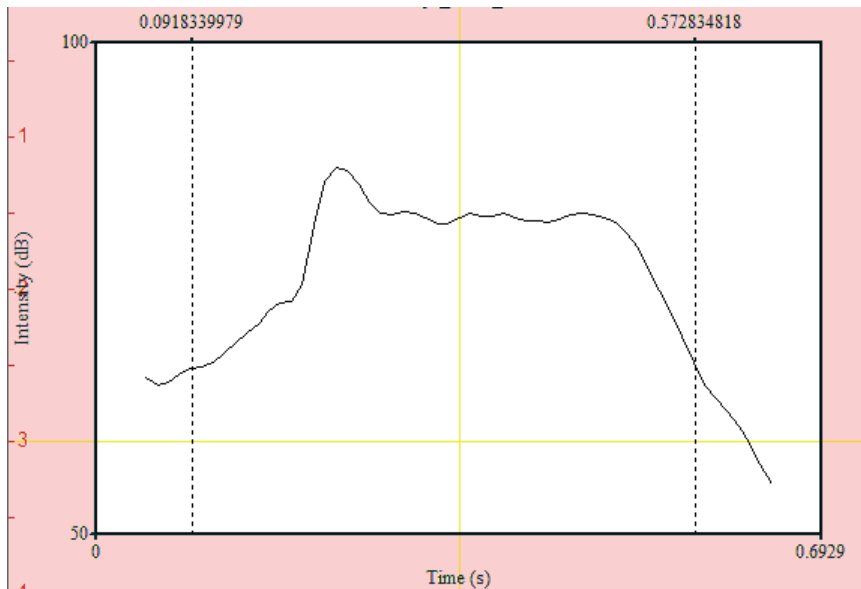
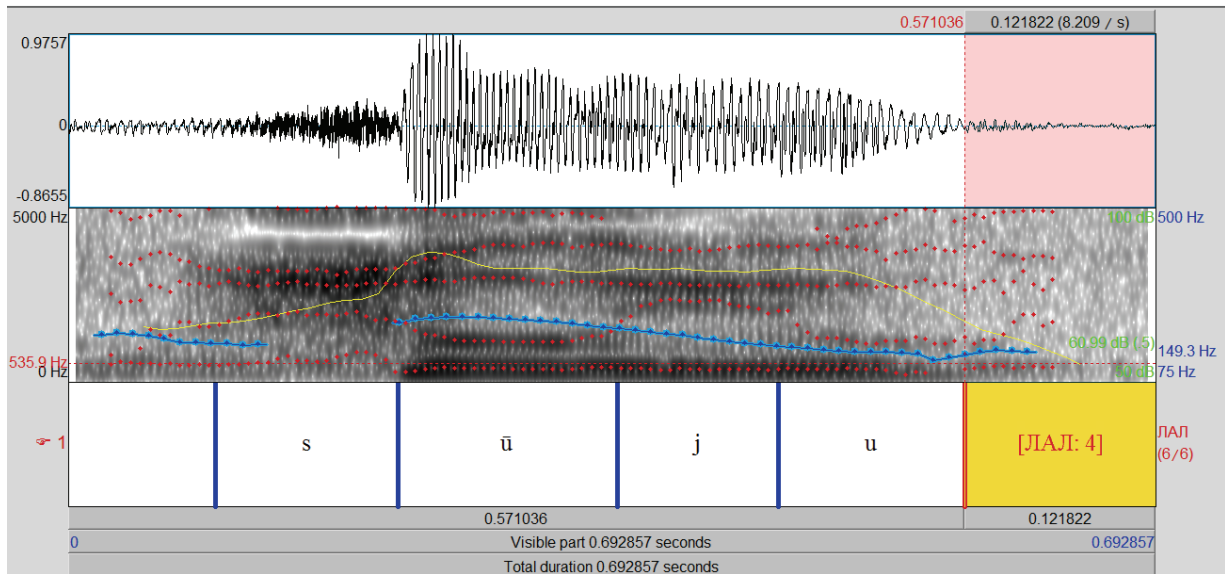
(38Г) Т гыдан. [sújч] ([sújü]) *süju* [ЛЛЛ: 2] ‘[олений] теленок, олененок’

(38Г) Т гыдан. [sújɯ] ([sújü) súju [ЛАЛ: 3] ‘[олений] теленок, олененок’

(38Г) Т гыдан. [sújɯ] ([sújü]) *sūju* [ЛЛЛ: 4] ‘[олений] теленок, олененок’

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Kis. — говор по р. Киселёвская (идиолект *kōl'ʹəz βīḡn-ḡamššp*) [Lehtisalo 1956]

Lj. — ляминский говор (идиолект *jīšsu n'ē,ṭsu*) [Lehtisalo 1956]

Ni. — говор по реке *n'ṭ'ṭ'še'ej* [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P (= P₁) — пуровский говор (идиолект *βaššəp ḡāḡiββašəttṗ*) [Lehtisalo 1956]

P₂ — пуровский говор (идиолект *šṭāmūk ḡāḡiββašəttṗ*) [Lehtisalo 1956]

S — говор по р. Сахалинская [Lehtisalo 1956]

Т — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

К — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Колва) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *š'ṗìḡp* (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты

O (= O₁) — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]

OP — говор нижней Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

T₁ — говор района Тазовской губы (идиолект Ивана Хаби) [Lehtisalo 1956]

T₂ — говор района Тазовской губы (идиолект *n'ēmB'ḡḡp ṣāḡi*) [Lehtisalo 1956]

T₄ — говор района Тазовской губы (идиолект *māšš'ērū βaṗṗā*) [Lehtisalo 1956]

T₇ — говор по р. Таз (идиолект *βāk t'ṗr*) [Lehtisalo 1956]

T₁₂ — идиолект одного ненца с р. Таз [Lehtisalo 1956]

гыдан. (= Г) — гыданский диалект

ямал. (= Я) — ямальский диалект

[зап. — западные диалекты]

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — идиолект Ofimja *šōB'ḡ'ṭṭβ* [Lehtisalo 1956]

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

энец. — энецкие идиомы

russ. — русский [Lehtisalo 1956]

Информанты

ВЗТ — Вэнго Зоя Торневна (около 1975 г. р., род. в Гыданской тундре; зимой живет в с. Гыда, летом — на о. Оленьем)

ЛАЛ — Лапцуй (урожд. Салиндер) Анжелика Ляликовна (1968 г. р., род. в Гыданской тундре, близ Танамы;

10 классов; младший воспитатель в школе-интернате; в 1986—1992 гг. жила в тундре, с 1992 г. живет в с. Гыда)

СУГ — Салиндер (урожд. Яптунай) Ульяна Григорьевна (1968 г. р., род. в Гыданской тундре; 8 классов, среднее специальное образование; уборщица; до 2002 г. жила в тундре, с 2002 г. живет в с. Гыда)

ЯНХ — Яптунай Николай Ханзотавич (1955 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 классов, незаконченное высшее образование; оленевод; постоянно живет в Гыданской тундре)

Общие

анат. — анатомический

Гц — герц

Д — длительность

Д1 — длительность гласного первого слога

Д2 — длительность гласного второго слога

дБ — децибел

И — интенсивность

И1 — интенсивность гласного первого слога

И2 — интенсивность гласного второго слога

инф. — информант

местн. — местный

мсек. — миллисекунда

перен. — переносное значение

призв. — призыв

произн. — произнесение

сек. — секунда

урожд. — урожденный

ФС — фонетическое слово

ЧОТ — частота основного тона

ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога

ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога

ACC — аккузатив (винительный падеж)
 C — любой согласный
 der. — дериват
 max — максимум
 min — минимум
 N — имя существительное

NOM — номинатив (именительный падеж)
 POSS — посессивный аффикс
 SG — единственное число
 V — любой гласный
 1 — первое лицо
 1C — первый слог
 2C — второй слог

Литература

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—54. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets. Part II. The Gydan dialect // Ural-Altaic Studies. 2012, 1 (6). P. 7—54.}
- Амелина 2016a — Амелина М. К. Ударение в непроданных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов // Урало-алтайские исследования. 2016, 2 (21). С. 7—82. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altaic Studies. 2016, 2 (21). P. 7—82.}
- Амелина 2016b — Амелина М. К. Ударение в непроданных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 7—83. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels // Ural-Altaic Studies. 2016, 4 (23). P. 7—83.}
- Амелина 2017 — Амелина М. К. Ударение в непроданных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 7—116. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Gydan dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altaic Studies. 2017, 3 (26). P. 7—116.}
- Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {Barmich M. Ja., Vello I. A. Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest dialect): approximately 6500 words. A textbook for elementary school. 2nd ed. SPb., 2002.}
- Кодзасов 1991 — Кодзасов С. В. Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропейстика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112. {Kodzason S. V. The realm of prosodic possibilities and accent evolution // Slavic studies. Indo-European studies. Nostratic studies: On account of V. A. Dybo's sixtieth birthday. M., 1991. P. 108—112.}
- Кривнова 2004 — Кривнова О. Ф. Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и решения. М., 2004. С. 77—99. {Krivnova O. F. Duration as a tool for making a word stress in a text (Comparative analysis of different ways to estimate the intensity of stress in a word) // Language and speech: Problems and solutions. M., 2004. P. 77—99.}
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1990. {Thesaurus of linguistics / Ed. Jartseva V. N. M., 1990.}
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12). {Popova Ja. N. Nenets-Russian dictionary: Forest dialect. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12).}
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereshchenko N. M. Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}
- Терещенко 2008 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {Tereshchenko N. M. Nenets-Russian dictionary. SPb., 2008.}
- Boersma 2013 — Boersma P. Acoustic analysis // Research methods in linguistics / Eds. Robert Podesva, Devyani Sharma. Cambridge, 2013. P. 375—396.
- Boersma 2014 — Boersma P. The use of Praat in corpus research // The Oxford handbook of corpus phonology / Eds. Jacques Durand, Ulrike Gut, Gjert Kristoffersen. Oxford, 2014. P. 342—360.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.)
- Salminen 1997 — Salminen T. Tundra Nenets inflection // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

Styler 2017 — *Styler W.* Using Praat for Linguistic Research. Document Version: 1.7. Last Update: January 2, 2017 // <http://savethevowels.org/praat/>.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями гыданского диалекта тундрового ненецкого языка в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Данная статья посвящена вопросам супraseгментной фонетики этого диалекта (говора с. Гыда и Гыданской тундры Тазовского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в непроезводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема, в гыданском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в гыданском диалекте и представлен вывод, что ударение в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка является квантитативно-эспираторным с элементами тонального, т. е. акустическими коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность), бóльшая интенсивность (эспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит эспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и эспираторный параметры оказываются дополнительными.

SUMMARY

In the article the field data collected by the author during the work with native speakers of the Gydan dialect of Tundra Nenets in Gyda village (Tazovski municipal district, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of the Gydan dialect (the idiom of Gyda and the Gydan tundra of the Tazovski municipal district). The basic and secondary acoustic correlates of stress (word accent) in the underived nouns with homogeneous vocalic structure (with high vowels) in the Gydan dialect are considered in the article. In the paper the combinatorics of the primary and secondary acoustic correlates of stress in the Gydan dialect is considered and the conclusion that the word accent in the Gydan dialect is expiratory and quantitative with tonal features is presented, i. e. the main acoustic correlates of stress are temporal, expiratory and tonal marking of a stressed vowel compared with the unstressed. While marking of a stressed vowel of the first syllable is mainly based on the expiratory emphasis, marking of a stressed vowel of the second syllable is mainly based on the temporal emphasis and tonal and expiratory marking is not obligatory.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, гыданский диалект, ударение, акустические корреляты ударения, гласные верхнего подъема, просодия

Keywords: Tundra Nenets, the Gydan dialect, stress, acoustic correlates of stress, high vowels, prosody

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва); neamelina@gmail.com

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); neamelina@gmail.com

Географическая номенклатурная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха

Топонимика, являясь относительно новым направлением в лексикологии саха, небогата исследованиями вопросов, связанных с диалектным членением якутского языка. Диалектные зоны и говоры якутского языка рассматривались Е. И. Убрятовой, П. С. Афанасьевым, М. С. Воронкиным, Е. И. Коркиной, С. А. Ивановым. В трудах К. Ф. Гриценко, Багдарыын Сюлбэ, В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова и др. были проанализированы фонетические, морфологические, лексические особенности топонимов, антропонимов якутов. Однако существует необходимость дальнейших ономастических исследований отдельных территорий диалектных зон, которые могли бы расширить сведения об истории, лексическом составе языка и освоивших эти территории этнических группах, и их этнолингвистических контактах.

В монографии М. С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка» [Воронкин 1984] рассмотрены диалектные особенности анабарского, оленекского, булунского, жиганского говоров Якутии. Между тем, топонимика данной зоны почти не изучена. Имеются лишь научно-популярные статьи Багдарыын Сюлбэ по наименованиям отдельных районов северо-запада Якутии [Иванов 2005а; Иванов 2005б; Багдарыын 2012].

Северо-запад Якутии по языковым особенностям и этническому составу условно объединяет Анабарский, Оленёкский, Булунский, Жиганский улусы. Археологические памятники указывают на раннее переселение человека в данный регион: предположительно ранний железный век (II в. до н. э. — V в. н. э.) и «в глубь: бронзовый век, неолит и т. д.» [Архипов 2005: 27—48]. Археолог Н. Д. Архипов предполагает, что в древности народов и племен «у нас было, конечно, больше, чем сейчас. И это подтверждается многочисленными фольклорными материалами, в которых фигурируют неизвестные ныне этносы» [Архипов 2005: 48]. В исторической литературе, а также в преданиях и рассказах среди древних обитателей упоминаются самодийские племена, предки современных нганасан, палеоазиатские племена, предки современных юкагиров. В настоящее время основное население исследуемой территории — саха, помимо которых здесь проживают малочисленные народы Севера: долганы, эвенки, эвены, юкагиры, занимающиеся традиционными занятиями — оленеводством, рыболовством, охотничьим промыслом, а также разведением крупного рогатого и конного скота, завезенного тюркоязычными саха.

Работа по сбору топонимии исследуемого региона от информантов — коренных жителей старшего поколения в основном проведена Багдарыын Сюлбэ. Информантами выступили Бурцев Лаврентий Гаврильевич, 1908 г. р., Игнатъев Николай Константинович, 110 лет при беседе в 1978 г., Винокуров Роман Николаевич, 1917 г. р., и др. Полученный материал занесен в топонимическую картотеку республики, которую исследователь начал составлять с 60-х годов прошлого века. В настоящее время в ней, по приблизительным расчетам, сосредоточено около 450 тыс. карточек (далее — КБС). Также в Рукописном отделе ИГИ и ПМНС СО РАН хранятся топонимы, собранные в ходе диалектологической экспедиции научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М. С. Воронкиным.

Топонимический материал, собранный при разработке данной темы, включен в электронный каталог топонимов Республики Саха и составляет более 3000 единиц. В данное время зафиксировано около 29 тыс. топонимов. Также была проведена выборка топонимов Анабарского, Оленекского, Жиганского, Булунского улусов из топонимической картотеки Багдарыын Сюлбэ, от более десяти местных жителей записаны сведения о топонимах данного региона.

Анализ материалов современной топонимии северо-запада республики показывает, что в течение нескольких веков на данной территории происходило тесное контактирование двух неродственных языков — якутского и эвенкийского, следы которого обнаруживаются в наименованиях местностей и в диалектных особенностях фонетики, лексики и грамматики, свидетельствующих о результате длительного взаимовлияния двух разных этнических групп. По историческим сведениям [Романова и др. 1975: 18—19], регион до освоения тюркоязычными племенами якутов был заселен эвенкийскими родами.

Топонимический пласт северо-запада уходит и в далекое прошлое: юкагирское, самодийское. В связи с этим возникает необходимость исследования глубинных контактов между неродственными языками на данной территории.

В настоящее время невозможно найти регион, где топонимия состоит из одного языкового пласта. Встречающиеся разноязычные пласты топонимов отражают историю заселения и свидетельствуют о времени контактирования на данной территории племен и народностей с родственными и неродственными языками. В результате «сложилась своеобразная культурная среда, имена которых сопоставимы друг с другом, имеют сходную мотивировку, а ономические системы содержат общие элементы» [Суперанская и др. 1986: 25].

В настоящей статье рассматривается географическая апеллятивная лексика в топонимии названного региона. При сравнительно-сопоставительном анализе выявляются пласты эвено-эвенкийского и юкагирского происхождения. Некоторые из них более или менее распространены по территориям республики, а некоторые отмечены только в исследуемой северо-западной зоне — они и стали предметом нашего исследования.

География исследуемого региона разнообразна: южная половина — лес, лесотундра, север — это тундра, побережье Ледовитого океана. Много рек и озер различного масштаба. Встречаются и небольшие горы, и болотистые низменности. Этим обусловлено разнообразие географической лексики, функционирующей у местного населения: и литературной, и диалектной, и заимствованной, и все это отражается в топонимии края.

Рассмотрим апеллятивную географическую лексику в языковых пластах: юкагирском, тунгусо-маньчжурском, монгольском, тюркском, русском.

Юкагирский пласт

Предположение о вкраплениях юкагирских названий на территории северо-запада республики впервые высказал в своих исследованиях Багдарыын Сүлбэ. Например, р. *Чуона* (правый приток реки Вилюй, в русской передаче *Чона*): «по всей вероятности, слово юкагирское: *чуо* — ‘железо’, *-нэ* — аффикс, выражающий значение обладания» [Багдарыын 2004: 61]. Также можно отметить, как «вкрапление» юкагирского апеллятива тундрового диалекта *чаха* ‘мерзлый’ [Курилов 1999: 11] в гидрониме *Чаха*, правого притока р. Силигир. В топонимии Республики Саха *чаха* встречается в местном, юкагирском, названии реки Ясачной (левого притока р. Колыма) *Т’ақадан* ‘Мерзлая река’ [Новикова 1972: 91].

В юкагирском языке имеется апеллятив *анаа* ‘гора’ [Курилов 1990: 29]. В топонимии Нижнеколымского улуса — это северо-восток республики — в местах компактного проживания юкагириров орографическая юкагирская форма *анаа* зафиксирована в следующих названиях: *Иириэ Анаа*, м. *Киданаа*, г. *Сааданунаа*, *Саандаванаа*, *Чабатыиданаа* в н. Өлүөрэ [Курилов 1999: 17, 19, 30, 33]. В исследуемом нами регионе имеется гидроним *Анаача* (Оленёкский улус), что можно считать дополнительным аргументом в обнаружении следов бывшего расселения юкагириров. Гидроним *Анаача*, возможно, образован при помощи аффикса *-чэ* юкагирского языка, обозначающего «присущность какого-л. признака предмету» [Крейнович 1958: 29].

Другой апеллятив юкагирского языка *эну* — *ану* ‘река’, возможно, обнаруживается в составе названия одной из крупных рек северо-запада *Анаабыр* (в русской передаче *Анабар*). Эту гипотезу в свое время высказал Багдарыын Сүлбэ: «Юкагиры, как и многие народы, р. Анабар могли называть просто *Ану*. Бассейн ее позднее заняли эвенки, которые сохранили *Ану*, но прибавили свое *бира*, т. е. реку стали именовать *Анубира*. На эвенкийском языке река — *бира*. В настоящее время бассейн Анабара заселен якутами, которые сохранили за рекой ее имя — *Анубира*, но ... подчинили законам своего языка, так называемой гармонии гласных. И получилось *Анаабыр*» [Иванов 2005а: 31]. Такие гетерогенные гидронимы, содержащие две или три корневые морфемы разного языкового происхождения с одинаковой семантикой, встречаются в топонимии повсеместно. В них наиболее древними по происхождению являются начальные морфемы. В гидрониме *Анаабыр* предполагаемый юкагирский апеллятив *ану* является более древним по отношению к эвенкийскому.

Тунгусо-маньчжурский пласт

Среди терминов с общей семантикой ‘земля; местность’ выявлен эвенкийский термин *туэр* [tueɾ] ‘земля, почва; место, местность; страна, мир; планета’ [ССТМЯ II: 217] в топонимии Булунского улуса (н. Хара Уулаах): речка *Түөрнэ*. Информант Н. Х. Никитин объяснил значение гидронима: “*Сир диэн омуктуута. Оттоох, таастаах, ону ааттаабыттар*” ‘По-эвенки земля. Травянистая, каменистая, потому назвали’ [КБС]. Гидроним оформлен аффиксом *-ня, -не*, образующим в эвенском языке прилагательные [РЭС 1952: 721]. Также гидроним *Түөрпэндэ* в Булунском улусе, приток речки Дьардыан, возможно, образован от эвенского *туэр* при помощи аффиксов *-нэ* (непродуктивный) + *-ндэ* — указывающих на боль-

шой размер географического объекта, по которому он назван, а также на важность, значительность объекта [Новикова 1972: 103]. По сообщению информанта: *Түөрүэндэ — дэхси сир диэн 'Түөрүэндэ - это ровное местность'* [КБС].

Орографическая лексика — это лексика, связанная с определением рельефа земной поверхности. Эта группа является наиболее многочисленной, по семантике подразделяется на следующие подгруппы, рассматриваемые ниже.

1. Открытая, ровная местность

В топонимии исследуемого региона зафиксированы следующие географические аппеллятивы тунгусо-маньчжурского происхождения, например: эвенкийский географический термин *дэт* [dät] 'тундра, болото, мшистая поляна' [ССТМЯ I: 238], довольно распространенный [Василевич 1958: 327], топоним *Дэт Хадаар* в Булунском улусе; *кагдак* [kagdakâ] 'поляна (широкая, ровная)' [ССТМЯ I: 359], *Хагдака*, *Хагдака Үрэбэ*, *Хагдака Элгээнэ* в Анабарском, Оленекском улусах.

Даахса 'местность, где островками встречаются небольшие участки оголенной земли с мелкими камнями (не покрытые дерном, без зелени, травы)' — отмечено как диалектное в Анабаре [БС СМГТ: 116]. В Булунском улусе имеются речка *Даахса Үрэбэ*, которая впадает слева в протоку Ангардам Үөһэ дельты р. Лена, и ее рукав *Даахса Төбүлэбэ*. *Даахса* в Булунском улусе еще имеет значение *туой буор* 'глина' [КБС]: в Булунском улусе имеется топоним *Даахсалаах*, что, возможно, объясняется наличием в местности глины и отражением эвенкийской семантики — *тākса* [tāksa] 'глина' [ССТМЯ II: 154].

Слово *таахса* употребляется также в Оленекском улусе: *Бааһы кукуһун диэн күөх өҥнөөх хайа быһыһыттан тахсар таахсанан (буор) биһэн эмтииллэр* 'Рану лечат намазыванием веществом (кукуһун) выделяемым из трещин камней в горах глиной (*таахса* 'й) сине-зеленого цвета' [Анисимова 2010: 88]. По исследованиям фонетистов, в якутском языке «вариация *д ~ т* выступает как внутри- и междиалектное явление», «отмечается, как правило, в основах нетюркского происхождения» [Дьячковский 1977: 105].

Лексема *Даакса* в Аллаиховском [ДСЯЯ 1976: 84] и Усть-Янском улусах [Коркина 1992: 240] обозначает 'солонец, солончак'. Е. И. Коркина предлагает сравнить это слово с монг. *давс(ан)* 'соль'. Таким образом, по полевым материалам предшествующих исследователей, лексема *даакса*, *даахса* функционирует только в северных улусах с семантикой, возможно, исконной, 'глина', также зафиксированы значения 'солонец, солончак' и местность с 'островками оголенной земли с мелкими камнями (непокрытые дерном, без зелени, травы)'.

Слово *Китиэмэ* [kitiämä] в языке саха отмечается как диалектное в Анабарском, Оленекском улусах с семантикой 'сухое ровное место в тундре с твердым грунтом; поле'. В диалектной лексике якутского языка оно является эвенкийским заимствованием: *китэмэ* [kitämä] 'поле, луг, поляна, прогалина (в лесу); равнина (широкое, ровное пространство, покрытое сфагновым мхом) [ДСЯЯ 1976: 114; БС СМГТ: 195].

Топоним *Китиэмэ* (Сааскылаах Анабарского) — местность, отличающаяся твердым грунтом: *Китиэмэ — һугун үүнэр. Кытаанах баҕайы сир. Күөлэ кумах. Эмискэ диригишир* 'Китиэмэ — местность, где растет голубика. Земля твердая. У озера песок. С крутым дном' (полевой материал автора, 2014 г.).

Китиэмэ — речка, приток Таас Эйэкиит, Булунский улус. В данном улусе существует следующее понимание слова *китиэмэ*: *Үрэх хонуулаах буолар. Кураанах, дэхси сир. Былыр тордохтору туруорар* 'Китиэмэ — поле у речки. Сухое, ровное место. Место, удобное для установки тордох (уруса, покрытая ровдугой¹)' [КБС].

Из истории Булунского улуса известно, что в конце 1930-х — в начале 1940-х гг. колхозники Кюп-Эжанского наслега содержали почтовые станы, на оленях возили почту, пассажиров, так, известен станок *Китиэмэ* [Стручков 2005: 315], возможно, названный по упомянутой речке *Китиэмэ*. Семантика при заимствовании не изменилась. Географические названия также локализованы в северо-западных улусах республики.

Слово *Тээн* [tän] зафиксирован в Анабарском, Булунском, Оленекском, Усть-Янском улусах со значением 'марь' и среди эсеейских саха понимается как 'чистый ровный участок на гольцах'. Оно считается диалектизмом, заимствованным из эвенкийского языка: *тээн* 'ровный перевал; равнина на водоразделе' [ДСЯЯ 1976: 257—258].

Топоним *Тээн* в Булунском улусе — местность в Кюп-Эжанском наслеге, в 1930-е годы — центр колхоза «Красный Оленевод». Топоним обозначает широкую равнину на горном перевале [Стручков 2005: 19]. Информант Шахурдин Николай Константинович (60 лет), коренной житель Күп Эдьээн, дает

¹ Удобное место для установки кочевого жилья.

следующее толкование: *Биир икки-үс көс туоралаах хаптал сир баар ону ааттаабыттар тээн буолар. Тээн — хаптал сир, тааһа суох. Ыраас сир. Күөллэрдээх сир. Кыарабаас, киэнэ суох* ‘Равнинную местность шириной два-три десятка километров называют тээн. Тээн равнинная местность, не каменистая. Чистая местность. С озерами. Небольшая, неширокая’ [КБС]. В дневнике ученицы 6б класса Харыйала-ахской средней школы Оленекского улуса Марианны Федоровой, который она вела во время летних каникул, находясь в оленеводческом стаде, зафиксирован топоним *Киэн Тээн: Бүгүн Киэн Тээн диэн сиргэ көһөн кэллибит. Киэн Тээн диэн сирэ, алыыта киэнгин иһин Киэн Тээн диэбиттэр* ‘сегодня перекочевали в местность Киэн Тээн. Широкая местность, долина речки, потому и назвали Киэн Тээн’ [КБС].

2. Каменистая местность

Дьолобуун — это местность, ‘где много камней твердой породы, окатанных и оглаженных водой’ [БС СМГТ: 148], в диалектную лексику это слово заимствовано из эвенкийского языка: ср. лексему *дьоловуг* [ʒolowʉʉ] ‘нагромождение камней’ [ДСЯС 1995: 71], которое оформлено двумя генетически тождественными показателями *-ву* и *-у* от *дьоло* ‘камень’ [Болдырев 1978: 182]. Оронимы и гидронимы встречаются в Оленекском и Жиганском улусах: *Дьолобуун, Муйус Дьолобууна, Сээн Дьолобууна, Дьолобуун Үрэбэ*. Основа в виде *дьоло* как топоним распространен во многих улусах республики, а топоним *Дьолобуун* локализован в двух северо-западных улусах: Оленекском и Жиганском. За пределами Республики Саха (Якутия) в Читинской области встречается *Дьоловуун. -вуун* — аффикс эвенкийского языка, образует преимущественно от глагольных основ имена существительные со значением ‘орудие действия, приспособление, при помощи которого производится действие’. Сравнительно небольшое количество имен существительных образуется от именных основ [Константинова 1964: 86].

Иимта, иимтэ как географические апеллятивы зафиксированы со значением ‘место, где имеются камни, которые лижут горные бараны-чубуку’ [БС СМГТ: 168]. В эвенском языке *имта* [imta] ‘лизень, выступающий из камней или со скалы’ [Кейметинов 1996: 44], в лексике эвенов Түгэһиир *иимта* ‘соляная извесь’ [Колесова 2006: 32].

Топонимы *Иимтэ, Иимтэчаан, Иимтандьа* зафиксированы в Булунском улусе. Информанты толковали значение апеллятива *иимта, иимтэ* как «камень-соль, который лижут горные бараны». На основе этого можно предположить, что эвенское слово *иимта (иимтэ)* является заимствованием и диалектизмом в среде булунских саха. Здесь следует отметить, что в «Эвенско-русском словаре» В. А. Роббека и в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» слово *иимта* нами не обнаружено. Возможно, *иимта* — архаизм, или субстрат из лексикона тюгэсирских эвенов. Это слово получило распространение до Булунского улуса при освоении эвенами низовий рек Яна, Лена. Топонимы *Иимтэчаан, Иимтандьа* образованы посредством якутского уменьшительно-ласкательного аффикса *-чаан*, заимствованы из эвенского и эвенкийского языков с более широким употреблением в северных говорах [ГСЯЛЯ 1982: 112].

Н’улк’э [n’ul’k’ə] в эвенском языке ‘глыба, валун; утес, скала; вершина (горы, каменистая)’ [ССТМЯ I: 645]. В Булунском улусе зафиксированы апеллятив *ньюлка* со значением ‘отвесная скала, утес’ и следующие топонимы: *Ньюлалаах, Кыһыл Ньюлалаах, Ньюлкандьа, Ньюлкачаан* [КБС]. *Ньюлалаах*, оформленный аффиксом прилагательного якутского языка, свидетельствует о заимствовании эвенского *ньюлка* в булунский говор. Его ареал, как и ареал эвенского языка, покрывает восточную территорию Булунского улуса, свидетельствуя о границах взаимовлияния эвенского и якутского языков. Возможно, при заимствовании семантика слова сузилась, утратив значение ‘глыба, валун’.

3. Гора, горная местность

Апеллятив *кэрикэ* зафиксирован как диалектный в Анабарском улусе со значением ‘горная цепь по берегу моря, прибрежная гора’ [Воронкин 1984: 143], а среди якутов озера Ессей используется в значении ‘ровная горная цепь’ [ДСЯЯ 1976: 146]. Ороним *Кэрикэ* в Анабарском улусе, представлен в следующем примере, записанном от информанта *Муора бэтэрээ өттүгэр Кэрикэ диэн сир баар, элбэх систээх, элбэх үрэхтээх сир. Ол онно уйаланар эбит кырса. Кэрикэ диэн муора кырыытын ааттыыллар* ‘На этой стороне моря имеется местность Кэрикэ, имеется много хребтов, речек. Там песок находит себе нору. Побережье моря называют кэрикэ’ [Архив 1: 12]. Другой топоним *Кэрикэ* зафиксирован в Шологонском наслеге Оленекского улуса [Архив 2: 12], который достаточно отдален от морского побережья. Возможно, в этом топониме кроется семантика, зафиксированная среди якутов озера Ессей: ‘ровная горная цепь’.

Другой топоним с апеллятивом *томуу* — *Томуу Кэрикэтэ* (Булунский улус) — *Эйэкиит баһын диэки. Кыылы томуулаабыт сирдэрэ, тааска тахсарыгар. Ол босхо таас кыра* ‘На верховье речки Эйэкиит. Там охотились на дикого оленя загородью при миграции. Это обособленная маленькая каменная

гора' [КБС]. Географическая диалектная лексема *кэрикэ*, возможно, в прошлом функционировала на северо-западе среди местных жителей (у Г. В. Ксенофонтова — «северный говор» [Ксенофонов 1937: 232]), которые освоили прибрежные горы и охотились на оленей, мигрирующих по этим местам, и на песцов, которые устраивались в этих горных цепях. Полевые материалы автора позволяют говорить о том, что в настоящее время *кэрикэ* употребляется в речи только жителями Анабарского улуса, в других улусах не зафиксировано.

Диалектный апеллятив *лонтохо* [loŋtoɣo] в Анабарском, Булунском, Оленекском улусах имеет более широкое значение — ‘возвышенность, гора; горный хребет; высокое место, возвышенность горной цепи; возвышенность на поле; высокий холмик в тундре; высокая возвышенность; возвышенные места, небольшие сопки’ [Романова и др. 1975: 171].

Зафиксированы следующие топонимы: в Анабарском улусе — оронимы *Лонтохо*, *Доруоха Лонтохото*, *Дьаакан Лонтохото*, *Куолка Лонтохото* (улуу бэлиэ сир баар. Мээнэ киһи сылдыбыт сирэ) ‘святое место; место, которое не посещают просто так’, в Оленекском улусе сопка *Дьаакан Лонтохото*. Булунском улусе *Кубалаах Лонтохото*, *Баппат Лонтохото*, *Кэлтэгэй Лонтохото*, *Туустаах Лонтохото*, *Хатыспыт Лондокото*, *Чукээс Лонтохото*. *Лонтохо* — эвенкизм, и его семантика при заимствовании не изменилась: *лондоко* [loŋdoko] ‘высота (самая высокая точка горного плато); гора, сопка’ [ССТМЯ I: 517].

Хотелось бы отметить, что слова *лонтохо* и *кирбэй* в Анабарском улусе сильно не отличаются, более того, их семантика считается одинаковой (“*лонтохо да кирбэй да биир суолталаахтар*” ‘лонтохо и кирбэй однозначны’ — картотека БС). На Таймыре *Лонто* — гора [КБС]. Возможно, эта основа сохранена и в топонимии Анабарского улуса, где имеются названия *Лонтоо Хайата*, *Лонтоо Үрүйэтэ*. Тогда *лонтохо* образовано непродуктивным словообразовательным аффиксом имен существительных эвенкийского языка *-ка* [Константинова 1964: 96]. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» имеется еще один географический термин от *лонто* — *лондор* [loŋdor] ‘скала’ с архаическим общеалтайским аффиксом множественного числа *-р*, который является продуктивным в тунгусо-маньчжурских языках [Колесникова 1971: 143]. В исследуемом регионе имеется речка *Лоонтоордоох* (Жиганский улус), где *-доох* является аффиксом обладания якутского языка. *Лоонтоор*, по толкованию местных информантов, ‘высокая лесистая возвышенность в гористой местности’ (*хайалаах сиргэ үрдүк сис баар буолар, ону этэллэр*) [КБС].

4. Возвышенности, бугорки

В названной подгруппе достаточно большое количество географической эвено-эвенкийской лексики зафиксировано в топонимическом пласте, например: *кугда* в диалектной лексике Оленекского улуса обозначает ‘холмистую местность, лишенной растительности’, от эвенкийского *кугда* [kugda] ‘высокий, высоко’; апеллятив *гугдан* ‘высота, сопка’ [ССТМЯ I: 166] зафиксирован в топонимах *Кугда*, *Кугда Хотото*, *Кугдалаах*, *Кыстык Кугда*, *Сайылык Кугда* в Амгинском, Олекминском, Оленекском, Усть-Алданском и Чурапчинском улусах [КБС]; *һөөкэн* [hoorken] в эвенском языке имеет значение ‘холм, бугор, сопка’ [ССТМЯ II: 351], гидронимы *Сүөпкэндьээ*, *Сүөпкэнньэ* зафиксированы в Булунском улусе; *кондо* [koŋdo] в эвенкийском языке — ‘мыс; изгиб, излуцина (реки)’ [ССТМЯ I: 412], оз. *Хондоо* в Жиганском улусе, реч. *Кондокан*.

Апеллятив *киргинньэх* (диал. жиг.) ‘возвышенность’ образован от эв. *киргин* [kiirgin] ‘возвышенность, гряда; голая вершина перевала’ [ССТМЯ I: 397] с помощью непродуктивного аффикса якутского языка *-ньях* [Антонов 1967: 69]. В Жиганском улусе от данной орографической лексики образованы следующие гидронимы: *Киргинньэх*, *Балабаннаах Киргинньэх*, *Тукалааннаах Киргинньэх*, *Мастыыр Киргинньэх*.

Лексема *Киргин* также встречается в этнониме ламунхинских эвенов *киргин бис*, «означающем ‘живущие или обитающие по окраинам, высокогорным (суходольным) местам’, где *киргин* ‘окраинные, высотные или суходольные места’» [Кейметинов 1996: 155]. Таким образом, слово *киргин* было заимствовано саха-язычными родами и функционировало в жиганском говоре, принимая аффикс якутского языка. Интересно отметить, что эвенская основа *киргин*, *киргин* в настоящее время в топонимии края не фиксируется.

Географический апеллятив *кунтукэ* [kuntukä] со значением ‘высокое место, возвышенность; холмик; неровное место, кочки в тундре; поляна на горе, на возвышенности; чистая поляна на берегу реки’ функционирует в речи населения Оленекского улуса [БС СМГТ: 235]. Он заимствован из эвенкийского языка: *кунтикээ* [kuŋtikä] ‘холм, бугор; сухое место сфагновой тундры (удобное для стоянки); моховище (хорошее, в районе пастбища); поляна (на берегу реки)’ [ССТМЯ I: 434]. В Оленекском улусе имеется гидроним *Кунтукэлээх*.

В Анабарском, Булунском, Оленекском улусах зафиксирован диалектный географический термин *чурбука* [ʧurβuka] со значением ‘бугор, холм, курган; пик, вершина; возвышенность на горном хребте; горы, вершины’ [Ксенофонтов 1937: 573; ДСЯЯ 1976: 303; Барашков 1985: 20] тунгусо-маньчжурского происхождения, ср.: эвенк. *чурбукээ* [ʧurβukā] ‘куча; бугор, холм; сугроб’ [ССТМЯ II: 416], эв. *чурпуза* ‘торчащий зубьями’ [Лебедев 1978: 198]. Семантика термина определяется обозначением места от бугорка, отдельных каменных выступов до горы. В Оленекском улусе: *чурбука диэн уһулу көтөн турар томтор аата* ‘чурбука — это возвышающийся бугор’ (наслег Кирбэй), *чурбука — сискэ соботох турар томтор* ‘единственный бугор на хребте’ (наслег Кирбэй), *чурбука таастар. Боруоста хайа курдук, дьизэ курдук үүнэн тахсыбыт таастар* ‘камни чурбука — подобны горе, каменные выступы, выросшие как дом’ (Оленёкский наслег), *холомо курдук тааһы чурбука дишлэр манна* ‘в наших краях чурбука — это каменный выступ, подобный холомо (зимнее жилище из жердей, составленных конусообразно и обложенных дерном)’ (наслег Өлөөн), *бу дойдуга сис хайаны суопка да дишлэр, чурбука да дишлэр, тиис да хайа дишлэр* ‘в этой местности горный хребет называют то сопка, то чурбука, то гора с острыми вершинами’ (Оленёкский наслег).

В Булунском улусе: *чурбука — босхо тааһы ааттыыллар, хантан да сибээһэ суох. Булгуннаах курдук тааһы* ‘чурбука это отдельно стоящий камень, не связанный с другими. Каменная гора как бугор’. В топонимии исследуемого региона апеллиатив *чурбука* отмечен в Оленекском улусе (ручей *Чурбука Сарыга*, речки *Чурбукалаах*, *Оһур Чурбукалааба*), в Булунском улусе (горы *Чурбука*, *Атырыкаан Чурбука-та*, озеро *Тишгийэ Чурбукатын Күөлэ*).

5. Склон, покатое место

Эвенский географический апеллиатив *антов* [antow] ‘южный склон горы, поросший лесом’ [ССТМЯ I: 44] зафиксирован в названии горы *Антол Хадаар* наслег Хара Уулаах Булунского улуса. Информант Н. Х. Никитин, называя *Антол Хадаар*, упомянул второе название *Антыкы Хайата* и пояснил его толкование как *Тишттээх хайа диэн. Быарыгар тишттээх хайа* ‘Гора с лесом. Лиственничный лес на склоне горы’ [КБС]. Аффикс *-л* в тунгусо-маньчжурских языках является показателем множественности [ЭРС 1958: 708]. Форма *антыкы* от эв. *антыб* ‘восточный, поросший лесом склон горы’ с аффиксом *-ы* имени существительного [Лебедев 1978: 40].

Компонент *һэмныйк* [hemn'ik] в Булунском улусе имеет значение ‘негористая местность, низменность’, зафиксирован в топонимах *Һэмник Үрэбэ*, *Куолай Һэмнигэ*, которые находятся в Борогонском наслеге Булунского улуса (картотека БС). Возможно, и топоним *Сэмнэгиндэ* Булунского улуса образован от апеллиатива *һэмныйк* при помощи эвенского аффикса *-ндэ*.

6. Остров

Эвено-эвенкийский географический термин *бур* [βur] ‘остров’ [БС СМГТ: 84] выделяется в названии речки *Бурайаа* Оленёкского улуса, образованном при помощи эвенкийского аффикса *-йа*, указывающего на совокупность, соединение, собирательность, абстрактную множественность [Константинова 1964: 44].

7. Труднопроходимое место

Эвенский апеллиатив *дарпы* ‘труднопроходимое место’ образован от *дарпи-* [darpi-] ‘закрывать (дорогу)’, ‘перегораживать (реку); ставить вехи’ [ССТМЯ I: 200]. В наслеге Хара Уулаах Булунского улуса имеется речка *Дарпы*. По рассказам информантов, *дарпы — хайыр таас, ону эбээнни ааттаабыттар* ‘дарпы — груда камней, это по-эвенски назвали’, *дарпы — адаар хайалаах сир* ‘дарпы — местность со скалистыми горами’ [КБС].

8. Лощина, овраг

Тунгусо-маньчжурское слово *сагаар* [saŋaŋ] со значением ‘дыра, отверстие; щель; яма; пещера; трещина, расщелина; впадина’ [ССТМЯ II: 62] в топонимии республики обнаруживается от Булунского до центральных улусов, например, гора, озеро, поселок, речка *Сагаар*, зим. *Аччыгыһы Сагаар*, *Улахан Сагаар*, оз. *Сагаар Күөлэ*, также гора *Сагаарчаан* в Момском улусе.

Также встречаются эвенкийские апеллиативы *сириктэ* [siriktä] ‘трещина, щель, скважина; пещера (в скале у воды)’ [ССТМЯ II: 327] в топониме *Сириктэндэ* в Шологонском наслеге Оленекского улуса, *чопкй* [ʧopki] ‘яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); лощина; болото (во впадине, в лощине);

глубокое ущелье' [ССТМЯ II: 408] в гидронимах *Чопко*, *Тиштээх Чопкото*, *Чопко Дьэлиндэ* в Анабарском, Олекминском, Оленекском улусах.

Эвенский географический апеллятив *уһла* [uhla] 'обвал, оползень, лавина; овраг' [ССТМЯ II: 263], *улса* 'обвал, оползень, лавина (снежная глыба)' [РЭС 1952: 328, 244, 351] функционирует в Булунском улусе. В наслеге Хара Уулаах имеется гидроним *Уһулаандьа*, образованный от *уһла* с прибавлением аффикса эвенского языка *-ндьа*, указывающего на большой размер географического объекта или на большую величину предмета, по которому он назван. По словам информантов (Марков Николай Герасимович, 1918 г. р., Никитин Николай Христофорович, 1914 г. р.): *Уһулаа диэн хайаттан саас уу түһэн сири алдьаппытын ааттыыллар* 'Уһулаа — это оползень при весеннем потоке воды с гор', *Уһулаандьа — үрэх. Сахалыыта суулбут диэн. Суулбут курдук таалалардаах* 'Уһулаандьа — речка. По-якутски суулбут (оползень). Имеются в долине возвышения, которые подобны оползням' [КБС].

Гидрографическая лексика — это лексика, связанная с определением водного объекта. Как и во всех топонимических пластах, слово 'вода' — в тунгусо-маньчжурских языках *мү* [mü] — становится одним из основных гидронимобразующих элементов. Так, в местностях исследуемой территории зафиксированы следующие гидронимы с апеллятивом *муу*: *Мууна*, *Муунакаан*, *Бугар Муунахаан*, *Үөл Муунахаан*.

В эту группу включены слова, определяющие течение, глубину, размер, вид водного объекта, сохраненные в географических названиях и в устах населения исследуемой зоны.

Лексика, связанная с водным объектом, имеющим течение

В этой группе много терминов, которые зафиксированы в топонимии республики. Например, *бира* [biŋa] 'река': выше был проведен анализ гидронима *Анаабыр*, среди компонентов которого упомянут термин *бира*, *Дьуот Биракчанньэ* Аллаиховском улусе, *Быра Мыйаа* в Оленекском улусе, *Бырайа* в Алдане, *Быракаан* Верхневиллюйском и мн. др.; *наалдыын* [naldin] в эвенкийском языке 'приток; место слияния двух рек', в эвенском 'приток, низовье; устье (реки, впадающей в море)', р. *Наалдын* в Алданском, *Налдын* в Жиганском, *Налдындьаа* в Булунском улусе; эвенкийское *чинн'экэ* [ciŋŋ'äkä] 'протока (межозерная)' [ССТМЯ II: 397], в топонимах прот. *Чиннэкэ* в Олекминском, сен. *Чиннэкээн* в Меитской волости, оз., сен. *Чиннэкэт Ангара*, сен. *Чиннэкэт Бишиэтэ* в Верхневиллюйском, Виллюйском, Жиганском улусах, и мн. др. термины.

В эвенкийском языке *соло* 'верховье (реки)' [Мыреева 2004: 514], в эвенском языке апеллятив *һолáһи* [holáhi] имеет значение 'река, речка, по которой идут, едут вверх, против течения' [ССТМЯ II: 108]. В топонимии северо-запада республики зафиксированы следующие топонимы с апеллятивом *һолáһи*: *Буор Сололу* — речка, левый приток р. *Тас-Сололу*, басс. р. Пур Оленёкского улуса, *Сололии* — правый приток р. Таас Эйэкиит, *Улахан Сололи* — левый исток р. Сололии Булунский улус. Основой апеллятива является т.-ма. *соло-* 'подниматься вверх по реке'. От этого глагола образован еще один апеллятив — *солокиит* 'подниматься вверх по реке, плыть против течения; идти по берегу к истоку реки', который зафиксирован в топонимии изучаемого региона: рч. *Солокуут*, *Мунур Солокуута*, *Үнүгэс Солокуута*, *Чимиликээн Солокуута* в Оленекском улусе. Эвенкийский аффикс *-киит* обозначает место, где постоянно происходит действие, выраженное в основе [ЭРС 1958: 762], также широко используется при образовании топонимических названий [Болдырев 1978: 103].

В подтверждение точки зрения тунгусоведов приведем эвенкийский апеллятив, образованный с помощью аффикса *-киит* от *эйэ* [äjää] 'течение' > *эйэкиит* со значением 'вниз по течению реки; нижний по течению' [ССТМЯ II: 440]. В топонимии северо-запада республики зафиксированы следующие географические названия с апеллятивом *эйэкиит*: *Эйэкиит*, р., левый приток р. Лена; *Эйэкиит Үрэбэ*, правый приток р. *Буор-Экит*; речки *Эйэкиит Чопкото*, *Эйэкиит Чуоһа* в Булунском улусе. Речки *Эйэкиит* в Шологонском наслеге Оленёкского улуса и *Олдондо* впадают в р. Марха с противоположных берегов. Относительно географического расположения реки у местного населения существует легенда, которая гласит: «*Олдондо, Эйэкиит — иккиэн утары киирэллэр. Олдондо диэн буолабына Олдоон уол, Олдоон олобо диэн. Утарыта. Ээйэ диэн кыыс кинииттэммиттэр, ол иһин Ээйэ киниит диэн Эйэкиит диэбиттэр. Кылгатаннар. Эһэм кэпсиир этэ*» 'Олдондо, Эйэкиит впадают в реку с противоположных берегов. Олдондо — это от имени молодого человека Олдоон, что значит место Олдоон'а. Появилась у них невестка Эйэ. И речку называли Эйэ киниит (невестка Эйэ), сокращенно называли Эйэкиит. Дед рассказывал' [КБС]. В архивном материале «Ээйик колхоз сириҥ аата. Географические наименования земель к-за "Эйик" 1967 г.» написано: «*Экит — Эйэкиит. Үрэх һүүрдэрэ. Течение*» [Архив 2: 3]. Полвека тому назад население знало о значении гидронима *Эйэкиит*, а в настоящее время нами еще не зафиксировано какого-либо объяснения из уст информантов, которые рассказывали о географических

названиях исследуемого района. Географических названий на *-киит* много, и большинство из них этимологизируются с эвенкийского языка, например:

Алакиит [alakit] приток р. Сян-Юрях в Жиганском улусе, речка *Алакиит* (*Алакыыт*), приток Оленека, *Алакиит Дьаангыта* Оленекский улус. В эвенкийском языке *алакиит* ‘перевал (место, где переходят через горный хребет)’ [ЭРС 1958: 23] и второе значение ‘место брода’ [Василевич 1958: 328]. В данном географическом апеллятиве примечателен эвенкийский аффикс *-киит*, а его основой является тунгусо-маньчжурский глагол *ала-* [ala-] ‘перейти через горный хребет’ [ССТМЯ I: 27]. В Оленекских преданиях упоминается речка *Алакыыт*, название которой переводится на якутский язык *Харгылаах* ‘с порогами’, что соответствует второму значению ‘место брода’: где пороги — там и место брода.

Следующий пример — *Урикиит* приток речки Таас Эйээкиит, Булунский улус. В эвенкийском языке *урикиит* [urikit] ‘стойбище (старое), стоянка’ от *урийн-* [urijn-] ‘останавливаться’ [ССТМЯ II: 285]. В старину по этой местности проходил почтовый тракт (*Былыргы дьаам чуоһа* ‘старая трактовая дорога’ [КБС]). И конечно, он проходил по более или менее населенным местам, где находились стойбища или стоянки охотников, оленеводов.

Лексема *энн’э* [äñp’ä] в эвенкийском языке имеет значение ‘речка, ручей (высохший)’ [ССТМЯ II: 457]. В Жиганском улусе зафиксирован топоним *Эннэлиш*: *Былыр колхозтааһын иннинэ биһиги нэһилиэккэ, Эннэлишгэ олохтоох Табаан Бүөтүр, Оттооххо олохтоох Максим оҕонньор мунхалара, ... Дьон тыынын уһатара* ‘В прошлом, до коллективизации, Тагаан Петр из местности *Эннэлиш*, старик Максим с местности *Оттоох*, рыбачили неводом, ... и это спасало от голодной смерти’ [Яковлев 2009: 13]. Аффикс *-лиш* в эвенкийском языке выражает распространенность данного состояния на большом пространстве [ЭРС 1958: 767—768].

М. Д. Симонов, исследовавший типологию эвенкийских гидронимов, Бурятияи пишет: «аффикс *-лиш* ... выполняет ... роль адъективатора имен существительных. ... Все гидронимы с аффиксом *-лиш*... отнесли к одной семантической группе: место (участок, поверхность чего-то)» [Симонов 1976: 234]. В топониме *Эннэлиш*, сохраняется буквальное значение ‘высохшая речка’, или местность в какой-то степени связана с речкой, которая высыхает. Но в настоящее время еще не зафиксировано определения или толкования названия этой территории местными знатоками. По [ССТМЯ], данное слово относится к подкаменно-тунгусскому говору южного наречия и дудинскому говору северного наречия эвенкийского языка. В то же время в токкинском, томмотском, учурском говорах восточного наречия эвенкийского языка ‘речка, высыхающая летом’ называется *онн’о* [onp’o] [ССТМЯ II: 21]. Гидронимы *Онньоо*, *Онньоо Силигир* распространены в Алданском, Амгинском, Олекминском, Оленекском улусах. Информанты Оленекского улуса знают значение апеллятива и гидронима: *Үрэх уута аллара түһэн хаалар, тааһа эрэ хаалар. Ону онньоорбут дишлэр* ‘вода в речке падает, камни только остаются. Это называют *онньоорбут* (высохшим)’, *онньоо* — *уута түһэн хаалар. Аллараанан. Ону онньоо дишлэр. Уута суох, куурбут диэн курдук өйдөбүллээх быһыылаах* ‘*Онньоо* — вода уходит вниз. Это и называют *онньоо*. Высохшее, без воды.’ [КБС]. Таким образом, эвенкизм *онньоо* сохранился в оленекском говоре якутского языка. В Оленекском улусе, к сожалению, в настоящее время носителей эвенкийского языка нет.

Эвенкийский географический апеллятив *дәлдйн* [däldin] ‘приток; место слияния рек’ является одним из активных гидронимобразующим терминов на северо-западе республики: *Даалдин*, *Даалдын*, *Даалдыкаан*, *Даалдыын*, *Даалдыкаан*, *Булкуур Даалдына*, *Булкуур Даалдына*, *Мастаах Даалдына*. В Оленекском улусе Багдарыын Сүлбэ зафиксировал диалектное значение к апеллятиву *даалдын* — *суураллар таас диэн үһү. Кыһылар быһабынан. Кырааска эгин онгостоллор этэ былыр* ‘говорят растворимый камень, который можно строгать ножом. В прошлом из него изготавливали краску’ [КБС]. В настоящее время не фиксируются топонимы, в состав которых входило бы название данного камня. В то же время наименования камней и веществ встречаются в топонимии исследуемого региона, например, речка *Кукуһунда*, *Кукуһунда Алыылара*, *Кукуһуннаах Хайа* в Оленекском улусе. По словам информанта: *кукуһун* — *эмтээх буор* ‘*кукуһун* — земля с лечебным свойством’ — это эвенкийское слово илимпийского говора северного наречия *кукиуйн* [kukuijn] ‘камень (дающий зеленую краску)’, где *куку* в эвенкийском языке означает ‘синий’ [ССТМЯ I: 426], что соответствует описанию этого камня очевидцами в Оленекском улусе. Следует отметить, что авторы ССТМЯ считают эвенк. *куку* монголизмом, сравнивая с п.-мо. *köke* ‘синий’.

В тунгусо-маньчжурских языках достаточно широко распространен географический апеллятив *дәпту* [däptu] ‘устье (реки)’ [ССТМЯ I: 197]. В Жиганском улусе имеется речка *Даапты*, и местность впадения ее в речку *Үндүлүүн* называется *Даапты Төрдө*. Второй компонент *төрдө* образован от якутского *төрүт* ‘устье реки, речки’ + *-а* (аффикс принадлежности 3-го лица якутского языка). В итоге два гидрографических апеллятива — *даапту* и *төрүт* — образовали гидроним. В данном случае эвенкийский апеллятив *даапту* ‘устье (реки)’ является более ранним. Возможно, он вначале обозначал только

устье реки, и с приходом якутского населения стал именоваться речку полностью. В дальнейшем первоначальное значение слова было утеряно, и устье реки именуется уже со вторым компонентом *төрүт*. Современные информанты не дают объяснения названию реки *Даанты*.

Лексика, связанная со стоячим водоемом

Эвенкийский географический апеллатив *аамут* [âmtu] ‘озеро’ — одна из активных лексем образующих гидронимы. В Жиганском улусе зафиксированы следующие названия водных объектов, которые образованы от этого апеллатива путем присоединения элемента *-ты*, ассимилированного варианта суффикса *-ды*, образующего имена прилагательные (*аамутты* ‘озерный’) [ЭРС 1958: 793]: *Амытты*, *Амытты Күөлэ*, *Амытты Үрэх*. Диалектологом М. С. Воронкиным в этом же улусе зафиксировано название реки *Амыкты* [Воронкин 1984: 187], которое, возможно, является фонетическим вариантом гидронима *Амытты* (соответствие согласных *к ~ т* считается редким, не зафиксированным в говорах языка саха). Апеллатив *аамут* в другом морфологическом оформлении встречается в гидронимии Алданского улуса (рч. *Амуткаан* в наслеге Нимньиркээн) и Намского улуса зим. *Амыттаан* в наслеге I Сиитгэ, где тоже наблюдается соответствие *к ~ т*. В эвенкийском языке *аамуткаан* ‘небольшое озеро; пруд’ [ССТМЯ I: 40].

Гидронимическая терминология многих языков связана с хозяйственной деятельностью. Не остается в стороне и исследуемая территория, где много озер, на которых местное население занимается рыболовством. Например, в лексике Жиганского говора *илбээкиит* ‘озерный залив, заводь, где в установленные сети загоняют рыбу’, и по этому признаку — озеро с заливом или заводью — номинируют географические объекты — *илбээкииттээх*, где выделяется аффикс обладания якутского языка *-лаах*. Очевидно, эвенкизм сохранился и в лексике, и в гидронимии Жиганска — оз. *Илбээкиит* в Куонаринском наслеге. Среди топонимов тунгусского происхождения, связанных с промыслом (рыболовством) *Илбэкиит* объясняется как ‘место загона рыбы в сеть’ [Василевич 1958: 328]. Вычлняя вышеназванный аффикс *-киит*, обозначающий место, где постоянно происходит действие, выраженное в основе, выделяем эвенкийское слово *илбэ-* [ilbä-] ‘поднять, согнать (зверя); перегнуть (скот); загнать рыбу (в сеть)’ [ССТМЯ I: 307]. Интересно сопоставить с этой глагольной основой якутский глагол *илбээ-* ‘соединять, собирать, цепляя что-л. к чему-л.’, сравнимый с тюркским *елме* ‘склеивать’ [БТСЯЯ III: 614].

В диалектной лексике Жиганского улуса зафиксирован географический апеллатив *элгэр* ‘цепь географических объектов, соединяющиеся между собой’, сравнивается с эвенк. *элгэ-* ‘вести (на поводу); вести за руку’ [БС СМГТ: 765]. В этом же улусе река *Элгэрдээх*. Информант С. М. Христофоров (в 1978 г. ему было больше 80 лет) при беседе объяснил: *Элгэрдэр диэн күөллэри этэллэр. Үрэх көлүө-көлүө буола-буола барар. Ону элгэрдэр дишлэр ‘Элгэрдэр это озера. По река озерки друг за другом выстроились. Их и называют элгэрдэр’* [КБС].

В третью группу включена лексика, которую вследствие ее разнообразия сложно включить в две предыдущие группы (в то же время малочисленные). Например, это лексема *баргыдамаат* ‘два географических объекта, находящиеся друг против друга’ (*утары киирэр икки үрэх* ‘два противоположных притока реки’), образованный от эвенкийского *баргидā* [bargidā] ‘противоположная сторона’ при помощи тунгусо-маньчжурского адъективного аффикса *-ма* и аффикса множественности в алтайских языках + *-т*, зафиксированы названия речек *Баргыдамаат*, *Унга Баргыдамаат*, *Ханас Баргыдамаат* в Оленёкском улусе; *бубарыкта* ‘гарь (сплошная); свежевыгоревшие участки тайги без поросли (новая гарь)’, образован от эвенк. *бубар* ‘гарь, горелый лес’ при помощи собирательного аффикса эвенкийского языка *-кта*, зафиксированы названия речек *Бубаарыкта* в Оленёкском улусе, *Бубарыкта* в Олёкминском улусе.

Апеллативы монгольского происхождения

Апеллатив *дьэллигэс* [žälligäs] ‘чистое, без деревьев или с весьма редкими древостоем, продолговатых очертаний место в лесу; овраг, ложбина; широкая выбоина’ [БС СМГТ: 163] в настоящее время в составе топонима зафиксирован только в Булуномском улусе в наслеге Тумат: *Дьэллигэстээх Айаана*, *Дьэллигэстээх Тумса* (гора). В литературном якутском языке *дьэллигэс* — прилагательное со значением ‘открытый, чистый (например, о широкой просеке, распадке² в лесу)’. С семантической точки зрения это слово сравнивается с *дьиэллигэс* ‘насквозь просматриваемое длинное узкое открытое место, просвет (в лесу — просека, проталина, в горах — расщелина и т. п.)’, а также с диалектным словом *дьэллэбэс*

² Узкая и глубокая долина среди гор; ущелье.

‘открытое место (без деревьев или с невысокой кустарниковой растительностью) в глухом лесу или на опушке леса, напоминающее по форме расщелину’. Семантически близкими апеллятиву *двэллэгэс* словами можно назвать *двэллэн* ‘лужайка посередине или на опушке леса’, *двэллэнэ* ‘негустой, редкий, легко (насквозь) просматриваемый’, *двэллэнгир* ‘поредеть, стать просматриваемым (о лесе)’ [БТСЯЯ III: 526]. Приведенные слова объединяет один корень — *двэллэй-* ‘расщеляться, образовать широкую щель’, который считается монголизмом в языке саха: < монг.; бур. *zeldeger* ~ *zaldagar* ‘широкий, мешковатый, развязанный, ослабленный, распахнувшийся’ [Калужиньски 1979: 88].

Апеллятив *күнкүчэ* ‘овраг; овражистая местность’ зафиксирован в составе топонимов *Күнкүчэ*, *Күкүр Күнкүчэ*, *Сарадах Күнкүчэ* (речки) в Булунском улусе. Термин *күнкүчэ* в диалектологических словарях не отмечен, зафиксирован Багдарыын Сюлбэ в Булунском улусе из уст информанта Шахурдина Николая Константиновича: *күнкүчэ* – *аппа сир* ‘күнкүчэ – овраг, овражистая местность’. По семантике и морфологической структуре он имеет этимологически общий корень с *күнкүй* ‘промытая текучей водой расщелина скалы, весьма узкая ущелина гор’, *күнкүйэ* ‘горное ущелье, по которому протекает река, с отвесными скалами’, *күнкүс* ‘рытвина, овраг’, *күнгүс* ‘ложе небольшой реки’, которые Ст. Калужиньский сравнивает с монг., бур. *хишхү-* ‘образоваться (о впадине, яме), оседать, вдавливаясь’ *хишхүг-* ‘долина, впадина, лог, лощина, большой овраг’, халх. *хишхү-* ‘глубоко оседать, впадать, быть глубоко впалым’, *хишхэгэр-* ‘глубоко впалый’ [Калужиньски 1985: 54—55]. В этих словах выделяется корень *күнкү*, который в топонимии республики достаточно распространен в Амгинском, Мегино-Кангаласском, Усть-Алданском, Верхневилуйском, Нюрбинском улусах в форме *Күнкү*; в Жарханском, Бордонском улусах *Кюнкюлах*, *Кюнкюляха*, с аффиксом прилагательного якутского языка *-лаах*. Это дает основание предполагать, что слово-основа *күнкү* функционировало и принимало аффикс якутского языка *-лаах*. Отсутствие топонимов с аффиксом *-лаах* (*Күнкүлээх*) в центральных улусах позволяет высказать мысль о том, что корень *күнкү* заимствован в якутский язык в то время, когда началось освоение бассейна реки Вилюй. С уподобительно-уменьшительным аффиксом *-ча* диалектный орографический термин *күнкүчэ* зафиксирован только в Булунском улусе.

Слово *дуран* ‘поле’ отмечено как устаревшее [БС СМГТ: 129]. В Жиганском улусе имеется речка *Дуранай*, соединяющая озера Улахан Быһыттаах и Оччугуй Быһыттаах [КБС], гидроним образован от слова *дуран* посредством адъективного аффикса *-ай* в монгольских языках [Абдрахманов 1979: 25].

Апеллятив *килиэр* со значением ‘голая, без растительного покрова скала, гора’ отмечен в Анабарском улусе [БС СМГТ: 189], где имеется гора *Килиэр* в наслеге Сааскылаах. От информанта записано следующее толкование: *килиэр: үрэх үөһээ икки өттүтэ таас, хайа, кыбычаан. Маһа-ото суох, килэркэй дойду. Тааһынан көрөн турар. Ол иһин килиэр диэн аатырбыта. Аһылыга да суох. Саамай өрүһүн дирингэ онно баар* ‘в верховье речки с обеих сторон камень, гора, теснина. Без растительности, гладкая местность. Каменистая. Потому и стали нарекать килиэр. И корма нет. Там имеется самое глубокое место речки’ (картотека БС). В Оленёкском улусе: *килиэр сир* – *ыраас, тааһа суох сир, от сир. Кизэн. Алыы курдук* ‘чистая, без камней, широкая травяная местность как долина’ [КБС], которая связана с ровной поверхностью местности. Багдарыын Сюлбэ к *килиэр* приводит монгольские сравнения: «на старомонгольском *гилэйи* — ‘блестеть, сверкать’; *гилэгэр* — ‘блестящий’; на бурятском *гилэгэр* — ‘гладкий, блестящий, лоснящийся’. Апеллятив *килиэр* оформлен аффиксом *-иэр* якутского языка» [Иванов 2005а: 35]. Возможен другой вариант: эта лексема образована от *килиэ* ‘местность с блестящей, отполированной поверхностью; сплошная масса (камня, горы)’ [БС СМГТ: 189] при помощи малопродуктивного аффикса *-р* якутского языка, образующего прилагательные, близкие по значению тем прилагательным, которые образованы при помощи аффикса *-гар*. Аффикс по семантике соответствует аффиксу *-р* в современном бурятском языке [ГСЯЛЯ 1982: 166]. В наслеге Ичигэс Баягантайского улуса зафиксирован топоним *Килиэ*.

Оһур ‘небольшой бугор’ зафиксирован как диалектный географический апеллятив в Анабарском, Оленекском улусе [БС СМГТ: 396]. Имеются гидронимы на территории Оленекского улуса: *Оһур*, *Дэбгэлээх Оһур*, *Оһур Чубукулааба*, *Ортоку Оһур*, *Алын Оһур*, *Оһур Дэгээрэйэ*. *Оһур* можно сравнить с монгольским *оцгор* ‘выступающий верхней частью вперед’, *оцгор хад* ‘скала, выступающая верхней частью вперед’ [МРС 1957: 312]. В «Большом толковом словаре якутского языка» приведены парные слова *оһу-тоһу* со значением ‘зубчатый (о вершинах гор)’ с примером из стихотворного произведения В. Мирнова “*Оһу-тоһу очуостарга Охсулунна оргул уоппут, Ыраах тиэрдэр ыллыктарга Ыллыыр эбит булчут уолбут*” ‘На зубчатых утёсах Отражены огни от костра, На дальних дорогах Поёт охотник молодой’ [БТСЯЯ VII: 360]. Возможно, основа диалектного орографического термина *оһур* сохранилась в парном сочетании *оһу: оһу-тоһу*. Семантика прилагательного *оһу* ‘зубчатый’ близка семантике *оһур* ‘небольшой бугор, оба слова связаны с горой. В термине *оһур* выделяется малопродуктивный аффикс *-р* якутского языка, который по семантике соответствует аффиксу *-р* в современном бурятском языке [ГСЯЛЯ 1982: 166].

Апеллятивы тюркского происхождения

Собственно якутский диалектный апеллятив тюркского происхождения

Апеллятив *сырык* встречается в диалектной лексике со следующими значениями: в Анабарском улусе — ‘ручеек’, в Оленёкском — ‘овраг’, ‘небольшой рукав реки’, в Булунском — ‘едва заметная тропинка’ [ДСЯЯ 1976: 221]. В основном он встречается в географических названиях Оленёкского улуса, например, ручей *Бүлүү Сырыга – Бүлүү Ҧырыга – Бүлүүлүүр Сырык*. Информанты довольно доступно объясняют образование гидронима и термина *сырык*: *Бүлүүлүүр үрэх диэн. Ҧырык – кыра үрэх* ‘Речка, по которой едут в Виллой. Ҧырык – это маленькая речка’, *Ити сырыгынан Бүлүүлүүр суол барар* ‘По этой речке идет дорога в Виллой’, *Уулаах. Кэннэкии ааттаммыт. Ити былыр табанан сиринэн дьаамы туттар эрдэххэ, Бүлүүгэ барар суол төрдө этэ. Онон быһа Бүлүү Ҧырыга диэн ааты ингэрбиттэр* ‘речка полноводная. Недавно именовалась. В те давние времена, когда оленьим извозом поддерживали ямщицкую дорогу, эта речка была началом дороги в Виллой. Потому и дали название Бүлүү Ҧырыга’ [КБС]. *Чурбука Сарыга*, левый приток реки Оленёк. Значение ‘ручеек’, зафиксированное в Анабарском улусе, также употребляется в Оленёкском улусе. Сравнительным материалом могут быть: казахское *жырык* ‘промоина, овраг, балка с крутыми берегами’ [Молчанова 1979: 44], ср.-тюрк. *jurmaq* ‘большая река’ [VEWT 1969: 202]. Якутские формы, как и другие тюркские, закономерно восходят к ПТ *jir- с аффиксами отглагольного образования имен. Исходными значениями апеллятива *сырык* являются ‘маленький ручеек’ и ‘овраг’. Семантика ‘едва заметная тропинка’, зафиксированная в Булунском улусе в качестве вторичного значения, возможно, развилась в северо-западной группе говоров саха и в настоящее время в других говорах не зафиксирована.

Апеллятивы тюркского происхождения, вероятно, заимствованные в якутский из других тюркских языков

Чаалкыычча в оленёкском говоре — ‘место, поросшее редкими, крупными деревьями’ [БС СМГТ: 705]. В есейском говоре *чалкыычча* означает ‘редколесье’ [ДСЯЯ 1976: 296]. В Жиганском улусе зафиксирован гидроним *Чаалкыыччалаах* с формантом обладания языка саха *-лаах*, который указывает, что до недавнего времени слово *чаалкыычча* жители знали и употребляли. Потому информант Д. И. Иванов (1904 г. р., уроженец Оленёкского улуса, долгое время живший в Жиганском улусе) в 1978 г. дал следующее объяснение, зафиксированное Багдарыын Сүлбэ и включенное в рукопись «Словаря местных географических терминов Якутии»: *Чаалкыычча диэн ыраас, бөдөн мастардаах сири ааттыбыт. Буот, со-оннук. Тьа дьоно итинник этэбит ‘чаалкыычча мы называем местность с редким, крупным древостоем. Вот, та-ак. Сельский (лесной) народ, мы так говорим’*. Возможно, сахаязычное население, осваивавшее северо-запад республики вплоть до оз. Есей, было знакомо с этим архаизмом и употребляло его в активном словаре. В его морфологической структуре мы находим корень *čāl* ‘ein junger Baum, niedriges Gestrüpp’ (молодое дерево, низкие заросли) [VEWT 1969: 97] и аффиксы: *-кы* — имени прилагательного, обозначающего признак по месту на языке саха [ГСЯЛЯ 1982: 163] и *-ча* тюркского уподобительно-уменьшительного аффикса [ЭСТЯ 1974: 182], где *-ч-* получил удвоение в интервокальном положении [ГСЯЛЯ 1982: 119].

Апеллятив *чөнгөө* в Булунском улусе имеет значение ‘глубокий овраг’, в Оленёкском — ‘прижим³ с обеих сторон, впадина’ (картоoteca БС). Зафиксированы топонимы *Чөнгөө* в Булунском улусе, *Чөнгөөлөөх, Чөнгөөлөөх Дьэлиндэ, Куобах Чөнгөөтө* в Оленёкском улусе. Информанты Оленёкского улуса (Христофоров Афанасий Афанасьевич, 1919 г. р., Николаев Петр Константинович, 1912 г. р.) дают более подробное толкование: *Чөнгөө диэн — үрэбэ төбөтүгэр үөскүүр, сискэ анньар сиригэр. Онон сис нөнгүө өттүттэн кэлэн үрэх тардыһар. Ол тардыһыт сиригэр көндөй баар буолар. Алыы дуу эбэтэр таас дуу. Үрэби сиирэн турар буолар. Икки үрэби. Ол аата чөнгөө дэнэр ‘Чөнгөө бывает на истоке речки, где хребет. На истоке речки за хребтом другой исток речки. Между истоками бывает пространство. Долина или каменная местность. Прорва⁴ соединяет истоки двух рек. Вот это называется чөнгөө’, чөнгөө диэн бу курдук икки үрэх бастара хатыласпыт сирдэрэ хайа баар буолааччы, аппа буолан хаалар, хапчаан. Ол аата чөнгөө ‘чөнгөө — это местность на горе, где овраг, расщелина служит истоком двух противоположно направленных речек’. И потому легенда о топониме *Куобах Чөнгөөтө* гласит: *Куобах Чөнгөөтө — Куобах Обонньор, Чөнгөөбө кишэрэн баран, иһишэр эбит. Онтуката сис нөнгүө**

³ Место на берегу реки, куда устремляются ее воды при повороте русла.

⁴ Пропасть, обрыв, крутой берег реки.

иһиллэр эбит. Ол иһин Куобах Чөҥнөөтө диэбиттэр ‘старик Куобах Оҕонньор, заходя на Чөҥнөө, свистел. Свист был слышен через хребет. Потому и назвали *Куобах Чөҥнөөтө* (впадина старика Куобах)’ [КБС]. В географической лексике якутского языка имеются следующие термины, в основном гидрографические: *чөҥкө* ‘овражистая глубь воды; небольшой, но глубокий водоем’, *чөҥөлөк, чөҥөлөх* ‘маленькое, но глубокое озерко’, *чөҥөрө* ‘маленькое, но глубокое озерко; глубокий’. *Чөҥнөө* можно поставить в один ряд с названными апеллятивами по корневой основе *чөҥ*, зафиксированной в диалектах алтайского языка: *шун/чөҥ* ‘глубокий’ [Молчанова 1979: 304], где *-на* — непродуктивный аффикс якутского языка [Антонов 1967: 68]. Ср. общетюркское *çönek al-‘ulba* ‘aleather milking pail’ [EDT 1972: 426].

Географический апеллятив русского происхождения

Апеллятив *чуос* занесен в «Словарь» Э. К. Пекарского со значением ‘путь, тропа; путь от Булуна через левый приток Оленека Пур на Анабар’, также приводит название речек, ручьев в Вилюйском округе и по р. Оленек *Чуостаах* [Пекарский 1959: 3695]. Г. В. Ксенофонтов отмечает: «*чуос* (Жиг. ул. Анаб. Илимп. т.) — большая трактовая дорога. В пределах Северного Вилюя словом “*чуос*” обозначают вехи, расставляемые в зимнее время вдоль трактовых дорог» [Ксенофонтов 1937: 573]. По материалам «Диалектологического словаря якутского языка», *чуос* является диалектной лексемой северо-западной группы говоров, имеет значения: ‘путь, тропа, трактовая дорога, населенный пункт’ и считается эвено-эвенкизмом: *чоос* ‘большая проезжая дорога’ [ДСЯЯ 1976: 303]. Возможно, в значении ‘населенный пункт’ в Анабарском улусе упоминается топоним *Чуос*. В архивных материалах находим: «По свидетельству местных жителей, в подчинении Туруханскому краю находилась территория нынешнего Анабарского наслега, называвшаяся тогда, как некоторые утверждают, “Анабаром”, в отличие от восточных наслегов, называвшихся в совокупности “Чуос” и относившихся к Якутии» [Архив 3: 2], в воспоминаниях старожилов: *Биһиэхэ Советскай былаас буолуон иннинэ, Чуоска кыстаан олордохпунуна* ‘до советской власти, когда мы зимовали в Чуос’ [Шубин-Полярная 1994: 10], в литературе по истории улуса: «Саскылахский наслег до советской власти назывался *Чуос*» [Гольдерова 2005: 155].

Географические названия, образованные от апеллятива *чуос* распространены довольно широко: Анабарский улус — *Чуос Салаа*; Булунский улус — *Чуостаах, Чуос Салаа* — *былыр орохтонор этилэр, кишэр-тахсар буоллахтара* ‘в былые времена дорога была, туда-сюда ездили’, *Дьаам Чуоһа* — *кырдыаҕас чуос. Былыргы дьаам. Арбаа барар дьаам чуоһа. Түмэти диэки* ‘старая дорога. Старый ямщицкий тракт. Ямщицкая дорога в западную сторону. В сторону *Түмэти*’, *Эйээкиит Чуоһа*; Жиганский улус — оз. *Чуос, Ньыкыр Чуостааба*; Оленекский улус — *Чуостаах* — *чуос диэн суолу ааттыыллар* — ‘*чуос*’ом называют дорогу’, *Чуостаах Үрэх* — *Өлөөнтөн Эдьигээннэ туораан ол үрэҕи батыһан барар чуостара барар үрэҕэ* ‘речка, по которой пролегает дорога из Оленека в Жиганск’, *Дьэкиим Чуостааба, Кирбэй Чуостааба, Кумуруй Чуостааба, Кучаар Чуостааба, Мунур Чуоһа, Ньолобор Чуостааба, Ойуһар Чуоһа, Турууһут Чуоһа* — *Бүлүү уокуругуттан Эдьигээннэн, Анаабырынан, Дулгаанна диэри сылдыһар Турууһут Чуоһа диэн улахан, аатырбыт айан-аартык чуостаахтара* ‘большая, известная трактовая дорога *Турууһут Чуоһа* из Вилюйского округа через Жиганск, Анаабыр, до Дулгаан’ (карто-тека БС), *Тыаһыт Чуоһа, Сэмэн Чуостааба* — *ылыктаах* ‘с тропой’ [Архив 2: 10], *Хабырыыл Чуостааба, Чорду Чуоһа, Эмээхсин Чуостааба*. М. С. Воронкин относит *чуос* к заимствованиям из русского языка, ср. *тёс* ‘дорожная метка на деревьях’ [Воронкин 1984: 140], что совпадает со значением, отмеченным Г. В. Ксенофонтовым: ‘вехи, расставляемые в зимнее время вдоль трактовых дорог’. Также для сравнения можно привести монгольское *цуви* ‘тропинка, тропка’ [МРС 1957: 614], калм. *цувг* ‘тропа, тропинка’ [КалмРС 1977: 639].

Таким образом, факты, полученные в итоге сравнительно-сопоставительного исследования географической номенклатурной лексики в топонимии северо-запада Республики Саха (Якутия) дают дополнительные сведения по «архаизации» топонимной лексики в ономастическом пространстве региона по следам былого расселения, контактам неродственных языков и заимствованиям в поле географических терминов. Вкрапления юкагирских названий и выделение из них географической терминологии вызывают интерес в плане дальнейшего этимологического исследования топонимов данного региона с целью обнаружения древних следов предков современных юкагир или их связи с палеоазиатскими племенами. Распространение и разнообразие географических терминов эвенкийского происхождения говорит о полном освоении территории северо-запада республики тунгусо-маньчжурскими племенами, которые преодолевали сотни километров в поисках добычи и сезонных пастбищ оленних стад и четко ориентировались на местности, благодаря знанию ее географических объектов: отличий, разнообразия, пригодности для хозяйственной деятельности, охоты и рыболовства. Именно поэтому широко использовали топонимы с географическими терминами.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы:

— семантика тунгусо-маньчжурских заимствований в географической терминологии, в основном, сохраняется. Только в некоторых случаях наблюдается расширение значения термина;

— в топонимии эвенские заимствования покрывают восточную территорию Булунского улуса, подтверждая границу взаимовлияния якутского и эвенского языков (носителей саккырырского и тюгэсирского говоров западного наречия);

— некоторая часть заимствованной лексики выходит из употребления; например: эвенк. *daanmu* ‘устье (реки)’, монголизм *кунку* ‘овраг’, тюрк. *ĉāl* ‘молодое дерево, низкие заросли’ и др.;

— наблюдается преобладание одних говоров над другими; Наблюдается преобладание лексики оленекского говора участвующих в образовании топонимов (например: *таахса* ‘глина’, *кунтукэ* ‘высокое место, возвышенность; холмик; неровное место, кочки в тундре; поляна на горе, на возвышенности; чистая поляна на берегу реки’, *онньоо* ‘речка, высыхающая летом’ и др.) и топонимов образованных от апеллятивной географической лексики на территории Оленекского улуса (например: речка *Чаха*, местность *Киэн Тээн*, топоним *Сириктэндэ* и др.). Возможно, это объясняется обширной территорией Оленекского улуса и географически центральным положением северо-западной зоны Республики Саха.

Сокращения

Общие

басс. — бассейн	н. — наслег
г. — гора	оз. — озеро
диал. — диалект	прот. — протока
зим. — зимник	р. — река
КБС — картотека Иванова Михаила Спиридоновича-Багдарыын Сюлбэ	рч. — речка
м. — местность	сен. — сенокосное угодье

Языки и диалекты

Анаб. — говор якутов Туруханского края, кочующих в низовьях р. Анабара.	п.-мо. — письменно-монгольский
бур. — бурятский	ПТ — пратюркский
жиг. — жиганский говор якутского языка	т. — тунгусы
Жиг. ул. — говор северных якутов Жиганского улуса (низовья Лены и р. Оленека)	т.-ма. — тунгусо-маньчжурские
Илимп. — наречие тунгусов Илимпейской тундры Туруханского края	тюрк. — тюркский
монг. — монгольский	халх. — халхасский
	эв. — эвенский
	эвенк. — эвенкийский

Литература

Абдрахманов 1979 — *Абдрахманов А. А.* Этнотопонимы Казахстана, связанные с Алтаем // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979. С. 24—27. {*Abdrakhmanov A. A.* Ethnotoponyms of Kazakhstan that are connected to Altai // Languages and toponymy of Altai. Barnaul, 1979. P. 24—27.}

Анисимова 2010 — *Анисимова М. А.* Олөөн – Үрэн Хоһуун араана. Дьокуускай, 2010.

Антонов 1967 — *Антонов Н. К.* Саха билинни тылын лексиката. Якутскай, 1967.

Архив 1 — Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5, оп. 6, ед. хр. 291, л. 12. Материалы диалектологической экспедиции Анабарского района (предания, легенды). 1959. {IHRISN SD RAS Manuscript department. F. 5, registry 6, storage unit 291, sheet 12. Materials from the dialectological expedition to the Anabar district (stories, legends). 1959.}

Архив 2 — Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Фонд 5, опись 12, ед. хр. 98, л. 12. «Ээйик» колхоз сириин аата. Географические наименования земель к-за «Ээйик». 1967. {IHRISN SD RAS Manuscript department. F. 5, registry 12, storage unit 98, sheet 12. Geographical names from the “Euyik” collective farm territories. 1967.}

Архив 3 — Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Фонд 5, опись 6, ед. хр. 317, л. 2. Описание говора якутов Анабарского района. П. С. Афанасьев. 1960. {IHRISN SD RAS Manuscript department. F. 5, registry 6, storage unit 317, sheet 2. Description of the Yakut dialect of the Anabar district. P. S. Afanasyev. 1960.}

- Архипов 2005 — *Архипов Н. Д.* Этапы первобытной истории Западной Якутии // Оленекский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2005. С. 29—49. {*Arkhipov N. D.* Stages of the primitive history of Western Yakutia // Olenyoksky District: history, culture, folklore. Yakutsk, 2005. P. 29—49.}
- Багдарыын 2004 — *Багдарыын Сюлбэ.* Топонимика Якутии. Якутск, 2004. {*Bagdaryyn Sulbe.* Toponymy of Yakutia. Yakutsk, 2004.}
- Багдарыын 2012 — *Багдарыын Сюлбэ.* Из топонимии улуса Эдьигээн (Жиганский) // Жиганский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2012. С. 22—26. {*Bagdaryyn Sulbe.* From the toponymy of the Zhigansky District // Zhigansky District: history, culture, folklore. Yakutsk, 2012. P. 22—26.}
- Барашков 1985 — *Барашков П. П.* Фонетические особенности говоров якутского языка. Якутск, 1985. {*Barashkov P. P.* Phonetic features of the Yakut sub-dialects. Yakutsk, 1985.}
- Болдырев 1978 — *Болдырев Б. В.* Словообразование имен существительных, обозначающих географические названия (на материале эвенкийского языка) // Изучение языков Сибири. Новосибирск, 1978. С. 102—121. {*Boldyrev B. V.* Word-formation of nouns meaning geographical names (based on the Evenki language) // Studying the languages of Siberia. Novosibirsk, 1978. P. 102—121.}
- БС СМГТ — Словарь местных географических терминов / *Багдарыын Сюлбэ.* 1988. Рукопись. Архив ЯНЦ СОРАН, ф. 5, оп. 12, д. 305—307. {*Dictionary of local geographic terms / Bagdaryyn Sulbe.* 1988. Manuscript. Archive of YaNC SD RAS, f. 5, registry 12, d. 305—307.}
- БТСЯЯ III — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (Буквы Г, Д, Дь, И) / Ред. *Слепцов П. А.* Новосибирск, 2006. {*Great Definition Dictionary of the Yakut language = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Letters: Г, Д, Дь, И) / Ed. Sleptsov P. A.* Novosibirsk, 2006.}
- БТСЯЯ VII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VII: (Буквы: Нь, О, Ө, П) / Ред. *Слепцов П. А.* Новосибирск, 2010. {*Great Definition Dictionary of the Yakut language = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: in 15 volumes. Vol. VII: (Letters: Нь, О, Ө, П) / Ed. Sleptsov P. A.* Novosibirsk, 2010.}
- Василевич 1958 — *Василевич Г. М.* Топонимика Восточной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. Вып. 4. С. 324—335. {*Vasilevich G. M.* Toponymy of Eastern Siberia // Proceedings of the All-Union Geographic Society. 1958. Vol. 4. P. 324—335.}
- Воронкин 1984 — *Воронкин М. С.* Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск, 1984. {*Voronkin M. S.* North-eastern group of Yakut sub-dialects. Yakutsk, 1984.}
- Гольдерова 2005 — *Гольдерова А. А.* Саскылахский национальный (эвенкийский) наслег // Анабарский улус: История. Культура. Фольклор. Якутск, 2005. С. 153—160. {*Golderova A. A.* Saskylah national (Evenki) nasleg // Anabar District: History. Culture. Folklore. Yakutsk, 2005. P. 153—160.}
- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982. {*Grammar of Modern Literary Yakut. Phonetics and morphology.* M., 1982.}
- ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том. Новосибирск, 1995. {*Dialectological dictionary of the Sakha language: Additional volume.* Novosibirsk, 1995.}
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976. {*Dialectological dictionary of the Yakut language.* M., 1976.}
- Дьячковский 1977 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. Якутск, 1977. {*Dyachkovsky N. D.* Sound structure of the Yakut language. Part II. Consonantism. Yakutsk, 1977.}
- Иванов 2005а — *Иванов М. С.* Багдарыын Сюлбэ. Топонимика улуса // Анабарский улус: История. Культура. Фольклор. Якутск, 2005. С. 31—37. {*Ivanov M. S.* Bagdaryyn Sulbe. Toponymy of the District // Anabar District: History. Culture. Folklore. Yakutsk, 2005. P. 31—37.}
- Иванов 2005б — *Иванов М. С.* Топонимика Оленёкского улуса // Оленекский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2005. С. 23—29. {*Ivanov M. S.* Toponymy of the Olenyoksky District // Olenyoksky District: history, culture, folklore. Yakutsk, 2005. P. 23—29.}
- КалмРС — Калмыцко-русский словарь / Ред. *Муниев Б. Д.* М., 1977. {*Kalmyk-Russian dictionary / Ed. Muniev B. D.* M., 1977.}
- Калужиньски 1979 — *Калужиньски Ст.* Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (IV) // Rocznik orientalisnyczny. Т. XLI, Z. 1, 1979. С. 81—93. {*Kalużyński S.* Etymological studies on the Yakut language. Two-syllable stems (IV) // Rocznik orientalisnyczny. Т. XLIV, Z. 1, 1979. P. 81—93.}
- Калужиньски 1985 — *Калужиньски Ст.* Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (VI) // Rocznik orientalisnyczny. Т. XLIV, Z. 1, 1985. С. 41—57. {*Kalużyński S.* Etymological studies on the Yakut language. Two-syllable stems (VI) // Rocznik orientalisnyczny. Т. XLIV, Z. 1, 1985. P. 41—57.}
- Кейметинов 1996 — *Кейметинов В. А.* Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Часть I. Якутск, 1996. {*Keymetinov V. A.* Aboriginal (Even) toponymy of Yakutia. Part I. Yakutsk, 1996.}

- Колесникова 1971 — *Колесникова В. Д.* О названиях частей тела в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 139-151. {*Kolesnikova V. D.* On body parts names in Altaic languages // Problem of the commonality of Altaic languages. L., 1971. P. 139—151.}
- Колесова 2006 — *Колесова М. Е.* Тюгосирский диалект эвенского языка. Якутск, 2006. {*Kolesova M. E.* Tyugesirsky dialect of the Even language. Yakutsk, 2006.}
- Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М., Л., 1964. {*Konstantinova O. A.* Evenki language. M., L., 1964.}
- Коркина 1992 — *Коркина Е. И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 1992. {*Korkina E. I.* North-eastern dialectal area of the Yakut language. Novosibirsk, 1992.}
- Крейнович 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М., Л., 1958. {*Kreynovich E. A.* Yukaghir language. M., L., 1958.}
- Ксенофонтов 1937 — *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Иркутск, 1937. {*Xenophontov G. V.* Ураангхай-сахалар. Essays on the ancient history of Yakuts. Vol. I. Irkutsk, 1937.}
- Курилов 1990 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990. {*Kurilov G. N.* Yukaghir-Russian dictionary. Yakutsk, 1990.}
- Курилов 1999 — *Курилов Н. Н.* Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. {*Kurilov N. N.* Yukaghir toponymics of Nizhnekolymsky District, Sakha Republic (Yakutia). Yakutsk, 1999.}
- Лебедев 1978 — *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л., 1978. {*Lebedev V. D.* Language of the Evens of Yakutia. L., 1978.}
- Молчанова 1979 — *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. {*Molchanova O. T.* Toponymic dictionary of Gorny Altai. Gorno-Altaysk, 1979.}
- МРС 1957 — Монгольско-русский словарь / Ред. *Лувсандэндэва А. М.*, 1957. {Mongolian-Russian dictionary / Ed. *Luvсандэндэв А. М.*, 1957.}
- Мыреева 2004 — *Мыреева А. Н.* Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004. {*Myreeva A. N.* Evenki-Russian dictionary. Novosibirsk, 2004.}
- Новикова 1972 — *Новикова К. А.* Лингвистический анализ топонимов северо-восточной Сибири // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 88—111. {*Novikova K. A.* Linguistic analysis of toponyms of Northeastern Siberia // Issues of language and folklore of the peoples of the North. Yakutsk, 1972. P. 88—111.}
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. М., 1959. {*Pekarsky E. K.* Dictionary of the Yakut language. M., 1959.}
- Романова и др. 1975 — *Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашиков П. П.* Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л., 1975. {*Romanova A. V., Myreeva A. N., Barashkova P. P.* Mutual influence of the Evenki and Yakut languages. L., 1975.}
- РЭС 1952 — Русско-эвенкийский словарь / Сост. *Цинциус В. И., Риес Л. Д.* М., 1952. {Russian-Even dictionary / Compiled by *Tsintsius V. I., Ries L. D.* M., 1952.}
- Симонов 1976 — *Симонов М. Д.* Типология эвенкийских гидронимов Бурятии (на материале названий рек Баунтовского аймака) // Ономастика Бурятии. Труды института общественных наук. Вып. 26. Серия языковедческая. Улан-Удэ, 1976. С. 214—236. {*Simonov M. D.* Typology of Evenki hydronyms of Buryatia (based on names of rivers of Bauntovsky District) // Onomastics of Buryatia. Works of the Institute of Social Sciences. Vol. 26. Linguistic series. Ulan-Ude, 1976. P. 214—236.}
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I, II. Л., 1975, 1977. {Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Vol. I, II. L., 1975, 1977.}
- Стручков 2005 — *Стручков А. И.* Очерки по истории Булунского улуса. Якутск, 2005. {*Struchkov A. I.* Essays on the history of Bulunsky District. Yakutsk, 2005.}
- Суперанская и др. 1986 — *Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х.* Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. {*Supernaskaya A. V., Staltmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh.* Theory and methods of onomastic studies. M., 1986.}
- Шубин-Полярная 1994 — *Шубин-Полярная К.* Өбүгэлэр суолларынан. Дьокуускай, 1994.
- ЭСР 1958 — Эвенкийско-русский словарь / Сост. *Василевич Г. М.* М., 1958. {Evenki-Russian dictionary / Compiled by *Vasilevich G. M.* M., 1958.}
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. {*Sevortyan E. V.* Etymological dictionary of Turkic languages. M., 1974.}
- Яковлев 2009 — *Яковлев Р. Г.* Диринг күөллэр // Лииндэ нэһилиэгэ, Эдьигээн улууһа. Дьокуускай, 2009. С. 12—15.
- EDT 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkspachen. Helsinki, 1969.

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена исследованию географических терминов в лексическом корпусе топонимов с точки зрения заимствования в говорах северо-запада Республики Саха (Якутия). Описан и исследован новый фактический материал по употреблению географической апеллятивной лексики, выбранный из составленного автором каталогизированного электронного топонимического фонда исследуемого региона на материале картотеки Багдарыын Сүлбэ.

SUMMARY

This article deals with geographical terms in the lexical corpus of toponyms in terms of borrowing to the north-western group of Yakut dialects. The author has analyzed new data on geographical appellative vocabulary that were found in the digital toponymic fund of the area in question, compiled by the author and based on the collection of Bagdaryyn Sulbe.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, географический термин, ономастика, топонимика

Keywords: Yakut language, vocabulary, geographical term, onomastics, toponymy

Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск); bagdaryyn@yandex.ru

Nurgun S. uola Bagdaryyn, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (Yakutsk); bagdaryyn@yandex.ru

Стратегии номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка¹

1. Введение

Имена действий представляют большой интерес для самых различных теоретических направлений лингвистики; в частности, их исследованию посвящено множество работ в типологической литературе [Comrie 1976; Comrie, Thompson 1985; Коптјевскаја-Тамм 1993; 2003; 2006; Malchukov 2004; 2006] и в рамках генеративной грамматики ([Chomsky 1970; Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001; Alexiadou, Grimshaw 2008; Harley 2009] и др.). В данной статье мы рассмотрим возможные стратегии образования номинализаций в баргузинском диалекте бурятского языка и продемонстрируем, как формально-синтаксический подход к образованию номинализаций ([Marantz 1997; Alexiadou 2001; Alexiadou, Grimshaw 2008; Harley 2009] и др.) позволяет объяснить наблюдаемые сочетания именных и глагольных свойств отглагольных имён.

В фокусе нашего внимания будут две стратегии номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка². При первой стратегии к глаголу присоединяется показатель номинализации *-lga*:

- (1) *sajana mi:sgəj zur-a:*
Саяна.НОМ кошка.АСС рисовать-PST
'Саяна рисовала кошку'.
- (2) *badma sajan-i:n mi:sgəj zura-lg-i:je-n' xar-a:*
Бадма.НОМ Саяна-GEN кошка.АСС рисовать-NMLZ-ACC-3 видеть-PST
'Бадма увидел, как Саяна рисовала кошку'.

Как мы видим, в (2) номинализация оформлена аккузативом и присоединяет посессивный показатель, а её субъект получает генитивное оформление. В данной работе мы будем рассматривать только номинализации с суффиксом *-lga*, «являющиеся названиями действия или же обозначающие действие как процесс» [Санжеев 1962: 53]. Помимо данной номинализации, суффикс *-lga* также может образовывать имена со значением результата действия, со значением качества или свойства, со значением состояния или чувства, а также названия предметов обихода³.

Вторая стратегия номинализации — использование отглагольной причастной формы в аргументной позиции. Мы рассматриваем данную форму как номинализацию в связи с тем, что она имеет дистрибуцию существительного, принимает показатели падежа и посессивности, заполняет семантическую валентность с ролью темы/стимула/пациенса матричного глагола. Например, в (3) мы видим номинализацию с причастным суффиксом *-a:fa*, занимающую позицию прямого дополнения, оформленную аккузативным падежом и показателем посессивности.

- (3) *badma sajan-i:n mi:sgəj zur-a:f-i:je-n' xar-a:*
Бадма.НОМ Саяна-GEN кошка.АСС рисовать-PART1-ACC-3 видеть-PST
'Бадма увидел, как Саяна рисовала кошку'.

Описанное употребление причастных форм, широко распространённое в монгольских языках (см., например, работы [Перкова 2009] и [Князев 2009], рассматривающие подобные формы в калмыцком языке, [Klein et al 2011], где рассматривается падежное маркирование субъекта таких форм в монгольском языке), также известно как **причастное предикативное склонение**: «...комбинации причастных форм с падежными аффиксами для выражения подчинительной связи между частями полипредика-

¹ Данное исследование было поддержано грантом РФФ № 16-18-02081.

² Все данные в данной статье были собраны в ходе полевой работы в рамках лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством С. Г. Татевосова в село Барагхан (Курумканский район, республика Бурятия) в 2014—2017 гг.

³ См. обсуждение других возможных значений номинализаций на *-lga*, а также других номинализаций со значением названия действия в [Санжеев 1962; Поппе 1938; Порре 1960].

тивного предложения...» [Скрибник, Даржаева 2016: 18], см. также [Убрятова 1976; Черемисина и др. 1984]. В данной статье мы не будем описывать весь набор причастных форм, которые могут выступать в качестве номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка⁴. Мы ограничимся рассмотрением номинализаций, образованных от трёх причастных суффиксов: *-a:fa*, *-xa*, *-han*:

- (4) *хибу:-n* *эсэг-э:* (*усэгэлдэр*) *нохой* *худалд-а:f-i:я* *oilg-o:*
 мальчик-NOM отец-ACC.REFL (вчера) собака.ACC продавать-PART1-ACC чувствовать-PST
 ‘Мальчик понял, что отец (вчера) продал собаку’.
- (5) *sajana* *badm-i:-n* (*magla:dэр*) *du:* *du:la-x-i:я* *xө:rэ-nэ*
 Саяна.NOM Бадма-GEN (завтра) песня.ACC петь-PART2-ACC рассказывать-PRS
 ‘Саяна рассказывает, как Бадма поёт песню / завтра споёт песню’.
- (6) *sajana* *badm-i:-n* (*усэгэлдэр*) *du:* *du:la-h-i:я* *xө:rэ-nэ*
 Саяна.NOM Бадма-GEN (вчера) песня.ACC петь-PART3-ACC рассказывать-PRS
 ‘Саяна рассказывает, как Бадма (вчера) спел песню’.

Наш выбор данных отпричастных номинализаций обусловлен тем, что они являются наиболее употребимыми среди тех носителей языка, с которыми мы работали. Примеры (4)—(6) показывают, что номинализации не во всех случаях наследуют временную интерпретацию соответствующих глагольных форм. Вне употреблений в качестве номинализаций форма на *-han* имеет значение прошедшего времени, форма на *-xa* — будущего времени, форма на *-a:fa* — значение постоянного действия (см. [Санжеев 1962: 269—275], а также [Поппе 1938; Порре 1960]). Пример (6) показывает, что номинализация, образованная от причастия на *-han*, наследует его временную интерпретацию: она обозначает событие, произошедшее до события, описываемого матричным глаголом. Пример (5) показывает, что номинализация, образованная от причастия на *-xa*, лишь частично наследует временную интерпретацию: она обозначает событие, которое может по времени как следовать за событием, описываемым матричным глаголом, так и происходить с ним одновременно. Наконец, номинализация, образованная от причастия на *-a:fa*, в рассматриваемом диалекте не наследует значение постоянного действия, а просто описывает событие, предшествующее событию, описываемому матричным глаголом. Предложение в (4) не подразумевает, что папа постоянно продавал собаку, а просто констатирует, что событие продажи собаки произошло до события осознания мальчиком⁵. Несмотря на различные временные и аспектуальные свойства номинализаций, образованных от данных суффиксов, нам не удалось выявить значимые морфосинтаксические различия между данными номинализациями⁶, поэтому мы будем рассматривать их как единый класс. Один из возможных взглядов на данный класс может состоять в следующем: мы имеем дело с единой структурой номинализации, в которой показатель номинализации подвергается алломорфии, обусловленной аспектуально-временными характеристиками отглагольного имени.

В данной работе мы будем опираться на предположение, что именные и глагольные проекции не могут быть «перемешаны» в составе номинализации произвольным образом; напротив, до суффикса номинализации всегда идут глагольные проекции, а после только именные (см. в частности [Alexiadou 2001]). При этом мы также будем предполагать, что порядок присоединения проекций в синтаксической структуре соответствует порядку присоединения аффиксов в составе словоформы согласно «зеркальному принципу» (*Mirror Principle*) М. Бейкера [Baker 1985]. Мы выдвигаем гипотезу, что оба рассматриваемых типа образования отглагольного существительного в баргузинском бурятском происходят в синтаксисе, однако номинализации подвергается разное количество синтаксической структуры: имена действия на *-lga* образованы путём номинализации глагольной группы (VP от английского *verbal phrase* ‘глагольная группа’), а отпричастные имена образованы путём номинализации максимальной проекции времени (TP от английского *tense phrase* ‘группа времени’). Если эта гипотеза верна, то это означает, что две из трёх основных функциональных проекций клаузы могут быть номинализованы в баргузинском диалекте бурятского языка. Синтаксический подход к анализу отглагольных имён ([Marantz 1997; Alex-

⁴ См. подробное описание комбинаций причастных форм с падежными аффиксами для литературного бурятского в [Скрибник, Даржаева 2016: 141—216]; описание номинализаций, образованных от причастных форм для баргузинского диалекта бурятского в [Татевосов и др. ред. 2019].

⁵ Для обозначения постоянного действия, события в данном диалекте используется номинализация, образованная от хабитуального причастия с суффиксом *-dag*.

⁶ Исключение составляет возможность образования множественного числа от номинализации: множественное число возможно образовать от номинализации на *-a:fa*, но не от номинализаций на *-han*, *-xa* (см. раздел 3).

iadou 2001; Harley 2009] и др.), в отличие от лексикалистского взгляда на природу номинализаций [Chomsky 1970; Grimshaw 1990], позволяет ожидать, что и третья основная функциональная проекция клаузы — группа комплементаризера (CP от английского *complementizer phrase* ‘группа комплементаризера’) — может быть подвергнута номинализации. Мы показываем, что данное ожидание соответствует реальности: в баргузинском диалекте бурятского языка действительно возможна номинализация CP. Мы продемонстрируем, что данная форма совмещает в себе как свойства, наблюдаемые только у полноценных клауз, так и некоторые именные свойства.

Данная статья структурирована следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим глагольные и именные свойства номинализации на *-lga*. В разделе 3 мы опишем глагольные и именные свойства отпричастных номинализаций⁷. К глагольным свойствам мы относим наследование аргументной структуры от соответствующего глагола, способность номинализации отражать залоговые преобразования, возможность модификации наречиями образа действия, темпоральными наречиями. К именным свойствам мы относим такие проявления именного морфосинтаксиса, как оформление падежом, присоединение посессивных показателей, приписывание генитива субъекту, а также присоединение свойственных именам модификаторов: кванторов, числительных, прилагательных, указательных местоимений. В разделе 4 мы сравниваем свойства двух типов номинализации и предлагаем синтаксический анализ, который способен объяснить выявленные сходства и различия. В разделе 5 мы обсудим третий возможный тип номинализации: номинализацию CP. Раздел 6 подводит итоги данной статьи.

2. Глагольные и именные свойства номинализации на *-lga*

Сначала рассмотрим глагольные свойства номинализации на *-lga*. Во-первых, отметим, что данная номинализация наследует аргументную структуру и, частично, оформление аргументов от глагола. Рассмотрим примеры (7)—(8):

(7) *dugar xana-nu:d-ijə sʁrd-ə:*
Дугар.НОМ стена-PL-ACC красить-PST
‘Дугар покрасил стены’.

(8) *sajana dugar-aj / *dugar / *dugar-i:jə xana-nu:d-ijə sʁrdə-lg-i:jə xar-a:*
Саяна.НОМ Дугар-GEN / Дугар.НОМ / Дугар-ACC стена-PL-ACC красить-NMLZ-ACC видеть-PST
‘Саяна видела покраску стены Дугаром’.

В (7) мы видим финитную клаузу с глаголом *sʁrdəxə* ‘красить’, в (8) — предложение с номинализацией от данного глагола в качестве сентенциального дополнения в аккузативе. Как можно заметить, прямое дополнение номинализации оформлено точно так же, как и прямое дополнение финитного глагола: оно стоит в оформленном аккузативе⁸. Оформление субъекта номинализации отлично от оформления подлежащего финитной клаузы: подлежащему финитной клаузы приписывается номинатив, в то время как единственное возможное оформление подлежащего номинализации на *-lga* — генитив. Таким образом, мы можем заключить, что при номинализации могут быть выражены все те же аргументы, что и при глаголе, однако только прямое дополнение номинализации при этом получает такое же оформление, как соответствующий аргумент финитного глагола.

Перейдём к рассмотрению ещё одного глагольного свойства — наречной модификации. Примеры (9)—(10) показывают, что в принципе наречная модификация номинализации на *-lga* является возможной, но только для некоторых типов наречий. В то время как наречия образа действия могут модифицировать данную номинализацию (9), временные наречия, например, не могут её модифицировать (10).

⁷ В данном случае, называя номинализации «отпричастными», мы имеем в виду всего лишь дескриптивное обобщение: номинализации содержат суффиксы, которые мы видим на причастных отглагольных формах. Мы не считаем, что номинализации образуются от причастий в ходе синтаксической деривации, но предполагаем, что номинализации и причастия с одинаковыми суффиксами могут иметь некоторую общую часть синтаксической структуры. Исследование сходств и различий номинализаций и соответствующих им причастий выходит за рамки данного исследования.

⁸ В бурятском языке, как и во многих других алтайских языках, наблюдается феномен дифференциального маркирования прямого дополнения: прямое дополнение помимо выраженного показателя аккузатива может иметь нулевой показатель (обсуждение данного феномена в баргузинском бурятском можно найти в [Гатевосов и др. 2019]). В данной статье мы отображаем неоформленный аккузатив написанием через точку после основы имени: ‘существительное.ACC’.

(9) *bi badm-i:n hurgu:li turgo:r ofo-lg-i:jə-n' məḍə-nə-b*
 1SG.NOM Бадма-GEN школа **быстро** идти-NMLZ-ACC-3 знать-PRS-1SG
 'Я знаю о быстром (букв.: быстро) походе Бадмы в школу'.

(10) **badma sajan-i:n uglo:dər gorod ofo-lg-i:jə məḍə-nə*⁹
 Бадма.NOM Саяна-GEN **завтра** город идти-NMLZ-ACC знать-PRS
 Ожидаемое: 'Бадма знает о завтрашнем (букв.: завтра) походе Саяны в город'.

Ещё одним глагольным свойством является способность претерпевать различные актантные деривации — например, каузативную деривацию. Пример предложения с каузативизацией финитного глагола представлен в (11). Каузирующий актант при этом оформлен номинативом, каузируемый — инструментом, прямое дополнение оформлено аккумулятивом.

(11) *darima badm-a:r sajan-ijə zur-u:l-a:*
 Дарима.NOM Бадма-INS Саяна-ACC рисовать-CAUS-PST
 'Дарима заставила / попросила Бадму рисовать Саяну'.

(12) **dugar darim-i:n badm-a:r sajan-ijə zur-u:l-əlga: xar-a:*
 Дугар.NOM Дарима-GEN Бадма-INS Саяна-ACC рисовать-CAUS-NMLZ.ACC¹⁰ видеть-PST
 Ожидаемое: 'Дугар видел каузацию Даримой Бадмы к рисованию Саяны'.

В (12) мы предприняли попытку номинализовать каузативный глагол с помощью номинализации на *-lga*. Неграмматичный результат свидетельствует о том, что данная номинализация, в отличие от глагола, не может участвовать в актантных деривациях.

Иногда (например, в [Гращенков, Лютикова 2008]) возможность номинализации присоединять показатель отрицания также рассматривается как глагольное свойство, причём свидетельствующее о большом количестве функциональных глагольных проекций в структуре (уровень TP). Как можно заметить из примера (13), номинализация на *-lga* не способна присоединять показатель отрицания, вне зависимости от того, предшествует он суффиксу *-lga* или следует за ним:

(13) **sajana dugar-aj xana šərdə-lgə-guj-ə-n' / šərdə-guj-lg-i:jə-n' məḍə-nə*
 Саяна.NOM Дугар-GEN стена.ACC красить-NMLZ-NEG-ACC-3 красить-NEG-NMLZ-ACC-3 знать-PRS
 Ожид.: 'Саяна знает о непокрашке Дугаром стены'.

Это позволяет сделать вывод о том, что номинализация на *-lga* не имеет в своей структуре проекцию TP и более высокие функциональные проекции¹¹.

Перейдём к рассмотрению именных свойств данной номинализации. Во-первых, ещё раз отметим, что, как и все имена, номинализация на *-lga* оформляется падежом и может присоединять посессивный показатель. Её субъект оформляется генитивом, как посессоры при обычных именах: см. пример (2), повторенный ниже как (14).

(14) *badma sajan-i:n mi:sgəj zura-lg-i:je-n' xar-a:*
 Бадма Саяна-GEN кошка рисовать-NMLZ-ACC-3 видеть-PST
 'Бадма увидел рисование Саяной кошки'.

⁹ Те носители языка, которые допускают употребление *uglo:dər* не только в качестве наречия 'завтра', но и в качестве прилагательного 'завтрашний', считают данное предложение приемлемым.

¹⁰ В данном примере мы наблюдаем номинализацию в неоформленном аккумулятиве. Подробнее данный феномен будет рассмотрен ниже в данном разделе.

¹¹ Отметим, что отрицание в баргузинском бурятском имеет транскатегориальный статус и может присоединяться как к глаголу, так и к некоторым именам:

(i) *ajur azal-d-a: gəj-bə-guj*
 Аюр работа-DAT-REFL бежать-PST2-NEG
 'Аюр не побежал на работу'.

(ii) *xəbi:n-guj xor du:la-na*
 мальчик-NEG хор петь-PRS
 'Поёт хор без мальчиков'.

Присоединение отрицания к номинализации на *-lga* в позиции прямого дополнения оказывается невозможным вне зависимости от того, является ли оно именным (показатель отрицания после показателя номинализации) или глагольным (показатель отрицания до показателя номинализации).

Отметим при этом, что, как и обычные имена, номинализация на *-lga* может быть в «неоформленном аккузативе». Данный феномен — **дифференцированное падежное маркирование** (15), состоит в том, что ряд существительных в позиции прямого дополнения помимо обычного аккузатива, выраженного нулевым аффиксом, также могут получать аккузатив с нулевым морфологическим выражением. Как можно видеть из (16), номинализация на *-lga* в этом аспекте похожа на обычные имена:

- (15) *хьбу:n basag-i:jə / basaga хар-а:*
мальчик.NOM девочка-ACC / девочка.ACC видеть-PST
‘Мальчик увидел девочку’.
- (16) *badma sajan-i:n gorod ofo-lg-i:jə / ofo-lgo мэдэ-нэ*
Бадма.NOM Саяна-GEN город идти-NMLZ-ACC / идти-NMLZ.ACC знать-PRS
‘Бадма знает о поездке Саяны в город’.

Номинализация на *-lga* также ведёт себя как обычное существительное с точки зрения присоединения возможных именных модификаторов. Примеры (17) и (18) показывают, что данная номинализация может модифицироваться кванторами и числительными соответственно¹².

- (17) *саjana dugar-aj хана fərdə-lgə бүхэн-i:jə мэдэ-нэ*
Саяна.NOM Дугар-GEN стена.ACC красить-NMLZ **каждый**-ACC знать-PRS
‘Саяна знает о каждой / всякой покраске Дугаром стены’. (в ситуации, когда Дугар много раз красил стены)
- (18) *хьбу:n basagan-aj хојор fүлэ fana-lg-i:jə-n’ хар-а:*
мальчик.NOM девочка-GEN **два** суп.ACC варить-NMLZ-ACC-3 видеть-PST
‘Мальчик видел два (случая) варки девочкой супа’.

Данная номинализация также может присоединять указательные местоимения и прилагательные, как видно из (19) и (20).

- (19) *хьбу:n basagan-aj энэ fүлэ fana-lg-i:jə-n’ хар-а:*
мальчик.NOM девочка-GEN **этот** суп.ACC варить-NMLZ-ACC-3 видеть-PST
а. ‘Мальчик видел **этот (случай) варки** девочкой супа’.
б. ‘Мальчик видел (случай) варки девочкой этого супа’.
- (20) *саjana badm-i:n һајн fүлэ fana-lg-i:jə хар-а:*
Саяна.NOM Бадма-GEN **хороший** суп.ACC варить-NMLZ-ACC видеть-PST
а. ‘Саяна видела **хорошую варку** супа Бадмой’.
б. ‘Саяна видела варку хорошего супа Бадмой’.

Наконец, номинализация на *-lga* способна присоединять показатель множественного числа:

- (21) *саjana dugar-aj хана fərdə-lgə-ну:d-i:jə мэдэ-нэ*
Саяна.NOM Дугар-GEN стена.ACC красить-NMLZ-PL-ACC знать-PRS
‘Саяна знает о (случаях) покраски Дугаром стены’.

Подводя итог, можно сказать, что рассматриваемая номинализация имеет все свойства, присущие обычному имени: она может модифицироваться кванторами, числительными, указательными местоимениями и прилагательными, может стоять во множественном числе, присоединять падежные показатели и показатели посессивности, находится в «неоформленном» аккузативе, иметь оформленный генитивом аргумент. Глагольные свойства данной номинализации гораздо менее значительны. Номинализация наследует аргументную структуру, способность к модификации наречиями уровня глагольной группы (например, наречиями образа действия), возможность приписать аккузативный падеж своему внутреннему аргументу. При этом номинализация не способна претерпевать актантные деривации и модифицироваться наречиями более высокого уровня (например, обстоятельствами времени).

3. Глагольные и именные свойства отричастных номинализаций

В данном разделе мы рассмотрим свойства номинализаций, образованных от причастий. Для начала обратимся к аргументной структуре данных номинализаций:

¹² Как верно отмечает один из рецензентов, при включении кванторов и именных модификаторов в номинализации сохраняются глагольное управление и примыкание.

- (22) *sajana mi:sgəj-ə zur-a:*
Саяна.NOM кошка-ACC рисовать-PST
'Саяна рисовала кошку'.
- (23) *badma sajan-i:n / *sajana / sajan-i:jə mi:sgəj-ə zur-a:-f-i:je-n' xar-a:*
Бадма.NOM Саяна-GEN / Саяна.NOM / Саяна-ACC кошка-ACC рисовать-PART1-ACC-3 видеть-PST
'Бадма увидел, как Саяна рисовала кошку'.

Как можно увидеть из сравнения примера (1), повторенного как (22), и примера (23), отпричастные номинализации выражают все аргументы, которые присутствуют при глаголе. Однако нетрудно заметить различие в оформлении данных аргументов: в то время как прямое дополнение получает одинаковое оформление в финитной клаузе и в номинализации, подлежащее оформляется по-разному. В финитной предикации подлежащее стоит в номинативе, а в номинализации, образованной от причастия, подлежащее может быть оформлено либо генитивом, либо аккузативом. Отметим, что способность иметь аккузативные подлежащие отличает отпричастные номинализации от номинализации на *-lga* и от обычных имён, и объединяет с финитными зависимыми клаузами с комплементаризатором *gəjə* (24).

- (24) *bi sajan-i:jə / sajana / *sajan-i:n du: du:la-za*
1SG.NOM Саяна-ACC / Саяна.NOM / Саяна-GEN песня.ACC петь-CONV
bai-ga: gəjə du:l-a:-b
быть-PST COMP слышать-PST-1SG
'Я слышал, что Саяна пела песню'.

В примере (24) мы видим предложение с финитным сентенциальным актантами, чьё подлежащее может быть оформлено аккузативом или номинативом и не может быть оформлено генитивом. Возможность аккузативных подлежащих — свойство отпричастных номинализаций и зависимых клауз с комплементаризатором *gəjə*.

Рассматриваемые номинализации могут быть модифицированы наречиями различного уровня: как наречиями уровня глагольной группы — например, наречиями образа действия (25), так и наречиями уровня группы времени — временными обстоятельствами (26).

- (25) *sajana badm-i:n turgo:r nom unfa-za baj-x-ijə-n' xar-a:*
Саяна.NOM Бадма-GEN **быстро** книга.ACC читать-CONV быть-PART2-ACC-3 видеть-PST
'Саяна видела, как Бадма быстро читал книгу'.
- (26) *sajana badm-i:n usəgəldə:r du: du:la-h-i:jə xə:rə-nə*
Саяна.NOM Бадма-GEN **вчера** песня.ACC петь-PART3-ACC рассказать-PRS
'Саяна рассказывает, как Бадма вчера спел'.

Ещё одно глагольное свойство, которым обладают данные номинализации, — это способность выражать изменения в актантах структуры. Так, например, глагол, претерпевший каузативную актантажную деривацию, который мы видим в (27) в простой финитной предикации, в (28) номинализован и входит в состав сентенциального дополнения.

- (27) *sajana badma-da xibn:-jə: uga:-lga-a:¹³*
Саяна.NOM Бадма-DAT мальчик-ACC.REFL мыть-CAUS-PST
'Саяна каузировала Бадму помыть сына'.
- (28) *sajan-i:n badma-da xibn:-jə: uga:-lga-h-i:jə bi xar-a:-b*
Саяна-GEN Бадма-DAT мальчик-ACC.REFL мыть-CAUS-PART3-ACC 1SG.NOM видеть-PST-1SG
'Я видел, как Саяна каузировала Бадму мыть сына'.

Таким образом, отпричастные номинализации способны претерпевать актантажные преобразования. Номинализации, образованные от причастий, способны присоединять отрицание (29).

- (29) *bair-aj universitet-tə or-o:-guj-f-i:jə badma məd-ə:*
Баир-GEN университет-DAT **входить-PART1-NEG-PART1-ACC** Бадма.NOM знать-PST
'Бадма знает, что Баир не поступил (букв.: не вошёл) в университет'.

¹³ Один из алломорфов каузативной морфемы омонимичен показателю номинализации, рассмотренной нами в предыдущем разделе.

В данном примере отрицание вставляется между двумя частями причастного показателя (до присоединения каких бы то ни было именных проекций), что позволяет предположить, что оно носит глагольный характер и свидетельствует о наличии проекции TP в структуре номинализации.

Теперь обратимся к именованным свойствам отпричастных номинализаций. Для начала отметим, что, как и номинализации на *-lga*, данные номинализации принимают падежные и посессивные показатели и способны оформлять свой внешний аргумент генитивом (также, как обычные имена оформляют своих посессоров): см. предложение (3), повторенное ниже как (30).

- (30) *badma sajan-i:n mi:sgəj zur-a:f-i:je-n' xar-a:*
Бадма.NOM Саяна-GEN кошка.ACC рисовать-PART1-ACC-3 видеть-PST
'Бадма увидел, как Саяна рисовала кошку'.

Однако имеется одно различие в падежном оформлении отпричастных номинализаций, с одной стороны, и падежном оформлении обычных имён и номинализации на *-lga*, с другой стороны. Как мы показали в предыдущем разделе, в баргузинском бурятском присутствует явление дифференциального маркирования прямого дополнения: помимо выраженного аккузатива обычные существительные также могут быть оформлены нулевым аккузативом (31). Представляется интересным, что номинализации образованные от причастий, не могут использоваться в «неоформленном» аккузативе (32).

- (31) *bi энэ фулэ / фул-i:jə hajfa:-ga:-b*
1SG.NOM этот суп.ACC / суп.ACC нравиться-PST-1SG
'Мне нравится этот суп'.

- (32) *bi huragf-i:n xarfa *fərd-ə:fə / fərd-ə:f-i:jə hajfa:-ga:-b*
1SG.NOM ученик-GEN забор.ACC красить-PART1.ACC / красить-PART1-ACC нравиться-PST-1SG
'Мне нравится, как ученик покрасил забор'.

Как мы видим из (32), отпричастные номинализации неграмматичны в позиции прямого дополнения, если у них отсутствует выраженное аккузативное оформление.

Обратимся к рассмотрению именной модификации. Как показывают примеры (33)—(34), образованные от причастий номинализации могут быть модифицированы кванторами и числительным.

- (33) *bi badm-i:jə hurgu:li ofo-hon **buxən-i:jə-n'** məds-nə-b*
1SG.NOM Бадма-ACC школа идти-PART1 **каждый**-ACC-3 знать-PRS-1SG
'Я знаю о каждом походе Бадмы в школу'.

- (34) *bi badm-i:jə hurgu:li **gurba** of-o:f-i:jə-n' məds-nə-b*
1SG.NOM Бадма-ACC школа **три** идти-PART1-ACC-3 знать-PRS-1SG
'Я знаю о трёх походах Бадмы в школу'.

Модификация указательными местоимениями и прилагательными, в отличие от обычных имён и номинализации на *-lga*, для отпричастных номинализаций невозможна. В (35) и (36) мы видим, что, вне зависимости от расположения модификатора, предложения с указательными местоимениями и прилагательными соответственно получаются неграмматичными¹⁴.

- (35) **bi badm-i:jə <энэ> hurgu:li <энэ> of-o:f-i:jə xar-a:-b*
1SG.NOM Бадма-ACC <этот> школа <этот> идти-PART1-ACC видеть-PST-1SG
Ожидаемое: 'Я видел этот поход Бадмы в школу'.

- (36) **sajana badm-i:n <hajn> фулэ <hajn> fan-a:f-i:jə xar-a:*
Саяна.NOM Бадма-GEN <хороший> суп.ACC <хороший> варить-PART1-ACC видеть-PST
Ожидаемое: 'Саяна видела хорошую варку супа Бадмой'.

- (37) *sajana badm-i:n фулэ **hajn-a:r** fan-a:f-i:jə xar-a:*
Саяна.NOM Бадма-GEN суп.ACC **хороший**-INS варить-PART1-ACC видеть-PST
'Саяна видела, как Бадма хорошо варил суп'.

¹⁴ Отметим, что данные предложения неграмматичны только при той интерпретации, которая указана в переводе. Каждое из предложений имеет нерелевантное для нас прочтение, при котором местоимение/прилагательное модифицирует аргумент номинализации (если модификатор предшествует прямому обстоятельству / прямому дополнению): 'Я видел поход Бадмы в эту школу' для (35), 'Саяна видела варку хорошего супа Бадмой' для (36).

Как можно увидеть из примера (37), предложение в (36) становится грамматичным, если прилагательное заменяется на наречие. Это свидетельствует о том, что именно наличие прилагательного в (36) делает его неграмматичным¹⁵.

Наконец, обратимся к вопросу об образовании множественного числа от отпричастных номинализаций. Это единственное свойство, в отношении которого номинализации, образованные от различных причастных суффиксов, ведут себя по-разному. Из рассматриваемых нами номинализаций номинализация на *-a:fa* способна присоединять множественное число (38), номинализация на *-xa* неспособна образовать множественное число (40); возможность номинализации на *-han* образовать множественное число варьирует по информантам, но в целом более допустима, чем для номинализации на *-xa* (39).

(38) *badma xibvi:n-əj xada ə:də gar-a:fa-nu:d-i:jə xar-a:*
Бадма.НОМ мальчик-GEN гора вверх взойти-PART1-PL-ACC видеть-PST
‘Бадма видел восхождения мальчика на гору’.

(39) *badma xibvi:n-əj xada ə:də gar-han-u:d-i:jə xar-a:*
Бадма.НОМ мальчик-GEN гора вверх взойти-PART3-PL-ACC видеть-PST
‘Бадма видел восхождения мальчика на гору’.

(40) **badma xibvi:n-əj xada ə:də gar-xa-nu:d-i:jə / gar-x-u:d-i:jə xar-a:*
Бадма.НОМ мальчик-GEN гора вверх взойти-PART2-PL-ACC взойти-PART2-PL-ACC видеть-PST

С чем может быть связана такая вариативность в присоединении множественного числа номинализациями, единообразно ведущими себя в отношении остальных морфосинтаксических характеристик? Мы полагаем, что дело в том, что возможность присоединить множественное число связана с аспектуальными свойствами номинализаций, которые для номинализаций на *-a:fa*, *-xa* и *-han* различны. Подобная идея высказывалась, например, в [Alexiadou et al. 2010], где выдвигается гипотеза о том, что наличие аспектуальных проекций в номинализации и их характер (например, перфективность/имперфективность) коррелирует с возможностью присоединить множественное число. Мы оставляем вопрос о взаимосвязи аспектуальных характеристик отпричастных номинализаций с возможностью образования множественного числа для дальнейших исследований.

Подводя итоги данного раздела, отметим, что номинализации, образованные от причастий, имеют большее количество глагольных и меньшее количество именных свойств, чем номинализации на *-lga*. Данные номинализации могут модифицироваться не только наречиями образа действия, но и более «высокими» наречиями — наречиями времени, а также способны выражать противопоставления, связанные с актантными деривациями. Несмотря на это, данные номинализации все равно не могут оформить свой субъект номинативом, как в независимой финитной клаузе. Однако субъект этих номинализаций может получить аккузативное оформление — такое же оформление могут получать субъекты финитных зависимых клауз. Отпричастные номинализации получают падеж и присоединяют посессивные показатели, однако, в отличие от обычных имён и номинализации на *-lga*, не способны иметь «нев्यраженное» аккузативное оформление, находясь в позиции прямого дополнения. Среди именных модификаторов, данные номинализации могут присоединять только кванторы и числительные, но не указательные местоимения и прилагательные. Наконец, возможность присоединять показатель множественного числа у данных номинализаций присутствует, но, согласно нашим предположениям, ограничена аспектуальными свойствами данных номинализаций.

4. Анализ: сходства и различия двух типов номинализации

В данном разделе мы сопоставим свойства двух стратегий номинализации в баргузинском бурятском и представим их синтаксический анализ. Именные и глагольные свойства номинализации на *-lga* и отпричастных номинализаций (на примере *-a:fa*) которые мы обсудили в предыдущих разделах, представлены ниже в виде двух таблиц (таблица 1 представляет глагольные свойства, таблица 2 — именные). Мы сгруппировали свойства таким образом, чтобы были визуально заметны общие и различные для двух типов номинализаций свойства.

¹⁵ В идиолектах нескольких опрошенных нами носителей допустимо употребление *hain* в качестве наречия ‘хорошо’:

(i) *sajana fɯlə hain fana-na*
Саяна.НОМ суп.ACC хорошо варить-PRS
‘Саяна хорошо варит суп’.

Для таких носителей предложение в (36) приемлемо при расположении *hain* непосредственно перед номинализацией.

Таблица 1. Сравнение глагольных свойств двух типов номинализаций

Свойство	номинализация на <i>-lga</i>	отпричастные номинализации (на примере <i>-a:fa</i>)
Способность выразить внешний и внутренний аргументы	+	+
Способность оформить внутренний аргумент так же, как его оформляет глагол	+	+
Модификация наречиями образа действия	+	+
Способность выражать преобразования залога / актантных дериваций	–	+
Модификация временными наречиями	–	+
Возможность присоединить отрицание	–	+
Способность оформить внешний аргумент так же, как его оформляет глагол	–	–

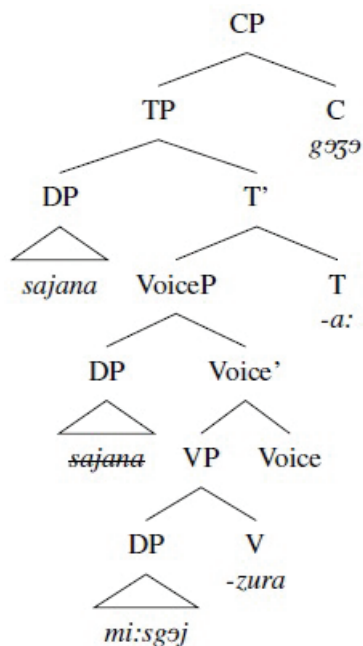
Таблица 2. Сравнение именных свойств двух типов номинализаций

Свойство	номинализация на <i>-lga</i>	отпричастные номинализации (на примере <i>-a:fa</i>)
Присоединение падежных аффиксов	+	+
Присоединение посессивных аффиксов	+	+
Присоединение множественного числа	+	+ (но зависит от аспекта)
Оформление внешнего аргумента (~ посессора) генитивом	+	+
Модификация кванторами	+	+
Модификация числительными	+	+
Модификация указательными местоимениями	+	–
Модификация прилагательными	+	–
Возможность быть «неоформленным» в позиции прямого дополнения	+	–

Перед тем как предложить анализ наблюдаемой дистрибуции именных и глагольных свойств, опишем наши предположения о синтаксическом устройстве клаузы и именной группы. Мы предполагаем, что основными проекциями клаузы являются: V(erb)P — глагольная группа, T(ense)P — группа проекции времени, и C(omplementizer)P — группа комплементаризера. Мы также предполагаем, что внешний аргумент глагола не является его «истинным» аргументом [Kratzer 1996], а вводится дополнительной функциональной проекцией VoiceP (от англ. *voice phrase* — «группа залога»), которая отвечает в целом за залоговые и актантные преобразования. В предложениях с обычными переходными глаголами данная проекция берёт своим комплементом глагольную группу (VP), а своим спецификатором — именную группу с ролью агенса. Таким образом, предложению (41) соответствует структура в (42).

- (41) ...*sajana mi:sgəj zur-a: gəʒə...*
 Саяна.NOM кошка рисовать-PST COMP
 ‘...что Саяна нарисовала кошку...’

(42) Предполагаемая структура клаузы

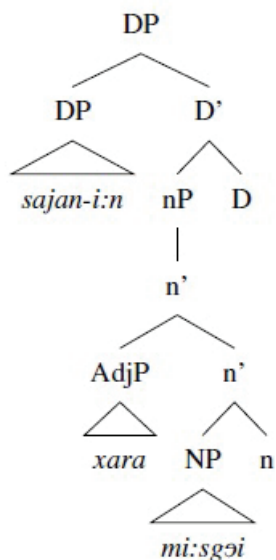

Мы предполагаем, что в финитной клаузе внешний аргумент порождается в позиции спецификатора вершины Voice, а затем передвигается в позицию спецификатора TP в связи с необходимостью получить падеж.

Что касается именной синтаксической структуры, то мы, вслед за [Picallo 2006; Alexiadou et al. 2011] и др., предположим, что у имён имеется как минимум два «слоя» функциональных проекций. Проекция nP в структуре имён отвечает за «внутренний» именной синтаксис (например, модификацию прилагательными), в то время как проекция DP отвечает за артикли, кванторные слова, присоединение посессора и «внешний» именной синтаксис (дистрибуцию, приписывание падежа, согласование между вершиной и посессором).

- (43) ...*sajan-i:n xara mi:sgəj*
 Саяна-GEN чёрный кошка
 ‘чёрная кошка Саяны’

(44) Предполагаемая структура именной группы

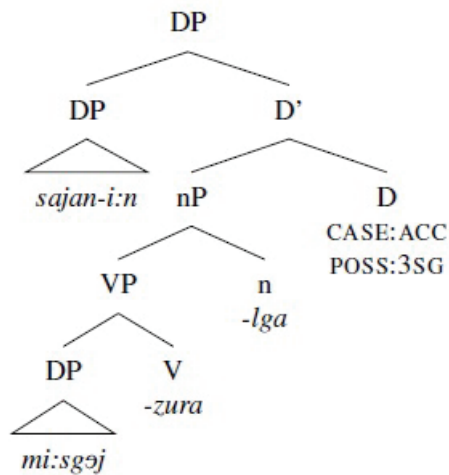

Изложив наши исходные предположения, мы можем предложить анализ свойств двух типов номинализаций, представленных в таблицах 1—2, в рамках синтаксического подхода к номинализации ([Marantz 1997; Alexiadou 2001; Alexiadou, Grimshaw 2008; Harley 2009] и др.). Наша основная гипотеза со-

стоит в том, что номинализация на *-lga* и номинализации на *-a:fa*, *-han*, *-xa* представляют собой номинализации «различных уровней»: разное количество функциональных проекций в синтаксической структуре подвергается номинализации. Мы полагаем, что в случае с номинализацией на *-lga* имеет место номинализация глагольной группы (VP), а в случае с отпричастными номинализациями на *-a:fa*, *-han*, *-xa* номинализуется бóльшая структура — группа времени (TP). Мы также полагаем, что две стратегии номинализации отличаются и количеством именных проекций. В то время как в структуре номинализации на *-lga* присутствуют все именные проекции (и nP, отвечающая за «внутренний» синтаксис, и DP, отвечающая за «внешний» синтаксис), в структуре номинализаций, образованных от причастий, присутствует только проекция DP. Наш анализ для номинализации на *-lga* представлен в (45)—(46), для причастных номинализаций — в (47)—(48).

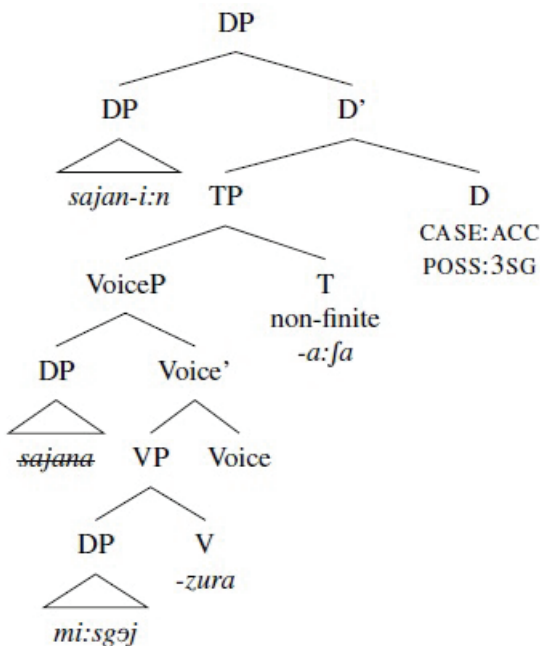
- (45) *badma sajan-i:n mi:sgəj zura-lg-i:je-n' xar-a:*
 Бадма.НОМ Саяна-GEN кошка.АСС рисовать-NMLZ-ACC-3 видеть-PST
 'Бадма увидел рисование кошки Саяной'.

- (46) Структура номинализации на *-lga*

- (47) *badma sajan-i:n mi:sgəj zur-a:f-i:je-n' xar-a:*
 Бадма.НОМ Саяна-GEN кошка.АСС рисовать-PART1-ACC-3 видеть-PST
 'Бадма увидел, как Саяна рисовала кошку'.

- (48) Структура отпричастной номинализации

Обсудим, как наблюдаемые свойства номинализаций следуют из данных структур. Обратимся для начала к глагольным свойствам. Так как в структуре обоих типов номинализации присутствует глагольная группа, то наследование аргументной структуры в номинализациях представляется ожидаемым. Возможность внутреннего аргумента получить аккузативное оформление и возможность модификации наречиями образа действия также вытекают из наличия в структуре номинализации глагольной группы. Вершина Voice, которая отвечает за способность выражать преобразования залога / актантных дериваций, присутствует в отпричастных номинализациях, но отсутствует у номинализации на *-lga*, поэтому только номинализации, образованные от причастий, могут содержать каузативизированные глаголы в своей структуре. Вершина T, которая, в числе прочего, отвечает за возможность присоединения отрицания и за наличие временной интерпретации, присутствует также только в отпричастных номинализациях. Это коррелирует с тем, что эти номинализации, в отличие от номинализации на *-lga*, могут быть модифицированы временными обстоятельствами и присоединяют показатель отрицания. Наконец, ни одна из номинализаций не может иметь внешний аргумент в номинативе. Это объясняется тем, что ни в одной из приведённых структур не содержится финитной вершины T, способной приписать именительный падеж (в случае с номинализацией на *-lga* вершина T отсутствует, в отпричастных номинализациях она является нефинитной).

Теперь рассмотрим именные свойства номинализаций. Мы предполагаем, что те именные свойства, которые мы наблюдаем у номинализаций, образованных от причастий, связаны с функциональной проекцией D: это наличие падежа, возможность иметь посессор и согласоваться с ним, возможность присоединения множественного числа, а также возможность присоединять кванторы и числительные. В пользу гипотезы о том, что кванторы находятся в вершине D, говорит тот факт, что именно на кванторе находятся показатели падежа и посессивности в случае его присутствия в структуре ((17), (33)). Те именные свойства, которых мы не наблюдаем у отпричастных номинализаций, связаны с проекцией nP: это возможность модифицироваться указательными местоимениями и прилагательными, а также быть в неоформленном аккузативе. Связь неоформленного аккузатива с nP представляется нам следующей. В баргузинском бурятском возможность некоторого имени быть «неоформленным» в позиции прямого дополнения зависит от семантических свойств имени [Татевосов и др. 2019]. Если у имени нет «внутренней» вершины n, то у него нет достаточной спецификации семантических свойств, чтобы соответствовать неоформленному прямому дополнению. Мы оставляем более детальное изучение данного вопроса открытым.

Из нашего анализа отпричастных номинализаций вытекает следующее предсказание: если в структуре, как мы предложили, имеется целая клауза (TP), то отпричастные номинализации должны служить областью связывания. Например, рефлексивные местоимения должны мочь связываться внутри номинализации, но не за её пределами. Как можно увидеть из (49)—(50), данное предсказание оказывается верным:

- (49) *badma sajan-i:n ø:r-i:n-go: nom unfa-h-i:j9-n' m9d-9:*
 Бадма.NOM Саяна-GEN self-GEN-REFL книга.ACC читать-PART3-ACC-3 знать-PST
 а. 'Бадма_i узнал, что Саяна_k прочитала свою_k книгу'.
 б. *'Бадма_i узнал, что Саяна_k прочитала его_i книгу'.
- (50) *badma sajana ø:r-i:n-go: nom unfa: g9z9 m9d-9:*
 Бадма.NOM Саяна.NOM self-GEN-REFL книга.ACC читать-PST COMP знать-PST
 а. 'Бадма_i узнал, что Саяна_k прочитала свою_k книгу'.
 б. *'Бадма_i узнал, что Саяна_k прочитала его_i книгу'.

В (49) мы видим, что рефлексивный посессор прямого дополнения номинализации может быть связан подлежащим номинализации, но не подлежащим клаузы. Это означает, что номинализация в (49) является областью связывания. Пример в (50) показывает, что зависимые финитные клаузы, заведомо содержащие TP, ведут себя таким же образом: рефлексивный посессор прямого дополнения зависимой финитной клаузы может быть связан её подлежащим, но не подлежащим матричной клаузы.

5. Ещё один тип номинализации: CP—DP

При синтаксическом подходе к анализу номинализаций ([Marantz 1997; Alexiadou 2001; Alexiadou, Grimshaw 2008; Harley 2009] и др.) любое количество следующих друг за другом глагольных проекций потенциально может подвергнуться номинализации. Это означает, что каждый раз, когда у нас имеется

максимальная проекция некоторой глагольной вершины (как лексическая, так и функциональная), её может взять своим комплементом именная вершина, номинализовав глагольную структуру. Т. е., при предполагаемой нами структуре клаузы, см. (41)—(42), мы могли бы также ожидать увидеть в баргузинском бурятском номинализацию уровня VoiceP и номинализацию уровня CP — во втором случае именная вершина брала бы своим комплементом CP, что выглядело бы как группа комплементаризера с присоединенным падежным показателем. Как оказывается, по крайней мере второй тип — номинализация CP — действительно присутствует в баргузинском диалекте бурятского языка. Пример такой номинализации представлен в (51):

- (51) *darima badma / badm-i:jə / badm-i:n ʉstəɾ*
 Дарима.NOM Бадма.NOM / Бадма-ACC / Бадма-GEN вчера
nom unf-a: gə:f-i:jə məd-ə:
 книга.ACC читать-PST COMP.PART-ACC знать-PST
 ‘Дарима узнала, что Бадма вчера книгу прочитал’.

В (51) мы наблюдаем падежный показатель поверх комплементаризера. Отметим, что форма самого комплементаризера при этом претерпевает изменение. Если обычно комплементаризер выглядит как деепричастная форма от глагола *gəxə* ‘говорить’: *gə-ʒə* (говорить-CONV), см. (24), то в данном случае комплементаризер выглядит как причастная форма от этого же глагола: *g-ə:ʃ* (говорить-PART1). Мы рассматриваем это изменение как алломорфию одного и того же показателя в зависимости от синтаксического контекста. Если группа CP соединяется с глагольной вершиной, то комплементаризер выражается алломорфом *gəʒə*. Если же группа CP соединяется с именной вершиной, то комплементаризер выражается алломорфом *gə:ʃ*.

Отметим падежное маркирование субъекта в примере (51). В отличие от рассмотренных нами ранее номинализаций, в номинализованной CP возможны номинативные подлежащие. Для синтаксического подхода к номинализации данное явление не является удивительным: внутри номинализованной структуры в (51) имеется полноценная CP с финитной вершиной T внутри, которая способна приписать номинатив подлежащему, передвинувшемуся в её спецификатор.

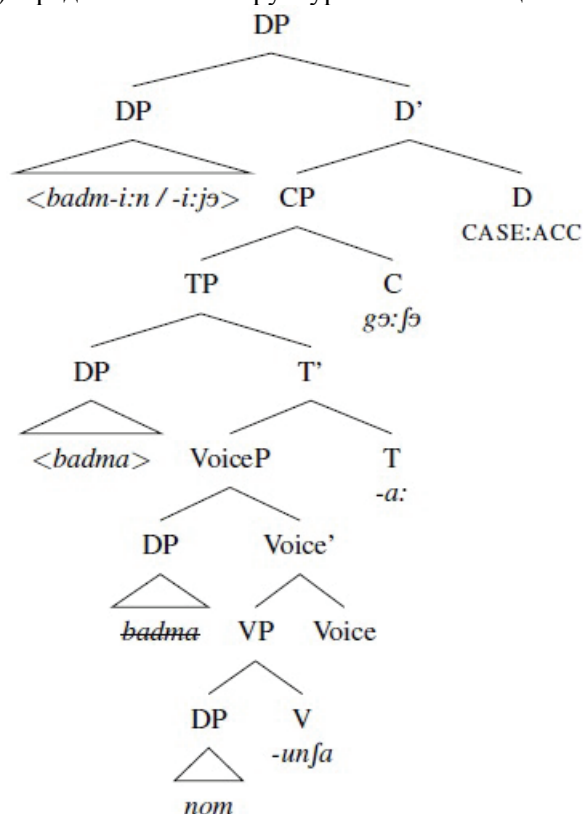
Возможность номинативных подлежащих, наличие финитной формы глагола внутри номинализации и наличие выраженного комплементаризера не позволяют усомниться в том, что в (51) номинализации подвергается CP. Но для данной формы остаётся открытым вопрос о количестве и типе функциональных именных проекций. Наша предварительная гипотеза заключается в том, что в данной номинализации отсутствует nP, но присутствует DP. С нашей точки зрения, в структуре присутствует проекция D, потому что данная номинализация обладает именной дистрибуцией, а также имеет возможность присоединить посессора в генитиве. Об отсутствии проекции n говорит невозможность именной модификации данной номинализации — например, прилагательными (52). Однако мы бы не хотели утверждать, что вершина D в структуре данной номинализации такая же, как в структурах номинализации на *-lga* и отпричастных номинализаций. Причина этого заключается в том, что номинализация CP демонстрирует меньшие возможности именной модификации даже по сравнению с отпричастными номинализациями. Например, она не допускает модификации числительными (53). Мы оставляем более детальный анализ именных проекций данной номинализации, в особенности свойства вершины D, для будущих исследований.

- (52) **darima <hain> badma / badm-i:jə / badm-i:n ʉstəɾ*
 Дарима.NOM <хороший> Бадма.NOM / Бадма-ACC / Бадма-GEN вчера
nom <hain> unf-a: <hain> gə:f-i:jə məd-ə:
 книга.ACC <хороший> читать-PST <хороший> COMP.PART-ACC знать-PST
 Ожидаемое: ‘Дарима узнала о хороших прочтениях книги Бадмой’.

- (53) **darima <xojor> badma / badm-i:jə / badm-i:n ʉstəɾ*
 Дарима.NOM <два> Бадма.NOM / Бадма-ACC / Бадма-GEN вчера
nom <xojor> unf-a: <xojor> gə:f-i:jə məd-ə:
 книга.ACC <два> читать-PST <два> COMP.PART-ACC знать-PST
 Ожидаемое: ‘Дарима узнала о двух прочтениях книги Бадмой’.

Мы предлагаем для номинализаций типа (51) предварительный анализ в (54):

(54) Предполагаемая структура номинализации CP—DP:

Мы предполагаем, что номинативные подлежащие номинализованных CP находятся в позиции спецификатора TP, генитивные подлежащие находятся в позиции спецификатора DP, а аккузативные подлежащие либо находятся в спецификаторе DP, либо продвигаются в матричную клаузу, в любом случае получая аккузативное оформление от матричного глагола.

6 Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные стратегии номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка. В фокусе нашего внимания было два типа номинализаций: номинализация с суффиксом *-lga* и номинализации, образованные от причастий (с суффиксами *-a:fa*, *-han*, *-xa*). Мы рассмотрели глагольные и именные свойства данных номинализаций, такие как падежное оформление их аргументов в сопоставлении с оформлением соответствующих аргументов глагола; возможность адвербиальной модификации наречий разного «уровня» присоединения в синтаксической структуре; возможность выражения залоговых/актантных преобразований в номинализации; возможность присоединять показатели падежа, посессивности и множественного числа; возможность присоединять кванторы, числительные, указательные местоимения, прилагательные; возможность употребляться в «неоформленном» аккузативе.

Сопоставив свойства двух типов номинализаций, мы пришли к выводу, что номинализацию на *-lga* отличает от отпричастных номинализаций количество глагольных и именных функциональных проекций. Согласно нашему анализу, номинализация на *-lga* представляет собой номинализацию глагольной группы (VP), причём в структуре данной номинализации присутствует как именная проекция, отвечающая за «внутренний» именной синтаксис (nP), так и именная проекция, отвечающая за «внешний» именной синтаксис (DP). Номинализации, образованные от причастий, представляют собой номинализацию группы времени (TP), причём в структуре данных номинализаций имеются только проекции DP, но отсутствуют проекции nP, что объясняет, например, невозможность модификации отпричастных номинализаций прилагательными.

Синтаксический подход ([Marantz 1997; Alexiadou 2001; Alexiadou, Grimshaw 2008; Harley 2009] и др.) к анализу номинализаций также позволил нам сделать два предсказания, которые впоследствии подтвердились. Первое предсказание заключалось в том, что номинализация, содержащая проекцию TP в своей структуре, должна являться областью связывания. Как мы видим из (49)—(50), отпричастные номинализации действительно являются областью связывания для рефлексивных местоимений. Второе предсказание заключалось в том, что должно быть в принципе возможно найти номинализации, соот-

ветствующие уровням других функциональных проекций. Как показал раздел 5, одну из таких номинализаций можно найти в баргузинском бурятском: это номинализация уровня CP. Таким образом, можно сказать, что данный теоретический подход позволяет хорошо объяснить, почему существующие номинализации имеют наблюдаемые сочетания именных и глагольных свойств.

Сокращения

Общие

CP — группа комплементаризера
D — детерминатив
DP — максимальная проекция имени
nP — промежуточная проекция имени

TP — группа времени
VoiceP — группа залога
VP — группа глагола

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо
ACC — аккузатив
CAUS — каузатив
COMP — алломорф комплементаризера *gəzə*
COMP.PART — алломорф комплементаризера *gə:/ə*
CONV — конверб
CP — группа комплементаризера
DAT — датив
GEN — генитив
INS — инструменталис
NEG — отрицание
NMLZ — номинализация с суффиксом *-lga*

NOM — номинатив
PART1 — причастие с суффиксом *-a:fa*
PART2 — причастие с суффиксом *-han*
PART3 — причастие с суффиксом *-xa*
PL — множественное число
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время с суффиксом *-A:*
PST2 — прошедшее время с суффиксом *-ba*
REFL — рефлексив
self — рефлексивное местоимение
SG — единственное число

Литература

- Гращенков, Лютикова 2008 — Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Ред. Плуңгян В. А., Татевосов С. Г. Исследования по глагольной деривации. М., 2008. С. 480—507. {*Grashchenkov P. V., Lyutikova E. A. Nominalization and the semantics-syntax interface // Ed. Plungyan V. A., Tatevosov S. G. Studies in verbal derivation M., 2008. P. 480—507.*}
- Князев 2009 — Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009, 2 (5). С. 525—580. {*Knyazev M. Yu. Participial sentential complements in Kalmyk // Acta Linguistica Petropolitana*. 2009, 2 (5). P. 525—580.}
- Перкова 2009 — Перкова Н. В. Номинализация в калмыцком языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009, 2 (5). С. 465—496. {*Perkova N. V. Nominalizations in Kalmyk // Acta Linguistica Petropolitana*. 2009, 2 (5). P. 465—496.}
- Поппе 1938 — Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938. {*Poppe N. N. Grammar of the Buryat-Mongol language. M.-L., 1938.*}
- Санжеев 1962 — Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962. {*Sanzheev G. D. Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology. M., 1962.*}
- Скрибник, Даржаева 2016 — Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Том I. Улан-Удэ, 2016. {*Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Grammar of the Buryat language. Syntax of polipredicative sentences. Vol. I. Ulan-Ude, 2016.*}
- Татевосов и др. 2019 — Ред. Татевосов С. Г., Бондаренко Т. И., Подобряев А. В., Привознов Д. К. Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект. М., 2019. {*Eds. Tatevosov S. G., Bondarenko T. I., Podobryaev A. V., Privoznov D. K. Elements of the Buryat language in a typological view. Barguzin dialect. M., 2019.*}
- Убрятова 1976 — Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение: В 2 кн. Новосибирск, 1976. {*Ubruyatova E. I. Investigations of Yakut syntax. II. Complex sentences. Novosibirsk, 1976.*}
- Черемисина и др. 1984 — Ред. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М., Скрибник Е. К., Боргоякова Т. Н., Шамина Л. А. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984. {*Eds. Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M., Skribnik E. K., Borgoyakova T. N., Shamina L. A. Predicative declension of participles in Altaic languages. Novosibirsk, 1984.*}

- Alexiadou 2001 — *Alexiadou A.* Functional structure in nominals: nominalization and ergativity. Amsterdam, 2001.
- Alexiadou, Grimshaw 2008 — *Alexiadou A., Grimshaw J.* Verbs, nouns, and affixation // Working Papers of the SFB 732 Incremental Specification in Context 01 / Ed. *Shaefer F.* Stuttgart, 2008. P. 1—16.
- Alexiadou et al. 2010 — *Alexiadou A., Iordăchioaia G., Soare E.* Number/aspect interactions in the syntax of nominalizations: A Distributed Morphology approach // *Journal of Linguistics*. 2010. Vol. 46. P. 537—574.
- Alexiadou et al. 2011 — *Alexiadou A., Iordăchioaia G., Schäfer F.* Scaling the variation in Romance and Germanic nominalizations // The noun phrase in Romance and Germanic / Eds. *Sleeman P., Peridon H.* Amsterdam, 2011. P. 25—40.
- Baker 1985 — *Baker M.* The mirror principle and morphosyntactic explanation // *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. P. 373—415.
- Chomsky 1970 — *Chomsky N.* Remarks on nominalization // Readings in English Transformational Grammar / Eds. *Jacobs R., Rosenbaum P.* Ginn, Waltham. 1970. P. 184—221.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* The Syntax of Action Nominals: A Cross-linguistic Study // *Lingua*. 1976. Vol. 40. P. 177—201.
- Comrie, Thompson 1985 — *Comrie B., Thompson S. A.* Lexical Nominalization // Language typology and syntactic description / Ed. *Shopen T.* Vol. 3. Cambridge, 1985. P. 349—398.
- Grimshaw 1990 — *Grimshaw J.* Argument structure. Cambridge, Mass, 1990.
- Harley 2009 — *Harley H.* The morphology of nominalizations and the syntax of vP // Quantification, Definiteness and Nominalization / Eds. *Rathert M., Giannakidou A.* Oxford, UK, 2009. P. 320—342.
- Klein et al 2011 — *Klein U., von Heusinger K., Guntsetseg D.* The case of accusative embedded subjects in Mongolian // *Lingua*. 2011. 1 (121). P. 48—59.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Nominalizations. (Theoretical Linguistics Series). London, New York, 1993.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Action nominal constructions in the languages of Europe // Noun phrase structure in the languages of Europe / Ed. *Plank F.* Berlin, 2003. P. 723—761.
- Koptjevskaja-Tamm 2006 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Nominalization // Encyclopedia of Languages and Linguistics / Ed. *Brown K* 2nd edition. Oxford, 2006. P. 652—659.
- Kratzer 1996 — *Kratzer A.* Severing the External Argument from its Verb // Phrase Structure and the Lexicon / Eds. *Rooryk J., Zaring L.* Dordrecht, 1996. P. 109—137.
- Malchukov 2004 — *Malchukov A. L.* Nominalization /verbalization: constraining a typology of transcategorial operations. München, 2004.
- Malchukov 2006 — *Malchukov A. L.* Constraining nominalization: function/form competition // *Linguistics*. 2006. Vol. 44—45. P. 973—1008.
- Marantz 1997 — *Marantz A.* No escape from syntax: don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // UPenn Working Papers in Linguistics. 1997, 4. P. 201—225.
- Picallo 2006 — *Picallo M. C.* Some Notes on Grammatical Gender and I-Pronouns // Proceedings of the workshop "Specificity and the evolution / emergence of nominal determination systems in Romance" / Eds. *von Heusinger K., Kaiser G. A., Stark E.* Fachbereich Sprachwissenschaft der Universität Konstanz, Arbeitspapier 2006, vol. 119. P. 107—121.
- Poppe 1960 — *Poppe N. N.* Buriat grammar // Uralic and Altaic series (No. 2). Bloomington, 1960.

РЕЗЮМЕ

В данной статье исследуются стратегии номинализации в баргузинском диалекте бурятского языка. Мы рассматриваем различные именные и глагольные свойства двух типов номинализации: отглагольного имени на *-lga* и номинализаций, образованных от причастий (с суффиксами *-a:fa*, *-han*, *-xa*). Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой различия в свойствах двух типов номинализаций вытекают из их различной синтаксической структуры: в то время как номинализация на *-lga* представляет собой структуру VP-nP-DP, отпричастные номинализации представляют собой структуру TP-DP. Мы отмечаем, что синтаксический подход к структуре номинализаций позволяет ожидать, что в принципе в языках должна быть возможна также номинализация третьей основной функциональной проекции клаузы — CP, и показываем, что такой тип номинализации оказывается доступным в баргузинском бурятском.

SUMMARY

This paper investigates nominalization strategies in Barguzin Buryat. It examines different nominal and verbal properties of two types of nominalization: verbal nouns with the suffix *-lga* and nominalizations that are formed from participles (with the suffixes *-a:fa*, *-han*, *-xa*). I propose a hypothesis that the observed differ-

ences between the properties of the two types of nominalization are due to their different syntactic structures: while the *-lga* nominalization involves the VP-nP-DP structure, participial nominalizations involve TP-DP structures. I note that the syntactic approach to nominalization makes us expect that the languages of the world should also have a nominalization strategy where the third basic functional projection of the clausal spine — CP — would be nominalized. I show that this type of nominalization does exist and is also attested in Barguzin Buryat.

Ключевые слова: бурятский язык, номинализация, причастия, сентенциальные актанты

Keywords: Buryat, nominalization, participles, sentential arguments

Бондаренко Татьяна Игоревна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва), Массачусетский Технологический Институт (Кембридж), t.i.bond@yandex.ru

Tatiana I. Bondarenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow), Massachusetts Institute of Technology (Cambridge), t.i.bond@yandex.ru

К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка¹

1. Введение

Статья посвящена грамматикализации двух горномарийских глаголов, исходно кодирующих ситуации бросания, — *šuaš* и *kəškəš* (*шуаш* и *кышкаш* в литературной орфографии; луговомарийские соответствия — *шуаш* и *кышкаш*)². Эта грамматикализация происходит в составе сложных глагольных комплексов, состоящих из конверба (деепричастия) на *-n* (*-ən*, *-ən*, *-en*) смыслового глагола³ и грамматикализованного финитного глагола. Так, предложение (1) описывает ситуацию сжигания сухой травы, но не описывает какой-либо ситуации бросания. В предложении (2) идет речь о развязывании говорящим множества узлов, но также не о бросании чего бы то ни было.

(1) *mən' kukšə šudə-m jəlat-en šu-en-əm*
я сухой трава-ACC жечь-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я сжег сухую траву’.

(2) *mən' cilə püksem-əm šüt-en kəšk-en-əm*
я все узел-ACC развязывать-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я развязал все узлы’.

Ранее такие конструкции марийских языков описывались в [Серебренников 1960: 190—199; Пенгитов и др. 1961: 202—216; Чхаидзе 1969; Driussi 1992—1993; Bradley 2010] и др.⁴. Они являются достаточно продуктивными: так, в [Серебренников 1960: 190—199] дается семантическая характеристика 18 глаголов, подвергающихся грамматикализации в сложных глагольных комплексах. В настоящей статье мы не ставим цель охватить все возможные грамматикализованные предикаты, а сосредоточимся на детальном анализе двух из них — *šuaš* и *kəškəš*. Обзор накопленных ранее сведений об их грамматикализации приводится в разделе 2.2. Здесь отметим лишь, что в ряде источников (см., например, [Пенгитов и др. 1961: 205—206; Чхаидзе 1969: 35, 55]) в этом же ряду рассматривается луговомарийский глагол

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 16-18-02081, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

Наименование «горномарийский язык» используется нами вслед за [Языки народов СССР 1966: 221—254; Васикова 1996; Саваткова 2008] и нек. др. источниками. Во многих работах ему соответствует наименование «горное наречие марийского языка».

² Здесь и далее примеры, записанные нами от носителей языка, подаются в фонологической транскрипции латиницей. Примеры, цитируемые из работ других авторов, приводятся в записи источника. Используемая в статье система транскрипции в целом совпадает с системой из [Саваткова 2002], за исключением следующих мест: (1) упрежденный редуцированный гласный, отмечаемый в [Саваткова 2002] как *ə*, записывается нами как *ä*; (2) согласные, обозначаемые в [Саваткова 2002] как *β*, *δ*, *γ*, записываются в статье как *b* / *v*, *d*, *g* соответственно, что отражает наиболее распространенные в исследуемом идиоме варианты их произнесения.

³ В горномарийском языке имеются также конвербы на *-de*, *-meškə*, *-məkə* / *-məkə*, *-məla* / *-mələ*, *-šəla* / *-šələ*, *-šašlanen* / *-šəšlanen* (последний, однако, отсутствует в исследуемом нами идиоме). Базовая информация об их свойствах доступна в [Саваткова 2002: 233—247]. Смысловый глагол в сложных глагольных комплексах они маркировать не могут. От некоторых глаголов вместо конверба на *-n* образуется конверб с нулевым показателем (см. [Саваткова 2002: 234]). Он может входить в состав сложных глагольных комплексов. Показатель претерита (2-го прошедшего времени) материально совпадает с показателем конверба на *-n*, поэтому формы претерита 3 л. ед. ч., не имеющие лично-числовых показателей, материально совпадают с формами данного конверба. Морфосинтаксический статус каждой из форм на *-n* в 3 л. ед. ч. однозначно устанавливается на основании того факта, что словоизменению может подвергаться только второй компонент, ср. (1)—(2).

⁴ В литературе (см., например, [Серебренников 1960: 260; Чхаидзе 1969: 96—98; Хонти 2013]) обсуждается и вопрос о развитии сложных глагольных комплексов в марийских языках под ареальным влиянием тюркских языков. Данную проблематику мы оставляем за рамками настоящей статьи.

кудалташ ‘бросать’, образующий сложные глагольные комплексы со значением «стремительной завершенности действия» (в формулировке [Пенгитов и др. 1961: 205]). В нашем горномарийском материале данный глагол либо его когнат, однако, не встретился. В [СМЯ] горномарийское соответствие для луговомарийского *кудалташ* тоже не приводится. Отсутствие соответствия для данного глагола в горномарийском языке эксплицитно отмечено и в [Krasnova et al. 2017: 167].

Обсуждаемый в статье материал собран в 2016—2018 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и нескольких окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово, Яшпатрово)⁵. В первую очередь применялся метод анкетирования носителей языка: в статье учитываются данные, записанные от 23 информантов возрастом от 35 до 80 лет с различным уровнем образования. Дополнительно был проанализирован собранный коллективом экспедиций корпус расшифрованных устных текстов (его текущий объем составляет около 45000 словоупотреблений). В тексте статьи примеры, записанные в ходе опроса носителей, не получают специальной пометы. Корпусные примеры имеют помету «Корпус».

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 суммированы данные предшествующих исследований, касающихся исходной семантики горномарийских глаголов бросания и их грамматикализации. Раздел 3 посвящен свойствам сложных глагольных комплексов с предикатами *šuaš* и *käškäš*: здесь приводятся некоторые их морфосинтаксические характеристики, последовательно анализируется сочетаемость каждого глагола в данных конструкциях, обсуждаются сходства и различия. Раздел 4 содержит основные выводы.

2. Предыдущие исследования

2.1 Глаголы *šuaš* и *käškäš*: исходная семантика

Рассмотрим кратко исходную семантику глаголов *šuaš* и *käškäš* (и их луговомарийских соответствий)⁶, важную, как будет показано далее, для обсуждения их свойств в сложных глагольных комплексах. В [СМЯ] глагол *шуаш* получает множество переводных эквивалентов и дефиниций, предполагающих различные типы броска (‘бросать’, ‘кидать’, ‘забрасывать’, ‘выбрасывать’, ‘взмахом заставляя лететь (падать) что-л. находящееся в руке (руках)’, ‘бросать (бросить) куда-л. с силой или так, чтобы брошенный предмет оказался где-л., что не достать и не найти’), ср. словарные иллюстрации из лугового марийского языка: *мечым шуаш* ‘бросить мяч’, *эгыржым шуаш* ‘забросил удочку’, *шкаф шенгек шуаш* ‘закинуть за шкаф’. У глагола *кышкаш* (с обозначенным в словарной статье горномарийским соответствием *кышкаш*) выделяются значения ‘бросать, сбрасывать, кидать, метать’ (*шудым кышкаш* ‘метать сено’), ‘лить, поливать’ (*вудым кышкаш* ‘поливать водой (букв.: бросать воду)’), ‘кидать, раскидывать, раскидать, разбрасывать, разбросать’ (*терысым кышкаш* ‘разбрасывать навоз’). Толкования этих глаголов в [Саваткова 2008: 127; 353] менее подробны, но не противоречат данным из [СМЯ].

Как показало полевое исследование, описанное в [Мордашова 2017; Кашкин, Мордашова 2017], в исследуемом идиоме глаголы *šuaš* и *käškäš* противопоставлены по параметру количества бросков. Глагол *šuaš* описывает единичный бросок, а глагол *käškäš* — множественные броски. В обоих случаях объект может быть как единичным, так и множественным. Так, в (3а) описывается однократный бросок мяча, а в (3б) — многократные броски (в разные конечные точки или много раз в одну конечную точку). Пример (4а) описывает однократный бросок множественного объекта, пример (4б) — многократные броски, перемещаемым участником в каждом из которых становятся части множественного объекта. Такое семантическое различие отмечено и в словаре [Moisio, Saarinen 2008: 324, 726], где глагол *šuaš* истолкован как ‘werfen, schleudern’ (‘бросать, кидать’), а глагол *käškaš* — как ‘werfen (auch Frequ.)’ (‘бросать, кидать (тж. многократно)’).

- (3) a. *pet'a m'ačik-əm šu-en*
Петя мячик-ACC бросить-PRET
‘Петя бросил мячик’. [Мордашова 2017: 10]
b. *pet'a m'ačik-əm käšk-en*
Петя мячик-ACC бросать-PRET
‘Петя бросал/побросал мячик’. [Мордашова 2017: 11]

⁵ Подробнее о проекте см. <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁶ В горномарийском языке семантика бросания может быть выражена и рядом других лексических единиц, однако они не подвергаются грамматикализации и нерелевантны для настоящей статьи. Подробнее об устройстве данного семантического поля в исследуемом идиоме см. [Мордашова 2017; Кашкин, Мордашова 2017].

- (4) a. *ärvezä-vlä okn'a gäc mânê-vlä-m šu-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросить-ПРЕТ-3PL
 ‘Мальчики выбросили яйца из окна (все разом)’. [Мордашова 2017: 12]
- b. *ärvezä-vlä okn'a gäc mânê-vlä-m kăšk-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросать-ПРЕТ-3PL
 ‘Мальчики бросали яйца из окна’. [Мордашова 2017: 12]

Кроме того, за глаголом *kăškăš*, но не за глаголом *šuaš* закрепляются ситуации, предполагающие каузацию быстрого последовательного перемещения в пространстве частей множественного объекта либо порций вещества, ср. пример (5) о поливе огорода и пример (6) о метании икры.

- (5) *järän-vlä-š väd-äm kăšk-en-äm*
 грядка-PL-ILL вода-ACC бросать-ПРЕТ-1SG
 ‘Я полила грядки водой (букв.: на грядки воду разбросала)’.
- (6) *tänäm st'erläk läkt-eš sir tär-ăškă küer-än pândaş-an mestä-škă*
 тогда стерлядь выходит-NPST.3SG берег край-ILL камень-PROP дно-PROP место-ILL
i tă-štă mörtn'ă-žă-m kăšk-ü
 и тот-IN икра-POSS.3SG-ACC бросать-NPST.3SG
 ‘Тогда стерлядь выходит к берегу в место с каменистым дном и там мечет икру’. (Корпус)

2.2 Глаголы *šuaš* и *kăškăš* в сложных глагольных комплексах

Сложные глагольные комплексы с единицами, анализируемыми в этой статье, рассматривались в ряде работ наших предшественников (преимущественно, однако, на материале лугового марийского языка). Так, в [Пенгитов и др. 1961: 206—207] утверждается, что луговомарийский глагол *шуаш* ‘бросить’⁷ «образует составные глаголы от некоторых переходных глаголов и придает им видовое значение однократности, стремительности совершения действия», тогда как луговомарийский глагол *кышкаш* ‘бросать’ «образует составные глаголы от немногих переходных и непереходных глаголов, выражающих длительное действие, и придает им два разных оттенка значения: а). быстрое, стремительное совершение целенаправленного действия (...); б). бурное и бесконтрольное совершение действия или проявление состояния». С данными толкованиями соглашается и Д. Брэдли [Bradley 2010: 72; 95—96], рассматривающий луговомарийские сложные глагольные комплексы на корпусном материале. В монографии [Чхидзе 1969: 35], основанной преимущественно на материале луговомарийских художественных текстов, глаголу *шуаш* ‘бросить’ в составе сложных глагольных комплексов приписывается «сбрасывательно-довершительная» функция, а глаголу *кышкаш* ‘бросать’ — «разбрасывательная» функция. Далее [Там же: 55] утверждается, что глагол *кышкаш*, в отличие от глагола *шуаш*, предполагает «разбрасывание многих предметов врасыпную». Согласно [Krasnova et al. 2017: 166—167], луговомарийские глаголы *шуаш* и *кышкаш* и их горномарийские соответствия *шуаш* и *кышкăш* в составе сложных глагольных комплексов выражают семантику ‘быстрого действия, неконтролируемого действия’ (‘rapid action; uncontrolled action’), никаких различий при этом не формулируется.

Конструкции с глаголом *šuaš* упоминаются в работе [Голосов 2017]. Согласно этой работе [Там же: 34], данный предикат «сочетается только с переходными глаголами и имеет дополнительное значение полного охвата действия». Иных сведений о грамматикализации *šuaš* в работе Ф. В. Голосова обнаружить не удастся. При этом исходная семантика глагола *šuaš* определена автором как ‘оставлять’, а в зону глаголов бросания включен глагол *koltaš* ‘посылать’. Такие определения представляются, однако, некорректными. У глагола *koltaš* мы не зафиксировали контекстов, где он описывал бы ситуации бросания, нет их и в [Саваткова 2008: 99]. В [СМЯ] у этого глагола выделено 26 значений, 14-м из них указано ‘бросить, швырнуть что-л.’, см. пример (7) из лугового марийского языка.

⁷ В луговом марийском языке имеются омонимичные глаголы *шуаш* ‘достигать’ и *шуаш* ‘бросить’, оба образующие сложные глагольные комплексы. В большинстве контекстов они могут быть различены по набору аффиксов времени, лица и числа, поскольку глагол *шуаш* ‘достигать’ относится к I спряжению, а глагол *шуаш* ‘бросить’ — ко II спряжению. В горномарийском языке эти лексемы могут быть различены в любой форме, поскольку луговомарийскому *шуаш* ‘достигать’ соответствует горномарийская лексема *šoasš*, а луговомарийскому *шуаш* ‘бросить’ — горномарийская лексема *šuaš*. Говоря о луговомарийских конструкциях с глаголом *шуаш*, мы в рамках настоящей статьи учитываем только конструкции с лексемой *шуаш* ‘бросить’.

- (7) *Тоя-м колт-а корак ўмба-к*
палка-ACC посылать-NPST.3SG ворона верх-ILL2
‘Бросает палку на⁸ ворону’. [СМЯ]

Можно предположить, что данное употребление могло быть калькировано с русского *запускать*, ср. приводимые в [СМЯ] многочисленные употребления глагола *колташ* как переводного эквивалента русских глаголов *пускать*, *запускать*, *отпускать* и *выпускать* (в контекстах ‘отпускать чью-то руку’, ‘отпускать/выпускать из госпиталя’, ‘пускать/запускать мотор’, ‘отпускать волосы’, ‘пускать корни’ и др.). Строгое доказательство этого предположения выходит за рамки настоящей статьи, однако выделение значения, проиллюстрированного в (7), в качестве источника грамматикализации глагола *колташ* в любом случае не представляется обоснованным.

Что касается значения ‘оставлять’, приписанного в [Голосов 2017] глаголу *šuaš*, то оно приводится и в [Саваткова 2008: 353], но полностью сформулировано как ‘оставлять, бросать кого-л.’. По-видимому, за этим стоят следующие типы контекстов, приводимые в [СМЯ] для лугового марийского: *институ-тым шуаш* ‘бросить институт’, *ешым шуаш* ‘бросить семью’, *тунеммым шуаш* ‘бросить учёбу’. Буквальное значение ‘оставлять что-л. где-л.’ выражается в исследуемом идиоме глаголом *kodaš* (8), см. также [Саваткова 2008: 97; СМЯ]. Тем самым, в [Голосов 2017] в качестве исходного для глагола *šuaš* указан никак не его первичный класс употреблений.

- (8) *тән’ рај-әт миск-еš код-ен-әм*
я мясо-ACC миска-LAT оставлять-PRET-1SG
‘Я оставила мясо в миске’.

Некоторые сведения об обсуждаемых конструкциях доступны в словарях. В [Саваткова 2008: 353] сказано, что глагол *шуаш* ‘бросить’ «образует составные глаголы со значением завершенности действия», тогда как для глагола *кышкаш* ‘бросать’ сведений об употреблении в сложных глагольных комплексах не дается [Там же: 127]. Согласно [СМЯ], *шуаш* «образует составные глаголы со значением внезапности, быстроты или завершенности действия» (различий между луговомарийскими и горномарийскими данными не формулируется). В словарной статье *кышкаш*, в свою очередь, не выделяется специального значения для таких конструкций, однако в качестве отдельных словарных статей подаются некоторые сочетания конвербов на *-н* с данным глаголом, где у него не усматривается исходная семантика множественного бросания, ср., например, *лупиен кышкаш* ‘отхлестать, побить, выпороть’ (9) или *вурсе-дыл(ын) кышкаш* ‘поругаться, побраниться с кем-л. (с оттенком бурного протекания и быстрого завершения действия)’ (10). Все приведенные примеры такого типа принадлежат луговому марийскому языку.

- (9) *Тудо моткоч патыр, чыла-шты-м=ат лупи-ен кышк-ыш.*
тот очень сильный все-POSS.3SG-ACC=ADD бить-CVVB бросать-AOR
‘Он очень сильный, побил всех’. [СМЯ]

- (10) *Черет-ыште ул-шо-влак ик-те — вес-ы-шт дене вурс-едыл*
очередь-IN быть-PTCP.ACT-PL один-FULL другой-FULL-POSS.3PL с ругать-ITER.CV
кышк-ат гын, нуны-м тудо (дядя Костя) тыманмеш сōрас-тар-а.
бросать-NPST.3PL если они-ACC тот дядя Костя сразу мириться-CAUS-NPST.3SG
‘Стоящие в очереди если разругаются друг с другом, дядя Костя их тут же помирит’. [СМЯ]

В ряде релевантных источников данные о рассматриваемых нами конструкциях отсутствуют, ср. в частности [Серебренников 1960: 190—199]. В горномарийской грамматике [Саваткова 2002: 210—211] всем сложным глагольным комплексам посвящено только два абзаца, а отсутствие их подробного рассмотрения автор связывает с тем, что «в их употреблении не имеется значительных диалектных различий». Крайне лаконично они описаны и в грамматике [Alhoniemi 1993: 135—136] (конструкции с обсуждаемыми в этой статье глаголами — *šuaš* и *käškäš* в записи А. Алхониemi — упоминаются, но не характеризуются сколько-либо подробно).

В целом, тем самым, в предшествующих работах фиксируются сложные глагольные комплексы с луговомарийскими глаголами *шуаш* ‘бросить’ и *кышкаш* ‘бросать’ (и несколько менее системно — с их горномарийскими соответствиями *šuaš* и *käškäš*). Указывается, что эти конструкции описывают совершение действия, происходящего быстро и/или неконтролируемо. Однако из этих описаний неясны, во-первых, сочетаемостные ограничения глаголов *šuaš* и *käškäš* в сложных глагольных комплексах;

⁸ Сохранен перевод, данный в словаре.

во-вторых, семантические различия между данными конструкциями. Кроме того, многие дефиниции (ср., например, «сбрасывательно-довершительная функция») выглядят довольно расплывчато и требуют уточнений.

2.3. Глаголы с семантикой ‘бросать’ в типологии

Типологии глаголов с семантикой ‘бросать’ посвящены работы [Ивтушок 2015; 2016]. Однако Е. И. Ивтушок не рассматривает вопросы их грамматикализации, ограничиваясь семантическими оппозициями в прямых значениях (направление движения, единичность vs. множественность объекта, наличие vs. отсутствие цели или адресата, наличие vs. отсутствие проявления эмоций и нек. др.). Некоторые сведения о грамматикализации таких лексем приводятся в [Heine, Kuteva 2004: 297—298]: согласно этой работе, единицы с исходной семантикой бросания могут развиваться в языках мира в маркер перфекта или комплетива. В [Hook 1991] глаголы данного поля упомянуты в качестве одного из источников перфективных маркеров в индоарийских языках. В [Гращенков 2015: 73—74] проанализировано употребление глаголов с исходной семантикой ‘бросать’ в сложных глагольных комплексах нескольких тюркских языков. Данным лексемам приписывается грамматическая функция пунктива, а в привлеченных автором предшествующих описаниях тюркских языков используются такие дефиниции, как «законченность действия», «однократность и окончательность действия», «быстрота, энергичность», «интенсивность и внезапность». В монографии [Майсак 2005], посвященной типологии грамматикализации глаголов позиции и перемещения, глаголы бросания не рассматриваются. В целом, тем самым, типологических сведений о грамматикализации лексем этого поля систематизировано не так много, и в этом смысле марийские данные представляют отдельный интерес.

3. Грамматикализация глаголов *šuaš* и *käškäš*: полевые данные

3.1. Формальные свойства конструкций

При анализе рассматриваемого материала сложные глагольные комплексы важно отличать от свободных сочетаний конвербов с полнозначными глаголами бросания, поскольку смешение этих типов конструкций могло бы повлечь некорректные выводы о сочетаемостных ограничениях (этот вопрос обсуждался в частности в [Чхаидзе 1941: 49—55; Чхаидзе 1969: 9—30; Driussi 1992—1993], но без специального подробного рассмотрения конструкций с глаголами *šuaš* и *käškäš*).

В нашем распоряжении имеются суждения носителей языка о том, что в рассматриваемых далее конструкциях глаголы *šuaš* и *käškäš* не описывают бросание (из чего можно сделать вывод об их десемантизации). Это обстоятельство коррелирует, вместе с тем, с высокой степенью морфосинтаксической слитности данных конструкций, которая становится видна из приводимых далее в разделе 3.1 диагностик⁹. Утверждение о грамматикализации данных предикатов получает, тем самым, не только семантическую, но и морфосинтаксическую аргументацию (см. теоретическое обсуждение взаимосвязи данных аспектов грамматикализации в [Hopper, Traugott 2003: 140—211; Lehmann 2015: 129—188] и мн. др. источников). Рассмотрим проведенные диагностики далее.

Во-первых, вставка иных составляющих между компонентами этих конструкций либо вызывает буквальную интерпретацию ((11b), (12b)), либо приводит к потере грамматичности ((11c), (12c)), ср. (11a), (12a).

- (11) a. *püergä püšängä-m ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC рубить-CVB бросить-PRET
 ‘Мужчина срубил дерево’.
- b. *#püergä püšängä-m ro-en tädä-m šu-en*
 мужчина дерево-ACC рубить-CVB он-ACC бросить-PRET
 ‘Мужчина, срубив дерево, бросил его’.
- c. **püergä ro-en püšängä-m šu-en*
 мужчина рубить-CVB дерево-ACC бросить-PRET
 Ожидаемое значение: ‘Мужчина срубил дерево’.
- (12) a. *vas’a cilä pi-m pušt-ân käšk-en*
 Вася все собака-ACC убивать-CVB бросать-PRET
 ‘Вася поубивал всех собак’.

⁹ Набор диагностик в существенной степени опирается на [Гращенков 2015; 2017].

- b. #*vas'a cilä pi-m pušt-ân nänä-m kăšk-en*
 Вася все собака-ACC убивать-CVB они-ACC бросать-PRET
 ‘Вася, убив всех собак, побросал их’.
- c. **vas'a pušt-ân cilä pi-m kăšk-en*
 Вася убивать-CVB все собака-ACC бросать-PRET
 Ожидаемое значение: ‘Вася поубивал всех собак’.

Во-вторых, при пассивизации показатель пассивного причастия *-mâ* (*-âtmâ*, *-mâ*, *-âtmâ*) оформляет грамматикализованный финитный глагол, но не обе части сложного глагольного комплекса, см. (13)—(14)¹⁰. При сочетании двух независимых полнозначных глаголов ожидалась бы пассивизация их обоих, как в (15).

- (13) a. *vas'a(-m) pušt-ân ŝu-mâ*
 Вася(-ACC) убивать-CVB бросить-PTCP.PASS
 ‘Вася убит’.
- b. **vas'a(-m) pušt-mâ ŝu-mâ*
 Вася(-ACC) убивать-PTCP.PASS бросить-PTCP.PASS
 Ожидаемое значение: ‘Вася убит’.
- (14) a. *cilä pi-(m) pušt-ân kăšk-âtmâ*
 все собака (-ACC) убивать-CVB бросать-PTCP.PASS
 ‘Все собаки убиты’.
- b. **cilä pi-(m) pušt-mâ kăšk-âtmâ*
 все собака (-ACC) убивать-CVB бросать-PTCP.PASS
 Ожидаемое значение: ‘Все собаки убиты’.
- (15) *tăškeve jakte fermâ-št=at âškal-vlâ-m jü-kt-âš, imn'i-vlâ-m*
 до.тех.пор до ферма-IN=ADD корова-PL-ACC пить-CAUS.DIST-INF лошадь-PL-ACC
jü-kt-âš cišti kid don, vedârâ don vâd-âm namal-mâ, pukš-âtmâ
 пить-CAUS.DIST-INF совсем рука с ведро с вода-ACC носить-PTCP.PASS кормить-PTCP.PASS
 ‘До этого и на фермах поить коров, поить лошадей всё руками, ведрами таскали воду, кормили’.
 (Корпус)

В-третьих, при каузативизации сложных глагольных комплексов маркер каузатива, как правило, оформляет конверб смыслового глагола, см. пример (16) со сложным глагольным комплексом, который образован глаголом *šëndâš* ‘сажать, ставить’, грамматикализующимся в маркер достижения предела в ситуациях создания нового объекта или накопления ресурса (подробнее о семантике конструкций с *šëndâš* см. [Кашкин 2018]).

- (16) a. *ävâ-žă ergâ-žă-lân jârân-âm kapaj-âkt-en šënd-en*
 мать-POSS.3SG сын-POSS.3SG-DAT грядка-ACC копать-CAUS.DIST-CVB сажать-PRET
 ‘Мама заставила сына вскопать грядку’.
- b. **ävâ-žă ergâ-žă-lân jârân-âm kapaj-en šënd-âkt-en*
 мать-POSS.3SG сын-POSS.3SG-DAT грядка-ACC копать-CAUS.DIST-CVB сажать-PRET
 ‘Мама заставила сына вскопать грядку’.

То же наблюдается и в сложных глагольных комплексах с лексемами *šuaš* (17) и *kăškăš* (18). В (18b) конструкция с каузативным оформлением финитного глагола *kăškăš* несовместима в большинстве идиолектов с его десемантизацией, т. е. данный пример интерпретируется носителями как композиционное сочетание финитного глагола *kăškăš* ‘бросать’ и конверба глагола *puštaš* ‘убивать’. Для (17b) подобная интерпретация носителями не предлагалась — по-видимому, либо по соображениям прагматики, либо в силу того факта, что семантика удаления ненужного единичного объекта (ср. рус. *выбросить*), которая бы предполагалась при буквальной интерпретации, в исследованном идиоме, как правило, выражается конструкцией *šuen koltaš* (букв.: ‘бросив послать’), а не собственно глаголом *šuaš* (см. [Мордашова 2017]).

¹⁰ Пациентивный участник в горномарийских конструкциях с пассивным причастием может быть оформлен как аккумулятивом, так и номинативом.

- (17) a. *maša vas'a-lan jasâ pi-m pušt-âkt-en šu-en*
 Маша Вася-DAT больной собака-ACC убивать-CAUS.DIST-CVB бросить-PRET
 'Маша заставила Васю убить больную собаку'.
 b. *maša vas'a-lan jasâ pi-m pušt-ân šu-kt-en*
 Маша Вася-DAT больной собака-ACC убивать-CVB бросить-CAUS.DIST-PRET
 'Маша заставила Васю убить больную собаку'.
- (18) a. *pet'a vas'a-lan pi-vlä-m pušt-âkt-en kăšk-en*
 Петя Вася-DAT собака-PL-ACC убивать-CAUS.DIST-PRET бросать-PRET
 'Петя заставил Васю поубивать собак'.
 b. *#pet'a vas'a-lan pi-vlä-m pušt-ân kăšk-âkt-en*
 Петя Вася-DAT собака-PL-ACC убивать-CVB бросать-CAUS.DIST-PRET
 'Петя заставил Васю убивать и бросать собак'.
 ?? 'Петя заставил Васю поубивать собак'.

3.2 Подход к анализу конструкций: акциональность vs. лексическая семантика

Для некоторых сложных глагольных комплексов тюркских языков, к которым структурно близки анализируемые в этой статье горномарийские конструкции, ограничения на смысловой глагол формулируются в ряде работ с опорой на его акциональный класс (см., например, [Шлуинский 2006; Мищенко 2013]). В таких случаях по акциональному классу смыслового глагола можно предсказать его допустимость и интерпретацию в заданной конструкции. Для рассматриваемых в этой статье конструкций с *šuaš* и *kăškăš* такой подход, однако, не позволяет в полной мере предсказать ограничения на набор смысловых глаголов. Например, горномарийские глаголы *pădârtaš* 'ломать' и *pogaš* 'собирать' относятся к слабому предельному акциональному классу¹¹: форма их непрошедшего времени описывает процесс, а форма претерита может либо также описывать процесс, либо вводить результирующее состояние, возникающее в результате достижения предела процессом (см. примеры (19)—(20), иллюстрирующие интерпретацию форм претерита от указанных глаголов).

- (19) *vas'a toštâ pört-äm pădârt-en*
 Вася старый дом-ACC ломать-PRET
 'Вася сломал/ломал старый дом'.
 (20) *vas'a kal'avongâ-m pog-en*
 Вася гриб-ACC собирать-PRET
 'Вася собрал/собирал грибы'.

В то же время в конструкциях с глаголами *šuaš* и *kăškăš* допустим глагол *pădârtaš*, но недопустим глагол *pogaš*, ср. (21) и (22).

- (21) *vas'a toštâ pört-äm pădârt-en šu-en*
 Вася старый дом-ACC ломать-CVB бросить-PRET
 'Вася сломал старый дом'.
 (22) **vas'a kal'avongâ-m pog-en šu-en*
 Вася гриб-ACC собирать-CVB бросить-PRET
 Ожидаемое значение: 'Вася собрал грибы'.

Кроме того, возможность сочетания с рассматриваемыми грамматикализованными предикатами может различаться для разных контекстов использования одного и того же глагола. Например, глагол *jog-taraš* может означать как 'выливать' (23a), так и 'наливать' (23b). Оснований усматривать в этом случае акциональные различия не имеется, однако в (23a) конструкция с *šuaš* возможна, а в (23b) — нет.

- (23) a. *măn' peckä găc-ân l'ävără-n väd-äm jog-tar-en-äm / jog-tar-en šu-en-äm*
 я бочка EL-FULL грязь-PROP вода-ACC течь-CAUS-PRET-1SG течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG
 'Я вылил из бочки грязную воду'.

¹¹ Мы опираемся на подход к акциональной классификации, представленный в [Татевосов 2016] и ряде предшествующих работ того же автора.

b. *mān' jog-tar-en-äm* / **jog-tar-en šu-en-äm* *vedrä-š itärä väd-äm*
 я течь-CAUS-PRET-1SG течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG ведро-ILL чистый вода-ACC
 ‘Я налил в ведро чистую воду’.

Ориентируясь на эти и другие подобные примеры, далее при обсуждении набора смысловых глаголов, возможных в рассматриваемых конструкциях, мы сосредоточимся на их лексико-семантических характеристиках, не сводящихся к акциональному классу. При исследовании сочетаемости изначально проверялся список из примерно 50 смысловых глаголов, относящихся к различным акциональным и семантическим классам (ср. аналогичный подход при исследовании акциональной классификации в [Татевосов 2016]). Эти данные были дополнены корпусным материалом, а также примерами, которые приводили сами носители языка на то, в каких ситуациях для них было бы естественно употребить глаголы *šuaš* и *käškäš*.

3.3. Глагол *šuaš* ‘бросить’: сочетаемость

3.3.1. Базовые сочетаемостные ограничения

В корпусе экспедиционных текстов содержится 90 вхождений глагола *šuaš*. В 28 из них он входит в состав сложных глагольных комплексов. Эти данные суммированы в Таблице 1.

Таблица 1. Сочетаемость глагола *šuaš* ‘бросить’ в сложных глагольных комплексах (корпусные данные)

Смысловый глагол	Число вхождений
<i>mondaš</i> ‘забывать’	3
<i>lāktaš</i> ‘извлекать’, <i>salaš</i> ‘косить’, <i>šälätäš</i> ‘разрушать, разбрасывать, тратить (деньги)’, <i>šiäš</i> ‘бить’	по 2
<i>itäräjäš</i> ‘очищать’, <i>jälataš</i> ‘жечь’, <i>jörtäš</i> ‘гасить’, <i>kačkaš</i> ‘есть’, <i>käräš</i> ‘рвать (о разделении на части)’, <i>käškäš</i> ‘бросать’, <i>näläš</i> ‘брать’, <i>něžäš</i> ‘тереть, скоблить’, <i>pačaš</i> ‘открывать’, <i>pačkaltaš</i> ‘стряхивать’, <i>pajālaš</i> ‘делить’, <i>panežäš</i> ‘опаливать’, <i>pädārtaš</i> ‘ломать’, <i>pāraš</i> ‘грызть, жевать’, <i>potopaš</i> ‘затапливать’, <i>puštaš</i> ‘убивать’, <i>vārsaš</i> ‘ругать’	по 1

Ввиду того, что объем экспедиционного корпуса на данный момент сравнительно невелик, большинство глаголов в Таблице 1 (содержащей итога 22 лексемы) представлено единичными вхождениями. Важно, тем не менее, что эти глаголы разбиваются на представительные семантические классы. Так, среди них представлено 10 глаголов, предполагающих разрушение или уничтожение пациенса различными способами (*jälataš* ‘жечь’, *jörtäš* ‘гасить’, *kačkaš* ‘есть’, *käräš* ‘рвать (о разделении на части)’, *pajālaš* ‘делить’, *potopaš* ‘затапливать’, *pädārtaš* ‘ломать’, *pāraš* ‘грызть, жевать’, *puštaš* ‘убивать’, *šälätäš* ‘разрушать, разбрасывать, тратить (деньги)’). Еще 6 глаголов из Таблицы 1 обозначают удаление лишнего объекта откуда-либо (*lāktaš* ‘извлекать’, *salaš* ‘косить’, *itäräjäš* ‘очищать’, *něžäš* ‘тереть, скоблить’, *pačkaltaš* ‘стряхивать’, *panežäš* ‘опаливать’). К представленным классам близок и глагол *mondaš* ‘забывать’, описывающий удаление некоторого ментального содержания. Встретившиеся в рассматриваемых конструкциях глаголы *šiäš* ‘бить’ и *vārsaš* ‘ругать’, как и многие перечисленные выше глаголы разрушения или удаления, предполагают агрессивное воздействие на пациентивного участника.

Опрос носителей языка подтверждает закономерности, выявленные по корпусным данным, а также позволяет расширить список смысловых глаголов, с которыми сочетается *šuaš* в сложных глагольных комплексах. В дополнение к глаголам, перечисленным выше, на данный момент зафиксированы сочетания *šuaš* с глаголами *port'aš* ‘портить’, *lüäš* ‘стрелять’, *roaš* ‘рубить’, *šeläš* ‘колоть’ (например, дрова), *päčkedäš* ‘резать’, *jangäštaš* ‘молоть’, *pāžaš* ‘разбирать’ (например, старый дом), *šütäš* ‘развязывать’, *jog-taraš* / *jästäräš* ‘выливать’, *jamdaš* ‘терять’. Все они укладываются в обозначенные выше семантические классы глаголов разрушения, уничтожения и удаления объекта. Кроме того, в ходе опроса носителей выявлены сочетания *šuaš* с глаголами обработки пациентивного участника (*māškaš* ‘мыть’, *ut'užaš* ‘гладить’), с глаголом смены possessора *vēžalaš* ‘продавать’, а также с некоторыми глаголами, описывающими создание нового объекта. Такие конструкции имеют ряд специфических свойств, которые будут рассмотрены подробнее в разделе 3.3.2.

Некоторые иллюстрации употребления конструкций с глаголом *šuaš* приведены в (24)—(26):

- (24) *tänäm kazan' kr'emäl'-äm srazê näl-än kert-tel-ät. sedändono*
 тогда Казань Кремль-ACC сразу брать-CVB мочь-NEG.PRET-3PL поэтому
reš-en-ät kr'emäl'-än st'enä-m vzryv dono pädârt-en šu-aš.
 решать-3PL Кремль-GEN стена-ACC взрыв с ломать-CVB бросить-INF
 'Тогда Казанский Кремль сразу взять не могли. Поэтому решили разрушить стену Кремля с помощью взрыва'. (Корпус)
- (25) *ussur'ijsk xala-š mi-š-nä, tã-štã mäm-nä-m jãle pajâl-en šu-evã*
 Уссурийск город-ILL приходить-AOR-1PL тот-IN мы-POSS.1PL-ACC быстро делить-CVB бросить-AOR.3PL
 'Мы приехали в город Уссурийск, там нас (призывников — Е. К.) быстро поделили'. (Корпус)
- (26) *män' mond-en šu-en-äm, tagaçê vet ät'i-ävi-vlä-n postar-n-âmaš*
 я забывать-CVB бросить-1SG сегодня ведь отец.KIN-мать.KIN-PL-GEN собирать-DETR-NMLZ
 'Я забыл, сегодня ведь родительское собрание'.

С глаголами, не предполагающими разрушение, уничтожение или удаление пациентивного участника, предикат *šuaš* в сложных глагольных комплексах не сочетается. Так, носителями языка отвергнуты его сочетания с глаголами контакта (например, *šãpšalaš* 'целовать'), каузации перемещения объекта без существенного изменения его свойств (*šãkãš* 'толкать, двигать'), эмоций (*lüdãktãš* 'пугать', *jarataš* 'любить'), социального взаимодействия (*altalaš* 'обманывать'), накопления ресурса (*temãš* 'наполнять', *pogaš* 'собирать') и др., см. следующие иллюстрации:

- (27) *tädä män'-äm altal-en / *altal-en šu-en*
 он я-ACC обманывать-3PL обманывать-CVB бросить-3PL
 'Он меня обманул'.
- (28) *vas'a ädärãš-län peledãš-äm pog-en / *pog-en šu-en*
 Вася девочка-DAT цветок-ACC собирать-3PL собирать-CVB бросить-3PL
 'Вася собрал для девочки цветов'.

Как можно было увидеть из приведенных ранее примеров, сложные глагольные комплексы с *šuaš* описывают предельные ситуации, ср. возможность их сочетания с обстоятельствами типа 'за две минуты' (29a), но не с обстоятельствами типа 'две минуты' (29b). Эти данные соответствуют как ранее сделанным выводам (см. их обзор в разделе 2.2) о семантике данных конструкций в марийских языках, так и типологическим предсказаниям, касающихся грамматикализации глаголов бросания (см. раздел 2.3).

- (29) a. *püergã püšãngã-m kok minut-ãštã ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC два минута-IN рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина за две минуты срубил дерево'.
- b. **püergã püšãngã-m kok minut ro-en šu-en*
 мужчина дерево-ACC два минута рубить-CVB бросить-3PL
 Ожидаемое значение: 'Мужчина две минуты рубил дерево'.

Кроме того, конструкции с *šuaš* описывают в первую очередь быстрое осуществление действия (на что указывали и многие наши предшественники, см. раздел 2.2). Так, они свободно сочетаются с адвербиалами, указывающими на высокую скорость (30a), но не во всех идиолектах сочетаются с адвербиалами, указывающими на низкую скорость (30b).

- (30) a. *püergã pãšã-n pandã-m ro-en šu-en*
 мужчина быстрый-ADV палка-ACC рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина быстро разрубил палку'.
- b. **püergã olen pandã-m ro-en šu-en*
 мужчина медленно палка-ACC рубить-CVB бросить-3PL
 'Мужчина медленно разрубил палку'.

3.3.2. Отклонения от базовых ограничений

В конструкциях с глаголом *šuaš*, как правило, не встречаются глаголы обработки пациентивного участника, не предполагающей его деструкции (как *mãškaš* 'мыть' или *ut'užãš* 'гладить'), а также глаго-

лы создания нового объекта (как *siräš* ‘писать’ (письмо) или *jalštaš* ‘завязывать’ (узел)). Так, примеры (31) и (32) уверенно отвергаются опрошенными носителями:

- (31) **män' törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm*
я тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я помыл тарелку’.
- (32) **män' otčot-ǎm sir-en šu-en-üm, šukǎ-štǎ agǎl kolt-em*
я отчет-ACC писать-CVB бросить-PRET-1SG много-IN NEG посылать-NPST.1SG
‘Я написала отчет, скоро отправлю’.

В то же время, во многих идиолектах *šuaš* сочетается с указанными глаголами, если они имеют множественный объект, ситуация обработки которого находится в прагматической пресуппозиции в понимании [Lambrecht 1994] (т. е. информация об осуществлении или о необходимости осуществления этой ситуации известна говорящему и слушающему). Кроме того, подобные примеры в большей степени приемлемы для носителей, если речь идет о полном охвате объекта. Так, предложение (33a), предполагающее полный охват известного из контекста множества, оценивается как грамматичное большим числом носителей, чем предложение (33b), предполагающее неполный охват известного из контекста множества. При этом имеются идиолекты, в которых одновременно грамматичен пример (33a) и неграмматичен пример (33b).

- (33) a. *män' cilǎ törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm*
я все тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я перемыл все тарелки’.
- b. *ʔmän' lu törölkä-m mǎšk-ǎn šu-en-üm, vǎz-ǎt eče kod-ǎn*
я десять тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRET-1SG пять-FULL еще оставаться-PRET
‘Я 10 тарелок вымыл, 5 еще осталось’.

Предложение (34a), вводящее новый референт с ролью результата, оценивается носителями как неграмматичное, тогда как предложение (34b), указывающее на выполнение действия, необходимость которого была известна участникам коммуникации, допускается многими носителями.

- (34) a. *tagačǎ mǎn' koklǎ sir-mǎš-ǎm sir-en-üm / *sir-en šu-en-üm*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-ACC писать-PRET-1SG писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала 20 писем’.
- b. ^{OK}*tagačǎ mǎn' koklǎ sir-mǎš-ge sir-en šu-en-üm*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-COM писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала все 20 писем’.

Сочетание глагола *šuaš* со смысловым глаголом *vǎžalaš* ‘продавать’ для многих носителей неприемлемо, если речь идет о продаже единичного объекта (35). Если же прямой объект реферирует к какому-либо множеству, как в (36), то ограничений на эту конструкцию не возникает.

- (35) *vas'a toma-žǎ-m vǎžal-en / ʔvǎžal-en šu-en*
Вася дом-POSS.3SG-ACC продавать-PRET продавать-CVB бросить-PRET
‘Вася продал дом’.
- (36) *vas'a cilǎ kn'igǎ-žǎ-m vǎžal-en šu-en*
Вася все книга-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRET
‘Вася все свои книги распродал’.

Распространить закономерности, выявленные для глагола *vǎžalaš* ‘продавать’, на более широкий класс предикатов передачи объекта на данной стадии исследования невозможно. Глагол *puaš* ‘давать’, по имеющимся данным, не используется в сложных глагольных комплексах с *šuaš* (при этом значение ‘раздать что-л.’ выражается, как правило, глаголом *šǎlǎtǎš*, исходно означающим ‘разбросать, разрушить’). Значение ‘одолжить деньги кому-л.’ выражается сочетанием *küsǎlä puaš* ‘дать в долг’ с тем же смысловым глаголом *puaš*. Выражение иных ситуаций передачи объекта не исследовалось.

Таким образом, в первую очередь в сложных глагольных комплексах с *šuaš* используются смысловые глаголы разрушения, уничтожения или удаления. Они входят в число прототипических переходных глаголов, объект которых соответствует прототипу семантической роли пациенса (см. [Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991; Malchukov 2005] и др.). В этом случае конструкция не имеет ограничений на чи-

словую референцию объекта. С глаголами обработки, создания нового объекта, а также с глаголом передачи объекта ‘продавать’ конструкция с *šuaš* совместима во многих идиолектах, но требует в этом случае семантически множественного участника. Сами эти глаголы по ряду семантических признаков отклоняются от переходного прототипа (так, их объект не подвергается необратимым изменениям, в отличие от объекта глаголов разрушения или уничтожения; они могут быть совместимы с частичным воздействием на объект, ср. воздействие на все части тарелки в ситуации ‘разбить тарелку’ vs. воздействие только на внешнюю поверхность в ситуации ‘вымыть тарелку’; обозначаемая ими ситуация может быть более значительно растянута во времени). Причины возникновения именно для этого типа предикатов ограничения на количественную референцию объекта требуют дальнейшего анализа. Отметим лишь, что ограничение, связанное с количественными характеристиками ситуации или ее участников, не уникально типологически для конструкций с грамматикализованными глаголами бросания. В [Baranova 2013: 19—21] у сложных глагольных комплексов с предикатом бросания в калмыцком языке фиксируется семантика глагольной множественности либо дистрибутивности (ограничений на подвергающиеся такому ограничению типы смысловых глаголов при этом, однако, не формулируется — и в этом смысле наши горномарийские данные отличаются от калмыцких данных В. В. Барановой).

3.4. Глагол *käškäš* ‘бросать’: сочетаемость

Информация о сложных глагольных комплексах с лексемой *käškäš* приводится на основании анкетирования носителей. В корпусе конструкций такого типа не встретилось (в целом, однако, глагол *käškäš* менее частотен в корпусе, чем глагол *šuaš*: всего имеется 90 вхождений *šuaš* и 47 вхождений *käškäš*, 26 из которых реализуют значение ‘метать (икру)’ и содержатся в одном тексте, посвященном жизни различных видов рыб).

В ходе опроса носителей были зафиксированы сочетания глагола *käškäš* со следующими смысловыми глаголами: *pädärtaš* ‘ломать’, *puštaš* ‘убивать’, *oltaš/jälataš* ‘жечь’, *port’aš* ‘портить’, *käškedäš* ‘рвать’, *käräš* ‘рвать, ломать’, *lüäš* ‘стрелять’, *jogtaraš/jästäräš* ‘выливать’, *šütäš* ‘развязывать’, *roaš* ‘рубить’, *pačkaltaš* ‘стряхивать’, см. иллюстрации в (37)—(39).

(37) *mäm-nä-n šärgä-štä cilä moskä-m pušt-än käšk-en-ät*
мы-POSS.1PL-GEN лес-IN все медведь-ACC убивать-CVB бросать-PRET-3PL
‘У нас в лесу всех медведей поубивали’.

(38) *män’ cilä xädär-em-vlä-m jätlat-en käšk-en-äm*
я все вещь-POSS.1SG-PL-ACC жечь-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я всё своё барахло сжег’.

(39) *tän’ orodä, cilä port’-en käšk-äš-äc*
ты дурак всё портить-CVB бросать-AOR-2SG
‘Ты дурак, всё испортил!’.

Классы смысловых глаголов, не используемые в конструкции с *šuaš*, не допускаются и в конструкции с *käškäš*. Так, например, в сложных глагольных комплексах с *käškäš* не встречаются глаголы накопления ресурса (*temäš* ‘наполнять’), эмоций (*lüdäktäš* ‘пугать’, *jarataš* ‘любить’), социального взаимодействия (*altalaš* ‘обманывать’), контакта или перемещения объекта без его существенного изменения (*šäpšalaš* ‘целовать’, *šäkäš* ‘толкать, двигать’), ср. (40)—(41).

(40) *cilä peckä-vlä-m väd dono tem-en-äm / *tem-en käšk-en-äm*
все бочка-PL-ACC вода с наполнять-PRET-1SG наполнять-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я наполнил все бочки водой’.

(41) *vas’a ädär-vlä-m lüd-äkt-en / *lüd-äkt-en käšk-en*
Вася девочка-PL-ACC бояться-CAUS.DIST-CVB бояться-CAUS.DIST-CVB бросать-PRET
‘Вася напугал девочек’.

В отличие от глагола *šuaš*, глагол *käškäš* не сочетается с конвербом глагола *mondaš* ‘забывать’:

(42) *män’ nänä-n läm-äštä-m mond-en-äm / mond-en šu-en-äm*
я они-GEN имя-POSS.3PL-ACC забывать-PRET-1SG забывать-CVB бросить-PRET-1SG
/ **mond-en käšk-en-äm*
забывать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я забыл их имена’.

Глаголы обработки пациентивного участника (как *māškaš* ‘мыть’) и глагол *vāžalaš* ‘продавать’, указывающий на смену посессора, могут использоваться в конструкциях с *kāškāš*, см. (43)—(44).

(43) *mān' cilā ploška-m māšk-ān kāšk-āš-ām*
я все плоска-ACC мыть-CVB бросать-AOR-1SG
‘Я вымыла все плоски’.

(44) *jel'cin cilā zavod-ām vāžal-en kāšk-en*
Ельцин все завод-ACC продавать-CVB бросать-PRET
‘Ельцин распродал все заводы’.

Глаголы создания нового объекта в конструкции с глаголом *kāškāš* не используются (в том числе в тех идиолектах, где такие глаголы свободно употребляются в конструкции с *šuaš*):

(45) *mān' cilā püksem-ām jalšt-en-ām / jalšt-en šu-en-ām*
я все узел-ACC завязывать-PRET-1SG завязывать-CVB бросить-PRET-1SG
/ **jalšt-en kāšk-en-ām, kādā-vlä-m tən' jad-ān-at*
завязывать-CVB бросать-PRET-1SG который-PL-ACC ты просить-PRET-2SG
‘Я завязал все узлы, которые ты попросил’.

Как и конструкции с *šuaš*, конструкции с *kāškāš* описывают предельную ситуацию, см. (46a—b), а также, как правило, предполагают, что действие совершено быстро (47a), ср. запрет (47b) в ряде идиолектов.

(46) a. *vas'a pumaga l'ist-ām tægādā laštāk-vlä-eš kok minut-āštā kāšked kāšk-en*
Вася бумага лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT два минута-IN рвать.CVB бросать-PRET
‘Вася за две минуты разорвал лист бумаги на мелкие кусочки’.

b. **vas'a pumaga l'ist-ām tægādā laštāk-vlä-eš kok minut kāšked kāšk-en*
Вася бумага лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT два минута рвать.CVB бросать-PRET
Ожидаемое значение: ‘Вася две минуты разрывал лист бумаги на мелкие кусочки’.

(47) a. *vas'a pi-vlä-m päsä-n pušt-ān kāšk-en*
Вася собака-PL-ACC быстрый-ADV убивать-CVB бросать-PRET
‘Вася быстро поубивал собак’.

b. ?*vas'a pi-vlä-m olen pušt-ān kāšk-en*
Вася собака-PL-ACC медленно убивать-CVB бросать-PRET
‘Вася медленно поубивал собак’.

Сложные глагольные комплексы с предикатами *šuaš* ‘бросить’ и *kāškāš* ‘бросать’ имеют во многом сходные свойства. Обе конструкции описывают достижение предела (соответствующий процесс чаще всего развивается быстро). Смысловыми глаголами, прототипически используемыми в этих конструкциях, оказываются глаголы разрушения, уничтожения или удаления пациенса. Обе конструкции совместимы с глаголами обработки пациенса, но пациенс в этом случае должен быть семантически множественным. С глаголами создания нового объекта во многих идиолектах совместим только глагол *šuaš* — также в случае множественности второго участника. Конструкции с *šuaš*, но не конструкции с *kāškāš* допускают перенос в ментальную сферу, проявляющийся в сочетании с глаголом *mondaš* ‘забывать’. В то же время, между этими конструкциями имеются и более системные различия, о которых пойдет речь в разделах 3.5—3.6.

3.5. Сопоставление конструкций: множественность участников

Первое из упомянутых различий касается единичности vs. множественности участников ситуации при глаголах разрушения, уничтожения и удаления пациенса, а также при глаголе *vāžalaš* ‘продавать’. Для конструкций с глаголами обработки это различие стирается, поскольку, как было показано выше, обе конструкции требуют в этом случае множественного пациенса.

Для глаголов с различной аргументной структурой ограничение на множественность может затрагивать разных участников. Чаще всего возникает ограничение на множественный объект. Как видно из (48)—(50), конструкции с *šuaš* совместимы как с единичным, так и со множественным объектом, тогда как конструкции с *kāškāš* требуют множественного объекта. Семантика множественности может быть при этом выражена различными способами: с помощью показателя множественного числа (48b), в составе количественной конструкции (49b), эксплицитным обозначением некоторого множества (как *part'ā* ‘стая’ в (50b)).

- (48) a. *män' pükšem-äm šüt-en šu-š-âm / *šüt-en kăšk-ăš-âm*
я узел-ACC развязывать-CVB бросить-AOR-1SG развязывать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я развязал узел'.
- b. *män' pükšem-vlä-m šüt-en šu-š-âm / šüt-en kăšk-ăš-âm*
я узел-PL-ACC развязывать-CVB бросить-AOR-1SG развязывать-CVB бросать-AOR-1SG
'Я развязал узлы'.
- (49) a. *män' protokol-âm port'-en šu-en-äm / *port'-en kăšk-en-äm,*
я протокол-ACC портить-CVB бросить-PRET-1SG портить-CVB бросать-PRET-1SG
ves pačaş sir-ăš värešt-eš
другой раз писать-INF приходится-NPST.3SG
'Я испортила протокол, придется переписать'.
- b. *män' lu protokol-âm port'-en šu-en-äm / port'-en kăšk-en-äm,*
я десять протокол-ACC портить-CVB бросить-PRET-1SG портить-CVB бросать-PRET-1SG
cilä ânde ves pačaş sir-ăš värešt-eš
все теперь другой раз писать-INF приходится-NPST.3SG
'Я испортила 10 протоколов, придется теперь все переписать'.
- (50) a. *püergä pi-m pušt-ân šu-en / *pušt-ân kăšk-en*
мужик собака-ACC убивать-CVB бросить-PRET убивать-CVB бросать-PRET
'Мужик убил собаку'.
- b. *püergä pi part'-m pušt-ân šu-en / pušt-ân kăšk-en*
мужик собака стая-ACC убивать-CVB бросить-PRET убивать-CVB бросать-PRET
'Мужик убил стаю собак'.

В сочетании с глаголами разделения на части глагол *kăškăš* допускает единичный объект при наличии в этом случае множественного результата (т. е. большого количества частей, на которые разделяется объект), см. (51b), (52b). При эксплицитном указании на количество частей, равное двум, конструкция с *kăškăš* невозможна, см. (51a), (52a). Глагол *šuaš*, как видно из (51)—(52), не имеет подобных ограничений в сочетании с глаголами разделения на части.

- (51) a. *vas'a t'etrad' l'ist-âm kok-t-eš kăšked šu-en / *kăšked kăšk-en*
Вася тетрадь лист-ACC два-FULL-LAT рвать-CVB бросить-PRET рвать-CVB бросать-PRET
'Вася разорвал тетрадный лист пополам'.
- b. *vas'a t'etrad' l'ist-âm tâgâdâ laštâk-vlä-eš kăšked šu-en / kăšked kăšk-en*
Вася тетрадь лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT рвать-CVB бросить-PRET рвать-CVB бросать-PRET
'Вася разорвал тетрадный листок на мелкие кусочки'.
- (52) a. *vas'a pol'enä-m pele loš šel-ân šu-en / *šel-ân kăšk-en*
Вася полено-ACC половина пополам колоть-CVB бросить-PRET колоть-CVB бросать-PRET
'Вася расколол полено пополам'.
- b. *vas'a pol'enä-m šukâ laštâk-eš šel-ân šu-en / šel-ân kăšk-en*
Вася полено-ACC много кусок-LAT колоть-CVB бросить-PRET колоть-CVB бросать-PRET
'Вася расколол полено на много частей'.

В сложных глагольных комплексах с лексемой *văžalaš* 'продавать', представляющей класс дитранзитивных глаголов, глагол *kăškăš* предполагает дистрибутивную ситуацию продажи элементов множества разным конечным посессорам, ср. ситуацию из (53a). Продажа множества объектов одному конечному посессору может быть описана конструкцией с глаголом *šuaš* (53b). Замена в последнем случае *šuaš* на *kăškăš* приемлема не во всех идиолектах (53c). Те носители, для которых пример (53c) допустим, соотносят его с ситуацией, при которой продажа множественного объекта осуществлялась несколькими порциями (с ситуацией единовременной продажи всего множественного объекта пример (53c) несовместим).

- (53) a. *kečä mâčkâ pazar-âštâ âl-ân-am, cilä olma-m*
день по рынок-IN быть-PRET-1SG все яблоко-ACC
văžal-en šu-en-äm / văžal-en kăšk-en-äm
продавать-CVB бросить-PRET-1SG продавать-CVB бросать-PRET-1SG
'Я целый день была на рынке, распродала все яблоки'.

- b. *mән' cilä olma-m vas'a-lan vāžal-en šu-en-üm*
я все яблоко-ACC Вася-DAT продавать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Я продала все яблоки Васе’.
- c. *²mән' cilä olma-m vas'a-lan vāžal-en kăšk-en-üm*
я все яблоко-ACC Вася-DAT продавать-CVB бросать-PRET-1SG
‘Я продала все яблоки Васе (²несколькими порциями / *все сразу)’.

Указанное различие между предикатами *šuaš* и *kăškăš* в сложных глагольных комплексах мотивировано их исходной семантикой. Как было показано в разделе 2.1, в прямом значении глагол *šuaš* описывает ситуацию единичного броска, а глагол *kăškăš* — ситуацию множественных бросков. Семантика множественности важна именно для *kăškăš* и в рассматриваемых нами конструкциях, где он требует множественности объекта, результата или, в случае глагола *vāžalaš* ‘продавать’, конечного possessора. В свою очередь в конструкциях с грамматикализированным глаголом *šuaš* ограничение числовых характеристик объекта не возникает (за исключением глаголов обработки и создания нового объекта, рассмотренных в разделе 3.3.2). В предшествующих работах такие свойства конструкций с *šuaš* и *kăškăš* проанализированы в явном виде не были.

3.6. Сопоставление конструкций: контролируемость

Конструкции с *šuaš* и *kăškăš* различаются и своей сочетаемостью с адвербиалами, указывающими на контролируемость или неконтролируемость ситуации. Так, сочетание с целевым наречием *jori* ‘специально’ допустимо для обеих конструкций, см. (54a) и (55a). В свою очередь такие адвербиалы, как *jori agâl* ‘не специально’ и *samân* ‘случайно’, возможны только при конструкции с *šuaš*, но не при конструкции с *kăškăš*, см. (54b) и (55b).

- (54) a. *mән' jori pi budkâ-m pādârt-en šu-š-âm / pādârt-en kăšk-ăš-âm*
я специально собака будка-ACC ломать-CVB бросить-AOR-1SG ломать-CVB бросать-AOR-1SG
‘Я специально сломал собачью будку’.
- b. *mән' jori agâl pi budkâ-m pādârt-en šu-š-âm / *pādârt-en kăšk-ăš-âm*
я специально NEG собака будка-ACC ломать-CVB бросить-AOR-1SG ломать-CVB бросать-AOR-1SG
‘Я нечаянно сломал собачью будку’ (например, задев чем-то громоздким при строительных работах).
- (55) a. *vas'a cilä dokum'ent-vlä-m jori port'-en šu-en / port'-en kăšk-en*
Вася все документ-PL-ACC специально портить-CVB бросить-PRET портить-CVB бросать-PRET
‘Вася все документы специально испортил’.
- b. *vas'a cilä dokum'ent-vlä-m samân' port'-en šu-en / *port'-en kăšk-en*
Вася все документ-PL-ACC ошибочно портить-CVB бросить-PRET портить-CVB бросать-PRET
‘Вася все документы по ошибке испортил’.

По корпусу экспедиционных текстов мы имеем возможность оценить только конструкции с *šuaš* (конструкции с *kăškăš*, напомним, в текущей версии корпуса не встретились). Они встречаются как в контекстах, предполагающих неконтролируемое действие, так и в очевидно контролируемых контекстах (к такому же выводу привело и анкетирование носителей). Например, в (56) глагол *šuaš* в сочетании с глаголом *jâlataš* ‘жечь’ маркирует ситуацию ожога, который может получить человек, уснувший на печи и не контролирующей эту ситуацию. Пример (57), напротив, описывает процесс сенокоса, безусловно контролируемый агенсом.

- (56) *ti mongâr-ăštâ amal-at, jâlat-en šu-en kerd-ät molo,*
этот сторона-IN спать-NPST.3PL жечь-CVB бросить-CVB мочь-NPST.3PL еще
kogo-n šokšâ vâl-n-et-šâ
большой-ADV горячий верх-IN2-POSS.2SG-POSS.3SG
‘С этой стороны [печи — E. K.] спят, могут получить ожог, очень жарко наверху-то’. (Корпус)
- (57) *šudâ kušk-ân šo-n, sâ don sal-en šu-en-ät*
трава расти-CVB достигать-PRET коса с косить-CVB бросить-PRET-3PL
‘Трава выросла, косой ее скосили’. (Корпус)

Тем самым, наш материал в значительной степени противоречит сделанным в ряде работ предшественников утверждениям о том, что конструкции с *šuaš* и *kăškăš* описывают неконтролируемые действия

(см. такое толкование в [Krasnova et al. 2017: 166—167] для конструкций с обоими глаголами и в [Пенгитов и др. 1961: 206—207] для конструкций с *käškäš*). Для конструкций с *käškäš* в исследуемом идиоме такая характеристика некорректна, поскольку они описывают целенаправленные действия и не сочетаются с адвербиалами противоположной семантики. Для конструкций с *šuaš* эта характеристика неточна, поскольку они совместимы и с контролируруемыми, и с неконтролируемыми ситуациями. Заметим, что данное различие не может быть прозрачно выведено из исходной семантики глаголов *šuaš* и *käškäš*: оба они описывают контролируемые броски, тогда как близкая к полю бросания неконтролируемая ситуация ‘ронять’ описывается в горномарийском языке глаголом *kenvactaraš*, являющимся каузативным производным от *kenvazaš* ‘падать’. На это указывают как наши полевые данные, так и словарь [Саваткова 2008: 89].

4. Заключение

В статье на материале горномарийского языка были рассмотрены сложные глагольные комплексы с грамматикализованными предикатами *šuaš* ‘бросить’ и *käškäš* ‘бросать’. Показано, что, как ранее и отмечалось нашими предшественниками, эти конструкции описывают достижение предела некоторым процессом, чаще всего развивающимся с высокой скоростью. Это не противоречит и типологическим предсказаниям о моделях грамматикализации лексем с исходной семантикой бросания.

Мы описали семантические ограничения, накладываемые в этих конструкциях на смысловые глаголы (чего не было сделано в предшествующих исследованиях марийских языков; в типологии этот аспект также не исследован). В первую очередь в сложных глагольных комплексах с предикатами *šuaš* и *käškäš* встречаются глаголы разрушения, уничтожения или удаления пациенса. При наличии семантически множественного объекта с обоими предикатами сочетаются также глаголы обработки (как ‘мыть’ или ‘гладить’) и глагол смены посессора ‘продавать’. Только с предикатом *šuaš* во многих идиолектах сочетаются глаголы создания нового объекта (лишь в том случае, если этот объект множественный, а информация о его создании или о необходимости такового находится в прагматической пресуппозиции).

Между сложными глагольными комплексами с лексемами *šuaš* и *käškäš* имеется два важных отличия, ранее не описанных в литературе. Во-первых, конструкции с *käškäš* во всех случаях предполагают наличие семантически множественного участника — объекта, результата или конечного посессора (для конструкций с *šuaš* такое ограничение возникает только в отмеченных выше периферийных случаях, но не в сочетаниях с глаголами разрушения, уничтожения или удаления). Это ограничение может быть объяснено тем, что глагол *käškäš*, в отличие от *šuaš*, исходно описывает ситуации множественного бросания. Во-вторых, глагол *šuaš* совместим и с контролируруемыми, и с неконтролируемыми ситуациями, а глагол *käškäš* — только с контролируруемыми.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IN — инессив
ACC — аккузатив	IN2 — второй (непродуктивный) инессив
ADD — аддитивная частица	INF — инфинитив
ADV — наречие	ITER — итератив
AOR — аорист (1-е прошедшее время)	KIN — маркер некоторых терминов родства
CAUS — каузатив	LAT — латив
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NEG — отрицание
COM — комитатив	NMLZ — номинализация
CVB — конверб (деепричастие)	NPST — непрошедшее время
DAT — датив	PL — множественное число
DETR — детранзитивизатор	POSS — посессивность
EL — элативный послелог	PRET — претерит (2-е прошедшее время)
FULL — полная форма	PROP — проприетив
GEN — генитив	PTCP.ACT — активное причастие
ILL — иллатив	PTCP.PASS — пассивное причастие
ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив	SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

Васикова 1996 — *Васикова Л. П.* Горномарийское языкознание: современное состояние и перспективы развития // Тезисы докладов международной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 28—31. {*Vasikova L. P.* Hill Mari linguistics: contemporary state and development perspectives // Structure and development of Finno-Volgaic languages: Book of abstracts. Yoshkar-Ola, 1996. P. 28—31.}

Голосов 2017 — *Голосов Ф. В.* Брось, оставь и уйди: легкие глаголы *koltaš*, *šuaš* и *keäš* в горномарийском языке и их аспектуальная семантика // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23—25 ноября 2017 г.) / Отв. ред. *Мищенко Д. Ф.* СПб, 2017. С. 32—34. {*Golosov F. V.* Throw, leave and go: light verbs *koltaš*, *šuaš* and *keäš* in Hill Mari and their aspectual semantics // 14th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Abstracts (Saint-Petersburg, 23—25 November 2017) / Ed. *Mishchenko D. F.* SPb, 2017. P. 32—34.}

Гращенков 2015 — *Гращенков П. В.* Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. {*Grashchenkov P. V.* Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. M., 2015.}

Гращенков 2017 — *Гращенков П. В.* Конструкции со вспомогательными глаголами (КВГ) // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. *Татевосов С. Г.*, *Пазельская А. Г.*, *Сулейманов Д. Ш.* М., 2017. С. 418—447. {*Grashchenkov P. V.* Serial verb constructions (SVC) // Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect / Ed. *Tatevosov S. G.*, *Pazelskaya A. G.*, *Suleymanov D. Sh.* M., 2017.}

Ивтушок 2015 — *Ивтушок Е. И.* Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Под ред. *Лютиковой Е. А.*, *Циммерлинга А. В.*, *Коношенко М. Б.* М., 2015. С. 114—122. {*Ivtushok E. I.* Verbs of throwing in a lexical-typological view // Typology of morphosyntactic parameters. Materials from the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. Vol. 2. Ed. *Lyutikova E. A.*, *Zimmerling A. V.*, *Konoshenko M. B.* M., 2015.}

Ивтушок 2016 — *Ивтушок Е. И.* К типологии глаголов со значением «бросать» // Проблемы лексико-семантической типологии. Сб. науч. трудов. Под ред. *Кретова А. А.* Вып. 3. Воронеж, 2016. С. 72—77. {*Ivtushok E. I.* On the typology of verbs of throwing // Problems of lexical-semantic typology. Collection of articles. Ed. *Kretov A. A.* Vol. 3. Voronezh, 2016. P. 72—77.}

Кашкин 2018 — *Кашкин Е. В.* Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.). Сборник статей. Чебоксары, 2018. С. 178—184. {*Kashkin E. V.* Grammaticalization of Hill Mari posture verbs // Language contacts of the Volga and Ural peoples. XI International Symposium (Cheboksary, May 21—24, 2018). Collection of articles. Cheboksary, 2018. P. 178—184.}

Кашкин, Мордашова 2017 — *Кашкин Е. В.*, *Мордашова Д. Д.* Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка // Доклад на Рабочем совещании по глаголам падения в языках мира (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 26 ноября 2017 г.). {*Kashkin E. V.*, *Mordashova D. D.* Polysemy and grammaticalization of the verbs of throwing: evidence from Hill Mari // Talk at the Workshop on the verbs of falling in languages of the world (Saint-Petersburg, ILS RAS, November 26th, 2017.}

Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. {*Maisak T. A.* Typology of grammaticalization of the constructions with motion verbs and posture verbs. M., 2005.}

Мищенко 2013 — *Мищенко Д. Ф.* Об одном сложном глаголе: конструкция *-p tor-* в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН). 2013, 3. С. 107—141. {*Mishchenko D. F.* On a complex verb in Bashkir: The *-p tor-* construction // Acta Linguistica Petropolitana. 2013, Vol. 3. P. 107—141.}

Мордашова 2017 — *Мордашова Д. Д.* Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Доклад на Чтениях к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (Москва, МГУ, 3—4 марта 2017 г.). {*Mordashova D. D.* Specifics of the lexical-semantic field of throwing in Hill Mari (based on the sub-dialect of the Kuznetsovo village) // Report at the A. Kuznetsova 85th anniversary conference (Moscow, MSU, 3—4 March 2017).}

Пенгитов и др. 1961 — Ред. *Пенгитов И. Т.*, *Галкин И. С.*, *Исанбаев Н. И.* Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961. {Ed. *Pengitov I. T.*, *Galkin I. S.*, *Isinbaev N. I.* The Modern Mari language. Yoshkar-Ola, 1961.}

Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Szombathely, 2002. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language. Szombathely, 2002.}

Саваткова 2008 — *Саваткова А. А.* Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008. {*Savatkova A. A.* Dictionary of the Hill Mari language. Yoshkar-Ola, 2008.}

Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. {*Serebrennikov B. A.* Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of Permian and Volgaic groups. M., 1960.}

СМЯ — Словарь марийского языка: в 10 т. Гл. ред. *И. С. Галкин*. Йошкар-Ола, 1990—2005 // www.marlamuter.org/muter/ {Dictionary of the Mari language. In 10 volumes. Ed. *I. S. Galkin*. Yoshkar-Ola, 1990—2005 // www.marlamuter.org/muter/}

Татевосов 2016 — *Татевосов С. Г.* Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016. {*Tatevosov S. G.* Verb classes and the typology of actionality. M., 2016.}

Хонти 2013 — *Хонти Л.* К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Урало-алтайские исследования. 2013, 2 (9). С. 109—113. {*Honti L.* On the origins of paired verbs (serial verbs) in the Finno-Ugric languages of the Volga-Kama region // Ural-Altaic Studies. 2013. Vol. 2 (9). P. 109—113.}

Чхаидзе 1941 — *Чхаидзе М. П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941. {*Chkhaidze M. P.* Syntax of Meadow Mari. M., 1941.}

Чхаидзе 1969 — *Чхаидзе М. П.* Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969. {*Chkhaidze M. P.* Paired verbs in Mari. Yoshkar-Ola, 1969.}

Шлуинский 2006 — *Шлуинский А. Б.* Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006, 1. С. 32—47. {*Shluinskiy A. B.* Actionality and an aspectual marker: the auxiliary verb *il-* construction in Chuvash // Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2006, Vol. 1. P. 32—47.}

Языки народов СССР 1966 — Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. {Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966.}

Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.

Baranova 2013 — *Baranova V.* Grammaticalization and semantics of complex predicates in Kalmyk // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2013. Vol. 94. P. 9—35.

Bradley 2010 — *Bradley J.* Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna, 2010.

Dowty 1991 — *Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991, 67 (3). P. 547—619.

Driussi 1992—1993 — *Driussi P.* Paired verbs — serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1992—1993. Vol. 16—17. P. 59—105.

Heine, Kuteva 2004 — *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2004.

Hook 1991 — *Hook P.* The emergence of perfective aspect in Indo-Aryan languages // Approaches to grammaticalization. Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Ed. by Traugott E., Heine B. Amsterdam/Philadelphia, 1991. P. 59—89.

Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P., Thompson S.* Transitivity and grammar and discourse // Language. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Hopper, Traugott 2003 — *Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization. Cambridge, 2003.

Krasnova et al. 2017 — *Krasnova N., Yefremova T., Riese T., Bradley J.* Reading Hill Mari through Meadow Mari. Vienna, 2017.

Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.

Lehmann 2015 — *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization (3rd edition). Berlin, 2015.

Malchukov 2005 — *Malchukov A.* Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case / Eds. *Amberber M., de Hoop H.* London, New York, 2005. P. 73—117.

Moisio, Saarinen 2008 — *Moisio A., Saarinen S.* Tscheremissisches Wörterbuch / aufgezeichnet von V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen. Helsinki, 2008.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается грамматикализация двух глаголов бросания — *šuaš* и *käškäš* — в составе сложных глагольных комплексов в горномарийском языке. Обсуждаются некоторые морфосинтаксические свойства данных конструкций. Рассматриваются сочетаемостные ограничения предикатов *šuaš* и *käškäš* в сложных глагольных комплексах. Анализируются сходства и различия двух конструкций.

SUMMARY

The article deals with the grammaticalization undergone by two verbs of throwing — *šuaš* and *käškäš* — in Hill Mari complex predicates. Some morphosyntactic properties are discussed, as well as the collocational re-

strictions of *šuaš* and *käškäš* in complex predicates. Similarities and differences between the constructions are also analyzed.

Ключевые слова: горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, семантика, грамматикализация, глаголы бросания

Keywords: Hill Mari, complex predicates, semantics, grammaticalization, verbs of throwing

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); egorkashkin@rambler.ru

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow); egorkashkin@rambler.ru

«Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» (1900) святого Макария: именная морфология¹

1. Введение

Данная статья посвящена описанию морфологии имени существительного в памятнике селькупской письменности св. Макария. Данный диалект не совпадает полностью с диалектами, описанными в других работах, и несет в себе древние черты. Данная работа преследует две цели: 1) дескриптивная — описать этот идиом; 2) сопоставительная — сравнить морфологические данные идиома этого памятника с другими диалектами селькупского языка и выявить его особенности.

При описании текстов св. Макария особое внимание уделялось анализу имени существительного, представленного в морфологиях по центральным, южным [Беккер и др. 1995а, Кузнецова 1995] и северным [Кузнецова и др. 1980] диалектам селькупского языка, применялись принципы подачи материала, использованные в них. Особое внимание уделялось фонологической транскрипции, переводу и комментариям Х. Катца к текстам св. Макария [Katz 1976]. В качестве основных словарей использовались «Селькупско-русский диалектный словарь» [Быконя 2005], “Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo” [Alatalo 2004] и «Северноселькупский словарь» [Хелимский 2007].

В текстах св. Макария представлено довольно большое разнообразие свободных алломорфов, что объясняется возможной нечеткостью записей. Также встречаются неправильные или приблизительные переводы частей предложений, что затрудняет интерпретацию. Однако в целом перевод текстов и качество записей позволяют провести их последовательный анализ.

В нашем исследовании в качестве основной мы будем использовать классификацию селькупских диалектов Т. Янурика, дополненную С. В. Глушковым, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой, согласно которой селькупский язык можно подразделить на три диалектные группы — северную, центральную и южную [Глушков и др. 2013: 49—54].

Северная группа включает следующие диалекты: 1) тазовский; 2) ларьякский (верхнетолькинский); 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баихинский (баишенский); 6) елогуйский. Этнонимическое название данной части селькупов — селькуп.

Центральная группа включает следующие диалекты: 1) ваховский; 2) тымский; 3) васюганский; 4) нарымский. Этнонимическое название данной части селькупов — ч у м ы л ь к у п.

Южная группа² включает следующие диалекты: 1) среднеобской — р. Обь (среднее течение Оби на территории Томской области), поселки Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаво, Конерово, Островные, Колпашево, Баранакново, Тискино, Костенькино, Ново-Сондрово; 2) чайнский — р. Чай, позднее данные по этому диалекту фиксировались на р. Обь в поселках Старо-Сондрово, Чалково, Тайзаково, куда, вероятно, переехали жители р. Чай; 3) кетский — р. Кеть, поселки Белый Яр, Карелино, Мулекша, Клюквенка, Тайна, Алипка, Максимкин Яр, Степановка, Меташкино, Пирино, Усть-Озерное, Урлюково, Лукьяново, Зубреково, Марково, Лосиноборск, Налимкино, Айдара, Маковское; 4) верхнеобской — р. Обь от устья р. Чулым до южной границы среднеобского диалекта; 5) чулымский — по р. Чулым до среднего его течения, а также в районе впадения в р. Обь. Этнонимическое название данной части селькупов — ш ё ш к у м и ш ё ш к у п, т ю й к у м, с ю с с ы к у м (с ю с с о - к о й к у м).

В тексте также используется дополнительная классификация, в соответствии с которой выделяются следующие диалекты: 1) тымский (тымские, высюганские и чижапские чумылькупы); 2) обской диалект

¹ Анализ материала выполнен при поддержке гранта РФФИ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. — В. М. Алпатов); создание корпуса <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/106079/perspective/1606/106082/view>, материал которого лег в основу статьи выполнен при поддержке гранта Правительства России № 14.Y26.31.0014 (Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур).

² Южная группа представлена нами подробно, так как диалект текстов Макария входит именно в нее.

от Нарыма до Колпашево (среднеобские говоры чумьлькупов, среднеобские говоры шешкупов, верхнеобские говоры сюсюкумов выше Колпашево); 3) кетский диалект (кетские сюсюкумы) [Беккер и др. 1995а: 23].

Анализируя тексты св. Макария, Х. Катц предполагает, что данный материал принадлежит к варианту, связывающему центральные и южные диалекты, а также приводит этому подтверждения [Katz 1976: 10—13]. Ссылаясь на К. Доннера, он приводит в нем ряд черт, присущих чаинскому диалекту [Там же]. Однако Х. Катц затрудняется дать окончательную оценку данному материалу. Е. А. Хелимский упоминает материалы св. Макария как среднеобские селькупские религиозные тексты [Helimski 1997]. Последние данные (см. раздел 2 «Краткая информация по памятнику и информантам») позволяют нам говорить о том, что данный памятник селькупской письменности представлен иванкинским говором, входящим в среднеобской диалект селькупского языка. Согласно дополнительной диалектной классификации он локализуется в среднеобских говорах шешкупов. Анализируемый материал является одним из первых памятников письменности на иванкинском диалекте, наименее подвержен влиянию русского языка и несет в себе уникальные древние черты.

2. Краткая информация по памятнику и информантам

Оригинал памятника опубликован в книге Х. Катца «Selkupica 2. Erzbischof Makarijs Besedy ob Istinnom Boge i Istinnoj Vere na Narecii Obskich Ostjakov von 1900» [Katz 1976]. Х. Катц произвел попытку восстановления фонологической транскрипции памятника, предложил свой уточняющий перевод всех предложений и подробно прокомментировал наиболее сложные и запутанные места. В конце работы представлен глоссарий к проанализированным текстам. Также Х. Катц кратко обсуждает профессиональную деятельность св. Макария и диалектную принадлежность записанных им материалов.

Х. Катц сделал довольно много для описания текстов св. Макария, однако в его работе отсутствует структурный подход, что не позволяет увидеть все фонетические, морфологические и синтаксические особенности данного памятника, а, следовательно, и полноценно сравнить его с другими диалектами и говорами селькупского языка и использовать в компаративистских целях. Также были проинтерпретированы некоторые проблемные места, оставленные Х. Катцом под вопросом.

Книга св. Макария «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» состоит из предисловия, основной части и приложения и включает в себя 34 страницы. Во введении обсуждаются методы и особенности работы св. Макария с информантами, в приложении советы для желающих изучить остяцкий язык. Основная часть состоит из пяти разделов: 1) О создании неба и земли; 2) О пришествии на землю Сына Божьего для спасения мира; 3) Учение Господа нашего Иисуса Христа; 4) Божьего Сына страдание, смерть, в третий день воскресение, на небо вознесение; 5) Когда эта земля и людей жизнь кончится. Памятник включает в себя 201 предложение³ и 1878 лексем.

Отличительной особенностью памятника является то, что перевод на селькупский язык был сделан с алтайского языка, а к селькупскому был приложен буквальный русский перевод [ОТК 1901: 5]. Такой перевод оказался для селькупов «чрезвычайно пригодным и удобопонятным», как показали неоднократно устраиваемые св. Макарием во время поездки по Нарымскому уезду чтения этих переводов селькупам [ОТК 1901: 5—6].

В составлении текстов приняли участие два информанта: Роман Сергеевич Тобольжин и Никифор Максимович Тобольжин [Дульзон 1952: 278]. Р. С. Тобольжин родился в Иготкино — 12 км. от Иванкино. Переехал в Иванкино в 1917 г. На момент записи данной информации А. П. Дульзоном в 1952 г. Р. С. Тобольжину было 77 лет (примерно 1875 г. рождения). По словам Р. С. Тобольжина, когда ему было 22 года (примерно в 1897 г.), он и Никифор Максимович Тобольжин ездили в Томск к архиерею переводить священное писание [Дульзон 1952: 262, 278]. Далее в архиве представлена не совсем согласованная запись: «Говорит, что книгой видел, потом 18 дней были о Макарий епископ. Второй раз ездил по этому же делу за Новосибирск в Берск⁴. 15 дней были там. Епископ жил у Горохова — это буржуй был» [Дульзон 1952: 262, 278].

Эти данные подтверждаются другим источником. Согласно отчету Томского комитета Православно-го миссионерского общества за 1900 год для инородцев Нарымского края епископом Макарием были составлены и изданы «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии Обских остяков». Беседы эти составляют первый опыт изложения христианского вероучения на языке Нарымских остяков. При их

³ Сюда входят все сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, которые не дробились на совокупность главных и зависимых.

⁴ Имеется в виду Бердск.

составлении принимали участие специально вызванные в Томск инородцы Парабельской волости Никифор и Роман Тобольжины [ОТК 1901: 5]. Там же сказано, что двум инородцам Нарымского края Никифору и Роману Тобольжиным за участие в миссионерских переводах и на проезд до места жительства было выделено 45 р. [ОТК 1901: 10—11].

Фотография Р. С. Тобольжина, сделанная А. П. Дульзоном, сейчас хранится в Томском краеведческом музее [Сайнакова 2015: 49]. Каких-либо точных данных о месте рождения и проживания Н. М. Тобольжина на данный момент не обнаружено.

3. Диалектологические критерии

Далее представлен набор критериев, демонстрирующих распределение признаков свойственных северным, центральным и южным диалектам селькупского языка. Данные признаки выявлены при сравнении данных за XIX в. и более ранних материалов [Хелимский 1985].

1) Распределение носовых смычных в ауслауте: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-t (~ Ø)*;

2) Рефлексы интервокального **-ŋ-*: Сев. *-ŋ-*; Центр. *(-y- или -w-)*; Юж. *Ø*;

3) Рефлексы интервокального **-m-*: Сев. *-m-*; Центр., Юж. *-w-* (иногда с дальнейшим стяжением);

4) Переход **š^j > s*: Сев., Центр. *š^j*; Юж. *s*;

5) Отличительной чертой нарымского диалекта является развитие **s > h, χ-* и **ps > f*. На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением *h, f* вместо **s, *ps* (записи М. А. Кастрена);

6) В ряде слов самод. **j* отражен в южноселькупском не как *tⁱ* или *čⁱ*, а как *k*;

7) Отличительной особенностью кетского диалекта служит удлинение согласного, расположенного в начале слога и следующего за кратким гласным или сонантом;

8) Диалектологическое соответствие: Сев. *p, t, k, q*; Центр., Юж. *b, d, g, ɣ* (данный критерий назван диалектологическим и большими оговорками);

9) Недостаточно четким диалектологическим критерием является следующее соответствие: Юж. *čⁱ*; Сев., Центр. *čⁱ*;

10) Сомнения вызывает использование в качестве диалектологического критерия соответствия для южных диалектов *-j* и центральных *-l/-lⁱ*. В обском диалекте чередование *-j* и *-l/-lⁱ* представлено по крайней мере на уровне морфонологии, в том числе на стыках слов;

11) Для центральных и южных диалектов (в меньшей мере для кетского) характерно расширение гласных первого слога, затронувшее главным образом краткие гласные верхнего подъема **ü, *j, *u, *e*;

12) К фонетическим вариациям более позднего происхождения относятся соответствия: Юж., Центр. *č*; Сев. *t* и Юж., Центр. *kw, qw, tw, čw/čⁱw*; Сев. *k, q, t, č*.

При анализе данных по морфологии имени существительного в тексте св. Макария были получены новые данные по следующим изоглоссам: 1) распределение носовых смычных в ауслауте; 2) развитие **s* и **ps*. Обсуждение данных признаков следует далее в тексте работы.

4. Морфология имени существительного

В морфологии имени существительного обсуждаются: 1) категории числа, падежа, посессивности, одушевленности/неодушевленности; 2) предикативные, адъективные и адвербиальные формы существительного; 3) образование имен существительных: существительные-композиаты, существительные-дериваты, субстантивированные прилагательные, субстантивированные причастия, субстантивированные деепричастия, субстантивированные глаголы, а также проблемные места.

4.1. Категории имени существительного

4.1.1 Категория числа

В именной морфологии селькупского языка выделяется единственное, двойственное и множественное число. В проанализированном материале зафиксировано только единственное и множественное число существительных. Единственное число не маркируется, множественное имеет показатель *-ла* (*-лу, -ле*). Приведем несколько примеров.

SG — PL

По — *по-ла* ‘дерево — деревья’*Пая(ндысе)* — *пая-ла(ндысе)* ‘жена — жены’*Кум* — *ку-ла* ‘человек — люди’*Ном* — *ну-ла* ‘бог — боги’*Мы* — *мы-ла* ‘вещь — вещи’*Апостол* — *Апостол-ла* ‘апостол — апостолы’*Грѣк* — *грѣк-ла(л)* ‘грех — грехи’*Няльгум* — *няльгу-ла(м)* ‘женщина — женщины’(1) *Тау по-ла-кын* оккур *по* эй-г-ан.

это дерево-PL-LOC1 один дерево быть-EP-PRS.3SG.sub

‘В этих деревьях одно дерево было’ [Макарий 1900: 3].

Далее представлена сопоставительная Таблица 1 показателей множественного числа по диалектам на основе сопоставительной таблицы В. В. Быконя и материалов Н. П. Григоровского (предположительно Костёнкино)⁵. [Быконя 2005: 319; Григоровский 1879а; 1879б]. Для северного (тазовский) и центральных диалектов (тымский «чумылькупы на Тyme», «чумылькупы на Васюгане») характерно использование показателя множественного числа *-t(V)*. Для среднеобских говоров (чумылькупы), входящих в центральную диалектную группу, характерно использование маркеров множественного числа *-t(V)* и *-la*. Во всех южных диалектах используется маркер множественного числа *-la*.

Таблица 1. Показатели множественного числа в селькупских диалектах

Диалекты и говоры	<i>-t(V)</i>	<i>-la</i>
Тазовский д. (селькупы)	+	–
Тымский д. (чумылькупы на Тyme)	+	–
Тымский д. (чумылькупы на Васюгане)	+	–
Среднеобские гов. (чумылькупы)	+	+
Среднеобские гов. (шѣшкупы)	–	+
Св. Макарий	–	+
Н. П. Григоровский	–	+
Верхнеобские гов. (сюсюкумы)	–	+
Кетский д. (сюсюкумы)	–	+

Рассмотрев категорию числа можно сделать вывод о том, что маркирование множественного числа суффиксом *-la* объединяет материал текстов св. Макария и среднеобского говора шѣшкупов с южными диалектами. Кроме того, становится ясно, что вид показателя множественного числа — это важная изоглосса для определения северных, центральных vs. южных селькупских диалектов, которая не была учтена в классификации диалектных признаков, предложенной в [Хелимский 1985] и приведенной выше.

4.1.2 Категория падежа

В проанализированном материале представлены следующие падежи: Номинатив (NOM), Генитив (GEN), Аккузатив (ACC), Латив 1 (LAT1), Латив 2 (LAT2), Латив (LAT), Локатив 1 (LOC1), Локатив 2 (LOC2), Аблатив 1 (ABL1), Аблатив 2 (ABL2), Пролатив (PROL), Инструменталь (INSTR), Комитатив (COM), Каритив (CAR), Дестинатив (DEST), Транслатив (TRSL).

Но м и н а т и в. Имеет нулевой показатель. Как отмечает Э. Г. Беккер для селькупского языка, имя в именительном падеже может разделять сферу функционирования родительного, дательного-направительных и местных падежей, а также выражать субъект и объект действия [Беккер и др. 1995а: 160–161]. В тексте памятника Номинатив используется для выражения субъекта и объекта действия, а также может заменять Генитив — имя в Номинативе используется в качестве приименного определения.

⁵ Костёнкины юрты или Костёнкино, где предположительно были записаны первые переводы и оригинальные тексты с селькупского Н. П. Григоровского [Helimski 1983: 15]. Корпуса и конкордансы книг Н.П. Григоровского в настоящее время доступны онлайн: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/770/50863/perspective/770/50866/view>, <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/44084/perspective/1606/44087/view>, <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/776/28368/perspective/776/28369/view>, <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/74983/perspective/1606/74984/view>.

- (2) *Окыр Ном э-пп-ан.*
 один Бог быть-PSTN-3SG.sub
 ‘Один Бог был’ [Макарий 1900: 1].
- (3) *Аватти ку-ла нүү, варгы по Ну-н даре терби-мб-ат.*
 другой человек-PL камень большой дерево Бог-GEN подобно думать-PSTN-3PL
 ‘Некоторые (другие) люди камень, толстое дерево Богом считали’ [Макарий 1900: 7].
- (4) *Кум вачы-м Ном чу-гунто камбальджы-мб-ыт.*
 человек тело-ACC Бог земля-ABL1 создать-PSTN-3SG.ob
 ‘Тело человека Бог из земли создал’ [Макарий 1900: 2].

Генитив. Имеет показатель *-н* (*-ñ, -ни, -ны*). Присоединяется к основе имени и выполняет функцию приименного определения, а также употребляется с послелогоми.

- (5) *Нои-н эльмад-ла нәи а-вой әзү-мб-ат.*
 Ной-GEN ребенок-PL также не-хороший стать-PSTN-3PL
 ‘Ноевы дети также плохие стали’ [Макарий 1900: 6].
- (6) *Аватты ку-ла ну-н-шунч Ну-н даре терби-мб-ат.*
 некоторый человек-PL небо-GEN-нутро Бог-GEN подобно думать-PSTN-3PL
 ‘Некоторые люди небо почитали как Бога’ [Макарий 1900: 6—7].

Можно предположить, что некоторые падежи, в частности более позднего происхождения, образованные от послелогов, иногда могут присоединяться к основе через маркер Генитива, например, такие как Локатив 2, Аблатив 2, Дестинатив, Комитатив и возможно некоторые другие.

- (7) *Нашакын ку-ла Ну-н-нанто кван-б-ат, лозы-н уто-нто кван-(н)-ат.*
 тогда человек-PL Бог-GEN-ABL2 пойти-PSTN-3PL дьявол-GEN руки-LAT1 пойти-PSTN-3PL
 ‘Когда люди от Бога отпали, дьяволу в руки попали’ [Макарий 1900: 7].
- (8) *Ас кай-гынто, оккур эжы-н-се камбальджы-мб-ат.*
 NEG что-ABL1 один слово-GEN-COM сотворить-PSTN-3SG.ob
 ‘Из ничего (не из чего), одним словом сотворил’ [Макарий 1900: 1].

Также маркер Генитива в определенных позициях предшествует посессивным суффиксам (см. 4.1.3 Категория посессивности).

Аккузатив. Имеет показатели *-м* (*-ми, -мь*) и *-н*, которые являются полными эквивалентами. В книге св. Макария «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» зафиксировано 73 случая использования маркера Аккузатива *-м* и 8 случаев использования маркера Аккузатива *-н* с существительными и именами действия. Г. Дечи отмечает, что в уральских языках главной функцией Аккузатива на *-м* является придание субъекту, объекту или именной части составного сказуемого дефинитного статуса [Décsy 1990: 69]. Использование немаркированного и маркированного прямого дополнения, как в южных диалектах селькупского языка, так и в представленном памятнике требует дальнейшего обсуждения.

- (9) *Ман нядгъкопы эйзай, тий поркы-м ме-з-ылт.*
 1SG голый быть-PST-1SG.sub 2PL одежда-ACC дать-PST-2PL
 ‘Я наг был, вы одежду дали’ [Макарий 1900: 26].
- (10) *Кушакын Таст нядгъкопы-н кондыр-с-ут, поргы-н ме-с-ут?*
 когда 2SG.ACC голый-ADVz видеть-PST-1PL одежда-ACC дать-PST-1PL
 ‘Когда тебя нагим видели, одежду дали?’ [Макарий 1900: 26].

Под вопросом остается маркирование Аккузативом на *-м* прямого дополнения (имени) оканчивающегося на *м*, например, *нәлькум* ‘женщина’, *тыбикум* ‘мужчина’. Происходит ли упрощение гемитаты $m+m > m$ (*нәльку-м* вместо *нәлькум-ым**, *нәлькум-м**), как например утверждает [Морев 1979: 239], или данные существительные в позиции прямого дополнения не имеют выраженного морфологического показателя Аккузатива? В нашем случае невозможно точно сказать, т. к. число безаккузативных прямых дополнений в тексте довольно велико.

- (11) *Ном тыб-и-ку-н кōду-л-ла-гыйнта нйлькум камбальджы-мб-ат.*
 Бог мужчина-ADJz-человек-GEN бок-ADJz-кость -ABL женщина сотворить-PSTN-3SG.ob
 ‘Бог из ребра мужчины жену создал’ [Макарий 1900: 2].

Также встретилось 2 случая употребления Аккузатива на -м с именем действия. В очерках по тазовскому диалекту селькупского языка отмечается, что имя действия сохраняет модель управления глагола, кроме субъекта, который, как правило, маркируется Генитивом [Кузнецова и др. 1980: 251]. В следующем примере два существительных с маркером Аккузатива можно проинтерпретировать, как объекты от перешедшего в имя действия глагола *камбальджи-* ‘создать’ с сохранением модели управления глаголом.

- (12) *Ну-н-шунчи-м ай чуочы-м камбальджи-ни.*
 небо-GEN-нутро-ACC и земля-ACC создать-NMNLZ
 ‘Неба и земли создание’ [Макарий 1900: 1] (см. этот же пример № 70).

Л а т и в 1 (и л л а т и в). Имеет показатели *-нт* (*-нты*, *-нты*, *-нто*) и *-т* (*-ты*). Обозначает место, в котором действие заканчивается для неодушевленных существительных; может оформлять адресат действия [Кузнецова и др. 1980: 180]. В материалах св. Макария маркирует только неодушевленные имена.

- (13) *Иусус Христос чуочо-нт Он-чь түй-мб-а(т).*
 Иисус Христос земля-LAT1 сам-3SG прийти-PSTN-3SG.sub
 ‘Иисус Христос на землю сам пришел’ [Макарий 1900: 17].
- (14) *Кушакын Таст квоя-ле кондыр-с-ут, мат-(т)ы ст үйды-с-ут?*
 когда 2SG.ACC ходить-CVB1 видеть-PST-1PL дом-LAT1 2SG.ACC пустить-PST-1PL
 ‘Когда Тебя странником видели и в дом (тебя) приняли?’ [Макарий 1900: 26].

Л а т и в 2 (д а т и в - а л л а т и в). Имеет показатель *-ни* (*-ны*, *-ний*, *-на*, *-н*). Обозначает адресат действия или место, в сторону которого направлено действие для неодушевленных существительных [Кузнецова и др. 1980: 180]. В материалах св. Макария маркирует в основном одушевленные имена. Зафиксировано всего 3 случая образования Латива 2 от неодушевленных имен или их субститутов.

- (15) *На ку-ни со-ñ э-нчи-ñ.*
 это человек-LAT2 хороший-ADVZ быть-FUT-3SG.sub
 ‘Тому человеку благо будет’ [Макарий 1900: 20].
- (16) *Ку-н кыча-ний кван-нат.*
 человек-GEN род-LAT2 пойти-IMP.2PL
 ‘Во вселенную (человеческий род) идите’ [Макарий 1900: 20].
- (17) *Тапы-нна такыл-быты Апостол-ла-т ку-й кыча-ны кван-б-ат.*
 3SG-LOC2 собрать.MLTPPL-PST.PTCP апостол-PL-POSS.3SG человек-ADJz ?род-LAT2 пойти-PSTN-3PL
 ‘Им избранные Апостолы во всю вселенную (в человеческий род) пошли’ [Макарий 1900: 20].
- (18) *Ну-н И-т Иусусь Христось чуочо-кын нагур квэ-н наксари*
 Бог-GEN сын-POSS.3SG Иисус Христос земля-LOC1 три излишек-GEN тридцать
по-н-т и по-н-т пеле-ка-н эла-мб-а.
 год-GEN-POSS.3SG и год-GEN-POSS.3SG половина-DIM-LAT2 жить-PSTN-3SG.sub
 ‘Божий Сын Иисус Христос на земле три к тридцати годам и года половину жил’ [Макарий 1900: 18].

Л а т и в (д а т е л ь н о - н а п р а в и т е л ь н ы й). Имеет показатель *-ге* (*-га*) и с именами употребляется только в посессивном склонении: *-ге+GEN+POSS*. Согласно Э. Г. Беккер является древним маркером Латива *-qV* [Беккер и др. 1995а: 171]. Используется с одушевленными и неодушевленными именами.

- (19) *Нашақы шидо ку-н гръг-ты эльмад-ла-га-ñ-ты кваны-м-ба.*
 тогдашний два человек-GEN грех-POSS.3DU ребенок-PL-LAT-GEN-POSS.3DU пойти-PSTN-3SG.sub
 ‘Первых двух людей грех к детям (их) перешел’ [Макарий 1900: 5] (см. этот же пример № 37).

Л о к а т и в 1. Имеет показатель *-гын* (*-кын*, *-гун*, *-кый*, *-ган*, *-кэн*, *-гый*), который в свою очередь восходит к Локативу на *-н*, осложненному коафиксом *-гы* [Helimski 1983: 35]. Не используется с одушевленными именами.

- (20) *Тап перге-гын-т Ну-н И-м-т эльмады-р-б-а.*
3SG чрево-LOC1-POSS.3SG Бог-GEN сын-ACC-POSS.3SG ребенок-VBLZ.TR-PSTN-3SG.sub
'Она в чреве Сына Божьего зачала' [Макарий 1900: 8].
- (21) *Нагур по-гын-т пеле-ка(н) Ну-й Он-ч өджи-м-т кат-ку-мб-ат.*
три год-LOC1-POSS.3SG половина-DIM бог-ADJZ сам-3SG слово-ACC-POSS.3SG сказать-НАВ-PSTN-3SG.ob
'Три года с половиной Божественное Свое слово сказывал' [Макарий 1900: 18—19].

Локатив 2. Имеет показатель *-нан* который восходит к коафиксу *-на* и показателю локатива *-н* [Беккер и др. 1995а: 181]. Маркирует только одушевленные имена. Данный падеж противопоставлен Локативу 1 по параметру одушевленность/неодушевленность.

- (22) *Ман Азе-у-нан эй-г-ан.*
1SG отец-POSS.1SG-LOC2 быть-EP-PRS.3SG.sub
'Я в Отце есмь' [Макарий 1900: 14].

Аблатив 1. Имеет показатель *-гынто* (*-гыйта*, *-кынто*, *-гунто*, *-кынты*, *-гынты*, *-гыйты*, *-гонды*, *-гайто*, *-гыйто*, *-контто*, *-гант*, *-кайтто*, *-кентто*). Данный маркер имеет позднее образование и реконструируется как *-qij* — локативно-аблативный формант + *-tV* — показатель аблатива [Беккер и др. 1995а: 186]. Используется с неодушевленными именами.

- (23) *На крѣх-но Ном ишне рай-кынто то такы-мб-ат.*
это грех-DEST Бог оба рай-ABL1 прочь выгнать-PSTN-3SG.ob
'За этот грех Бог их из рая изгнал' [Макарий 1900: 5].

Аблатив 2. Имеет показатель *-нанто* (*-нант*, *-нандо*). Маркер также имеет позднее образование и реконструируется как *-nap* — локативно-аблативный формант + *-tV* — показатель аблатива [Беккер и др. 1995а: 186]. Используется с одушевленными именами и противопоставляется Аблативу 1 по параметру одушевленность/неодушевленность. Зафиксирован всего 1 случай использования Аблатива 2 с неодушевленным существительным, что является нетипичным явлением.

- (24) *Кроста-н-зе ку-ла-м лозы-нанто то и-нч-ау.*
Крест-GEN-COM человек-PL-ACC дьявол-ABL2 прочь взять-FUT-1SG.ob
'Крестом людей от дьявола избавлю' [Макарий 1900: 18].
- (25) *Табы-ла-м кошт-ы мы-нанто то и-ку кык-елы-мб-а.*
3SG-PL-ACC вред-ADJZ вещь-ABL2 прочь взять-INF хотеть-INCH-PSTN-3SG.sub
'Их от зла избавить захотел' [Макарий 1900: 8].

Пролатив. Имеет показатель *-ун*.

- (26) *Ванта-ун-т пугул-б-ат, квой ме-ммы-нд-ыт.*
лицо-PROL-POSS.3SG подуть-PSTN-3SG.ob душа дать-PSTN-LTNT-3SG.ob
'В лицо вдунул (по лицу его дунул), душу дал' [Макарий 1900: 2].

Инструменталь. Имеет показатель *-н*. В текстах св. Макария зафиксирован всего один случай использования данного падежа.

- (27) *Он-ч орып-т сеи-н манны-мби-ле ады-лчы-ку-мб-ат.*
сам-3SG сила-POSS.3SG глаз-INSTR посмотреть-DUR-CVB1 виднеться-TR-НАВ-PSTN-3SG.ob
'Свою силу явственно показывал (чтобы глазами увидеть показывал)' [Макарий 1900: 19].

Комитатив (орудийно-совместный падеж). Имеет показатель *-се* (*-зе*).

- (28) *Табы-ла-н сельджи няи-се, кушшай-та квуель-зе кушшай э-пп-ат абс-ты-мб-ат.*
3SG-PL-ACC семья хлеб-COM сколько-INDEF рыба-COM сколько быть-PSTN-3PL еда-TR-PSTN-3SG.ob
'Их семью хлебами, несколькими (столькими-то) рыбами, сколько было накормил' [Макарий 1900: 12].

Каритив. Имеет показатель *-калык*. В южных и центральных диалектах селькупского языка имя, оформленное Каритивом, в отличие от наречия необладания, которое может иметь схожий маркер, нести

на себе посессивные суффиксы, а также модифицироваться указательными местоимениями и прилагательными, стоящими в препозиции к нему [Беккер и др. 1995а: 273]. Каритив и наречие необладания легко спутать, особенно если отсутствуют представленные критерии, а маркер наречия в ауслауте имеет показатель *-к* (см. [Хелимский 1985] о противопоставлении согласных *η* и *q* в ауслауте по диалектам): *-калык+к* > *-калык* ‘CAR+ADVz’. В материалах св. Макария такая двойная трактовка снимается наличием маркера наречия *-ñ* в ауслауте. *-калык+ñ* > *-калыñ* ‘CAR+ADVz’. Сравните, в первом примере используется маркер Каритива *-калык*, во втором маркер наречия необладания *-калыñ*.

- (29) *Шоршы-калык ай нельди гръга-м каиндуñ ме-кв-ендж-ау?*
стыд-CAR еще такой грех-ACC как сделать-НАВ-FUT-1SG.ob
‘Без стыда еще такой грех как буду делать?’ [Макарий 1900: 24].
- (30) *Сей-калыñ чела-м-быты ку-ни сей ме-ку-мы-нд-ат.*
глаз-CAR.ADVz свет-VBLZ-PST.PTCP человек-LAT2 зрение дать-НАВ-PSTN-LTNT-3SG.ob
‘Слепорожденным людям зрение давал’ [Макарий 1900: 10].

Дестинатив. Имеет показатель *-ко* или *-но*, что является стяженной формой от *-нко* > *нно* > *но* ‘GEN+DEST’. Как отмечает Э. Г. Беккер, в центральных и южных диалектах данный показатель можно называть Дестинативом-Транслативом, т. к. он может совмещать в себе функции назначительного, превратительно-целевого и превратительного падежа [Беккер и др. 1995а: 275]. В материалах св. Макария не встретилось примеров с данным маркером в качестве Транслатива, поэтому мы оставим название Дестинатив. Вероятно, функцию Транслатива полностью принял на себя маркер Транслатива *-гле* (см. Транслатив).

- (31) *Он-ч гръкы-н-ты-ко Ном-на аз олт-а ку-ла-ни Ну-ни*
сам-3SG грех-GEN-POSS.3SG-DEST Бог-LAT2 NEG молиться-PRS.3SG человек-PL-LAT2 Бог-LAT2
търбы-ральджи-ку түй-мб-аñ.
думать-CAUS-INF прийти-PSTN-3SG.sub
‘О своих грехах (за свои грехи) Богу не молящихся людей о Боге думать научить Я пришел’ [Макарий 1900: 18].

- (32) *Кум, лоз-но лары-мби-ле, кай э-пп-а,*
человек дьявол-DEST пугаться-DUR-CV1 что быть-PSTN-3SG.sub
со мы-т табы-ний ме-кку-ле үйбуру-мб-ат.
хороший вещь-POSS.3SG 3SG-LAT2 дать-НАВ-CV1 начать-PSTN-3SG.ob
‘Человек, дьявола боясь, что доброго было, ему приносить в жертву стал’ [Макарий 1900: 7].

Транслатив. Имеет показатель *-гле* (*-гиле*, *-угле*). Согласно Э. Г. Беккер используется в обских говорах и в кетском диалекте [Беккер и др. 1995а: 284].

- (33) *На со чвочо-н-т рае-гле ним-ни-мб-ат.*
это хороший место-ACC-POSS.3SG рай-TRSL имя-VBLZ.TR-PSTN-3SG.ob
‘Это прекрасное место раем назвал’ [Макарий 1900: 2].

Рассмотрим сопоставительные таблицы, демонстрирующие маркеры падежей по диалектам на основе материалов В. В. Быконя, очерков по тазовскому диалекту селькупского языка, переводных текстов Н. П. Григоровского и архивных материалов лаборатории языков народов Сибири (ЛЯНС) по иванкинскому говору селькупского языка (среднеобские говоры шёшкум/шёшкуп); отдельно рассматривались данные архивов ЛЯНС по разным диалектам для выявления аккузатива с показателем *-н* [Григоровский 1879а; 1879б; Архив ЛЯНС 1962—1985; Кузнецова и др. 1980: 171—183, 186; Быконя 2005: 320—325].

На основании данных из Таблицы 2 можно вывести следующее.

1) В кетском диалекте и диалекте св. Макария используется маркер Генитива *-н*. Во всех остальных диалектах — *-н/-т*. В диалекте Н. П. Григоровского маркер Генитива *-н* встречается в подавляющем числе случаев, в то время как маркер *-т* зафиксирован маргинально.

2) В кетском диалекте, диалекте книги св. Макария, диалекте книг Н. П. Григоровского используется маркер Аккузатива *-т*. В тазовском, тымском диалекте, и всех обских говорах (центральные и южные диалекты) — *-т/-р*. Во всех проанализированных диалектах за исключением тазовского отмечается использование Аккузатива *-н*.

Эти данные представляются достаточно интересными с точки зрения сопоставления их с общепринятой изоглоссой, приведенной в [Хелимский 1985]: 1) распределение носовых смычных в ауслауте:

Таблица 2. Субъектно-объектные падежи

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Обские говоры	Среднеобские говоры шёшкум / шёшкуп	Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект
Номинатив	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Генитив	-н, -н/-т	-н, -н/-т	-н, -н/-т	-н/-т	-н (-ñ, -ни, -ны)	-н ⁶	-н
Аккузатив	-т, -т/-р	-т, -т/-р; -н (1 случай)	-т, -т/-р, -н	-т/-р, -н	-т (-ми, -мь); -н	-т(ь), -н(ь)	-т; -н (-р)

Таблица 3. Падежи пространственно-временной ориентации

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Обские говоры	Среднеобские говоры шёшкум / шёшкуп	Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект
Латив 1 (Иллатив)	только для ед. ч.: -гу, -пу; только для дв. и мн. ч.: -кину, -киñи, -кин, -кинул, -кintу	-ти, -тиñ (-та, -тñ, -нд)	-ти, -тиñ (-ژه, -пژه)	-нд	-т (-ты) / -нт (-нты, -нты, -нто)	-ть / -нтъ	-ти, -тиñ (-ژه, -нд)
Латив 2 (Датив-Аллатив)	только для ед. ч.: -пул, -пул/-пул/-пу; только для дв. и мн. ч.: -кину, -киñи, -кин, -кинул, -кintу	-ñи (-н <-ñ*и)	-ñи (-н, -нə)	-ñи	-ни (-ны, -ний, -на, -н)	-ни (-нъ)	-ñи, -ñиñ (-не, -неñ)
Латив (дательно-направительный)				-qV + GEN + POSS			
Локатив 1	-гул, -гул/гул	-қиñ, -қиñ/-қит (-ғит)	-қиñ, -қиñ/қит (-ғоп)	-ғоп/-ғот	-ғын (-кын, -гун, -кыñ, -ған, -кэн, -гыñ)	-ғынъ (-кынъ, -гонъ)	-қиñ (-кан, -гон, -оп)

⁶ Генитив -нъ зафиксирован в 325 случаях; Генитив -т — в 4 случаях.

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Обские говоры	Среднеобские говоры	Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект
Локатив 2	–	- <i>nan</i> ; - <i>nan</i> (<*- <i>nanj</i>) ⁷	- <i>nan</i>	- <i>nan</i>	- <i>nan</i>	- <i>нань</i> (- <i>нень</i> , - <i>нынъ</i>)	- <i>nan</i>
Аблатив 2 (для одуш.)	- <i>nanu</i> (верхнетазовский говор)	–	- <i>nanto</i> , - <i>nanđikto</i>	- <i>nando</i>	- <i>нанто</i> (- <i>нант</i> , - <i>нандо</i>)	- <i>нандо</i> (- <i>нындо</i> , - <i>нандо</i> , - <i>надо</i>)	- <i>nanŋi</i> (- <i>nanŋə</i>)
Аблатив	–	–	–	–	–	- <i>до</i> , - <i>ндо</i> ⁸	–
Пролатив	- <i>tun/-tut</i>	- <i>m̄in/-m̄it</i> (- <i>βən</i> , - <i>βn</i> , - <i>uta</i> , - <i>ite</i> , - <i>in</i>) ⁹ имеет пролативную и аблативную семантику)	- <i>m̄in /-m̄it</i> (- <i>βoti</i> , - <i>ut</i>) - <i>m̄in /-m̄it</i> (- <i>utə</i> , - <i>ut</i> , - <i>m̄ite</i> , - <i>m̄it</i>) ¹¹ (среднеобские говоры) ¹²)	- <i>и(ə)</i>	- <i>ун</i>	- <i>унь</i> , - <i>вон</i>	- <i>m̄in</i> (- <i>m̄ən</i> , - <i>m̄ən</i> , - <i>βən</i> , - <i>βən</i> , - <i>m̄it</i> , - <i>βin</i> , - <i>βən</i> , - <i>βn</i>)

⁷ Ранее этот падеж назывался Локатив-Аблатив. Однако есть все основания считать, что аблативная функция данного падежа в данном диалекте является вторичной [Беккер и др. 1995б: 182]. Принимая во внимание данное положение, мы обозначим его как Локатив 2.

⁸ Маркеры -*до*, -*ндо* (-*n-do* 'GEN+ABL') являются показателями исходного падежа. В отличие от маркеров Аблатива 1 и Аблатива 2 маркируют как одушевленные, так и неодушевленные имена.

⁹ Ранее обозначался как Пролатив-Аблатив.

¹⁰ Верхнеобские говоры — только пролативная семантика падежа.

¹¹ Ранее обозначался как Пролатив-Аблатив.

¹² Среднеобские говоры — пролативно-аблативная семантика падежа.

Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-t (~ Ø)*. Мы видим, что на материале падежных окончаний распределение несколько иное: центральные и промежуточные диалектов XX века (тымские, обские и средне-обские) дают рефлексацию, совпадающую с северной тазовской. А южные диалекты совпадают с данными книги св. Макария, которая написана на промежуточном диалекте в 1900 году. Можно предполагать, что эти наблюдения важны для определения происхождения промежуточного средне-обского диалекта (говора шёшкупов). И по этой изоглоссе, и по анализу показателей множественного числа, важных для диалектной классификации (см. выше), он в XIX веке примыкает к южным диалектам. А в XX веке начинается постепенное изменение под влиянием центральных диалектов, что, видимо, и объясняет его промежуточный статус.

Рассмотрим данные, представленные в Таблице 3.

1) Латив 1 имеет одинаковые показатели во всех диалектах кроме тазовского. Небольшие отличия наблюдаются в обских говорах и кетском диалекте, где Латив 1 может иметь форму *-že, -nže*. В тазовском диалекте для выражения Латива 1 ед. ч. используются маркеры *-ty, -nty*; в дв. и мн. ч. используются особые формы: *-kiny, -kiñi, -kin, -kinyŋ, -kinty*.

2) Латив 2 имеет одинаковые показатели во всех диалектах кроме тазовского, а также дополнительные маркеры в кетском диалекте — *-niŋ, -neŋ*. В тазовском диалекте для выражения Латива 2 в ед. ч. используются *-nyŋ, -nyk/-nyŋ/-ny*; в дв. и мн. ч. — *-kiny, -kiñi, -kin, -kinyŋ, -kinty*.

3) Во всех диалектах селькупского языка для выражения посессивного склонения в Лативе может использоваться древний показатель Латива *-qV*, присоединяющий через маркер Генитива соответствующие посессивные маркеры.

4) В кетском диалекте, диалекте св. Макария и диалекте Н. П. Григоровского используется маркер Локатива 1 *-qin*. Во всех остальных диалектах — *-qyn/qyt (-yon/-yot)*. В данном случае в диалекте св. Макария можно выделить изоглоссу *-n* в ауслауте, свойственную всему южному диалектному ареалу, в то время как среднеобским говорам шёшкупов/шёшкупов в середины-конца XX века свойственны изоглоссы *-n* и *-t*, объединяющие их со всеми центральными и северными диалектами.

5) Во всех диалектах кроме тазовского, где маркер не зафиксирован, используется маркер Локатива 2 *-nan*, который можно отнести к инновационным явлениям. В тымском диалекте он также выполняет функцию Аблатива.

6) Аблатив 1 имеет показатель *-qinto* во всех обских говорах, диалекте св. Макария и диалекте Н. П. Григоровского. В тазовском и кетском — *-qyny, -qinni, -qin*. В тымском диалекте не выделяется. Маркер *-qinto* является инновационным явлением и распространяется на обской лингвистический материал *-qin (-qini)+to*¹³ ‘ABL+ABL’.

7) Аблатив 2 имеет показатель *-nando* во всех обских говорах, диалекте св. Макария и диалекте Н. П. Григоровского. В верхнетазовском говоре и кетском диалекте — *-nanni*. В тымском диалекте не выделяется. Маркер *-nando* также является инновационным явлением *-nan (-nani)+to* ‘ABL+ABL’.

8) Маркер Аблатива *-do, -ndo* выделяется только в диалекте Н. П. Григоровского и используется для маркирования одушевленных и неодушевленных имен.

9) В тазовском, тымском диалекте и среднеобских говорах маркер Пролатива имеет форму *-mjin/-mjit*. В обских говорах, в частности в среднеобских говорах шёшкуп/шёшкуп, и тымском диалекте Пролатив имеет формы *-ut, -mut, -boti*. В свою очередь в кетском диалекте, диалекте материалов св. Макария, а также диалекте Н. П. Григоровского выделяются маркеры *-mjn, βjn* и *-ун, -вон*. Очевидно, что фонетические различия аффикса пролатива в диалектах связаны с диалектно-дифференцирующей изоглоссой, выделенной в [Хелимский 1985]: Юж. *-n*; Центр. *-t*; Сев. *-n/-t (~ Ø)*. Но примечательно, что здесь она опять объединяет «промежуточный» говор в 1900 году книги св. Макария с южными диалектами. А среднеобские говоры шёшкупов в середине XX века и тымский диалект с северными. Отдельно стоит отметить, что в среднеобских говорах, а также тымском диалекте маркер Пролатива обладает еще и аблативной семантикой.

Обсудим данные из Таблицы 4.

1) Согласно таблице Комитатив может иметь одинаковые формы во всех диалектах — *-se/-ze*. В обских говорах Комитатив может иметь показатели *-ye, -pe, -é*. Во всех центральных диалектах, где произошёл переход *s* в *h/γ* [Хелимский 1985], преобладающим маркером должен являться *-he/-ye/-e*. Отметим, что в говоре книги св. Макария эти переходы, характерные по [Хелимский 1985] для центральных говоров, отсутствуют, что также сближает ее с южными диалектами.

2) Каритив во всех диалектах, включая диалект материалов св. Макария, за исключением тазовского имеет форму *-qalik, -kalik, -калык*; в тазовском *-kalyŋ, -kalyk, kaly, -kāl*. В обских говорах дополнительно отмечается форма *-žalk*.

¹³ Изначально является наречием *to* ‘прочь’.

Таблица 4. Косвенно-объектные падежи

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Обские говоры	Среднеобские говоры шёшкун/ шёшкуп	Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект
Комитатив	<i>-sä (-sa)</i>	<i>-sä (-ze, -ye)</i>	<i>-se (-ze, -ye, -φe, -é)</i>	<i>-se/-ze, -γ'e</i>	<i>-ce, (-ze)</i>	<i>-ze</i>	<i>-se, -nse (-ze, -sse)</i>
Каритив	<i>-käl̄yŋ, (-käl̄yŋ/-käl̄yk/ -käl̄y/ -käl̄l)</i>	<i>-kal̄ik (-halk, -galak)</i>	<i>-kal̄ik (-galk, -žalk)</i>	<i>-galk</i>	<i>-калык</i>	<i>-галкъ</i>	<i>-qal̄ik (-galak)</i>
Дестинатив/ Транслатив	<i>-qo (-qa), -tqo</i>	<i>-qo/-tqo (-no, -tqu)</i>	<i>-qo/-tqo (-gol/-ngo, -no)</i>	<i>-tko</i>	<i>-ко (-нко)/ -но</i>	<i>-но</i>	<i>-go/-ngo, -ŋgo</i>
Координатив	<i>-šak, -šak/-šan</i>	—	—	—	—	—	—
Вокатив	<i>-ā</i>	—	—	—	—	—	—

3) Маркер, называемый Э. Г. Беккер Назначительно-Превратительным падежом (Дестинатив-Транслатив) [Беккер и др. 1995а: 275], проявляется во всех диалектах, однако имеет разные основные функции. Так в грамматике по тазовскому диалекту селькупского языка он называется Транслативом [Кузнецова и др. 1980: 176], а во многих южных диалектах его основной функцией является дестинативная, в то время как транслативная функция выражается дополнительным маркером Транслатива, который в ряде случаев выступает единственным показателем Транслатива, например, в диалектах св. Макария и Н. П. Григоровского (по остальным диалектам нет статистических данных.). В южных и центральных диалектах селькупского языка мы будем называть его Дестинативом, т. к. в них существует отдельный маркер Транслатива (см. Таблица 5 «Инструменталь и Транслатив»). В тазовском, тымском диалекте и обских говорах возможно употребление данного падежа с маркером Генитива *-t: -tqo*. Также в тымском, кетском диалектах, обских говорах, в диалекте материалов св. Макария и диалекте Н. П. Григоровского используется маркер Генитива *-n: -ngo, -ŋgo, -no*. Маркер *-но* выделяется в тымском диалекте, обских говорах, диалекте материалов св. Макария и Н. П. Григоровского. Также он встречается в диалекте деревни Старо-Сондрово [Helimski 1983: 34].

4) Маркеры Координатива и Вокатива зафиксированы только в тазовском диалекте.

Таблица 5. Инструменталь и Транслатив

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Обские говоры	Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект
Инструменталь	-	-	+	+	-	+
Транслатив	-	+	+	+	+	+

Далее рассмотрим Транслатив и Инструменталь, опираясь на материалы В. В. Быконя [Быконя 2005: 320], где обсуждаемые падежи не представлены алломорфами по диалектам; отмечено лишь их засвидетельствование в диалектах. Так для Инструменталья в обских говорах, тымском и кетском диалектах отмечаются маркеры *-n, -n/-t*, в материалах св. Макария — *-n*. В проанализированных материалах диалекта Н. П. Григоровского данный маркер не обнаружен. Транслатив в обских говорах и кетском диалекте имеет маркеры *-wlä, -βl'e, -l'e*. В материалах св. Макария Транслатив принимает форму *-гле (-гиле, -угле)*. В диалекте материалов Н. П. Григоровского для Транслатива Е. А. Хелимским отмечены следующие маркеры: *-ŋle, (-нгле, -гле); -wle (-уле, -ле)*. В остальных диалектах данные падежи не отмечаются. [Helimski 1983: 34].

В таблице 6 приведена статистика встречаемости падежей с существительными и именами действия.

Подводя итоги, отметим, что согласно распределению носовых смычных в ауслaute (Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-t (~ Ø)*) диалект материалов св. Макария полностью соответствует южным диалектным признакам: GEN *-n*, ACC *-m*, LOC1 *-гын*, PROL *-ут*, DEST *-нто*, INSTR *-н*. Еще одним признаком, отграничивающим его от центральных диалектов является сохранение показателя COM *-ce* (переход **s > h, χ-* и **ps > f* в нарымском диалекте селькупского языка).

Таблица 6. Статистика встречаемости падежей с существительными и именами действия в книге св. Макария

Падежи	Количество употреблений
GEN ¹⁴ -н (-н̄, -ни, -ны)	83
ACC -м (-ми, -мъ)	73
ACC -н	8
LAT1 -нт (-нты, -нты, -нто)	32
LAT1 -т (-ты)	4
LAT2 -ни (-ны, -нй̄, -на, -н)	47
LAT -qv + GEN+POSS	1
LOC1 -гын (-кын, -гун, -кы̄н̄, -ган, -кэн, -гы̄н̄)	36
LOC2 -нан	1
ABL1 -гынто (-гыйта, -кынто, -гунто, -кынты, -гынты, -гыйты, -гонды, -гайто, -гыйто, -конто, -гант, -ка̄нто, -кенто)	17
ABL2 -нанто (-нант, -нандо)	13
PROL -ун	2
COM -се, (-зе)	23
CAR -калык	1
DEST -ко (-нко) / -но	17
INSTR -н	1

4.1.3 Категория посессивности

В селькупском языке выделяется парадигма посессивных суффиксов для первого, второго и третьего лиц, каждое из которых имеет единственное, двойственное и множественное число.

Порядок следования посессивных суффиксов в селькупском языке разделяется на те, которые следуют за основой имени в Номинативе либо маркером падежа (Номинатив \emptyset , Генитив *-н*, Аккузатив *-м*, Локатив 1 *-гын*, Латив *-ге*, Аблатив 1 *-гынто*, Пролатив *-ун*) и те, которые предшествуют маркеру падежа (Локатив 2 *-нан*, Латив 2 *-ни*, Аблатив 2 *-нанто*, Комитатив *-се*, Каритив *-калык*, Дестинатив *-ко*) [Беккер и др. 1995а: 65—288]. Такое положение дел свидетельствует о послеложном и относительно недавнем формировании маркеров следующих за посессивными суффиксами. Посессивные суффиксы присоединяются к имени или маркеру падежа через суффикс Генитива *-н*. Иногда он может отсутствовать — ассимилироваться или выпадать.

На материале св. Макария зафиксировано всего 6 посессивных суффиксов в Номинативе или следующих за маркером падежа из возможных 9: *-у (-в)* ‘POSS.1SG’, *-л* ‘POSS.2SG’, *-т (-ды, -до, -д, -ты, -те)* ‘POSS.3SG’, *-ди (-ты)* ‘POSS.3DU’, *-ут* ‘POSS.1PL’, *-тым (-тат -дыт)* ‘POSS.3PL’.

POSS.1SG

- (34) *Азе-у* *Ман-нан ей-г-ан.*
отец-POSS.1SG 1SG-LOC2 быть-EP-PRS.3SG.sub
‘Отец мой во мне есть’ [Макарий 1900: 14].

POSS.2SG

- (35) *Тан ау* *пле-й* *пудал-л* *ни(н)-гел-джи-к.*
2SG другой сторона-ADJz щека-POSS.2SG повернуть-MLTPL-REFL-IMP.2SG.sub
‘Ты другую щеку твою подставь’ [Макарий 1900: 14].

POSS.3SG

- (36) *Тан мешшела-й* *ку-ни* *уы-т* *паны-ку-мы-нд-ат.*
3SG болезнь-ADJz человек-LAT2 руки-POSS.3SG положить-NAV-PSTN-LTNT-3SG.ob
‘Он на больных людей (к больным людям) руки свои возлагал’ [Макарий 1900: 10].

¹⁴ В расчет не принимались некоторые слитные формы посессивного склонения в Генитиве.

POSS.3DU

- (37) *Нашакаы шидо ку-н гръг-ты эльмад-ла-га-й-ты кваны-мб-а.*
тогдашний два человек-GEN грех-POSS.3DU ребенок-PL-LAT-GEN-POSS.3DU пойти-PSTN-3SG.sub
'Первых двух людей грех к детям перешел' [Макарий 1900: 5] (см. этот же пример № 19).

POSS.1PL

- (38) *Ме ку-й чачо-гун-утт нелджи мы куды ней ас ме-ку-с-т.*
1PL человек-ADJZ род-LOC1-POSS.1PL такой вещь кто EMPH NEG сделать-NAВ-PST-3SG.ob
'В нашем роде таких дел никто не делал' [Макарий 1900: 9].

POSS.3PL

- (39) *Грък-тыт варкы-й айзу-мб-а.*
грех-POSS.3PL большой-ADVZ статья-PSTN-3SG.sub
'Трехи их тяжки стали' [Макарий 1900: 6].

В южных и центральных диалектах наблюдается грамматическая омонимия посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. ед. ч., 2-го и 3-го л. дв. ч. 2-го и 3-го л. мн. ч. в Генитиве, в том числе и других аналогичных суффиксов косвенных падежей, образованных с помощью посессивных суффиксов в Генитиве [Беккер и др. 1995а: 72]. Это относится и к материалам св. Макария. Более того, данные суффиксы часто подвергаются редукции, особенно находясь в позиции предшествующей маркеру падежа. Далее представлены примеры посессивных суффиксов предшествующих маркеру падежа; всего 3 позиции из возможных 9-ти: *-н-т* > *-н/-т* 'GEN.POSS.2SG', *-н-т* > *-н/-т* 'GEN.POSS.3SG', *-н-тыт* > *-н-т* > *-н/-т* 'GEN.POSS.3PL'.

GEN.POSS.2SG

- (40) *Оне-йчь Ну-й Амдыкой кушай тайне-н-се, мысе квое-н-т-се,*
сам-2SG бог-ADJZ царь сколько ум-GEN.POSS.2SG-COM ?все душа-GEN.POSS.2SG-COM
шиде-н-ты-се, орын-ты-се мысе свэрэ-т.
сердце-GEN.POSS.2SG-COM сила-GEN.POSS.2SG-COM ?все любить-IMP.2SG.ob
'Твоего Бога Господа всем умом, всей душой, сердцем, силой всею люби' [Макарий 1900: 13].

GEN.POSS.3SG

- (41) *Ну-н Орын-ты-се Апостол-ла мешиела-й ку-ла-(м) ме-ку-мы-нд-ат.*
Бог-GEN сила-GEN.POSS.3SG-COM апостол-PL болезнь-ADJZ человек-PL-ACC делать-PSTN-LTNT-3PL
'Божественной силой Апостолы больных людей исцеляли (делали [здоровыми])' [Макарий 1900: 20—21].

GEN.POSS.3PL

- (42) *Нальгу-ла-м тебы-ды-нанто то и-ндж-ат.*
женщина-PL-ACC муж-GEN.POSS.3PL-ABL2 прочь взять-FUT-3SG.ob
'Жен от мужей отделил' [Макарий 1900: 25].

Некоторые фонетические изменения наблюдаются при посессивном склонении Аккузатива. В материалах св. Макария зафиксированы 3 маркера посессивности в Аккузативе из возможных 9-ти: *-ву* 'ACC.POSS.1SG'; *-н-т, м-т* 'ACC.POSS.3SG'; *-м-дыт* 'ACC.POSS.3PL'.

ACC.POSS.1SG

- (43) *Он-ей айзе-ву, он-ей аве-ву варгы-н свэр-ав,*
сам-1SG отец-ACC.POSS.1SG сам-1SG мать-ACC.POSS.1SG большой-ADVZ любить-PRS.1SG.ob
Массым нашиай ас свэр-ак, Мека-илле ас со-й эй-г-ам¹⁵.
1SG.ACC так NEG любить-PRS.1SG.sub 1SG.LAT-DEF NEG хороший-ADVZ быть-EP-PRS.3SG.sub
'Своего (моего) отца, свою (моего) мать многолюбящий (сильно люблю), а Меня столько не любящий (не люблю) мне не угоден есть' [Макарий 1900: 13].

ACC-POSS.3SG

- (44) *Тапы-н со оды-н-т, топы-н-т квозе-л тиун-се кроста-нт*
3SG-GEN хороший руки-ACC-POSS.3SG ноги-ACC-POSS.3SG железо-ADJZ гвоздь-COM крест-LAT
кет-рольджи-мб-ат.
ударить-CAUS-PSTN-3SG.ob
'Его святые руки и ноги железными гвоздями к кресту были прибиты (повелел прибить)' [Макарий 1900: 19].

¹⁵ Вместо *-ам* должно быть *-ан*. Опечатка.

ACC-POSS.3PL

- (45) *Эльмат-ла-м-дыт аза-у-ты-нанто мал ы-ндж-ет.*
 ребенок-PL-ACC-POSS.3PL отец-мать-POSS.3SG-ABL2 взрызь взять-FUT-3SG.ob
 ‘Детей (их) от отца и матери отделит’ [Макарий 1900: 25] (см. этот же пример № 61).

Рассмотрим сопоставительные таблицы, с привлечением материалов В. В. Быконя, Г. Н. Прокофьева, переводных текстов Н. П. Григоровского и материалов Е. А. Хелимского по Н. П. Григоровскому [Прокофьев 1935: 39; Григоровский 1879а; 1879б; Helimski 1983: 36-37; Быконя 2005: 327—328], сравнивающие маркеры посессивности по падежам: Номинатив, Генитив, Аккузатив. Посессивные суффиксы для диалекта Н. П. Григоровского представлены только в Номинативе¹⁶, т. к. их анализ затруднен. Отдельно приведена таблица маркеров посессивности по остальным зафиксированным в материалах св. Макария падежам.

Сопоставляя посессивные суффиксы в Номинативе диалект материалов св. Макария с маркерами POSS.1SG -у и -в, имеет схожие маркеры, зафиксированные в кетском диалекте -βə, -и, обских говорах чумьлыкूपов -we и диалекте материалов Н. П. Григоровского -у, -в. В тазовском, тымском, кетском диалектах, обских говорах шешкүпов и диалекте материалов Н. П. Григоровского используется маркер -т (-тi, -ть). В тазовском, тымском и кетском диалектах также используется маркер -р. В остальных случаях для посессивного склонения в Номинативе либо отсутствуют различия по диалектам, либо посессивный маркер остался незафиксированным в материалах св. Макария.

Таблица 7. Посессивные суффиксы Номинатива.

Число	Лицо	Тазовский диалект (селькүпы)	Тымский диалект чумьлыкүпы	Обские говоры		Св. Макарий	Н. П. Григоровский	Кетский диалект (сюсюкүмы)
				чумьлыкүпы	шешкүпы			
Ед. ч.	1	-т~-р, -ть	-тi, -т~-р (-тə)	-we	-т	-у, -в	-м, -у, -в	-т, -т~-р (-βə, -и)
	2	-л, -ль	-лə (-л)	-л (-л)	-л (-л)	-л	-л(ь), -лы	-ли (-л)
	3	-т, -ть, -Дь	-т, -дə	-дə	-т, -д	-т	-д(ь) -м(ь), -ды	-т, -д
Дв. ч.	1	-тij (-тьj)	-тi	-тi, -βi	-тi, -т (-βi)	-	-	-βi
	2	-lij (-льj)	-ли	-ли, -л	-ли	-	-ли	-л'и
	3	-tij, -Dij (-тьj, -Дьj)	-ти	-дə	-ди	-ты	-ди	-ди
Мн. ч.	1	-тьт (-тьн)	-тut (-βut, -ut)	-тut, wut	-тiт (-βut)	-	-ут	-тiт, -βiт
	2	-льт (-льн)	-лт, -лет (Чижапка)	-лiт, -лəт	-лiт (-лiт)	-	-лть	-лiт (-лiт)
	3	-тьт, -Дьт (-тьн, -Дьн)	-тет	-дəт	-дiт	-тыт	-	-тiт, -дiт

В посессивных суффиксах Генитива (Таблица 7) при сопоставлении никаких отличий не обнаружено, за исключением маркера POSS.1SG, представленного в материалах св. Макария (см. пример 44).

Сопоставляя посессивные суффиксы в Аккузативе (Таблица 9), различия можно отметить только для маркера POSS.1SG. В остальных случаях для посессивного спряжения в Номинативе либо отсутствуют различия по диалектам, либо посессивный маркер остался незафиксированным в материалах св. Макария. Диалект материалов св. Макария, тымский и кетский диалект имеют схожие маркеры: -ву, -β. В тазовском, тымском, кетском диалекте, а также обских говорах используется маркер -т. Также в тазовском диалекте используется маркер -ть и -р, а в кетском -тi.

Далее представлена таблица 10, демонстрирующая оставшиеся зафиксированные маркеры в посессивном склонении. При посессивном склонении данных падежей употребляются генитивные формы посессивных маркеров (GEN.POSS+падеж либо падеж+GEN.POSS).

¹⁶ “The translated texts are generally of little use as far as possessive forms are concerned. Everything points to the fact that Grigorovski did not manage to understand this section of Selcup grammar and did not make proper use of it in his translations” [Цит. по Helimski 1983: 36-37].

Таблица 8. Посессивные суффиксы Генитива

Число	Лицо	Тазовский диалект	Тымский	Среднеобский говор	Св. Макарий	Верхнеобский говор	Кетский диалект
Ед. ч.	1	-нь	-ni (-n)	-ni (-n)	-у-и* ¹⁷	-ni (-n), -nnə	-ni (-n)
	2	-nDь, -ть, -Dь	-ndə	-ndə, -ndi, -nt	–	-ndə (-nd) -ddə (< *ndə)	-ndj
	3	-nDь, -ть, -Dь	-ndə	-nd, -nt -ndj (-nde), -d	-н-ты	-ddj (< *-ndj) -ttj (< *-ntj) -ndj, -nte, -də	-ndj, -nde
Дв. ч.	1	-nij (-ньj)	-ni (-n)	-ni (-n)	–	-nu, -nnu	-ni
	2	-nDij (-nDьj) -tij (-Dij)	-di	-di	–	-tel'e (-del'e)	-di
	3	-nDij (-nDьj) -tij (-Dij)	-di	-di	–	-di	-di
Мн. ч.	1	-ньт (-ньн)	-nut	-nut, -nit	–	-nat (-nuttə)	-nut
	2	-nDьт (-nDьн) -тьт (-тьн);	-ndət, -dət	-dɨlt (-delt)	–	-ntə, -del'tə, -tɨlt	-ndjɨt, -dɨt
	3	-nDьт (-nDьн) -тьт (-Dьн)	-ndjɨt, -dɨt	-ndjɨt, -dɨt -dət	–	-dɨt (-dət), -tət	-ndjɨt, -dɨt

Таблица 9. Посессивные суффиксы Аккузатива

Число	Лицо	Тазовский диалект (селькупы)	Тымский диалект чумылькупы	Обские говоры (чумылькупы, шёшкупы)	Св. Макарий	Кетский диалект (сюсюкумы)
Ед. ч.	1	-т ~ -р, -ть	-т, (nɨm Чижапка) -т ~ -β	-т	-ву	-mi, -m (-β)
	2	-mDь, -ть, -Dь	-md, -ndj (< *-mdj)	-mde, -md	–	-mde, -md, -mdel'
	3	-mDь, -ть, -Dь	-md, (-ndi)	-mdə, (< *-ndə)	-м-т/-н-т	-mde (-mdo, -ndj < *-mdj)
Дв. ч.	1	-mij (-мьj)	-mɨ (-βi)	-mi (-βi)	–	-βi
	2	-mdij, -tij, -Dij	-mdə	-mdj, -ndj (< *-mdj), -mdel'e (шёшкупы)	–	-nde (< *-mde)
	3	-mdij, -tij, -Dij	-mdə	-mdj, -md	–	-mdj (-mdə)
Мн. ч.	1	-мьт (-мьн)	-βut	-βət	–	-βat
	2	-mDьт, -тьт, -Dьт	-mdət	-mdjɨlt (-mdelt), -mdel'tə (шёшкупы)	–	-mdjɨt
	3	-mDьт, -тьт, -Dьт	-mdət	-mdet, -mdjɨt	-м-дыт	-mdjɨt

Рассмотрев изложенный материал, можно сделать вывод о том, что маркеры посессивности совпадают практически во всех диалектах. Исключение составляют лишь маркеры 1SG -у, -в, -βə, -u, -we, проявляющиеся во всех южных и центральных диалектах за исключением тымского и 1SG.ACC -ву, -β, характеризующие все южные и центральные диалекты за исключением среднеобских говоров. Рассмотрение дополнительных данных в синхронии и диахронии должно внести определенную ясность в распределение данных признаков.

В селькупском языке существительные, обозначающие термины родства и части тела, а также предметы личного обихода, обычно используются с посессивными суффиксами, а при их отсутствии передают более общие понятия, например: *qum-mut* 'родня наша, семья' — *qum* 'человек'; *ol-ou* 'голова моя' — *oli* 'голова какая-то', в примере «Одна голова хорошо, а две лучше» [Ким 1986: 86—98]. В материалах св. Макария почти все примеры, обозначающие термины родства и части тела используются с посессивными суффиксами.

¹⁷ Случай зафиксирован с терминами родства (нетипичный?).

Таблица 10. Прочие посессивные суффиксы в материалах св. Макария

Падеж	Лицо	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Латив 2	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	<i>-нтыни</i>	–	–
Латив	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	–	<i>-гайты</i>	–
Локатив 1	1	–	–	<i>-гунут</i>
	2	–	–	–
	3	<i>-гынт</i>	–	–
Локатив 2	1	<i>-унан</i>	–	–
	2	–	–	–
	3	–	–	–
Аблатив 1	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	<i>-нтынто</i>	–	–
Аблатив 2	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	<i>-ндонандо</i>	–	<i>- дынанто</i>
Пролатив	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	<i>-унт</i>	–	–
Комитатив	1	<i>-усе</i>	–	–
	2	<i>-нтсе</i>	–	–
	3	<i>-ндысе</i>	–	–
Дестинатив	1	–	–	–
	2	<i>-токо</i>	–	–
	3	<i>-ндыко</i>	–	–

- (46) *Тау Ман свыр-тэй И-в эй-г-ай.*
 это 1SG любить-PRS.PTCP сын-POSS.1SG быть-EP-PRS.3SG.sub
 ‘Это Мой возлюбленный Сын есть’ [Макарий 1900: 17].

У св. Макария встретился только один случай предшествования посессивного суффикса маркеру падежа (Генитива), который должен следовать за ним. Примечательно, что подобные случаи распространены в записях Н. П. Григоровского [Григоровский 1879а; 1879б]. Все найденные примеры относятся к существительным, обозначающим термины родства или части тела.

- (47) *Ман А́зе-у-н лаславин-б-аты ку-ла...*
 1SG отец-POSS.1SG-GEN благославить-DUR-PST.PTCP человек-PL
 ‘Моего Отца благословенные люди...’ [Макарий 1900: 25].

- (48) *Манъ утѡ-у-нѣ, тѡпо-у-нѣ кѣды-л-лы-нѣ пѡгольдже-тѣ. и*
 1SG рука-POSS.1SG-ACC нога-POSS.1SG-ACC бок-ADJZ-кость-ACC пощупать-IMP.2SG.ob и
 ‘Пощупай мои руки, ноги и ребра’ [Григоровский 1879б: 54].

Отдельно выделим лексемы *чела-т* ‘солнце’, *а́ре-т* ‘месяц/луна’, *по-т* ‘год’, использующиеся только с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч.

Помимо этого, в селькупском языке посессивный суффикс 3 л. ед. может использоваться в функции дейксиса, анафоры, идентифицируемости и т. д. [Кузнецова и др. 1980: 187; Ким 1986: 113—120; Nikolaeva 2003]. Лексема, маркированная данным суффиксом, приобретает определенность, становится прагматически выраженной в предложении. Первый из приведенных примеров мы склонны трактовать как дейксис (это время), второй как анафору (люди, упомянутые прежде).

- (49) *Ман кат-пыды на-н манчи-т меты-ñ.*
 1SG сказать-PST.PTCP это-GEN время-POSS.3SG прийти-PRS.3SG.sub
 ‘Что Я говорил, то и исполнилось (мною сказанное, **это время** пришло)’ [Макарий 1900: 19—20].
- (50) *Нашакын со ку-ла-т чидже-нч-ат.*
 тогда хороший человек-PL-POSS.3SG говорить-FUT-3PL
 ‘(Моего Отца благословенные **люди** (*ку-ла* ‘человек-PL’), придите, сего света и земли (эту освященную землю), от создания Вам уготованное царство получите...) Тогда **праведники** (*ку-ла-т* человек-PL-POSS.3SG) скажут’ [Макарий 1900: 26].

4.1.4 Категория одушевленности/неодушевленности

Южным и центральным диалектам селькупского языка присуща категория одушевленности/неодушевленности [Беккер и др. 1995а: 187—196; Байдак 2010]. У самодийских народов к одушевленным предметам могут относиться вода, ветер, солнце, звезды (они движутся), различные породы деревьев, личные вещи, огонь и т. д. [Беккер и др. 1995а: 188].

На морфологическом уровне в материалах св. Макария душевленность/неодушевленность противопоставляется при помощи падежных маркеров пространственно-временных падежей, где неодушевленные имена маркируются суффиксами *-гын* (см. Локатив 1), *-гынто* (см. Аблатив 1); одушевленные суффиксами *-нан* (см. Локатив 2), *-нанто* (см. Аблатив 2).

4.2. Предикативные, адъективные и адвербиальные формы существительного

4.2.1 Предикативные формы существительного

В нашем случае встретился только один пример, где имя в предикативной форме используется вместе с глагольным предикатом *эй-* ‘быть’. Суффикс лица-числа предикативной формы существительного совпадает с глагольным суффиксом субъектного спряжения глагола.

- (51) *Ман Ну-н И-ñ эй-г-аñ.*
 1SG Бог-GEN сын-PRD.1SG быть-EP-1SG.sub
 ‘Я Божий Сын есмь’ [Макарий 1900: 14].

4.2.2 Адъективные формы существительного

Согласно морфологии по тазовскому диалекту селькупского языка из числа прилагательных исключаются адъективные формы существительных (адъективные формы репрезентации существительных) образующихся при помощи суффиксов прилагательных *-й* и *-л* [Кузнецова и др. 1980: 190—196, 266—267]. Такие прилагательные изменяются по числам и падежам, приобретают маркеры посессивности, не могут быть предикатом в предложении, могут иметь при себе определение и имеют значение «относящийся к кому-либо», «связанный с кем-либо», «изготовленный из какого-либо материала» [Там же]. В морфологии по центральным и южным диалектам такие прилагательные называются относительными¹⁸ [Беккер и др. 1995б: 30—40]. Синтаксическая (и отчасти смысловая) связь адъективных форм существительных и прилагательных способствует переходу адъективных форм в разряд прилагательных *kol'al* ‘колесный > круглый» [Кузнецова и др. 1980: 193]. Мы будем рассматривать подобные формы в качестве адъективных форм существительных, которые имеют тенденцию к переходу в полноценный класс прилагательных, где многие формы уже можно считать полноценными деривационными прилагательными.

Мана-й — дурак+ADJZ ‘дурной’

Ну-й, Ну-л — бог+ADJZ ‘божий, божественный’

Няг-дгь-коп-ы — быть.ГОЛЫМ+PRS.PTCP+тело+ADJZ ‘голый’

Мешиела-й — болезнь+ADJZ ‘больной’

Лыта-й — тьма+ADJZ ‘темный’

Амд-ы-ко-й — сидеть-PRS.PTCP(*дый* > *й*)+царь+ADJZ ‘царский’

¹⁸ Если применить все критерии функционирования данных форм в северных диалектах к центральным и южным диалектам (что отмечается как в самой представленной морфологии, так и в архивных материалах по центральным и южным селькупам), то возникает вопрос — можно ли относить их к полноценным относительным прилагательным? Данный вопрос остается без ответа.

Квозе-л — железо+ADJz ‘железный’
Ку-й — человек+ADJz ‘человеческий’

- (52) *Нашакын тапы Ну-й святой Ангель э-пн-а.*
 тогда 3SG бог-ADJz святой ангел быть-PSTN-3SG.sub
 ‘Сначала (тогда) он Божий святой Ангел был’ [Макарий 1900: 3].

В этом список также могут быть включены прилагательные необладания, обозначающие ‘лишенный чего-либо’, ‘не обладающий чем-либо’, образующиеся при помощи суффиксов *-гыды* + *-й*.

Ше-гыды — язык-CAR.ADJz ‘немой’
Ко-гыды — ухо-CAR.ADJz ‘глухой’

- (53) *Ко-гыды кум о́ндо-чы-ку-мб-ат.*
 ухо-CAR.ADJz человек слышаться-TR-НАВ-PSTN-3SG.ob
 ‘Глухие люди слышали’ [Макарий 1900: 10].

Основа имени может стоять в локативном или комитативном падеже и дополнительно осложняться суффиксом *-й*: *-гый* (*-кый*, *-кы*, *-кий*) ‘LOC.ADJz’; *-сюй* (*-сю*, *-су*, *-сү*) ‘COM.ADJz’.

Поо-кый — дерево-LOC.ADJz ‘находящийся на дереве’
Ну-н-шунче-кий — небо-GEN+нутро+ LOC.ADJz ‘небесный, находящийся на небе’
Грѣк-сю-й — грех COM+ADJz ‘грешный, с грехом’

- (54) *На со-мы а-вой-мы тәнү-мбу-ку поо-кый чопыр ык авы-кв-али.*
 это добрый-NMNLZ NEG-добрый-NMNLZ знать-DUR-INF дерево-LOC.ADJz плод NEG.IMP есть-НАВ-IMP.2DU
 ‘Добра зла познания дерева плодов не ешьте’ [Макарий 1900: 3].

- (55) *Грѣк-сю кум ык судын-б-ет!*
 грех-COM.ADJz человек NEG.IMP осудить-DUR-IMP.2SG.ob
 ‘Грешного человека не осуждай’ [Макарий 1900: 14].

4.2.3 Адвербиальные формы существительного

Подобные формы строятся при помощи существительного, оформленного суффиксом наречия *-н*. Функционируют в качестве приглагольного обстоятельства. Адвербиальные формы существительного могут иметь при себе определение, чего не может иметь наречие [Кузнецова и др. 1980: 197]. Как и адъективные формы существительного многие адвербиальные формы можно рассматривать в классе наречий. Процесс становления наречий из существительных также занимает промежуточное положение.

Уко-н — кончик-ADVz ‘прежде’
Мяишела-н — болезнь-ADVz ‘болен, больно’
Наг-дѣ-копы-н — быть.ГОЛЫМ+PRS.PTCP+тело+ADVz ‘голо, с голым телом’

- (56) *Мяишела-н эй-з-аї, те меган туй-ку-з-ылт.*
 болезнь-ADVz быть-PST-1SG.sub 2PL 1SG.LAT прийти-НАВ-PST-2PL
 ‘Я болен был, вы ко мне приходили’ [Макарий 1900: 26].

4.3. Образование имен существительных

Помимо простых корневых и не разложимых в синхронии существительных, выделяются существительные-компози́ты и существительные-дериваты.

4.3.1 Существительные-компози́ты

1) Образование слов при помощи прилагательного или причастия и местоимения-субстантиватора *мы* ‘нечто, вещь; то, что’, которое может использоваться самостоятельно.

ADJ+мы

Льта-й мы — тьма+ADJz+вещь ‘тьма’
А-вой мы — NEG+хороший+вещь ‘зло’
Со мы — хороший+вещь ‘добро’

Кошт-ы мы — вред+ADJZ+вещь ‘зло’
Кыта мы — маленький+вещь ‘ребенок’
Апсод-ы мы — пища+ADJZ+вещь ‘съестное’

PRS.PTSP+мы

Ку-ссоди мы — умереть+NMNLZ.PRS.PTSP+вещь ‘смерть’
Челым-бы-ды мы — светить+DUR-PRS.PTSP+вещь ‘свет’

(57) *Тапы на-но илле лыпа-й мы-нт альджи-мб-а.*
 3SG это-DEST вниз тьма-ADJZ вещь-LAT1 упасть-PSTN-3SG.sub
 ‘Он за это вниз во тьму упал’ [Макарий 1900: 4].

(58) *Тау челы-м-бы-ды мы ас капты-че-нч-ий.*
 это день-VBLZ-DUR-PRS.PTSP вещь NEG потушить-REFL-FUT-3SG.sub
 ‘Этот свет не угаснет’ [Макарий 1900: 13].

2) Образование имен при помощи номинализаторов *кум* ‘человек’, *сеи* ‘глаз’, *шунчи* ‘нутро’ и предшествующих ему прилагательных либо имен в Генитиве, где носителем значения слова служит первый компонент.

ADJ+NMNLZ

Тыб-и-кум — мужчина+ADJZ+человек ‘мужчина’
Ня-ль-гум — дочь+ADJZ+человек ‘женщина’

NOM-GEN+NMNLZ

Кыска+сеи — звезда(GEN)+глаз ‘звезда’
Ну-н+шунчи — небо+GEN+нутро ‘небо’

(59) *Ня-ль-күм Ева-гле нимны-мб-ат.*
 дочь-ADJZ-человек Ева-TRSL назвать-PSTN-3SG.ob
 ‘Жену (женщину) Евой назвал’ [Макарий 1900: 2].

(60) *Ну-н-шунч джайгу-мб-а.*
 небо-GEN-нутро отсутствовать-PSTN-3SG.sub
 ‘Неба не было’ [Макарий 1900: 1].

3) Образование имен при помощи прямого сложения корней.

Аза-у+ты — отец+мать+POSS.3SG ‘родители’

(61) *Эльмат-ла-м-дыт аза-у-ты-нанто мал ы-ндж-ет.*
 ребенок-PL-ACC-POSS.3PL отец-мать-POSS.3SG-ABL2 врозь взять-FUT-3SG.ob
 ‘Детей (их) от отца и матери отделит’ [Макарий 1900: 25] (см. этот же пример № 45).

4) Следующие имена также являются существительными-композициями, так как они образуют новые типы лексем.

Амд-ы-коñ — сидеть-PRS.PTSP(дый>й) хан/царь ‘царь’
Лыба-й мат — тьма-ADJZ дом ‘темница’
Көду-л ла — бок+ADJZ кость ‘ребро’
Варгы үди — большая вода ‘потоп’

(62) *Чуочы-н пары-нт варгы үди-м үйдү-мб-ат.*
 земля-GEN верх-LAT1 большой вода-ACC послать-PSTN-3SG.ob
 ‘На землю потоп послал’ [Макарий 1900: 6].

4.3.2 Существительные-дериваты

1) Диминутив. Образование имен при помощи суффиксов придающих уменьшительно-ласкательное значение: *-ка*, *-чы*.

Пеле-ка — напарник/половина+DIM ‘половина, сторона/половинка, сторонка’
Кыба-чы — маленький.ADJ > маленький.SUBST+DIM ‘юноша, ребенок’

- (63) *Грѣк-сю ку-ла-м квотыче пелека-нт нылдже-джи-т.*
 грех-LOC.ADJZ человек-PL-ACC левый сторона-DIM-LAT1 поставить-FUT-3SG.ob
 ‘Грешников по левую сторону поставит’ [Макарий 1900: 25].

2) Номинализатор. При помощи номинализатора *-тте* > *-пте* и *ссан* > *-псан* образуются глагольные имена действия. Данные лексемы занимают промежуточный статус между глаголами и существительными и далее могут становиться полноценными существительными.

- (64) *Квоя-те-н мор тегинтет туй-с-аӓ.*
 ходить-NMNLZ-GEN в.течение 2PL.LAT прийти-PST-1SG.sub
 ‘Был странником (во время хождения), приходил Я к вам’ [Макарий 1900: 25].

3) Конверсия. В селькупском языке разные части речи могут подвергаться субстантивации при помощи конверсии. На материале св. Макария можно выделить субстантивированные прилагательные, причастия, деепричастия и глаголы.

4.3.3 Субстантивированные прилагательные.

А-вой — NEG+хороший – нехороший.ADJ > нехорошее.SUBST ‘зло, плохое’

Кыба-чы — маленький.ADJ > маленький.SUBST+DIM ‘юноша’ или маленький.ADJ+DIM > маленький.SUBST ‘юноша, ребенок’

- (65) *Тап мекан а-вои мей-г-ыт.*
 3SG 1SG.LAT NEG-хорошее сделать-EP-3SG.ob
 ‘Он мне зло сделал’ [Макарий 1900: 14].

4.3.4 Субстантивированные причастия

В материалах св. Макария данный вид субстантивации представлен только от причастий настоящего времени.

Челамдже-ни — родить-PST.PTCP ‘родившая.PTCP’ > ‘родившая.SUBST’

Кӓкал-быды — измучиться-PST.PTCP ‘измучившийся’ > ‘измучившийся.SUBST’

- (66) *Святой Нӓтен Марія Ну-н И-м-т челамдже-ни ний аи со Нӓте-угле*
 святой дева Мария Бог-GEN сын-ACC-POSS.3SG родить-PST.PTCP так и хороший дева-TRSL
калы-мб-а.
 остаться-PSTN-3SG.sub
 ‘Святая Дева Мария Сына Божьего и по рождению (родившая) непорочной Девой осталась’
 [Макарий 1900: 9].

4.3.5 Субстантивированные деепричастия

На материале св. Макария зафиксированы случаи субстантивации деепричастных форм только от деепричастий прошедшего времени (*-лебе*, *-лепе*). Примечательно, что в своей книге “The Language of the First Selkup books” Е. А. Хелимский называет все формы на *-ле* простым герундием, на *-лебе* — имперфектным герундием, а на *-лебе* перфектным герундием [Helimski 1983: 46]. Также стоит выделить еще один случай анализа деепричастия, непосредственно связанного со следующим примером из материалов св. Макария. В «Селькупско-русском диалектном словаре» форма *мӓндлебе* толкуется как: 1) деепричастие предшествования от глагола *мӓнды-гу* ‘пройти-INF’; 2) послелог ‘после чего-либо’: *соромЖо-н мӓндлебе* — дождь-GEN после) — ‘после дождя’ [Быконя 2005: 125]. В свою очередь, рассматривая центральные и южные диалекты, Кузнецова Н. Г. утверждает, что подобная вариативность в оформлении субъекта при деепричастии (Номинатив, Генитив) создает системную недостаточность (морфолого-синтаксическую неоднозначность) в языке [Кузнецова 1995: 177—178]. В нашей работе мы будем относить все формы на *-ле* и *-лебе* (*-лебе* не встречается) к деепричастию, которые впоследствии могут субстантивироваться.

На-н мӓндичи-лебе — это-GEN пройти-CVB2 (прошедши) > ‘этого по прошествии’

На-н кат-лепе — это-GEN сказать-CVB2 (сказавши) > ‘этого по сказанию’

Иисус Христозы-н инне вачы-нты-лебе — Иисус Христос-GEN вверх подняться-IPFV-CVB2 (поднявшись) > ‘Иисуса Христа после вознесения’

- (67) *На-н мǎньдичи-лебе, Таб Он-ч пиры-н-т кǎкал-(л)алджи-мб-ат.*
 это-GEN пройти-CVB2 3SG сам-3SG сам-ACC-POSS.3SG измучить-CAUS-PSTN-3SG.ob
 ‘После этого (этого по прошествии), (грешных людей от вечных мучений чтобы избавить), Он Сам Себя на мучения предал’ [Макарий 1900: 19].

4.3.6 Субстантивированные глаголы

В тексте встречаются имена, которые совпадают с основой глагола. Данные лексемы также занимают промежуточный статус между глаголами и существительными. Следующий пример демонстрирует переход имени действия в полноценное существительное.

- (68) *А на нэльди андалба-ты ченчу.*
 а это такой обрадоваться-DUR-PRS.PTCP весть
 ‘А это (значит) такая радостная весть’ [Макарий 1900: 21].

4.3.7 Проблемные места

Далее представлены данные о формировании имени действия при помощи номинализатора *-би*, *-ни* не известного автору данной работы. Все случаи (всего четыре) ограничены только одним предложением. Х. Катц также предлагает рассматривать его как номинализатор [Katz 1976: 78].

- (69) *Ну-н И-н-т кǎкал-бы-би, ку-ни, нагуру-нчел-и чель*
 Бог-GEN сын-GEN-POSS.3SG измучить-DUR-NMNLZ умереть-NMNLZ три-ORD-ADJZ день
эл-еджи-ни, ну-шине-нт чаныдџи-ни.
 жить-REFL-NMNLZ небо(GEN)-нутро-LAT1 выйти-NMNLZ
 ‘Сына страдание, смерть, в третий день воскресение, на небо вознесение’ [Макарий 1900: 18].

Также стоит выделить номинализатор *-ни*, встретившийся всего один раз в лексеме *камбальджи+ни* — создать+NMNLZ ‘создание’. Непонятно, почему при образовании слова не был использован ранее упомянутый номинализатор *-тте* > *-пте*: *камбальчы-тте* — создать+NMNLZ ‘создание’.

- (70) *Ну-н-шунчи-м аи чуочы-м камбальджи-ни.*
 небо-GEN-нутро-ACC и земля-ACC создать-NMNLZ
 ‘Неба и земли создание’ [Макарий 1900: 1] (см. этот же пример № 12).

5. Заключение

Проанализировав материалы св. Макария можно выделить ряд категорий имени существительного и зафиксированные маркеры, формирующие соответствующие оппозиции. Данное описание представляет одно из самых ранних состояний именной морфологии среднеобского ареала, зафиксированных в селькупском языке.

1) Категория числа: ед. ч. -∅; мн. ч. *-ла* (*-лу*, *-ле*).

2) Категория падежа: Номинатив -∅; Генитив *-н* (*-н̄*, *-ни*, *-ны*); Аккузатив *-м* (*-ми*, *-м̄*)/*-н*; Латив 1 *-нт* (*-нты*, *-нты*, *-нто*)/*-т* (*-ты*); Латив 2 *-ни* (*-ны*, *-н̄й*, *-на*, *-н*); Латив *-ге* (*-га*)+GEN+POSS; Локатив 1 *-гын* (*-кын*, *-гун*, *-кы̄н̄*, *-ган*, *-кэн*, *-гы̄н̄*); Локатив 2 *-нан*; Аблатив 1 *-гынто* (*-гы̄нта*, *-кынто*, *-гунто*, *-кынты*, *-гынты*, *-гы̄нты*, *-гонды*, *-га̄нто*, *-гы̄нто*, *-конто*, *-гант*, *-ка̄нто*, *-кенто*); Аблатив 2 *-нанто* (*-нант*, *-нандо*); Пролатив *-ун*; Инструменталь *-н*; Комитатив *-се* (*-зе*); Каритив *-калык*; Дестинатив *-ко* (*-нко*)/*-но*; Транслатив *-гле* (*-гиле*, *-угле*).

3) Категория посессивности: а) посессивные суффиксы в Номинативе или следующие за маркером падежа: POSS.1SG *-у* (*-в*); POSS.2SG *-л*; POSS.3SG *-т* (*-ды*, *-до*, *-д*, *-ты*, *-те*); POSS.3DU *-ди* (*-ты*); POSS.1PL *-ут*; POSS.3PL *-тыт* (*-тат* *-дыт*); б) посессивные суффиксы предшествующие маркеру падежа: GEN.POSS.2SG *-н-т* > *-н/-т*; GEN.POSS.3SG *-н-т* > *-н/-т*; GEN.POSS.3PL *-н-тыт* > *-н-т* > *-н/-т*.

4) Категория одушевленности: противопоставление при помощи падежных маркеров: а) неодушевленные имена — Локатив 1 *-гын*; Аблатив 1 *-гынто*; одушевленные имена — Локатив 2 *-нан*; Аблатив 2 *-нанто*.

В материалах св. Макария зафиксированы предикативные, адъективные и адвербиальные формы существительного.

Предикативные формы: SUBST+PRD (PRD.1SG *-н̄*).

Адъективные формы: SUBST+ADJZ (ADJZ *-й, -л*; CAR.ADJZ *-гыды*; LOC.ADJZ *-гый*; COM.ADJZ *-суй*).

Адвербиальные формы: SUBST+ADVZ (ADVZ *-ñ*).

Также было рассмотрено словообразование, в рамках которого мы выделили существительные-композиции и существительные-дериваты.

Существительные-композиции: а) ADJ+мы; PRS.PTCP+мы (NMNLZ: *мы* ‘нечто, вещь’); б) SUBST+GEN/ADJZ+NMNLZ (NMNLZ: *кум* ‘человек’, *сеи* ‘глаз’, *шунчи* ‘нутро’); в) SUBST+SUBST; г) прочее.

Существительные-дериваты: а) SUBST+DIM (DIM *-ка, -чы*); б) было решено включить сюда имена действия, которые также относятся к глагольному словообразованию VERB + SUBSTz (SUBSTz *мте* > *-нме* и *ссан* > *-нсан*) = имя действия; в) конверсия: 1) субстантивированные прилагательные ADJ > SUBST; 2) Субстантивированные причастия: PST.PTCP > SUBST; 3) Субстантивированные деепричастия: CVB2 > SUBST; 4) Субстантивированные глаголы VERB > SUBST.

Также имеются 2 суффикса которые мы затрудняемся однозначно проинтерпретировать: 1) SUBSTz *-би, -ни*; 2) SUBSTz *-ни*.

Сопоставительный анализ позволил выделить следующие отличительные черты диалекта материалов св. Макария:

1) В диалекте св. Макария используется маркер множественного числа *-ла*, что объединяет его с южными диалектами.

2) При обсуждении падежной тематики во внимание принимаются следующие факты:

а) В диалекте св. Макария используются маркеры Генитива *-н*, Аккузатива *-м*, Локатива 1 *-гын*, Пролатива *-ун*, Комитатива *-се, (-зе)*, Дестинатива *-нко (-но)*, что сближает его с кетским диалектом и диалектом материалов Н. П. Григоровского. При сравнении материалов св. Макария (предположительно иванкинский говор, среднеобские говоры шёшкупов/шёшкумов) с более поздними данными по этому же говору, который имеет маркеры Генитива — *-н/-т*, Аккузатива *-м/-р*, Локатива 1 *-yon/-yot*, Пролатива *-ut(ə)*, Комитатива *-se/-ze, -ye*, Дестинатива *-tko*, выясняется, что они отличаются в диахронии; в материалах св. Макария преобладают южные черты, в то время как в более поздних данных — центральные черты.

б) Аблатив 1 и Аблатив 2, имеющие показатели *-qinto* и *-nando*, выделяются только в обских говорах, диалекте св. Макария и диалекте Н. П. Григоровского и относятся к инновационным явлениям в селькупском языке. В свою очередь маркеры Аблатив 1 и *-qunu, -qinni, -qin* и Аблатива 2 *-nanni*, выделяющиеся в кетском и тазовском диалектах, относятся к более архаичным явлениям. В дополнение маркер Аблатива *-до, -ндо* выделяется только в диалекте Н. П. Григоровского, что отграничивает его от остальных представленных диалектов и говоров.

в) Маркер Локатива 2 *-nan*, имеющий инновационный характер, встречается во всех южных и центральных диалектах селькупского языка, в том числе в диалекте св. Макария, но отсутствует в северных диалектах.

В результате анализа материала книги св. Макария (по архивным данным иванкинский говор, среднеобские говоры шёшкупов/шёшкумов) и сравнения их с верхнеобскими материалами книг Н. П. Григоровского и данными середины-конца XX века по селькупским диалектам было выявлено, что материалы св. Макария обладают набором фонетических характеристик, объединяющих его книгу с южными диалектами, в то время как более современные данные по иванкинскому говору имеют смешанные характеристики свойственные как центральному, так и южным диалектам.

Гипотезу об архаическом статусе диалекта книги св. Макария подтверждает и анализ диалектных особенностей, отразившихся в системе консонантизма. С точки зрения системы согласных графем у св. Макария также зафиксирована рефлексация, совпадающая с южными диалектами, ср. 1 изоглоссу по [Хелимский 1985]. Распределение носовых смыхных в ауслауте: Юж. *-т, -н, -п*; Центр. *-р, -т, -к*; Сев. — *т/-р (~ Ø), -н/-т (~ Ø), -п/-т (~ Ø)*. В книге св. Макария зафиксированы *-м, -н, -ñ*: *Ном* ‘Бог’, *кум* ‘человек’, *суурум* ‘зверь’, *ман* ‘я’, *окуришай* ‘недавно’, *кочый* ‘много’, *кушишай* ‘сколько’.

Однако, как следует из материалов по селькупским диалектам, приведенных в [Норманская 2018: 320—360], с точки зрения гласных графем в книге св. Макария представлена одна общая инновация, свойственная центральному диалектам и книгам Н. П. Григоровского, и отличающая их от южных кетских и северных, когда праселькупское **ε* переходит в *a* в центральных диалектах и книгах Н. П. Григоровского, но сохраняется в тазовских диалектах и современном кетском, ср. таз. *кет* ‘кровь’ — кет. *кэм* — нар. *кар* ‘кровь’ — Мак. *кам* — Григ. *кавы-зе* ‘кровь’ < **кет*, другие примеры см. в [Норманская 2018: 343—344]. Это свидетельствует о том, что и в XIX веке среднеобской диалект, отраженный в книге св. Макария уже имел черты в системе вокализма одну инновационную черту, но консонантизм еще оставался архаичным.

В свою очередь сравнение селькупских падежных маркеров, показало, что диалекту материалов св. Макария свойственны определенные инновационные морфологические черты, выделяющиеся для большинства центральных и южных диалектов, такие как Аблатив 1 *-qinto*, Аблатив 2 *-nando* и Локатив 2 *-nan*.

Сокращения

Общие

1 — 1-е лицо	LOC1 — локатив (для неодушевленных предметов)
2 — 2-е лицо	LOC2 — локатив (для одушевленных предметов)
3 — 3-е лицо	LTNT — латентив
ABL1 — аблатив (для неодушевленных предметов)	MLTPL — мультипликативность
ABL2 — аблатив (для одушевленных предметов)	NEG — отрицательная частица
ACC — аккузатив	NMNLZ — номинализатор
ADJ — прилагательное	NOM — номинатив
ADJz — аджективайзер	ob — объектное спряжение
ADVz — адвербализатор	ORD — порядковое числительное
CAR — каритив	PL — множественное число
CAUS — каузатив	POSS — посессивность
COM — комитатив	PRD — предикатив
CVB1 — имперфектное деепричастие	PROL — пролатив
CVB2 — перфектное деепричастие	PRS — настоящее время
DEF — определенность	PST — прошедшее время
DEST — дестинатив	PSTN — прошедшее повествовательное
DIM — диминутив	PTCP — причастие
DU — двойственное число	REFL — рефлексив
DUR — дуратив	SG — единственное число
EMPH — эмфаза	sub — субъектное спряжение
EP — эпентеза	SUBST — субстантив
FUT — будущее время	TR — транзитивность
GEN — генитив	TRSL — транслатив
HAB — хабитуальность	VBLZ — вербализатор
IMP — императив	дв.ч. — двойственное число
INDEF — неопределенность	ед.ч. — единственное число
INF — инфинитив	мн.ч. — множественное число
INSTR — инструменталь	Сев. — северные диалекты
LAT — латив (древний показатель латива)	Центр. — центральные диалекты
LAT1 — латив 1 (иллатив)	Юж. — южные диалекты
LAT2 — латив 2 (датив-аллатив)	

Литература

Архив ЛЯНС 1962—1985 — Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Селькупы. Тома: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 64, 65. — Томск, 1962—1985. {Archive of the Laboratoty of Siberian Indigenous Languages TSPU. Serkup. Volumes: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 64, 65. Tomsk, 1962—1985.}

Байдак 2010 — *Байдак А. В.* Средства выражения одушевленности/неодушевленности в селькупском языке // Вестник Томского государственного университета. 2010, 338. С. 7—13. {*Baydak A. V.* Means of expressing animate-ness/inanimateness in Selkup // Tomsk State University Journal. 2010. Vol. 338. P. 7—13.}

Беккер и др. 1995а — *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. {*Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A.* Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995.}

Беккер и др. 1995б — *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 2. Томск, 1995. {*Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A.* Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 2. Tomsk, 1995.}

Быконя 2005 — *Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P.* Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.}

Глушков и др. 2013 — *Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П.* Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. Томск 2013. С. 49—63. {*Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P.* Selkup dialects // Selkups: Surveys of traditional culture and language. Tomsk, 2013. P. 49—63.}

Григоровский 1879а — *Григоровский Н. П.* Объяснение праздников Св. Церкви. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. {*Grigorovsky N. P.* Explanation of the holi-

days of the Holy Church. In *Ostyak-Samoyed* / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879.}

Григоровский 1879б — *Григоровский Н.П.* Священная история. На остяцко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. {*Grigorovsky N. P.* Sacred History. In *Ostyak-Samoyed* / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879.}

Дульзон 1952 — *Дульзон А. П.* Генеалогия Тобольжиных, Ижучкиных. Том 1. Томск, 1952. {*Dulzon A. P.* Genealogy of Tobolzhins, Izhuchkins. Vol 1. Tomsk, 1952.}

Ким 1986 — *Ким А. А.* Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: дис ... канд. филол. наук. Томск, 1986. {*Kim A. A.* Expressing the possessive category in Selkup dialects: Ph. D. thesis. Tomsk, 1986.}

Кузнецова 1995 — *Кузнецова Н. Г.* Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск, 1995. {*Kuznetsova N. G.* Grammatical categories of the Southern Selkup verb. Tomsk: Tomsk University Press, 1995.}

Кузнецова и др. 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушккина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980. {*Kuznetsova A. I., Helinski E. A., Grushkina E. V.* Essays on the Selkup language. Taz dialect. Vol. 1. M., 1980.}

Макарий 1900 — *Макарий, Епископ Томский (Е. Н.)* Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900. {*Macarius, Bishop of Tomsk (E. N.)* Conversations about the true God and true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900.}

Морев 1979 — *Морев Ю. А.* Выпадение и вокализация согласных в селькупском языке. Советское финно-угроведение. 1979, 4(15). С. 236—242. {*Morev Yu. A.* Fall and vocalizations of consonants in Selkup. Soviet Finno-Ugric studies. Vol. 4, 15. 1979. P. 236—242.}

Норманская 2018 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма: Монография. М., 2018. {*Normanskaya Ju. V.* Reconstruction of Proto-uralic miscellaneous stress and its influence on the development of the vowel system. Monograph. M., 2018.}

ОТК 1901 — Отчет томского комитета православного миссионерского общества за 1900 год / Миссионерский отдел // Томские епархиальные ведомости. 1901, 5. С. 1—11. {Report of the Tomsk Committee of the Orthodox Missionary Society for 1900 / Missionary Department // Tomsk eparchial bulletin. Vol. 5. 1901. P. 1—11.}

Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык. Часть 1. Селькупская грамматика. Л., 1935. {*Prokofyev G. N.* Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Part 1. Selkup grammar. L., 1935.}

Сайнакова 2015 — *Сайнакова Н. В.* Шёшкупские юрты Иванкины на Оби в свете историко-археологических и этнолингвистических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015, 1(7). С. 48—57. {*Saynakova N. V.* Söshkup Ivankin yurts on Ob in light of historical, archaeological and ethnographic data // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Vol. 1, 7. 2015. P. 48—57.}

Хелимский 1985 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42—58. {*Helinski E. A.* On account of the historical dialectology of the Selkup language // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. M., LRC Press, 2004. P. 42—58.}

Хелимский 2007 — *Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь (Тазовский диалект). (PDF file); Отредактированная версия. 2007. {*Helinski E. A.* Northern Selkup dictionary (the Taz dialect). (PDF file); Edited version. 2007.}

Alatalo 2004 — *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004.

Décsey 1990 — *Décsey G.* The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Eurolingua. Bloomington, 1990.

Helinski 1983 — *Helinski Eu.* The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983.

Helinski 1997 — *Helinski Eu.* Hartmut Katz 1943—1996. Finnisch-Ugrische Forschungen. 1997. Vol. 54, 3. P. 391—395.

Katz 1976 — *Katz H.* Selkupica 2. Selkupica 2. Erzbischof Makarijs Besedy ob Istinnom Boge i Istinoj Vere na Narecii Obskich Ostjakov von 1900. Munchen, 1976.

Nikolaeva 2003 — *Nikolaeva I.* Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Eds. *Bernard Comrie, Pirkko Suihkonen.* Izhevsk, 2003.

РЕЗЮМЕ

Данная работа посвящена описанию морфологии одного из первых памятников южноселькупской письменности, зафиксированных епископом Макарием. Комментарии и первичная обработка данного памятника принадлежат Х. Катцу, однако до сих пор отсутствовал последовательный структурный анализ морфологии памятника. В статье приводится описание категории числа, падежа, посессивности, одушевленности/неодушевленности, рассматриваются предикативные, адъективные, адвербиальные формы существительного и именное словообразование. Дополнительно проводится сопоставительный анализ полученных данных с морфологией ранее описанных южных, центральных и северных диалектов селькупского языка.

SUMMARY

The paper presents a morphological description of one of the first written monuments in Southern Selkup, recorded by Bishop Macarius. The first solid comments and handling of the script were made by Hartmut Katz. Nevertheless, until now there was no consistent and structural analysis of its morphology. The paper deals with the description of the following categories: number, case, possessivity, animateness/inanimateness. It also discusses predicative, adjectival and adverbial noun forms and noun formation. In addition, the data obtained were analyzed in comparison with the well described morphology of the Southern, Central and Northern Selkup dialects.

Ключевые слова: обские селькупы, именная морфология, епископ Макарий

Keywords: Ob Selkups, nominal morphology, Bishop Macarius

Ковылин Сергей Васильевич, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск); kovylin.ser@yandex.ru

Sergei V. Kovylin, National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk); kovylin.ser@yandex.ru

Проблема «язык или диалект» и самодийские языки¹

Целью данной статьи является сравнение самодийских языков и диалектов в рамках близкородственных групп: ненецкой, энецкой и селькупской. Идиомы в составе каждой из трёх групп известны, с одной стороны, своей дивергенцией, с другой, традиционно рассматриваются или рассматривались как диалекты одного языка. Поэтому в рамках статьи мы попытаемся рассмотреть различные критерии разграничения языков и диалектов в приложении к самодийским языкам. Мы не будем касаться нганасанского языка, так как его диалекты достаточно близки друг к другу. Также не будем касаться вопросов общей классификации самодийских языков, т. е. отношений между указанными группами, а также исчезнувшими саяно-самодийскими языками.

Язык или диалект

Самодийская группа языков интересна тем, что лингвистическое расстояние между идиомами, входящими в состав каждого из трёх основных традиционных языков этой группы, достаточно велико, и в науке нет единого мнения относительно таксономического статуса этих идиомов.

Традиционно, во всяком случае в отечественной лингвистике, говорится о четырёх живых самодийских языках (нганасанский, ненецкий, энецкий, селькупский) и нескольких вымерших (юрацкий, камасинский, маторский, карагасский, койбальский, сойотский, тайгийский). Однако, в зарубежных работах нередко можно встретить точку зрения о существовании двух ненецких, двух энецких и как минимум трёх селькупских языках (ср. например, [Janhunen, Salminen 1993]). Как правило, такая точка зрения основывается на структурных различиях и, прежде всего, на степени взаимопонятности между разными самодийскими идиомами.

Единственным живым самодийским языком, диалекты которого никто не называет отдельными языками, является нганасанский, что подтверждается информацией о значительной близости между его диалектами [Salminen 1997b: 97]. В то же время различия между лесным и тундровым энецким, между (тундровым) ненецким и нещанским (лесным ненецким) и особенно между различными селькупскими идиомами представляются гораздо более существенными и, возможно, требуют пересмотра сложившихся установок относительно количества самодийских языков.

Вообще проблема разграничения языков и диалектов, хоть и не нова для лингвистов, однако далека от окончательного разрешения. Прежде всего, можно говорить о двух подходах к соотношению понятий «язык» и «диалект». С одной стороны, это могут быть единицы одного уровня, различающиеся лишь набором характеристик. Такое понимание было особенно характерно для более ранних этапов науки, когда чести называться языками удосуживались лишь немногие избранные, обладавшие письменностью и высоким престижем, все же прочие (особенно языки «недоразвитых» племён) именовались диалектами [Hudson 1996: 30—34]. С другой стороны, понятия «язык» и «диалект» могут находиться в иерархическом отношении, т. е. любой диалект входит в какой-нибудь язык, и каждый язык состоит из диалектов (в частном случае из одного диалекта) [Касаткин 1990: 132; Durgell 1990: 499]. Для дальнейшего рассуждения мы будем использовать только второй подход. Иначе говоря, у нас есть совокупность диалектов², и наша задача — разбить их на непересекающиеся множества, которые мы и называем «языками». Совокупность критериев, используемых для такого разбиения, можно разделить на две большие группы: внешние (социо-этно-политические) критерии и внутренние (структурные).

Внешние, или социо-этно-политические, критерии апеллируют не к самому языку или его структурным свойствам, а к его восприятию людьми [Аванесов 1962: 26; Мечковская 1996; Алпатов 2000: 14]. Можно выделить следующие внешние критерии:

- 1) общая наддиалектная норма
- 2) этническая ориентация
- 3) мнение носителей

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01649.

² В данном случае под диалектом мы понимаем любую языковую разновидность (или идиом), входящую в состав языка, будь то наречие, диалект (в том числе социальный), говор или даже идиолект.

Внутренние (структурные) критерии должны опираться на фактические различия между идиомами и быть независимы от мнения людей и других внешних факторов. Можно выделить следующие подходы к структурному определению степени близости идиомов:

- 1) измерение взаимопонятности;
- 2) измерение структурных различий;
- 3) лексикостатистические подсчёты.

Подробное обоснование обеих групп критериев, особенно последнего, даётся в [Коряков 2017]. Наконец, особое место занимает то, что думают/пишут относительно пары или группы идиомов те или иные исследователи в своих работах. Далеко не всегда они чётко эксплицируют свои критерии, поэтому такую экспертную информацию следует рассматривать отдельно.

В целом все упомянутые критерии применимы к современным самодийским языкам, и ниже мы попытаемся их применить по отдельности к каждой из подгрупп, затем посмотрим, что дают лексикостатистические подсчёты. В конце мы попробуем оценить полученные результаты.

К сожалению, к вымершим самодийским языкам Саян не применима большая часть критериев, поэтому мы не будем их рассматривать в данной работе.

Ненецкая подгруппа

Ненецкая подгруппа включает два идиома: тундровый ненецкий и лесной ненецкий, которые рассматриваются то как наречия или диалекты, то как отдельные языки. Кроме того, Е. А. Хелимский предположил, что существовала третья единица — юрацкий, или старовосточный ненецкий, значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного диалектов, но имевший черты, сближавшие его с территориально смежным энецким языком [Хелимский 1976б]. Однако данных по этому исчезнувшему идиому практически не осталось, поэтому он не рассматривается в данной работе.

В конце XIX — нач. XX вв. язык лесных ненцев рассматривался скорее отдельно (Я. Н. Попова [Попова 1978б: 9] упоминает работы П. Н. Буцунского, С. П. Патканова, И. И. Срезневского, В. И. Бартенева, А. А. Дунина-Горкавича³), М. А. Кастрен даже рассматривал его переходное звено между северносамодийской и южносамодийской подгруппами [Castrén 1853: 67]. Укоренившаяся на долгие десятилетия в советском языкознании традиция рассматривать ненецкие идиомы как диалекты одного языка в значительной степени, видимо, является следствием вывода, сделанного фактически первым исследователем лесного ненецкого Г. Д. Вербовым (выполнявшим поручение Комитета нового алфавита): «Предварительно можно уже сейчас сказать, что в отношении структурном диалект лесных ненцев очень близок к литературному языку, то же можно сказать и о лексике. Создавать письменность для групп лесных ненцев, насчитывающих, по моим предположениям, около 1500—1700 человек, совершенно нецелесообразно. Они смогут быть обслужены литературным ненэским языком»⁴.

Надо сказать, что хотя практически во всех отечественных работах разновидности ненецкого назывались диалектами или наречиями, при их сравнении неизменно подчёркивались существенные различия между ними (ср. [Терещенко 1947: 8; Попова 1978а: 6]). Так, Н. М. Терещенко [Терещенко 1956: 199—200] писала, что «различия между наречиями ненецкого языка (...) настолько велики, что говорить о наречиях в общепринятом смысле слова здесь можно только весьма условно. Правильнее было бы рассматривать эти наречия как близко родственные языки, возникшие, очевидно, на общей основе, но в своем дальнейшем развитии, в силу почти полного отсутствия общения между их носителями, значительно разошедшиеся». Тем не менее в советское время попыток говорить о двух разных ненецких языках не предпринималось.

В 1994 году Е. А. Хелимский [Хелимский 1994: 41] вновь пишет: «Особняком стоит наречие лесных ненцев, которое, по мнению ряда исследователей, может рассматриваться как самостоятельный язык». Наконец, С. И. Буркова [Буркова 2010а: 182] пишет, что: «В связи с этим в лингвистической литературе неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой лесной и тундровый диалекты правильнее было бы рассматривать как близкородственные языки, возникшие на общей основе, но в своем дальнейшем развитии значительно разошедшиеся».

Несмотря на оптимистичное заявление А. А. Буркина [Буркин 2010: 27]⁵ во многих издаваемых в России работах ненецкий продолжает рассматриваться как единый язык с двумя диалектами (ср. [Бур-

³ [Буцунский 1893: 10; Патканов 1911: 122; Срезневский 1893: 1367; Бартенев 1896: 51—52; Дунин-Горкавич 1904: 117—119].

⁴ Научный архив МАЭ РАН, Ф. 2, Оп. 1, № 23. Цит. по [Буркова 2010а: 189].

⁵ «Язык лесных ненцев — нещанский — за это время изменил статус и из диалекта, как его принято называть вслед за Г. Д. Вербовым, превратился в самостоятельный язык, который в таком качестве преподается в школах и

кова и др. 2003; Кошкарёва и др. 2003; Кошкарёва 2005; Буркова 2008; Сказки 2016] и др.). Впрочем, всё чаще встречаются и работы, где эксплицитно различаются два ненецких языка, ср. [Казакевич 2003а; Казакевич, Парфёнова 2003; Буркова 2016а; 2016б; Стенин 2015; 2017; Кошкарёва и др. 2017], правда порядок слов в названиях этих языков в некоторых работах даётся обратный: «Ненецкий лесной язык» и «Ненецкий тундровый язык» — видимо, чтобы они оказались в нужном месте по алфавиту.

Наконец, в ряде русскоязычных газетных статей и очерков, написанных носителями языка, и работах М. С. Приходько [Приходько 2000; Приходько 2002], для лесного ненецкого используется название «нешанский/нешанский язык» (от самоназвания языка), использование которого хочется только приветствовать.

Ранние западные исследователи также придерживались точки зрения о едином языке (например, [Lehtisalo 1947; 1956; Pusztay 1976] и др.). Однако, как минимум начиная с 1959 года [Hajdú 1959а; Hajdú 1959б] в заглавиях начинают различаться два ненецких языка (ср. [Marosán 1983; Pusztay 1980; Salminen 2001] и т. д.). Редким исключением является работа [Janhunen 1998: 457], в которой говорится об одном ненецком языке.

Теперь посмотрим, что говорят объективные и субъективные **критерии**.

Литературная норма для ненецкого была создана на основе большеземельского говора тундрового ненецкого языка. Хотя к этому варианту есть много нареканий со стороны носителей восточных говоров (особенно таймырских), она более или менее понятна носителям всех тундровых диалектов. После экспедиции Г. Д. Вербова в 1934 году по поручению Комитета нового алфавита народов Севера и сделанного им заключения о близости двух ненецких языков и нецелесообразности создания отдельной письменности для лесных ненцев, для обучения последних также применялась большеземельская литературная норма [Буркова 2010б: 12—13]. Хотя уже в советское время исследователи отмечали, что «имеющейся письменностью на ненецком языке лесные ненцы обслуживаться не могут» [Терещенко 1965б: 10], аналогично «лесные ненцы не могут в полной мере пользоваться литературой и словарями, созданными на базе тундрового наречия» [Попова 1978а: 6], попытки создания отдельной письменности стали предприниматься только в начале 1990-х гг. [Salminen 2000; Toulouze 2003].

Этнически, тундровые и лесные ненцы считают друг друга родственными, но всё же различными группами. Они имеют разные самоназвания: *n'énék*[?] у тундровых ненцев, *n'éfan* у лесных. А. А. Бурькин пишет [Бурькин 2010: 27]: «Правда, статус этнической группы лесных ненцев до сих пор, как это нередко имеет место в отношении малочисленных и недостаточно исследованных этнических сообществ, остается спорным среди этнологов [Квашнин 2008]». В то же время С. Буркова утверждает [Буркова 2016а: 309], что «при этом тундровые ненцы существенно отличаются от лесных по большинству этнических признаков: языку, традиционной хозяйственной деятельности, традиционной экономике, материальной культуре, в связи с чем в этнологических исследованиях последних лет неоднократно обсуждалась возможность признания тундровых и лесных ненцев отдельными народами».

Что касается степени **взаимопонятности**, то тут большинство авторов единодушны. И в советское время, и особенно в современных публикациях подчёркивается отсутствие взаимопонимания между двумя ненецкими идиомами. Вот лишь несколько цитат:

В результате, хотя различия между обоими наречиями сводятся в основном к фонетическим, они настолько велики, что взаимное понимание представителей обоих наречий затруднено [Терещенко 1965б: 10].

Тем не менее, фонетические различия, благодаря которым в большинстве случаев слово изменяется до неузнаваемости, значительно затрудняют общение между лесными и тундровыми ненцами, которые с трудом понимают друг друга [Попова 1978а: 6].

Отличия диалекта лесных ненцев от диалекта тундровых ненцев в области морфологии, лексики и особенно в области фонетики настолько значительны, что затрудняют взаимное понимание [Хомич 1995: 32].

It has been customary to refer to Nenets as a single language, but the two Nenets languages are in fact quite distinct and mutually unintelligible [Salminen 1997в: 13].

Closeness between two varieties is not evident for the speakers themselves [Toulouze 2003: 96].

Это приводит к тому, что взаимопонимание между их носителями практически отсутствует [Буркова 2010а: 309].

осмыслен как отдельный язык педагогами. (...) В последующие годы изменились и статус, и степень изученности лесного наречия ненецкого языка — так называла свой предмет Я. Н. Попова — языка лесных ненцев, как его стали называть позднее, или нешанского языка, как его именуют современные лесные ненцы».

The two Nenets languages have long been considered as dialects and are still classified as such by e. g. Ethnologue and most Russian-language sources. However, linguistic differences between them are rather significant; they are comparable to those that exist between German and Dutch (Salminen 1993–2012), and mutual comprehension is almost impossible [Nikolaeva 2014: 2].

В отечественной традиции обычно говорят о диалектах или наречиях одного ненецкого языка, однако различия в фонетике и морфологии между двумя ненецкими языками настолько велики, что указанные идиомы ни в коей мере не являются взаимопонимаемыми, а глубина расхождения между ними не менее, чем между мокшанским и эрзянским [Стенин 2015: 93].

Энецкая подгруппа

На энецком говорят две группы — тундровые и лесные энцы, в каждой из которых осталось всего по несколько десятков носителей. Вплоть до работ Н. М. Терещенко [Терещенко 1965а; 1966] энецкий сам считался диалектом ненецкого — енисейско-самоедским. С тех пор он рассматривается как единый язык с двумя диалектами (см. [Глухий 1976] и другие авторы) или наречиями [Терещенко 1965а; 1966], в т. ч. и в самых последних работах [Хелимский 2007б; Трубецкой 2010; Урманчиева 2016; Шлуинский, Ханина 2016].

Впервые энецкий был эксплицитно разделён на два языка в работе [Janhunen, Salminen 1993]. Оба автора продолжают придерживаться этой точки зрения и в последующих своих работах: “However, it can be argued with good reason that Tundra Enets and Forest Enets should be regarded as separate languages rather than dialects” [Salminen 1997a]; “Samoyed is actually a chain of seven distinct branches, four of which are single languages, while Enets, Nenets and Selkup are subbranches consisting of closely related but separate languages despite their administrative treatment as single languages” [Salminen 2007: 218]; “there are cases which are on the verge of having become separate languages, such as Tundra Nenets vs. Forest Nenets, and Tundra Enets vs. Forest Enets vs. Yurats” [Janhunen 2009: 63]. Последовательным сторонником идеи о двух энецких языках является и фактически единственный нероссийский исследователь энецкого Ф. Сигл, который писал: “Against the background of recent sources [Лабанаускас 2002] and the author’s fieldwork it is however justified to speak of two independent though very closely related languages, but this is not the topic of this paper” [Siegl 2007a]. Редкий случай косвенного упоминания о двух энецких языках у отечественного автора представлена в работе [Стенин 2015: 93]: «Тундровый ненецкий вместе с лесным ненецким, лесным и тундровым энецким, нганасанским, северно-, южно- и центрально-селькупским составляют самодийскую группу языков, которая наряду с финно-угорской входит в уральскую языковую семью».

Посмотрим как выглядит ситуация с критериями для разграничения языка и диалекта.

Энецкий язык фактически является бесписьменным, хотя были проекты алфавита, а практическая письменность даже использовалась некоторое время в печати. Однако общей **наддиалектной** литературной нормы выработано не было, и при необходимости использовался тот или иной диалект [Siegl 2007б; Шлуинский, Ханина 2016: 590—591].

В течение всего исторического периода наших знаний об энцах они существовали в виде двух автономных **этнических** групп. В советское время, в отличие от многих других народов, также не было предпринято никаких попыток консолидации помимо введения нового общего этнонима. «Однако это название («энцы» — Ю. К.) не привилось, и представители энецкой народности продолжают именовать себя по основным племенным группам «бай» и «маду», не испытывая стремления к единому самоназванию» [Терещенко 1966: 438]. За последующие полвека также ничего не изменилось:

Общего исконного самоназвания у энцев нет, как нет и общей этнической идентичности. Обобщающий термин «энцы» был введен искусственно Г. Н. Прокофьевым в 1930-е гг. (по аналогии с ненцами), употреблявшийся до этого термин «енисейские самоеды» также использовался только исследователями. В настоящее время, говоря по-русски, энцы обеих групп называют себя энцами, а некоторые тундровые и лесные энцы вторично соотносят этнические группы как родственные [Шлуинский, Ханина 2016: 589].

Сами энцы считают эти диалекты отдельными языками наряду с ненецким и нганасанским языками [Долгих 1961: 4]

Мнения о **взаимопонятности** двух энецких идиомов противоречивы.

С одной стороны, А. Ю. Урманчиева [Урманчиева 2002: 573] пишет, что «несмотря на незначительные лексические различия, диалекты взаимопонятны. Их грамматические формы идентичны; тундровый диалект характеризуется сохранением более полной структуры слова, тогда как в речи носителей лесного диалекта сильна редукция». С этим утверждением в целом согласны А. Б. Шлуинский и О. В. Ханина

[Шлуинский, Ханина 2016: 589]: «данные два идиома в целом взаимопонятны, но имеют ряд отличий, в том числе в широкоупотребительной лексике».

С другой стороны, Т. Салминен утверждает, что “it is known that they are hardly mutually intelligible and differ in their basic vocabulary as well, so that they do not fit all that easily into one dictionary” [Salminen 1997a]. Аналогично, “Enets is split up in two idioms, which may be considered independent languages as they are mutually incomprehensible” [Siegl, Riebler 2015]. В. И. Васильев и В. А. Туголуков приводят свидетельство тундрового энца (Чано Турутина) о том, что он не понимает половины слов из диалекта пэ-бай, на котором говорила семья лесных энцев (Ашляпкины) [Васильев, Туголуков 1960: 134].

Впрочем, возможно, истина лежит посередине: “though it is hard to say whether we deal here with two dialects of the same language or two languages. According to fieldwork experience of the first author, speakers of Tundra Enets and Forest Enets can easily understand each other, if they want to, or may choose to stress the difference between the two groups and claim the lack of mutual comprehension” [Khanina, Meyerhoff 2018].

Относительно **структурных** различий исследователи в целом согласны в оценках. Н. М. Терещенко [Терещенко 1965: 122] писала: «два наречия энецкого языка маду (или сомату) и бай, довольно значительно отличающиеся друг от друга прежде всего по лексическому составу, частично по фонетике и по грамматике». Аналогичны этому следующие утверждения: “Forest Enets and Tundra Enets are officially counted as dialects of a single language, but they have a number of fundamental differences” [Janhunen, Salminen 1993]; и «Диалекты энецкого языка (...) сильно отличаются друг от друга на большинстве уровней языковой структуры (фонетика, лексика, в меньшей степени морфология), нередко воспринимаясь самими энцами как разные языки» [Болина, Хелимский 1994: 72]. Подробно вопрос структурных различий разбирается в докладе [Khanina et al. 2018].

Селькупская подгруппа

Внутреннее членение селькупской подгруппы устроено более сложно. В отличие от бинарного деления у ненцев и энцев селькупский «язык» состоит из нескольких диалектных пучков, часть из которых образуют диалектно-языковой континуум. Существует несколько версий внутренней селькупской классификации, наиболее часто выделяются наречия северное (или тазовско-туруханское), центральное (диалекты Тыма, Нарыма, Васюгана, Парабели), обское (диалекты Средней Оби, Чаи, Нижней Кети), кетское (диалекты Средней и Верхней Кети), утраченное крайне-южное (диалекты Верхней Оби, Чулыма, Томи) [Казакевич 2016]. Северное наречие представлено в Ямало-Ненецком АО и прилегающих районах Красноярского края, все остальные («южные») — в Томской области.

Большинство исследователей пишет о селькупском как о едином языке. Первыми и почти единственными, кто постулировал наличие трёх селькупских языков (Northern Selkup, Central Selkup, Southern Selkup), были Ю. Янхунен и Т. Салминен: “The three main varieties of Selkup have traditionally been counted as dialects of a single language; their differences are, however, comparable to those between, for instance, Ket, Yug, and Pumpokol” [Janhunen, Salminen 1993]. Позднее Т. Салминен писал также: “Central and Southern Selkup differ from both Northern Selkup and each other to the extent that they are separate languages rather than dialects of a single Selkup language” [Salminen 1997b: 103]; а также: “Samoyed is actually a chain of seven distinct branches, four of which are single languages, while Enets, Nenets and Selkup are sub-branches consisting of closely related but separate languages despite their administrative treatment as single languages” [Salminen 2007: 218]. Из отечественных лингвистов эту точку зрения поддержал только И. Стенин [Стенин 2015: 93]: «Тундровый ненецкий вместе с лесным ненецким, лесным и тундровым энецким, нганасанским, северно-, южно- и центрально-селькупским составляют самодийскую группу языков, которая наряду с финно-угорской входит в уральскую языковую семью».

Попробуем приложить существующие **критерии** к селькупской ситуации.

Единой **письменности** для селькупов никогда не существовала. Издания XIX века основывались на обских диалектах. В 1930-х годах была создана письменность на северном наречии, которую возрождают с 1980-х годов. Как пишет О. А. Казакевич [Казакевич 2016]: «Поскольку диалекты южных селькупов существенно отличаются от северного (тазовско-туруханского) наречия, учебники, создаваемые на говорах этого наречия, непригодны для использования на юге. В начале 1990-х гг. в Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета была разработана система письма для диалектов южных селькупов».

Отдельные группы селькупов видимо не осознавали себя как принадлежащих к единому **этносу**, особенно северные и южные селькупы. Косвенно об этом свидетельствует и отсутствие общего самоназвания. Так, известны следующие самоназвания: *шóлькуп*, *сòлькуп* (северные селькупы), *чумылькуп* (по реке

Тым и на Оби у города Нарыма), *шӧшкун*, *сюссогум* (по Оби в районе города Колпашево и по реке Кеть), *тӧйкун* (несохранившаяся группа на реке Чулым). При этом названия *шӧлькун*, *сӧлькун*, *шӧшкун*, *сюссогум* обозначают «лесной человек», названия *чумьлькун* и *тӧйкун* — «земляной человек». Введённое же в 1930-е годы общее русское название «селькупы» (на основе северного самоназвания), не прижилось среди селькупов Томской области, которые продолжали называть себя по-русски «остяки» [Казакевич 2016: 419].

Что касается степени **взаимопонятности**, Е. А. Хелимский отмечал: “The differences between any adjacent idioms are minimal, but for example the Taz dialect (North) and Middle Ob’ dialect (South) are mutually incomprehensible, differing approximately as much as Russian and Polish or Udmurt and Komi” [Helimski 1998]. Аналогично пишет и О. А. Казакевич: «В то же время диалекты, далеко отстоящие друг от друга, например, северный и нарымский, имеют довольно существенные различия и взаимопонимание их носителей затруднено» [Казакевич 2003б: 480].

Лексикостатистические подсчёты

Таким образом, во всех трёх ситуациях использование разных критериев даёт разные результаты относительно того, считать ли соответствующие компоненты отдельными языками или диалектами, причём ненецкая ситуация в этом смысле наименее противоречивая. Поэтому представляется удобным использовать эти ситуации для использования лексикостатистического подхода к разграничению языков и диалектов [Коряков 2017]. Согласно представленному там критерию считается, что при проценте совпадений $\geq 91\%$ идиомы являются взаимопонимаемыми и могут считаться диалектами одного языка, а при проценте совпадений $\leq 90\%$ — не являются взаимопонимаемыми и могут считаться разными языками. Диапазон между 90 и 91 % является переходной зоной и при установлении таксономического статуса в таких случаях следует собирать дополнительные данные и учитывать другие факторы [Коряков 2017: 92].

В нашем исследовании будет использоваться 100-словный список Сводеша — Старостина [Старостин 2007: 784], так как смысловые концепты этого списка более универсальны, чем у 200-слового [Swadesh 1955], и лишь для него обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации [Starostin 2010; Kassian et al. 2010], позволяющие получить достаточно точные сравниваемые данные для разных языков. Согласно предложенной С. А. Старостиным процедуре, из подсчета удаляются заимствования, дается экспертная оценка родственности слов и затем подсчитывается процент совпадений между списками двух идиомов. Что касается синонимов, то сравнение результатов обработки списков, составленных по более строгим критериям (обычно не более пяти синонимов на весь список, ср. [Starostin 2010: 100]), и списков с большим количеством синонимов говорит в пользу минимизации количества синонимов (М. Сводеш вообще не допускал синонимов), для чего могут быть эффективно использованы уточняющие контексты [Kassian et al. 2010]. Хотя неучитывание заимствований вполне обосновано для целей общей компаративистики и построения генеалогических классификаций [Starostin 2013: 133—136], вопрос их учета при синхронном сравнении близкородственных языков и диалектов остается открытым и требует дальнейшего изучения. Как уже отмечалось, при лексикостатистических исследованиях главную роль играют не алгоритмы, а качество исходных данных [Kassian 2015: 78]. Поэтому при проверке нашей гипотезы особое внимание было обращено на качество сбора и обработки лексических списков.

Идея использования лексикостатистики для уточнения классификации самодийских языков не нова. Впервые её использовал Е. А. Хелимский [Хелимский 1982], недавно его данные были уточнены В. Блажеком [Blažek 2016]. Однако в обеих работах основное внимание уделялось сравнению отдельных подгрупп самодийских языков, а не сравнению идиомов внутри этих подгрупп. Так, у Хелимского использовано по одному ненецкому (тундровый), энецкому (тундровый) и селькупскому (тазовский) списку. Блажек также не различает ненецкие, но использует данные обоих энецких идиомов и до 12 селькупских диалектов, однако по-прежнему не сравнивает их между собой. К тому же, у него практически не используются современные словари и полевые материалы, что сильно снижает качество его списков. Первая попытка лексикостатистических подсчётов между селькупскими диалектами была предпринята Е. А. Хелимским, который сравнил северный и обский диалекты на основе сокращённого 84-слового списка и обнаружил расхождения в 12 случаях (86 %) [Хелимский 1985: 57]. Не имея возможности определить, какой из семантически близких вариантов использовать, он отбросил слова ‘идти, плавать, тот, этот’ (каждое из них может быть передано в самодийских языках целым рядом слов), ‘семья’ (во многих самодийских языках не имеет специального лексического выражения).

Все использованные нами списки даны в Приложении.

Для **ненецкой** подгруппы были использованы два списка:

— список тундрового ненецкого языка, составленный М. К. Амелиной на основе словарей [Терещенко 1965б; Salminen 1998] и собственных полевых материалов из с. Ома (канинский диалект, май-июнь 2011 г.), с. Красное (большеземельский диалект, март 2012 г.) Заполярного района Ненецкого АО (западный и центральный диалекты), с. Гыда Тазовского р-на (гыданский диалект, сентябрь 2011 г.) и с. Сё-Яха и Тамбейской тундры Ямальского р-на (ямальский диалект, апрель-сентябрь 2010 г.) Ямало-Ненецкого АО (восточные диалекты);

— список пуровского диалекта нещанского (лесного ненецкого) языка, составленный М. К. Амелиной на основе словарей [Бармич, Вэлло 2002; Попова 1978а] и собственных полевых материалов из с. Халясавэй Пуровского р-на Ямало-Ненецкого АО (июль 2012 г.).

— данные старовосточного (юрацкого) «диалекта» [Хелимский 1976б] не были нами использованы из-за своей скудости: Е. А. Хелимский отмечает, что из малого (= 100-словного) списка Сводеша ему удалось собрать только 58 юрацких слов [Хелимский 1982: 28].

Полученные проценты совпадений между каждой парой списков представлены в табл. 1 (восточные и западные тундровые диалекты даны отдельно).

Таблица 1. Проценты совпадений между ненецкими идиомами

	вост. тундр.	лесн.
зап. тундр.	98	87,9
вост. тундр.		88,9

Процент совпадений между тундровыми и лесными диалектами достаточно низкий (в среднем 88,4%), чтобы считать тундровый и лесной ненецкий разными языками, как, впрочем, и считает уже большинство современных исследователей. Для сравнения практически такие же проценты совпадений имеют такие пары языков, как нидерландский / литературный немецкий, галисийско-португальский / испанский, мокшанский / эрзянский.

Для **энецкой** подгруппы были использованы два списка:

— список тундрового энецкого, составленный О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинским на основе словаря [Хелимский 2018] и собственных полевых материалов (см. [Ханина 2014—2016]);

— список лесного энецкого, составленный О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинским на основе полевых материалов О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинского, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецкого из Потапово и Дудинки (2005—2010 годы) (доступны в виде электронного словаря [Ханина, Шлуинский 2014—2016]), частично дополненный на основе словаря [Сорокина, Болина 2009].

Получаемый процент совпадений между тундровым и лесным энецким заметно выше границы между языком и диалектом. Если мы признаём факт заимствования местоимения 2 лица единственного числа в лесном энецком из кетского (факт, частично подвергаемый сомнению в [Siegl 2008]), то процент совпадений = 93,9 %. Если мы допустим, что местоимение «ты» является продуктом собственного развития, то процент совпадений = 92,9 %. В любом случае, с точки зрения лексикостатистики две разновидности энецкого являются диалектами одного языка.

Для **селькупской** группы были использованы семь списков:

— список среднетазовского (сокращение — *ТАЗ*) диалекта, составленный автором в основном на основе словаря [Хелимский 2007а] (материал из него даётся для этого входа без ссылок) с дополнениями из словаря [Казакевич, Будянская 2010а];

— список баишенского (туруханского; *БАИ*) диалекта, составленный автором на основе полевых материалов О.А. Казакевич и Е.М. Будянской из с. Фарково Туруханского района Красноярского края и частично дополненный на основе словарей [Казакевич, Будянская 2010а; Быконя и др. 2005];

— список нарымского (*НАР*) диалекта, составленный автором на основе полевых материалов, собранных Н. Л. Федотовой от носительницы Коробейниковой Ирины Анатольевны в деревне Голещихино Парабельского сельского поселения Парабельского района в 2009 г. и затем обработанных Н. В. Дубровской, Ю. В. Норманской и Р. И. Идрисовым; частично дополненный на основе разговорника [Купер, Пустай 1993], словаря [Быконя и др. 2005] (слова с пометкой «об. Ч.») и материалов из архива А. П. Дульзона, цитируемых по работе [Норманская 2012];

— список тымского (*ТЫМ*) диалекта, составленный автором на основе словарей [Alatalo 2004] и [Быконя и др. 2005];

— список васюганского (ВАС) диалекта, составленный автором на основе словарей [Alatalo 2004] и [Быконя и др. 2005];

— список кетского (KET) диалекта, составленный автором на основе словаря [Алатало 1998] и полевых материалов О. А. Казакевич и Е. М. Будянской из сс. Степановка и Катайга Верхнекетского района Томской области [Казакевич, Будянская 2010б]; с отдельными добавлениями их словаря [Alatalo 2004];

— список нижнечаинского (НЧА) диалекта, составленный автором на основе словаря [Григоровский 2007]; с отдельными добавлениями из словаря [Alatalo 2004] (слова с пометкой *Їа*.);

— список общеселькупских архетипов (*Селькуп.*), взятый из словаря [Alatalo 2004].

Следует отметить, что из-за существенных недостатков (отсутствие точной говорной, пространственной и временной локализации приводимых слов) словарь [Быконя и др. 2005] используется в основном в сравнительных целях.

Полученные нами проценты совпадений между каждой парой списков представлены в табл. 2.

Таблица 2. Проценты совпадений между селькупскими идиомами

	БАИ	НАР	ТЫМ	ВАС	КЕТ	НЧА
ТАЗ	95,8	83,7	88,8	83,7	85,7	86,6
БАИ		81,3	88,5	81,3	83,3	83,3
НАР			93,9	92,9	92,9	93,8
ТЫМ				91,8	93,9	94,8
ВАС					90,8	90,7
КЕТ						94,8

Прежде всего видно, что отчётливо выделяются северноселькупские диалекты, процент совпадений которых с остальными диалектами (среднее = 84,6 %, минимум = 81,3 %) ярко свидетельствует о том, что они должны считаться отдельным языком. Такой процент совпадений сравним, например, с парами польский/украинский, удмуртский/коми, финский/эстонский. Различия между отдельными составляющими внутри северноселькупского (95,8 %) также заметны, хотя не превосходят границы между языком и диалектом.

Остальные диалекты также образуют отдельный язык (процент совпадений в среднем = 92,8 %), причём проценты совпадений между отдельными диалектами которого нигде не опускаются ниже пороговых 90 %. Отдельную сложность представляет терминологический вопрос о названии данного языка. Среди возможных вариантов: южноселькупский, центрально-южноселькупский, язык южных селькупов, томско-селькупский, язык селькупов Томской области, селькупско-остяцкий.

Остаётся открытым вопрос о вхождении в этот «центрально-южноселькупский» язык крайне-южных диалектов, от которых осталось очень мало данных, в силу чего они не были включены в данное исследование.

Выводы

Итак, мы рассмотрели мнения лингвистов, попытались применить известные критерии для разграничения языка и диалекта, а затем использовали лексикостатистический метод для определения какие из самодийских идиомов могут претендовать на статус языка. Сводные итоги приведены в таблице 3.

Таблица 3. Примеры применения внешних и внутренних критериев

Критерии \ Язык	Мнение лингвистов	Литературная норма	Этническая общность	Взаимопонимание	Лексикостатистика
Ненецкие	+	+	±	+	+ 88,4%
Энецкие	∓	~	+	∓	- 93,9%
Селькупские	∓	+	+	+	+ 85 %

+ – согласно данному критерию можно говорить о двух или нескольких отдельных языках

– – согласно данному критерию можно говорить о едином языке с несколькими диалектами

~ – данный критерий не актуален или неоднозначен

В целом, можно сказать, что наиболее ясная ситуация с ненецкими языками: большинство критериев указывает на то, что это два отдельных языка, с этим мнением соглашаются всё большее количество лингвистов и это подтверждается лексикостатистическими подсчётами. То, что во многих публикациях речь по-прежнему идёт о едином ненецком языке, можно объяснить некоторой инерцией.

Ситуация с энецким более сложная: мнения лингвистов о степени различия и взаимопонятности расходятся, хотя скорее склоняются в сторону того, что это единый язык с двумя диалектами, носители которых не воспринимают себя в качестве единой этно-языковой общности. Лексикостатистические данные подтверждают наличие одного энецкого языка.

Наконец, ситуация с селькупскими наиболее полярна: мало кто из лингвистов, непосредственно занимающихся этими языками, говорит о разных языках, в то же время все критерии, включая данные лексикостатистики говорят о том, что это минимум два разных языка, причём лингвистическое расстояние между ними даже больше чем между ненецкими. Ситуация усугубляется тем, что, во-первых, в большинстве диалектных классификаций центральные и южные селькупские диалекты не образуют единой общности; во-вторых, для них соответственно не удаётся придумать удачное обозначение; в-третьих, тем, что в Томской области остались считанные единицы носителей; в-четвёртых, неясностью с положением крайне-южных диалектов.

Приложение⁶ Стословные списки

Слова упорядочены в алфавитном порядке по русскому слову, номер перед словом соответствует стандартному английскому списку. После сокращённого названия языка/диалекта указывается номер когната в пределах каждой из языковых подгрупп (ненецкой, энецкой и селькупской). Хотя подсчёты велись на основе стословных списков (так как именно для них были вычислены пороговые значения в [Коряков 2017]), десять дополнительных слов из списка С. Яхонтова (подробнее, см. [Бурлак, Старостин 2005: 12—13]) также традиционно приводятся в списках на своём алфавитном месте.

Во входе Селькуп. для каждой из селькупских праформ даётся номер когната полужирным шрифтом, затем в круглых скобках номер входа из издания [Alatalo 2004], затем после самой праформы и перевода приводится указанная в этом словаре информация по происхождению слова (оформленная по правилам журнала). Переводы, совпадающие с названием входа, не подписаны. Данные из него даны без добавочных диакритик, не имеющих фонематического значения, *k* заменено на *q*.

96. Белый

Ненецкая

ЛН: **1** *хэл* [Бармич, Вэлло 2002: 141, 168]; *χæl*.

ТН: **1** *сэр*'' [Терещенко 1965: 586]; *сær?*, *ser?*.

Энецкая

ТЭ: **1** *siroi*.

ЛЭ: **1** *sil'ejgu*.

Разные производные от одного корня.

Селькупская

ТАЗ: **1** *serj* 'белый; светлый, бледный, седой'; *cāqj*.

⁶ Без ссылок в соответствующих входах даются материалы из следующих источников:

ТН: полевые материалы М. К. Амелиной 2010—2012 гг.

ЛН: полевые материалы по пуровскому диалекту лесного ненецкого языка (с. Халясавэй Пуровского района ЯНАО, июль 2012 г.).

ТЭ: [Хелимский 2018].

ЛЭ: [Ханина, Шлуинский 2014—2016].

ТАЗ: [Хелимский 2007а].

БАИ: полевые материалы О. А. Казакевич и Е. М. Будянской из с. Фарково Туруханского района Красноярского края.

НАР: полевые материалы Н. Л. Федотовой из дер. Голещихино Парабельского района Томской области 2009 года. Материалы доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/334/3/perspective/334/4/view>.

БАИ: **1** *сэры* [Казакевич, Будянская 2010а: 119].
 НАР: **2** *te'ag*; об. Ч. *тяз, тязэ, чязэ, чазы, чазэ, чаз* [Быконя и др. 2005].
 ТЫМ: **2** *t'āg* [Alatalo 2004: 222]; *тяк* [Быконя и др. 2005].
 ВАС: **2** *tšay* [Alatalo 2004: 222]; *тязы, чāко, чазы, чазэ* [Быконя и др. 2005].
 КЕТ: **2** *тэзы* [Алатало 1998: 82]; степ. *т'ек-* [Казакевич, Будянская 2010б]; *тезы, теэый, тэқэ, теээ* [Быконя и др. 2005].
 НЧА: **2** *тэзы, тэган* [Григоровский 2007: 213].
 Селькуп.: **2** (1555) *čāqə* [Alatalo 2004: 222—223] < ПС **jekz* [Janhunen 1977: 42]; **1** (2697) *serə* [Alatalo 2004: 381] < ПС **ser* [Janhunen 1977: 138].

103. Близко

Ненецкая

ЛН: **1** *ла"к* [Бармич, Вэлло 2002: 59, 170]; *лэрк*.

ТН: **2** *хахя* [Терещенко 1965: 759]; *хах'яэ*.

Разные корни.

Энецкая

ТЭ: **1** *ben'il'ajgu*.

ЛЭ: **1** *benil'ejgu, inuku*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *tettisaŋ, teccaŋ; тэттыча-к/у*.

БАИ: **1** *təflane; тэттыча-к/у* [Казакевич, Будянская 2010а: 134].

НАР: **2** об. Ч. *ылбээндэ* [Быконя и др. 2005]; ср. *kə'git* 'возле, около (послелог)'.
 ТЫМ: **1** *t'ardäkt* [Alatalo 2004: 155].

ВАС: **0** Слово не найдено.

КЕТ: **1** *чаччек, чаччекты* [Алатало 1998: 83]; степ. *fəfədejan*; кат. *fətfəekin* [Казакевич, Будянская 2010б]; *чачэк, чячег, чячек* [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *чардзекань* 'близко / близко (о времени)' [Григоровский 2007: 232]; *чажекань, чажекуань* 'недалеко, близко' [Григоровский 2007: 230; Helimski 1983: N 1538].

Селькуп.: **1** (1050) *čačä* [Alatalo 2004: 155]. Производные от (1768) *qə* 'бок' [Alatalo 2004: 256] имеют значения предлогов 'возле, рядом с'.

Нарымское слово не очень ясное, возможно существуют другие соответствия.

5. Большой

Ненецкая

ЛН: **1** *уалка* 'большой, крупный; рослый; взрослый; старший; могучий' [Бармич, Вэлло 2002: 92, 171]; *палка*.

ТН: **1** *уарка* 'большой, крупный, рослый; взрослый, старший; важный; значительный, великий' [Терещенко 1965: 385—386]; гыд., ям., б.-з. *палка*, кан. *арка*.

Энецкая

ТЭ: **1** *aga*.

ЛЭ: **1** *aga*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *werqi* 'большой; старший'.

БАИ: **1** *тараэ, таркэ; марзы* [Казакевич, Будянская 2010а: 70].

НАР: **1** *varg*.

ТЫМ: **1** *варг, варга* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *варг* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *вэрзы* [Алатало 1998: 83]; степ., кат. *vərki* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *вэргэ энгэ* 'большой / старший' [Григоровский 2007: 91].

Селькуп.: **1** (265) *uərqə-* [Alatalo 2004: 44] < ПС **arkā* [Janhunen 1977: 19].

108. Ветер

Ненецкая

ЛН: **1** *мельша* [Бармич, Вэлло 2002: 67]; *mielʃa*.

ТН: **1** *мерцйя* [Терещенко 1965: 249]; ям., гыд. *miertca*, кан., б.-з. *miertsia*.

Энецкая

ТЭ: **1** *теде*.

ЛЭ: **1** *тесе*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *тєркј*.

БАИ: **1** *tiærk; märgə* [Быконя и др. 2005].

НАР: **1** *t'ærk*.

ТЫМ: **1** Ту., ТуМ. *merg* [Alatalo 2004: 130].

ВАС: **1** VjV *märg* [Alatalo 2004: 130]; *mərg* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *мергы* [Алатало 1998: 86]; степ. *tiærku*; кат. *tiærki* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *мергъ, мерганъ* [Григоровский 2007: 145; Helimski 1983: N 641].

Селькуп.: **1** (896) *merkə* [Alatalo 2004: 130] < ПС **merkä* [Janhunen 1977: 93].

73. Видеть

Ненецкая

ЛН: **1** *маньдеш* [Бармич, Вэлло 2002: 65]; *məni'deʃ*.

ТН: **1** *мание(сь)* [Терещенко 1965: 229]; *məni'ijesj*.

Энецкая

ТЭ: **1** *сооро-*.

ЛЭ: **2** *тэде-*.

Разные корни. В обоих диалектах значит и 'видеть', и 'смотреть'.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qontirqo; mantalpiqo* 'видеть, смотреть;'

БАИ: **1** *қондэрқо* [Быконя и др. 2005].

НАР: **1** *kəndərgü*.

ТЫМ: **1** ТуМ. *kondərnav* [Alatalo 2004: 250]; *конжэргу* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *қонжэргу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *kondurnat: kajəm assə kondurnat* 'ничего не вижу' [Alatalo 2004: 250]; *манжымбигу* 'смотреть, видеть' [Алатало 1998: 86]; КеМ. *mandžəndan* 'он увидел' [Alatalo 2004: 117]; *қожжыргу, қонжэргу* [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *конджиргу* [Григоровский 2007: 123].

Селькуп.: **1** (1749) *qontur-* (vgl. *qončur-*) [Alatalo 2004: 250] < ПС **kont'əjr-* [Janhunen 1977: 72]; (779) *mančə-* [Alatalo 2004: 115] < ПС **māncə-* [Janhunen 1977: 86].

Для производных от корня *mančə-* (ТАЗ, КЕТ, ТЫМ) характерна полисемия 'смотреть, видеть'. Производные от корня (66) *atu-* [Alatalo 2004: 14] скорее имеют значения 'виднеться, быть видимым, (глаз) видит'.

93. Вода

Ненецкая

ЛН: **1** *ви*" [Бармич, Вэлло 2002: 19, 180], *вет* [Бармич, Вэлло 2002: 16, 180]; *wi?*.

ТН: **1** *и*" [Терещенко 1965: 152—153]; *ji?*.

Энецкая

ТЭ: **1** *bi?*.

ЛЭ: **1** *bi?*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ūt₁* (*ūtj-*, редко *ūtj-*) 'вода, спиртное, водка'.

БАИ: **1** *yt*.

НАР: **1** *ət, üt*.

ТЫМ: 1 *õt, üd* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *öd, õt, üd* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *õt* [Алатало 1998: 87]; степ., кат. *yt* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *õt* [Григоровский 2007: 100].

Селькуп.: 1 (107) *üt/ütä* [Alatalo 2004: 20] < ПС **wit* [Janhunen 1977: 176].

36. Волосы

Ненецкая

ЛН: 1 *уйвау тал* ‘волосы; волос’ [Бармич, Вэлло 2002: 91, 181], букв. ‘головы шерсть’, *ηæjwaŋ täl(?)*; *уэпт* ‘волосы; коса (заплетенные волосы); грива (лошади)’ [Бармич, Вэлло 2002: 102, 181].

ТН: 1 *уэва’ тәр*” букв. ‘головы шерсть’ [Терещенко 1965: 412, 638], гыд., ям., б.-з. *ηæwa’ tər?* [ηæwəndər?], кан. *æwa’ tər?* [æwəndər?] букв. ‘головы шерсть’; *уэпт* ‘волосы; грива (лошади)’ [Терещенко 1965: 412].

Энецкая

ТЭ: 1 *ito; itu* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: 1 *itu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *õptj; tar (tari-)* ‘шерсть, мех; волосы (не на голове у человека); оперение, пух’; *oljt tar* ‘волосы (у человека на голове), шевелюра’; *õнты* [Казакевич, Будянская 2010а: 91].

БАИ: 1 *opti*.

НАР: 2 *каџ* ‘волос, волосы’; *qātš* ‘волос’ [Alatalo 2004: 272]; об. Ч. *қаж, қажэ; қажла* (рl) ‘волос; волосы’ [Быконя и др. 2005]; также *optʷ* ‘волос’ [Alatalo 2004: 5].

ТЫМ: 1 *овд* [Alatalo 2004: 5]; *tūja* [Alatalo 2004: 137]; *онт, онтэ* ‘волос, волосы’; *қач/қэч* ‘мох (болотный); волосы’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *opt* [Alatalo 2004: 5]; ср. *онт, онтэ* ‘волос, волосы’, 2 *қажэ* ‘волос; волосы’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 3 *түйа* ‘волос’ [Алатало 1998: 68, 87]; степ., кат. *tuja* [Казакевич, Будянская 2010б]; *түйя/туйя* ‘волос; волосы; шерсть’; *түв, түву* ‘волос; волосы’ [Быконя и др. 2005]; *тар* ‘волос, шерсть, пух’ [Алатало 1998: 64]; КУМ., КеМ., КеО. *tūja* ‘волосы на голове’ [Alatalo 2004: 137].

НЧА: 1 *онтэ* ‘волос’ [Григоровский 2007: 168; Helimski 1983: N 889]; *тарь* ‘шерсть/волос/перо’ [Григоровский 2007: 210; Helimski 1983: N 1342].

Селькуп.: 1 (24) *õptä* [Alatalo 2004: 5] < ПС **eptä* [Janhunen 1977: 21]; 2 (1878) *qāčə* [Alatalo 2004: 272]; 3 (940) *tū* ‘перо; плавник; хвоя’ (< ПС **tuŋj* ‘перо, крыло’ [Janhunen 1977: 166]) > *tūja* ‘волосы’ [Alatalo 2004: 136]; *tūta, tūtä* ‘волосы, крыло’ [Alatalo 2004: 137, 157, 170]; (1247) *tar* ‘волосы, перо’ [Alatalo 2004: 182] < ПС **tār* ‘волосы (на теле), перо’ [Janhunen 1977: 149].

Налицо наличие трёх основных корней. Основным для НАР и одним из основных для ВАС мы считаем производные от *qāčə* (которые в других селькупских часто значат «коса»: ср.-об. *қадж* [Быконя и др. 1994: 15]), для КЕТ — *tūja*, которое в [Alatalo 2004: 136] упоминается также для ТЫМ, для остальных — производные от *õptä*. Для ВАС невозможно установить какая форма была основной, поэтому обе формы считаются синонимами. Широко также представлены композиты типа *õlt(t)ar* «волосы (головы)» < *õlt* «голова» + *tar* «мех, шерсть» (как минимум, в НАР, ТАЗ, НЧА).

50. Вошь

Ненецкая

ЛН: 1 *ηān* [Попова: 75]; *ηан*.

ТН: 2 б.-з., зап. *пәнзе”э* = ям. *пәнзэ* [Терещенко 1965: 441]; б.-з. *pənsʲeʔə* (*pənzʲeʔə*), ям., гыд. *pənsʲé, pənsʲé* (*pənzʲé, pənzʲé*).

Для ТН можно предположить инновацию по сравнению с прасамодийским состоянием, однако происхождение тундрового слова неизвестно; ср. эрз. *панзей* ‘трясогузка’.

Энецкая

ТЭ: 1 *adu*.

ЛЭ: 1 *adu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *untj*.БАИ: 1 *унты* [Казакевич, Будянская 2010а: 150].НАР: 1 *undž*.ТЫМ: 1 *undž* [Alatalo 2004: 27].ВАС: 1 *ундэ* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *унжу* [Алатало 1998: 88].НЧА: 1 *унычь* [Григоровский 2007: 226].Селькуп.: 1 (143) *unču* [Alatalo 2004: 27] < ПС **āncā* [Janhunen 1977: 18].

1. Все

Ненецкая

ЛН: 1 *чуней* ‘все; всё, целиком; весь; полностью’ [Бармич, Вэлло 2002: 148, 182]; *тѳуwp'én'*, *тѳуwp'эjn*.ТН: 2 *сямян* ‘все’ [Терещенко 1965: 600], *мал* ‘весь, вся, всё, все’ [Терещенко 1965: 225]; *s'am'an*; *mal*?

Два или три разных корня.

Энецкая

ТЭ: 1 *t'uki*, *t'ikut'ii*; *tfuku*, *tfukotfii* [Ханина 2014—2016].ЛЭ: 1 *tfuku*, *tfukt'ii*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *mintjη*₂ ‘весь, все, всё’; *мунтык/у* ‘всё, весь, все’ [Казакевич, Будянская 2010а: 77].БАИ: 1 *мунтык/у* ‘всё, весь, все’ [Казакевич, Будянская 2010а: 77].НАР: -1 об.Ч. *вес* / *вэс* [Быконя и др. 2005].ТЫМ: 2 *tīr* ‘все’ [Alatalo 2004: 187]; *tāyəl* (напр., *mōrəd tāgəl kuələ* ‘все рыбы в море’) [Alatalo 2004: 135]; *вэс* [Быконя и др. 2005], Ту. *sēlag* ‘весь, целый’ [Alatalo 2004: 385].ВАС: -1 *вэс* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 2 *tīr* : *arrann^o tīri künde sīrm^o* ‘все лошади и коровы моего хлева’ [Alatalo 2004: 187]; *arānən tāgi künde^o* ‘все лошади в хлеву’ [Alatalo 2004: 135]; *вэс* ‘все, всё’ (< рус.) [Алатало 1998: 12]; *mīr* ‘полнота’: *квэччын mīr* ‘все в городе’ (букв. ‘город полный’) [Алатало 1998: 67].НЧА: -1 *вэсь* ‘всё, все’ [Григоровский 2007: 94; Helinski 1983: N 112].Селькуп.: -1 (361) *vēs* (из рус.); 1 (784) *mintaj* Adv. ‘все’ [Alatalo 2004: 117]; 2 (1295) *tīr* ‘полнота’ [Alatalo 2004: 187] < ПС **terā* ~ *tirā* [Janhunen 1977: 158]; (935) *tāqəl'* (lok. Adj.) [Alatalo 2004: 135]; (2738) *sēlaη* Adv. [< рус. *цело*] [Alatalo 2004: 385]Во многих диалектах исконные слова не обнаружены, используется заимствование из русского. *tīr* фактически значит ‘полный’ (см. вход на слово «Полный»), но может использоваться и в значении «все, всё».

24. Глаз

Ненецкая

ЛН: 1 *хэм* [Бармич, Вэлло 2002: 141]; *хэет*.ТН: 1 *сэв* [Терещенко 1965: 579]; *sæw^o*, *sɛw^o*.

Энецкая

ТЭ: 1 *sei*.ЛЭ: 1 *sej*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *sajj* ‘глаз, глаза; зрение’.БАИ: 1 *sajiti* (pl.).НАР: 1 *haj*.ТЫМ: 1 *sej* [Alatalo 2004: 364].ВАС: 1 *haj* [Alatalo 2004: 364].КЕТ: 1 *саййи* (pl.) [Алатало 1998: 89].НЧА: 1 *сей* [Григоровский 2007: 194].Селькуп.: 1 (2562) *saji* [Alatalo 2004: 364] < ПС **sājmä* [Janhunen 1977: 132].

110. Год

Ненецкая

ЛН: 1 *no* [Бармич, Вэлло 2002: 112]; *po*.ТН: 1 *no* [Терещенко 1965: 473]; *po*.

Энецкая

ТЭ: 1 *poa*.ЛЭ: 1 *рэ*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *pō* (часто *pōtj*).БАИ: 1 *рэ:т*.НАР: 1 *рэт; рō* [Alatalo 2004: 58].ТЫМ: 1 *pō* [Alatalo 2004: 58].ВАС: 1 *pō* [Alatalo 2004: 58].КЕТ: 1 *no* [Алатало 1998: 90]; степ., кат. *potti* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: 1 *no, подь* [Григоровский 2007: 179; Helinski 1983: N 999].Селькуп.: 1 (371) *po* [Alatalo 2004: 58] < ПС **pođj* [Janhunen 1977: 127].Часто в сращении с посессивным суффиксом 3sg *-d*.**38. Голова**

Ненецкая

ЛН: 1 *уайва* ‘голова; самая высокая часть, вершина’ [Бармич, Вэлло 2002: 91]; *ηæjwa*.ТН: 1 *уэва* ‘голова; самая высокая часть, верхний край ч.-л., вершина; начало, передняя часть ч.-л.’ [Терещенко 1965: 412]; гыд., ям., б.-з. *ηæwa*, кан. *æwa*.

Энецкая

ТЭ: 1 *aburi; abure* [Ханина 2014—2016].ЛЭ: 1 *εba*.

Один корень с разной деривацией.

Селькупская

ТАЗ: 1 *olj*.БАИ: 1 *ol*.НАР: 1 *эл*.ТЫМ: 1 *ol* [Alatalo 2004: 52].ВАС: 1 *ol* [Alatalo 2004: 52].КЕТ: 1 *оллы* [Алатало 1998: 90].НЧА: 1 *оль* [Григоровский 2007: 166].Селькуп.: 1 (312) *olə* [Alatalo 2004: 52] < ПС **olə* ‘вершина, голова’ [Janhunen 1977: 29].**56. Гора**

Ненецкая

ЛН: 1 *кой* ‘гора; холм’ [Бармич, Вэлло 2002: 48, 188]; *koj* ‘бугорок (высотой с человека), высокое место, большая кочка’.ТН: 1 *хой* ‘гора, хребет; холм,(чаще вост.) тундра’ [Терещенко 1965: 768]; *χoj*^o.

Энецкая

ТЭ: 1 *sōseʔo* ‘сопка, бугор, холм’, *bexiʔ/bexiro* ‘сопка’; *kəʔ* ‘тундра (т. е. это что-то безлесое и холмистое-гористое)’ [Ханина 2014—2016].ЛЭ: 1 *сэji* ‘сопка, бугор, холм’; *кэj; кой* ‘тундра; хребет, возвышенность’ [Сорокина, Болина 2009: 185].

Селькупская

ТАЗ: 1 *qeq, qek, qej, qe* (**qejz* в виде вариантов) ‘гора; береговой яр; сосновый бор’; *qet pəri* ‘гора, вершина горы, береговой яр’; *ʔə* ‘яр, гора’ [Казакевич, Будянская 2010а: 54]; ТаМ. *tā* [?] ‘гора; вершина горы’ [Alatalo 2004: 178].БАИ: 1 *qi*.

НАР: 1 *кә* ‘берег, гора, яр’; об. Ч. *қә, кә, қә* ‘гора; берег, яр’ [Быконя и др. 2005]; ср. гол. *m'εχt* ‘куча, гора, холм’ [Федотова 2009]; об. Ч. *мект, мекты* ‘холм; гора; стог’ [Быконя и др. 2005].

ТЫМ: 1(?) *qē, qiə* ‘пустая земля, гора; vuori, harjanne’ [Alatalo 2004: 256]; Ту. *tāD pār* (Gen.) ‘гора’ [Alatalo 2004: 178]; ср. *матьпар* ‘гора’ [Быконя и др. 2005]; *мэқты* ‘холм; гора; стог’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *qē* ‘пустая земля, гора; хребет’ [Alatalo 2004: 256]; ср. *қә, қә* [Быконя и др. 2005]; *мекты* ‘холм; гора; стог’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *қә* [Алатало 1998: 91]; *қә, қә* ‘гора; обрыв; яр’; ср. *қарри* ‘берег; гора’: *пой* ‘лесная гора’ [Быконя и др. 2005]; в сказках также — *тā, тāң, тāн пāри* [Алатало 1998: 63]; *тāη* ‘высокая гора’ [Alatalo 2004: 178]; кат. *кә* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *кә* [Григоровский 2007: 134]; *танбәрь* [Григоровский 2007: 209]; Ыа. *tāη* [Alatalo 2004: 178]; об. С. *қынбар* ‘берег; гора’; об. С. *танбар* [Быконя и др. 2005]; Ыа. *qē* ‘яр’ [Alatalo 2004: 256].

Селькуп.: 1 (1767) *qē* ‘гора, яр’ [Alatalo 2004: 256]; 2 (1212) *tāη, tāηə* (< тюрк. **tāy*) [Alatalo 2004: 178]; 3 (620) *pār* ‘на, над’ (послелог; > ‘вершина’) > *mātə-pāri* ‘наружная крыша’ [Alatalo 2004: 90]; (815) *takka* ‘холм, пригорок’ [Alatalo 2004: 120].

Практически во всех диалектах основное слово производно от **qē*, которое часто также значит ‘берег, яр’. Аллатало сравнивает этот корень с кетскими формами, однако даже если он и был заимствован из енисейских языков, это должно было случиться до распада селькупского и, следовательно, не имеет значения для сравнения селькупских диалектов. Кое-где в качестве синонимов представлены производные от раннего заимствования **tāη*. Встречаются также композиты этих корней с корнем **pār* ‘на, над’ (который, видимо, развил значение ‘вершина’). Информации по тымскому недостаточно для принятия окончательного решения, в качестве рабочего варианта мы считаем, что ситуация в нём не отличается принципиально от других вариантов.

11. Грудь (мужская)

Ненецкая

ЛН: 1 *лэмпада* [Бармич, Вэлло 2002: 60, 189]; *lempala*.

ТН: 1 *лэмбара* [Терещенко 1965: 202]; *lempara* [lémbəɾə].

Энецкая

ТЭ: 1 *s'ud'o*.

ЛЭ: 1 *fuzu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *kīlj*.

БАИ: 1 *kīlit*.

НАР: 1 *kil, kilnól*.

ТЫМ: 1 Ту. *kul, kulnol*; ТуМ. *kīl*, [Alatalo 2004: 342]; *кыл* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *кыл* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *кылы* [Алатало 1998: 91]; кат. *kīli*. В Степановке даётся слово *isekorra* ‘грудь, грудная клетка’ [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *кылыноль* [Григоровский 2007: 21, 133; Helimski 1983: N 506].

Селькуп.: 1 (2390) *kīlə* > *kīlən olə* (‘грудь + голова’) ‘грудь’ [Alatalo 2004: 342].

32. Давать

Ненецкая

ЛН: 1 *ми'пәш* ‘отдавать, отдать, давать; раздавать; продавать’ [Бармич, Вэлло 2002: 69, 190] (производное от *ми'ш* ‘дать, выдать, отдать, сдать, передать; продать; подарить; наградить’ [Бармич, Вэлло 2002: 70, 190]).

ТН: 1 *мипә(сь)* ‘давать, выдавать; отдавать; сдавать; передавать’ [Т: 253] (производное от *миць* ‘дать, выдать; отдать, сдать, передать; продать’ [Терещенко 1965: 257]; ям., гыд. *m'itə*, б.-з., кан. *m'itə*), *m'ipə(s)*.

Энецкая

ТЭ: 1 *mis-*.

ЛЭ: 1 *mis-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *mīqo* ‘дать, отдать; выдать (замуж); заплатить’.

БАИ: **1** *миҗо* [Казакевич, Будянская 2010а: 72].

НАР: **1** *m'egú* 'дать', *teſpugú* 'давать'.

ТЫМ: **1** *теҗаб* [Alatalo 2004: 106].

ВАС: **1** VjJug *məd*^o (Imp.2s) [Alatalo 2004: 106].

КЕТ: **1** *мигу* [Алатало 1998: 92]; КМ. *миҗуат* [Alatalo 2004: 106]; *татку* 'принести, давать' [Алатало 1998: 65].

НЧА: **1** *микугу*, *мигу* [Григоровский 2007: 147]; Ыа. *теҗоу*, *теҗдет* (Lat.3s), *теҗлэкс* (Fut.) [Alatalo 2004: 106].

Селькуп.: **1** (735) *ми* [Alatalo 2004: 106] < ПС **mi*- [Janhunen 1977: 94].

101. Далеко

Ненецкая

ЛН: **1** *кунта*, *кунтана* [Бармич, Вэлло 2002: 52, 190]; *кырта*, *кыртана*.

ТН: **1** *хубта* [Терещенко 1965: 777]; *хубта*. Есть также более периферийное слово *уаха* 'на' 'вдали, далеко; давно' [Терещенко 1965: 390]

Энецкая

ТЭ: **1** *кудахаа?*.

ЛЭ: **1** *кудахаа?*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *kuntāqin* 'далеко, вдалеке, вдали, долго'; *kuntj* 'долго; далеко; в течение, за (какой-либо срок); вдоль; по'.

БАИ: **1** *kontaqej/kontaxej*.

НАР: **1** *kundá:ki(n)t* 'вдаль, далеко, давно'.

ТЫМ: **1** *kondāy* [Alatalo 2004: 297].

ВАС: **1** *кундака* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *кундокубын* [Алатало 1998: 27]; степ. *kundoqin* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *кундокъ* [Григоровский 2007: 129; Helimski 1983: N 455]; Ыа. *kuddōkkʷn* [Alatalo 2004: 297]; ср. *чумбынь* 'далеко/вдоль, долгий' [Григоровский 2007: 238; Helimski 1983: N 1627].

Селькуп.: **1** (2030) *kuntak/kuntok* StAdj 'далёкий' [Alatalo 2004: 297].

91. Два

Ненецкая

ЛН: **1** *шича* [Бармич, Вэлло 2002: 156]; *šit̪a*.

ТН: **1** *сидя* [Терещенко 1965: 557]; *šid'a*.

Энецкая

ТЭ: **1** *s'ide*.

ЛЭ: **1** *šize*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *šittj*.

БАИ: **1** *шитты* [Казакевич, Будянская 2010а: 167].

НАР: **1** *šed, šedej̄á, šed̄éq*.

ТЫМ: **1** *šəd̄ə, šəde, šid̄ə, šəd̄*, (часто также) *səd̄ə* [Alatalo 2004: 357].

ВАС: **1** *шидэ, шэдэ, шэтэ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *шитты* [Алатало 1998: 92].

НЧА: **1** *сидь* [Григоровский 2007: 203; Helimski 1983: N 1257].

Селькуп.: **1** (2521) *šit̪ə* [Alatalo 2004: 357] < ПС **kit̪ä* [Janhunen 1977: 71].

90. Дерево

Ненецкая

ЛН: **1** *пя* [Бармич, Вэлло 2002: 191]; *p̪a*.

ТН: **1** *пя* [Терещенко 1965: 508]; *p̪a*.

Энецкая

ТЭ: 1 *pe*.ЛЭ: 1 *pe*.

Чаще 'лес', но как 'дерево' тоже.

Селькупская

ТАЗ: 1 *pō* (в конце словосочетаний часто *po*).БАИ: 1 *po*.НАР: 1 *pō* 'дерево, дрова'.ТЫМ: 1 *pō* [Alatalo 2004: 58].ВАС: 1 *pō* [Alatalo 2004: 58].КЕТ: 1 *pō* [Алатало 1998: 92]; *pō* [Alatalo 2004: 58].

НЧА: 1 *po* 'палка / дерево / дер[ево] гдѣ подарки лозу' [Григоровский 2007: 179; Helimski 1983: N 998]; *nyrgъ* 'тальникъ/дерево' [Григоровский 2007: 164; Helimski 1983: N 848]; об. С. *nyrg* 'тальник; ива' [Быконя и др. 2005].

Селькуп.: 1 (372) *pō* 'дерево, древесина' [Alatalo 2004: 58] < ПС **pā* [Janhunen 1977: 117]; (1694) *narqā* 'ива, верба' [Alatalo 2004: 242] < ПС **nerqā* < **ner-* [Janhunen 1977: 108].

49. Длинный

Ненецкая

ЛН: 1 *djnp* 'длинный, протяженный; долгий, продолжительный; продолговатый' [Бармич, Вэлло 2002: 35]; *d'amp*.

ТН: 1 *ямб* 'длинный; долгий, продолжительный; продолговатый' [Терещенко 1965: 838]; *jamp*^o.

Энецкая

ТЭ: 1 *d'abu*.ЛЭ: 1 *d'abu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *сипри*.БАИ: 1 *чумпы* [Кзакевич, Будянская 2010а: 165].НАР: 1 *тумб*.ТЫМ: 1 *t'umb* [Alatalo 2004: 212].ВАС: 1 *tšumb* [Alatalo 2004: 212].КЕТ: 1 *тумбу* [Алатало 1998: 93]; степ. *f'umb-* [Кзакевич, Будянская 2010б].НЧА: 1 *чумбъ* [Григоровский 2007: 238; Helimski 1983: N 1623 без перевода].Селькуп.: 1 (1464) *сипри* [Alatalo 2004: 212] < ПС **jāmpā* [Janhunen 1977: 37].

66. Дождь

Ненецкая

ЛН: 1 *хаю* [Бармич, Вэлло 2002: 135]; *χaʎu*.ТН: 1 *сарё* [Терещенко 1965: 534]; *sar'io* [sár'io], [sár'io].

Энецкая

ТЭ: 1 *sare*.ЛЭ: 1 *sare*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *serjntä* (~ *sorjntä*, *sorjntä*); *c̄эрынтä* [Кзакевич, Будянская 2010а: 119], *сорынтä* [Кзакевич, Будянская 2010а: 122].

БАИ: 1 *səra*.

НАР: 1 *fēr*, *fēra*; об. Ч. *fār*, *fārēt*, *fārētот*, *fārētэд*, *орэмжэ*; *свэры*, *шорумжэ* [Быконя и др. 2005]; тухт. *хвыра* 'ливень' [Норманская 2012: 131].

ТЫМ: 1 *чорымжэ*; *свыра*, *свэра* [Быконя и др. 2005]; ТуАО *sorndžä*, *sormdžä* 'роса, дождь' [Alatalo 2004: 378]; нап. *свыра* [Норманская 2012: 131].

ВАС: 1 *орэмжэ* [Быконя и др. 2005]; VjJug. *horomdže* [Alatalo 2004: 378].КЕТ: 1 *сэрро* [Алатало 1998: 93]; *сырот*, *сэрот*, *сэро*, *сэрот* [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *соръ, соронгъ* [Григоровский 2007: 199].

Селькуп.: **1** (2677a) *suâr₂-* ‘дождить’; (2677b) *sero / soro*; (2677c) *sorəncä, sorəmcä* [Alatalo 2004: 378] < ПС *sârā ~ sârâ* [Janhunen 1977: 135].

68. Дорога

Ненецкая

ЛН: **1** *шехеды* ‘дорога, путь’ (должно быть *шехэлы*) [Бармич, Вэлло 2002: 154], *seχeli* ‘дорога (зимняя, утрамбованная)’; *юта* ‘ку’ ‘дорога, путь’ [Бармич, Вэлло 2002: 98], *юта?ку* ‘тропа’; *kəniútəlmä* ‘дорога, проложенная нартами (летняя)’.

ТН: **1** *сехэры* ‘дорога (по которой ездят все); проезжая дорога’ [Терещенко 1965: 550] (от *сехэ* ‘большой ком снега; твердый снег’ [Терещенко 1965: 550]), ям., гыд., б.-з. *s'eχari* [s'eχerí]; *неда* ‘след, проложенный аргишом’, зап. ‘дорога’ [Терещенко 1965: 291], *недарма* ‘широкая утрамбованная дорога (случит длительное время только летом)’ [Терещенко 1965: 292], кан. *nieda*.

Энецкая

ТЭ: **1** *sexa*.

ЛЭ: **1** *seχeri*.

Один корень с разной деривацией.

Селькупская

ТАЗ: **1** *wətti* ‘дорога, путь; след’.

БАИ: **1** *mət*.

НАР: **1** *vat*.

ТЫМ: **1** *цад* ‘дорога, след’ [Alatalo 2004: 15].

ВАС: **1** *ватт* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *вэтты* [Алатало 1998: 93].

НЧА: **1** *ватъ* ‘дорога / тропинка / слѣдь / слѣдь на снѣгу’ [Григоровский 2007: 92; Helimski 1983: N 100].

Селькуп.: **1** (81) *uättä* ‘дорога, след’ [Alatalo 2004: 15].

79. Дым

Ненецкий

ЛН: **1** *дя’ки* [Бармич, Вэлло 2002: 38]; *d'a?ki*.

ТН: **1** *якэ* [Терещенко 1965: 832]; *jake*.

Энецкий

ТЭ: **1** *s'udo*.

ЛЭ: **1** *fudu*.

Селькупская

ТАЗ: **-1** *purqi; qatqi* ‘дым; туман (малоупотребит.)’; *пурбы* [Казакевич, Будянская 2010а: 107], но *ватъы-џо* ‘дымить’ [Казакевич, Будянская 2010а: 52].

БАИ: **-1** *пурих*.

НАР: **1** *кафк*; об. Ч. *качку, кашк, қачқо, қачқу* [Быконя и др. 2005].

ТЫМ: **1** *качха, кашқо, кышко, қатх* [Быконя и др. 2005]; Ту., ТуМ. *qatšχ, qāšχ* [Alatalo 2004: 274].

ВАС: **1** *качькэ, қачқа, қачқа, кашқ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *жаибу* [Алатало 1998: 94]; *кашқу* [Быконя и др. 2005]; КМ. *qašqu* [Alatalo 2004: 305]; КМК., КеО. *qāmdä* ‘дым; сажа’ [Alatalo 2004: 267]; ср. КМ. *sümdä* ‘дымок’ [Alatalo 2004: 354].

НЧА: **1** *кашкóу, кашкой* ‘тумань/дымь/парь’ [Григоровский 2007: 112; Helimski 1983: N 257].

Селькуп.: **-1** (661) *purqä* ? < хант. *pörki* [Alatalo 2004: 95]; **1** (1898) *qačqu* [Alatalo 2004: 274] < ПС **jäckä* [Janhunen 1977: 39–40]; (1839) *qāmta* ‘сажа’ [Alatalo 2004: 267] < ПС **kāmtä* [Janhunen 1977: 64]; (2487) *s'ümtä* [Alatalo 2004: 354] < ? ПС **küntä* [Janhunen 1977: 79].

В большинстве диалектов в основном значении используются варианты корня **qačqu*, который на севере вытеснен на периферию, видимо, заимствованием из кантыкского (восточнохантыйского) *porki*. Ещё два корня ограниченно представлены в этом значении в кетских диалектах.

22. Есть

Ненецкая

ЛН: 1 *уамудьш* ‘есть, кушать, съедать (ч.-л.); (питаться),обедать,клевать’, *уамудьш* ‘есть, кушать, съедать (ч.-л.); (питаться)’ [Бармич, Вэлло 2002: 93, 195]; *пэтилџ*.

ТН: 1 *уяворць* ‘есть, кушать, съедать ч.-л.’, (ям.) ‘пить ч.-л.’ [Терещенко 1965: 370] = ям., вост. *уорць* [Терещенко 1965: 399], *уамзь* ‘съесть ч.-л.,(ям.) выпить ч.-л.’ [Терещенко 1965: 380]; ям., гыд. *портэ* < *пэwórtэ*, б.-з. *пэwórtсџ*, кан. *эwórtсџ*.

Энецкая

ТЭ: 1 *одр-*.

ЛЭ: 1 *оор-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *амџго* ‘есть, кушать, питаться’.

БАИ: 1 *амтыцо* [Казакевич, Будянская 2010а: 24].

НАР: 1 *авџгџ*, *ав’џпџгџ*; ласк. *амгџ* ‘съесть’ [Норманская 2012: 132].

ТЫМ: 1 нап. *амгџ* ‘съесть’ [Норманская 2012: 132].

ВАС: 1 чиж. *авџшпџгџ* ‘съедать’ [Норманская 2012: 144].

КЕТ: 1 *амгџ* [Алатало 1998: 95].

НЧА: 1 *амгџ* ‘џсть/глотать/проглотить/изџдать’ [Григоровский 2007: 83; Helinski 1983: N 42].

Селькуп.: 1 (37) *ам-* ‘съедать’ [Alatalo 2004: 7] < ПС **ам-* [Janhunen 1977: 15].

99. Жёлтый

Ненецкая

ЛН: 1 *пачадаха* ‘жёлтый; зелёный’ (букв. ‘по цвету подобный желчи’) [Бармич, Вэлло 2002: 107, 197]; *пэкалэха*.

ТН: 2 б.-з., ям. *масехэџ* = зап. и вост. *масей* [Терещенко 1965: 639]; *тас’еџеџ°*, *тас’еџеџ*, *тас’еџ°*, *тас’еџ*.

Энецкая

ТЭ: 1 *такудадэ*.

ЛЭ: 1 *тасизэдэ*.

Когнаты с неясными соответствиями. Причастия от глаголов со значением ‘быть жёлтым’.

Селькупская

ТАЗ: 1 *патџл’* ‘жёлтый, зелёный, (реже) синий’ < *патџ* ‘желчь’.

БАИ: 1 *патыль* [Кошкарёва и др. 2017: 213].

НАР: 1 *пáдáл* ‘зелёный, жёлтый, синий’ < *пáдá* ‘желчь’; об. Ч. *жолтэл* (< рус.) [Быконя и др. 2005].

ТЫМ: 1 *пáдáль* ‘жёлтый; зелёный’ [Быконя и др. 2005]; ТуМ. *пад’ргел* ‘жёлтый’ < *пад’рга* ‘латунь, жёлтая медь’ [Alatalo 2004: 66].

ВАС: 1 *пáдал* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *пáжыџ* [Алатало 1998: 99]; КМК. *пад’жнџ* [Alatalo 2004: 65].

НЧА: 1 *пáдынь* [Григоровский 2007: 170].

Селькуп.: 1 (415) *патáл’* ‘зелёный’ < *патá* ‘желчь’ [Alatalo 2004: 65] < ПС **пáтá* [Janhunen 1977: 115]; (418b) *пáсáл’* [Alatalo 2004: 65].

Во всех селькупских диалектах, кроме кетского, совпадает с обозначением «зелёного» (см.), производное от названия желчи. Хотя в ТЫМ засвидетельствован также дериват от другого родственного слова, «латунь».

98. Женщина

Ненецкая

ЛН: 1 *нэ* [Бармич, Вэлло 2002: 78]; *нџе*.

ТН: 1 *не* [Терещенко 1965: 290]; *нџе*.

Энецкая

ТЭ: 1 *не*.

ЛЭ: 1 *нџе*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ima* ‘женщина; жена; дама (в картах)’; ср. *näl' qum₂*, *näl' qum₂* ‘женщина’ (употребляется в специально гендерных контекстах — например, при констатации пола ребенка — или иронически)’; *има* ‘женщина; жена’ [Казакевич, Будянская 2010а: 32].

БАИ: **1** *има* [Казакевич, Будянская 2010а: 32].

НАР: **2** *n'algiŋp*; *raja* ‘женщина, старуха, жена’.

ТБМ: **2** *nälŋun*, *nälŋun* ‘женщина; невеста’; *nä*, *nä* ‘женщина; жена; дочь’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **2** *nälŋun*, *nälŋun* ‘женщина; невеста’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **2** *ней бум*, *нѣгум* [Алатало 1998: 95]; ср. *наййа* ‘баба, жена’ [Алатало 1998: 46].

НЧА: **2** *нейгом* [Григоровский 2007: 155]; *нэка* [Норманская 2015: 13].

Селькуп.: **1** (65) *имта* ‘женщина, жена’ < ПС **имз*- ‘бабушка, старуха’ (детское слово) [Alatalo 2004: 13] < ПС **имз*- [Janhunen 1977: 27]; **2** (1335) *не* ‘жена’ < ПС **не* [Janhunen 1977: 100], *nel' qum* ‘жена’ < *nel'* ‘женский’ + *kum/p* ‘человек’ [Alatalo 2004: 194]; (518) *раја* ‘женщина, баба’ [Alatalo 2004: 78].

Общеселькупское *nel' qum* приобрело на севере специфическое значение, и основным стало слово, в других диалектах обозначающих ‘жену’.

12. Жечь (гореть)

Ненецкая

ЛН: **1** *падатаи* ‘сжечь’ [Бармич, Вэлло 2002: 261], *падатампѣи* [Бармич, Вэлло 2002: 103, 197]; *pəlataf*.

ТН: **1** *пăрада(сь)* ‘сжечь, выжечь, обжечь; прижечь; опалить, спалить, попалить’ [Терещенко 1965: 446], *пăрадамбă(сь)* ‘жечь, выжигать; обжигать; прижигать; палить’ [Терещенко 1965: 446]; *pərada(s')*, *pəradampə(s')*.

Энецкая

ТЭ: **1** *pəraza-* [Ханина 2014—2016]; ср. *leirte-* ‘зажечь’, *leidero-* ‘гореть’, *pəraza* ‘сжечь, зажечь, поджарить, испечь’.

ЛЭ: **1** *пóрза(сь)* ‘сжечь (напр., бумагу, письмо); обжечь, прижечь, опалисть, спалить; поджарить, обжарить, испечь’ [Сорокина, Болина 2009: 355]; *pəra-* ‘(с)гореть’; *lɔjda-* ‘гореть, пылать’.

Селькупская

ТАЗ: **1** *cattēgo* ‘сжечь’ (Int. к *cətiŋgo* ‘зажечь, затопить (печь)’); *cətiŋpiŋgo* ‘жечь, топить (печь)’; *чамт-ѣ-го* ‘сжечь’ [Казакевич, Будянская 2010а: 157]; *чѣты-го* ‘зажечь, разжечь, сжечь’ [Казакевич, Будянская 2010а: 164].

БАИ: **1** *чѣты-го* [Казакевич, Будянская 2010а: 164].

НАР: **1** *čáda-gu*, **2** *čábə-gu*: ласк. *čádugu* ‘сжечь, затопить, подгореть, перепалить’ [Норманская 2012: 143]; гол. *partēgú* ‘разжечь, зажечь’, *te'ádəgu* ‘зажечь, развести (костер), поджечь, затопить печку’ [Федотова 2009]; об.Ч. *чябугу* ‘поджечь, сжечь, сгореть, разгореться’, *чядугу* ‘зажечь, сжечь, обжечь, затопить (печь)’ [Быконя и др. 2005].

ТБМ: **1** нап. *чáдыгу* [Норманская 2012: 142]; *чябыгу*, *чядугу* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **2** *чябугу* ‘поджечь (огонь зажгли); сжечь (колдуна сжѣг); сгореть (дом не сгорел); разгореться’, **1** *чядугу* ~ *тятэку* ‘зажечь (огонь); сжечь (‘огнём сжѣг’); обжечь (‘ты моего ребёнка обжѣг’); затопить (‘печь’); *тятэшпугу* ‘сжигать; разжигать; обжигать’, *тун амгу* (= огонь + нагореть) [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **3** *салжыгу* ‘жечь, поддерживать огонь’ [Алатало 1998: 56]; **4** КМ. *pardžamba* (Dur. 3s) ‘жжёт, сжигает’: *ves ren pardžambigu* ‘жечь костёр всю ночь’ [Alatalo 2004: 92]; ср. *тятэку* ‘зажечь, сжечь, обжечь, затопить (печь)’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **4** *пóрчигу* ‘зажечь/разпалить/опалить’ [Григоровский 2007: 182; Helimski 1983: N 1029]; ср. *пѣтчимбыгу* ‘греть/жечь’ [Григоровский 2007: 25, 177]; *пóрымбыгу-* ‘гореть’ [Григоровский 2007: 182].

Селькуп.: **1** (1478) *čátə-* ‘зажигать’ > *čátəpi-* (Dur.) [Alatalo 2004: 214]; **2** (1437) *čāpə-* ‘воспламеняться’ > *čāpəpi-* (Dur.) ‘гореть’ [Alatalo 2004: 209]; **4** (633) *parčə-* ‘жечь, сжигать’ > *parčəpi-* (Dur.) [Alatalo 2004: 92]; ср. (38) *am-* ‘гореть, сжигать’ [Alatalo 2004: 39]; (639) *porumpi-* ‘гореть’ [Alatalo 2004: 123]; (1888) *qáčəpi-* (Dur.).

Сложная мозаика из нескольких корней и тонких различий в значениях. Слишком мало хороших примеров для однозначного выбора основного слова для многих диалектов.

4. Живот

Ненецкая

ЛН: **1** *нянку* ‘брюшина, живот’ [Бармич, Вэлло 2002: 89, 197]; *нянқи* ‘желудок (человека, оленя, не птицы)’.

ТН: **1** *нянко* ‘желудок; брюшная полость (человека)’ [Терещенко 1965: 353].

Энецкая

ТЭ: **1** *типоди* ‘живот (внешний)’; *сод’е* ‘нутро; живот, нутро, внутренности’. Основным для ТЭ сейчас является *типоди*, а *сод’е* стало чаще обозначать внутренний живот.

ЛЭ: **2** *сэсе, сосе* ‘живот, нутро, желудок, брюхо’ [Сорокина, Болина 2009: 355]. Ранее также существовало отдельное слово *типоде* для «внешнего живота», которое ещё в 1990-е помнили старики [Хелимский 2018.].

Селькупская

ТАЗ: **1** *пэпті* ‘живот, брюхо; изгиб дерева’; *перқи* (~*перкі*) ‘живот, брюхо, брюшко (рыбы)’; *пэрзы* ‘живот, брюхо’ (во фразах ‘У меня заболел живот; У меня урчит в животе’, но также ‘За живот схватился’) [Казакевич, Будянская 2010а: 111]; *нэнты* ‘живот, брюхо’ (напр., «занавеска на живот») [Казакевич, Будянская 2010а: 85].

БАИ: **2** *р’аеркіті*; *пэрзы* [Казакевич, Будянская 2010а: 111].

НАР: **1** *панџ* ‘живот, в т. ч. у беременной женщины’; *р’эрг* ‘внутр. живот; желудок’.

ТЫМ: **1** *нанџ* [Быконя и др. 2005]; *нандџ, нандџ* [Alatalo 2004: 200]; *сѣмэд* [Alatalo 2004: 354].

ВАС: **1** *нэжэ, нанџ* ‘живот; брюхо’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *нэжэ* [Alatalo 1998: 40, 96]; *пергы* [Alatalo 1998: 49, 96]; степ. *р’еркі*, кат. *р’ерқи* [Казакевич, Будянская 2010б]; *нанџ, нанџэ* ‘живот; брюхо’, ср. *пергы* ‘живот; желудок’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *нанч* ‘живот, брюхо’ [Григоровский 2007: 152; Helimski 1983: N 714]; ср. *пергъ* ‘брюхо, живот’ [Григоровский 2007: 176; Helimski 1983: N 970], но *пергегынь* ‘въ немъ (о человекѣ)’.

Селькуп.: **1** (1369) *нэпчэ* ‘живот’ [Alatalo 2004: 200] < ПС **āncā* ~ **nāncā* [Janhunen 1977: 20]; **2** (670) *перкэ* ‘желудок’ [Alatalo 2004: 96] < ПС **perkā* [Janhunen 1977: 122]; (2490) *сѣмэт* (? < рус. *живот*) [Alatalo 2004: 354].

Основными словами являются производные от **нэпчэ*, обозначающие в т. ч. «внешний живот», в то время как производные от **перкэ* означают как правило «внутренний живот», хотя частично значения пересекаются. При этом для северных диалектов создаётся ощущение, что второе вытесняет первое на периферию. Так, согласно [Казакевич, Будянская 2010а] (в северных диалектах) первое зафиксировано только для среднетазовского говора, а второе представлено во всех говорах, поэтому для БАИ приходится констатировать различие.

25. Жир

Ненецкая

ЛН: **1** *дэҗ* ‘жир; масло’ [Бармич, Вэлло 2002: 27, 197]; *д’иу*.

ТН: **1** *юр* ‘жир; масло’ [Терещенко 1965: 817]; *jur*(?).

Энецкая

ТЭ: **1** *д’ооҗ* / *д’оосо*; *д’иу*? / *д’иусо* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: **1** *д’и*? / *д’иу*.

Это слово с двумя основами (так называемый чередующийся класс имен), основа номинатива совпадает в обоих диалектах, а вторая основа и её тип — нет.

Селькупская

ТАЗ: **1** *йр* (*йрҗ*-) ‘жир; масло’.

БАИ: **1** *йр* [Казакевич, Будянская 2010а: 152].

НАР: **1** *эр, йр*.

ТЫМ: **1** *өр* [Alatalo 2004: 48].

ВАС: **1** *йр, өр* [Alatalo 2004: 48].

КЕТ: **1** *йр* [Alatalo 1998: 96]; степ. *ир* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *эрь* ‘жирь/сало’ [Григоровский 2007: 99; Helimski 1983: N 127]; Ča. *üör* [Alatalo 2004: 48].

Селькуп.: **1** (284) *йр, йрэ-* ‘жир’ [Alatalo 2004: 48] < ПС **jür* [Janhunen 1977: 50].

81. Звезда

Ненецкая

ЛН: **1** нумки (от нум 'небо') [Бармич, Вэлло 2002: 84]; *numki*.

ТН: **1** нумгы (от нум 'небо') [Терещенко 1965: 319]; *numgi, numki*.

Энецкая

ТЭ: **1** *podeseo*.

ЛЭ: **1** *pözsej*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qışqä; qışqä(t) saji*.

БАИ: **1** *qışqa*.

НАР: **1** *kifkəxáj*.

ТЫМ: **1** *kifxäsej* [Alatalo 2004: 321].

ВАС: **1** *qäška* [Alatalo 2004: 321].

КЕТ: **1** *қызыңға* [Алатало 1998: 98]; степ., кат. *qısaŋga* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *кызгансей* [Григоровский 2007: 133]; Са. *qäzyäzej* [Alatalo 2004: 48].

Селькуп.: **1** (2208) *qışəŋqa* [Alatalo 2004: 321].

Во многих диалектах используется композит из *qışəŋqan + saji* 'звезды (Gen. sg.) глаз' [Alatalo 2004: 321].

35. Зелёный

Ненецкая

ЛН: **1** *таньшаки* 'зелёный (по цвету), синий, голубой' [Бармич, Вэлло 2002: 124, 202]; *wēpałəxa* букв. 'листу подобный'.

ТН: **2** *пăдярăха* 'цвета желчи, зелёный' [Терещенко 1965: 434]; *pədiarəxa* букв. 'желчи подобный'.

Энецкая

ТЭ: **1** *poderaxa*.

ЛЭ: **1** *pözeraxa, ədi(z)raxa*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *patjil* 'жёлтый, зелёный, (реже) синий'; ранее использовалось и *noräl / noräi*, сейчас практически вышедшее из употребления, а если и используемое, то в значении 'синий' [Кошкарёва и др. 2017: 211; Казакевич, Будянская 2010а: 85], ср. *noräl' ~ nöräl'* 'голубой, синий' [Хелимский 2007].

БАИ: **1** *патыль* [Кошкарёва и др. 2017: 211].

НАР: **2** *nürel* 'синий, зелёный' — для обозначения цвета (сочной) травы используется именно это слово; в то время как очень широкий термин *pádəl* 'синий, голубой, желтый, зеленый, серый, коричневый, бурый' используется для обозначения пожухшей растительности [Дубровская, Воробьева 2018].

ТЫМ: **1** *padəl* [Alatalo 2004: 65]; *nādal* 'жёлтый; зелёный': *падыл нюч* 'зелёная трава' [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *nādal, padü* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *падыл* [Алатало 1998: 99]; *padvj* [Alatalo 2004: 65].

НЧА: **1** *пăдынь: пăдынь нютч* 'зеленая трава / съно зеленое' [Григоровский 2007: 28, 162, 170].

Селькуп.: **1** (415) *patəl* 'зелёный' < *patə* 'желчь' [Alatalo 2004: 65] < ПС **pätä* [Janhunen 1977: 115]; **2** (1407) *noräl'* Adj.: ТаУ. *norräl'* *paqqä* 'зеленокрылая утка' [Alatalo 2004: 205].

Во большинстве селькупских диалектов полностью совпадает с обозначением «жёлтого» (см.), производным от названия желчи. В кетском рефлекс общего корня несколько разошлись. Лишь в нарымском и, возможно, ранее в (некоторых?) северных говорах используется также термин *noräl'*, не имеющий надёжной этимологии. В НАР его корень совпал с *nür* 'луг' (ср. *nür, nürä-* 'заливной луг, пойма' [Alatalo 2004: 243]), что привело к вторичному переосмыслению. И только здесь его можно считать основным для передачи базового смысла «цвет (свежей) травы».

21. Земля

Ненецкая

ЛН: **1** *дя* 'земля (планета), берег (со стороны воды), почва, земля (рыхлое вещество), место, местность, территория, страна, государство, вселенная, космос' [Бармич, Вэлло 2002: 33]; *tia, d'a*.

ТН: **1** я ‘земля, суша, материк, берег (воды), земля, почва, земля, рыхлое вещество, место, местность, территория’ [Терещенко 1965: 819—820]; *ja*.

Энецкая

ТЭ: **1** *d'a*.

ЛЭ: **1** *d'a*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *tetti* ‘земля, почва; место, страна’; *си* ‘глина; почва’; *тэтты* ‘земля, почва, страна, край’ [Казакевич, Будянская 2010а: 134], *чу* ~ *сö* ‘земля, почва, глина’ [Казакевич, Будянская 2010а: 123, 164].

БАИ: **1** *tetti*; *тэтты* ‘земля, почва, страна, край’ [Казакевич, Будянская 2010а: 134], *сö* ‘земля, почва, глина’ [Казакевич, Будянская 2010а: 123].

НАР: **2** *т'и* ‘земля, глина’.

ТЫМ: **2** *t'ü* ‘чёрная земля’ [Alatalo 2004: 207]; *чи*, *чү* ‘земля; глина, страна’ [Быконя и др. 2005]; *tšuoDž* ‘земля, грунт, почва’ [Alatalo 2004: 156], *чвыч* ‘земля; место, берег, луг, лес, страна, мир’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **2** *t'ü* ‘глина, почва’ [Alatalo 2004: 207]; *тю*, *чю* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **2** *тү* ‘земля, почва’ [Алалато 1998: 73]; *чвэччы* [Алалато 1998: 77]; ‘земля; место, берег, луг, лес, страна, мир’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **2** *чу* ‘глина / земля(к)’ [Григоровский 2007: 238; Helimski 1983: N 1616]; *чвочь* ‘земля / мѣсто’ [Григоровский 2007: 233; Helimski 1983: N 1575].

Селькуп.: **1** (1059) *šidššä* ‘земля, место’ [Alatalo 2004: 156]; **2** (1428) *šü* ‘земля, глина’ [Alatalo 2004: 207] < ПС **jâä* ‘земля, место’ [Janhunen 1977: 36].

Два основных корня, предположительно немного по-разному развивавшихся семантически на севере и юге.

106. Змея

Ненецкая

ЛН: **1** *d'amp arpi* (букв. ‘длинный зверь (?)’).

ТН: **2**; ям., гыд., б.-з. *jamr° xäli* (букв. ‘длинный червь’).

Исконные лексемы утрачены, используются описательные конструкции с разными базовыми словами и совпадающими атрибутами. Возможно, следствие табу.

Энецкая

ТЭ: **0** Не засвидетельствовано.

ЛЭ: **-1** *змея* [Сорокина, Болина 2009: 143] — заимствование из русского.

Селькупская

ТАЗ: **1** *šü*.

БАИ: **1** *шү* [Казакевич, Будянская 2010а: 171].

НАР: **1** N. *šü* [Alatalo 2004: 346]; *шү* [Купер, Пустаи 1993: 52].

ТЫМ: **1** Ту., ТуМ. *šü* [Alatalo 2004: 346]; *чю*, *шүй* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** Vj. *šü* [Alatalo 2004: 346]; *шү* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *сү* [Алалато 1998: 99]; степ. *су* [Казакевич, Будянская 2010б]; *сү*, *суй* [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *сю* [Григоровский 2007: 204; Helimski 1983: N 1282].

Селькуп.: **1** (2423) *šü* [Alatalo 2004: 346] < ПС **kiwä* ‘червь, змея’ [Janhunen 1977: 72].

45. Знать

Ненецкая

ЛН: **1** *чедимяш* ‘уметь; знать, помнить’ [Бармич, Вэлло 2002: 143, 203], *чеймяш* ‘знать; уметь; владеть, уметь пользоваться чем-л.’ [Бармич, Вэлло 2002: 143, 203], *чедеш* ‘помнить, запомнить; знать’ [Бармич, Вэлло 2002: 143, 203]; *төejm'af*, *төed'im'af*.

ТН: **1** *теневай(сь)* ‘знать; уметь’ [Терещенко 1965: 649]; *тениewə(s)*.

Энецкая

ТЭ: **1** *tene-*; *tene*, *ten'e* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: **1** *tene-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *teŋimjo* ‘знать; уметь; понимать’.БАИ: 1 *tänmyço, тэнтыço* [Быконя и др. 2005].НАР: 1 *t'æpəlgi* ‘знать, уметь’.ТЫМ: 1 *tännugu* [Быконя и др. 2005].ВАС: 1 *танугу* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *тиннывыгу* [Алатало 1998: 99].НЧА: 1 *тынногу* ‘знать/умѣть’ [Григоровский 2007: 222; Helimski 1983: N 1468].Селькуп.: 1 (1124) *teni-, teŋi-* [Alatalo 2004: 167] < ПС **tenä-* [Janhunen 1977: 157].

2. Зола

Ненецкая

ЛН: 1 *шймя* ‘пыль; пепел’, *туу шимья* ‘зола’ [Бармич, Вэлло 2002: 155] (букв. ‘огня пыль; огня пепел’); *šim'a*.ТН: 1 *сибя* ‘пыль’, *ту* *сибя* (*тунзибя*) ‘зола’ [Терещенко 1965: 555] (букв. ‘огня пыль’); *šib'a, tu' šib'a*.

Энецкая

ТЭ: 1 *tuus'io*.ЛЭ: 1 *tuufaa*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *šimj, tüŋ šimj ~ tüššimj* ‘зола, пепел’; ТаМ. *qōrā* [Alatalo 2004: 328]; ср. *qōntj* ‘сажа’.БАИ: 1 *šimə*.НАР: 1 *šiv* ‘зола, пепел’.ТЫМ: 1 Ту. *šim* [Alatalo 2004: 354]; *шив, шижэ, шиммэ* [Быконя и др. 2005].ВАС: 1 Vj. *šiu, šič* [Alatalo 2004: 354]; *шив, шите, шидэ* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *сйвы* ‘пепел’ [Алатало 1998: 58]; степ. *sivi; šivi* [Казакевич, Будянская 2010б]; *сивэ* ‘пепел; зола; мука’ [Быконя и др. 2005]; ср. КММ. *kuonamda* (Акк. 3s) [Alatalo 2004: 292].НЧА: 1 Са. *šič* [Alatalo 2004: 354]; ср. *кандь* ‘сажа’ [Григоровский 2007: 109].Селькуп.: 1 (2489) *šimə* [Alatalo 2004: 354] < ПС **kimä* [Janhunen 1977: 70]; (613) *pūs'u* [Alatalo 2004: 88]; (1994) *qāntə* [Alatalo 2004: 289—290]; (2003) *k'ūñə* [Alatalo 2004: 292]; (2263) *kōra* ‘песок’ [Alatalo 2004: 328].

Несмотря на большое количество слов для золы (и пепла) в Alatalo 2004, основное значение во всех диалектах передаётся производными одного корня.

89. Зуб

Ненецкая

ЛН: 1 *чим* [Бармич, Вэлло 2002: 146, 203]; *čim*.ТН: 1 *тибя* [Терещенко 1965: 656]; ям., б.-з. *šib'a*, гыд. *čib'e*, кан. *šiw'a*.

Энецкая

ТЭ: 1 *t'ii*.ЛЭ: 1 *tfii*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *timj, tīmj*.БАИ: 1 *šimiti* (pl).НАР: 1 *tiv*.ТЫМ: 1 *təm, tim* [Alatalo 2004: 152].ВАС: 1 *тыв, тивэ, тйу, тйвэлага* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *тиввы* [Алатало 1998: 99]; степ. *tivvi*, кат. *šivvi / tivvi* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: 1 *тевь* [Григоровский 2007: 213].Селькуп.: 1 (1037) *timə* [Alatalo 2004: 152] < ПС **timä* [Janhunen 1977: 163].

33. Идти/ходить

Ненецкая

ЛН: **1** *миньш* ‘идти, двигаться, передвигаться; приближаться; идти, течь (о времени); произойти, случиться; течь (о воде)’ [Бармич, Вэлло 2002: 204], *minʃ*; *дяташ* ‘идти пешком, шагать, ходить’ [Бармич, Вэлло 2002: 37], *дятэльш* ‘ходить, передвигаться; бродить, странствовать, путешествовать; гулять; ездить’ [Бармич, Вэлло 2002: 38, 279].

ТН: **1** *минзь* ‘идти, двигаться, передвигаться; идти, протекать (о времени)’ [Терещенко 1965: 252], *minzʃ*; *ядь(сь)* ‘идти пешком, шагать’ [Терещенко 1965: 826], *ядэрць* ‘ходить, передвигаться...’ [Терещенко 1965: 830].

Энецкая

ТЭ: **1** *d'ado*.

ЛЭ: **1** *d'azu-*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qälimpiqo* ‘идти, ходить, двигаться; бегать (о животных); ползти (о комаре, мухе)’; *kuritqo* ‘идти, шагать’; *qenqo* ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’; *кълымпыцо* ‘ходить, идти, гулять’ [Казакевич, Будянская 2010а: 53], *кэнтыцо* ‘идти, ходить, уходить, уезжать’ [Казакевич, Будянская 2010а: 54], *курытцо* ‘бегать, отправляться, направляться куда-либо, шагать, идти’ [Казакевич, Будянская 2010а: 45]; но не *тйго* ‘прийти, приехать’.

БАИ: **1** *kælimpa* ‘идёт’.

НАР: **2** *кэадзэги* ‘идти, ехать, шагать, ходить, бродить’; **3** *квэя́сприги* ‘идти’; но пар. *кунгу* ‘пойти’, *квэнэгу* ‘пойти’, (арх.) *квонгу* ‘идти’; туют. *квэнгу* ‘идти’ [Норманская 2012: 128].

ТЫМ: **3** варг. *квэнгу* ‘идти’, нап. *квэнгу* / *квынгү* ‘уйти’ [Норманская 2012: 128], *кведалгү* ‘шагать’ [Норманская 2012: 134]; ср. *кэндэ́ко* ‘идти; ехать’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **2** *чачыгу* ‘идти; ходить; бродить’ [Быконя и др. 2005]; ласк. *квэнгу* ‘уйти’ [Норманская 2012: 132].

КЕТ: **2** *чаччыгу* [Алатало 1998: 100]; *чаччыгу* ‘идти, ходить; бродить’ [Быконя и др. 2005]; *квэнгу* ‘идти, уйти’ [Алатало 1998: 20]; степ. *фэфан* ‘я иду/двигаюсь’, *фэфам’инга* ‘идёт ко мне’; *фэфан* ‘я иду (к)’, кат. *фотак* ‘иди’ [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **2** *кэдэжигу* ‘идти/ехать’ [Григоровский 2007: 229].

Селькуп.: **1** (2085) *kol’ə-* ‘вертеть’ > *kol’əmpi-* (Dur.) [Alatalo 2004: 304—305]; **2** (1047) *кэ́кэ-* ‘ехать’ [Alatalo 2004: 155]; **3** (2002) *кү́эн-* ‘идти’ [Alatalo 2004: 291] < ПС **kän-* [Janhunen 1977: 59]; (687) *пал’у-* ‘ходить вокруг, обходить’ [Alatalo 2004: 99]; (2290) **kur(ə)* > *kurətku-* (Freq.) ‘бегать, быстро идти’ [Alatalo 2004: 362—363]; (1043) *тāt-* ‘идти’ [Alatalo 2004: 154].

Сложная мозаика из нескольких корней и тонких различий в значениях. Слишком мало хороших примеров для однозначного выбора основного слова для некоторых диалектов.

59. Имя

Ненецкая

ЛН: **1** *ним* ‘имя’ [Бармич, Вэлло 2002: 205]; *nim*.

ТН: **1** б.-з., вост. *нюм* [Терещенко 1965: 331] = зап. *ним* [Терещенко 1965: 313]; ям., гыд. *nim*, кан. *nim*.

Энецкая

ТЭ: **1** *niiʃ/niiʃo*.

ЛЭ: **1** *niiʃ/niiʃu*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *nim* (*nimʃ-*) ‘имя, название’.

БАИ: **1** *ним* [Казакевич, Будянская 2010а: 84].

НАР: **1** *пет, пер*.

ТЫМ: **1** *пэв* [Alatalo 2004: 197].

ВАС: **1** *пэв* [Alatalo 2004: 197].

КЕТ: **1** *ним* [Алатало 1998: 100].

НЧА: **1** *немь* [Григоровский 2007: 156].

Селькуп.: **1** (1349) *ним, ним* [Alatalo 2004: 197] < ПС **nim* ~ *nim* [Janhunen 1977: 102].

82. Камень

Ненецкая

ЛН: 1 *nə* [Бармич, Вэлло 2002: 206]; *pəj*.

ТН: 1 *nə* [Терещенко 1965: 500]; *pə, pε*.

Энецкая

ТЭ: 1 *pi*.

ЛЭ: 1 *pi*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *pī* (*pī̄*) ‘камень; оселок, точило; яичко’.

БАИ: 1 *p̄y*.

НАР: 1 *pə*.

ТЫМ: 1 *pī̄* [Alatalo 2004: 60].

ВАС: 1 *pō̄* [Alatalo 2004: 60].

КЕТ: 1 *p̄j̄* [Алатало 1998: 101]; степ. *p̄ij* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *Са. pī̄* [Alatalo 2004 60]; *ню* ‘камень’ [Helimski 1983, N 1089], но ‘точило’ [Григоровский 2007: 175], *нюллага* [Григоровский 2007: 176]

Селькуп.: 1 (385) *pī̄* ‘камень, стекло’ [Alatalo 2004: 60] < ПС **pə̄j* [Janhunen 1977: 112].

76. Кожа

Ненецкая

ЛН: 1 *tejk; təjk* ‘кожа человка’ [Попова 1978: 131]; *ʔaħa* [ɲäħħæ] ‘кожа человка; тело’ [Попова 1978: 71]; *уадя* ‘тело’ [Бармич, Вэлло 2002: 91], ‘кожа’ [Бармич, Вэлло 2002: 208]; *тэукай* ‘кожаный’ [Бармич, Вэлло 2002: 133]

ТН: 2 *уая* [Терещенко 1965: 391]; ям., гыд., б.-з. *ɲaja*, кан. *aja*. Ср. *хоба* ‘шкура’.

Для ЛН словари дают противоречивую картину, но согласно современным полевым данным основным словом является всё-таки *tejk*.

Энецкая

ТЭ: 1 *kōba*.

ЛЭ: 1 *koba*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *qorj* ‘шкура, кожа; кожура, корка; оболочка’.

БАИ: 1 *qorj*.

НАР: 1 *kəb* ‘кожа, шкура’.

ТЫМ: 1 *qobə, qob* [Alatalo 2004: 260].

ВАС: 1 *qobb, qob* [Alatalo 2004: 260].

КЕТ: 1 *qonny* [Алатало 1998: 102]; степ., кат. *korj* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *кóпъ* ‘шкура / кожа / кожа животного / шелуха зерна’ [Григоровский 2007: 124; Helimski 1983: N: 392].

Селькуп.: 1 (1794) *qora* [Alatalo 2004: 260] < ПС **korå* [Janhunen 1977: 73].

44. Колено

Ненецкая

ЛН: 1 *пуды* [Бармич, Вэлло 2002: 113]; *pūnlī, pūlī*.

ТН: 1 *пулы* [Терещенко 1965: 488]; *pūlī*.

Энецкая

ТЭ: 1 *puose*.

ЛЭ: 1 *pōsee*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *pūlj* ‘колено; (ВТ) передняя часть ляжек выше колен’; *pūlsajj; пўлы* [Казакевич, Будянская 2010а: 108].

БАИ: 2 *kugilt; куукол* [Казакевич, Будянская 2010а: 45], ранее также *пўлы* ‘колено’ (записи 1940-х).

НАР: **1** *пулхай* [Быконя и др. 2005]; *pūlhaj* [Alatalo 2004: 100].
 ТЫМ: **1** Ту., ТуМ. *pūlsej* [Alatalo 2004: 100]; **2** ТуМ. *kuŋgʷl* [Alatalo 2004: 313].
 ВАС: **1** *pūlhaj* [Alatalo 2004: 100]; *пулхай* [Быконя и др. 2005].
 КЕТ: **1** *пўлыссайиу* [Алатало 1998: 103]; степ. *pulsajji*, кат. *pulsaji* [Казакевич, Будянская 2010б].
 НЧА: **1** *пулэй* ‘колбно / голень’ [Григоровский 2007: 185; Helinski 1983: N 1055].
 Селькуп.: **1** (701) *pūlə* < ПС **puǎjls* [Janhunen 1977: 130] > *pūlə(l)-saji* (+ ‘глаз’) ‘коллено’ [Alatalo 2004: 100]; **2** (2150) *kuŋkəl* ‘большая берцовая кость’ [Alatalo 2004: 313] < ПС **kuŋkälä* [Janhunen 1977: 78].
 Второй корень развил значение ‘коллено’ только в ТЫМ и БАИ.

3. Кора

Ненецкая

ЛН: **1** *шанч* ‘древесная кора, лубок’ [Бармич, Вэлло 2002: 150, 209]; *šapt̚e*.

ТН: **1** *сѣбт* ‘лубок; древесная кора’ [Терещенко 1965: 594]; *ня* ‘хоба букв. ‘дерева шкура’ [Терещенко 1965: 766]; *šabt̚o*.

Энецкая

ТЭ: **1** *sesa*.

ЛЭ: **1** *sesa*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qās̄j* ‘кора, корка; поплавок’; *pōt qās̄j*; *pōt qor̄j* ‘кора дерева’; *ʒōs̄y* ‘кора’ [Казакевич, Будянская 2010а: 60]; **2** *ʒоны* ‘шкура животного, кожа (человека), кора, кожа’ [Казакевич, Будянская 2010а: 58].

БАИ: **1** *q̄r:s*.

НАР: **2** *рѣт кѣб*; *қобѣ*, *қѣ* [Купер, Пустаи 1993: 53]; *қа* ‘кора; чешуя’ [Быконя и др. 2005].

ТЫМ: **1** *q̄ās* [Alatalo 2004: 315]; *подқоб*, *подқоп* ‘кора (дерева); ствол’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **3** *pōt q̄ ā* [Alatalo 2004: 315]; *қав* ‘чешуя; кора; скорлупа, щепка’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *ʒāзы* [Алатало 1998: 103]; степ. *q̄l̄s̄i* [Казакевич, Будянская 2010б]; *pōнкас*; *қа* ‘кора; чешуя’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *кас̄* [Григоровский 2007: 111; Helinski 1983: N 1019]; *понкас̄* [Григоровский 2007: 179]; *Ša. q̄ās̄* [Alatalo 2004: 315].

Селькуп.: **1** (2160) *qās̄ə* [Alatalo 2004: 315] < ПС **kās̄ə* [Janhunen 1977: 65]; **2** (1794) *qora* ‘кожа’ [Alatalo 2004: 260] < ПС **kor̄ə* [Janhunen 1977: 73]; **3** (1822) *qām* ‘(рыбья) чешуя’ [Alatalo 2004: 264] < ПС **kām̄ə* [Janhunen 1977: 63].

Во всех диалектных группах представлены рефлексы **qās̄ə* (кое-где в виде композита *p̄ən+qās̄ə* ‘дерева кора’), во многих ‘кора’ является одним из значений рефлексов *qora* ‘кожа’ (особенно в виде композита *p̄ət+k̄əb* ‘дерева кожа’) и реже *qām* ‘чешуя’.

69. Корень

Ненецкая

ЛН: **1** *вану* [Бармич, Вэлло 2002: 12]; *wanu*.

ТН: **1** *вано* [Терещенко 1965: 41]; *wano*.

Энецкая

ТЭ: **1** *badu*.

ЛЭ: **1** *badu*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *kont̄j*.

БАИ: **1** *kont̄i*.

НАР: **1** *кѣндѣ/кандѣ*.

ТЫМ: **1** Ту. *qoŋd̄ʒ* [Alatalo 2004: 294].

ВАС: **1** *қонжѣ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *қонжы* [Алатало 1998: 103]; кат. *kont̄f̄ə*, *kont̄d̄ə*; степ. *kiŋʃ̄i* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *кѣнджѣ* [Григоровский 2007: 123; Helinski 1983: N 377]; *понконджѣ* (< *по-н* ‘дерева’ + ‘корень’) [Григоровский 2007: 179].

Селькуп.: **1** (2023) *končə* [Alatalo 2004: 294–295] < ПС **wānc̄s̄* [Janhunen 1977: 171].

105. Короткий

Ненецкая

ЛН: **1** *кайм* [Бармич, Вэлло 2002: 39, 209], *кэм* [Бармич, Вэлло 2002: 55, 209]; *кæт*, *кæјт*, *кæјт*.ТН: **1** *хэм* 'короткий, краткий' [Терещенко 1965: 800]; *хæт(?)*, *хет(?)*.

Энецкая

ТЭ: **1** *кеті*.ЛЭ: **1** *кеті*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *қәтјса*, *қәтјсал'*.БАИ: **1** *комыче* [Быконя и др. 2005].НАР: **1** *ка:vgа*.ТЫМ: **1** *кац*, *кәик-* [Alatalo 2004: 265].ВАС: **1** *кавга*, *қәғал*, *қәғэл*, *қақал*, *қауга* [Быконя и др. 2005].КЕТ: **1** *қәвы(й)* [Алатало 1998: 104].НЧА: **1** *кавкань* [Григоровский 2007: 105; Helimski 1983: N 169].Селькуп.: **1** (1825) *қәтә* и производные *қәтәка*, *қәтәкка*, *қәтәсә* [Alatalo 2004: 265], < ПС **kājт* [Janhunen 1977: 51].**10. Кость**

Ненецкая

ЛН: **1** *лы* 'кость' [Бармич, Вэлло 2002: 60]; *ћ*, *ћ'*.ТН: **1** *лы* 'кость' [Терещенко 1965: 195]; *li°*.

Энецкая

ТЭ: **1** *l'idi*.ЛЭ: **1** *lizi*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *le*.БАИ: **1** *lə*.НАР: **1** *li*.ТЫМ: **1** *lī* [Alatalo 2004: 386].ВАС: **1** *lī* [Alatalo 2004: 386].КЕТ: **1** *лэ*, *лы̄* [Алатало 1998: 104].НЧА: **1** *лы* [Григоровский 2007: 139].Селькуп.: **1** (2761) *le*, Nom. *lī* [Alatalo 2004: 386] < ПС **le* [Janhunen 1977: 82].**67. Красный**

Ненецкая

ЛН: **1** *кэмчаки* 'красный, алый, багровый' [Бармич, Вэлло 2002: 54]; *кәмтәки*, *кәмтәки*. Производные от слова 'кровь'.ТН: **2** *няръяна*; *n'ar'jana*.

Энецкая

ТЭ: **1** *nagoda-de*.ЛЭ: **1** *nalze-da*.

Неясные соответствия (возможно в ЛЭ заимствовано из ТЭ).

Селькупская

ТАЗ: **1** *n'ärqj* (в сочетаниях часто *n'är*).БАИ: **1** *няръы* [Купер, Пустаи 1993: 88].НАР: **1** *n'arg*.ТЫМ: **1** *нәгү*, *нәгү* [Alatalo 2004: 242].ВАС: **1** *нярг*, *няргэ*, *нярга* [Быконя и др. 2005].КЕТ: **1** *нәргы* [Алатало 1998: 104].

НЧА: **1** *нярынъ* (енгъ) [Григоровский 2007: 164].
Селькуп.: **1** (1695) *n̄ārqə* [Alatalo 2004: 242] < ПС **n̄ār-* [Janhunen 1977: 107].

9. Кровь

Ненецкая

ЛН: **1** *кэм* [Бармич, Вэлло 2002: 54, 211]; *кет*.

ТН: **2** *вэя* [Терещенко 1965: 79, 80], *wéja* (более употр. в совр. яз.); *хэм'* [Терещенко 1965: 800], *хет* (более высокий стиль, в эпосе).

Энецкая

ТЭ: **1** *bija; ki'* 'пролитая кровь'.

ЛЭ: **1** *bija*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *кет* (*k̄tm̄j-*).

БАИ: **1** *кэт*.

НАР: **1** *кар*.

ТЫМ: **1** *кав* [Alatalo 2004: 270].

ВАС: **1** *кар, кав* [Alatalo 2004: 270]; *канта* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *кэм* [Алалато 1998: 105].

НЧА: **1** *камъ* [Григоровский 2007: 108].

Селькуп.: **1** (1862) *кет, k̄tm̄ə-* [Alatalo 2004: 270] < ПС **кет* [Janhunen 1977: 65].

70а. Круглый (2D)

Ненецкая

ЛН: **1** *дэ́льшап* 'круг, кольцо' [Бармич, Вэлло 2002: 28]; *d̄oľʃaŋ*.

ТН: **2** *сюртяв; s̄ur²t̄áw, s̄ur²t̄áw*.

Энецкая

ТЭ: **1** *pos'uteo*.

ЛЭ: **1** *r̄ʃte-j; poste, poште* 'круглый, округлый, имеющий форму круга, шарообразный' [Сорокина, Болина 2009: 358].

Селькупская

ТАЗ: **1** *kol'al'* 'круглый (2D); кружной; извилистый' < *kol'a* 'изгиб (реки); колесо; круг'; **2** *p̄irj̄l'*, *p̄irj̄l' kol'al'* 'круглый' < *p̄irj̄* 'круг, кружок, кольцо (не на пальце)'.
БАИ: **0** Слово не найдено.

НАР: **2** N. *p̄är* 'круг, круглый' [Alatalo 2004: 97]; *p̄öryl*; об. Ч. *p̄öryl* [Быконя и др. 2005]; ср. гол. *k̄sja* 'круг' [Федотова 2009]; *p̄är* 'круг, круглый' [Alatalo 2004: 97].

ТЫМ: **2** Ту. *p̄öröŋ* [Alatalo 2004: 97].

ВАС: **1** *коя* (например, 'у карася глаза круглые') [Быконя и др. 2005]; ср. *par, per* 'круг' [Alatalo 2004: 97].

КЕТ: **2** *п̄үруй, п̄үруккай* [Алалато 1998: 105]; кат. *p̄yrv̄i* [Казакевич, Будянская 2010б]; КМ. *p̄üruj*; КеМ. *p̄ürukkal*; КМ. *p̄ürukkaĵ* [Alatalo 2004: 97]; также КеМ. *lakkaĵ* [Alatalo 2004: 396].

НЧА: **2** *п̄оро́енгъ* [Григоровский 2007: 188]; ср. Са. *koiaŋ* 'кривой' [Alatalo 2004: 304].

Селькуп.: **1** (2085) *kol'ə* 'круг' [Alatalo 2004: 304–305]; **2** (674) *p̄üru, p̄öru, peru* [?] 'круг, круглый' [Alatalo 2004: 96–97]; (2843) *laka* 'глыба, ком' [Alatalo 2004: 395].

Незафиксированность у *par* значения 'круглый' в ВАС может быть лексикографической случайностью.

70б. Круглый (3D)

Ненецкая

ЛН: **1** *п̄эику* [Бармич, Вэлло 2002: 118]; *p̄éʃki*.

ТН: **2** *м̄яндалюй; ям., гыд. т̄ənt̄'v̄ij, т̄ənd̄'v̄ij*.

Энецкая

ТЭ: **1** *pos'uteo*.

ЛЭ: **1** *r̄ʃte-j*.

Совпадает с круглым (2D).

Селькупская

ТАЗ: **1** *puŋkjal'* (~ *pü-*, *-kjal'*) 'круглый (3D), шарообразный'.

ВАС: **1** *лагай* 'круглый; клочковатый' (напр., *тав няйт лагаң эядыт* 'эти хлеба круглые') [Быконя и др. 2005].

Для других диалектов особого слова для этого значения обнаружить пока не удалось.

97. Кто

Ненецкая

ЛН: **1** *кймя* [Бармич, Вэлло 2002: 48, 211]; *кй̄м'я*.

ТН: **1** *хибя* [Терещенко 1965: 765]; *χ'īb'ia*, *χ'ib'ia*.

Энецкая

ТЭ: **1** *s'io*.

ЛЭ: **1** *fee*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *kutj* (*kūtā*, *kutā*).

БАИ: **1** *куты* [Быконя и др. 2005].

НАР: **1** *кэд*.

ТЫМ: **1** *kud* [Alatalo 2004: 252].

ВАС: **1** *кодэ* [Alatalo 2004: 252].

КЕТ: **1** *кутти* [Алатало 1998: 105].

НЧА: **1** *кодъ-та* 'кто-то' [Григоровский 2007: 120].

Селькуп.: **1** (1751) *kuti* [Alatalo 2004: 252].

7. Кусать

Ненецкая

ЛН: **1** *ша'тулнѐш* [Бармич, Вэлло 2002: 152, 212], *ша'тулаш* 'кусаться' [Бармич, Вэлло 2002: 152, 212]; *šā(ʔ)tolaf*.

ТН: **1** *сяторпай(сь)* (длит.), *сяторай(сь)* (неперех.) 'кусаться' [Терещенко 1965: 606]; *s'átorpās'*.

Энецкая

ТЭ: **1** *sekuto-*.

ЛЭ: **1** *sekuti-*.

Селькупская

ТАЗ: **3** *sattiqo* 'кусать, кусаться, быть кусачим'; *tutiqo*, *tūtīqo* 'жевать; кусать'; *сөты-жо* 'укусить, откусить' [Казакевич, Будянская 2010а: 123]; *сам-ты-жо* 'кусаться' [Казакевич, Будянская 2010а: 116]; *туты-жо* 'жевать, кусать' (о собаке) [Казакевич, Будянская 2010а: 144].

БАИ: **2** *тутэндеқо* [Быконя и др. 2005].

НАР: **3** *χ'āčəgi* 'кусать, откусить, укусить, ужалить'; *āджə-гу* 'укусить (напр. о комаре)' [Купер, Пустаи 1993: 64]; (*x*)*аҗеишпугу* 'кусать', *аҗелгу* 'искусать многих'; *одыттыгу* [Быконя и др. 2005].

ТЫМ: **2** *tutkek* (Freq.), *tudāšpač* (Kont.) 'кусать' (только о зверях) [Alatalo 2004: 158]; ср. *sādžap* 'съесть до конца'; *sadšärnav* [?, obj.Конj.] 'грызть, кусать' [Alatalo 2004: 355]; *хаччэку* 'кусать' [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *одыттыгу*, *одэттыгу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **3** *саччыргу* [Алатало 1998: 106]; *sattšərgu* (Augm); *sattšendža-* (Freq.) [Alatalo 2004: 355].

НЧА: **3** *сачел-* [Григоровский 2007: 192; Helimski 1983: N 1143]; ср. *отмагу* 'кусаться, [куса]ть' [Григоровский 2007: 170]; *сэджугу* 'укусить / откусить' [Григоровский 2007: 190].

Селькуп.: **1** (86) *ottal-* 'хватать в рот' [Alatalo 2004: 16]; **2** (1068) *tutu-* 'жевать' [Alatalo 2004: 158]; **3** (2493) *sāčə-* [Alatalo 2004: 355] < ПС **sāc-* [Janhunen 1977: 136].

Ситуация в БАИ не вполне ясная из-за недостатка примеров.

47. Лежать

Ненецкая

ЛН: **1** *дѐшитаиш* 'лежать (о человеке)' [Бармич, Вэлло 2002: 29, 212]; *ва''нѐш* 'лежать (о животном)' [Бармич, Вэлло 2002: 15, 212]; *diofitaf*, *dīōfitaf* (+ и о предметах).

ТН: **1** *josedas*(сь) ‘лежать (о человеке)’ [Терещенко 1965: 817]; *va* ’нй(сь) ‘лежать (о животном)’ [Терещенко 1965: 55]; *jus'edasi*, *jūs'edasi*.

Энецкая

ТЭ: **1** *badoti*; *bazete* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: **1** *bazfi*.

Образовано от ТЭ *bazota*, ЛЭ *bazta*- ‘лечь’.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ipriqo* ‘лежать; уложить (лежа)’.

БАИ: **1** *ипп-äлы-мпы-жо* (мн. суб. длит.) [Казакевич, Будянская 2010а: 33].

НАР: **1** *ipəgı*.

ТЫМ: **1** *errag* [Alatalo 2004: 6].

ВАС: **1** *errak* [Alatalo 2004: 6].

КЕТ: **1** *иппигу* [Алатало 1998: 107]; *иппыгу* [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *энегу* [Григоровский 2007: 242].

Селькуп.: **1** (35) *ipri-* (Dur.) [Alatalo 2004: 6].

29. Лететь

Ненецкая

ЛН: **1** *чильи* ‘летать, лететь’ [Бармич, Вэлло 2002: 146, 213]; *teilif*.

ТН: **1** *тирць* ‘лететь, летать’ [Терещенко 1965: 663]; ям., гыд. *t'irts*, б.-з., кан. *t'irtsj*, *t'ircj*.

Энецкая

ТЭ: **1** *t'iiro-*.

ЛЭ: **1** *tfir-*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *tj-*; *tjpriqo* ‘лететь’; *tj'* *tjrqo* ‘летать’.

БАИ: **1** *тj-мпы-жо* ‘лететь’ (о птице, самолете и т. п.) [Казакевич, Будянская 2010а: 136–137]; *ти-ль-тыр-жо* ‘летать’ [Казакевич, Будянская 2010а: 135].

НАР: **1** *ti'ldzırgu*; **2** N. *ıaššēmba* (Dur. 3s) [Alatalo 2004: 39].

ТЫМ: **2** Ту. *ıašeımba* (Dur. 3s) [Alatalo 2004: 39]; *важембугу* [Быконя и др. 2005]; **1** Ту. *timb'sāx* (Dur. Prät. 3du) [Alatalo 2004: 142].

ВАС: **2** Vj. *ıašeıd'ak* (Ref.) [Alatalo 2004: 39].

КЕТ: **1** *тjмбигу*, *тилжыргу* [Алатало 1998: 107]; *tjmbigu* [Alatalo 2004: 142]; *тjмбыгу* ‘летать; лететь’ [Быконя и др. 2005]; также **2** *вэссегу* ‘взлететь, соскочить’ [Алатало 1998: 12, 86]; КМ. *nābəla ıəzəmbat* (Dur.) ‘утки летят’ [Alatalo 2004: 39]; *вазыббыгу*, *вэзымбыгу* ‘летать; лететь’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *тjмбыгу* [Григоровский 2007: 217]; Са. *tjbban* ‘лететь’ [Alatalo 2004: 142].

Селькуп.: **1** (965) *ti-* (< ПС **ti-* [Janhunen 1977: 161]) → *tjmpi-*; *tilčə-* [Alatalo 2004: 142]; **2** (233) *ıəšəjəmpri-* (Dur.), *ıəšəjəčə-* (Ref.) < *ıəšə-* ‘вставать’ [Alatalo 2004: 39].

Производные от *ıəšə-* ‘вставать’ во многих диалектах имеют значения ‘взлететь, улететь’, но в некоторых возможны и в общих значениях ‘лететь, летать’ (Ту., КМ., Vj., N.), но окончательно, видимо, не вытесняют другой вариант. Отсутствие в ВАС производных от *tjmpi* объясняется скорее всего скудостью источников.

46. Лист (деревя)

Ненецкая

ЛН: **1** *вена* ‘лист (растения)’ [Бармич, Вэлло 2002: 16, 213]; *wépa*.

ТН: **1** *вэба* ‘лист (растения)’ [Терещенко 1965: 65]; *wéba*.

Энецкая

ТЭ: **1** *odi?*/*odizo*.

ЛЭ: **1** *odi?* / *odizu*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *cəpi* ‘лист (растения); табак, курево’.

БАИ: 1 *ʃə:p*.

НАР: 1 *tə'ab*.

ТЫМ: 1 *чябэ* [Быконя и др. 2005]; *t'āv* [Alatalo 2004: 209].

ВАС: 1 *тяб, чāб* [Быконя и др. 2005]; *tšāv* [Alatalo 2004: 209].

КЕТ: 1 *тāбы* [Алатало 1998: 107]; степ. *ʃap̄i*, кат. *t'ap̄i* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *няргынчабъ* ('дерева лист') [Григоровский 2007: 164; Helinski 1983: N 848] < *няргъ* 'тальникъ/дерево' + *чабъ* 'цвѣтокъ'; Са. *t'āb* [Alatalo 2004: 209].

Селькуп.: 1 (1436) *сāрә* [Alatalo 2004: 209] < ПС **jāpā* [Janhunen 1977: 41].

55. Луна

Ненецкая

ЛН: 1 *дйди* 'луна, месяц (небесное светило); месяц (часть года)' [Бармич, Вэлло 2002: 30, 215]; *dīdi*.

ТН: 1 б.-з., зап. *ирий* [Терещенко 1965: 147], кан., б.-з. *jiri'ij* = вост. *иры* [Терещенко 1965: 150] 'луна, месяц (светило); месяц (часть года)', ям., гыд. *jirí*.

Энецкая

ТЭ: 1 *irio; iri* 'луна; месяц (часть года)' [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: 1 *d'iri* 'луна; месяц (часть года)'

Селькупская

ТАЗ: 1 *irä ~ irätj* 'луна; месяц'

БАИ: 1 *ir'et*.

НАР: 1 *ar'ēt* 'луна, месяц'

ТЫМ: 1 *ареда* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *аред* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *ирре, иррет* [Алатало 1998: 108]; степ., кат. *irret* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *зреть* 'мѣсяць' [Григоровский 2007: 243]; *эре* [Helinski 1983, N: 1682].

Селькуп.: 1 (294) *irä / erä* 'луна, месяц' [Alatalo 2004: 50] < ПС **irz- ~ jirz-* [Janhunen 1977: 28].

Часто выступает в срощении с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-t / -d*.

78. Маленький

Ненецкая

ЛН: 1 *нюча* [Бармич, Вэлло 2002: 86]; *nūtca*.

ТН: 1 *нюдя* [Терещенко 1965: 270]; *nū'da*. Есть также менее нейтральный и менее распространенный вариант *нёлёко*.

Энецкая

ТЭ: 1 *ul'aigu*.

ЛЭ: 1 *ibliejgu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *kijil'a (kiral'a)* 'малый, маленький' < *kira* 'малый, младший; малолетство, детский возраст'; *кыпа* 'малый, маленький, младший' [Казакевич, Будянская 2010а: 47].

БАИ: 1 *kibl'a; кыпа* [Быконя и др. 2005].

НАР: 1 *kibá; kibi'l'dziga*.

ТЫМ: 1 *кыба* [Быконя и др. 2005]; *kəba, kəba, kōba* [Alatalo 2004: 262].

ВАС: 1 *кыба, қыба* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 2 *нўну(ка)* [Алатало 1998: 44], *нўнө, нўнө, нўню* [Быконя и др. 2005]; *кыбай* 'маленький, молодой' [Алатало 1998: 29]; кат. *kira* [Казакевич, Будянская 2010б], также *у́чы* 'маленький (редко)' [Алатало 1998: 76]. Те примеры, которые даны в [Alatalo 2004: 262] с переводами (КеМ. *kəbaʒənnə* (Abl.) 'с юности', КМА. *kəpa nitteŋ* 'маленькая девочка' (только как детское слово), также указывают на то, что в кетских диалектах значение производных *kira* сузилось до обозначения возраста.

НЧА: 1 *кыбаенгъ, кыбальчига* [Григоровский 2007: 132].

Селькуп.: 1 (1808) *kira* StAdj. [Alatalo 2004: 262]; 2 (1626) *nū* (< ПС **nūä* [Janhunen 1977: 111] без селькупского) > *nū-nū* (редупликация) [Alatalo 2004: 233–234]; (118) *üčca* StAdj. 'маленький, молодой' [Alatalo 2004: 23] < ?ПС **üčä* [Janhunen 1977: 31].

53. Много

Ненецкая

ЛН: **1** *ну'ка* [Бармич, Вэлло 2002: 99, 218]; *ну'ка*.

ТН: **1** *юка* 'много, многочисленный' [Терещенко 1965: 396]; ям., гыд., б.-з. *ю́ка*, кан. *о́ка*.

Энецкая

ТЭ: **1** *о́ка*.

ЛЭ: **1** *ока*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *коссј, коссјл'* 'много (прил.), многочисленный'.

БАИ: **1** *коччы-к/у* [Казакевич, Будянская 2010а: 43].

НАР: **1** *кэ́те(ик), кэ́те'э́је*.

ТЫМ: **1** *кот'э́η* [Alatalo 2004: 301].

ВАС: **1** *котš(э)* [Alatalo 2004: 301].

КЕТ: **1** *котты* [Алатало 1998: 25], *коннаң* [Алатало 1998: 110]; *кониң* [Алатало 1998: 24]; степ. *коффи* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *кочиенгъ* [Григоровский 2007: 126], *тэигда*.

Селькуп.: **1** (2060) *ко́сэ* StAdj., StAdv. [Alatalo 2004: 301] < ПС **от'ка* [Janhunen 1977: 29] (без селькупского); (2018) *кон(н)э́η* Adv. [Alatalo 2004: 294].

51. Мужчина

Ненецкая

ЛН: **1** *каса, касама* [Бармич, Вэлло 2002: 45, 219]; *kāsa, kāsama*.

ТН: **1** *хасава* '(в лично-притяж. формах) муж', (вост.) 'ненец (самоназвание)' [Терещенко 1965: 755], ям., гыд. *хасава*;

2 зап., б.-з. *ненэць'(н)* 'ненец (национальность), (вост.) человек, мужчина, муж' [Терещенко 1965: 300—301], кан., б.-з. *н'енэ́с'ј', н'енэ́с'ј'*.

Одна из двух базовых лексем, различающих западные и восточные диалекты ТН.

Энецкая

ТЭ: **1** *кааса*.

ЛЭ: **1** *каса*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ира* 'мужчина; муж; старик'; *ти́пјл' қит₂* 'мужчина' (спец., напр., чтобы указать пол новорожденного)'.
 БАИ: **1** *ира* [Казакевич, Будянская 2010а: 33; Быконя и др. 2005]: тур. *ира иманя* 'мужчина женится' [Быконя и др. 2005].

НАР: **2** *те́бјл'гүр; теб* 'мужчина, муж'.

ТЫМ: **2** *тэбэ́лүов* [Alatalo 2004: 147].

ВАС: **2** VjV. *тебэ́лүих* (du.) [Alatalo 2004: 147].

КЕТ: **2** *тибий зум* [Алатало 1998: 111]; степ., кат. *те́р'еқит* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **2** *тебэ́гом* [Григоровский 2007: 212].

Селькуп.: **1** (293) *ира/ера* 'старец, -ик; супруг' [Alatalo 2004: 49] < ПС **ирз-* ~ *јирз-* [Janhunen 1977: 27]; **2** (994) *ти́пј* 'мужчина, муж' > *ти́пјл' қит* 'мужчина, муж' [Alatalo 2004: 147], < ПС **ти́пј* [Janhunen 1977: 163]; (2259) *қора* 'самец' [Alatalo 2004: 327—328] < ПС **кора́* [Janhunen 1977: 74].

94. Мы

Ненецкая

ЛН: **1** *маня"* [Бармич, Вэлло 2002: 65]; *тэ́н'а?*.

ТН: **1** *маня"* [Терещенко 1965: 233]; *тэ́н'а?*.

Энецкая

ТЭ: **1** *тод'и-на?*.

ЛЭ: **1** *тод'и-на?*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *mē* ‘мы; наш (du., pl.)’.БАИ: 1 *mē* [Казакевич, Будянская 2010а: 71].НАР: 1 *mi*.ТЫМ: 1 *mē* [Alatalo 2004: 105].ВАС: 1 *mī* [Alatalo 2004: 105].КЕТ: 1 *mē* [Алатало 1998: 111].НЧА: 1 *me* ‘[мы, наш]’ [Григоровский 2007: 143; Helimski 1983: N 630].Селькуп.: 1 (732) *mē* ‘мы; наш’ [Alatalo 2004: 105] < ПС **me* [Janhunen 1977: 91].**54. Мясо**

Ненецкая

ЛН: 1 *уамса* ‘мясо; тело’ [Бармич, Вэлло 2002: 93]; *уэтса*.ТН: 1 *у́амза* ‘мясо; туша’ [Терещенко 1965: 380]; ям., гыд., б.-з. *уэ́тса*, *уэ́тза*, кан. *э́тса*, *э́тза*.

Энецкая

ТЭ: 1 *ид’а*.ЛЭ: 1 *эса*.

Один корень.

Селькупская

ТАЗ: 1 *вэсј* ‘мясо; плоть, тело’; *вэчы* [Казакевич, Будянская 2010а: 29].БАИ: 1 *мэчы* [Казакевич, Будянская 2010а: 72].НАР: 1 *вадз’* ‘мясо, еда’.ТЫМ: 1 *уад’* [Alatalo 2004: 30].ВАС: 1 *уад’з’* [Alatalo 2004: 30].КЕТ: 1 *вэ́тты* [Алатало 1998: 111]; степ. *вэ́тти* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: 1 *ватъ* ‘мясо, т’ло / т’ло, мясо / плоть’ [Григоровский 2007: 93; Helimski 1983: N 106].Селькуп.: 1 (162) *и́дэ-* [Alatalo 2004: 30] < ПС **ǰǰа* [Janhunen 1977: 17].**63. Не**

Ненецкая

ЛН: 1 *ни* [Бармич, Вэлло 2002: 82]; *ниј*.ТН: 1 *нисъ*; *ни* < *нис’*.

Энецкая

ТЭ: 1 *н’i-/i-*; *не-/i-* [Ханина 2014—2016].ЛЭ: 1 *не-/i-*.

Приведены 2 супплетивные основы отрицательного глагола

Селькупская

ТАЗ: 1 *аš’a, аша, аша* ‘не; нет’ (препозитивная отрицательная частица)’.БАИ: 1 *ажа, аша, аш* [Быконя и др. 2005].НАР: 1 *а, иг* (прохибитив).ТЫМ: 1 *аша, аша, а* [Alatalo 2004: 38]; *а* [Быконя и др. 2005].ВАС: 1 *ага* [Быконя и др. 2005]; *аха, а* [Alatalo 2004: 38].КЕТ: 1 *ассы* [Алатало 1998: 112]; степ. *ас* [Казакевич, Будянская 2010б]; *ассы, а, а, аза* [Быконя и др. 2005]; *ыккы* (прохибитив) [Алатало 1998: 79]; *ыккы, ыккэ, ыкэ, ықы, эг, эгы, эгэ* [Быконя и др. 2005].НЧА: 1 *асъ* [Григоровский 2007: 86].Селькуп.: 1 (229) *аша / аса / асэ* [Alatalo 2004: 38].**61. Новый**

Ненецкая

ЛН: 1 *деты* [Бармич, Вэлло 2002: 226]; *диети, диити*.ТН: 1 *едэй; jedéj*.

Энецкая

ТЭ: 1 *nabe*.

ЛЭ: 1 *nɛbe*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *šentj, šentjɫ'*.

БАИ: 1 *s'antə*.

НАР: 1 *ʃand, ʃant*.

ТЫМ: 1 *šend* [Alatalo 2004: 360].

ВАС: 1 *šand-* [Alatalo 2004: 360].

КЕТ: 1 *сенды* [Алатало 1998: 114].

НЧА: 1 *сандъ, сенды, сентъ* [Григоровский 2007: 191]; *сенды* 'новый, свежий' [Helimski 1983, N 1181].

Селькуп.: 1 (2541) *šentə* [Alatalo 2004: 360].

30. Нога

Ненецкая

ЛН: 1 *нэ* 'нога; лапа' [Бармич, Вэлло 2002: 102]; *нэј, нэј.*

ТН: 1 *нэ* 'нога (человека); лапа (зверя)' [Терещенко 1965: 411]; *нэ, нэ.*

Энецкая

ТЭ: 1 *на*.

ЛЭ: 1 *нэ*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *topj* 'нога; лапа'.

БАИ: 1 *topiti*.

НАР: 1 *tɔb*.

ТЫМ: 1 *тов* [Alatalo 2004: 144].

ВАС: 1 *тов, tobbʷ* [Alatalo 2004: 144].

КЕТ: 1 *тонны* [Алатало 1998: 114]; КеМ. *товвə* [Alatalo 2004: 144]; степ., кат. *topi* [Козакевич, Будянская 2010б]; ср. КеМ. *тəр, тəр*; КеО. *тəрə* 'нога, ступня' [Alatalo 2004: 129].

НЧА: 1 *топъ* 'нога / задняя нога / нога задняя [у] жив[отного]' [Григоровский 2007: 219; Helimski 1983: N 1441].

Селькуп.: 1 (977) *topə* [Alatalo 2004: 144] < ПС **topə* 'копыто' [Janhunen 1977: 166]; (890) *mjɾ* [Alatalo 2004: 129] < ПС **mur* ~ **mjɾ* 'подошва (ноги)' [Janhunen 1977: 96].

58. Ноготь

Ненецкая

ЛН: 1 *кəта* 'ноготь, коготь' [Бармич, Вэлло 2002: 45]; *кəтта*.

ТН: 1 *хəда* 'ноготь, коготь' [Терещенко 1965: 714]; *хəда*.

Энецкая

ТЭ: 1 *кода*.

ЛЭ: 1 *кəза*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *qatj* 'ноготь; коготь; копыто; крюк'.

БАИ: 1 *qat, qatiti*.

НАР: 1 *kad; qad* [Alatalo 2004: 271].

ТЫМ: 1 *qad* [Alatalo 2004: 271].

ВАС: 1 *qadə* [Alatalo 2004: 271].

КЕТ: 1 *џатты* [Алатало 1998: 114]; степ. *qatti/χatti*; кат. *qati* [Козакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *кəтъ* 'ноготь/коготь' [Григоровский 2007: 111; Helimski 1983: N 246]; *кадэ* [Норманская 2015: 13].

Селькуп.: 1 (1876) *qatə* 'ноготь, коготь' [Alatalo 2004: 271].

64. Нос

Ненецкая

ЛН: **1** *пыдя* [Бармич, Вэлло 2002: 115]; *pidia, pit'a (p'ida, p'it'a)*.ТН: **1** *пыя* [Терещенко 1965: 499]; *p'ija*.

Энецкая

ТЭ: **1** *puja*.ЛЭ: **1** *puja*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ḡntäl', ḡntäl'*; *ынтäль/ынтäй* 'нос' (человека) [Казакевич, Будянская 2010а: 172].БАИ: **1** *in'dž'el't; ынтäль/ынтäй* 'нос' (человека) [Казакевич, Будянская 2010а: 172]; *индэ, интэ* [Быконя и др. 2005].НАР: **2** *puč'* 'нос, клюв, нос лодки'.ТЫМ: **2** Ту. *puč'ov* (lsg) [Alatalo 2004: 77]; *путь, пучь* [Быконя и др. 2005].ВАС: **2** VjPyž. *puž'v* [Alatalo 2004: 77]; *поть* [Быконя и др. 2005].КЕТ: **2** *путты* [Алатало 1998: 114]; степ., кат. *put'ti* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: **2** *пучь* [Григоровский 2007: 186].Селькуп.: **1** (148) *ḡncäl'* [Alatalo 2004: 28]; **2** (507) *pučə* [Alatalo 2004: 77] < ПС **pijã ~ *pujã* [Janhunen 1977: 122].**62. Ночь**

Ненецкая

ЛН: **1** *пи* [Бармич, Вэлло 2002: 109]; *p'i (p'ī)*.ТН: **1** *пи; p'ī*.

Энецкая

ТЭ: **1** *p'i*.ЛЭ: **1** *p'i*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *p'i*.БАИ: **1** *p'it*.НАР: **1** *p'et*.ТЫМ: **1** *pəd* [Alatalo 2004: 62].ВАС: **1** *pəd, pöt* [Alatalo 2004: 62].КЕТ: **1** *пи, пимты* [Алатало 1998: 114]; кат. *p'iti* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: **1** *пинь* [Григоровский 2007: 177].Селькуп.: **1** (391) *pi* [Alatalo 2004: 62] < ПС **pi* [Janhunen 1977: 123].Часто выступает в сращении с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-t/-d*.**13. Облако**

Ненецкая

ЛН: **1** *чил* 'облако; туча' [Бармич, Вэлло 2002: 146, 228]; *teil*.ТН: **1** *тир* [Терещенко 1965: 661]; *t'ir*.

Энецкая

ТЭ: **1** *t'iori*.ЛЭ: **1** *tferi*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *tḡnoli (~ tḡnoli)* 'облако, туча' (?< 'облака голова'); *tḡtti, tḡtti* 'облако, затянутое облаками небо'; *мин-олы* 'туча, облако'; *тимты* [Казакевич, Будянская 2010а: 136].БАИ: **1** *tḡtin'ə; timty* [Казакевич, Будянская 2010а: 136].НАР: **1** *tīt*.ТЫМ: **1** *tītə* [Alatalo 2004: 142].ВАС: **1** *tītə* [Alatalo 2004: 142].

КЕТ: 1 *tūtты* ‘туча, облако’ [Алатало 1998: 115]; степ., кат. *titi* ‘туча, облако’ [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *титъ* [Григоровский 2007: 217].

Селькуп.: 1 (964) *tī* → *tītā* [Alatalo 2004: 142], < ПС **tīā* [Janhunen 1977: 162].

27. Огонь

Ненецкая

ЛН: 1 *ту* [Бармич, Вэлло 2002: 130]; *tu*, *tū*.

ТН: 1 *ту* [Терещенко 1965: 673]; *tu*.

Энецкая

ТЭ: 1 *tu*.

ЛЭ: 1 *tu*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *tii* ‘огонь, костер’.

БАИ: 1 *ту*.

НАР: 1 *tii* ‘огонь, костер, пламя’.

ТЫМ: 1 *tii* [Alatalo 2004: 139].

ВАС: 1 *tiiхе* (Ком.) [Alatalo 2004: 139].

КЕТ: 1 *тү* [Алатало 1998: 115]; степ., кат. *tu* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *тюй* [Григоровский 2007: 224].

Селькуп.: 1 (954) *tii-* [Alatalo 2004: 139] < ПС **tuj* [Janhunen 1977: 166].

65. Один

Ненецкая

ЛН: 1 *уоп, уо’ной* [Бармич, Вэлло 2002: 97]; *уор* (*уёр, уёр*).

ТН: 1 *уопой*; ям., гыд., б.-з. *уорóј, кан. орóј*.

Энецкая

ТЭ: 1 *уи?*

ЛЭ: 1 *уо?*

Селькупская

ТАЗ: 1 *ukkir, okkir*.

БАИ: 1 *ukur*.

НАР: 1 *ókir, úkər*.

ТЫМ: 1 *okkur* [Alatalo 2004: 33].

ВАС: 1 *ukker* [Alatalo 2004: 33].

КЕТ: 1 *оккыр* [Алатало 1998: 116]; кат. *okir* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *окырь* [Григоровский 2007: 165].

Селькуп.: 1 (197) *okkar* [Alatalo 2004: 33]; (21) *op* [Alatalo 2004: 5] < ПС **op* < **o-* [Janhunen 1977: 28].

26. Перо

Ненецкая

ЛН: 1 *ханиу тал* ‘перо (птицы)’ [Бармич, Вэлло 2002: 135, 237] < *хани*” ‘хвост (птицы); оперение’ [Бармич, Вэлло 2002: 135] + *тал* ‘шерсть; мелкое перо птицы; мех; ворс’ [Бармич, Вэлло 2002: 121]; *təl?* ‘шерсть; (мягкие) перья (на теле птицы)’; *χálakùŋ təl?* ‘птичье перо’; *χənéś* ‘длинное твердое перо на хвосте или крыле птицы’.

ТН: 1 *тáр*” ‘шерсть; мелкое перо птицы’ [Терещенко 1965: 638]; *tər?*. Ср. *то* ‘крыло’.

Энецкая

ТЭ: 1 *tabu?* / *taburo*.

ЛЭ: 1 *tabu?* / *tabur*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *tū* ‘перо, крыло (оперение крыла); плавник’; *тū* ‘перо, плавник’ [Казакевич, Будянская 2010а: 144]; ср. *tar* (*tari-*) ‘шерсть, мех; волосы (не на голове); оперение, пух’; *tap* ‘шерсть, оперение’ [Казакевич, Будянская 2010а: 131].

БАИ: 1 *tu.t*.

НАР: 2 *tar*; об.Ч. *tap* [Быконя и др. 2005]; *tu*: имеет в одних источниках значение ‘крыло птицы’ [Федотова 2009; Купер, Пустай 1993: 53], в других — ‘перо’ [Alatalo 2004: 136].

ТЫМ: 1 Ту., ТуМ., Сиг.Тум. *tū* [Alatalo 2004: 136]; 2 *tār, tar* Ту. ‘перо’, ТуМ. ‘шерсть, мех, перо’ [Alatalo 2004: 182].

ВАС: 2 *tap, tapə* ‘шерсть, мех, перо’ [Быконя и др. 2005]; ср. Vj. *tū* ‘крыло’ [Alatalo 2004: 136].

КЕТ: 1 *tū* [Алатало 1998: 120]; ср. *tap* ‘волос, шерсть, пух’ [Алатало 1998: 64]; кат. *tar* ‘перо’ [Казакевич, Будянская 2010б]; *tap, tapə* ‘шерсть, мех, перо’ (напр., *tapəla innatmə* ‘перья лежат’) [Быконя и др. 2005].

НЧА: 2 *tap* ‘шерсть/волос/перо’ [Григоровский 2007: 210; Helimski 1983: N 1342]; ср. *tu* ‘крыло’.

Селькуп.: 1 (940) *tū* ‘перо; плавник; хвоя’ [Alatalo 2004: 136] < ПС **tuŋj* ‘перо, крыло’ [Janhunen 1977: 166]; 2 (1247) *tar* ‘волосы, перо’ [Alatalo 2004: 182] < ПС **tār* ‘волосы (на теле), перо’ [Janhunen 1977: 149].

Для второго корня значение ‘перо’ видимо вторично, но в некоторых диалектах этот корень стал основным для этого значения, т. к. первый корень стал значить только ‘крыло’.

71. Песок

Ненецкая

ЛН: 1 *дяда* [Бармич, Вэлло 2002: 34]; *dāda*; ср. *man* ‘слякоть’

ТН: 2 *тāб; тəб*; ср. *яра* ‘песчаный’.

Энецкая

ТЭ: 1 *d'aara; tobo* ‘песок, почва, глина’.

ЛЭ: 2 *təbu*.

Разные корни, как и в ненецком.

Селькупская

ТАЗ: 1 *kōra* (*qora*); *cūri* ‘песчаная коса, отмель’; *kōra* [Казакевич, Будянская 2010а: 43], *чўры* ‘песок’; ‘песчаная отмель’ [Казакевич, Будянская 2010а: 165]; но ТаМ. *qōra* ‘зола’ [Alatalo 2004: 328].

БАИ: 1 *qorie*.

НАР: 1 *kōra*.

ТЫМ: 1 *kōra* [Alatalo 2004: 328]; *t'ūr* [Alatalo 2004: 229].

ВАС: 1 *qora, qōra* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *kōra* [Алатало 1998: 120]; кат. *kora* [Казакевич, Будянская 2010б]; *тюра, тюрю, тюры* ‘песок; отмель’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: 1 *kora* [Григоровский 2007: 124]; ср. Ѓа. *qōra* [Alatalo 2004 328]; 2 *t'ūr* [Alatalo 2004 229].

Селькуп.: 1 (2263) *kora* [Alatalo 2004: 328]; (1601) *čūrə* ‘отмель, песчаная мель’ [Alatalo 2004: 229] < ПС **jāðrā* < **jāð* ‘земля, место’ [Janhunen 1977: 36–37].

Производные *čūrə* не являются полными синонимами с основным обозначением песка, означая скорее ‘место, где есть песок’, нежели сам материал как таковой.

48. Печень

Ненецкая

ЛН: 1 *мыт* [Бармич, Вэлло 2002: 72]; *mit*.

ТН: 1 *мыд* ‘печень, макса’ [Терещенко 1965: 265]; *mid*.

Энецкая

ТЭ: 1 *тидо*.

ЛЭ: 1 *тизи*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *mīti* ‘печень, (ВТ, тур.) печень (животного)’; *sil' mīti, sil' mīti* ‘желудок, (ВТ, тур.) печень (человека); грудь, передняя часть’.

БАИ: 1 *miti, mititi*.

НАР: 1 *mid*; об. Ч. *мыды; нуга* ‘лёгкие; печень’ [Быконя и др. 2005]; также гол. *ad* ‘печень’ (м. б. описка?) [Федотова 2009].

ТЫМ: 1 *mīd* [Alatalo 2004: 111].

ВАС: 1 *мытэ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *мыды* [Алатало 1998: 120]; степ., кат. *miti (miti)* [Казакевич, Будянская 2010б]; *мыды* [Быконя и др. 2005].

НЧА: 2 *кайналь* [Григоровский 2007: 107] (< ‘почки’+ *оль* ‘голова’), *кайналь* ‘почки’ [Alatalo 2004 303]; но Ѓа. *mīd* ‘печень’ [Alatalo 2004 111].

Селькуп.: 1 (757) *mītā* [Alatalo 2004: 111] < ПС **mītā* [Janhunen 1977: 93]; 2 (2075) *k²ajə* ‘почки’ [Alatalo 2004: 303].

18. Пить

Ненецкая

ЛН: 1 *уэльш* ‘пить; выпить чего-л.; напиться’ [Бармич, Вэлло 2002: 111, 238], *уэлпёш* ‘пить (что-либо)’ [Бармич, Вэлло 2002: 238]; *вичэльш* ‘пить (воду)’ [Бармич, Вэлло 2002: 18, 238] (derivativ от ‘вода’); *пелʃ*.

ТН: 1 б.-з. *уэрць* ‘выпить чего-л. (воды, чаю, вина и т. п.), пропить что-л.’ [Терещенко 1965: 421], б.-з. *уэрпай(сь)* (длит.) ‘пить, выпивать (употреблять спиртные напитки), пропивать’ [Терещенко 1965: 421]; *идэрць* (мн.) ‘пить (воду), стать жидким, водянистым (на вкус)’ [Терещенко 1965: 136] (от *der* ‘вода’); кан., б.-з. *пёрсʃ, пёрсʃ*; ям. *пёртэ, јидэртэ* (< *der* ‘вода’).

Энецкая

ТЭ: 1 *оор* [Ханина 2014—2016], *bidiro-*.

ЛЭ: 1 *оор-, bizi-r-; бизу(чь)* ‘пить воду; пить вино, водку’ [Сорокина, Болина 2009: 69]. Корень *оор-* в целом значит ‘есть’: *оо(чь)* ‘есть, кушать; глотать; питаться; принимать (пищу)’ [Сорокина, Болина 2009: 316]. Есть также периферийное слово *ихругу(сь)* ‘пить, выпивать (залпом) (напр., чашку, воду)’ [Сорокина, Болина 2009: 148].

Ситуация в обоих диалектах похожая: есть два глагола, у одного главное значение — ‘есть’, у другого — ‘пить спиртное’, каждый может употребляться в значении ‘пить не-спиртное’, более часто — первый.

Селькупская

ТАЗ: 1 *ūtirgo* ‘пить (vi), пить воду; напиваться’ < *ūt* ‘вода’.

БАИ: 1 *ўты-џо* [Казакевич, Будянская 2010а: 153].

НАР: 2 *іргу, эргу* ‘пить, гулять, пировать’; ласк. *ыргу* ‘погулять’, *ырзу* ‘гулять’ [Норманская 2012: 141].

ТЫМ: 1 *одаг* [Alatalo 2004: 20]; ср. *ernag* ‘напиться’ [Alatalo 2004: 47]; нап. *ыргу* ‘погулять; пьянствовать’ [Норманская 2012: 141].

ВАС: 2 *оргу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 2 *ыргы* [Алатало 1998: 120]; КМ *ī-raj* ‘пить (непер.)’ (вообще) [Alatalo 2004: 47]; КМ *ūtku* ‘выпить’; *ūttažaj* (Prät. 1s) ‘пить’ (?) [Alatalo 2004: 20].

НЧА: 1 *юдыргу* [Григоровский 2007: 245; Helimski 1983: N: 1704]; *юдгу* ‘пить (напр., ‘вино пить надо’), пировать’ [Григоровский 2007: 152]; Ѓа. *ēraj* ‘пью’ [Alatalo 2004: 47]; *ыоры-, ыр-* ‘пировать’ [Helimski 1983, N: 1647], *юэренди* ‘[пьяный]’ [Helimski 1983, N: 1706].

Селькуп.: 1 (107) *ūtā-* ‘пить’, *ūt-* [< **ūtat-* Fak.] ‘выпить, допить’ [Alatalo 2004: 20]; 2 (276) *ēr-* > *ērā-/ērā-* ‘пить (непер.)’ [Alatalo 2004: 47] < ПС **er-* [Janhunen 1977: 21].

Как правило, один корень используется в общем значении ‘пить’, а другой приобретает дополнительный оттенок ‘пировать, напиться, пьянствовать’.

84. Плыть/плавать

Ненецкая

ЛН: 1 *пыхоʃо(ś)* [Попова 1978: 83]; *пыхэлʃоʃ*.

ТН: 1 *пыхолё(сь)* ‘плыть (о человеке и животном)’ [Терещенко 1965: 400]; ям., гыд., б.-з. *пыхэлʃосʃ*.

Энецкая

ТЭ: 1 *родер-* ‘нырять’; *kota-* ‘плыть’.

ЛЭ: 1 *рзер-; коту(сь)* ‘плыть (о судах, брёвнах и т. д.)’ [Сорокина, Болина 2009: 194—195]; *позе(дь)* ‘купаться, нырять, плавать, плыть (о человеке и животном)’ [Сорокина, Болина 2009: 348].

Селькупская

ТАЗ: 1 *ūr̄qo* ‘плавать; купаться’.БАИ: 1 *ур-џо* [Кошкарёва и др. 2017: 88].НАР: 1 *ūr̄gu* ‘плавать, купаться’; пар. *ūr̄эгу* ‘плавать’; тюхт. *ūr̄чу* ‘купаться’ [Норманская 2012: 142].ТЫМ: 1 *ūas* [Alatalo 2004: 1].ВАС: 1 *ūr̄гу* [Быконя и др. 2005]; *қамбыргу* ‘плавать (пассивно)’: «травинки в чашке плавают»; «суп жирный, капли жира плавают» [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *ūr̄угу, улгу* ‘плыть, купаться’: «мышонок упал в воду и поплыл через реку» [Быконя и др. 2005]; *қамбыргу* [Алатало 1998: 120], *қāmbargu* [Alatalo 2004: 267] — скорее о пассивном плавании [Быконя и др. 2005; Alatalo 2004].НЧА: 1 *ūr̄гу* ‘плавать / купаться’ [Григоровский 2007: 226; Helimski 1983: N 1514].Селькуп.: 1 (4) *ū-* [Alatalo 2004: 1] < ПС **u-* [Janhunen 1977: 29]; (1835) *qāmp̄r̄-* > *qāmp̄r̄-* [Alatalo 2004: 266—267].Слова с корнем *ū-* имеют дополнительные значения ‘купаться, мыться’, а с корнем *qāmp̄r̄-* обозначают скорее пассивное плавание.

31. Полный

Ненецкая

ЛН: 1 *панчота* ‘полный, наполненный’ [Бармич, Вэлло 2002: 104] < *пантаиш* ‘наполнить, заполнить’ [Бармич, Вэлло 2002: 104]; *pan̄ti* (3SG), *pan̄čota*.ТН: 1 *панта* ‘полный, наполненный’ [Терещенко 1965: 442]; *pan̄^ɔda*.

Энецкая

ТЭ: 1 *padis-*.ЛЭ: 1 *padis-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *t̄r̄j̄l̄* ‘полный, со всем содержимым’; *t̄r̄ы-пыль* ‘наполненный, полный’ [Казакевич, Будянская 2010а: 137].БАИ: 1 *t̄r̄ы-пыль* ‘наполненный, полный’ [Казакевич, Будянская 2010а: 137].НАР: 1 *t̄r̄rimba* ‘полный, наполненный’ < *t̄ir* ‘полный’ (послелог).ТЫМ: 1 *t̄r̄amba* [Alatalo 2004: 187].ВАС: 1 *t̄ir̄эк* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *t̄ir̄* ‘полнота’ [Алатало 1998: 67]: *квэччын т̄ир̄* ‘все в городе’ (букв. ‘город полный’).НЧА: 1 *t̄ier̄имбыди* [Григоровский 2007: 217] < *t̄ier̄гу / t̄ier̄гу* ‘полно налить / пополнить’.Селькуп.: 1 (1295) *t̄ir̄* ‘полнота’ (< ПС **ter̄̂* ~ *t̄ir̄̂* ‘содержимое (?)’ [Janhunen 1977: 158]) > *t̄ir̄ampi-* ‘быть полным’ (Dur.) [Alatalo 2004: 187].

См. также вход для слова «Все».

15. Приходить

Ненецкая

ЛН: 1 *тош* ‘прийти; приехать; прибыть’ [Бармич, Вэлло 2002: 130]; *tof*.ТН: 1 *тошь* ‘прийти, приехать, прибыть; вернуться; настать, наступить (о времени)’ [Терещенко 1965: 671]; *tos̄^ɨ*.

Энецкая

ТЭ: 1 *tô-*.ЛЭ: 1 *to-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *t̄ūqo* ‘прийти, приехать’.БАИ: 1 *т̄ū-џо* [Казакевич, Будянская 2010а: 145].НАР: 1 *t̄ə’gu, t̄ə’ndzəgu* ‘прийти, приехать’; *t̄ə’sp̄ugu* ‘приходить, приезжать’.ТЫМ: 1 *t̄ūag* [Alatalo 2004: 140].ВАС: 1 VjV. *t̄ū-ца* (3s) [Alatalo 2004: 140].КЕТ: 1 *т̄ūгу* [Алатало 1998: 125]; степ. *t̄umba* ‘он пришёл’ [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *тыоку, тыогу* [Григоровский 2007: 224; Helinski 1983: N 1497]; *Ѓа. тѳ^ааη* [Alatalo 2004: 140]; ср. *мидыгу* ‘достигнуть/прійти/ройдти’ [Григоровский 2007: 147].

Селькуп.: **1** (958) *tĳ-* [Alatalo 2004: 140] < ПС **toj-* ~ **tuj-* [Janhunen 1977: 164].

6. Птица

Ненецкая

ЛН: **1** *чилта хала’ку* [Бармич, Вэлло 2002: 146, 250] букв. ‘летающее животное’; *num? халаку* букв. ‘небесное животное’.

ТН: **2** б.-з., ям. *тиртя сармик* букв. ‘летающее животное’ [Терещенко 1965: 536, 662], ям. *нув’ сармик* букв. ‘небесное животное’ [Терещенко 1965: 320, 536]; гыд. *ниw’ сарм’ик* букв. ‘небесное животное’, гыд. *т’рт’а сарм’ик* букв. ‘летающее животное’, гыд. *т’рт’а ниw’ сарм’ик* букв. ‘летающее небесное животное’; ям. *ниw’ сарм’ик* букв. ‘небесное животное’.

Базовая конструкция одинаковая: ‘летающее/небесное + животное’, но слово ‘животное’ образовано от разных корней.

Энецкая

ТЭ: **1** *саата*.

ЛЭ: **1** *сата*.

‘Птица и вообще животное’.

Селькупская

ТАЗ: **1** *сѳ^рѳ^т*, ‘животное; зверь; птица; дичь, пушнина’; *т’л’т’р’л’ сѳ^рѳ^т; тѳ^сѳ^мл’ сѳ^рѳ^т* ‘птица’; *туиль сѳ^руп* = ‘крылатый зверь’ [Быконя и др. 2005].

БАИ: **1** *си:г’р; сѳ^рым/п/ѳ* [Казакевич, Будянская 2010а: 125].

НАР: **1** *т’г’л х’р’уп; ф’ин’ѳ’ѳка* ‘птица, воробей’.

ТЫМ: **2** *шунѳека*, **1** *супуп* [Быконя и др. 2005]; *тѳлѳѳртел сѳ^руп, тѳлѳѳред сѳ^рув* ‘летающий зверь = птица’ [Alatalo 2004: 142].

ВАС: **2** *шѳндека*; **1** *тузул хуроп* ‘птица = крылатый зверь’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *тилѳыди сѳ^рым, тилѳырей сѳ^рым* [Алалато 1998: 66, 127] < *тилѳы-гу* ‘взлетать’ + *сѳ^рым* ‘животное’; *сѳндыкка* ‘птичка’ [Алалато 1998: 61]; *сатиѳгала* (мн) [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *нунсѳрумѳ* [букв. ‘Бога животное’] ‘птица’, *нунсѳрумби* ‘птичка’ [Григоровский 2007: 159; Helinski 1983: N 795].

Селькуп.: **1** (2683) *сѳ^рѳт* ‘(добыча-)зверь’ [Alatalo 2004: 379] < ПС **sārmā* ‘зверь, птица’ [Janhunen 1977: 136]; (965) *ti-* ‘летать’ (< ПС **ti-* [Janhunen 1977: 161]) → *tĳmpi-*; *тилѳѳ-* [Alatalo 2004: 142]; (2544) *сѳ^рѳцакка, сѳ^рѳцакка* (Dim.) ‘птичка’ [Alatalo 2004: 361] < ПС **s’insākkz* [Janhunen 1977: 141]; (495) *пѳ^нѳ* ‘крупная птица’ [Alatalo 2004: 75].

Можно выделить три стратегии: а) использование общего слова для ‘животное; зверь; птица’; б) использование этого же слова с уточнением ‘крылатое, летающее’ и анал.; в) использование диминутива (‘птичка’) типа *сѳ^рѳцакка*, имеющего, видимо, ономатопоэтическое происхождение. Эти стратегии поразному засвидетельствованы в разных диалектах. Лишь в НЧА представлена особая конструкция ‘Бога животное’.

41. Рог

Ненецкая

ЛН: **1** *нямт* [Бармич, Вэлло 2002: 88, 256]; *n’amt*.

ТН: **1** *нямд* [Терещенко 1965: 348]; *n’amd*.

Энецкая

ТЭ: **1** *едо; едо, ido* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: **1** *паду*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *ѳ^тт’и* ‘рог, рога’.

БАИ: **1** *ѳ^тт’и* (pl).

НАР: **1** *ѳ^тдѳ* [Купер, Пустаи 1993: 60].

ТЫМ: **1** *ѳ^тд, ѳ^тд* [Alatalo 2004: 40]; *ѳ^тдѳ* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *ѳ^тдѳ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *āмды* [Алатало 1998: 129]; степ. *амдз'э*, кат. *amti* [Казакевич, Будянская 2010б].
 НЧА: 1 *āмдъ* 'рога животного' [Григоровский 2007: 84].
 Селькуп.: 1 (47) *āmtə* [Alatalo 2004: 40] < ПС **āmtā* 'рог, оленьи рога' [Janhunen 1977: 20].

57. Рот

Ненецкая

ЛН: 1 *няу ши* [Бармич, Вэлло 2002: 89, 257], где *ши* 'дыра, отверстие'; *n'ian ši*.

ТН: 1 *ня' (н), ня' си* [Терещенко 1965: 362], где *си* 'дыра, отверстие'; *n'a' ši = n'ian ši*.

Энецкая

ТЭ: 1 *еʀ/ео*.

ЛЭ: 1 *паʀ/паи*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *əηз* 'рот; устье; отверстие'.

БАИ: 1 *əkt*.

НАР: 1 *aq* 'рот, устье'.

ТЫМ: 1 *āг* [Alatalo 2004: 36]; *āk* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *VjV. āk* [Alatalo 2004: 36].

КЕТ: 1 *āң* [Алатало 1998: 129]; степ., кат. *лү* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *ангъ* 'ротъ/рыло' [Григоровский 2007: 109; Helimski 1983: N 48].

Селькуп.: 1 (215) *āη* [Alatalo 2004: 36] < ПС **āη* [Janhunen 1977: 20].

37. Рука

Ненецкая

ЛН: 1 *нута* [Бармич, Вэлло 2002: 99]; *ηutta*.

ТН: 1 *нуда* [Терещенко 1965: 402]; ям., гыд., б.-з. *ηída*, кан. *uda*.

Энецкая

ТЭ: 1 *уда*.

ЛЭ: 1 *uza*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *utj* 'рука; передняя нога (лапа) животного'.

БАИ: 1 *utiti*.

НАР: 1 *эд, уд*.

ТЫМ: 1 *odʰ* [Alatalo 2004: 16].

ВАС: 1 *uddʰ* [Alatalo 2004: 16].

КЕТ: 1 *утты* [Алатало 1998: 130]; степ. *utti*; кат. *utti* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: 1 *уть* 'рука / передняя нога / нога передняя [у] жив[отного]' [Григоровский 2007: 226; Helimski 1983: N: 1515].

Селькуп.: 1 (87) *utə* [Alatalo 2004: 16] < ПС **utā* [Janhunen 1977: 30].

28. Рыба

Ненецкая

ЛН: 1 *кāдя* [Бармич, Вэлло 2002: 41]; *káʎa*.

ТН: 1 *халя* [Терещенко 1965: 729]; *χáʎa*.

Энецкая

ТЭ: 1 *kare*.

ЛЭ: 1 *kare*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *qēʎi*.

БАИ: 1 *kəʎi*.

НАР: 1 *kvéʎ*.

ТЫМ: 1 *quəʎə* [Alatalo 2004: 338].

ВАС: 1 VjV. *qiel* [Alatalo 2004: 338].
 КЕТ: 1 *ʒvəly* [Алатало 1998: 130]; степ., кат. *kvəli* [Кзакевич, Будянская 2010б].
 НЧА: 1 *кволь* [Григоровский 2007: 116].
 Селькуп.: 1 (2362) *quälə* [Alatalo 2004: 338] < ПС **kälä* [Janhunen 1977: 59].

74. Семя

Ненецкая
 ЛН: 1 *дяухэм* ‘зерно, семя’ [Бармич, Вэлло 2002: 260].
 ТН: 0 Такого понятия нет.

Энецкая
 ТЭ: -1 Не засвидетельствовано.
 ЛЭ: 1 *сэйку* [Сорокина, Болина 2009].

Селькупская
 ТАЗ: 1 ТаУ. *tūttool* [Alatalo 2004: 107].
 БАИ: 0 Слово не засвидетельствовано.
 НАР: 0 Слово не засвидетельствовано.
 ТЫМ: 0 Слово не засвидетельствовано.
 ВАС: 0 Слово не засвидетельствовано.
 КЕТ: 0 Слово не засвидетельствовано.
 НЧА: -1 *семянь* [Григоровский 2007: 195].
 Селькуп.: 1 (737) *tūttool* ‘семя’ [Alatalo 2004: 107]; (2481) *sētṭəp* < рус. *семя*, пл. *семена*.

40. Сердце

Ненецкая
 ЛН: 1 *шей* [Бармич, Вэлло 2002: 152]; *fej*.
 ТН: 1 *сей* [Терещенко 1965: 542]; *sej*.

Энецкая
 ТЭ: 1 *seo*.
 ЛЭ: 1 *seju*.

Селькупская
 ТАЗ: 1 *sīcj*.
 БАИ: 1 *sʲifʲiti*, *sʲi:fʲiti*.
 НАР: 1 *χičʷ*.
 ТЫМ: 1 *sīdʷ*, *sīdʷe* [Alatalo 2004: 363].
 ВАС: 1 *šīdʷ* [Alatalo 2004: 363].
 КЕТ: 1 *сиды* [Алатало 1998: 132]; степ. *siti*; кат. *sit'e* [Кзакевич, Будянская 2010б].
 НЧА: 1 *cedeu* [Григоровский 2007: 194]; Їа. *sid*, *siD*, 1s. *sitʷe* [Alatalo 2004: 363].
 Селькуп.: 1 (2555) *sīcə* [Alatalo 2004: 363] < ПС **sejā* [Janhunen 1977: 139].

75. Сидеть

Ненецкая
 ЛН: 1 *намчош* [Бармич, Вэлло 2002: 94]; *namtəof*.
 ТН: 1 *намдё(сь)* [Терещенко 1965: 378]; ям., гыд., б.-з. *namʷosʲ*, *namdʷosʲ*, кан. *amtʷosʲ*, *amdʷosʲ*.

Энецкая
 ТЭ: 1 *adu-*, *ado* [Ханина 2014—2016].
 ЛЭ: 1 *adi-*. От *adu-* ‘сесть’.

Селькупская
 ТАЗ: 1 *šitjəqo* ‘сидеть; стоять (о предмете); проживать, жить оседло (не кочуя)’.
 БАИ: 1 *əmtəyo* [Кзакевич, Будянская 2010а: 92].
 НАР: 1 *əmdəgu* ‘сидеть, стоять (о предметах)’.
 ТЫМ: 1 *амдегу* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *амдегу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *амдигу* [Алатало 1998: 133].

НЧА: 1 *амдыгу* [Григоровский 2007: 84].

Селькуп.: 1 (49) *āmti-* [Alatalo 2004: 10] < ПС **āmtā-* ~ *āmtz-* [Janhunen 1977: 17–18].

72. Сказать

Ненецкая

ЛН: 1 *маньш* [Бармич, Вэлло 2002: 65]; *manjʃ*.

ТН: 1 *манзь* [Терещенко 1965: 229]; *manzi*.

Энецкая

ТЭ: 1 *тапо-*.

ЛЭ: 1 *тап-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *кетіго* ‘сказать’, *томго* ‘сказать, произнести, оповестить, посоветовать, пообещать, приказать (не употребляется при прямой или косвенной речи)’; *кэтыго* ‘сказать’ [Казакевич, Будянская 2010а: 39], *томго* ‘сказать, произнести, оповестить, приказать’ [Казакевич, Будянская 2010а: 138]; ср. *эсыго* ‘стать, сказать’ (перед прямой речью) [Казакевич, Будянская 2010а: 174].

БАИ: 1 *кэтыго* ‘сказать’, *томго* ‘сказать, произнести, оповестить, приказать’ [Казакевич, Будянская 2010а: 39].

НАР: 1 *кадэги* ‘сказать’; тюхт. *каттыгы* ‘сказать’ [Норманская 2012: 144]; ср. *édzalgı* ‘сказать, ответить’.

ТЫМ: 1 *кэтэгу*, *қадгу* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *кадыгу*, *қадгу*, *катэку*, *қажэгу*, *кадеку* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *кэтку* [Алатало 1998: 133]; ср. *таррыгу* ‘говорить, звучать’; *қытықо*, *қэтку*, *кэтку*, *қадэгу* [Быконя и др. 2005]; *эччолгу* ‘говорить, молвить’ [Алатало 1998: 80].

НЧА: 1 *катку* ‘сказать/загадать загадку’ [Григоровский 2007: 111; Helimski 1983: N: 247]; *чарбыгу* ‘сказать’ [Григоровский 2007: 232]; есть также рус. заимствование *сказать*.

Селькуп.: 1 (1956) *кет-*, *кетə-* [Alatalo 2004: 284] < ПС **ket-* ~ **ketz-* ~ **ketʰtʰ-* [Janhunen 1977: 66]; (1591) *сарə-* ‘говорить’ < *сару* ‘звук’ [Alatalo 2004: 228]; (94) *э́чи* ‘звук, слово’ [Alatalo 2004: 18].

Несмотря на наличие некоторых синонимов, базовое слово сохраняет своё значение во всех диалектах.

39. Слышать

Ненецкая

ЛН: 1 *намтолъш* ‘слышать; узнавать’ [Бармич, Вэлло 2002: 77, 263]; *nəmtóʃʃ*.

ТН: 1 *нәмдорць* (мн.) ‘слышать; узнавать; чують, чувствовать’ [Терещенко 1965: 283]; гыд., ям. *nəmdórtə*, кан., б.-з. *nəmdórtʃi*.

Энецкая

ТЭ: 1 *уде*; *уде-*, *удіе-* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: 1 *пэда-*, *пэdos-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *üntjşgo* ‘слышать, слушать; понимать, узнавать; чувствововать, ощущать’; *üntjşimpiqo*.

БАИ: 1 *унтышго* [Казакевич, Будянская 2010а: 152].

НАР: 1 *indəčəgı́*, *indıgı́*.

ТЫМ: 1 *öndag* [Alatalo 2004: 28].

ВАС: 1 *өндэжугу*, *өнтэжугу*, *ундэжугу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *ундыгу* [Алатало 1998: 134].

НЧА: 1 *юндыгу* [Григоровский 2007: 246].

Селькуп.: 1 (153) *üntə-* [Alatalo 2004: 28—29] < ПС **jüntə-* [Janhunen 1977: 49].

17. Собака

Ненецкая

ЛН: 1 *вэдяку* [Бармич, Вэлло 2002: 22, 264]; *wedʹəku*, *wejəku*.

ТН: 1 *вэнеко* [Терещенко 1965: 71], *вэʹ(н)* [Терещенко 1965: 80]; *wénʹeko*.

Энецкая

ТЭ: 1 *bu'*; *bun'iko* [Ханина 2014—2016].ЛЭ: 1 *buniki*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *капауз*.БАИ: 1 *капа*.НАР: 1 *капáq*.ТЫМ: 1 *џанауџ* [Быконя и др. 2005].ВАС: 1 *џанауџ* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *кэннаң* [Алатало 1998: 135].НЧА: 1 *кананъ* [Григоровский 2007: 109].Селькуп.: 1 (2043) *кепау* [Alatalo 2004: 298—299] < ПС **wen* [Janhunen 1977: 173].

83. Солнце

Ненецкая

ЛН: 1 *дяля* [Бармич, Вэлло 2002: 265]; *dá'la*.ТН: 2 *хаер''(д)* [Терещенко 1965: 721] = м.-з. *хаяр''(д)* [Терещенко 1965: 761], ям., гыд. *χajér?* = б.-з. *χajár?*; есть также *яля* [Терещенко 1965: 838] = 'день, солнце'.

Энецкая

ТЭ: 1 *каја*.ЛЭ: 1 *каја*.

Селькупский

ТАЗ: 1 *сѐл'ити*.БАИ: 1 *ʃel'iti*.НАР: 1 *t'el, t'eld* 'день, солнце, свет'.ТЫМ: 1 *t'el'd* [Alatalo 2004: 230].ВАС: 1 *t'elad, tšel'd* [Alatalo 2004: 230].КЕТ: 1 *тѐлы* [Алатало 1998: 135]; степ. *ʃeli* [Казакевич, Будянская 2010б].НЧА: 1 *мелдь* [Григоровский 2007: 214].Селькуп.: 1 (1618) *сѐла* 'день, солнце' (< прасельк. **čāla*, с задним вокализмом, < ПС **jälä* 'свет, день, солнце' [Janhunen 1977: 40]) [Alatalo 2004: 230].Часто выступает в сращении с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *-t/-d*.

104. Соль

Ненецкая

ЛН: 1 *хэл* [Бармич, Вэлло 2002: 141]; *χæl*.ТН: 1 *сэр''* [Терещенко 1965: 587]; *sær?*.

Энецкая

ТЭ: 1 *сиʔ/siro*.ЛЭ: 1 *сиʔ/siro*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *šāq (šāqj-)*.БАИ: 1 *сяк* [Быконя и др. 2005].НАР: 1 *ʃag*.ТЫМ: 1 *šāg* [Alatalo 2004: 367].ВАС: 1 *šāk* [Alatalo 2004: 367].КЕТ: 1 *сāу* [Алатало 1998: 135].НЧА: 1 *сакъ* [Григоровский 2007: 190; Helimski 1983: N 1112].Селькуп.: 1 (2579) *šāq* [Alatalo 2004: 367].

В Alatalo 2004 предлагается заимствование из иранского, однако в любом случае это должно было произойти задолго до распада праселькупского, так что для целей внутриселькупского сравнения это не существенно.

77. Спать

Ненецкая

ЛН: **1** *конёш* [Бармич, Вэлло 2002: 49]; *kon'iof*.ТН: **1** *хонё(сь)* [Терещенко 1955: 218]; *χon'osi*.

Энецкая

ТЭ: **1** *kódu*; *kodo* [Ханина 2014—2016].ЛЭ: **1** *kədi-*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qontiqo* ‘спать; уложить спать, лечь спать’.БАИ: **1** *зонты-жо* [Казакевич, Будянская 2010а: 58].НАР: **1** *kangú*, также *kəndál'əfprigi*; *kəndəgú* ‘спать, уснуть, задремать’; ласк. *кóндугу*, *кондálбугу*; пар. *кóндугу* [Норманская 2012: 145].ТЫМ: **1** нап. *кóндугу* / *кóндьгу* / *кондьгу* [Норманская 2012: 145]; *qondag* [Alatalo 2004: 295].ВАС: **1** *қондэгу*, *қондыгу* [Быконя и др. 2005].КЕТ: **1** *зондигу* [Алатало 1998: 136].НЧА: **1** *кондыгу* [Григоровский 2007: 123].Селькуп.: **1** (2025) *qontə-* ‘лечь спать’ > *qonti-* ‘спать’ [Alatalo 2004: 295] < ПС **kontā-* ~ **kontā-* [Janhunen 1977: 73].**80. Стоять**

Ненецкая

ЛН: **1** *нуш* [Бармич, Вэлло 2002: 84]; *nūf*.ТН: **1** *нусь* [Терещенко 1955: 99]; *nūsⁱ*.

Энецкая

ТЭ: **1** *поо-*.ЛЭ: **1** *пе-*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *niŋkiqo* ‘стоять (на ногах, о живых существах)’; *нынкыжо* ‘стоять (о живых существах)’ [Казакевич, Будянская 2010а: 87].БАИ: (**1**) В полевых материалах и доступных источниках [Казакевич, Будянская 2010а; Alatalo 2004; Быконя и др. 2005] не зафиксировано слово для ‘стоять (о живых существах)’, хотя можно предположить, что оно аналогично ТАЗ.НАР: **1** *niŋgigú*.ТЫМ: **1** *nəŋgaŋ* [Alatalo 2004: 192].ВАС: **1** VjV. *nəŋgāt* (3pl.) [Alatalo 2004: 192].КЕТ: **1** *ныңгигу* [Алатало 1998: 137].НЧА: **1** *нынгыгу* (исправлено из *нынбыгу*) [Григоровский 2007: 161].Селькуп.: **1** (1334) *ni-*, *ni-* (< ПС **ni-* (~ **ni-*) [Janhunen 1977: 104]) > *niŋki-* ‘стоять’ [Alatalo 2004: 192].**19. Сухой**

Ненецкая

ЛН: **1** *кысуй* ‘сухой (немокрый), сухой, черствый’ [Бармич, Вэлло 2002: 54, 269]; *kisúj*.ТН: **1** *хасуй* [Терещенко 1965: 757]; *χasúj*.

Энецкая

ТЭ: **1** *kasuo*.ЛЭ: **1** *kasu-j*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *təkiŋjɪl'*, *tə-* ‘сухой; обмелевший; черствый (о хлебе)’.БАИ: **1** *тэ́кы-пыль* [Казакевич, Будянская 2010а: 134].НАР: **1** *тəgəbəl*, *təgərbəl* ‘сухой, сушеный’.ТЫМ: **1** Ту., ТуМ. *təgəbəl* ‘мелкий, сухой’, хотя *təgə^əbel pə* ‘высохшее дерево’ [Alatalo 2004: 176].

ВАС: **1** *чақ* ‘сухой’; *чагэби*, *чагэбэл* ‘сухой, сушёный, мелкий’ [Быконя и др. 2005].
 КЕТ: **1** степ. *ʃʲekpʲi* ‘сухой’ [Казакевич, Будянская 2010б]; *чэккыби* ‘высохший’ [Алатало 1998: 79].
 НЧА: **1** *чагынъ* < *чагыгу* ‘высохнуть’ [Григоровский 2007: 228; Helimski 1983: N 1531].
 Селькуп.: **1** (1194) *čəkə-* ‘сохнуть’ [Alatalo 2004: 176].

92. Тёплый

Ненецкая

ЛН: **1** *дюна* [Бармич, Вэлло 2002: 32, 271]; *dʲura*.

ТН: **1** *уба* [Терещенко 1965: 132]; *jiba*.

Энецкая

ТЭ: **1** *dʲuba*.

ЛЭ: **1** *dʲuba*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *pötpijʹ* ‘горячий; тёплый’ < *pötqo* ‘нагреться; потеплеть’; *pī* ‘тёплый’.

БАИ: **1** *пөт-пыль* (из прич. прош.) ‘тёплый, горячий, жаркий’ [Казакевич, Будянская 2010а: 107]; тур. *лызыгыль*, *лызый* [Быконя и др. 2005].

НАР: **1** *pəʹtɾəl* ‘тёплый, кипяченный’.

ТЫМ: **1** *pū*, *pödnəl* ‘тёплый; горячий’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *пөтпэл* ‘тёплый; горячий’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *pū* [Алатало 1998: 139]; кат. *pʲuj* [Казакевич, Будянская 2010б].

НЧА: **1** *пөтпыди* [Григоровский 2007: 177].

Селькуп.: **1** (388) *pī* StAdj. (< ? ПС **pejwä* ‘теплота, тёплый’ [Janhunen 1977: 120]) → *pötpi-* (Dur.) ‘быть тёплым’ [Alatalo 2004: 61].

107а. Тонкий (1D)

Ненецкая

ЛН: **1** *дэпта* ‘узкий, тонкий; высокий; тонкий, прямой, стройный; тощий’ [Бармич, Вэлло 2002: 37]; *dʲapta*; ср. также *тыдя* ‘узкий’ [Бармич, Вэлло 2002: 131].

ТН: **1** *ябта* [Терещенко 1965: 822]; *jápta*.

Энецкая

ТЭ: **1** *dʲata*.

ЛЭ: **1** *dʲata*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *cēsij*, *cēsijʹ* ‘узкий, тонкий’; *чэсы*, *чэсы-ль* ‘тонкий, узкий, тесный’ [Казакевич, Будянская 2010а: 160].

БАИ: **1** *чйзэ*, *чөзи* ‘тонкий, короткий; узкий’ [Быконя и др. 2005].

НАР: **1** *tevéga* ‘короткий, маленький, тонкий’.

ТЫМ: **1** *tʹuezga* [Alatalo 2004: 225]; *твэзэга* ‘тонкий; узкий’ [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *твэ́ка* ‘тонкий; узкий’ [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *твэзы* [Алатало 1998: 71]; *твэзика*, *твэзага* ‘узкий; тонкий’ (напр., ‘узкое место’) [Быконя и др. 2005].

НЧА: **1** *чозка* [Григоровский 2007: 237; Helimski 1983: N 1607].

Селькуп.: **1** (1575) *čúəṣə* StAdj. ‘узкий, тонкий, худой’ → *čúəṣək(k)a* (Dim) [Alatalo 2004: 225].

107а. Тонкий (2D)

Ненецкая

ЛН: **1** *дэпта* ‘узкий, тонкий; высокий; тонкий, прямой, стройный; тощий’ [Бармич, Вэлло 2002: 37]; *dʲapta*.

ТН: **2** *нянзи* (форма от *нянзя(сь)* ‘быть тонким (о плоских предметах)’), *нянзяда* ‘тонкий (о плоских предметах)’ [Терещенко 1965: 352]; *nʲánsʲi*, *nʲánsʲi*; *nʲánsʲəda*, *nʲánsʲəda*.

Энецкая

ТЭ: **1** *dʲata*.

ЛЭ: **1** *dʲata*.

Совпадает с «тонкий (1D)».

Селькупская

ТАЗ: **1** *sõrti, sõrtiʹ*.

БАИ: **0** Не найдено.

НАР: **1** *teʹõʹrtiḡa* ‘плоский, тонкий (2D)’; *тажэбэ* [Купер, Пустаи 1993: 63].

ТЫМ: **1** *tʹõptaḡa* (Dim) ‘тонкий’ (!) [Alatalo 2004: 210]; *чэптыка* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *mẽnmẽzẽl* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *tõпты* ‘тонкий’ (напр., о льде) [Алатало 1998: 73]; КМ. *tʹõptə* ‘тонкий’ (!) [Alatalo 2004: 210].

НЧА: **0** Не найдено.

Селькуп.: **1** (1450) *сõптэ* ‘тонкий (2D)’ [Alatalo 2004: 210] < ПС **jãptã* [Janhunen 1977: 38].

86. Тот

Ненецкая

ЛН: **1** *чики* [Бармич, Вэлло 2002: 146, 272], ср. *чахи* ‘тот (дальний)’ [Бармич, Вэлло 2002: 143, 272]; *тэахэ́ј*.

ТН: **1** *тикы* [Терещенко 1965: 659], ср. *такты* ‘тот (при указании)’ [Терещенко 1965: 617]; *tʹiki*.

Энецкая

ТЭ: **1** *tʹike, eke*.

ЛЭ: **1** *tʹike, eke*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *to, tõ* ‘тот, этот там, вон тот’.

БАИ: **1** *мина* [Казакевич, Будянская 2010а: 135].

НАР: **1** *mõl* [Купер, Пустаи 1993: 63]; гол. *ávna* ‘другой, тот’ [Федотова 2009].

ТЫМ: **1** *tõ* [Alatalo 2004: 135]; *na, nã* ‘оно, это’ [Alatalo 2004: 191]; *ãu* ‘другой’ [Alatalo 2004: 9].

ВАС: **2** *ауна* ‘тот, те, другой’ [Быконя и др. 2005]; *na, nã* ‘оно, это’ [Alatalo 2004: 191].

КЕТ: **1** *mõ, mõна* [Алатало 1998: 7], 140; *на(ввы)* ‘он, тот (уже сказано)’ [Алатало 1998: 39]; *mõна* ‘тот там’ [Алатало 1998: 68]; *ãв* ‘тот’ [Быконя и др. 2005], ‘другой’ [Алатало 1998: 10].

НЧА: **1** *Са. tõ* ‘тот’ [Alatalo 2004: 135]; *на* ‘это / тот’ [Григоровский 2007: 151; Helimski 1983: N 696], *Са. nã* ‘оно, это’ [Alatalo 2004: 191].

Селькуп.: **1** (937) *tõ* ‘тот (субъект и атрибут)’ [Alatalo 2004: 135]; **2** (1327) *na* ‘оно, это(т) (субъект и атрибут) (ном. к *ni-* 1339 (и 1336))’ [Alatalo 2004: 191]; *ãтэ* StAdj. ‘другой’ [Alatalo 2004: 9] < ПС **ãmãj* [Janhunen 1977: 19].

100а. Ты

Ненецкая

ЛН: **1** *пыʹт* [Бармич, Вэлло 2002: 117]; *piʹt*.

ТН: **1** *пыдър* [Терещенко 1965: 495] = вост. *пăдър* [Терещенко 1965: 428]; *pidər, pãdər*.

Энецкая

ТЭ: **1** *todʹi*.

ЛЭ: **-1** *uu*.

Разные корни, но для ЛЭ очень вероятно заимствование из кетского *и*, что частично подвергается сомнению в [Siegl 2008].

Селькупская

ТАЗ: **1** *tan₂*, (тур.) *tan₃* ‘ты, твой’.

БАИ: **1** *тан, та* [Казакевич, Будянская 2010а: 130].

НАР: **1** *tat*.

ТЫМ: **1** *tad, tãd, tan* [Alatalo 2004: 163].

ВАС: **1** *tat, tan* [Alatalo 2004: 163].

КЕТ: **1** *тан* [Алатало 1998: 141].

НЧА: **1** *танъ* [Григоровский 2007: 209].

Селькуп.: **1** (1100) *tan* ‘ты, твой’ [Alatalo 2004: 163] < ПС **tãn* [Janhunen 1977: 147].

102. Тяжёлый

Ненецкая

ЛН: 1 *ше”мна* [Бармич, Вэлло 2002: 154]; *ʃeʔmna* (*ʃeʔmna*).

ТН: 2 *сӓуговота* [Терещенко 1965: 531]; *səŋgówota*, *səŋkówota*.

Энецкая

ТЭ: 1 *seʔi-*.

ЛЭ: 1 *seʔi-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *settir₂*, *settimi*, *settijil'*, *settijil'* ‘тяжёлый, трудный’.

БАИ: 1 *сэттып* [Быконя и др. 2005].

НАР: 1 *хатэм’эк* ‘тяжёлый, тяжело, трудно, сильно’.

ТЫМ: 1 *satšə́t ɛ́g* ‘тяжел (есть)’ [Alatalo 2004: 356]; *сачум*, *сачэм* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 Не найдено, но можно предположить, что корень тот же.

КЕТ: 1 *сэччым* [Алатало 1998: 141]; КМ., КеО. *settšun* [Alatalo 2004: 356]; также КМК. *kekkuzoj* [Alatalo 2004: 310].

НЧА: 1 *самчанъ энгъ* [Григоровский 2007: 192; Helimski 1983: N 1140].

Селькуп.: 1 (2508) *сэсчэт* [Alatalo 2004: 356] < ПС **sec-* [Janhunen 1977: 139]; (2128) *kekka* ‘мучение, заботы’ [Alatalo 2004: 310].

43. Убить/убивать

Ненецкая

ЛН: 1 *катӓи* [Бармич, Вэлло 2002: 274]; *kattāf*.

ТН: 1 *хада(сь)* ‘убить; добыть (рыбу, зверя)’ [Терещенко 1965: 714]; *hadasi*.

Энецкая

ТЭ: 1 *када-*.

ЛЭ: 1 *kaza-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *qetqo* ‘убить, сильно избить; добыть (зверя), поймать (рыбу)’.

БАИ: 1 *цэт-цо* [Казакевич, Будянская 2010а: 55].

НАР: 1 *kvadéʃpigi* ‘добывать, ловить, убивать’; ласк. *кваткү* ‘уничтожить’, *квэдэшпугу/квэдэшпугу* ‘убивать’ [Норманская 2012: 141].

ТЫМ: 1 *quətki*, *kuedku* ‘убить’ [Alatalo 2004: 275].

ВАС: 1 VjV. *kuassak* (Prät.1s) [Alatalo 2004: 275].

КЕТ: 1 *цвэткү* [Алатало 1998: 141].

НЧА: 1 *кваттыгу* ‘убить’ [Григоровский 2007: 114]; *кватбы-* ‘убивать’ [Helimski 1983, N 271], *кагын-быгу* ‘сдѣлать мертвымъ / убить / губить / погубить’ [Григоровский 2007: 105; Helimski 1983: N 173].

Селькуп.: 1 (1901) *quət-* ‘убить, стрелять’ [Alatalo 2004: 275]; ср. (1906) *kʷiətu-* ‘спорить, ссориться’ [Alatalo 2004: 276].

16. Умирать

Ненецкая

ЛН: 1 *кӓи* ‘умереть, погибнуть; пропасть; пасть (о животном)’ [Бармич, Вэлло 2002: 46], *капя’таи* [Бармич, Вэлло 2002: 45, 276]; *kāf*.

ТН: 1 *хась* ‘умереть, погибнуть; пропасть; пасть, подохнуть (о животном)’ [Терещенко 1965: 758]; *hasʹ*.

Энецкая

ТЭ: 1 *каа-*.

ЛЭ: 1 *каа-*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *quqo* ‘умереть; отняться’.

БАИ: 1 *куцо* [Быконя и др. 2005].

НАР: 1 *kūgu*.

ТЫМ: 1 *кугу* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *кугу* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *кугу* [Алатало 1998: 142].

НЧА: 1 *кугу* [Григоровский 2007: 128].

Селькуп.: 1 (1759) *qū-* [Alatalo 2004: 253] < ПС **kāā-* [Janhunen 1977: 56]; также (286) *ūrā-* [Alatalo 2004: 48].

20. Ухо

Ненецкая

ЛН: 1 *ка* ‘ухо, ушко, ручка (посуды)’ [Бармич, Вэлло 2002: 39]; *ка*.

ТН: 1 *ха* ‘ухо, ушко (ручка посуды), колено невода (петля, образующаяся скрепленными между собой веревками в концах невода), ‘метка на ушах оленя’ [Терещенко 1965: 707]; *ха*.

Энецкая

ТЭ: 1 *кии*.

ЛЭ: 1 *коо*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *ūñkīlsa*; ср. также *qō* ‘уши, ухо’, которое согласно [Казакевич, Будянская 2010а: 59] отсутствует в среднетазовском говоре.

БАИ: 1, 2 *qo:t*, *ḡō* [Казакевич, Будянская 2010а: 59]; *ūñkylsa* [Казакевич, Будянская 2010а: 152].

НАР: 2 *кэ*.

ТЫМ: 2 *qə*, *qō* [Alatalo 2004: 249].

ВАС: 2 *қо* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 2 *ḡō* [Алатало 1998: 142].

НЧА: 2 *ко* [Григоровский 2007: 119].

Селькуп.: 1 (228) *ūñkālśä* < *ūñkālčä-* ‘подслушивать, прислушиваться’ [Alatalo 2004: 38]; 2 (1748) *qō* ‘уши’ [Alatalo 2004: 248—249] < ПС **kāw* [Janhunen 1977: 62].

85. Хвост

Ненецкая

ЛН: 1 *тайва* ‘хвост (животного)’ [Бармич, Вэлло 2002: 279]; *taejwa*.

ТН: 1 *тэвэ* ‘хвост (животного)’ [Терещенко 1965: 684]; *téwa*, *téwa*.

Энецкая

ТЭ: 1 *batuḡo*.

ЛЭ: 1 *bətoḡə* / *batoḡə*.

Селькупская

ТАЗ: 1 *tal'cī* ‘хвост’ (утка, собака, лиса, белка, волк, заяц, выдра); ср. *mācä* ‘хвост’ (лиса, заяц), употребляемое для более узкого круга количества животных.

БАИ: 2 *miejfet*; *māčä* ‘хвост’ [Быконя и др. 2005]. Форма с корнем *tal'cu* не засвидетельствована, но возможно существует.

НАР: 1 *tal'dz'*.

ТЫМ: 1 *тальдь*, *тальжэ* [Быконя и др. 2005]; *tald'* ‘хвост, рыбий хвост’ [Alatalo 2004: 188]; *қвэче* [Быконя и др. 2005].

ВАС: 1 *тальд* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: 1 *талду* [Алатало 1998: 142]; степ., кат. *tal'du* [Казакевич, Будянская 2010б]; *тальдю*, *қвэтти*; *мэчья* ‘короткий хвост (у оленя, у зайца)’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: 1 *тейлдь* [Григоровский 2007: 213]; Їа. *tald'ě* [Alatalo 2004: 188].

Селькуп.: 1 (1303) *tal'cu* — у собаки, лошади, рыбы [Alatalo 2004: 188] < ПС **t'ājwā* [Janhunen 1977: 150] (без селькупского); 2 (806) *теса* ‘обрезанный, или короткий хвост’ — у зайцев, медведей, лосей, но в нижнетазовском — у лисы [Alatalo 2004: 120]; (1892) *qáččə* (в спец. сочетаниях) [Alatalo 2004: 274].

14. Холодный

Ненецкая

ЛН: **1** *чешта* [Бармич, Вэлло 2002: 145, 279]; *тэ́сна*.

ТН: **1** *тецьда* [Терещенко 1965: 652]; гыд., ям. *t'et'eda*, б.-з. *t'et'ada*.

Энецкая

ТЭ: **1** *tet'i-de*.

ЛЭ: **1** *tetfi-za*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *casiqil'* 'морозный; холодный'; ср. *qantipil'* 'замерзший, мороженный; холодный'; *жоуьый* 'холодный, студёный' [Ириков 1988] < **qāni* 'холод'; *қантыпыль* 'холодный (о вещах, воде)' [Казакевич, Будянская 2010а: 51]; *часыгыль* 'холодный (о погоде, вещах, жидкости)' [Казакевич, Будянская 2010а: 156].

БАИ: **1** *часыгыль* [Казакевич, Будянская 2010а: 156—167].

НАР: **2** *канатбэл*; *қондэ-гу* 'морозить' [Купер, Пустаи 1993: 55]; ср. *таиша*, *теиша* 'холодно, очень холодно', *қаннэмба* 'холодно' [Купер, Пустаи 1993: 14—15].

ТЫМ: **2** Ту. *qandəbəl* (perf.Part.); *qāndag* 'мне холодно' [Alatalo 2004: 290]; но Ту. *tešša-* (3s) 'морозно'; Ту. (Тум?) *t'ešša-* (3s) 'холодный' [Alatalo 2004: 180]; *qaj* 'мороз' [Alatalo 2004: 303].

ВАС: **1** *тассудэл*, *тәишэдэл* 'холодный; северный, морозный' [Быконя и др. 2005]; VjV. *teššā* (3s) 'холодно' [Alatalo 2004: 180].

КЕТ: **1** *тассугу* 'быть холодным' [Алатало 1998: 64]; *кандыби*, *кандыбэй* 'замерзший' [Алатало 1998: 16]; *тассунди* 'холодный' [Быконя и др. 2005]; хотя ср. обратную картину: КМ. *qandəbəi* (perf.Part.) 'холодный' [Alatalo 2004: 290]; КМ. *tassu*, КМК. *tassudu* 'мороз' [Alatalo 2004: 181].

НЧА: **2** *кандыби* 'холодный' [Григоровский 2007: 109; Helimski 1983: N 213]; *каннымбыди* 'мёрзлый/холодный' [Григоровский 2007: 109]; *эрмань* 'холодный' [Григоровский 2007: 243; Helimski 1983: N 1683].

Селькуп.: **1** (1238) *taššu-* 'быть холодным', *éaššu-* [Alatalo 2004: 180—181] < ПС **tešs-* [Janhunen 1977: 159]; **2** (1998) *qantə-* 'замерзать' [Alatalo 2004: 290] < ПС **kāntz-* [Janhunen 1977: 53]; (280) **erma* '∼ прохладный' [Alatalo 2004: 47] < ПС **ermā* 'север' [Janhunen 1977: 22]; (2073) *qāni* 'холод' [Alatalo 2004: 303].

В большинстве диалектов слова для обозначения 'холодного' являются производными от двух корней: *qantə* и *taššu*. Как правило, производные и от того, и от другого могут передавать как значение 'холодности', и так и 'морозности', причём трудно понять в чём точно состоит семантическое различие между ними, во всяком случае по имеющимся скудным данным. Предположительно, на севере и, видимо, в ВАС более базовыми являются прилагательные от корня *taššu*; в НАР, ТЫМ и, возможно, в части говоров КЕТ — наоборот. А, например, в самых южных диалектах (чаинском и верхнеобском) этот корень вообще не представлен, зато в значении 'холодный' может выступать (также) прилагательное *erman*.

34. Хороший

Ненецкая

ЛН: **1** *хома* 'хороший, милый, приятный; замечательный; удачный; добрый' [Бармич, Вэлло 2002: 138]; *хота*.

ТН: **1** *сәва* 'хороший, приятный, удачный' [Терещенко 1965: 517]; *сәва*.

Энецкая

ТЭ: **1** *soua*, *sueda*; *soua*, *səza* [Ханина 2014—2016].

ЛЭ: **1** *səza*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *soma* 'хороший; добро'.

БАИ: **1** *сома* [Казакевич, Будянская 2010а: 121].

НАР: **1** *χva*, *fa*.

ТЫМ: **1** *su^ha*, *sua* [Alatalo 2004: 351].

ВАС: **1** VjV., VjNau. *fā*, *φā*, Vj. *hуа* [Alatalo 2004: 351]; *фай* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *cō* [Алатало 1998: 143].

НЧА: **1** *сво-* 'добро, хороший' [Григоровский 2007: 192; Helimski 1983: N 1146].

Селькуп.: **1** (2469) *soma* StAdj. [Alatalo 2004: 351] < ПС **sāta* [Janhunen 1977: 132].

52. Человек

Ненецкая

ЛН: **1** *něšau* ‘ненец (национальность), человек, мужчина, муж’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 281]; *něšau*.ТН: **2** *ненэць’(н)* ‘ненец (национальность), (вост.) человек, мужчина, муж’ [Терещенко 1965: 300—301], ям., гыд. *n'epéte?*;**3** б.-з., зап. *хияри* ‘человек’ [Терещенко 1965: 765] (< *хия* ‘кто’ = крайне-зап. *хыври*), б.-з. *χībiariji* (*χīb^{i(ə)}riji*) = кан. *χīwrji*.

Одна из двух базовых лексем, различающих западные и восточные диалекты ТН.

Энецкая

ТЭ: **1** *enet'eʔ/enet'eo*.ЛЭ: **1** *entfeʔ/entfeu*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *qum* (*qumj-*; ду. *qumōqi, qumō, qumāqi, qumā, qurqi*).БАИ: **1** *qur*.НАР: **1** *kur*.ТБМ: **1** *кун* [Быконя и др. 2005]; *гов, кив* [Alatalo 2004: 269].ВАС: **1** VjV. *qur* [Alatalo 2004: 269].КЕТ: **1** *кум* ‘человек (личность)’ [Алатало 1998: 27; 144]; *сүүссыгум* ‘человек (Homo sapiens), остяк, селькуп’ [Алатало 1998: 61; 144].НЧА: **1** *комъ* [Григоровский 2007: 122].Селькуп.: **1** (1858) *qum* [Alatalo 2004: 269]; (2656) *śōśə-qum/śūśśə-qum* ‘человек, остяк’ [Alatalo 2004: 375].**109. Червь**

Ненецкая

ЛН: **1** *хайва* ‘червяк’ [Бармич, Вэлло 2002: 134, 281] (?), но: *ка'ты* ‘червяк’ [Попова 1978: 29]; *kəlsu*.ТН: **1** *халы* [Терещенко 1965: 728]; ям., гыд. *χəli*, кан. *χəlto*.

Энецкая

ТЭ: **1** *tubo*.ЛЭ: **2** *kəzluj*.

Разные корни.

Селькупская

ТАЗ: **1** *n'ēn'j* ‘дождевой червяк’ (м.б. с открытым ε); *tuk* (*tūkj-*) ‘насекомое, жук, червяк, гусеница’.БАИ: **1** *нённы* [Казакевич, Будянская 2010а: 82].НАР: **1** *n'εv*; об. Ч. *нев, невэ* ‘червь; дождевой червь’ [Быконя и др. 2005]; ср. гол. *teuk* ‘жук; букашка; червь; глист’ [Федотова 2009].ТБМ: **1** *нён* [Alatalo 2004: 239]; *нени* [Быконя и др. 2005]; *tšug* Ту. ‘букатечка’ (?! – ЮК), ТуМ. ‘червь’ [Alatalo 2004: 175].ВАС: **1** *нев, невэ* [Быконя и др. 2005].КЕТ: **1** *нейю* [Алатало 1998: 43]; степ., кат. *n'ej(j)u* ‘дождевой червяк’ [Казакевич, Будянская 2010б]; *нейю* ‘дождевой червь’; *чук* ‘жук; букашка; червь; глист’ [Быконя и др. 2005].НЧА: **1** *неу* ‘червяк’ [Григоровский 2007: 157; Helimski 1983: N 764]; Їа. *tšūk* ‘червь’ [Alatalo 2004: 175]; *нѐј* ‘червяк (для наживки)’ [Alatalo 2004: 239].Селькуп.: **1** (1665) *нѐни* ‘(дождевой) червь’ [Alatalo 2004: 239]; (1188) *čuk* ‘насекомое’ (судя по примерам, скорее любое мелкое сухопутное беспозвоночное), но в некоторых диалектах только ‘червь’ [Alatalo 2004: 175], < ПС **cuk* ~ **cukə* [Janhunen 1977: 34].**8. Чёрный**

Ненецкая

ЛН: **1** *пыличена* [Бармич, Вэлло 2002: 116, 282]; *pīl'ičena*.ТН: **1** *пэриденя* [Терещенко 1965: 447]; *pəri'd'en'a*, гыд. *pəri'd'ena*.

Энецкая

ТЭ: 1 *logede-de*.ЛЭ: 2 *pölze-da*.

Разные корни. В обоих диалектах причастия от глагола со значением 'быть чёрным'.

Селькупская

ТАЗ: 1 *sāqj, sā*.БАИ: 1 *s'æy*.НАР: 1 *χag; hāy* [Alatalo 2004: 371].ТЫМ: 1 *sāy* [Alatalo 2004: 371]; *сэқэ, сяқэ, хақэ, хақ* [Быконя и др. 2005].ВАС: 1 *хагэ, хагэ, хақэ* [Быконя и др. 2005].КЕТ: 1 *сāғы* [Алатало 1998: 144]; степ. *seq*, кат. *sek-* [Казакевич, Будянская 2010б]; КеМ., КМ., КеО. *sēyā* [Alatalo 2004: 371]; ср. КеОш. *tādʳuj* [Alatalo 2004: 156].НЧА: 1 *сегань (енгь)* [Григоровский 2007: 194]; *сегь* [Helimski 1983, N 1158], Їа. *šēyʳ* [Alatalo 2004: 371].Селькуп.: 1 (2618) *sāqa* [Alatalo 2004: 371]; (1054) *tātəruł* [Alatalo 2004: 156].Для корня *sāqa* Алатало предполагает родство с камасинским *sāyār* [Alatalo 2004: 371]. Предлагаемое Блажеком [Blažek 2016: 87] заимствование из эвенкийского (*saha* 'серый', *sakarīn* 'чёрный') маловероятно, так как оно засвидетельствовано там только в охотских говорах, далеко на востоке.

95. Что

Ненецкая

ЛН: 1 *уамы* [Бармич, Вэлло 2002: 94]; *ηəti*.ТН: 1 *уамгэ* [Терещенко 1965: 376]; ям., гыд., б.-з. *ηətkə, ηətkə*, кан. *ətkə, ətkə*.

Энецкая

ТЭ: 1 *tiiʳ*.ЛЭ: 2 *əvi*.

Разные корни.

Селькупская

ТАЗ: 1 *qaj* 'что, (редко) кто; что-либо; что за; ли; что ли, вроде'.БАИ: 1 *qāj* [Хелимский 2007а].НАР: 1 *kaj; kajdá* 'что-то, какой-то'.ТЫМ: 1 *qāj* [Alatalo 2004: 302].ВАС: 1 *qāj* [Alatalo 2004: 302].КЕТ: 1 *қаййи* [Алатало 1998: 145].НЧА: 1 *кай* [Григоровский 2007: 107].Селькуп.: 1 (2071) *qaji* (ном. к *ku-*, 1751) [Alatalo 2004: 302].

60. Шея

Ненецкая

ЛН: 1 *ве"к* [Бармич, Вэлло 2002: 17]; *wieʳk (wieʳkʰ)*.ТН: 1 *ик; jīk*.

Энецкая

ТЭ: 1 *beko*.ЛЭ: 1 *beki*.

Один корень (< ПС *wājkkā 'шея' [Janhunen 1977: 173]) с разной деривацией.

Селькупская

ТАЗ: 1 *sōl'* 'горло, шея (спереди); устье'; *tšəp₂* 'шея, (у животных) задняя часть шеи, холка'.БАИ: 1 *сōль* [Казакевич, Будянская 2010а: 122].НАР: 2 *пиг; ног* [Купер, Пустаи 1993: 66]; об. Ч. *ного* [Быконя и др. 2005]; Н. *hōj* 'горла' [Alatalo 2004: 365].ТЫМ: 1 Ту., ТуКул., ТуМ. *soj* [Alatalo 2004: 365].ВАС: 2 VjV. *пiggə, Vj. pig* [Alatalo 2004: 202]; *χōl* 'горло' [Alatalo 2004: 365]; *нук, нукэ* 'шея; шиворот'; *хол, холь, хольде* 'горло, шея'; *чāжанмэ* 'шея' [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *сõй* ‘глотка; горло; шея’ [Алатало 1998: 146]; степ., кат. *soj* [Казакевич, Будянская 2010б]; *сõльди* ‘шея’ (напр., ‘журавль с длинной шеей’) [Быконя и др. 2005]; также *нук*, *нукэ* ‘шея; шиворот’; *котти* ‘сустав; шея’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **2** *нукъ* (напр., ‘обнимать за шею / напасть на шею’) [Григоровский 2007: 160; Helimski 1983: N 789]; *котяль* [Григоровский 2007: 126], *котяль*, *котель* [Helimski 1983, N 417]; *сой* ‘горло’ [Григоровский 2007: 199], *кукой* ‘горло, гортань’ [Григоровский 2007: 129]; *Са. нйг’* ‘затылок/шея’ [Alatalo 2004: 202].

Селькуп.: **1** (2568) *сõл’* ‘горло, шея’ [Alatalo 2004: 365] < ПС **soj-* ~ **sõj* [Janhunen 1977: 142, MS: 897]; **2** (1385) *нику* ‘затылок’ [Alatalo 2004: 202]; (2053) *кидэ* ‘сустав, загривок’ [Alatalo 2004: 299—300]; (1232) *э́а́сан* [Alatalo 2004: 180]; (2119) *куккол’* ‘кадык’ [Alatalo 2004: 309].

Имеются два основных корня, один обычно значит ‘горло, передняя часть шеи’, другой — ‘загривок, затылок, задняя часть шеи’. В разных диалектах основное базовое значение передаётся то одним, то другим корнем.

87. Этот

Ненецкая

ЛН: **1** *чуки* [Бармич, Вэлло 2002: 147, 286]; *тукйи*.

ТН: **1** *тюку* [Терещенко 1965: 696]; *тукйи*.

Энецкая

ТЭ: **1** *т’ике, еке*.

ЛЭ: **1** *т’ике, еке*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *там* ‘этот, вот этот’; ср. *на* ‘этот, тот (анафора)’.

БАИ: **1** *тан* [Казакевич, Будянская 2010а: 131].

НАР: **1** *тан* ‘этот, эта, это’; ср. *на* ‘этот, эта, это, вот’; *на* ‘этот’ [Купер, Пустаи 1993: 66].

ТЫМ: **1** *тан* ‘этот’ [Alatalo 2004: 148]; *та* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *тав* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *таввы, тав* [Алатало 1998: 63, 46].

НЧА: **1** *тау* ‘это/вот’ [Григоровский 2007: 211].

Селькуп.: **1** (1002) *там* ‘этот’ [Alatalo 2004: 148—149] < ПС **tâm* [Janhunen 1977: 144]; (961) *ти-/тй-* ‘этот’ (ном. *там*, см. 1002) [Alatalo 2004: 141]; (1327) *на* ‘оно, это(т) (субъект и атрибут) (ном. к *ни*- 1339 (и 1336))’ [Alatalo 2004: 191].

42а. Я

Ненецкая

ЛН: **1** *мань* [Бармич, Вэлло 2002: 65, 286]; *тән’*.

ТН: **1** *мәнь* [Терещенко 1965: 231]; *тән’*.

Энецкая

ТЭ: **1** *тод’и*.

ЛЭ: **1** *тод’и*.

Селькупская

ТАЗ: **1** *тан₂*, ‘я, мой’.

БАИ: **1** *мат* [Казакевич, Будянская 2010а: 70].

НАР: **1** *мат*.

ТЫМ: **1** *мад, ман* [Alatalo 2004: 113].

ВАС: **1** *мат, тан* [Alatalo 2004: 113].

КЕТ: **1** *ман* [Алатало 1998: 147].

НЧА: **1** *мань* [Григоровский 2007: 141].

Селькуп.: **1** (771) *тан* ‘я, мой’ [Alatalo 2004: 113] < ПС **tân* [Janhunen 1977: 86].

88. Язык

Ненецкая

ЛН: **1** *ше* [Бармич, Вэлло 2002: 152, 287]; *ш’е, фе (ф’е)*.

ТН: **2** *нямю* [Терещенко 1965: 350]; *n'ám'iu*.
Разные корни.

Энецкая
ТЭ: **1** *siʔoro*.
ЛЭ: **2** *n'ami*.

Разные корни. Возможно в ЛЭ заимствование из тундрового ненецкого.

Селькупская

ТАЗ: **1** *šē* ‘язык (во рту)’; *шē, çē* [Кошкарёва и др. 2017: 71—72].

БАИ: **1** *sje:t, çē, cē* [Кошкарёва и др. 2017: 71—72].

НАР: **1** *ʃé*.

ТЫМ: **1** *шэ, шэй* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *шэ* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *cē* [Алатало 1998: 147].

НЧА: **1** *ce* [Григоровский 2007: 193]; Ѓа. *sie* [Alatalo 2004: 346].

Селькуп.: **1** (2420) *šē* [Alatalo 2004: 346] < ПС **keəj* [Janhunen 1977: 66].

23. Яйцо

Ненецкая

ЛН: **1** *хальню* [Бармич, Вэлло 2002: 135, 287]; *χáʎ'n'iu*.

ТН: **1** *сар'ню* [Терещенко 1965: 537]; *sárʔ(ʔ)n'iu*.

Энецкая

ТЭ: **1** *топа*.

ЛЭ: **1** *тэпа*.

Селькупская

ТАЗ: **-1** *еу* (*ēŋi-*, *eŋi-*), *eŋi*.

БАИ: **-1** *еу*.

НАР: **1** *n'av'*.

ТЫМ: **1** *няби* [Быконя и др. 2005].

ВАС: **1** *няби* [Быконя и др. 2005].

КЕТ: **1** *ñábi* [Алатало 1998: 147]; *няби* ‘яйцо; мошонка’ [Быконя и др. 2005].

НЧА: **-2** *кыгай* [Григоровский 2007: 132; Helimski 1983: N 499].

Селькуп.: **1** (1630) *ñār-ī* ‘яйцо’ < *ñār* ‘утка’ [Alatalo 2004: 234] < ПС **ñār* [Janhunen 1977: 107]; **-1** (223) *еу* (заимствование из кетского) [Alatalo 2004: 37]; **-2** (2123) *kǰkaj* ‘яйцо; яичко’ (? < тюрк., ср. татар. *күкәй*) [Alatalo 2004: 310].

Из трёх корней, используемых в селькупских языках для обозначения ‘яйца’, два являются заимствованиями (из кетского и татарского), а одно — видимо, селькупским новообразованием.

Сокращения

Языки и диалекты

б.-з. — большеземельский говор тундрового ненецкого языка (полевые материалы из с. Красное Заполярного р-на Ненецкого автономного округа, март 2012 г.)

БАИ — баишенский говор северноселькупского языка

варг. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Варгананджино Каргасокского района Томской области

ВАС — васюганский диалект центрально-южноселькупского языка

вост. — восточные говоры тундрового ненецкого языка

ВТ — верхнетазовский говор северноселькупского языка

гол. — нарымский говор дер. Голещихино Парабельского района (полевые материалы Н. Л. Федотовой 2009 года)⁷.

гыд. — гыданский говор тундрового ненецкого языка (полевые материалы из с. Гыда Тазовского р-на ЯНАО, сентябрь 2011 г.)

⁷ Материалы доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/334/3/perspective/334/4/view>.

- ен. — енисейские языки
- зап. — западные говоры тундрового ненецкого языка
- кан. — канинский диалект тундрового ненецкого языка (полевые материалы из с. Ома Заполярного р-на НАО, май-июнь 2011 г.)
- кат. — кетский говор из с. Катайга Верхнекетского района (полевые материалы О. А. Казакевич и Е. М. Будянской)
- КЕТ — кетский диалект центрально-южноселькупского языка
- крайне-зап. — крайнезападные говоры тундрового ненецкого языка
- ласк. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Ласкино Парабельского района Томской области
- ЛН — лесной ненецкий (нешанский) язык
- ЛЭ — лесное наречие энецкого языка
- м.-з. — малоземельный говор
- нап. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в с. Напас Каргасокского района Томской области (по [Норманская 2012])
- НАР — нарымский диалект центрально-южноселькупского языка
- НЧА — нижнечаинский диалект центрально-южноселькупского языка
- об. С. — обские говоры Сюсюкум центрально-южноселькупского языка (из словаря [Быконя и др. 2005])
- об. Ч. — обские говоры Чумылькуп центрально-южноселькупского языка (из словаря [Быконя и др. 2005])
- пар. — полевые материалы, собранные в 2009 г. в с. Парабель Парабельского района Томской области (по [Норманская 2012])
- прасельк. — праселькупский язык
- ПС — прасамодийский, цитируется по [Janhunen 1977]
- Селькуп. — общеселькупские архетипы из словаря [Alatalo 2004]
- ср.-об. — среднеобские (шешкумские) говоры, по словарю [Быконя и др. 1994]
- степ. — кетский говор из с. Степановка Верхнекетского района (полевые материалы О. А. Казакевич и Е. М. Будянской)
- ТАЗ — (средне)тазовский диалект северноселькупского языка
- ТН — тундровый ненецкий язык
- тур. — туруханский говор северноселькупского языка
- ТЫМ — тымский диалект центрально-южноселькупского языка
- ТЭ — тундровое наречие энецкого языка
- тюхт. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные в д. Тюхтерево Парабельского района Томской области (по [Норманская 2012])
- чиж. — материалы из архива А. П. Дульзона, собранные на р. Чижапка (по [Норманская 2012])
- эрз. — эрзянский язык
- ям. — ямальский говор тундрового ненецкого языка (полевые материалы из с. Сё-Яха и Тамбейская тундра Ямальского р-на ЯНАО, апрель-сентябрь 2010 г.)
- Ѓа — Чая, верхнеобский диалект, в окрестностях Колпашево 1913.04
- КеМ — среднекетский диалект, «Меташкина — Максимкин Яр, Урлюково» (главным образом, от Алексея Евдакимовича Арбалдаева из Меташкины) 1912.09-10
- КеО — верхнекетский диалект, Марга — Маковское 1912.09-10 (главным образом, от Николая Ласкова)
- КМ — среднекетский диалект в целом
- КМА — среднекетский диалект, Василий Васильевич Арбалдаев, род. в 1947 году в Белояровке, вырос в Степановке и Усть-Озёрном. Говорит на среднекетском («Spricht mittelketisch mit einigen Eigenheiten, erinnert sich bisweilen unterketischer Varianten»)
- КМК — среднекетский диалект, Капиталина Николаевна Кондукова, род. в 1937 г. в Усть-Озёрном (род происходит из юрт Кондуковых в нескольких километрах ниже)
- N — h-диалект (нарымский), 1. Тюптеревы 1912?, 2. Тюптеревы 1914.07.16-17
- КММ — кетский диалект, Мария Павловна Почина (Зубрекова), род. в 1927 в Лукьяново
- КУМ — нижнекетский диалект, Екатерина Борисовна Тазарячева (урождённая Арбалдаева), род. в 1927 в Меташкине
- Sir.Tym — тымский диалект, данные из Sirelius 1983
- ТаМ — верхнетазовский диалект северноселькупского («тундрового»), р. Корылькы (Караль-кы)
- ТаУ — нижнетазовский диалект северноселькупского, «у Церкви», 1913.02-03
- Ту — тымский диалект в целом
- ТуАО — тымский диалект, Олешка Ольгигин, Колгуяк 1911.12-
- ТуКуI — тымский диалект, Ирина Портнягина (урождённая Устинья), род. в Кулеево
- ТуМ — тымский диалект, Напас, юрты Лымбель, 1912.05-06
- Vj — h-диалект (васюганский), Наунак, нижний Васюган 1912.02-03

- VjJug — h-диалект (васюганский), Евгения Ивановна Югина, род. на Васюгане (записана в Молодёжной)
 VjNau — h-диалект (васюганский), Валентина Ивановна Пырсова, род. в Наунаке
 VjPuž — h-диалект (васюганский), Марина Мироновна Лучина (урождённая Микитина), род. в 1916 в Пыжино
 (мать – селькупка, отец – русский)
 VjV — h-диалект (васюганский), Дарья Николаевна Чинина, род. в 1915 в Волдже, на Чижапке

Общие

1s, 2s, 3s / pl — 1, 2, 3 лицо единственного/множественного числа	Fut — будущее время
ном. — номинатив	Int — интенсив
Akk — аккузатив	Kom — комитатив
Augm — аугментатив	Kont — континуатив
Dim — диминутив	Lat — латив
du. — двойственное число	pl — множественное число
Dur — дуратив	Prät. — прошедшее время
Gen — генитив	sg — единственное число
Imp — императив	StAdj — Stammaadjektiv
Freq — фреквентатив	StAdv — Stammadverb
	perf.Part. — причастие прошедшего времени

Литература

- Аванесов 1962 — Вопросы теории лингвистической географии. Ред. *Аванесов Р. И.* М., 1962. {Issues of the theory of linguistic geography. Ed. *Avanesov R. I.* M., 1962.}
- Алатало 1998 — *Алатало Я.* Сўссығуй эжипсан. Ыттыҕый буланни (Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Кетский диалект). Максимкин Яр; Хельсинки, 1998. {*Alatalo Ya.* Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary. Ket dialect). Maksimkin Yar; Helsinki, 1998.}
- Алпатов 2000 — *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. {*Alpatov V. M.* 150 languages and politics. 1917—2000. Socio-linguistical problems of the USSR and Post-Soviet space. M., 2000.}
- Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). Пособие для учащихся начальной школы. 2-е издание, доработанное. СПб., 2002. {*Barmich M. Ya., Vello I. A.* Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest dialect). Textbook for elementary school students. 2nd edition, extended. SPb., 2002.}
- Бартенев 1896 — *Бартенев В. И.* На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896. {*Bartenev V. I.* On the extreme North-West of Siberia. SPb., 1896.}
- Болина, Хелимский 1994 — *Болина Д. С., Хелимский Е. А.* Энецкий язык // Языки народов России. Красная книга. М., 1994. С. 71—73. {*Bolina D. S., Helimski E. A.* Enets language // Languages of the peoples of Russia. Red Book. M., 1994. P. 71—73.}
- Буркова 2008 — *Буркова С. И.* Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого АО. Вып. 6 (58): Уральские языки севера Сибири. Салехард, 2008. С. 104—138. {*Burkova S. I.* Analytical verbal forms of predicate with modal meaning in the texts written in the Forest dialect of Nenets // Scientific bulletin of Yamalo-Nenetsky AO. Vol. 6 (58).}
- Буркова 2010а — *Буркова С. И.* Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Сост. *Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Липтандер Р. И., Янгасова Н. М.* Диалектологический словарь ненецкого языка / Отв. ред. *Кошкарёва Н. Б.* Тюмень, 2010. С. 179—349. {*Burkova S. I.* A short grammatical survey of the Tundra dialect of Nenets (based on the sub-dialects spoken in the Yamalo-Nenetski Autonomous Okrug) // Compiled by *Burkova S. I., Koshkaryova N. B., Liptander R. I., Yangasova N. M.* Dialectological dictionary of the Nenets language / Ed. *Koshkaryova N. B.* Tyumen, 2010. P. 179—349.}
- Буркова 2010б — *Буркова С. И.* Ыбтыкы хасава (о Григории Давыдовиче Вербове) // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 7—19. {*Burkova S. I.* About Grigory Davydovich Verbov // Materials of the 3rd international scientific conference on Samoyedic studies (Novosibirsk, 26—28 October 2010.).}
- Буркова 2016а — *Буркова С. И.* Ненецкий лесной язык // Язык и общество. Энциклопедия / Гл. ред. *Михальченко В. Ю.* М., 2016. С. 308—315. {*Burkova S. I.* Forest Nenets language // Language and society. Encyclopedia / Ed. *Mikhailchenko V. Yu.* M., 2016. P. 308—315.}

- Буркова 2016б — Буркова С. И. Ненецкий тундровый язык // Язык и общество. Энциклопедия Гл. ред. Михальченко В. Ю. М., 2016. С. 315—323. {*Burkova S. I. Tundra Nenets language // Language and society. Encyclopedia / Ed. Mikhailchenko V. Yu. M., 2016. P. 315—323.*}
- Буркова и др. 2003 — Буркова С. И., Баркалова М. В., Шилова В. В. Лесной диалект ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2003. С. 141—183. {*Burkova S. I., Barkalova M. V., Shilova V. V. Forest dialect of the Nenets language (Purov sub-dialect) // Languages of the native peoples of Siberia. Vol. 10. Expedition materials.*}
- Бурлак, Старостин 2005 — Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. {*Burlak S. A., Starostin S. A. Comparative-historical linguistics. M., 2005.*}
- Бурыкин 2010 — Бурыкин А. А. Из истории изучения языка лесных ненцев (к 75-летию со дня рождения Я. Н. Поповой) // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 20—31. {*Burykin A. A. From the history of studying the language of the Forest Nenets (for the 75th anniversary of Ya. N. Popova) // Materials of the 3rd international scientific conference on Samoyedic studies (Novosibirsk, 26—28 October 2010). Novosibirsk, 2010.*}
- Буцунский 1893 — Буцунский П. Н. К истории Сибири. Харьков, 1893. {*Butsunsky P. N. Concerning the history of Siberia. Kharkov, 1893.*}
- Быконя и др. 1994 — Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994. {*Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary. Tomsk, 1994.*}
- Быконя и др. 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.*}
- Васильев, Туголуков 1960 — Васильев В. И., Туголуков В. А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. 1960, 5. С. 128—141. {*Vasilyev V. I., Tugolukov V. A. Ethnographic studies at Taymyr in 1959 // Soviet ethnography. 1960. Vol. 5. P. 128—141.*}
- Глухий 1976 — Глухий Я. А. Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. Новосибирск, 1976. {*Glukhiy Ya. A. Consonantism of the Enets language (Bai dialect) according to the experimental data. Novosibirsk, 1976.*}
- Григоровский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработка и издание Евгения Хелимского. Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigorovski. Bearbeitet und herausgegeben von Eugen Helimski. Hamburg, 2007. {*South Selkup dictionary by N. P. Grigorovsky / Adapted and published by Evgeny Helimski. Hamburg, 2007.*}
- Долгих 1961 — Долгих Б. О. Мифологические сказки и исторические предания энцев. М., 1961. {*Dolgikh B. O. Mythological tales and historical legends of the Enets. M., 1961.*}
- Дубровская, Воробьева 2018 — Дубровская Н. В., Воробьева В. В. Термины цвета *padəl* и *nürel* в нарымском диалекте селькупского языка // 7th International Conference on Samoyed Studies / VII Международная конференция по самодистике. Тарту, 26—27.10.2018. {*Dubrovskaya N. V., Vorobyeva V. V. Color terms padəl and nürel in Narym Selkup // 7th International Conference on Samoyed Studies. Tartu, 26—27.10.2018.*}
- Дунин-Горкавич 1904 — Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. {*Dunin-Gorkavich A. A. Tobol North. SPb., 1904.*}
- Ириков 1988 — Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988. {*Irkov S. I. Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary. Textbook for elementary school students. L., 1988.*}
- Казакевич 2003а — Казакевич О. А. Ненецкий лесной язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003. С. 351—365. {*Kazakevich O. A. Nenets Forest language // Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A socio-linguistical encyclopedia. Book 2. M., 2003. P. 351—365.*}
- Казакевич 2003б — Казакевич О. А. Селькупский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003. С. 484—492. {*Kazakevich O. A. Selkup language // Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A socio-linguistical encyclopedia. Book 2. M., 2003. P. 484—492.*}
- Казакевич 2016 — Казакевич О. А. Селькупский язык // Язык и общество. Энциклопедия / Гл. ред. Михальченко В. Ю. М., 2016. С. 418—425. {*Kazakevich O. A. Selkup language // Language and society. An encyclopedia / Ed. Mikhailchenko V. Yu. M., 2016. P. 418—425.*}
- Казакевич, Будянская 2010а — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010. {*Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect). Yekaterinburg, 2010.*}
- Казакевич, Будянская 2010б — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Полевые материалы из сс. Степановка и Катайга Верхнекетского района Томской области (собраны в 2010 году) {*Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Field data from Stepanovka and Katayga villages, Verkhneket sky district, Tomskaya region (collected in 2010)*}

Казакевич, Парфёнова 2003 — *Казакевич О., Парфёнова О.* Ненецкий тундровый язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М., 2003. С. 366—394. {*Kazakevich O., Parfyonova O.* Nenets Tundra language Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A socio-linguistical encyclopedia. Book 2. M., 2003. P. 366—394.}

Касаткин 1990 — *Касаткин Л. Л.* Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. {*Kasatkin L. L.* Dialect // Linguistical encyclopedic dictionary. M., 1990.}

Квашнин 2008 — *Квашнин Ю. Н.* Лесные ненцы: отдельный народ или этническая группа? // Тобольск научный — 2008. Материалы V научно-практической конференции (23—25 июня 2008 г., г. Тобольск). Тобольск, 2008. С. 117—121. {*Kvashnin Yu. N.* Forest Nenets: a separate people or an ethnic group? // Scientific Tobolsk, 2008. Materials from the 5th theoretical and practical conference (23—25 July 2008, Tobolsk).}

Коряков 2017 — *Коряков Ю. Б.* Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // ВЯ. 2017, 6. С. 79—101. {*Koryakov Yu. B.* The “language or dialect” problem and an attempt of lexico-statistical approach // Issues in Linguistics. 2017. Vol. 6. P. 79—101.}

Кошкарёва и др. 2003 — *Кошкарёва Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В.* Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 7. Ч. 2. Новосибирск, 2003. С. 3—91. {*Koshkaryova N. B., Burkova S. I., Shilova V. V.* Examples of texts written in the Forest dialect of Nenets // Languages of the native peoples of Siberia. Vol. 7. Part 2. Novosibirsk, 2003. P. 3—91.}

Кошкарёва 2005 — *Кошкарёва Н. Б.* Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск, 2005. {*Koshkaryova N. B.* Essays on syntax of the Forest dialect of Nenets. Novosibirsk, 2005.}

Кошкарёва и др. 2017 — *Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М.* Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Ред. Кошкарёвой Н. Б. Калининград, 2017. {*Koshkaryova N. B., Kashkin E. V., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Muravyev N. A., Budyanskaya E. M.* Dialectological atlas of the Uralic languages situated at the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug territory. / Ed. N. B. Koshkaryova. Kaliningrad, 2017.}

Купер, Пустаи 1993 — *Купер Ш., Пустаи Я.* Селькупский разговорник (нарымский диалект). Szombathely, 1993. {*Kuper S., Pusztay J.* Selkup phrasebook (Narym dialect). Szombathely, 1993.}

Лабанаускас 2002 — *Лабанаускас К. И.* Родное слово. Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб., 2002. {*Labanauskas K. I.* Native word. Enets songs, fairytales, historical legends, myths. Saint-Petersburg, 2002.}

Мечковская 1996 — *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М., 1996. {*Mechkovskaya N. B.* Social linguistics. M., 1996.}

Норманская 2012 — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // УАИ. 2012, № 6. С. 117—148. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects // Ural-Altai Studies. 2012, Vol. 6. P. 117—148.}

Патканов 1911 — *Патканов С. П.* Племенной состав населения Сибири. СПб., 1911. {*Patkanov S. P.* Tribal composition of Siberian population. SPb., 1911.}

Попова 1978а — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: лесное наречие. Studia Uralo-Altica 12. Szeged, 1978. {*Popova Ya. N.* Nenets-Russian dictionary: Forest dialect. Studia Uralo-Altica 12. Szeged, 1978.}

Попова 1978б — *Попова Я. Н.* Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Москва, 1978. {*Popova Ya. N.* Phonetical features of the Forest dialect of Nenets. Moscow, 1978.}

Приходько 2000 — *Приходько М. С.* Хомаку. Картинный словарь русско-нешанского языка. СПб., 2000. {*Prikhodko M. S.* Khomaku. A picture dictionary of Russian-Neshchan (Forest Nenets) language. SPb., 2000.}

Приходько 2002 — *Приходько М. С., Приходько О. Б.* Хомани Книга о жизни лесных ненцев; Сказки, стихи, легенды; Краткий русско-нешанский словарь. СПб., 2002. {*Prikhodko M. S., Prikhodko O. B.* Khomani. A book on the Forest Nenets life; Fairytales, poems, legends; A concise Russian-Neshchan dictionary. SPb., 2002.}

Срезневский 1893 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. {*Sreznevsky I. I.* Materials for the dictionary of Old Russian. SPb., 1893.}

Старостин 2007 — *Старостин С. А.* О доказательстве языкового родства // Труды по языкознанию. М., 2007. С. 779—793. {*Starostin S. A.* On the proof of language relations // Works in linguistics. M., 2007. P. 779—793.}

Сказки 2016 — Сказки Татвы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / Составители: Татва и Алла Логаны. Отв. ред. Кошкарёва Н. Б. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2016. {*Fairytales of Tatva: a collection of folklore tales in the Forest dialect of Nenets / Compiled by Tatva and Alla Logan. Ed. Koshkaryova N. B. Vol. 1. Khanty-Mansiysk, 2016.*}

Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary with a short grammatical survey. SPb., 2009.}

- Стенин 2015 — *Стенин И. А.* Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков // ВЯ. 2015, 4. С. 91—133. {*Stenin I. A.* Grammar of the Tundra Nenets language by I. A. Nikolaeva and the problems in describing Samoyedic languages // Issues in linguistics. 2015. Vol. 4. P. 91—133.}
- Стенин 2017 — *Стенин И. А.* Синтаксис каузативной конструкции в ненецких языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017, 1. С. 25—35. {*Stenin I. A.* Syntax of causative construction in Nenets languages // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2017. Vol. 1. P. 25—35.}
- Терещенко 1947 — *Терещенко Н. М.* Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. {*Tereshchenko N. M.* A survey of Nenets (Yurako-Samoyed) grammar. L., 1947.}
- Терещенко 1955 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. Л., 1955. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. L., 1955.}
- Терещенко 1956 — *Терещенко Н. М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.-Л., 1956. {*Tereshchenko N. M.* Materials and studies in the language of Nenets. M.-L., 1956.}
- Терещенко 1965а — *Терещенко Н. М.* К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев) // Советское финно-угроведение. 1965, 2. С. 121—128. {*Tereshchenko N. M.* On the topic of comparative studies of Samoyedic languages (the language of Enets) // Soviet Finno-Ugric studies. 1965. Vol. 2. P. 121—128.}
- Терещенко 1965б — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}
- Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 438—457. {*Tereshchenko N. M.* Enets language // Languages of the peoples of the USSR. Vol. III: Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966. P. 438—457.}
- Трубецкой 2010 — *Трубецкой С. А.* Согласование прилагательных в энецком языке (лесной диалект) // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 233—239. {*Trubetskoy S. A.* Agreement of adjectives in the Enets language (Forest dialect) // Materials of the 3rd International Scientific Conference on Samoyedic Studies (Novosibirsk, 26—28 October 2010). Novosibirsk, 2010. P. 233—239.}
- Урманчиева 2002 — *Урманчиева А. Ю.* Фрагмент описания глагольной морфонологии энецкого языка: соотношение синхронии и диахронии // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Сост. *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* М., 2002. С. 573—591 {*Urmanchieva A. Yu.* Fragment of the description of the Enets verbal morphophonology: correlation of synchrony and diachrony // Languages of the World. Typology. Uralic studies. In memoriam of T. Zhdanova. Articles and memories / Compiled by *Plungyan V. A., Urmanchieva A. Yu.* M., 2002. P. 573—591.}
- Урманчиева 2016 — *Урманчиева А.* Аналитические формы «модального инферентива» в лесном энецком // *Linguistica Uralica*. 2016, 2. {*Urmanchieva A.* Analytical forms of the “modal inferentive” in Forest Enets // *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. 2.}
- Федотова 2009 — *Федотова Н. Л.* Полевые материалы из дер. Голещихино Парабельского района (нарымский говор, собраны в 2009 году) [<http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/334/3/perspective/334/4/view>] {*Fedotova N. L.* Field data from Goleshchikhino village, Parabelsky district (Narym dialect, collected in 2009)}
- Ханина 2014—2016 — *Ханина О. В.* Электронный словарь тундрового диалекта энецкого языка. 2014—2016. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view> {*Khanina O. V.* Electronic dictionary of Tundra Enets. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view> }
- Ханина, Шлуинский 2014—2016 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Электронный словарь лесного диалекта энецкого языка. 2014—2016. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/694/4/perspective/694/5/view> {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Electronic dictionary of Forest Enets. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/694/4/perspective/694/5/view> }
- Хелимский 1976б — *Хелимский Е. А.* Об одном переходном северносамодийском диалекте (К исторической диалектологии ненецкого языка) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 89—93. {*Helimski E. A.* About one transitional Northern Samoyedic dialect (On the historical dialectology of Nenets) // Origins of Siberian native peoples and their languages. Tomsk, 1976. P. 89—93.}
- Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М., 1982. {*Helimski E. A.* The oldest Hungarian-Samoyedic linguistic parallels. Linguistic and ethnogenetic interpretation. M., 1982.}
- Хелимский 1985 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42—58. {*Helimski E. A.* On the historical dialectology of Selkup // Vocabulary and grammar of the languages of Siberia. Barnaul, 1985. P. 42—58.}
- Хелимский 1994 — *Хелимский Е. А.* Ненецкий язык // Языки народов России. Красная книга. М., 1994. С. 40—42. {*Helimski E. A.* Nenets language // Languages of the peoples of Russia. The Red Book. M., 1994. P. 40—42.}
- Хелимский 2007а — *Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь. Hamburg, 2007. {*Helimski E. A.* Northern Selkup dictionary. Hamburg, 2007.}

- Хелимский 2007б — *Хелимский Е. А.* Фонетика и морфология энецкого языка в условиях языкового сдвига // Ред. *Вахтин Н. Б.* Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007. {*Helimski E. A.* Phonetics and morphology of Enets in the circumstances of language shift. SPb., 2007.}
- Хелимский 2018 — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю энецкого языка (с дополнениями А. Урманчиевой по лесному диалекту) // <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip>, 2018. {*Helimski E. A.* Materials for the Enets dictionary (with additions by A. Uрманchieva on the Forest dialect) // <https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip>, 2018.}
- Хомич 1995 — *Хомич Л. В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. {*Khomich L. V.* Nenets. Essays on the traditional culture. SPb., 1995.}
- Шлуинский, Ханина 2016 — *Шлуинский А. Б., Ханина О. В.* Энецкий язык // Язык и общество. Энциклопедия / Гл. ред. *Михальченко В. Ю. М.*, 2016. С. 588—593. {*Shluinskiy A. B., Khanina O. V.* Enets language // Language and society. An encyclopedia / Ed. *Mikhalchenko V. Yu. M.*, 2016. P. 588—593.}
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo.* Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. (LSFU 30.).
- Blažek 2016 — *Blažek V.* On the classification of the Samoyedic languages // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 63, 2016. P. 79—125.
- Castrén 1853 — *Castrén M. A.* Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. (Nordische Reisen und Forschungen). SPb., 1853. S. 67.
- Durrell 1990 — *Durrell M.* Language as geography. An encyclopaedia of language. Ed. *Collinge N. E.* London, 1990.
- Starostin 2010 — *Starostin G.* Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 3. P. 79—116.
- Starostin 2013 — *Starostin G.* Lexicostatistics as a basis for language classification: Increasing the pros, reducing the cons // *Classification and evolution in biology, linguistics and the history of science: Concepts — Methods — Visualization*. Eds. *Fangerau H., Geisler H., Halling Th., Martin W.* Stuttgart, 2013. P. 125—146.
- Hajdú 1959a — *Hajdú Péter.* A jurák-szamojéd nyelvtan két kérdéséről // *Nyelvtudományi Közlemények* 61, 1959. P. 223—246.
- Hajdú 1959b — *Hajdú Péter.* Der Genitiv im Waldjurakischen // *Ural-Altäische Jahrbücher* 31 (1959). P. 116—119.
- Helimski 1983 — *Helimski E.* The language of the first selkup books. Szeged, 1983.
- Helimski 1998 — *Helimski E.* Selkup // Ed. *Abondolo D.* The Uralic languages. London, 1998. P. 548—579.
- Hudson 1996 — *Hudson R. A.* Sociolinguistics. New York: Cambridge Univ. Press, 1996.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. [Castrenianumin toimitteita 17]. Helsinki, 1977.
- Janhunen 1998 — *Janhunen J.* Samoyedic // Ed. *Abondolo D.* The Uralic languages. London, 1998. P. 516—547.
- Janhunen 2009 — *Janhunen J.* Proto-Uralic — what, where, and when? // *The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. 2009. Vol. 258. P. 57—78.
- Janhunen, Salminen 1993 — *Janhunen J.; Salminen T.* Unesco Red Book On Endangered Languages: Northeast Asia. 1993 // http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html
- Kassian et al. 2010 — *Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 4. P. 46—89.
- Kassian 2015 — *Kassian A.* Towards a Formal Genealogical Classification of the Lezgian Languages (North Caucasus): Testing Various Phylogenetic Methods on Lexical Data // *PLoS ONE*. 2015, 10 (2): e0116950. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0116950>.
- Khanina et al. 2018 — *Khanina O., Koryakov Yu., Shluinski A.* Forest Enets and Tundra Enets: how similar/different are they and why? // 7th International Conference on Samoyed Studies / VII Международная конференция по самодистике. Тарту, 26–27.10.2018.
- Khanina, Meyerhoff 2018 — *Khanina O., Meyerhoff M.* A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism of a language community in Siberia. // *Journal of Historical Sociolinguistics*. 2018. Vol. 4 (2).
- Lehtisalo 1947 — *Juraksamojedische Volksdichtung.* Gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90. Helsinki, 1947.
- Lehtisalo 1956 — *Juraksamojedisches Wörterbuch* von T. Lehtisalo. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae* 13; Helsinki 1956.
- Marosán 1983 — *Marosán L.* Gégezárháng és (pre)aspiráció az erdei nyenyecben // *Nyelvtudományi Közlemények* 85 (1983). S. 117—122.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Mouton Grammar Library. 65. Berlin, Boston, 2014.
- Pusztay 1976 — *Material aus dem Wald-Dialekt des Jurak-Samojedischen.* Von János Pusztay. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen: I. Philologisch-historische Klasse, Jahrgang 1976, Nr. 10.* P. 349—379; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht in Göttingen, 1976.

- Pusztay 1980 — *Pusztay J.* Über die Kiseljowskaja Mundart des Waldjurakischen. *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Linguistica* 11 (1980). P. 43—70.
- Salminen 1997a — *Salminen T.* A key to Enets morphology. (Morphologisches Wörterbuch des Enzischen von Tibor Mikola.) *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1997, 54. P. 213—219.
- Salminen 1997b — *Salminen T.* Ecology and ethnic survival among the Nenets // *Northern minority languages: Problems of survival* / Ed. *Shoji Hiroshi, Janhunen Juha.* *Senri Ethnological Studies* 44. Osaka, 1997. P. 93—107.
- Salminen 1997в — *Salminen T.* Tundra Nenets Inflexion. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 227. Helsinki, 1997.
- Salminen 1998 — *Salminen T.* A morphological dictionary of Tundra Nenets. *Lexica Societatis Fenno-Ugricate*. XXVI. Helsinki: *Suomalais-Ugrilainen Seura*, 1998.
- Salminen 2000 — *Salminen T.* Four orthographies for Forest Nenets? // Eds. *Ostler N., Rudes B.* *Endangered languages and literacy. Proceedings of the Fourth FEL Conference, University of North Carolina, Charlotte, 21—24 September 2000.* The Foundation for Endangered Languages. 2000.
- Salminen 2001 — *Salminen T.* Fighting for the future of Forest Nenets // *Lectures on Endangered Languages. 2: From Kyoto Conference 2000.* Project Director: Osahito Miyaoka; Editor: Osamu Sakiyama. *Endangered Languages of the Pacific Rim Publication Series C002*; Kyoto. P. 251—256.
- Salminen 2007 — *Salminen T.* Europe and North Asia. *Encyclopedia of the world's endangered languages.* Ed. *Moseley Ch.* London, 2007. P. 211—282.
- Siegl 2007a — *Siegl F.* Contemporary forest Enets: A report from recent fieldwork // *Études finno-ougriennes*, 2007, 39. P. 21—50.
- Siegl 2007b — *Siegl F.* Forest Enets as a written language // S. Walton (Ed.), *Språk og identitet: spritt österut. Skrifter frå Ivar-Aasen-instituttet* 26. Volda, 2007. P. 110—130.
- Siegl 2008 — *Siegl F.* A note on personal pronouns in Enets and Northern Samoyedic // *Linguistica Uralica* XLIV 2008. Vol. 2.
- Siegl, Rießler 2015 — *Siegl F., Rießler M.* Uneven Steps to Literacy // Eds. *Marten H., Rießler M., Saarikivi J., Toivanen R.* *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Multilingual Education.* Vol 13. Cham, 2015. P. 189—230.
- Sirelius 1983 — *Sirelius U. T.* Reise zu den Ostjaken. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja* X. Helsinki, 1983
- Swadesh 1955 — *Swadesh M.* Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*. 1955. Vol. 21. No. 2. P. 121—137.
- Toulouze 2003 — *Toulouze E.* The Forest Nenets as a double Language Minority // *Pro Ethnologia* 15. Multiethnic communities in the Past and Present / *Publications of Estonian National Museum.* Tallinn, 2003. P. 95—108.

РЕЗЮМЕ

В работе проводится анализ того, являются ли идиомы внутри каждой из трёх подгрупп самодийских языков (ненецкой, энецкой и селькупской) отдельными языками или диалектами. Для анализа используются социолингвистические и структурные критерии, а также данные лексикостатистики. Делается вывод о том, что лингвистически можно говорить о двух ненецких, одном энецком и как минимум двух селькупских языках. В Приложении приводятся стословные списки по рассматриваемым языковым разновидностям.

SUMMARY

The work evaluates whether varieties in each of three Samoyedic subgroups (Nenets, Enets and Selkup) are separate languages or dialects. Sociolinguistic and structural criteria, as well lexicostatistic data, are used for the evaluation. The conclusion is that linguistically there are two Nenets, one Enets and at least two Selkup languages. 100-word Swadesh lists for the language varieties evaluated are provided in the Appendix.

Ключевые слова: Самодийские, лексикостатистика, таксономия, социолингвистика, селькупские, ненецкие, энецкий

Keywords: Samoyedic, Lexicostatistics, Taxonomy, Sociolinguistics, Selkup, Nenets, Enets

Коряков Юрий Борисович, Институт языкознания РАН (Москва); ybkoryakov@gmail.com

Yuri B. Koryakov, Institute of Linguistics RAS (Moscow); ybkoryakov@gmail.com

Графико-фонетический анализ архивного словаря пелымского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова¹

В 2015 году во время работы в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки ведущим ученым лаборатории лингвистической антропологии, Норманской Юлией Викторовной, был обнаружен архивный источник верхне-пелымского диалекта (западно-мансийского), записанный о. Константином Словцовым в 1905 году [Словцов 1905]. О самом священнослужителе известно, что он окончил Тобольскую Духовную семинарию, с 1913 года служил в селе Егоршинское, Ирбитского уезда в церкви во имя Пророка Божия Илии. В 1918 году отец Константин Словцов был убит во время Гражданской войны и, спустя время, в 2002 году Русская православная церковь причислила его к лику святых.

В найденном словаре представлено 424 западно-мансийские лексемы, для некоторых приведены отдельные словоизменительные формы. Этот словарь уже набран и представлен в электронном виде на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Ценность и уникальность такой находки, безусловно, неоспорима: единственными источниками по пелымскому диалекту, на чьи данные можно всецело полагаться, принято считать мансийские словари финского ученого Артури Каннисто и венгерского языковеда Берната Мункачи. Обнаружение новых архивных материалов дает возможность не только увеличить базу мансийских источников, но и проверить надежность уже существующих.

Статья является продолжением предыдущей работы [Норманская, Кошелюк 2017], посвященной точности передачи гласных фонем в классических словарях мансийского языка [МК 1986; Kannisto 2013] и недавно обнаруженных источниках [Черкалов 1873; Словцов 1905]. Проведенный анализ показал, что словарь Каннисто наиболее близок прамансийской реконструкции гласных, и, следовательно, является более точным. Это предположение соответствует общепринятому мнению специалистов в области обско-угорских языков о большей достоверности словаря финского ученого по сравнению с материалами венгерского исследователя.

В данной работе предпринимается попытка целостного изучения графических особенностей архивного пелымско-русского словаря мансийского языка, записанного о. Константином Словцовым, с целью выявления точности передачи согласных и гласных графем относительно словаря мансийского языка А. Каннисто, ввиду подтвержденной ранее гипотезы о наибольшей точности последнего. Результаты исследования, полученные в ходе графико-фонетического анализа, приведены ниже.

Таблица 1. Сопоставление согласных графем в словарях К. Словцова и А. Каннисто

[Словцов 1783]	[Kannisto 2013]
<i>в</i>	<i>β</i>
<i>г</i>	<i>γ</i>
<i>й</i>	<i>j</i>
<i>к</i>	<i>k</i>
<i>л</i>	<i>л, l</i>
<i>м</i>	<i>m</i>
<i>н</i>	<i>n</i>
<i>нг</i>	<i>ŋk</i>
<i>п</i>	<i>p</i>
<i>р</i>	<i>r</i>
<i>т, д</i>	<i>t</i>
<i>х</i>	<i>χ</i>
<i>с</i>	<i>s, š</i>
<i>ш</i>	<i>š, ṣ̌</i>
<i>ч</i>	<i>ṣ̌</i>

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения».

пельым. в
[Словцов 1905]

пельым. *Ватлехть* ‘базар’ [Словцов 1905: 3], *βàtɛ̀l-* ‘базар’ [Kannisto 2013: 178];
 пельым. *Вэта* ‘берег’ [Словцов 1905: 3], *βḕtā* ‘берег’ [Kannisto 2013: 177];
 пельым. *Вышка* ‘бык’ [Словцов 1905: 4], *βe̞škā* ‘бык’ [Kannisto 2013: 110];
 пельым. *Вондартъ* ‘выдра’ [Словцов 1905: 5], *βontʳt* ‘выдра’ [Kannisto 2013: 154];
 пельым. *Вурнь* ‘двор’ [Словцов 1905: 8], *βurn* ‘двор’ [Kannisto 2013: 96];

пельым. β
[Kannisto 2013]**пельым. г**
[Словцов 1905]

пельым. *Ригъ* ‘жарко’ [Словцов 1905: 11], *riɣ* ‘жарко’ [Kannisto 2013: 979];
 пельым. *Егъ* ‘отец’ [Словцов 1905: 19], *iɛɣ* ‘отец’ [Kannisto 2013: 188];
 пельым. *Игъ* ‘ночь’ [Словцов 1905: 18], *iɣ* ‘ночь’ [Kannisto 2013: 119];
 пельым. *Нэгъ* ‘ты’ [Словцов 1905: 27], *nɛɣ neɣ* ‘ты’ [Kannisto 2013: 493];

пельым. ɣ
[Kannisto 2013]**пельым. й**
[Словцов 1905]

пельым. *Сарыйнгарь* ‘белый’ [Словцов 1905: 4], *saj̥rŋ* ‘белый’ [Kannisto 2013: 791];
 пельым. *Суй пуйль* ‘брусника’ [Словцов 1905: 4], *su̞ipul* ‘брусника’ [Kannisto 2013: 717];
 пельым. *Вуйкуль* ‘зверь’ [Словцов 1905: 12], *βu̞ikil* ‘зверь’ [Kannisto 2013: 12];
 пельым. *Вой* ‘масло’ [Словцов 1905: 18], *βo̞j* ‘масло’ [Kannisto 2013: 141];
 пельым. *Сойтъ* ‘ум’ [Словцов 1905: 25], *sɔ̞j̥t* ‘ум’ [Kannisto 2013: 721];

пельым. j̥
[Kannisto 2013]**пельым. к**
[Словцов 1905]

пельым. *Кэль* ‘береза’ [Словцов 1905: 3], *kił* ‘береза’ [Kannisto 2013: 298];
 пельым. *Кундель* ‘бобр’ [Словцов 1905: 4], *ku̞i(t)l* ‘бобр’ [Kannisto 2013: 330];
 пельым. *Котиль* ‘день’ [Словцов 1905: 9], *kō̞tl* ‘день’ [Kannisto 2013: 392];
 пельым. *Коркій* ‘дятел’ [Словцов 1905: 9], *kō̞rkji* ‘дятел’ [Kannisto 2013: 350];
 пельым. *Кулемъ* ‘зола’ [Словцов 1905: 12], *ku̞l̥l̥im* ‘зола’ [Kannisto 2013: 304];

пельым. k
[Kannisto 2013]**пельым. л**
[Словцов 1905]

пельым. *Лусээрзулы* ‘животное’ [Словцов 1905: 11], *lusɛ̞ɣr* ‘животное’ [Kannisto 2013: 402];
 пельым. *Нёлы* ‘змея’ [Словцов 1905: 12], *nō̞lɣ* ‘змея’ [Kannisto 2013: 530];
 пельым. *Лунть* ‘гуси’ [Словцов 1905: 8], *lunt* ‘гусь’ [Kannisto 2013: 422];
 пельым. *Лопхъ* ‘бабочка’ [Словцов 1905: 4], *lɔ̞p̥x* ‘бабочка’ [Kannisto 2013: 427];
 пельым. *Лынь* ‘белка’ [Словцов 1905: 4], *liɣn* ‘белка’ [Kannisto 2013: 410];

пельым. л, l
[Kannisto 2013]**пельым. м**
[Словцов 1905]

пельым. *Шумлехъ* ‘амбар’ [Словцов 1905: 3], *ʃuml̥x* ‘амбар’ [Kannisto 2013: 755];
 пельым. *Шемкевъ* ‘зрачок’ [Словцов 1905: 12], *ʃemkɛβ* ‘зрачок’ [Kannisto 2013: 750];
 пельым. *Марнь* ‘икра’ [Словцов 1905: 13], *mar̥n̥, mā·rn, ma·ʔrn* ‘икра’ [Kannisto 2013: 481];
 пельым. *Мэнь* ‘мы’ [Словцов 1905: 18], *min, men* ‘мы’ [Kannisto 2013: 468];
 пельым. *Мульнь* ‘молитва’ [Словцов 1905: 18], *m̥i·l̥p* ‘молитва’ [Kannisto 2013: 466];

пельым. m
[Kannisto 2013]**пельым. н**
[Словцов 1905]

пельым. *Наръ* ‘бревно’ [Словцов 1905: 4], *nar* ‘бревно’ [Kannisto 2013: 509];

пельым. n
[Kannisto 2013]

пелым. *Несъкóтоль* ‘будни’ [Словцов 1905: 4], *нескó.тл* ‘будни’ [Kannisto 2013: 516];
 пелым. *Варна* ‘дело’ [Словцов 1905: 9], *βàrnà* ‘дело’ [Kannisto 2013: 163];
 пелым. *Вурнь* ‘двор’ [Словцов 1905: 8], *βurn* ‘двор’ [Kannisto 2013: 96];
 пелым. *Нéлишемъ* ‘лицо’ [Словцов 1905: 16], *háлšem* ‘лицо’ [Kannisto 2013: 528];

пелым. нг
[Словцов 1905]

пелым. ηк
[Kannisto 2013]

пелым. *Тусъ-пангъ* ‘зуб’ [Словцов 1905: 12], *πεηк* ‘зуб’ [Kannisto 2013: 611];
 пелым. *Поонгъ* ‘сажа’ [Словцов 1905: 24], *ρòánk* ‘сажа’ [Kannisto 2013: 610];
 пелым. *Лонгъ* ‘дорога’ [Словцов 1905: 10], *l'òηк* ‘дорога’ [Kannisto 2013: 447];
 пелым. *Тэтъ вонгэхъ* ‘молотить’ [Словцов 1905: 18], *βòηк-* ‘молотить’ [Kannisto 2013: 155];
 пелым. *Яна панга* ‘генерал’ [Словцов 1905: 7], *ženipeηк* ‘генерал’ [Kannisto 2013: 218];

пелым. п
[Словцов 1905]

пелым. р
[Kannisto 2013]

пелым. *Поля* ‘баня’ [Словцов 1905: 4], *ρzàná* ‘баня’ [Kannisto 2013: 605];
 пелым. *Паханъ* ‘бугор’ [Словцов 1905: 4], *ρaχ'χп* ‘бугор’ [Kannisto 2013: 572];
 пелым. *Пола* ‘беда’ [Словцов 1905: 4], *ρòlá* ‘беда’ [Kannisto 2013: 576];
 пелым. *Пишканъ-суй* ‘залп-выстрел’ [Словцов 1905: 11], *piškl* ‘залп’ [Kannisto 2013: 648];
 пелым. *Пошиемъ* ‘дым’ [Словцов 1905: 9], *ρòšš'т* ‘дым’ [Kannisto 2013: 650];

пелым. р
[Словцов 1905]

пелым. r
[Kannisto 2013]

пелым. *Пэтэрь* ‘ведро’ [Словцов 1905: 5], *pét'rsup* ‘ведро’ [Kannisto 2013: 671]²;
 пелым. *Рэхъ* ‘дождь’ [Словцов 1905: 9], *reχ* ‘дождь’ [Kannisto 2013: 682];
 пелым. *Рахть* ‘глина’ [Словцов 1905: 8], *raχt* ‘глина’ [Kannisto 2013: 684];
 пелым. *Ригъ* ‘жарко’ [Словцов 1905: 11], *riγ* ‘жарко’ [Kannisto 2013: 679];
 пелым. *Туркуль* ‘карась’ [Словцов 1905: 16], *turkil* ‘карась’ [Kannisto 2013: 929];

пелым. т, ð
[Словцов 1905]

пелым. t
[Kannisto 2013]

пелым. *Кундель* ‘бобр’ [Словцов 1905: 4], *kuñ(t'l* ‘бобр’ [Kannisto 2013: 330];
 пелым. *Вондартъ* ‘выдра’ [Словцов 1905: 5], *βònt'rt* ‘выдра’ [Kannisto 2013: 154];
 пелым. *Туспунъ* ‘борода’ [Словцов 1905: 4], *tuspin* ‘борода’ [Kannisto 2013: 947];
 пелым. *Тупъ* ‘весло’ [Словцов 1905: 5], *tup* ‘весло’ [Kannisto 2013: 921];
 пелым. *Туе* ‘весна’ [Словцов 1905: 4], *tijá* ‘весна’ [Kannisto 2013: 879];

пелым. х
[Словцов 1905]

пелым. χ
[Kannisto 2013]

пелым. *Кэрхъ* ‘ворона’ [Словцов 1905: 6], *kβērχ* ‘ворона’ [Kannisto 2013: 259];
 пелым. *Сэнхъ* ‘вилы’ [Словцов 1905: 5], *sēn'χ* ‘вилы’ [Kannisto 2013: 761];
 пелым. *Лакхъ* ‘гриб’ [Словцов 1905: 7], *laχs* ‘гриб’ [Kannisto 2013: 416];
 пелым. *Рэхъ* ‘дождь’ [Словцов 1905: 9], *reχ re'ekt* ‘дожди’ [Kannisto 2013: 682];
 пелым. *Кюхоръ* ‘живот’ [Словцов 1905: 11], *kij'χr* ‘живот’ [Kannisto 2013: 277];

Для соответствий, приведенных ниже, приводится весь список слов, зафиксированных в словаре [Словцов 1905], ввиду необходимости выявления правил появления каждого явления и его объяснения.

² Приведенные списки слов (за исключением слов на *с, ш, ч*) не являются исчерпывающими и представляют собой выборку примеров с распределением по первому слогу.

пельым. с
[Словцов 1905]**пельым. s**
[Kannisto 2013]

пельым. *Суй* ‘бор’ [Словцов 1905: 3], *suí* ‘бор’ [Kannisto 2013: 717];
 пельым. *Соу* ‘звезда’ [Словцов 1905: 12], *soβ* ‘звезда’ [Kannisto 2013: 706];
 пельым. *Сээръ* ‘корова’ [Словцов 1905: 13], *seyr* ‘корова’ [Kannisto 2013: 709];
 пельым. *Сусъ* ‘лось’ [Словцов 1905: 17], *sus* ‘лось’ [Kannisto 2013: 801];
 пельым. *Сулъ* ‘овес’ [Словцов 1905: 20], *sil* ‘овес’ [Kannisto 2013: 737];

Ниже при разборе соответствий *с, ш, ч* [Словцов 1905] vs. *ś* [Kannisto 2013] мы решили привести соответствия из других мансийских диалектов по словарям [Черкалов 1783], [МК 1986] и [Kannisto 2013] и внешние этимологии этих слов, чтобы попытаться выявить еще источники, в которых присутствует рефлексация, аналогичной той, что представлена в [Словцов 1905].

пельым. с
[Словцов 1905]**пельым. ś ПМанс. *ś**
[Kannisto 2013] [Honti 1982]

пельым. *Пясерью* ‘рябина’ [Словцов 1905: 22], P *peśsar*, TJ *pi,t'sā·r*, TČ *pi,t'se·r*, KU *pā śsar*, So *pa śsar* ‘рябина’ [Kannisto 2013: 658]; *Пасерь* ‘рябина’ [Черкалов 1783]; N *paśār ~ paśer [paśar]*, P *pāśer*, K *pāser-*, T *piśā·r ~ piśā·r* ‘рябина’ [МК 1986: 419] < ПМанс. **pāśār* [Honti 1982: 480] < ПУ **piśla* ‘рябина’ [UEW: 376];
 пельым. *Оасимъ* ‘дедушка’ [Словцов 1905: 9], P *oas*, TJ TČ *ā,t'si*, KU *ōāś*, So *ās* ‘отец отца, отец матери (Т), отец отца (КУ, Р), отец (So)’ [Kannisto 2013: 118]; N P *ās [=āś] oās (~ āś)*, K *oās (~ oās)*, T *ā śi ~ ā śi ~ āiśi* ‘отец, дедушка (со стороны отца)’ [МК 1986: 52—53]; P K *ās*, T *āiśi ~ āiśi ~ āiśi* ‘(P K) отец матери, (Т) дедушка’ [МК 1986: 53] < ПМанс. **āś(э)* [Honti 1982: 1] < ПУ **iśā* ‘отец’ [UEW: 78];
 пельым. *Сёсъ* ‘волк’ [Словцов 1905: 4], *śes* ‘волк’ [Kannisto 2013: 819]; *Часъ* ‘волк’ [Черкалов 1783] < ПУ **śiśe* ‘волк’ > водск. *susi* ‘волк’;

Займствования

пельым. *Оксэ* ‘деньги’ [Словцов 1905: 10], P *oxśa*, KU KM *oxśa*, TJ TČ *axt śa* KO *oxiśa*, VNZ *oxiśe*, VNK *oxiśa*, VS *oxiśe* ‘деньги’ [Kannisto 2013: 31] < башк. *акса* ‘деньги’;
 пельым. *Сисъ* ‘мать’ [Словцов 1905: 17], P *śis*, KU *śiś*, TJ TC *t śiś*, KM *śiś*, VNZ VS LU *śiś*, VNK *śiś*, LO *śiś*, *śiś* ‘мать’ [Kannisto 2013: 851] < башк. *сисә, сәсә* ‘собственная мать ребенка в семье, где две и более жен у одного мужчины; непервая (чаще — вторая) жена среди одновременных жен’;
 пельым. *Къясимъ* ‘брат’ [Словцов 1905: 4], P *keś*, TJ KU *kīśi*, KM *kā ś*, KO *kāś*, VNK *kāś*, VS *keś*, LU *kēś*, LO *kā ś*, So *kāś* ‘брат’ [Kannisto 2013: 383] < башк., тат. *кеше* ‘человек’ < иран. *k'ās* ‘человек’;

пельым. ш
[Словцов 1905]**пельым. ś**
[Kannisto 2013]**ПМанс. *ś**
[Honti 1982]

пельым. *Вишкеркъ* ‘дитя’ [Словцов 1905: 9], *iś, iś* ‘маленький’ [Kannisto 2013: 118]; P *iś*, K *viś*, T *uś (~ uś)* ‘маленький’ [МК 1986: 745]; юконд. *wie* ‘маленький’, пельым. *Вишкаръ* ‘Малой’ [Словцов 1905: 18] < ПМанс. [Honti 1982] **wiś* < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ [Honti 1982] < ПУ **wāñčV ~ wāčV* [UEW: 899];
 пельым. *Ишкумъ* ‘парень’ [Словцов 1905: 21], P, VN, VNZ, VNK, VS *iśkum* ‘парень’ [Kannisto 2013: 119]; *Яны ұсыкумъ* ‘юноша’ [Черкалов 1783]; < ПМанс. [Honti 1982] **wiś* < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ [Honti 1982] < ПУ **wāñčV ~ wāčV* [UEW: 899];
 пельым. *Ишпудъ* ‘котел’ [Словцов 1905: 14], P, VN, VS, LU *iśput* ‘котел’ [Kannisto 2013: 119]; < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ + **pūt* ‘котел’ [Honti 1982] < ПУ **wāñčV ~ wāčV* [UEW: 899] + **pata* ‘котел’ [UEW: 358];
 пельым. *Умишъ* ‘малина’ [Словцов 1905: 18], *ūmś, βūmś* ‘малина’ [Kannisto 2013: 640]; < ПУ **añV-čV* ‘малина’ [UEW: 26].

пельым. ч
[Словцов 1905]**пельым. ś**
[Kannisto 2013]

пельым. *Ачеромъ* ‘мороз’ [Словцов 1905: 17], P *eśerm*, TJ *i,t'se·rm*, TČ *i,t'si·rəm*, KU *āśərəm*, So *ā śərəmā* ‘холодный, холод, мороз’ [Kannisto 2013: 123]; N *aśerəm (~ aśermā)* [*aśirma ~ aśerma*], P *aśerəm*, K *aśerəm (~ aśerəm ~ aśermā)*, T *iśi·rəm ~ iśi·rəm ~ iśi·rəm* ‘мороз, холод’ [МК 1986: 53]; *Асерме* ‘стужа’ [Черкалов

1783] < ПУ **actV* ‘мороз, холод’ > хант. *áṭay* (V, Vj), *áṭak* Irt (DN, KoP, Kr,), *ískə* Ni, *ískə*, *áškə* (Š), *íski* (Kaz, Sy) ‘мороз’ [DEWos: 224]; мат. *osderá* ‘холод’ [Helimski 1997: 331];

пелым. *Ичѐ* ‘девица’ [Словцов 1905: 9], *ičǝ* ‘девица’ [Kannisto 2013: 118] < ПУ **itcV* > ПС **at's'z* ‘ребенок’ [SW: 16], ср. ПТунг. **āži-* ‘ребенок’.

Займствования:

пелым. *Учши* ‘зло’ [Словцов 1905: 12], *ōšt* ‘зло’ [Kannisto 2013: 117] < тюрк. заим. ср. хак. *yū*, тув. *oш* ‘зло’

Слова с неизвестной этимологией

пелым. *Чáхаль* ‘туча’ [Словцов 1905: 25], P *šaxχʰl*, TJ *t'šaxə*·л, TČ *t'šaxə*·л, KU *ša*·хэл, *šá*·хэл, So *ša*·хэл, *šaxχʰl* ‘гром, грозовая туча’ [Kannisto 2013: 822]; N P *šaxl* [*šaxl* ~ *šaxəl*], K *šaxl*, T *čáxə*·l ~ *čáxl* ‘грозовая туча’ [МК 1986: 583]; *Чохль* ‘туча’ [Черкалов 1783];

пелым. *Чáаны* ‘Кулак’ [Словцов 1905: 14], P *šaxχʰn*, TJ *t'šaxnè*·т_{PL}, TČ *t'šaxnè*·, KU *šá*·хэн, So *šaxni* ‘кулак’ [Kannisto 2013: 824]; N *šaxən* ~ *šaxni* ~ *šaxni* [*šaxni*], P *šaxnè* ~ *šaxèn*, K *šaxèn* ‘кулак’ [МК 1986: 583]; *Чóхрнь* ‘кулак’ [Черкалов 1783]³;

пелым. *Кочекарь* ‘который’ [Словцов 1905: 25], *кəт*·*šx*·*kar* ‘который’ [Kannisto 2013: 250];

пелым. *Вончерь* ‘ложка’ [Словцов 1905: 17], *vuñšʰr* ‘ложка’ [Kannisto 2013: 76];

пелым. *Попанчухь* ‘священник’ [Словцов 1905: 24], *pop+añ*·*šx* ‘священник’ [Kannisto 2013: 615, 75];

Как было сказано выше, сразу три графемы *с*, *ш*, *ч* в [Словцов 1905] соответствуют графеме *š* в [Kannisto 2013]. Подобные колебания были выявлены также и в словаре протоиерея Симеона Черкалова [Черкалов 1873]. Тщательный анализ каждого случая позволил нам выявить определенные правила появления. Так, *с* [Черкалов 1873; Словцов 1905] происходит из ПМанс. **é* [Honti 1982], а *ш* [Черкалов 1873; Словцов 1905] из ПМанс. **ś* [Honti 1982]. *Ч* зафиксировано только в словах без традиционной обско-угорской этимологии, возможно, что в данных случаях тоже речь идет об особой прамансийской фонеме. По крайней мере, обращение к прауральской этимологии этих слов показывает, что в соответствиях, предложенных нами в ПС языке, присутствует кластер с **st* или **ts*.

Таким образом, мы видим, что в первых словарях на пелымском диалекте зафиксированы прамансийские архаические особенности, которые не были отражены у [МК 1986; Kannisto 2013].

пелым. ш [Словцов 1905]

пелым. š [Kannisto 2013]

пелым. *Вышка* ‘бык’ [Словцов 1905: 4], *βεšká* ‘бык’ [Kannisto 2013: 110]; *Ушка* ‘бык’ [Черкалов 1783]; пелым. *Шумлехь* ‘амбар’ [Словцов 1905: 3], *šmjəx* ‘амбар’ [Kannisto 2013: 755]; *Шумьяхь* ‘амбар’ [Черкалов 1783];

пелым. *Шэмь* ‘глаз’ [Словцов 1905: 7], *šám* ‘глаз’ [Kannisto 2013: 749]; *Шамь* ‘глаз’ [Черкалов 1783];

пелым. *Шешва* ‘заяц’ [Словцов 1905: 12], *šɛʂba* ‘заяц’ [Kannisto 2013: 721]; *Шешва* ‘заяц’ [Черкалов 1783];

В процессе исследования было выявлено, что ПМанс. **γ* [Honti 1982], которое сохраняется в северных диалектах и в пелымском (западном) диалекте, в словаре [Словцов 1905] выпадает.

пелым. *Лынь* ‘белка’ [Словцов 1905: 4], *lyñ* ‘белка’ [Kannisto 2013: 410] < ПМанс. **l̥yñʒ* [Honti 1982: 348];

пелым. *Амальтэмэсь* ‘рана’ [Словцов 1905: 22], *ámʰl̥t-*, *āymʰl̥t-* ‘рана’ [Kannisto 2013: 59];⁴

пелым. *Чáаны* ‘Кулак’ [Словцов 1905: 14], P *šaxχʰn*, TJ *t'šaxnè*·т_{PL}, TČ *t'šaxnè*·, KU *šá*·хэн, So *šaxni* ‘кулак’ [Kannisto 2013: 824]; N *šaxən* ~ *šaxni* ~ *šaxni* [*šaxni*], P *šaxnè* ~ *šaxèn*, K *šaxèn* ‘кулак’ [МК 1986: 583]; *Чóхрнь* ‘кулак’ [Черкалов 1783];

пелым. *Лусээрзулы* ‘животное’ [Словцов 1905: 11], *lusɛɣr* ‘животное’ [Kannisto 2013: 402] < тат. *сыер* ‘корова’ < ПТю **sig-* ‘корова’ [EDAL];

³ *р* в слове ‘кулак’ в словаре [Черкалов 1783], вероятно, является опечаткой автора.

⁴ В данном слове в словаре Каннисто зафиксирован единственный случай как выпадения *γ*, так и его сохранения. Это свидетельствует о том, что диалект, зафиксированный Словцовым, принципиально не отличается от того, который был записан финским ученым.

пельм. *Сээръ* ‘корова’ [Словцов 1905: 13], *сєур* ‘корова’ [Kannisto 2013: 709] < тат. *сыер* ‘корова’ < ПТю **sig-* ‘корова’ [EDAL];

пельм. *Во* ‘сила’ [Словцов 1905: 24], *βɔ`ɑyn* ‘сильный’ [Kannisto 2013: 139] < ПМанс. **wāy* ‘сила’ [Honti 1982: 672];

пельм. *Нёлы* ‘змея’ [Словцов 1905: 1], *ñōl̥y* ‘змея’ [Kannisto 2013: 530];

пельм. *Тэры* ‘журавль’ [Словцов 1905: 10], *t̥ɛr̥y* ‘журавль’ [Kannisto 2013: 925] < ПМанс. **t̥r̥əy* ‘журавль’ [Honti 1982: 649];

пельм. *Майныкаръ* ‘красивый’ [Словцов 1905: 14], *maɲnp* ‘красивый’ [Kannisto 2013: 456].

Развитие такого типа по Л. Хонти представлено только в восточных диалектах и в вагильском, лозьвинском западных диалектах. Данные К. Словцова свидетельствуют о том, что этот процесс шел и в отдельных говорах пельмского диалекта.

Стоит упомянуть, что *w-*, которое в ряде мансийских диалектов выпадает в анлауте перед гласными верхнего подъёма, сохраняется в словаре [Словцов 1905], как и в пельмских материалах А. Каннисто, единственным примером, когда в [Kannisto 2013] *w-* выпало, а у К. Словцова сохранилось, является слово:

пельм. *Вишкеркъ* ‘дитя’ [Словцов 1905: 9], *iś, iš* ‘маленький’ [Kannisto 2013: 118]; Р *iś*, К *viś*, Т *uś* (~ *uš*) ‘маленький’ [МК 1986: 745]; юконд. *wiś* ‘маленький’, пельм. *Вишкаръ* ‘Малой’ [Словцов 1905: 18] < ПМанс. [Honti 1982] **wiś* < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ [Honti 1982] < ПУ **wāñčV* ~ **wäčV* [UEW: 899].

Итак, можно говорить о почти полном совпадении данных по согласным графемам словарей [Словцов 1905] и [Kannisto 2013]. Единственными отличиями является сохранение в материалах К. Словцова противопоставления ПМанс. **č* vs. **ś*, которое было уже утрачено в А. Каннисто и Б. Мункачи. И, наоборот, утрата ПМанс. **ɣ*, что свойственно вагильским и лозьвинским западным и восточным мансийским диалектам. Очевидно, здесь материалы словаря К. Словцова дают возможность уточнить ареал этой изоглоссы в XIX веке.

Как будет показано ниже, в словаре [Словцов 1905] гласные графемы достаточно точно соответствуют ПМанс. гласным. Только в одном случае одна графема *э/е*, варианты которой распределенные в зависимости от мягкости предшествующего согласного, являются рефлексом сразу двух ПМанс. фонем **e* и **ẽ*, см. [Норманская, Кошелюк 2017].

Таблица 2. Сопоставление согласных графем в словарях Словцова и Каннисто

Пельм. [Словцов 1905]	Пельм. [Kannisto 2013]	ПМанс. [Норманская 2015]
<i>a</i>	<i>a</i>	* <i>a</i>
<i>oa, #o, o#</i>	<i>ɔɑ</i>	* <i>ɑ</i>
<i>u</i>	<i>i</i>	* <i>i</i>
<i>y, ю</i>	<i>u</i>	* <i>u</i>
<i>o, ё</i>	<i>ɔ, ɔ̃</i>	* <i>o</i>
<i>э, е</i>	<i>ě, e/ě</i>	* <i>e</i>
<i>э, е</i>	<i>ē, ē</i>	* <i>ẽ</i>

**пельм. *a, я*⁵
[Словцов 1905]**

**пельм. *a*
[Kannisto 2013]**

пельм. *Шанишь-панга* ‘колени’ [Словцов 1905: 15], *šanšpɛŋk* [Kannisto 2013: 762] < ПМанс. [Honti 1982] **šāñš* > обск. *sans* ‘колени’, юконд. *sans* ‘колени’, сосьв. *санспунк* ‘колени’

пельм. *Шаарпъ* ‘топор’ [Словцов 1905: 25], *šaɣrp* ‘топор’ [Kannisto 2013: 782] < ПМанс. [Honti 1982] **šāyər-* > обск. *sáyrar* ‘топор’, юконд. *sawr* ‘топор’, сосьв. *сагран* ‘топор’;

⁵ В ходе исследования также был обнаружен случай соответствия **я-а** в словарях [Словцов 1905] и [Kannisto 2013] пельм. *Ряквай* ‘дождь идет’ [Словцов 1905: 9], *rak-, raɣ-* ‘идти о дожде, падать о воде’ [Kannisto 2013: 682]. Примечательно, что в других мансийских диалектах словаря [Kannisto 2013] и в словаре [Черкалов 1878], ⟨**я**⟩ не встречается. Предполагаем, что это явление можно объяснить особенностями авторской записи, когда ⟨**я**⟩ отражает вариант записи гласного *ä*, либо авторской ошибкой, учитывая тот факт, что этот случай единичный.

пелым. *Пасса* ‘рукавица’ [Словцов 1905: 22], *passà* ‘рукавица’ [Каннисто: 646];
пелым. *Чахалъ* ‘туча’ [Словцов 1905: 25], *śax̣χ̣əl* ‘туча’ [Kannisto 2013: 822];

пелым. oa, #o, o#
[Словцов 1905]

пелым. əǎ
[Kannisto 2013]

пелым. *Омъ* ‘собака’ [Словцов 1905: 23], *əǎmp* ‘собака’ [Kannisto 2013: 61];
пелым. *Коатъ* ‘рука’ [Словцов 1905: 22], *kǎt* ‘рука’ [Kannisto 2013: 387];
пелым. *О* ‘дочь’ [Словцов 1905: 9], *ǎ* ‘дочь’ [Kannisto 2013: 2];
пелым. *Она* ‘чашка’ [Словцов 1905: 26], *ǎnā* ‘чашка’ [Kannisto 2013: 72—73];
пелым. *Во* ‘сила’ [Словцов 1905: 24], *βǎʔun* ‘сильный’ [Kannisto 2013: 139];

пелым. и
[Словцов 1905]

пелым. i
[Kannisto 2013]

пелым. *Тусъпитимъ* ‘губы’ [Словцов 1905: 7], *pitʔim* ‘губы’ [Kannisto 2013: 948];
пелым. *Ишимкаръ* ‘горячий’ [Словцов 1905: 7], *i, šm* ‘горячий’ [Kannisto 2013: 111];
пелым. *Кидэй* ‘два’ [Словцов 1905: 33], *kitɛy* ‘два’ [Kannisto 2013: 397];
пелым. *Вишкаръ* ‘малой’ [Словцов 1905: 18], *iš, iš* ‘малой’ [Kannisto 2013: 119];
пелым. *Кирхъ* ‘грех’ [Словцов 1905: 8], *kirχ* ‘грех’ [Kannisto 2013: 349];

пелым. у, ю
[Словцов 1905]

пелым. и
[Kannisto 2013]

пелым. *Тупъ* ‘весло’ [Словцов 1905: 5], *tup* ‘весло’ [Kannisto 2013: 921];
пелым. *Шунъ* ‘сани’ [Словцов 1905: 23], *Шунъ* ‘воз’ [Словцов 1905: 5], *šun* ‘сани’ [Kannisto 2013: 759];
пелым. *Суй* ‘бор’ [Словцов 1905: 3], *sui* ‘бор’ [Kannisto 2013: 717];
пелым. *Лу* ‘конь’ [Словцов 1905: 15], *liβ* ‘лошадь, конь’ [Kannisto 2013: 402];
пелым. *Нюль* ‘пихта’ [Словцов 1905: 22], *nił* ‘пихта’ [Kannisto 2013: 532];

пелым. o, ǎ
[Словцов 1905]

пелым. ə, ǎ
[Kannisto 2013]

пелым. *Котоль* ‘лебедь’ [Словцов 1905: 16], *kǎ, tǎ* ‘лебедь’ [Kannisto 2013: 394];
пелым. *Коутъ* ‘ель’ [Словцов 1905: 10], *kǎβt* ‘ель’ [Kannisto 2013: 264];
пелым. *Пэтэръ* ‘ведро’ [Словцов 1905: 5], *pǎtǎʔɛr* ‘ведро’ [Kannisto 2013: 671];
пелым. *Нёкгъ* ‘соболь’ [Словцов 1905: 23], *nǎχ, s* ‘соболь’ [Kannisto 2013: 527];
пелым. *Кóтоль* ‘солнце’ [Словцов 1905: 24], *kǎł* ‘солнце’ [Kannisto 2013: 392];

пелым. ə, e
[Словцов 1905]

пелым. ē, e/ē
[Kannisto 2013]

пелым. *Экумъ* ‘женщина’ [Словцов 1905: 10], *iēk* ‘женщина’ [Kannisto 2013: 198];
пелым. *Непхсуасъ* ‘бумага’ [Словцов 1905: 4], *ne, pχ* ‘бумага’ [Kannisto 2013: 509];
пелым. *Кэтъ* ‘шапка’ [Словцов 1905: 26], *ke, t, ken, t, tɾl* ‘шапка’ [Kannisto 2013: 323];
пелым. *Шэръ* ‘заря’ [Словцов 1905: 11], *šǎr* ‘заря’ [Kannisto 2013: 780];
пелым. *Къэръ* ‘железо’ [Словцов 1905: 11], *kǎ, ǎ, kǎ, ǎ* ‘железо’ [Kannisto 2013: 345];

пелым. ə, e
[Словцов 1905]

пелым. ē, ǎ
[Kannisto 2013]

пелым. *Кэнь* ‘лодка’ [Словцов 1905: 16], *kǎp* ‘лодка’ [Kannisto 2013: 33];
пелым. *Тэры* ‘журавль’ [Словцов 1905: 10], *tǎriy* ‘журавль’ [Kannisto 2013: 925];
пелым. *Лемъ* ‘черемуха’ [Словцов 1905: 26], *lǎm* ‘черемуха’ [Kannisto 2013: 446];
пелым. *Элимъ* ‘невод’ [Словцов 1905: 18], *ǎlǎm* ‘невод’ [Kannisto 2013: 49];
пелым. *Рэхъ* ‘дождь’ [Словцов 1905: 9], *rǎχ* ‘дождь’ [Kannisto 2013: 682];

Проведенный сравнительный анализ гласных и согласных графем в словарях [Словцов 1905; Kannisto 2013] показал, что в словаре [Словцов 1905] отмечен важный ПМанс. архаизм: сохранение различия **ć* vs. **ś*, которое ранее не отмечалось для западных диалектов. Выявлена и четкая инновация — выпадение ПМанс. **ɣ*, которое отмечалось лишь для вагильских и лозьвинских диалектов, но ранее не было выявлено в пельмских говорах. В системе гласных графем также выявлена инновация совпадение ПМанс. фонем **e* и **e̞*, которая также может быть связана и со стремлением К. Словцова к более фонологической записи.

Сокращения

К — кондинские диалекты мансийского языка
 КМ — среднекондинский диалект мансийского языка
 КО — верхнекондинский диалект мансийского языка
 КУ — нижнекондинский диалект мансийского языка
 ЛМ — среднелозьвинский диалект мансийского языка
 ЛО — верхнелозьвинский диалект мансийского языка
 ЛУ — нижнелозьвинский диалект мансийского языка
 N — северномансийский диалект мансийского языка
 P — пельмский диалект мансийского языка
 So — сосьвинский диалект мансийского языка
 Sy — сыгвинский диалект мансийского языка
 T — тавдинские диалекты мансийского языка
 TĀ — говор д. Чандыри (ныне Тавдинский район Свердловской области) тавдинского диалекта мансийского языка
 TJ — говор д. Янычкова (ныне Тавдинский район Свердловской области) тавдинского диалекта мансийского языка
 VN — северновагильский диалект мансийского языка
 VS — южновагильский диалект мансийского языка
 VNZ — говор д. Заозерная северновагильского диалекта мансийского языка
 VNK — говор д. Камы северновагильского диалекта мансийского языка
 башк. — башкирский язык
 водск. — водский язык
 пельм. — пельмский диалект мансийского языка
 ПМанс. — прамансийский язык
 ПС — прасамодийский язык
 ПТю — пратюркский язык
 ПУ — прауральский язык
 тат. — татарский язык
 тув. — тувинский язык
 тюрк. — тюркские языки
 хак. — хакасский язык

Литература

Норманская 2015 — Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования, 2015, 4 (19). С. 40—59. {*Normanskaya Yu. V. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system // Ural-Altai Studies, 2015. Vol. 4, 19. P. 40—59.*}

Норманская, Кошелюк 2017 — Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Архивный пельмско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования, 2017, 3(26). С. 151—161. {*Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi // Ural-Altai Studies, 2017. Vol. 3, 26. P. 151—161.*}

Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык (составлен священником Верхне-Пельмского (Спасского) прихода о. Констан. Словцовым). Тобольск, 1905. {An attempt for a Russian-Vogul

dictionary and translations to the Vogul language (compiled by the priest of the Upper Pelym (Spassky) parish, *father Kosntantin Slovtsov*). Tobolsk, 1905.}

Черкалов 1783 — *Черкалов С.* Словарь мансийского языка, составленный протоиереем Симеоном Черкаловым. Соликамск, 1783. {*Cherkalov S.* Dictionary of the Mansi language, compiled by archpriest Simeon Cherkalov. Solikamsk, 1783.}

DEWOs — *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1-13. Lieferung / Steinitz W., Sauer G.* u.a. Berlin, 1966-1991.

EDAL — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic languages, Brill, 2003.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Kannisto 2013 — *Kannisto A., Eiras V., Moisio A.* Wogulisches Wörterbuch. Helsinki, 2013.

МК 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986

Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются графико-фонетические особенности недавно обнаруженного памятника мансийского языка начала XX века пельымско-русского словаря, составленного русским священником о. Константином Словоцовым в сопоставлении с мансийским словарем А. Каннисто. На основе анализа этих особенностей были установлены архаичные и инновационные черты говора пельымского диалекта, зафиксированного в 1905 году в селе Верхний Пелым Ивдельского городского округа Свердловской области.

SUMMARY

The article considers the graphical and phonetic features of one of the Mansi written monuments of the 20th century and compares them to the dictionary of Artturi Kannisto. After taking into account these features archaic and innovative features of the Pelym dialect recorded in 1905 in the village of Upper Pelym of the Ivdel district of Sverdlovsk region were established.

Ключевые слова: мансийский язык, памятники письменности, графико-фонетические особенности, верификация

Keywords: the Mansi language, monuments of writing, graphical features, phonetic features, verification

Кошелюк Наталья Андреевна, Томский Государственный университет (Томск); Институт языкознания РАН (Москва); NKoshelyuk@yandex.ru

Natalia A. Kosheliuk, Tomsk State University (Tomsk); Institute of Linguistic RAS (Moscow); NKoshelyuk@yandex.ru

General characteristics of the Grammar book by Hieronymus Megiser¹

Data on instability in the standard of a literary language is of great interest in linguistics. The process of normalization is most notably reflected in grammatical descriptions of the corresponding literary language. The Grammar book by Hieronymus Megiser called *Institutiones linguae Turcicae libri quatuor* ('Basic rules of the Turkic language in four books') is the first European printed grammar of a Turkic language, published in Leipzig in 1612 [Megiser 1612: 340]. Four centuries ago, this book served as an impulse for studying Turkic languages in Western Europe. In Russian sources there is only fragmentary information about the personality and activities of Megiser [Алексеев 1968: 45—56; Кононов 1976: 11—15]. Megiser was a prominent scholar of his time: "a scholar with a thorough and versatile knowledge and rich traveler experience," as his biographer Th. Elze recalls about him [Elze 1885: 183—185]. Megiser was born in 1554 in Stuttgart. In 1571—1577 he studied in Tübingen, in 1582 he studied law in Padua. He traveled a lot, visited Italy, Malta, England, Holland. He also studied history, was engaged in cartography, astronomy. Since 1590, he held the post of a historian of the Archduke Charles in Graz. In 1593—1601 he worked as the director of the Protestant school in Klagenfurt. After returning to Frankfurt, Megiser worked as a professor at the University of Leipzig. In 1612 he was offered the post of the director of the city library in Linz. Hieronymus Megiser died in 1619 in the city of Linz in Austria [Кононов 1976: 11—15; Нуриева 2013б: 91—96]. Our observations on the personality of Megiser are supplemented by German, Polish and English sources characterizing him as a polyglot and linguist with a broad area of interest. Whereas Brockhaus and Efron called him a Slovenian and Illyrian writer, in German sources he is presented as a famous German scholar [ЭС 1902: 855; Neue deutsche Biographie 1990: 619].

As can be seen from the historiographical material, Megiser considered himself a publisher of historical, geographical, philosophical and poetic works: we owe to him the first German edition of Marco Polo travels, compilations from travelers' stories about Siberia, the first pocket guides [Нуриева 2013а: 92—97]. He left over 36 works, in most cases published several times, that are now among the rarities in our libraries.

The glory of an authoritative historian and philologist was assigned to him after the Multilingual Comparative Dictionary first published in 1592 (2nd edition in 1603). Megiser himself wrote in the Grammar book: "I do the same thing that I have already carried out in relation to the Slovenian language" [Megiser 1612: 14]. Most likely he meant his work called *Dictionarium quattuor linguarum* ('Dictionary of German, Latin, Illyrian and Italian languages'). This work was so important for the development of Slavic studies, that, as mentioned above, Megiser was positioned in encyclopedic works as a Slovenian and Illyrian writer [ЭС 1902: 619]. It should be emphasized that the material on Slavic languages given in his *Dictionarium* is still valuable, since the Illyrian language has since then disappeared. The Turkic grammar, however, is mentioned only in passing, because it did not attract the attention of the researchers. However, this work of Megiser is equally important, as he was able to fix the Turkic material of that time, which is topical to modern researchers.

The grammar book by Megiser called *Institutiones linguae Turcicae libri quator* was first mentioned in the article of the Turkish scholar A. Dilacar, which provides a general description of this work. The author cites the parallel with the dictionary by Mahmud Kashgari, *Divanu Lugat at-turk* [Dilacar 1970: 199—209]. A. Karimullin, a Tatar researcher of the history of Tatar printed books, relates it to the first printed book using the Arabic font for the Kypchak text [Каримуллин 1971: 44—45]. It was demonstrated by Kononov that the language described by Megiser is Ottoman². According to Kononov, one of the sources of the grammar book by

¹ The article was supported by the RFBR grant No. 18-012-00402 «Grammar book "Institutiones linguae Turcicae libri quatuor" (1612) by Hieronymus Megiser: historical and linguistic research. Materials on the history of Turkic dialects were collected with the support of RSF foundation, 18-18-00501 "Digital Dialectologic Atlas of Turkic languages in Russia".

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 18-012-00402 «Грамматика Иеронима Мегизера "Institutiones linguae Turcicae libri quatuor" (1612): историко-лингвистическое исследование». Материалы по исторической диалектологии тюркских языков собраны при поддержке гранта РНФ 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России»

² Cf. by [Adamović 1985: 18—19]: "Hieronymus Megiser (1553—1618) war ein Polyglott und Polyhistor aus Deutschland, der uns unter anderem einige turkologische Werke bzw. Materialien hinterliess: vier christliche Gebete, 220 Sprichwörter, eine Grammatik und ein Glossar. Alle diese Werke sind zwischen den Jahren 1603 und 1612 in lateinischen Buchstaben gedruckt worden, während ihr Türkisch tatsächlich noch ins 16. Jahrhundert gehört und teils die türkische Schriftsprache, teils die türkische Umgangssprache repräsentiert. Ausserdem ist sehr bemerkenswert, dass Megisers Turci-

H. Megiser were the Turkish texts recorded by a Croatian warrior of the Hungarian army named Bartholomew Georgievich, who was captured by the Turks during the invasion of the Sultan Suleiman Kanuni's troops in Hungary, in the Battle of Mohács (August 29) [Кононов 1976: 12—16]³. The second source is the *Vocabulario nuovo* ("New Vocabulary"), an anonymous Turkish-Italian vocabulary edited in Venice in 1574⁴.

Proverbs attested in the textbook part were studied by the German scholar H. Stein [Stein 1984: 55—104] and the Tatar folklorist Kh. Makhmudov [Махмудов 2002: 176—177]. According to Makhmudov, part of the proverbs given in the third chapter of the grammar book belongs to a language of Oguz type. He admits that they were recorded from Oguz Turkic speakers or taken from their written monuments [Махмудов 2002: 176—177]. Stein compares the proverbs from the grammar book of Megiser with the modern Turkish proverbs and emphasizes their similarity [Stein 1984: 55—104].

A historiographical review of the materials suggests that so far there have not been any systematic studies of the grammar book by Megiser.

Description of the *Institutional linguae Turcicae* is based on the principles of the Latin grammar. Megiser himself treats any foreign language with great respect, as can be proven by his works on linguistics. He writes about this in the opening message of the grammar:

"After all, as it is useful and honorable, sublime and praiseworthy, as for all aspects of human life it is useful, finally, in peacetime and during war, at home and in a military campaign — everywhere it is necessary as knowledge of other foreign languages, so, especially in our age, knowledge and understanding of Turkic speech" [Megiser 1612: 15—16].

He must have meant a complex political situation, connected with the expansion of the territory of the Ottoman Empire.

The evolving technique of typography created conditions for replicating linguistic ideas, and this was reflected in the introductory remarks of the author of the book, as well as in an address to the reader by Doctor of Philosophy and Medicine Peter Kirstenia [Megiser 1612: 10—26]. The author notes that the Turkic grammar is a new subject for him and is characterized by "unusualness of subject matter", but, as he points out, he is the first in the world "to enter the field of studying this barbarian Turkic language, which is, together with its words and expressions, limited and described by clear rules, in a typographical way, that is, I do the same thing that I have already carried out in relation to the Slovenian language. Great benefit from the knowledge of this Turkic language" [Megiser 1612: 12—16].

The introductory part, according to the laws of the official style, is quite extensive, being of interest not only for linguists but also for scholars studying the history of Europe in the 15th—17th centuries, as it contains precise dating of some historical events.

The linguistic community in the 16th—17th centuries was primarily interested in understanding the diversity of linguistic systems and using this knowledge in teaching practice, which is why preference was given to applied aspects, including the compilation of dictionaries. Questions were raised on the definition of the "sound-letter" relationship for the typographical reproduction of various scripts, as well as the development of rules for orthoepy, and the description of the grammatical structure of different languages based on the concepts of language structure that existed at the time. [Megiser 1612: 5—9]. As we can see, Megiser's grammar also pays much attention to the Turkic script based on the Arabic script. This section demonstrates the wide possibilities of typographic techniques in the use of different alphabets.

In his grammar book, Megiser covered almost all language levels, beginning with phonetics and ending with vocabulary, included in the attached texts and dictionaries — the Latin-Turkish (2460 lexemes) and the Turkish-Latin (2440 lexemes) dictionaries. All spheres of the language use were included, since the book was designed to teach the language and to be used for the practical aim (communication, trade, missionary, etc.).

ca verschiedene Transkriptions- und Sprachzüge aufweisen, so dass sie höchstwahrscheinlich aus verschiedenen Quellen zusammengetragen wurden sind. Bislang konnte man allerdings nur zwei Quellenbezüge Megisers, nämlich Georgievits und *Vocabulario*, identifizieren."

³ [Adamović 1985: 15]: "Nach seiner Rückkehr aus türkischer Gefangenschaft (1526-ca. 1536) verfasste der Südslawe (wohl Kroat) Bartholomaeus Georgievits mehrere Schriften über türkische Angelegenheiten, denen er eine Wörterliste, einen Dialog, vier Gebete und ein Gedicht, alles in türkischer Sprache aber in Lateinschrift einfügte. Sein Türkisch ist für die Zeit gut festgehalten und ist auch zuverlässig überliefert. Der Aufzeichnungsort steht nicht fest, doch weisen die Sprachzüge des Türkischen eher auf Konstantinopel als auf Georgievits' Heimat hin."

⁴ [Adamović 1985: 26]: "Unter dem Titel *Vocabulario nuovo* wurde 1574 in Venedig ein Sprachführer verlegt, der sich als Neuauflage einer mittlerweile verlorengegangenen Vorlage von 1567 herausgestellt hat. In dem anonymen Werk ist ausser Griechisch und Deutsch auch Türkisch mit einer Wörterliste und etwa 80 Sätzen in lateinischer Transkription vertreten. Der türkische Sprachstoff trägt volkstümliche Prägung und steht dem Konstantinopler Idiom noch am nächsten."

The first section of *De Orthographia Turc-Arabica* [Megiser 1612: 27—77] is dedicated to graphics and phonetics, and a general description of the Arabic-Turkic alphabet is provided in it. Sources written in non-Arabic scripts are important for studying the early stages of Turkish, including the Grammar of Megiser. Differently from proper Ottoman texts written in the traditional orthography, these sources contain some wordforms demonstrating a real, possibly dialectal, pronunciation (see, e. g., [Грунина 1991: 27]). Megiser provides an alphabet consisting of 31 letters with their names, variants indicated in accordance with the position in the word, the sound meaning of the letters explained through Latin graphics, samples of the Arabic font. The author discusses the adaptation of the Arabic alphabet to Turkic phonetics, gives separately those letters that are not in the Arabic alphabet and applies additional signs, for example, پ [p], چ [č], ك [k]. Megiser also had to solve the problem of the transmission of hissing sounds that were absent in Latin. For this purpose, alphabetic combinations were used, for example, [ž] — *dfch*, [h] — *tfch*. In some cases, there is variation in writing words, for example, *seumek*, *seufmek*, *sevmek* ‘love’; *tschachsir*, *tschakšchir* ‘boots’, *baschka*, *baschkaia* ‘another’, *abret*, *afaret*, *avurat* ‘woman’, etc. This language phenomenon can be interpreted as a variant of the graphic representation in Latin, such as *eu-ev*, *au-av*, adaptation of Latin graphics to designate sound characteristics of the Turkic language. It can also reflect differences in pronunciation among consultants speaking different dialects. Megiser emphasizes the importance of practice for mastering the correct pronunciation of Turkic speech. To help understand the features of Arabic graphics, samples of the pronunciation of syllables are given, numerous exercises on coherent speech (based on samples from Koran), proverbs and sayings in the Arabic script, their transcription and translation into Latin are supplemented, too.

The grammar book of Megiser is also the first work where a comparison of two grammatical systems — the Turkic and the Latin ones — was carried out, although in a fragmented way. In the section called *Isagoges Grammaticae Turcicae* [Megiser 1612: 78—182], parts of speech and their grammatical categories are examined. Although the semantics of parts of speech, grammatical categories, for example, cases and temporal forms is given through the prism of Latin correspondences, Megiser accurately grasps their functions in Turkic speech. For example: “In the nominal parts of the speech, the Turks do not notice any difference in relation to the male, female or middle gender” [Megiser 1612: 78]. The author managed to notice the rules of vowel harmony in Turkic paradigms. Megiser correctly interpreted the category of possessiveness typical of the Turkic languages, singling out, however, a special category — the group of possessive pronouns [Megiser 1612: 99—106]. Since the terminology for the Turkic languages had not been formed, Megiser used the terms “particle” or “word” to denote affixes.

The author proposes a very detailed description of verb system, being the most difficult issue in Turkic morphology [Megiser 1612: 106—159]⁵. He distinguishes categories of number, person, mood, tense, voice, negative and affirmative forms. The description of Turkic verbs in indicative and imperative mood presented in Latin caused no difficulties for Megiser, but the opposite thing happened to the subjunctive mood. Apparently, under the subjunctive the author means the Latin subjunctive mood and analyzes the conjugation in four tenses, although in the Turkish language there is no such conjugation. The author singles out constructions with light verbs: “However, there are two verbs *idmek* ‘do’ and *olmak* ‘become’, which often join with nouns and result in [new] verbs” [Megiser 1612: 108]. In each section the author touches upon word formation, which is not always elaborated on in later grammar books. Lists of numerals, adjectives, adverbs with their detailed division into groups are given, sometimes these parts of speech are too broadly interpreted. Postpositions⁶, conjunctions and interjections are discussed with the use of illustrative material. Naturally, the author has some points where we can disagree with him. However, one must take into account that this is one of the first works on the Turkic languages, and despite the stereotypes that dominate the linguists of that period, Megiser succeeded in revealing the foundations of a Turkic language and its specifics, which indicates his high linguistic competence.

The language illustrations collected by the author in the third section are of undoubted value [Megiser 1612: 183—226]. This section contains the main rules of the Christian and Muslim religions, two hundred and twenty proverbs and sayings that are partly of Turkic origin, and partly translated or interpreted by the author himself. Being a polyglot, H. Megiser wanted to convey the similarity of thoughts as accurately as possible and therefore also analyzed proverbs from different languages, close in the meaning: Turkic, Arabian, Persian; Latin, German, Italian. In those cases when he could not find the equivalent of the Turkic proverbs, Megiser made a literal translation into Latin or German. Sometimes he supplemented this translation with an explanation of what this proverb means (for example, numbers 5, 37, 190, etc.).

The proverbs are given in the columns. All of them are numbered. 200 proverbs are given as basic ones and 20 are on the supplementary list. Firstly, the proverb is indicated in the Turkish language, and then the transla-

⁵ The verbal materials of Megiser are used as an illustraton of the state of Turkish Rumelian verbal system in the third quarter of 16th century in Adamović 1985.

⁶ Megiser calls them “praepositiones” according to Latin tradition.

tion is given. A detailed analysis of the translation of the Turkic proverbs made it possible to divide the material into four groups. In the article, we limited ourselves to pointing out some of them.

The first group includes 67 proverbs that are translated only into Latin. Among them there are numbers 1, 5, 10, 12, 23-27, 34—37 and others.

Yazilon gelur bazina. ‘The prescribed will appear on the head’

L a t i n: Scriptura veniet capiti [Megiser 1612: 192].

Cf. Modern Turkish *baş a yazılan gelir*.

Herne eilersen akhilane eile, nasare eile songini. ‘Whatever you do, do it wisely and thinking about the end’

L a t i n: Quicquid agis, prudenter, agas & respice finem [Megiser 1612: 193].

Mainon tusaga tuttulmas. ‘Monkeys are not caught with the net’

L a t i n: Simia non capitur laqueo [Megiser 1612: 195].

The second group includes 68 proverbs that are translated into Latin, as well as into Italian or German. Among them there are numbers 2, 17, 21, 45, 50, 91, 96, 104, 105, 117 and others.

Adamden adama arki bar. ‘One person is better from the other one’

L a t i n: Homo homini praestat. ‘There is difference between people’

I t a l i a n: Egli è differenza tra gli huomini [Megiser 1612: 194].

Anglaisch jaschamadin gelmes. ‘Getting older we become wiser’

L a t i n: Aetate prudentiores reddimur. Plaut. Sapientiae aetas condimentum est. ‘Each age has got its specific features’

G e r m a n: Wir tompft nicht vor jahren [Megiser 1612: 199]

Biberi çok ollan lahanada ustine cor. ‘Who has a lot of pepper, he even peppers vegetables’

L a t i n: Cui multum est piperis etiam oleribus immiscet ‘Where there is a lot of pepper, it is put even in cabbage’.

I t a l i a n: Chi ha assai pepe lo mette anche sopra I cavoli [Megiser 1612: 206].

The third group includes 18 proverbs translated into three or four languages. Among them there are numbers 58, 68, 103, 169, 173, etc.

Ayepsus yar isteyen yarsus kalur. ‘A person who wants a friend without a single defect will remain alone’

I t a l i a n: Chi non vol haver compagno, fe non fenza macchia, stara folo. ‘Because no one lives without sin’

L a t i n: Nam nemo sine crimine vivit. ‘There is no man without sin’

G e r m a n: Es ist fein Mensch er hat seinen gebrechen. [Megiser 1612: 201].

Cf. Modern Turkish: *ayıpsız yâr arayan (dost isteyen), yârsız (dostsuz) kalır*.

Semeni uimak gereckh. ‘You need to serve time’

L a t i n: Serviendum est tempori. ‘You need to adopt to time’

I t a l i a n: Bifogna accomodarfî à tempi. ‘One needs to consider circumstances’

G e r m a n: Man mus der zeit ihr recht thun. [Megiser 1612: 202].

Cf. Modern Turkish: *zaman sana uymazsa sen zamana uy*.

Dellie her giun Bairam. ‘Every day is a holiday for the fool’

L a t i n: Ignavis femper feriae. ‘Lazy people always have days off’

I t a l i a n: Ill matto fa fempre festa. [Megiser 1612: 217].

Cf. Modern Turkish: *deliye göre her gün bayram*.

The fourth group includes the translation of Turkic material into various languages including German, Spanish, French, Greek, Italian Arabic, Persian. Among them there are numbers 71, 72, 85, 113, 121 and others [Megiser 1612: 203].

Ajak ajaktscikharlar merdubane. ‘It is too slow but nevertheless you go up’

G e r m a n: Allgemach geht man die stiegen auff. ‘A person who goes slowly comes unharmed’

I t a l i a n: Chi va pian, va fan. [Megiser 1612: 203].

Cf. Modern Turkish: *merdiven ayak ayak çıkılır*.

Bu dunia bir musafir hane ‘The world is the house of languages’

G e r m a n: Die Welt ist ein Sprachhaus. [Megiser 1612: 203].

Adem on docusi don. ‘The man consists of 19 outfits’

Italian: L’Huomo dieci & nove il vestimento. Il vestito fa l’Huomo. ‘Outfits makes the person’

German: Die sleider machen den Mann. [Megiser 1612: 209].

Cf. Modern Turkish: *güzellik ondur, dokuzu dondur.*

From this material it is evident that the translation of proverbs from different languages tends to be close to each other. Indeed, the world is a single house for all languages and peoples, as stated by Megiser himself in the proverb.

The last (fourth) section of the *Dictionarium latino-Turcicum et Turcico-latinum* [Megiser 1612: 228—338] consists of two dictionaries: Latin-Turkish (2460 words) and Turkish-Latin (2440 words). The dictionary entries belong to different domains, covering virtually all areas of life.

Nouns denote the names of the most common concepts, phenomena, objects. The dictionary has a large number of proper names. Among them there are personal names, almost all of them are male ones. There are names associated mainly with Biblical texts or political and historical events (Abraham-Abram-Ibrahim, Alexander-Iskander, Maria, etc.). A special group is made up of geographical names. Toponymy is represented in all its diversity. The names of settlements, water features, terrain features, political and administrative units are related to the time of writing the book or to the recent past, as well as to historical events.

In the dictionary there is purely scientific material dealing with medical terms, as well as the names of objects of flora and fauna. The military vocabulary is widely represented in the dictionary, such as the names of military units and arrangement of a military camp, types of armor, words describing horse harness, kitchen accessories.

Vocabulary related to trade, administrative activities is also of the great interest. Names of provisions, dishes, drinks, including national Turkish dishes (for example, *pilaf, katyk, sherbet*) are given.

Help in the publication of the book, especially the material with the use of Arabic fonts, was rendered to Megiser by Doctor of Philosophy and Medicine, orientalist, publisher Peter Kirsteny (1577—1640). A man of broad outlook, the author of an Arabic grammar, a well-known practitioner (in the last years of his life he served as a personal physician of the Swedish Queen Christina), he showed a keen interest in the book (as he writes in his introductory part in the second part of the grammar). That is the reason for the emergence of many words related to medical terminology (more than a hundred lexemes), details related to bodypart terms, the names of certain actions and processes of a purely physiological property, the names of diseases, medicinal plants and medicinal products. Very accurate names of animals and plants were taken by the author of the grammar book from the books of the famous Conrad Gesner [Алексеев 1968: 54].

The dictionary is in no way limited to illustrating the material of the theoretical part; the breadth of the lexical material included into the dictionary, some methodological notes in the grammatical part, the very nature of how the material is laid out, a rather free manner of presentation, rich synonymy allow us to say that Megiser’s grammar of the Ottoman Turkish language, with all its accuracy and grammatical clarity can be considered as a self-tutorial. It involves not only the lexicon of the written language, but also a large number of words, everyday expressions, interjective exclamations representing colloquial speech.

The dictionary of the grammar book, as well as proverbs, was a valuable material for students of the Turkish language and had wide prospects of use. It is useful for both linguists and people who want to learn the Turkish language independently, and for those who are engaged in poetry, missionary activity, teaching foreign languages.

Thus, the *Institutional linguae Turcicae libri quatuor*, described by Hieronymus Megiser, gives a fairly complete picture of the Turkic speech that was common in Asia and the Balkans at the turn of the 16th and 17th centuries. Possibly, the author reflected a certain stage in the establishment of the language standard. The work is also valuable for the study of European grammatical tradition, as an example of using the concepts and methodology of the Classical grammar to describe a language of different type.

References

Алексеев 1968 — Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968. {*Alekseev M. P.* Foreign language dictionaries in the 17th-century Russian abecedar. L., 1968.}

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка (Морфология). М., 1991. {*Grunina E. A.* Historical grammar of the Turkish language (Morphology). M., 1991.}

Каримуллин 1971 — Каримуллин А. Путешествие в мир книги. Из страниц татарского книгопечатания. Казань, 1971. {*Karimullin A.* Travel to the world of book. From the pages of Tatar book-printing. Kazan, 1971.}

Кононов 1976 — *Кононов А. Н.* Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976. {*Kononov A. N.* Survey of the history of Turkish language studies. L., 1976.}

Махмудов 2002 — *Махмудов Х.* Слово, сказанное предками (Афоризмы в тюркско-татарских памятниках VIII—XVII вв.). Казань, 2002. {*Makhmudov Kh.* Word said by the ancestors (Aphorisms in Turkic-Tatar monuments from 8th—17th cent.). Kazan, 2002.}

Нуриева 2013а — *Нуриева Ф. Ш., Петрова М. М., Сунгатуллина М. М.* Общая характеристика межъязыкового текста в работах Иеронима Мегизера // *Филология и культура*. 2013, 1. С. 91—96. {*Nurieva F. Sh., Petrova M. M., Sungatullina M. M.* General description of the interlingual text in the works by Hieronymus Megiser // *Philology and culture*. Vol 1. 2013. P. 91—96.}

Нуриева 2013б — *Нуриева Ф. Ш., Петрова М. М., Сунгатуллина М. М.* Особенности перевода тюрко-латинской грамматики Иеронима Мегизера “*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*” (1612 г.) // *Российская тюркология*. 2013, 2(7). С.92—97. {*Nurieva F. Sh., Petrova M. M., Sungatullina M. M.* Features of the translation of Turkic-Latin grammar by Hieronymus Megiser, “*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*” (1612) // *Russian Turkology*. Vol. 2, 7. 2013. P. 92—97.}

ЭС 1902 — *Энциклопедический словарь 1902*. Том 36 / Отв. ред. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Лейпциг, 1902. {*Encyclopedic dictionary 1902*. Vol. 36 / Ed. *Brokgauz F. A., Efron I. A.* Leipzig, 1902.}

Adamović 1985 — *Adamović M.* Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden, 1985.

Dilacar 1970 — *Dilacar A.* Features of the first Turkish Grammar book published in Europe in 1612 // *Turkish Language Research Yearbook*. 1970. P. 197—210.

Elze 1885 — *Elze Th. H.* Megiser // *Allg. Deutsche Biographie*. 1885. Bd. 21. P.183—185.

Megiser 1612 — *Megiser H.* Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig, 1612.

Stein 1984 — *Stein H.* Eine türkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum*. Hung. Bd. 38 (1—2). 1984. P. 55—104.

SUMMARY

The article is devoted to the description of the Turkic-Latin grammar published in 1612 in Leipzig by the renowned scholar Hieronymus Megiser. The authors briefly describe the circumstances of the grammar creation before examining the history of its studies and the features of Turkic phonetics and grammar. Particular attention is paid to the analysis of the inter-language material contained in the textbook part of the grammar.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена описанию тюрко-латинской грамматики, изданной в 1612 году в Лейпциге известным ученым Иеронимом Мегизером. В статье рассматривается краткая история создания грамматики, история ее изучения, особенности фонетического и грамматического оформления тюркоязычного материала. Особое внимание уделяется анализу межъязыкового материала, представленного в хрестоматийной части.

Ключевые слова: Средневековье, Мегизер, грамматика, тюркский, латинский, фонетика, грамматика, лексика, пословицы

Key words: Middle Ages, Megiser, grammar, Turkic, Latin, phonetics, grammar, vocabulary, proverbs

Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский федеральный университет (Казань); Институт языкознания РАН (Москва); fanuzanurieva@yandex.ru

Fanuzha Sh. Nurieva, Kazan Federal University (Kazan); Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); fanuzanurieva@yandex.ru

Петрова Маргарита Михайловна, Казанская православная духовная семинария (Казань); benelat926@gmail.com

Margarita M. Petrova, Kazan Orthodox Theological Seminary (Kazan); benelat926@gmail.com

Сунгатуллина Миляуша Масхутовна, Школа №30 (Казань); milaushateacher@gmail.com

Milyausha M. Sungatullina, School 30 (Kazan); milaushateacher@gmail.com

Контекстное деепричастие в диалектах энецкого языка¹

1. Введение

В настоящей статье рассматривается употребление формы деепричастия на *-f* в лесном (Л) и на *-s(e)/-e* тундровом (Т) диалектах энецкого языка. Данная форма сочетает употребления, характерные для инфинитива (односубъектные сентенциальные актанты и целевые конструкции) и для т. н. «контекстных деепричастий» (термин из [Недялков 1990; Nedjalkov 1995]). Инфинитивные употребления представлены в односубъектных конструкциях с сентенциальными актантами и односубъектных конструкциях со значением цели при глаголах движения. Контекстные деепричастия употребляются для выражения сентенциального обстоятельства, не специфицируя конкретное обстоятельственное значение (времени, образа действия, причины и т. п.), а маркируя обстоятельственное значение в целом. Необходимо оговорить, что в типологической перспективе употребление термина «инфинитив» затруднено, поскольку, как было показано, в частности, в [Ильевская, Калинина 2002], указанные инфинитивные функции часто бывают совмещены с другими или, наоборот, распределены по разным формам. Энецкий материал дает яркую иллюстрацию совмещения функций инфинитива с другими. Для рассматриваемой нами формы мы выбираем термин «деепричастие» как более нейтральный — указывающий на подчиненный статус нефинитивной формы в полипредикативной конструкции, в первую очередь с обстоятельственными значениями. В то же время надо сказать, что форма на Л *-f*, в частности, используется как словарная форма в опубликованных словарях на материале лесного диалекта [Сорокина, Болина 2001; 2009] вслед за ненецкой лексикографической практикой, как в [Терещенко 1965] и прочих ненецких словарях, где используется когнатная форма на *-сь*; ср. также [Костеркина и др. 2001], где использована форма на *-са* для нганасанского. Колебания в идентификации формы на Л *-f* как деепричастия или инфинитива представлены и в имеющейся литературе: в [Терещенко 1966] она характеризуется как «неопределенная форма деепричастия», в [Сорокина 2010] — как «инфинитив», а в [Siegl 2013] — как “infinitival converb”.

Употребление контекстного деепричастия в энецких диалектах не становилось ранее предметом самостоятельного исследования, и в грамматиках лесного диалекта [Сорокина 2010: 345—346; Siegl 2013: 325—326] дается только общая краткая информация, ср.: «Функция инфинитивного деепричастия с синтаксической точки зрения прозрачна. Если в клаузе уже содержится финитный глагол, прочие глаголы, зависимые от финитного глагола, представлены в форме деепричастия на *-š*»² [Siegl 2013: 325].

Основным материалом исследования стал корпус глоссированных текстов, подготовленный автором и О. В. Ханиной и включающий транскрипции около 25 часов речи (около 30000 клауз) на лесном диалекте энецкого языка и около 7 часов (около 10000 клауз) речи на тундровом диалекте; корпус включает, во-первых, современные тексты, записанные в 2005—2010 гг., а во-вторых, транскрипции архивных аудиозаписей 1969—2003 гг.³ В то же время для тундрового диалекта был использован и материал других текстов — [Урманчиева рук. Лабанаускас 2002; Сорокина, Болина 2005].

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 16-18-02081.

Статья основана на докладе автора на 6-й Международной конференции по самодистике (Москва, 8—10 сентября 2016 г.); автор выражает благодарность аудитории конференции и в особенности В. Ю. Гусеву за замечания к докладу. Изучение энецкого языка многие годы ведется автором совместно с О. В. Ханиной, с которой были приняты многие решения при анализе энецкой грамматической системы и которая сделала замечания и к начальной версии данной статьи. Статья была существенно улучшена благодаря замечаниям анонимных рецензентов.

² “The function of the infinitival converb is syntactically straightforward. If a clause already contains a finite verb, other verbs that depend on the finite verb must be realized as *-š* converbs”.

³ В основном в корпус вошли данные, полученные и обработанные в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» (Б. Комри, О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский) при поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP), 2008—2011 гг.

Автор выражает благодарность всем носителям энецкого языка, с которыми ему посчастливилось работать; Н. М. Стойновой, С. А. Трубецкому и в особенности М. А. Овсянниковой, участвовавшим в сборе и расшифровке энецких текстов; Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчиевой, любезно предоставившим архивные аудиозаписи,

Задача настоящей статьи состоит в сопоставительном описании функционирования контекстного деепричастия в энецких диалектах. В разделе 2 представлены морфологические сведения об энецком деепричастии — тривиальные в случае лесного диалекта и нетривиальные в случае тундрового. Раздел 3 содержит обзор возможных употреблений деепричастной формы. В разделе 4 дан обзор форм, конкурирующих с энецким контекстных деепричастием.

2. Морфологические особенности энецкого контекстного деепричастия

В лесном диалекте энецкого языка контекстное деепричастие образуется при помощи показателя *-f*, вступающего в стандартные чередования с основой глагола. Нечередующиеся основы присоединяют собственно основной алломорф *-f*, со звонкочередующимися основами используется алломорф *-dⁱ*, а с глухочередующимися используется алломорф *-t^f*⁴. В Таблице 1 представлены примеры основ разных типов с формами контекстного деепричастия.

Таблица 1. Образование формы контекстного деепричастия в лесном диалекте

основа коннегатива	значение	деепричастие
<i>i-</i>	отрицательный глагол	<i>i-f</i>
<i>tʃu-</i>	‘войти’	<i>tʃu-f</i>
<i>pənʲir-</i>	‘использовать’	<i>pənʲi-dⁱ</i>
<i>pu-</i>	‘положить’	<i>pu-dⁱ</i>
<i>ɔziu-</i>	‘появиться’	<i>ɔzi-dⁱ</i>
<i>kinus-</i>	‘петь’	<i>kinu-t^f</i>

В тундровом диалекте образование контекстного деепричастия нетривиально.

Согласно работе Е. А. Хелимского [Helimski 1995; Хелимский 2000], в его полевых материалах представлено свободное варьирование между алломорфами *-se* и *-e*, вызванное так называемой консонантной градацией в истории уральских языков, ср. Т *kaza-e* ~ *kaza-se* ‘убить’, *ire-e* ~ *ire-se* ‘жить’ [Хелимский 2000: 186]; исключение составляет только отрицательный глагол, имеющий форму деепричастия *i-se*. Данные [Castrén 1854] также показывают эту вариативность (в записи М. А. Кастрена алломорфы имеют вид *-e* и *-si*), но только с основами на гласную, тогда как чередующиеся основы принимают в качестве единственно возможных ожидаемые алломорфы *-dⁱ* и *-t^f*(*-t^fi*), ср. Т *mota-si* ~ *mota-e* ‘отрезать’, но *fu-dⁱ* ‘положить’ [Castrén 1854: 505, 509]; по всей видимости, судя по приводимым примерам, Е. А. Хелимский также подразумевает вариативность именно с глаголами с основой на гласную.

В то же время примеры, представленные в естественных текстах на тундровом диалекте [Урманчиева рук.; Лабанаускас 2002; Сорокина, Болина 2005], записанных в то же время, что и собирались данные Е. А. Хелимского, в том числе им самим, дают иную картину. Алломорф на гласную *-e* и алломорфы на согласную *-se*, *-d^e*, *-t^el/-t^e* дополнительно распределены. Первый употребляется с основами на гласную, как в примере (1) с глаголами *adu-* ‘сидеть’ и *tekara-* ‘спрятаться’, а вторые — с чередующимися основами, как в примерах (2)—(3) с глаголами *mis-* ‘дать’ и *ɔr-* ‘есть’; единственным глаголом, с которым засвидетельствован собственно алломорф *-se*, является отрицательный глагол *i-*, как в примере (4).

(1) *Adu e opt' i, tekara e opt' i*⁵.

Т *adu-e* *optʃi*, *tekara-e* *optʃi*
сидеть-CVB быть_плохим.3SG.S спрятаться-CVB быть_плохим.3SG.S
‘Сидеть нельзя, прятаться нельзя’. [Урманчиева рук.]

сделанные в разные годы Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским.

Корпус продолжает обновляться, и потому самая актуальная его версия может быть получена у автора. Предшествующие версии общедоступны в сети Интернет — в электронном Архиве угрожаемых языков при Лондонском университете <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302> или, в веб-интерфейсе, на странице <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets>.

⁴ Нечередующиеся основы (I склонение/класс в описаниях [Прокофьев 1937; Терещенко 1966]) не вызывают чередований согласных; звонко- и глухочередующиеся основы (1-й и 2-й подклассы II склонения/класса в тех же описаниях) вызывают чередования согласных, присоединяя соответственно алломорфы показателей, начинающиеся на звонкий и глухой согласный.

⁵ В тех случаях, когда пример взят не из нашего корпуса, а заимствован из другого источника, в первой строке приводится его оригинальная запись, а во второй — ее интерпретация в используемой нами транскрипции.

(2) *Miuro pee, mit'e soua.*

Т *miuro pee, mi-tfe soua*
 что.OBL просить.3SG.S дать-CVB быть_хорошим.3SG.S
 'Надо дать, что он просит'. [Урманчиева рук.]

(3) *Uud'e peedu?*

Т *oo-die pee-zu?*
 есть-CVB начать.3SG.S
 'Они начали есть'. [Урманчиева рук.]

(4) *Ани дерэ исэ тотэра", ирио исэ тотэра" со"эуа".*

Т *an'i diera i-se tōtera-? irio i-se tōtera-? sō?eja-?*
 и день NEG-CVB считать-CONN месяц NEG-CVB считать-CONN аргитить-3PL.S
 'Ехали они долго, не считая ни дней, ни месяцев'. [Лабанаускас 2002: 124]

Данные нашего корпуса, в основном включающего для тундрового диалекта тексты, записанные от более современного поколения носителей, также подтверждают уточненное распределение, ср. пример (5) с глаголом *naado-* 'говорить', принимающим алломорф *-e*, и пример (6) с глаголом *sōr-* 'смотреть' с алломорфом на согласную *-die*.

(5) *oka-ku-one naado-e tara*

Т много-DIM-PROL.SG говорить-CVB надо.3SG.S
 'Надо побольше говорить'.

(6) *neō ... tōto-reō sō-die tara*

Т ребенок тоже-RESTR смотреть-CVB надо.3SG.S
 'За ребенком все равно надо смотреть'.

Можно, таким образом, сформулировать правила образования контекстного деепричастия в тундровом диалекте следующим образом: основы на гласную присоединяют алломорф *-e*, за исключением отрицательного глагола, присоединяющего алломорф *-se*, тогда как чередующиеся основы присоединяют алломорфы *-die* (для звонкочередующихся) и *-tfe* (для глухочередующихся). Таблица 2 содержит аналогичные Таблице 1 формы для тундрового диалекта.

Таблица 2. Образование формы контекстного деепричастия в тундровом диалекте.

основа коннегатива	значение	деепричастие
<i>i-</i>	отрицательный глагол	<i>i-se</i>
<i>tfu-</i>	'войти'	<i>tfu-e</i>
<i>pōnero-</i>	'использовать'	<i>pōne-die</i>
<i>puno-</i>	'положить'	<i>pu-die</i>
<i>ōzi-</i>	'появиться'	<i>ōzi-die</i>
<i>kinuso-</i>	'петь'	<i>kinu-tfe</i>

3. Употребление энецкого контекстного деепричастия

Форма контекстного деепричастия имеет в лесном и тундровом диалектах принципиально различную частотность: в подкорпусе лесного диалекта представлено около 1640 вхождений, а в подкорпусе тундрового диалекта — около 90 (то есть при различии в объеме корпуса в 3,5 раза, количество вхождений в лесном диалекте превышает количество вхождений в тундровом на порядок). Отчасти это может объясняться большей активностью в тундровом диалекте конкурирующих форм (см. раздел 4). При этом набор возможных употреблений у этой формы весьма широк в обоих диалектах. Для тундрового диалекта часть употреблений, отмеченных в лесном диалекте, не засвидетельствована, но мы оставляем открытым вопрос, идет ли речь о невозможных для тундрового диалекта конструкциях или отсутствие соответствующих примеров является следствием низкой частотности формы и меньшего объема корпуса.

Основными употреблениями формы, сочетающей функции контекстного деепричастия и инфинитива, естественно, являются зависимые обстоятельственные (раздел 3.1) и актантные (раздел 3.2) предикации. Кроме того, в разделе 3.3 мы описываем также разнородный набор прочих представленных употреблений.

Для энецкого контекстного деепричастия не характерно самостоятельное ненулевое выражение субъекта, и в большинстве случаев его контроль однозначно задан структурой главной клаузы. Тем не менее, в сфере обстоятельственных предложений представлено и разносубъектное употребление контекстного деепричастия, в том числе с выражением субъекта именной группой в форме косвенного падежа.

3.1. Обстоятельственные предложения

Контекстное деепричастие является основным средством для оформления обстоятельственных предложений цели при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации. Ядром таких употреблений являются обстоятельственные предложения цели при глаголах движения (7)—(8), но также регулирует этот способ оформления цели и при глаголах изменения позиции (9)—(10).

(7) *kere-ta d'azu-ŋa-f sexeri-zo-da muj-tf*
Л сам-OBL.SG.3SG идти-MULT-3SG.S.PST дорога-DEST.SG-OBL.SG.3SG мастерить-CVB
'Он сам ездил прокладывать дорогу'.

(8) *mɔdi mu, pɔgu-di kane-da-zo?*
Т я PLC рыбачить_сетью-CVB уйти-FUT-1SG.S
'Я рыбачить пойду'.

(9) *tfaj-di ad-e-j?*
Л пить_чай-CVB сесть-M-1SG.M
'Я сел пить чай'.

(10) *Pugadi? beretoe adexo?*
Т *pɔga-di? bereto-e ad-e-xo?*
сеть-OBL.SG.3DU бросать-CVB сесть-M-3DU.M
'Они (двое) сели [в лодку] невод кидать'. [Урманчиева рук.]

В то же время, как видно из примеров (11)—(13), контекстное деепричастие также может использоваться для выражения значения цели при фактически неограниченном круге предикатов, если его субъект и субъект главной клаузы кореферентны.

(11) *aba kadu-di pɔnim-ubi-zu? tfike*
Л куропатка охотиться-CVB делать-НАВ-3PL.SONSG этот
'Это использовали для охоты на куропаток'.

(12) *nenagu pize-go-f ixutuŋa-d*
Л комар испугать-DUR-CVB курить-2SG.S
'Ты куришь, чтобы пугать комаров'.

(13) *Mod'i t'ijad'i t'iodeo? s'ito sooltaque.*
Т *mɔdi t'ijadi t'io-d-e-o? fito sɔɔl-ta-go-e*
я сейчас полететь-FUT-M-1SG.M ты.ACC смотреть-CAUS-DUR-CVB
'Я теперь взлечу, чтобы тебе показать'. [Урманчиева рук.]

С глаголами каузации движения контекстное деепричастие также является основным средством оформления зависимых клауз со значением цели и имеет в этом случае объектный (14) или косвенно-объектный (15)⁶ контроль.

(14) *kɔzluj pe-di fij? ezata-ubi*
Л дождевой_червь искать-CVB я.ACC отправить-НАВ.3SG.S
'Он меня отправлял искать дождевых червей'.

(15) *ti-zi-za? tɔzu-ta-z? pɔni-di*
Л олень-DEST.PL-NOM.PL.2PL принести-FUT-1SG.S делать-CVB
'Я дам вам оленей попользоваться'.

⁶ В примере (15) представлено характерное для северно-самодийских языков выражение реципиента при помощи посессора (в данном случае — посессивного маркера) в дестинативной конструкции (на энецком материале она описана в [Khanina, Shluinsky 2014]). Вопрос о том, корректно ли посессивный реципиент в дестинативной конструкции считать косвенным объектом в строгом смысле термина, мы оставляем за рамками настоящей статьи.

Второй основной тип обстоятельственных предложений, которые оформляет энецкое контекстное деепричастие, — обстоятельственные предложения образа действия⁷. Среди них наиболее характерной группой является указание на способ движения (16)—(17) или на сопутствующую движению ситуацию (18), но представлены и обстоятельственные предложения образа действия, такие что ни зависимая, ни главная клауза не связаны с выражением движения (19)—(20).

- (16) *aba, n'aba d'efju-ʔ d'azu-f, lʔbitu-f mʔdisu-m-ubi-e-ʔ*
Л куропатка заяц силок-PL идти-CVB идти_на_лыжах-CVB увидеть-MULT-HAB-1PL.S/Sosg
'Силки на куропаток, на зайцев мы пешком, на лыжах проверяли'.
- (17) *tareda-e kan'e*
Т бежать-CVB уйти.3SG.S
'Она бегом пошла'.
- (18) *d'ebe-f to-ubi-ʔ kutuj-xin*
Л быть_пьяным-CVB прийти-НАВ-3PL.S некоторый-LOC.PL
'Пьяными они заходят иногда'.
- (19) *ŋo-l'iu buuse-je pogu-d'i aga d'ʔdazu nʔʔʔ-bi*
Л один-RESTR старик-PEJ рыбачить_сетью-CVB большой щука схватить-PRF.3SG.S
'Один старик в сети большую щуку поймал'.
- (20) *d'uzi-d'ie mʔd'i kʔʔ-e-nofi tʔfike nexuʔ men'eʔ*
Т видеть_сны-CVB я найти-SOpl-1SG.SOnsg.PST этот три старуха
'Во сне я их видела, этих трех старух'.

Наконец, в энецком языке контекстным деепричастием оформляются неспецифицированные обстоятельственные предложения, значение которых определяется контекстом. В большинстве случаев это самое простое временное отношение одновременности (21) или предшествования (22)—(23), зависящее, в свою очередь, от имперфективной или перфективной аспектуальной характеристики глагола⁸.

- (21) *d'eri d'abu-xon ŋo-l'iu-uf ad'i-f tʔfi,*
Л день длинный-LOC.SG один-RESTR-TRANSL сидеть-CVB вот
bii-n'iʔ uʔ ku-xuri oka ε-ubi
ум-OBL.SG.1SG ум где-EVEN много быть-НАВ.3SG.S
'Пока (я) целый день одна сижу вот, на уме у меня всякого много бывает'.
- (22) *lizi-za kaʔara-f d'uku-tʔu-uf mʔta-d-e-z*
Л кость-NOM.PL.3SG снять-CVB кусок-DIM-TRANSL отрезать-FUT-SOpl-2SG.SOnsg
'Кости сняв, на куски их нарежешь'.
- (23) *mʔd'era-a d'ud'e-e kare kata-xaʔ*
Т работать-NMLZ закончить-CVB рыба ловить-3DU.S
'Закончив работу, они ловят рыбу'.

Помимо временного отношения, может быть представлено и другое, чаще всего причинное, как в (24)—(25), но возможно и другое, ср. значение условия в (27).

- (24) *tuka n'ʔtu-da ... aga enetʔeʔ-ʔ seixo-d'ie*
Т топор взять-FUT.3SG.S большой человек-PL посмотреть-CVB
'Топор возьмет ... посмотрев на взрослых людей'. {о ребенке}
- (25) *d'ebe-e d'ugu-to-ba*
Т быть_пьяным-CVB не_иметься.INC-PROB-Q.3SG.S
'Он от пьянки умер, наверное'.

⁷ По функции такие употребления близки к вторичной предикации (см., например, типологический обзор [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004]); в частности, для них правомочен вопрос о более редуцированной синтаксической структуре, чем полная биклаузная.

⁸ В энецком языке, как и в других самодийских языках, представлена сходная со славянской словоклассифицирующая категория вида, противопоставляющая имперфективные и перфективные глаголы, см. подробнее [Шлуинский 2017].

Именно в данной группе неспецифицированных обстоятельственных предложений засвидетельствован самостоятельный субъект контекстного деепричастия, не заданный структурой главной клаузы. Такие примеры немногочисленны, но представлены в обоих диалектах и у носителей разных поколений. По-видимому, для употребления деепричастия с самостоятельным субъектом необходима особо тесная семантическая связь между главной и зависимой предикациями (в частности, посессивное отношение между их субъектами), ср. неслучайное употребление в такой конструкции идиоматического выражения в (21) и (28); тем не менее, возможные ограничения на такие употребления остаются неясны в силу малого объема таких примеров. Самостоятельный субъект деепричастия может быть выражен нулем, как в (26)—(27) или полной именной группой, как в (28)—(29). Полная именная группа, как можно видеть, употребляется в форме косвенного (в традиционной терминологии [Прокофьев 1937; Терещенко 1966] — родительного) падежа.

- (26) *seju-za ni-uʔ mɔze-ʔ nɛ mɔdi-tʃ*
 Л сердце-NOM.SG.3SG NEG-3SG.S.CONT зашевелиться-CONN женщина увидеть-CVB
 ‘У него сердце, конечно, дрогнуло, когда он увидел женщину’.
- (27) *entʃeu mɛ-kon dʲiri-f oo-dʲ tara-ʔ ni-uʔ*
 Л человек.OBL чум-LOC.SG жить-CVB есть-CVB надо-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Если живешь у кого-то [= в доме у человека], есть ведь надо’.
- (28) *ɲob entʃe-maʔ seju-da kanʲe-f ɲuli tʃezi-dʲaj nebu-ru-bi-zʔ*
 Л один человек-NOM.SG.1PL сердце-OBL.SG.3SG уйти-CVB очень маут-COM бежать-INCH-PRF-3SG.M
 ‘Один из наших людей, испугавшись [= когда у него ушло сердце], с маутом побежал’.
- (29) *Iɔida laxud'e neɔa noortaka kuroixododa.*
ize-da laxu-dʲe ne-za nɔɔrta-ka kuuroj-xozo-da
 Т котел-OBL.SG.3SG вскипеть-CVB женщина-NOM.SG.3SG встать-INGR.3SG.S кокуль-ABL-OBL.SG.3SG
 ‘Когда котел у нее вскипел, женщина стала подниматься из кокуля’. [Урманчиева рук.]

3.2. Сентенциальные актанты

Контекстное деепричастие является основным средством оформления сентенциальных актантов в тех случаях, когда субъект зависимой клаузы задан семантикой матричного глагола и имеет субъектный, объектный или, в случае безличных предикатов (как в (30) и (38)—(40)) произвольный контроль⁹.

Прежде всего, это все модальные глаголы и глаголы, имеющие в своем значении модальный компонент: Л / Т *tara-* ‘быть нужным, должным’ (30), Л *piris-* / Т *pireso-* ‘мочь’, Л *ɔzis-* / Т *leʔi-* ‘не мочь’ (31), Т *dʲɔdʲiso-* ‘не мочь’, Л *tene-* / Т *tene-* ‘уметь’ (32) и его каузатив Т *tene-da-* ‘научить’ (33), Л *dʲaxara-* / Т *dʲaxara-* ‘не уметь’ (34), Л *tɔxo-* ‘привыкнуть, научиться’ (35), Л *tabuza-* / Т *tabaza-* ‘научить, показать’.

- (30) *pɛ-zo-d kamaza-f tara*
 Л дерево-DEST.SG-OBL.SG.2SG приготовить-CVB надо.3SG.S
 ‘Дрова приготовить надо’.
- (31) *taa-e ... leʔi-no*
 Т дойти-CVB не_мочь-1SG.Sonsg
 ‘Я не могу их догнать’.
- (32) *kadʲa-f tene, kezuru kaza-da*
 Л охотиться-CVB знать.3SG.S дикий_олень добыть-FUT.3SG.S
 ‘Он умеет охотиться, добудет дикого оленя’.
- (33) *sazuro-e ne-zuʔ tene-de-go-ʔ*
 Т сшить-CVB NEG-3PL.Sonsg.CONT уметь-CAUS-DUR-CONN
 ‘Их же учат шить’.
- (34) *niʔtoda mu-xone, pɛɔ-xine dʲazo-dʲi dʲaxara*
 Т он(а) PLC-LOC.SG улица-LOC.PL идти.MULT-CVB не_знать.3SG.S
 ‘Он на улице ходить не умеет’.

⁹ Данные предикаты способны иметь выраженный актант в дативе, но в материале не представлены примеры, в которых бы одновременно присутствовали и такой актант, и выраженная контекстным деепричастием зависимая клауза.

- (35) *эnej entfeu tisu pazudu-dʲ tɔxox i rosa-za-f*
 Л энецкий человек.OBL род писать-CVB привыкнуть.3SG.S и русский-CAUS-CVB
 ‘Энецкая нация научилась писать и говорить по-русски’.

Единственным исключением среди модальных матричных глаголов является Л/Т *кэма-* ‘хотеть’, сентенциальный актант которого оформляется именем действия в дательном падеже (см., например, [Siegl 2013: 452—453] и раздел 4.1). Однако употребление контекстного деепричастия маргинально засвидетельствовано в обоих энецких диалектах и с этим глаголом (возможно, под влиянием русского языка) (36)—(37).

- (36) *tuzu-ta ɔza tɔri, bɔgulʲa ɔza ni-ʔ kɔma-ʔ oo-dʲ*
 Л быть_жирным-PTCP.SIM мясо так медведь мясо NEG-3PL.S хотеть-CONN есть-CVB
 ‘Жирное мясо, медвежье мясо они не хотят есть’.

- (37) *Каха ае komadado?*
 Т *каха а-е кэма-да-до?*
 шайтан быть-CVB хотеть-FUT-2SG.S
 ‘Ты хочешь быть шайтаном?’ [Урманчиева рук.]

К модальным глаголам примыкает группа матричных глаголов и неглагольных предикатов с оценочной семантикой, у которых, как правило, сентенциальный актант характеризуется генерическим значением: Л *бэа* ‘плохо’, Т *эпʲfi-* ‘быть плохим’ (38), Л *сэжа* ‘хорошо’, Т *сэи-* ‘быть хорошим’, Л *кеби-* / Т *кебу-* ‘быть грешным’ (39), Л *тэна* ‘рано’ (40), Л *мэф* / Т *меэф* ‘хватает, достаточно’.

- (38) *рэга bine-ʔ эпʲfi tadu-tʲfi*
 Т сеть веревка-PL быть_плохим.3SG.S топтать-CVB
 ‘Рыбацкие веревки нельзя топтать’.

- (39) *нʲе midʲi-da ne-xon naleze-da*
 Л ребенок нести-MULT-PTCP.SIM женщина-LOC.SG быть_красным-PTCP.SIM
каре oo-dʲ, мэта-ру-ф кеби
 рыба есть-CVB отрезать-ITER-CVB быть_грешным.3SG.S
 ‘Беременной женщине грех красную рыбу есть, резать’.

- (40) *тезаʔ тэна ηɔda-f*
 Л сейчас рано.3SG.S собрать-CVB
 ‘Сейчас рано собирать (ягоду)’.

Еще одной группой матричных глаголов, управляющих контекстным деепричастием, являются фазовые: Л *рэ-* / Т *ре-* ‘начать’ (41), Л *ηаарта-* ‘перестать, прекратить’, Л *дʲэси-* / Т *дʲудʲе-* ‘закончить’ (42), Л *лизиб-* / Т *лизаб-* ‘спешить, торопиться’ (43).

- (41) *Кодотое реэда.*
 Т *кэзото-е реэ-за*
 чесаться-CVB начать-3SG.SOSg
 ‘Он начал чесаться’. [Урманчиева рук.]

- (42) *рогу-дʲ дʲэсие-д*
 Л рыбачить_сетью-CVB закончить-2SG.S
 ‘Ты уже закончил рыбачить’.

- (43) *Одеохонʲi? lʲidabidodʲi kodo меэое.*
 Т *эзеэхо-ниʲ? визаб-зодʲи кэдо меэо-е*
 поэтому-OBL.SG.1SG спешить-1SG.S.PST сани делать-CVB
 ‘Потому я и торопился делать нарту’. [Урманчиева рук.]

Третью группу образуют эмотивные и ментальные глаголы: Л *пиис-* / Т *пиисо-* ‘бояться’ (44), Л/Т *кэмита-* ‘любить’ (45), Л/Т *дʲуро́та-* ‘забыть’ (46).

- (44) *нэбуза-ф пиіʲе-и*
 Л отпустить-CVB бояться-1SG.SOSg
 ‘Отпустить его я боюсь’.

- (45) *mərogɪ-dʲi* ... *kəmita-ʔ* *nʲiuʔ*
 Т морошка.MULT-CVB любить-3PL.S ведь
 ‘Собирать морошку ... они ведь любят’.
- (46) *dʲaasa-jʔ* *anʲi* ... *mu-f* *dʲurota-bi-jʔ*
 Л мука-NOM.SG.1DU и взять-CVB забыть-PRF-1DU.S/SOsg
 ‘А муку мы ... купить забыли’.

Представлено употребление контекстного деепричастия и с другими матричными глаголами, как Л *perizi-* / Т *pereze-* ‘помочь’ (47).

- (47) *modʲi texe mɛ-miʔ* *tʲike məkata-f* *fijʔ* *perizie-raʔ*
 Л я там чум-NOM.SG.1SG этот поставить-CVB я.ACC помочь-2PL.S/SOsg
 ‘Мой чум вон поставить мне помогите’.

3.3. Прочие употребления

Прочие употребления контекстного деепричастия маргинальны, однако его функционирование вовсе не ограничено двумя описанными выше основными типами полипредикативных конструкций, которые оно оформляет. Представлен ряд разнородных употреблений, которые присутствуют в обоих энецких диалектах.

Во-первых, контекстное деепричастие используется в относительных предложениях со значением функции (48)—(49).

- (48) *bizu meɔn kəti-dʲi* *lɔbi-za* *nʲi-uʔ* *ŋa-ʔ*
 Л вода по плавать-CVB весло-NOM.PL.3SG NEG-3SG.S.CONT быть-CONN
 ‘Это ее весла, чтобы плавать по воде’. {о плавниках у рыбы}
- (49) *dʲurej-dʲi* *bidʲo-jʔ* *mədʲi dʲigu-ʔ* *nʲi-uʔ*
 Т беседовать-CVB товарищ-NOM.SG.1SG я не иметься-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Не с кем мне разговаривать [= У меня нет товарища, чтобы разговаривать]’.

Во-вторых, контекстное деепричастие используется во вводных конструкциях, характеризующих речь или мысль говорящего и не связанных синтаксически с основной частью высказывания (50)—(51).

- (50) *tɔri tasla-f*, *entʲeʔ* *ŋo* *kunʲi dʲiri-da*
 Л так объяснить-CVB человек хоть как жить-FUT.3SG.S
 ‘А так разобраться, как человек будет жить?’
- (51) *a lɔtʲfa nau-one* *ta-dʲi*, *on* *genɛral bez soldatov*
 Т а русский язык-PROL.SG сказать-CVB
 ‘А по-русски сказать, он генерал без солдат’.

В-третьих, контекстное деепричастие используется для топикализации глагола. Чаще всего топикализация имеет место с репризой глагольной лексемы непосредственно в структуре клаузы (52)—(53), в том числе с транскатегориальными эмфатическими показателями (см. [Khanina, Shluinsky 2011]) на топикализованном в деепричастной форме глаголе (54). Однако представлены также случаи топикализации глагола в форме контекстного деепричастия с иной структурой клаузы (55).

- (52) *tʲaj-dʲi* *palatka miʔ* *tʲajna-jʔ*
 Л пить_чай-CVB палатка в пить_чай-1DU.S/SOsg
 ‘Что до чая, мы в палатке чай попили’.
- (53) *kazuzu-dʲi* *nʲe-jʔ* *kazuzum-obi-ʔ*
 Т ругаться-CVB NEG-1DU.S/SOsg ругаться-НАВ-CONN
 ‘Ругаться мы не ругаемся’.
- (54) *kamiku-xoo-f* *kamikuɔ-zaʃ*
 Л понимать-ТОР-CVB понимать-3SG.SOsg.PST
 ‘Понимать-то он его понимал’.
- (55) *entʲe-gon* *dʲɔri-dʲi* *sɛnuku-za* *bunʲi* *tɔne-ʔ*
 Л человек-LOC.SG разговаривать-CVB игрушка-NOM.PL.3SG NEG.EMPH-3SG.S иметься-CONN
 ‘С людьми разговаривать — это не игрушка’.

4. Конкурирующие формы

Ниже предлагается обзор конкурирующих с энецким контекстных деепричастием форм. Это, во-первых, форма номинализации, во-вторых, супин, в-третьих, деепричастие условия, а в-четвертых, серия деепричастных и деепричастно-подобных форм со значением обстоятельства времени.

4.1. Номинализация

Продуктивная форма номинализации в энецком языке имеет показатель *-a* (в лесном диалекте — с алломорфами *-ɔ*, *-e*, *-ε* в зависимости от последней гласной основы). В лесном, но не в тундровом диалекте у чередующихся глаголов существуют две формы номинализации, различающихся видом основы: в конвенционализованной деепричастно-подобной форме предшествования (см. 4.4) используется базовая основа (56), а в прочих употреблениях — специализированная основа (для большинства глаголов совпадающая с хабикулярной) (57); в тундровом диалекте показатель номинализации всегда присоединяется к хабикулярной основе¹⁰ (см. пример (72)).

(56) *oor-a-xazu-na?* *kal'atfi-za-a?*
Л есть-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.1PL быть_спокойным-FUT-1PL.S/SOSg
'После того как поедим, отдыхать будем'.

(57) *oom-a-du?* *feru, meziza-a-du?* *feru d'oriŋa-?*
Л есть-NMLZ-OBL.SG.3PL пока гостить-NMLZ-OBL.SG.3PL пока разговаривать-3PL.S
'Во время еды, во время угощения они разговаривают'.

В тундровом диалекте номинализация обнаруживает конкуренцию с контекстным деепричастием во всем спектре его употреблений, что отчасти объясняет его низкую частотность в тундровом диалекте. Эта конкуренция может объясняться смешением этих двух форм: в обоих случаях для глагольных основ на гласную показателем является аффикс из единственной гласной, причем показатель номинализации иногда подвергается фонетическому уподоблению последней гласной основы, ср. Т *naadɔ-a* [naadɔ] 'говорить-NMLZ'. В то же время образование этих двух форм для подавляющего большинства глаголов ясно отличается: показатель *-a* является показателем номинализации, а показатель *-e* — показателем контекстного деепричастия, а в случае чередующихся глаголов две формы различаются еще более отчетливо, ср. форму номинализации с показателем *-a*, образованную от хабикулярной основы чередующегося глагола в примере (59)¹¹. Формы номинализации в тундровом диалекте, в частности, засвидетельствованы в обстоятельственных предложениях цели как при глаголах движения (58), в обстоятельственных предложениях образа действия (60) и особенно широко в сентенциальных актантах модальных (59), фазовых (61) и эмотивных (62) глаголов.

(58) *tʃaj oo-go-a* *me-ko-na?* *tɔ-obi*
Т чай есть-DUR-NMLZ чум-DAT.SG-OBL.SG.1PL прийти-НАВ-3SG.S
'Чай пить он к нам домой приходит'.

(59) *tʃike-zo* *tide?-a* *tara,* *tide?-a* *anie? bese tara*
Т этот-NOM.PL.2SG купить-NMLZ надо.3SG.S купить-NMLZ и деньги надо-3SG.S
'Их нужно купить, чтобы купить, нужны деньги'.

(60) *d'axa bi?* *mɔta-bo* *ed'uzo-a*
Т река вода отрезать-1SG.SOSg ехать_на_оленьях-NMLZ
'Я пересек реку на оленях'.

(61) *ɔptʃiko nau-xone* *kazuzuta-go-a* *pee-za*
Т плохой язык-LOC.SG отругать-DUR-NMLZ начать-3SG.SOSg
'Он начал ругать его плохими словами'.

¹⁰ Мы условно называем эту основу хабикулярной в связи с тем, что от нее в обоих диалектах от всех глаголов при помощи показателя Л *-ubi* / Т *-obi* образуется форма Хабицуалиса. Состав энецких глагольных основ, на который мы опираемся, описан в [Ханина, Шлуинский 2015].

¹¹ Единственным морфологическим контекстом, в котором различение формы номинализации и формы контекстного деепричастия действительно затруднено, являются основы на передний гласный, ср. форму Т *ire-a-do* [iʁead, iʁe:d, iʁed] 'жить-NMLZ-DAT.SG'. При анализе соответствующего материала мы приняли решение считать для таких глаголов формами номинализации либо формы, имеющие в своем составе именное словоизменение, либо формы, в которых ясно выражен аффиксальный сегмент /a/.

- (62) *kəʒ nʲine ire-a ɲuli kəmita-zafi nʲitoda*
 Т хребет на жить-NMLZ очень любить-3SG.SOSg.PST он(а)
 ‘Он очень любил жить в тундре’.

В лесном диалекте употребление номинализации в характерных для контекстного деепричастия функциях оформления обстоятельственных предложений цели и образа действия не представлено, а употребление ее для оформления синтаксических актантов крайне маргинально, хотя такие примеры и засвидетельствованы (63).

- (63) *tʃike-r ɲi-za marəzim-a-da piiʔa*
 Л этот-NOM.SG.2SG нога-NOM.PL.3SG заморозить-NMLZ-OBL.SG.3SG бояться.3SG.S
 ‘Он боится заморозить свои ноги’.

В обоих диалектах датив номинализации является основным способом оформления синтаксического актанта глагола *kəta-* ‘хотеть’ (64), для которого, напротив, контекстное деепричастие употребляется очень ограниченно.

- (64) *oom-a-d kəta-aʔ*
 Л есть-NMLZ-DAT.SG хотеть-1PL.S/SOSg
 ‘Мы есть хотим’.

Одним из специализированных средств для оформления обстоятельственных предложений времени является номинализация с послелогом Л *feru*, Т *fiero* ‘пока’ (57).

4.2. Супин

Специализированную функцию оформления обстоятельственных предложений цели при глаголах движения, каузации движения и смены позиции имеет относительно маргинальная (около 40 вхождений в подкорпус лесного диалекта, около 20 вхождений в подкорпус тундрового диалекта) форма супина с показателем Л *-odi* / Т *-odi* (65)—(66).

- (65) *tʃajm-odi kanʲi-xu-əʔ*
 пить_чай-SUP уйти-NORT-1PL.S/SOSg
 ‘Пойдемте пить чай!’
- (66) *botoga una-odi kanʲe-zoʔ*
 Т бумага собрать-SUP уйти-1SG.S
 ‘Я поехала собирать документы’.

4.3. Деепричастие условия

Основной функцией частотной деепричастной формы с показателем Л/Т *-buʔ-* / *-bune-* (факультативно принимающей посессивные показатели, соответствующие ее субъекту) является выражение значения условия (67), однако она имеет ряд прочих употреблений, функционально пересекающихся с употреблением контекстного деепричастия.

Во-первых, это обстоятельственные предложения времени со значением предшествования (68).

- (67) *əptʃiko-one ire-bu-to fito nəʒniʔ kada-xu-zoʔ*
 Т плохой-PROL.SG жить-CVB.COND-OBL.SG.2SG ты.ACC я.DAT унести-NORT-1SG.S
 ‘Если ты будешь жить плохо, я возьму тебя к себе’.
- (68) *neru-bu-tuʔ dʲaza-ʔ*
 Л встать-CVB.COND-OBL.SG.3PL идти-3PL.S
 ‘Они, как только встают, уходят’.

Во-вторых, это синтаксические актанты при оценочных предикатах (69)—(70). В лесном диалекте между синтаксическими актантами, оформленными контекстным деепричастием и оформленными деепричастием условия, представлено прозрачное семантическое распределение: контекстное деепричастие в примерах типа (39)—(40) имеет генерическое значение с генерическим же субъектом, а субъект условного деепричастия в примерах типа (69) специфический. В тундровом диалекте, однако, это распределение не выполняется: так, в предложении (70) синтаксический актант также имеет генерическое значение.

- (69) *təʔ ɛnzaj d'azu-bu-niʔ sɔʒza*
 Л сюда наверное идти-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший
 'Наверное, хорошо бы мне пойти'.
- (70) *təʔ nɔʔ-xoa ire-buʔ sɔua, d'ee me-kone*
 Т лето на-ТОР жить-CVB.COND быть_хорошим.3SG.S нюк дом-LOC.SG
 'Летом же хорошо жить в чуме'.

В лесном диалекте засвидетельствованы маргинальные примеры использования деепричастия условия для оформления других сентенциальных актантов, ср. (71).

- (71) *mɔzara-bu-niʔ tara-ʔ ni-uʔ*
 Л работать-CVB.COND-OBL.SG.1SG надо-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'Мне ведь нужно работать'.

4.4. Формы со значением обстоятельства времени

В энецком языке представлен целый ряд специализированных средств для выражения конкретных обстоятельственных значений времени — предшествования и одновременности, которые, таким образом, пересекаются по своим функциям с неспецифицированными обстоятельственными употреблениями контекстного деепричастия. При этом если контекстные деепричастия тяготеют в этих употреблениях к совпадению субъектов главной и зависимой клауз (хотя, как было показано выше, именно в таких употреблениях допускают самостоятельный субъект), специализированные формы в равной степени допускают и односубъектные, и разносубъектные употребления.

Основными средствами выражения значений предшествования и одновременности являются конвенционализированные деепричастно-подобные формы номинализации в форме аблатива и причастия одновременности в форме датива¹² (см. о них [Сорокина 1981; 2015]). Номинализация в аблативе выражает значение предшествования (56), (72), а причастие одновременности в дативе — значение одновременности (73).

- (72) *oom-a-xazo-niʔ peʔ-do ɔzi-ma-z-ɔuʔ*
 Т есть-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.1SG улица-DAT.SG быть_видимым-INC-1SG.S-EXC
 'Поев, я вышел на улицу'.
- (73) *mɔdi anieʔ lapka-xa-do d'azo-da-xa-niʔ, ŋɔbtʃike tɔro-e-zoʔ*
 Т я и магазин-DAT.SG-OBL.SG.2SG идти-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.1SG все_равно закрыться-М-3SG.M
 'Я пока дойду до магазина, он уже закрылся'.

В обоих диалектах представлена также специализированная форма деепричастия одновременности с показателем Л *-buʔuj-* / Т *-buʔɔʔ-* (факультативно принимающая посессивные показатели, соответствующие ее субъекту¹³). В лесном диалекте она ограничена контекстами с референцией к прошлому относительно момента речи (74), а в тундровом, как видно из примера (75), такого ограничения нет.

- (74) *te-xin mɔzara-buʔuj-niʔ, nara-noju prɔdukti-naʔ ɔr-noju kada-g-e-naʔ*
 Л олень-LOC.PL работать-CVB.SIM-OBL.SG.1SG весна-ADV продукт-PL.1PL перед-ADV унести-DISC-SOP1-1PL.SONsg
 'Когда я работал в оленеводстве, весной мы продукты вперед подвозили'.
- (75) *teinone ire-buʔɔ-niʔ mɔd'era-tʃu-zoʔ*
 Т так.LOC.SG жить-CVB.SIM-OBL.SG.1SG работать-DEB-1SG.S
 'Когда я там буду жить, работать буду'.

Особняком стоит представленная только в лесном диалекте крайне маргинальная форма (имеется 8 вхождений на весь подкорпус лесного диалекта) деепричастия предшествования с показателем *-xajaf*. Эта форма употребляется в односубъектных обстоятельственных предложениях времени со значением предшествования (76).

¹² В тундровом диалекте показатель причастия одновременности имеет вид *-de*, притом, что в рассматриваемых дативных формах — аналогичный лесному диалекту вид *-da-*. Этот морфологический факт оставляет открытым вопрос о корректности анализа для тундрового диалекта рассматриваемых форм как производных от причастия.

¹³ В тундровом диалекте и деепричастие условия, и деепричастие одновременности принимают посессивные показатели косвенного падежа, но в лесном диалекте у деепричастия одновременности падеж посессивного показателя зависит от лично-числового значения субъекта, см. подробнее [Khanina, Shluinsky 2013].

- (76) *page-da sera-xajaf pe-xon peri? adi*
 Л верхняя_одежда-OBL.SG.3SG подвязать-CVB.ANT улица-LOC.SG всегда сидеть.3SG.S
 ‘Надев парку, она на улице все время сидит’.

5. Заключение

В настоящей работе было рассмотрено образование и функционирование контекстного деепричастия в лесном и тундровом диалектах энецкого языка. В обоих диалектах деепричастие имеет широкий спектр функций и конкурирует с более специализированными средствами для их выражения. В тундровом диалекте представлена существенно бо́льшая, чем в лесном, конкуренция контекстного деепричастия с номинализацией.

В заключение кратко охарактеризуем типологическое своеобразие энецкого языка.

Как известно, типологически универсальные критерии выделения таких традиционных нефинитных форм, как деепричастие и инфинитив, во многом проблематичны, так как те и другие в разных языках имеют далеко не совпадающие наборы функций — см., в частности, [Haspelmath 1995; Auwera 1998; Ильевская, Калинина 2002]. Тем не менее, как показано в [Ylikoski 2003], деепричастия и инфинитивы имеют разные пути грамматикализации и тем самым одни не переходят в другие. Совмещая типичный набор инфинитивных функций (маркирование сентенциальных актантов и обстоятельственных клауз цели с заданной матричным глаголом кореферентностью субъекта) и функций собственно деепричастия (маркирование обстоятельственных предложений образа действия и неспецифицированных обстоятельственных предложений), энецкое контекстное деепричастие оказывается, таким образом, типологически нетривиальной формой (хотя и далеко не уникальной: аналогичный случай представлен в удэгейском языке [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). За рамками настоящей статьи остался вопрос о диахронии этой формы — какая из данных групп употреблений первична; отметим, что ненецкое [Терещенко 1947: 225—234; Стенин 2010] и нганасанское [Терещенко 1979: 274—278] контекстное деепричастие также имеет сходный набор функций.

В рамках собственно деепричастных функций энецкое контекстное деепричастие ограничено функциями клаузуального подчинения, выражая строго зависимые обстоятельственные клаузы, отличающиеся от главных по своему коммуникативному статусу. Выражать клаузы, имеющие совпадающий с главной клаузой коммуникативный статус, рассматриваемая форма не может — и не может быть охарактеризована как «нарративное деепричастие» в терминах [Недялков 1990; Nedjalkov 1995] или «препозитивный консекутив» в терминах [Муравьев 2017], хотя совмещение этих функций с функциями собственно контекстного деепричастия типологически характерно. С этой точки зрения, рассмотренная нами форма является именно контекстным деепричастием по [Недялков 1990; Nedjalkov 1995], но, в силу наличия у него функций инфинитива, — деепричастием неканоническим.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	DU — дв. число	PEJ — пейоратив
ABL — аблатив	DUR — дуратив EVEN — ‘даже’	PL — мн. число
ACC — аккузатив	EXC — экскламативная клитика	PLC — словозаменитель
ADV — показатель адвербиализации	FUT — будущее время	PRF — перфект
CAUS — каузатив	HAB — хабиуталис	PROB — пробабилитив
COM — комитатив	HORT — гортатив	PROL — пролатив
CONN — коннегатив	INC — инцептив	PST — серия прошедшего времени
CONT — «контрастивная» серия	INCH — инхоатив	PTCP.SIM — причастие одновременности
CVB — деепричастие / инфинитив	INGR — ингрессив	Q — интеррогатив
CVB.ANT — деепричастие предшествования	ITER — итератив	RESTR — рестриктив
CVB.COND — деепричастие условия	LOC — локатив	S — субъектная согласовательная серия
CVB.SIM — деепричастие одновременности	M — медиальная согласовательная серия	SG — ед. число
DAT — датив	MULT — мультипликатив	SONsg — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта неед. ч.
DEB — дебитив	NEG — отрицательный глагол	SOP1 — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта мн. ч.
DEST — дестинатив	NEG.EMPH — эмфатический отрицательный глагол	
DIM — диминутив	NMLZ — номинализация	
DISC — дисконтинуатив	NOM — номинатив	
	OBL — косвенный падеж	

SOSg — субъектно-объектная согласовательная серия для объекта ед. ч.

SUP — супин
TOP — топик
TRANSL — транслатив

T — тундровый диалект
L — лесной диалект

Л и т е р а т у р а

Ильевская, Калинина 2002 — *Ильевская А. А., Калинина Е. Ю.* Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // Лингвистический беспредел. Сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. / Ред. *Агранат Т. Б., Казакевич О. А.* М., 2002. С. 241—261. {*Ilyevskaya A. A., Kalinina E. Yu.* Typological criteria of infinitive: do they exist? // Linguistic infinity. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of A. I. Kuznetsova. Ed. *Agranat T. B., Kazakevich O. A.* Moscow, 2002. P. 241—261.}

Костеркина и др. 2001 — *Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001. {*Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu.* Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary. SPb., 2001.}

Лабанаускас 2002 — *Лабанаускас К. И.* Родное слово. Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб., 2002. {*Labanauskas K. I.* Native word. Enets songs, folktales, historical tales, traditional stories, myths. SPb, 2002.}

Муравьев 2017 — *Муравьев Н. А.* Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. {*Muravyev N. A.* Taxis and taxis forms in languages of the world: taxonomy and typology. Ph. D. thesis. M., 2017.}

Недялков 1990 — *Недялков В. П.* Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. / Ред. *Храковский В. С. и др.* М., 1990. С. 36—59. {*Nedyalkov V. P.* Basic types of converbs // Typology and grammar. / Ed. *Khrakovskiy V. S. et al.* M., 1990. P. 36—59.}

Прокофьев 1937 — *Прокофьев Г. Н.* Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. / Ред. *Прокофьев Г. Н.* М.-Л., 1937. С. 75—90. {*Prokofyev G. N.* Enets (Yenisey-Samoyedic dialect) // Languages and writing of the peoples of the North. P. I. / Ed. *Prokofyev G. N.* М.-Л., 1937. P. 75—90.}

Сорокина 1981 — *Сорокина И. П.* Зависимые предикаты с падежными формантами в энецком языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. / Ред. *Черемисина М. И. и др.* Новосибирск, 1981. С. 138—148. {*Sorokina I. P.* Subordinate predicates with case formants in Enets // Cases and their equivalents in the complex sentence structure in the languages of the peoples of Siberia. / Eds. *Cheremisina M. I. et al.* Novosibirsk, 1981. P. 75—90.}

Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб., 2010. {*Sorokina I. P.* Enets language. SPb, 2010.}

Сорокина 2015 — *Сорокина И. П.* О зависимых предикатах в энецком языке // Труды ИЛИ РАН — Acta Linguistica Petropolitana, 2015, XI (2). С. 571—582. {*Sorokina I. P.* On dependent predicates in Enets // Acta Linguistica Petropolitana, 2015. Vol. 11, 2. P. 571—582.}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб., 2001. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets-Russian and Russian-Enets dictionary. SPb, 2001.}

Сорокина, Болина 2005 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкие тексты. СПб., 2005. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets texts. SPb, 2005.}

Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь. СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary. SPb, 2009.}

Стенин 2010 — *Стенин И. А.* Простое деепричастие в тундровом диалекте ненецкого языка // Труды ИЛИ РАН — Acta Linguistica Petropolitana, 2010, VI (3). С. 161—166. {*Stenin I. A.* Simple converb in Tundra Nenets // Acta Linguistica Petropolitana, 2010. Vol. 6, 3. P. 161—166.}

Терещенко 1947 — *Терещенко Н. М.* Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. {*Tereshchenko N. M.* Survey of the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyedic) language. L., 1947.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. / Ред. *Лыткин В. Е., Майтинская К. Е.* М., 1966. С. 438—457. {*Tereshchenko N. M.* Enets // Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. / Eds. *Lytkin V. E., Maytinskaya K. E.* М., 1966.}

Терещенко 1979 — *Терещенко Н. М.* Нганасанский язык. Л., 1979. {*Tereshchenko N. M.* Nganasan. L., 1979.}

Урманчиева рук. — *Урманчиева А. Ю.* Сказание о Солде. Рукопись. {*Urmanchieva A. Yu.* Tale of Solda. Manuscript.}

Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Императивные формы в энецком языке // Труды ИЛИ РАН — Acta Linguistica Petropolitana, 2015, XI (2). С. 610—626. {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Imperative forms in Enets // Acta Linguistica Petropolitana, 2015. Vol. 11, 2. P. 610—626.}

- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. М., 2000. {*Helinski E. A.* Comparative studies, Uralic studies. M., 2000.}
- Шлуинский 2017 — *Шлуинский А. Б.* Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания, 2017, 3. С. 24—52. {*Shluinsky A. B.* Aspect system of Enets against the background of Russian: A case study of “classifying” viewpoint aspect // Issues in Linguistics. 2017. Vol. 3. P. 24—52.}
- Castrén 1854 — *Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Khanina, Shluinsky 2011 — *Khanina O., Shluinsky A.* Emphatic transcategorical morphology: a cross-linguistically rare phenomenon in Enets // Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 3. Eds. *Austin P. K. et al.* London: University of London, 2011. P. 171—181.
- Khanina, Shluinsky 2013 — *Khanina O., Shluinsky A.* Choice of case in cross-reference markers: Forest Enets non-finite forms // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2013. Vol. 37. P. 31—44.
- Khanina, Shluinsky 2014 — *Khanina O., Shluinsky A.* A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets // Linguistics. 2014. Vol. 52(6). P. 1391—1431.
- Haspelmath 1995 — *Haspelmath M.* The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in cross-linguistic perspective. Ed. *Haspelmath M., König E.* Berlin, New York, 1995. P. 1—56.
- Helinski 1995 — *Helinski E.* Proto-Uralic gradation: continuation and traces // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. P. I. Jyväskylä, 1995. P. 17—51.
- Nedjalkov 1995 — *Nedjalkov V. P.* Some typological parameters of converbs // Converbs in cross-linguistic perspective. Eds. *Haspelmath M., König E.* Berlin, New York, 1995. P. 97—136.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — *Nikolaeva I., Tolskaya M.* A grammar of Udihe. Berlin, New York, 2001.
- Schultze-Berndt, Himmelmann 2004 — *Schultze-Berndt E., Himmelmann N. P.* Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // Linguistic Typology. 2004. Vol. 8. P. 59—131.
- Siegl 2013 — *Siegl F.* Materials on Forest Enets, and indigenous language of Northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.
- Auwers 1998 — *van der Auwers J.* Defining converbs // Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Ed. *Kulikov L., Vater H.* Tübingen, 1998. P. 273—282.
- Ylikoski 2003 — *Ylikoski J.* Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // SKY Journal of Linguistics. 2003. Vol. 16. P. 185—237.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается контекстное деепричастие на *-f(i)* в лесном и на *-s(e)/-e* тундровом диалектах энецкого языка. После морфологических сведений об этой форме рассматривается ее употребление в обстоятельственных предложениях, сентенциальных актантах и некоторых прочих контекстах, а далее предлагается обзор конкурирующих с энецким контекстных деепричастием форм. Рассматриваемая форма имеет широкий набор употреблений, сочетая функции инфинитива и функции собственно контекстного деепричастия.

SUMMARY

The paper deals with the Enets contextual converb marked by *-f(i)* in Forest Enets and by *-s(e)/-e* in Tundra Enets. A morphological account of this form is provided and followed by a description of its uses in adverbial clauses, complement clauses and some other contexts. An overview of concurring forms is given. Enets contextual converb has a wide range of uses that includes both functions of the infinitive and of the contextual converb proper.

Ключевые слова: энецкий язык, деепричастие, инфинитив, обстоятельственные предложения, сентенциальные актанты

Keywords: Enets, converbs, infinitives, adverbial clauses, complementation

Шлуинский Андрей Болеславович, Институт языкознания РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); ashl@yandex.ru

Andrey Shluinsky; Institute of Linguistics RAS, Lomonosov Moscow State University (Moscow); ashl@yandex.ru

Есть ли дифтонги в ороchonском языке?¹

1. Введение

Орочонский язык в Китае следует отнести к самым малоизученным языкам мира. Имеется крайне мало работ китайских авторов, посвященных фонологической системе орочонского языка и особенностям ее реализации (см., напр., работы Ху Цзэньи [Цзэньи 1986; 2001]; Хань Юфэнь и Мэн Шусянь [Юфэнь, Шусянь 1993, 2013, 2014], Материалы по орочонскому языку [Материалы 2014], Мэн Шусянь [Шусянь 2017]). Работ отечественных лингвистов, описывающих фонологию и фонетику данного языка, не существует, за исключением, пожалуй, единственной статьи Н. Я. Булатовой [Булатова 2015]. В ряде источников в разделах, дающих общую характеристику этого бесписьменного исчезающего языка, упоминается наличие дифтонгов, однако информация о них весьма противоречива. Так, Хань Юфэнь и Мэн Шусянь в своих работах, упоминая дифтонги, не приводят их в артикуляционном описании и не предлагают их перечня [Юфэнь, Шусянь 1993, 2013, 2014]. Буквально недавно Мэн Шусянь отметила, что количество дифтонгов в системе орочонских гласных весьма ограничено [Шусянь 2017: 72], однако, вновь перечня и примеров предложено не было. В разделе «Эвенкийский язык. Орочонский язык» книги «Языки Китая» сказано, что в орочонском дифтонгов нет совсем [Сунь Хункай 2007: 2040], за исключением редких заимствований из китайского языка, в которых фигурируют дифтонги /ua/ и /uə/, например, *fuanlaa* ‘избирать’, *luə* ‘гонг’ [Сунь Хункай 2007: 2040].

Все это вызывает логичный вопрос: есть ли дифтонги в орочонском языке? Настоящее исследование призвано проверить две гипотезы.

1. В орочонском языке имеются дифтонги, но их количество сведено к минимуму и ограничено редкими заимствованными словами.
2. В орочонском языке нет дифтонгов, а идеи об их наличии навеяны влиянием китайской традиции транскрибирования — пиньинь.

2. Эксперимент

2.1. Анализ способов графического отображения лексического состава орочонского языка

Для проверки выдвинутых гипотез на первом этапе был проведён анализ китайских и русских литературных источников, посвященных статусу орочонского языка в Китае (работы Бай Лань [Бай Лань 2013], Ян Лихуа [Лихуа 2016] и Мэн Шусянь [Шусянь 2017]), описанию звуков орочонского языка и сравнению их со звуками (гласными и согласными — составляющими слога) китайского языка. Также была изучена информация о фонологической системе близкородственных языков тунгусо-маньчжурской группы, прежде всего, эвенкийского, диалектом которого, по словам Б. В. Решетова, ранее считался орочонский [Решетов 1998: 401]. В исследовании были также задействованы словарные данные [Василевич 1958]. Анализ показал, что в современном литературном эвенкийском языке, основанном на «секающих» подкаменнотунгусских говорах эвенкийского языка [Василевич 1948: 109; Константинова 1964: 4] (об их особенностях см. Г. М. Василевич [Василевич 1948: 13]) — одним из близкородственных орочонскому языку — дифтонгов нет, однако в других близкородственных языках они есть. Так, в работе В. И. Цинциус [Цинциус 1949] указано, что в солонском (язык эвенков-солонцов Китая), удгейском, нанайском, маньчжурском, орокском, ульчском языках имеются дифтонги. Автор приводит следующие сопоставления, в которых показано образование дифтонгов за счёт выпадения интервокального согласного /β/ (/w/ по Цинциус [Цинциус 1949: 168—169]):

- 1) в корневых морфемах глаголов ‘спускаться’ — /zβu/ в эвенк., но /z'u/ в солон., /zu/ в уд., орок., ульч., нан.; ‘ставить, класть, нагружать’ — /tβu/ в эвенк., но /tzu/ в ороch. и уд.;
- 2) в слове ‘вершина дерева, конец, острие, окончание чего-либо’ — /duβz/ в эвенк., но /duz/ в уд. и нан., а в ульч. одновременно существуют два варианта /duβz/ и /duz/;
- 3) в слове ‘куда’ — /aβaski:/ в эвенк., но /jzuhi/ в уд. и /haosi/ в нан.;

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

4) в слове ‘сюда’ — /зβзски:/ в эвенк., но /ауһи/ в уд. и /зуси/ в нан.;

5) в корневой морфеме глагола ‘пыхнуть, опухать’ — /аβул/ в эвенк., но /ауһи/ в уд., /һауһу/ в орок., /һауһи/ и /һауһи/ ульч., /һауһу/ в нан.

Кроме того, в токминско-верхо-ленском диалекте эвенкийского языка, относящемся к «шекающей группе» [Василевич 1948: 89], в отличие от его современной литературной нормы, построенной на «секающих» говорах, тоже есть дифтонги. Согласно Г. М. Василевич [Василевич 1948: 13, 90—91], их семь: *ие, иэ, уо, оа, уе, уа, оо²* (/ie, iz, uo, oa, ue, ua, oo/, если использовать знаки МФА): *туэ* ‘зимою’, *ж’уа* ‘летом’, *ноан* ‘он’, *шшен* ‘ухо’, *эчиэн* (глагол отрицания). Часть представителей этого диалекта позже мигрировала в Китай и, возможно, перенесла с собой дифтонги. Эти факты указывают на принципиальную возможность наличия дифтонгов, по крайней мере контекстуальных, и в ороchonском языке, например, как следствия выпадения некоторых интервокальных согласных.

Помимо процессов, происходящих внутри самих тунгусо-маньчжурских языков, нельзя не учитывать влияние доминирующего китайского языка, который на данный момент, по результатам полевых исследований китайских коллег, практически полностью вытеснил ороchonский язык из всех возможных сфер его употребления, включая семью [Лихуа 2016]. А в китайском языке, как известно, дифтонгов большое количество. Среди них имеются и восходящие дифтонги, например, содержащие [i] в качестве первого элемента: [ie], [ia], [iu]. В ряде случаев они вызывают мягкость предыдущего согласного — *xia* [s'ia], *jia* [dz'ia], *qia* [ts'ia].

Здесь следует отметить, что в китайском языке нет противопоставления твердых и мягких согласных, а в ороchonском такое противопоставление имеется, хотя в литературе и этот момент оказался упущен. Ряд китайских согласных-инициалей с общезвонной точки зрения могут быть охарактеризованы как палатализованные (см. приведенные выше примеры). В ороchonском же имеются фонологически противопоставленные твердая и мягкая согласные /n/-/n'/ (в интерпретации Хань Юфэня и Мэн Шусянь — первая переднеязычная, а вторая среднеязычная), например, в минимальных парах типа *nana* — *na'na* (см. работу Хань Юфэня, Мэн Шусянь [Юфэнь, Шусянь 1993: 7] ‘кожа животного — мясо’ (детская речь). Такие же пары есть и в близкородственном эвенкийском языке, например, твердая и мягкая /n/-/n'/ в *нама* — *няма* [nama] — [n'ama] ‘седло — тепло’ (см. словарь Г. М. Василевич [Василевич 1958: 275].

Не секрет, что пиньинь использовался для отображения произношения ороchonских слов, а в нем фонологический признак «твердость-мягкость» просто не мог быть выражен — одно из ряда обстоятельств, обусловивших переход на знаки МФА, с помощью которых графическое изображение мягкости стало возможным (см. сравнительные таблицы, приведенные Мэн Шусянь [Шусянь 2017]. Однако и эта возможность была реализована непоследовательно. Так, в работе Хань Юфэня и Мэн Шусянь 1993 года знак ['] используется в двойном значении — обозначает и придыхание/силу/глухость для губных, переднеязычных и заднеязычных взрывных (/p/ vs /p'/, /t/ vs /t'/, /k/ vs /k'/), и мягкость для глухих и звонких аффрикат (/dʒ/ vs /dʒ'/, /tʃ/ vs /tʃ'/) [Юфэнь, Шусянь 1993: 3]. Мягкость также подразумевается в символах /ε/³, /η/ (последний — в противоположность твердому /n/). В более поздней работе Хань Юфэня и Мэн Шусянь 2014 года [Юфэнь, Шусянь 2014: 7] указанная двойственность устранена, и символ ['] используется только в значении придыхания/силы/глухости (при этом пара /dʒ/ vs /dʒ'/ уже не фигурирует в классификации), а признак мягкости согласных вообще не обсуждается. Следствие этого — порой некорректное представление набора дифференциальных признаков звуковых единиц ороchonского языка.

Таким образом, не исключено, что пиньинь (до сих пор использующийся в официальных образовательных телевизионных передачах (см. рис. 1)) оказал влияние на способ транскрибирования ороchonских слов с помощью МФА и, вместо обозначения мягкости непосредственно согласного, появился аналог неслогового гласного-медиали, перед которым характерно смягчение китайской инициали. Возможно, такое объяснение подходит для случаев, подобных /dʒyera/, /Niu'f'een/ [Юфэнь, Шусянь 1993: 2, 9], /kə'ηfy'e/ [Юфэнь, Шусянь 2013: 21].

Другой дифтонг — [эу] в слове /эу/к'эхил/ ‘сюда’, — возможно, также связан с уже упомянутым параллельным фиксированием слов на МФА и пиньинь, но уже не имеет никакого отношения к признаку мягкости. Аналогичная ситуация складывается еще с двумя дифтонгами — восходящим [уо] и нисходящим [ао] (см. ороchonское слово ‘верховье реки’, отображенное на пиньинь как *suolaohaohēyī* на рис. 1).

² Транскрипция передана кириллицей. Представляется, что отнесение последнего из указанных семи к дифтонгам неоправданно. Здесь явно имеется ввиду долгий гласный, вероятно двухвершинный, либо двуслоговое сочетание гласных. Не исключено, что и остальные дифтонги могут оказаться двуслововыми сочетаниями гласных. Однако на данный вопрос сложно получить однозначный ответ, поскольку неясно, какой точки зрения относительно моно- и бифонемности сочетаний гласных придерживалась Г. М. Василевич.

³ На самом деле, фонологический статус ряда согласных — ε, N, η — остается не вполне ясным, но в рамках данной статьи он обсуждаться не будет.

Рисунок 1. Фрагмент обучающей телепрограммы для детей «Учимся говорить на ороchonском»

Еще один случай употребления дифтонга — [ae] в слове /tilaɛfa/ ‘солнце’, очевидно, имеет иное объяснение [Юфэнь, Шусянь 1993: 2]. Нельзя не отметить, что на последующих страницах это же слово неоднократно дается с монофтонгом, а не с дифтонгом: /tilaɪfa/, возможно, в силу банальных опечаток.

Другой важный источник информации, который нельзя игнорировать — имена собственные, а точнее — фамилии. Был период, когда ороchonские фамилии были модифицированы на китайский манер. Так, ороchonская фамилия *Гугагир*, не имеющая дифтонгов и состоящая из трех слогов, была изменена на *Гуань* [Бай Лань 2013] — китайский сокращенный аналог, уже содержащий дифтонг.

2.2. Акустический анализ

На втором этапе был проведен акустический анализ слов, в которых могли бы гипотетически находиться дифтонги. Нами был использован материал двух диалектов ороchonского языка: диалекты Ороchonского автономного хошуна и Малого Хингана. По первому диалекту получены следующие звуковые записи:

1) изолированные слова в произнесении одного носителя данного диалекта SOrM1 (мужчина 1957 года рождения, проживает в г. Алихэ, Ороchonский автономный хошун, КНР);

2) речь ведущей телепередачи уроков ороchonского языка (SOrF1, 1984 года рождения, культработник, преподаватель ороchonского языка, проживает в г. Алихэ, Ороchonский автономный хошун, КНР).

По второму диалекту сделаны записи пяти носителей диалекта, жителей приграничных ороchonских деревень и городского округа Хэйхе, женщин в возрасте 63—71 лет (SMHF1 1946 г. р., вела кочевой образ жизни; SMHF2 1947 г. р., экс-председатель волостного народного комитета Синьшэн-Ороchonской волости, район Айхуэй, г. Хэйхэ, КНР; SMHF3 1953 г. р., экс-председатель волостного народного комитета Синьшэн-Ороchonской волости, район Айхуэй, г. Хэйхэ, КНР; SMHF4, 1951 г. р., бывший кадровый работник, проживает в районе Айхуэй, г. Хэйхэ, КНР; SMHF5, 1952 г. р., ученый-аграрий (г. Хэйхэ, КНР). Звуковые записи речи ороchonов, кроме указанной телепередачи, выполнены в ЛЭФИ АмГУ (параметры записи стандартные: 44 кГц, 16 бит, моно).

Для сравнения был использован материал селемджинского⁴ говора эвенкийского языка (изолированные слова, начитанные с интонацией списка) в предъявлении двух мужчин и двух женщин в возрасте 63—70 лет. Для всех дикторов эвенкийский является родным языком, усвоенным в семье; изучение ими русского языка началось с 7-летнего возраста. Указанный материал представлен в эвенкийском звуковом тематическом словаре [Булатова et al. 2017] и фонотеке ЛЭФИ АмГУ.

Для акустической обработки материала использовалась программа свободного доступа PRAAT, в которой были получены осциллограммы, сонограммы и графики основного тона. Сегментация выполнялась по осциллограмме; по сонограмме изучались длительность сегментов и их частотные характеристики. Для гласных были замерены первая и вторая форманты (F1 и F2), отвечающие соответственно за подъем и ряд гласного, для согласных определялись характер шума, особенности его локализации в частотной области и наличие/отсутствие основного тона (F0).

Акустический анализ ороchonского и эвенкийского материала выявил, что в речи дикторов-орочонов (в отличие от эвенков) на данный период развития языка в интервокальной позиции часто не реализуются некоторые интервокальные согласные. Сравним ороchonские / эвенкийские соответствия следующих слов. Во-первых, слово *месяц/луна*. У разных китайских специалистов по ороchonскому языку оно отображается по-разному (вероятно, в зависимости от говора). Один из способов предложен Хань Юфэнем и Мэн Шусянь — *reja* со среднеязычным интервокальным /j/ [Юфэнь, Шусянь 1993: 63; 2014: 73]. Другой способ (очень близкий к тому, что фиксируется для эвенкийского языка) обозначен Ху Цзэньи [Цзэньи

⁴ Выбор селемджинского говора обусловлен активно развивающимися в течение последнего десятилетия языковыми и культурными контактами между селемджинскими эвенками и ороchonами северо-восточного Китая, проживающими вдоль границы с Амурской областью РФ.

1986: 4] как *beega*⁵, при этом автор привел и произносительные особенности, отразив аллофонную транскрипцию — [pʲe:ɣa] — которая почти полностью соответствует аллофонному составу данного слова в эвенкийском языке, кроме первого согласного (ср. с эвенк. [bʲe:ɣa]), в речи наших дикторов-орочонон данное слово звучало чаще всего либо как [pea:], либо как [pe:] (см. рис. 2—3), и только изредка, когда диктора просили произнести четче (ссылаясь на то, что исследователь не расслышал слово), появлялся среднеязычный /j/ с характерной формантной структурой (низкая F1 и высокая F2 на рис. 4). На рисунках 2—3, представляющих частотные реализации указанного слова, ни составляющих, характерных для реализации среднеязычного сонорного /j/ (понижение F1 и повышение F2), ни фрикативного шума, свойственного звонкому фрикативному заднеязычному [ɣ], не обнаружено. Таким образом, чаще всего вместо постулируемого в источниках VCV, представлены соответственно сочетание гласных среднезакрытого, переднего ряда [e] (F1=500 Гц, F2=2250 Гц, общая длительность — около 400 мс) и открытого центрального [a] (F1=750 Гц, F2=1500 Гц) и долгий среднезакрытый гласный переднего ряда [e:] (F1=500 Гц, F2=2750 Гц).

В эвенкийском слове ‘месяц / луна’, согласно норме, должен реализоваться интервокальный звонкий заднеязычный — бѣ́за. Фактическая реализация полностью соответствует норме — на рисунке 5 отчетливо видны шумовые составляющие и основной тон (см. между 2 и 3 метками), свидетельствующие о реализации звонкого заднеязычного фрикативного согласного [ɣ] — аллофона звонкого смычного /g/ в интервокальной позиции.

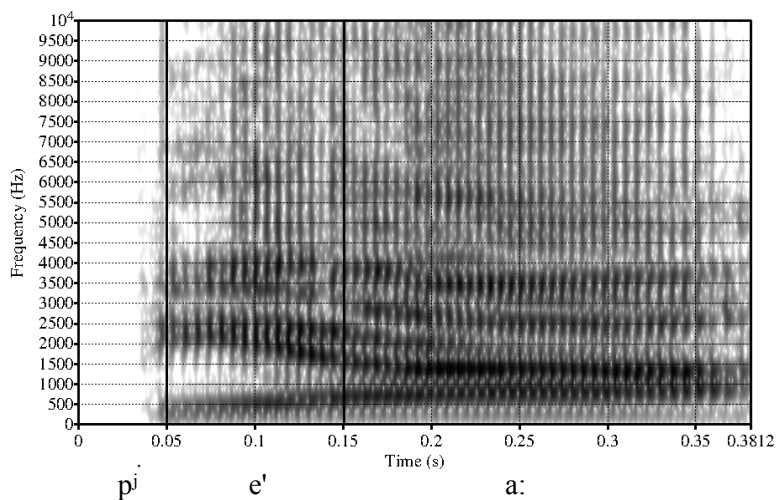

Рис. 2. Слово ‘месяц/луна’ в ороч. — *peja* [pʲea:] (SOGrM1)

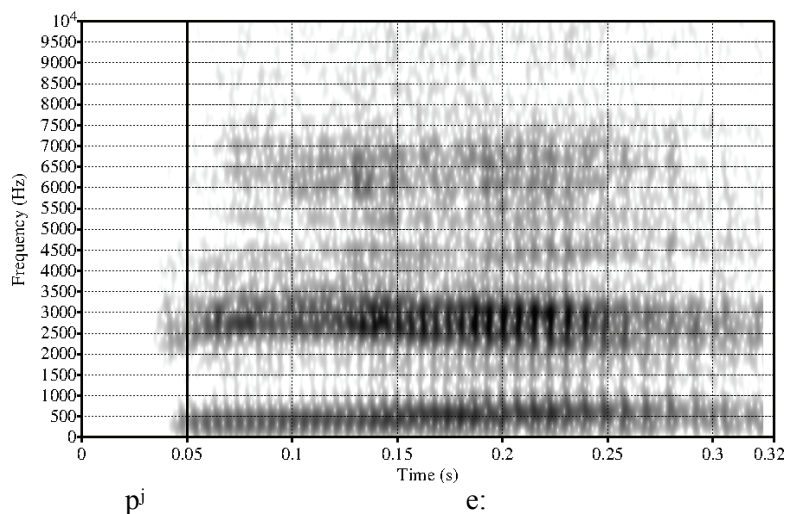

Рис. 3. Слово ‘месяц/луна’ в ороч. — *peja* [pʲe:] (SMHF1)

⁵ В китайских работах по ороchonскому языку удвоение гласного обозначает его фонологическую долготу. В описании наших примеров для этих целей используется стандартный знак, предусмотренный МФА — [:].

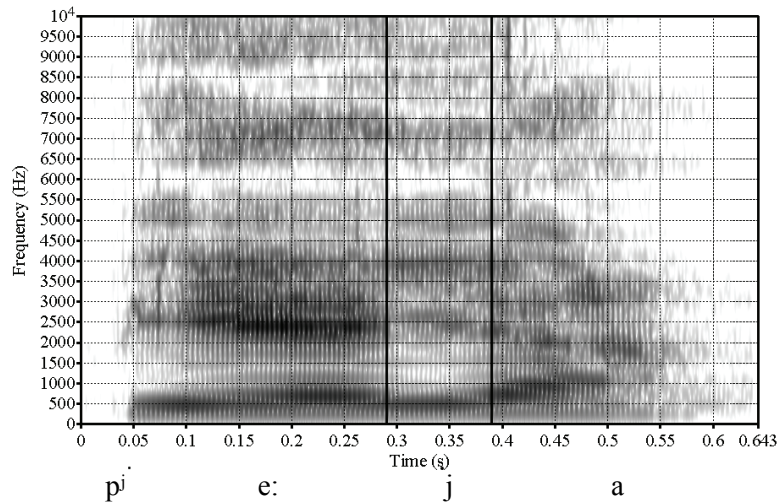

Рис. 4. Слово ‘месяц/луна’ в ороч. — *peja* [p'e:] (SMHF1)

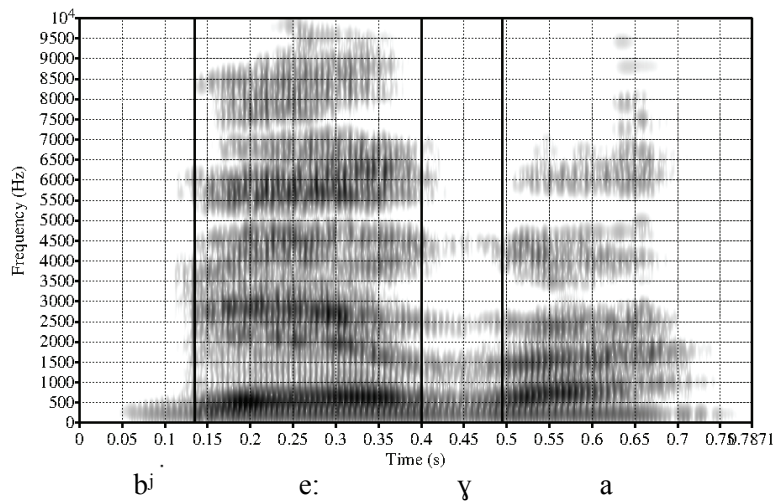

Рис. 5. Слово ‘месяц/луна’ в эвенк. — *bēja* [b'e:ɣa]

Очевидно, что эллиптирование среднеязычного /j/ (или заднеязычного /g/) в ороchonском слове ‘месяц/луна’ почти стало диахроническим фактом, в результате которого образовались сочетания гласных [ea:] с пока неясным фонологическим статусом — моно- или бифонемные образования. Параллельно появилось и функционирует еще одно образование — долгий [e:].

Второе слово для иллюстрации указанной тенденции — слово ‘сердце’. В вышеупомянутых источниках по ороchonскому языку слово фиксируется четырьмя разными способами для разных диалектов как *mejaan*, *tewan*, *teekan/meegan* [Цзэнь 1986: 5; Юфэнь, Шусянь 1993: 88; Юфэнь, Шусянь 2014: 80] и может содержать соответственно среднеязычный плавный сонорный /j/, губно-губной сонорный /w/ и звонкий (или слабый глухой)⁶ заднеязычный /g/. Вновь, в речи наших дикторов-орочононов интервокальный согласный (каким бы из перечисленных он ни был) не реализуется, что приводит к образованию параллельно функционирующих сочетания гласных и долгого гласного. Сравним реализации слова ‘сердце’ в эвенкийском *mēvan* [m'e:βan] (рис. 6) и ороchonском [m'e:a:n] / [m'e:n] (рис. 7—8) языках. На рисунке 6 между метками в низкочастотной области спектра (до 1000 Гц) наблюдаются характерные затемнения, свидетельствующие о реализации губного сонорного. На рисунке 7 имеется сочетание гласных соответствующей формантной структуры: гласный среднего подъема переднего ряда (F1=500 Гц, F2=2250 Гц), переходящий в гласный низкого подъема центрального ряда (F1=900 Гц, F2=1500 Гц) с общей длительностью сочетания чуть более 300 мс. На рисунке 8 представлен гласный относительно однородной фор-

⁶ В китайской традиции изображать ороchonские согласные принято использовать символы /p/, /t/, /k/ для слабых и /p'/, /t'/, /k'/ для сильных. При этом параллельно слабые могут рассматриваться и как звонкие и отображаться как /b/, /d/, /g/.

мантной структуры среднего подъема переднего ряда (чуть более открытый, чем в дифтонге — F1=590 Гц) длительностью чуть более 200 мс. В ходе анализа эвенкийского материала ни одного выпадения /g/ (аллофон [ɣ]) и /β/ в интервокальной позиции нами не зафиксировано.

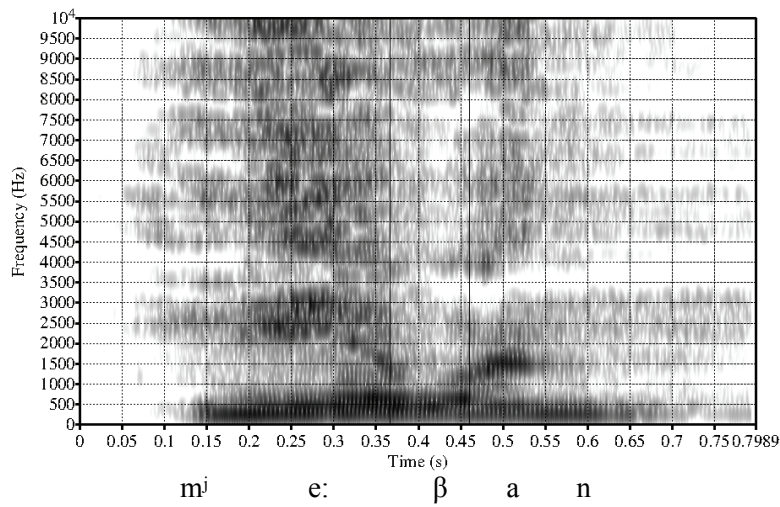

Рис. 6. Слово 'сердце' в эвенк. — мѣван [mʲe:βan]

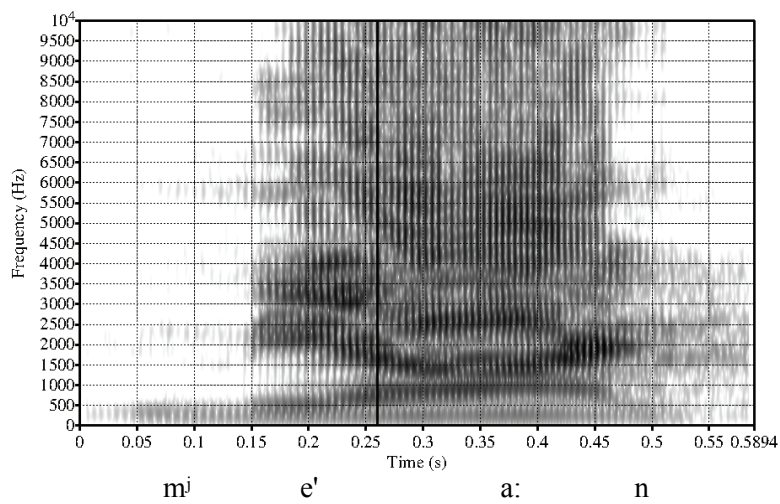

Рис. 7. Слово 'сердце' в ороч. — теекан [mea:n] (SOOrM1)

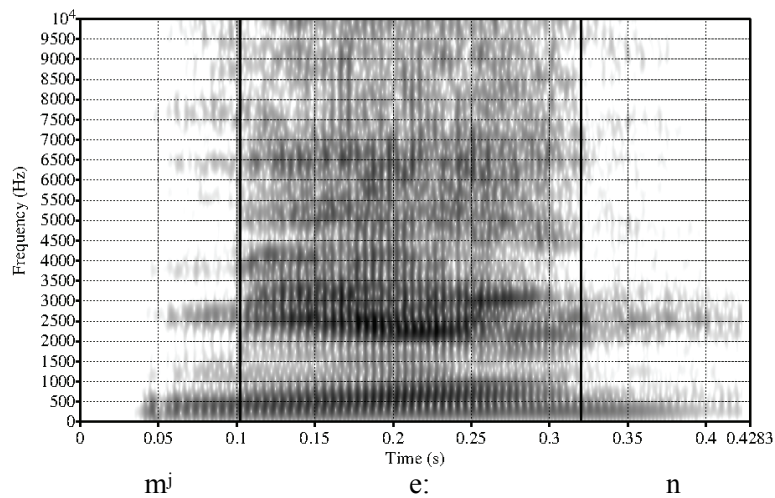

Рис. 8. Слово 'сердце' в ороч. — тewan/тежаан [mʲe:n] (SMHF1)

Аналогичные процессы происходят в слове ‘земля’ — *puwa/buga* [byʉa] (ороч.) [Цзэньи 1986: 9; Юфэнь, Шусянь 2014: 73], реализуемое как [rua], но *буга* (эвенк.), реализуемое как [byʉa]. Примечательно, что в слове ‘огонь’ в диалектах Ороchonского автономного хошуна и Малого Хингана интервокальный согласный уже не фигурирует — *tʰɔ*, а в диалекте Большого Хингана интервокальный согласный (заднеязычный слабый глухой) все еще сохраняется — *tʰkɔ* [Юфэнь, Шусянь 2015: 73], как и в эвенкийском *того* [toɣo].

В современной фонотактике литературного эвенкийского языка сочетания гласных вообще не представлены, поэтому если контекстуальные дифтонги и могли образоваться, то только как следствие выпадения интервокальных /g/, /β/, /j/, однако, как уже упоминалось, подобных случаев на нашем материале не зафиксировано. Между тем, ранние сочетания гласных в некоторых говорах эвенкийского языка присутствовали. Помимо семи, по терминологии Г. М. Василевич, дифтонгов (возможно, бифонемных сочетаний гласных — вопрос остается спорным), о которых говорилось выше, в более поздней работе автора — в словаре [Василевич 1958: 577—585] можно найти соответствующие примеры — названия эвенкийских родов *Бугдэкэир*, *Угдэкэир*, *Талаир*, *Хоикаир*, *Хуикаир*, *Чимеир* с суффиксом множественного числа названий эвенкийских родов *-ир*. Между гласными в соответствующих сочетаниях /z:i/, /ai/, /e:i/ явно проходит морфемный шов, следовательно, считать их монофонемными образованиями нельзя.

В ороchonской фонотактике имеются, и ранее имелись, сочетания гласных. Достаточно вспомнить названия ряда ороchonских родов до реформы ороchonских фамилий с суффиксами *-ир* и *-эр* (такие же суффиксы есть в названиях эвенкийских родов). По словам Мо Хувэй, ороchonки в возрасте 53 лет [Мо 2016], память о родовой организации жизни ороchonов сохраняется в их национальных ороchonских именах и фамилиях: наряду с их китайскими фамилиями, полученными в результате реформы (некоторые ороchonы (в особенности старшего поколения) считают свои фамилии «даром китайского императора»), неофициально параллельно функционируют традиционные ороchonские. По мнению Бай Лань [Бай Лань 2013], в результате реформы, от длинных родовых названий появились сокращенные, которые уменьшались до одного слога: *Малаир*, *Махаир* сокращаются до *Мэн* и записываются по-китайски, *Атигечаир* — *А*, *Баир* — *Бай*, *Вейлаир* — *Вэй*, *Гэваир* — *Гэ*, *Гулаир* — *Гуань*, *Маокаоир* — *Би*, *Дунадир* — *Ду*, *Кэртэир* — *Хэ*, *Каацзиэр* — *Хань*, *Нидиэр* — *Ли*.

Из приведенных примеров некоторых старых названий родов несложно вычленировать сочетания гласных /ai/, /oi/, /iz/. Как и в эвенкийских примерах, между гласными в указанных сочетаниях проходит морфемный шов, следовательно, нужно считать их не монофонемными, а бифонемными образованиями. Вопрос о том, следует ли другие сочетания гласных, например, /ao/ в *Маокаоир*, интерпретировать аналогично, остается пока открытым. Хотя реформа сократила указанные родовые названия, тем самым устранив сочетания гласных в них, ситуация с другими сочетаниями гласных остается неопределенной, в частности с /ua/ в ранее упомянутой фамилии *Гуань*, образованной от старого варианта *Гугагир* и в ряде других примеров.

Складывается следующая ситуация. Во-первых, в сочетаниях гласных, образованных в результате нереализации некоторых интервокальных согласных в корнях все еще находящихся в употреблении ороchonских слов (см. рис. 2, б) отсутствует морфологическая мотивировка для рассмотрения данных сочетаний как бифонемных образований (между гласными сочетания не проходит морфемный шов). Во-вторых, слова, в которых эта мотивировка четко прослеживалась (описанные выше названия родов до реформы) уже выходят из обихода, оставаясь лишь в памяти старожилов. Немало ороchonских слов уже вышли из обихода и представляют собой архаизмы. А значит, имеются основания предполагать, что в сознании носителей ороchonского языка, под влиянием указанных внутренних факторов и под дополнительным давлением со стороны доминирующего китайского языка, вполне может образоваться (или даже уже образовался) дифтонг как единица системы ороchonского вокализма, несмотря на все противодействующие усилия лингвистов и методистов⁷, занимающихся изучением и сохранением данного языка.

Аналогичный процесс утраты лексических единиц происходит и в языке селемджинских эвенков. Яркий пример тому состоит в следующем. Эвенки, даже среднего возраста, слушавшие произведения своего устного народного творчества, например, героический эпос, произнесенные старожилами, могли поведать (на русском языке), о чем это произведение, но во многих случаях не могли даже сегментировать произнесенный речевой поток на эвенкийские слова в связи с немалым количеством архаизмов. Однако селемджинский говор эвенкийского языка явно развивается в другом направлении — отсутствие системных дифтонгов в данном говоре поддерживается отсутствием дифтонгов в доминирующем русском языке, а возможности образования контекстуальных дифтонгов пока не реализованы.

⁷ Во всей китайской литературе по ороchonскому языку указанные интервокальные согласные фигурируют, хотя в речи ороchonов не реализуются.

В ороchonском же языке ситуация остается двусмысленной. Анализ экспериментального материала показывает, что наличие контекстуальных дифтонгов нельзя отрицать. Более того, похоже, что данные контекстуальные дифтонги являются переходным состоянием к дальнейшему стяжению слоговой структуры слова и появлению вариантов слов с долгим гласным – процесс, который уже был ранее зафиксирован в тунгусо-маньчжурских языках В. И. Цинциус [Цинциус 1949: 166, 167], которая указала, что, как правило, в слове оставался первый гласный, например, *mō* ‘огонь’, *bē* ‘месяц’. Варианты стяжения гласных из сочетания *V+y+V* в одном и том же слове характерны для южной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков: ороchonского, удэгейского, ульчского, нанайского, маньчжурского, например: в слове ‘луна’ — [beʉa] эвенк., но [b’a] ороchon., [bea:] уд., [be] орок., [be] ульч., [bea] нан., [b’a] маньчж.; в слове ‘местность’ — [buʉa] эвенк., но [bua] ороchon., [bua] уд., [bo] орок., [bua] – [ba] ульч., [boa] нан., [ba] маньчж. [Цинциус 1949: 166, 167]. Если обратить внимание на рисунки 3 и 7, то становится очевидным, что те же процессы происходят и в ороchonском языке.

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что выпадение */j/*, */w/*, */g/* в интервокальной позиции имеет место далеко не во всех ороchonских словах, содержащих эти согласные. Так, например, в словах *aja* ‘хороший’, *baʒa* ‘человек’ и многих других — на нашем речевом материале выпадение */j/* не фиксируется, как не отмечено выпадения */w/* в слове *eiwin* ‘солнце’ (диалект Ороchonского автономного хошуна) и многих других словах. Следовательно, образования сочетаний гласных или долгого гласного на данный момент ограничено узким кругом слов.

3. Выводы

Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов. Несмотря на активные попытки лингвистов и методистов, занимающихся изучением и ревитализацией ороchonского языка, сохранить его фонологическую систему в классическом виде непросто (пожалуй, едва ли возможно). Реальность ороchonского вокализма состоит в наличии контекстуальных дифтонгов, появившихся как следствие диахронического выпадения в некоторых словах интервокальных согласных */j/*, */w/*, и, возможно, */g/* (или слабый глухой */k/*), присутствие которых продолжает фиксироваться в словарях и учебных пособиях — фактор в определенной степени сдерживающий уже начавшийся процесс. Данный процесс ускорился реформой ороchonских фамилий. К этому добавим дифтонги в редких заимствованиях. В результате появились сочетания гласных со спорным фонологическим статусом, могущие в обозримом будущем стать новыми фонологическими единицами: */ea/*, */ua/*, */uə/*. Вместе с тем, другие претенденты на статус дифтонгов — */ye/*, */iu/*, */əu/*, */uo/*, */ao/* — похоже, являются результатом влияния китайской фонологической системы и пиньинь как одного из способов ее отражения. Таким образом, из двух выдвинутых гипотез о дифтонгах в ороchonском языке, подтверждение находит первая, однако, заимствования оказываются не единственным источником их образования.

Полученные результаты и выводы имеют ряд ограничений. Во-первых, мы обратились к материалам двух из трех ороchonских диалектов и одного эвенкийского говора. Ситуация в третьем диалекте ороchonского языка и других говорах эвенкийского языка может развиваться иначе. Требуется масштабное исследование их современного состояния, чтобы сделать более общие выводы. Во-вторых, в исследовании задействована речь только старшего поколения. Однако преодолеть это ограничение на данный момент не представляется возможным, поскольку вся молодежь и практически все среднее поколение ороchonов не говорят на родном языке. Остается надеяться, что меры по ревитализации данного языка дадут положительные результаты и язык сохранится, пусть и не в классическом виде.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность ороchonам и эвенкам, принявшим участие в акустическом эксперименте.

Сокращения

Общие

АмГУ — Амурский государственный университет

г. р. — года/годов рождения

Гц — герцы (единица для измерения частотных характеристик спектра звука)

ЛЭФИ — лаборатория экспериментально-фонетических исследований

мс — миллисекунды

МФА — международный фонетический алфавит

VCV — сочетание «гласный-согласный-гласный» (от английского «vowel-consonant-vowel»)

Языки и диалекты

маньчж. — маньчжурский язык

нан. — нанайский язык

орок. — орокский язык

ороч. — ороchonский язык

орочс. — ороchonский язык

солон. — солонский язык

уд. — удэгейский язык

ульч. — ульчский язык

эвенк. — эвенкийский язык

Литература

Бай Лань 2013 — 白兰, 高高的兴安岭—鄂伦春族风情/呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 2013年, 230页. *Bai Lan*. На высоком Хингане — Быт и нравы ороchonов. Хух-Хото. 2013. {*Bai Lan*. On the high Khingan — Life and customs of Oroqen people. Hohhot, 2013.}

Булатова 2015 — *Булатова Н. Я.* О полевых материалах языка ороchonов КНР: тезисы доклада // Proc. of the 12th Seoul Inter. Altaistic Conference “Synchronic and diachronic studies on Altaic languages”. The Altaic Society of Korea. 2015. P. 201—213. {*Bulatova N. Ya.* Field materials on the language of PRC: Abstract // Proc. of the 12th Seoul Inter. Altaistic Conference “Synchronic and diachronic studies on Altaic languages”. The Altaic Society of Korea. 2015. P. 201—213.}

Булатова et al. 2017 — *Булатова, Н. Я., Морозова, О. Н., Стручков, Г. А.* Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка / Отв. ред. *Морозова О. Н.*, науч. ред. *Булатова Н. Я.* Благовещенск. 2017. {*Bulatova N. Ya., Morozova O. N., Struchkov G. A.* Evenki-Russian-English thematic audio dictionary: Based on the Seledmdzha dialect of Evenki / Ed. *Morozova O. N., Bulatova N. Ya.* Blagoveshchensk. 2017.}

Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л. 1948. {*Vasilevich G. M.* Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language. L., 1948.}

Василевич 1958 — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М. 1958. *Василевич 1958 — Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevich G. M.* Evenki-Russian dictionary. M., 1958.}

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.-Л. 1964. {*Konstantinova O. A.* Evenki language. Phonetics. Morphology. M.-L., 1964.}

Материалы 2014 — 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. Материалы по ороchonскому языку: сборник. Хэйхэ: Отдел по делам национальностей и религий Правительства, 2014. {*Materials on the Oroqen language: A collection.* Heihe: Nationalities and Religions Government Department, 2014.}

Мо 2016 — *Мо Хувэй.* Автобиография: аудиозапись интервью. Благовещенск, 2016. {*Mo Huwei.* Autobiography. Blagoveshchensk, 2016.}

Шусянь 2017 — *Мэн Шусянь.* Общее описание ороchonского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017, 3 (1). С. 67—86. {*Meng Shuxian.* General description of the Oroqen language in China // *Theoretical and Applied Linguistics.* 2017. Vol. 3, 1. P. 67—86.}

Решетов 1998 — *Решетов Б. В.* Ороchonы // Народы и религии мира. М., 1998. {*Reshetov B. V.* Oroqen people // *Peoples and religions of the world.* M., 1998.}

Сунь Хункай 2007 — 孙宏开, 中国的语言: 商务印书馆, 2007年 *Сунь Хункай.* Языки Китая. 2007. {*Sun Hongkai.* Languages of China. 2007.}

Юфэнь, Шусянь 1993 — 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京: 中央民族学院出版社 出版. 1993年. 385页. *Хань Юфэнь, Мэн Шусянь.* Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Пекин. 1993. {*Hang Youfen, Meng Shuxian.* Comparative reader on Oroqen and Chinese languages. Beijing, 1993.}

Юфэнь, Шусянь 2013 — 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页. *Хань Юфэнь, Мэн Шусянь.* Краткая хрестоматия ороchonского языка. Харбин. 2013. {*Hang Youfen, Meng Shuxian.* Concise reader on the Oroqen language. Harbin, 2013.}

Юфэнь, Шусянь 2014 — 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. *Хань Юфэнь, Мэн Шусянь.* Исследование диалектов ороchonского языка. Осака. 2014. {*Hang Youfen, Meng Shuxian.* A study of the Oroqen dialects. Osaka, 2014.}

Цзэньи 1986 — 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. *Ху Цзэньи.* Краткое описание ороchonского языка. Пекин. 1986. {*Hu Zhenyi.* Concise description of the Oroqen language. Beijing, 1986.}

Цзэньи 2001 — 胡增益 《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 *Ху Цзэньи.* Исследование ороchonского языка. 2001. {*Hu Zhenyi.* Studying the Oroqen language. 2001.}

Цинциус 1949 — *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л. 1949. {*Tsintsius V. I.* Comparative phonetics of Tungus-Manchu languages. L., 1949.}

Лихуа 2016 — *Ян Лихуа.* Исследование современного применения ороchonского языка в провинции Хейлунцзян (КНР) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016, 8. Ч. 2. С. 189—194. {*Yang Lihua.* Studying the modern applications of Oroqen in the Heilongjiang province (China) // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2016. Vol. 8. Part 2. P. 189—194.}

РЕЗЮМЕ

Один из противоречивых вопросов ороchonской фонологии — наличие / отсутствие дифтонгов в системе гласных. Теоретическое исследование включало сравнение фонологических систем ороchonского и китайского языков, поиск информации о фонологических системах других тунгусо-маньчжурских языков, близких к ороchonскому, прежде всего, эвенкийского языка. Цель экспериментального исследования состояла в проведении анализа акустических характеристик ороchonских слов, в которых могли бы появиться дифтонги, и сравнении с аналогичными словами эвенкийского языка. Полученные результаты указывают на то, что в диалекте Ороchonского автономного хошуна в результате выпадения интервокальных согласных /j/, /w/ и /g/ появились сочетания гласных /ea/, /ua/ и /uə/, которые в недалеком будущем могут войти в качестве дифтонгов в систему ороchonских гласных. Аналогичное выпадение в ороchonском диалекте Малого Хингана привело к стяжению оставшихся гласных в один долгий. В речи селемджинских эвенков выпадения интервокальных указанных согласных не обнаружено.

SUMMARY

One of the contradictory issues in the Orochon phonology is the absence / presence of diphthongs. Within the theoretical study conducted, we compared the Orochon phonological system with the Chinese and acquired the information about phonological systems of other Tungus-Manchu languages that are closely related to Orochon - first of all, the Evenki language. Our experimental study aimed at analyzing acoustic features of the Orochon tokens where groups of vowels could possibly be formed and comparing them to the ones in Evenki. The major finding was that in the Oroqen Autonomous Banner dialect, the deletion of intervocalic /j/, /w/ and /g/ caused /ea/, /ua/, and /uə/ vowel-group forming that might enter the vowel system as diphthongs in the nearest future. The same deletion occurred in Lesser Khingan dialect of Orochon leading to long vowel forming. In the Evenki Selemdzha sub-dialect, no deletion of the intervocalic consonants was found.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, дифтонг, пиньинь, МФА, интервокальный согласный, выпадение

Keywords: the Orochon language, the Evenki Language, diphthong, pinyin, IPA, intervocalic consonant, deletion

Морозова Ольга Николаевна, Амурский государственный университет (Благовещенск); morozova_olga06@mail.ru

Olga N. Morozova, Amur State University (Blagoveshchensk), morozova_olga06@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна, Амурский государственный университет (Благовещенск); androsova_s@mail.ru

Svetlana V. Androsova, Amur State University (Blagoveshchensk), androsova_s@mail.ru

Гибалин Валерий Сергеевич, Амурский государственный университет (Благовещенск); gibalin55@gmail.com

Valerij S. Gibalin, Amur State University (Blagoveshchensk), gibalin55@gmail.com

Дискуссионная заметка к статье О. Н. Морозовой, С. В. Андросовой, В. С. Гибалина «Есть ли дифтонги в ороchonском языке?»¹

Обсуждаемая статья представляет интерес уже тем, что в ней демонстрируются результаты экспериментального фонетического исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Такие исследования, как и вообще тунгусоведческие работы, довольно редки и заслуживают всяческого внимания.

Прежде всего заметим, что ороchonский язык, конечно, трудно отнести к самым неизученным языкам мира. По нему существует несколько описаний фонетики и грамматики, сделанных в Китае; обширный лексический материал ороchonского по началу XX в. представлен в словаре Широкогорова [D-Sh 2004]; ср. также словарь Леонтовича с грамматическим очерком, изданный в 1896 г. [Леонтович 1896]². В конце концов, ороchonский принадлежит к достаточно хорошо изученной группе северных тунгусских языков и не особенно выделяется внутри нее.

Авторы ставят целью проверить истинность или ложность следующих взаимоисключающих гипотез.

«1. В ороchonском языке имеются дифтонги, но их количество сведено к минимуму и ограничено редкими заимствованными словами.

2. В ороchonском языке нет дифтонгов, а идеи об их наличии навеяны влиянием китайской традиции транскрибирования — пиньинь».

Проведенное экспериментальное обследование нескольких ороchonских слов, результаты которого приведены в статье, показывает, что в словах с выпадением интервокальных *g и *b образуются то ли дифтонги, то ли двуслоговые сочетания гласных.

Ответ на поставленный вопрос, который авторы дают в выводах статьи, состоит в том, что в ороchonском имеется некоторое количество дифтонгов в исконных словах («контекстуальные дифтонги»), которые возникли из стяжений после выпадений интервокальных согласных таким же образом, как, например, в южнотунгусских языках, но некоторые другие дифтонги все-таки встречаются только в китайских заимствованиях или их реально нет, а они появляются только в китайских транскрипциях ороchonского. Такими дифтонгами они считают следующие: /ye/, /liu/, /əul/, /luo/, /laol/. Следует отметить, что по старым (конец XIX — начало XX вв.) источникам ороchonской лексики мы находим ряд исконных или заимствованных из монгольского (не из китайского) слов, подозрительных на наличие дифтонгов из этого последнего списка. По Широкоговору, это, например, *eu-da-čan* ‘по-тунгусски’ (ПТнг **ebe-da-čAn*)³, *eukan* ‘оленок по второму году’ (ПТнг **pegu-kAn*) [D-Sh 2004: 304], *etew* ‘подстергать’ (ПТнг **ete-bU-*) [там же: 315], *auta* ‘легкие’ (ПТнг **hehte*) [там же: 628], *gaun* ‘посох’ (ПТнг **ga-pŪn*) [там же: 325], *gaw* ‘кобыла’ (из монг. **geyü*) [там же: 325], *söul* ‘рулевое весло’ (ПТнг **sebuli*) [там же: 741]. По словарю Леонтовича: *ayула* ‘ребро’ (ПТнг **hehte*) [Леонтович 1896: 116], *adaу* ‘близнецы’ (ПТнг **adakŪ*) [там же: 48], *gu/eу* ‘весло’ (ПТнг **giāpŪn*) [там же: 52], *cəу*, *ciу* ‘рулевое весло’ (ПТнг **sebuli*) [там же: 52], *ayha* ‘вытри’ (ПТнг **xab-*) [там же: 57] и др. Было бы неплохо выяснить, что представляет собой вокализм этих слов в современном ороchonском — может быть, это привело бы к уменьшению списка «китайских» дифтонгов.

Проведенный авторами эксперимент с очевидностью демонстрирует неадекватность принятых в Китае транскрипций для ороchonского⁴. Авторы приводят следующие транскрипции из китайских работ:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения»).

² Полный материал словаря Леонтовича с частично выписанными ПТМ реконструкциями можно найти на странице <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2227/18/perspective/2227>.

³ Здесь и далее пратунгусские реконструкции (формы под звездочкой) приводятся согласно данным сравнительно-исторической фонетики Цинциус — Бенцинга — Дёрфера — Алтайского словаря (как раз в этих словах все эти реконструкции в целом не противоречат друг другу; мы здесь, в дополнение к этой реконструкции, выписываем большими буквами вокалические морфемы аффиксов со снятием сингармонизма); при статьях словаря [D-Sh 2004] эти реконструкции в основном приведены. См. [Цинциус 1949; Benzing 1956; Doerfer 2002; D-Sh 2004; EDAL].

⁴ Совершенно справедливо утверждая, что «в китайском языке дифтонгов немало», авторы, к сожалению, приводят чрезвычайно неудачный пример: *xia* [sʰia], *jia* [dzʰia], *qia* [tsʰia]. В этих случаях не «дифтонги вызывают мягкость предыдущего согласного», а *i* в пиньине используется для обозначения мягкости предшествующего согласного.

‘луна’: *peja* или *beega*; ‘земля’: *puwa/buga*; ‘сердце’: *mejaan, mewan, meekan/meegan*; ‘огонь’: *t’əɔ/t’əko*; рассмотрено также слово ‘солнце’: *ciwun*. В старых источниках по ороchonской лексике мы видим такие формы: ‘луна’ — *бэ* [Леонтович 1896: 85], *bya* [D-Sh 2004: 123], ПТнг **biāga*; ‘мир, (хорошая) погода’ — *буа* [Леонтович 1896: 104], *buā* [D-Sh 2004: 150], ПТнг **buga*; ‘сердце’ — *мява, miāva* [Леонтович 1896: 121], *mevan* [D-Sh 2004: 541], ПТнг **miāban*; ‘огонь’ — *мо* [Леонтович 1896: 97], *tō* [D-Sh 2004: 796], ПТнг **toga*; ‘солнце’ — *сяу* [Леонтович 1896: 124], *siun* [D-Sh 2004: 718], ПТнг **sigŪn*. Таким образом, исторические факты подтверждают, что китайские транскрипции не отражают более раннее состояние ороchonских говоров, до «элиминации» соответствующих согласных, поскольку, например, согласной *j* в слове ‘луна’ или согласной *k* в словах ‘сердце’ и ‘огонь’, судя по старым фиксациям и реконструкциям, никогда и не было.

Момент, который хотелось бы обсудить, — это то, как понимают авторы термин «дифтонг». По-видимому, наиболее принятое понимание этого слова — сочетание гласных, представленное внутри одного слога. По описанию Мэдисона и Ладефогед [Ladefoged 1995: 321—322], дифтонги содержат две мишени артикуляторных жестов, так же, как и долгие гласные; долгие гласные содержат две одинаковых мишени, а дифтонги — две разных. Как определить количество слогов для звукового отрезка — известная спорная проблема, однако достаточно принятым способом решения является соотнесение слогов с волнами звучности (громкостью), которая связана с фактором интенсивности (см., например, [Ladefoged 2001: 227—233]). Следовательно, можно попытаться соотнести количество слогов в звуковом отрезке (соответственно, решить, является ли слышимое сочетание гласных дифтонгом), глядя на количество локальных максимумов и минимумов на кривой интенсивности, которую визуализует, например, программа Praat. Надо сказать, что для традиционного тунгусо-маньчжуроведения, как и для авторов статьи, различие двуслоговых и монослоговых сочетаний, похоже, не представляет интереса, т. е., видимо, они не придерживаются приведенного определения дифтонга. В самом деле, авторы пишут, что «в работе В. И. Цинциус [Цинциус 1949] указано, что в солонском (язык эвенков-солонцов Китая), удгейском, нанайском, маньчжурском, орокском, ульчском языках имеются дифтонги. Автор приводит следующие сопоставления, в которых показано образование дифтонгов за счёт выпадения интервокального согласного /β/ (/w/ по Цинциус [Цинциус 1949: 168—169])...». Но на указанных страницах книги В. И. Цинциус ни разу не употреблено слово «дифтонг». Там излагается правило ослабления интервокального согласного **b* в следующей формулировке: «Между гласными губно-губной *б* сохраняет характер смычного согласного лишь в маньчжурском языке. В эвенкийском и негидальском, как правило, $V + б + V \parallel V + w + V$. В эвенском языке тот же комплекс $V + w + V$ наблюдается в корнях слов. Что касается суффиксальных напластований, сочетание $V + w + V$ выступает в том случае, когда предшествующий гласный долгий; в противном случае $V + w + V > \bar{y}$, т. е. стягивается в долгий гласный. Если долгим является второй гласный сочетания, и при этом он узкий (\bar{u}), то $w > j$. Языки южной подгруппы, за исключением упомянутого выше маньчжурского, характеризуются соответствием $V + б + V \parallel V + w \sim y \sim o + V$ ».

То есть, когда речь идет о выпадении или ослаблении интервокального **b*, явно указывается двуслоговость полученных сочетаний с глайдом — либо их стяжение в один долгий гласный. Кроме того, ниже В. И. Цинциус приводит примеры с выпадением глайда (типа уд. эу- ‘спускаться’ и суэ ‘вершина дерева’), но о дифтонгах или прерывистых гласных ничего не говорит (таким образом, здесь может идти речь и о двуслоговых сочетаниях). Именно о дифтонгах В. И. Цинциус пишет на с. 108—110 (о первичных, соответствующих долгой гласной в северных тунг. языках и дифтонгу в южных) и на с. 111—112 (о вторичных), причем в этом случае она также говорит о «комплексах» (т. е., видимо, двуслоговых сочетаниях), о долгих гласных, возникающих при выпадении интервокального согласного и последующем стяжении однородных гласных, и о дифтонгах, возникающих при выпадении интервокальной согласной между неоднородными гласными. Следует заметить, что большая часть приводимых ею примеров на дифтонги относится к случаям выпадения согласных **b* и **n* и только один случай возникновения дифтонга относится к выпадению интервокального **z* — это случай $\bar{e} + z + a > ea$ (пример — название луны, в современной записи реконструкции — ПТнг **biāga*, т. е. после первичного дифтонга).

Про употребление же слова «дифтонги» в работе [Василевич 1948: 90—91] в рассматриваемой статье верно отмечено, что, скорее всего, здесь также может идти речь о двувершинных, или двуслоговых, сочетаниях гласных — тем более, что Г. М. Василевич противопоставляет «дифтонг» *oo* и долгий гласный *o*, происходящий из этого «дифтонга», полученного в результате стяжения, «в произношении некоторых эвенков».

Мы попытались хотя бы пилотным образом рассмотреть поставленную авторами проблему (интерпретации сочетаний гласных как дифтонгов) согласно принятым определениям на доступном фонетическом материале — в одном из нанайских диалектов (в нанайском языке, по общему мнению тунгусо-маньчжуроведов, упомянутому в статье, существуют дифтонги), словарь которого размещен в системе

Lingvodoc (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1574/70633/perspective/1574/70634/view>): Кондонский диалект нанайского языка, носитель Любовь Ф. Самар, запись в 2015 году Натальей Стойновой. Нам показалось продуктивным для решения этого вопроса сравнить устройство сочетаний гласных, полученных из стяжения, дифтонгов, восходящих к праязыковому дифтонгу (как в слове «ухо»), и одиночных долгих, не полученных из стяжения, а восходящих по реконструкции [Цинциус 1949; Benzing 1956; Doerfer 2002; D-Sh 2004; EDAL] к исконным долгим гласным. В цитируемом словаре Lingvodoc слова даны в трех произнесениях, поэтому мы решились ограничиться демонстрацией одного примера на каждое явление⁵. Рассмотрены слова *nā* ‘земля’ < ПТнг **nā*, *sīa* ‘ухо’ < ПТнг **sīā(n)*, *bīa* ‘луна’ < ПТнг **bīāga*, *dīa* ‘лето’ < ПТнг **žuga*. Кроме того, мы взяли три двусложных слова с сонорным посередине: *paŋa* ‘ладонь’ < ПТМ **paŋa*, *xoŋa* ‘ложка’ < ПТнг **xuŋa* и *aŋa* ‘хорошо’ < ПТнг **aŋa* — и еще два двусложных слова с дифтонгом в первом слоге, восходящим к ПТнг **oā*: *ŋuaksa* ‘нос’ < ПТнг **ŋoāiksa*, *tuaksa* ‘глина’ < ПТнг **toāksa*⁶. Словарь записан по опроснику от одного информанта, выдержаны единый темп речи и интонация произнесения. В *Таблице 1* даны длины финалей (т. е. без учета начальной согласной) в мс. В скобках — примерные длины гласных мишеней в предположительных дифтонгах и длины первой и второй гласной в двусложных словах (без учета длины интервокальных согласных; через «;»).

Таблица 1

Слова	1-е произнесение	2-е произнесение	3-е произнесение	Средняя длина
<i>nā</i> ‘земля’	336 (103+223)	362 (124+238)	312 (128+184)	337
<i>sīa</i> ‘ухо’	399 (126+273)	452 (200+252)	315 (158+157)	389
<i>bīa</i> ‘луна’	410 (116+294)	493 (204+289)	300 (138+162)	401
<i>dī(w)a</i> ‘лето’	414 (68; 292)	375 (82; 223)	324 (73; 178)	371 (305)
<i>aŋa</i> ‘хорошо’	497 (109; 243)	442 (97; 199)	370 (92; 162)	436 (301)
<i>xoŋā</i> ‘ложка’	527 (83; 334)	546 (96; 336)	398 (69; 217)	490 (378)
<i>paŋā</i> ‘ладонь’	516 (86; 245)	540 (101; 205)	465 (71; 174)	507 (294)
<i>tuaksa</i> ‘глина’	744 (191; 301)	707 (200; 235)	583 (173; 144)	678 (415)
<i>ŋuaksa</i> ‘нос’	828 (270; 214)	804 (285; 199)	658 (188; 164)	763 (440)

Мы видим, что одиночная долгая гласная и дифтонги попадают приблизительно в одну категорию по длительности; финали двусложных слов с сонорным посередине — в другую категорию, посередине между ними двусложное слово с *-j-*. Средняя суммарная длина двух гласных двусложного слова (356) не превосходит средней длины долгой гласной или дифтонга (376). Средняя суммарная длина двух гласных двусложного слова, первая из которых — дифтонг (428), больше средней длины долгой гласной или дифтонга. Все эти данные вполне ожидаемы.

На картинках из программы Praat можно видеть наличие и отсутствие провалов и локальных максимумов на кривой Intensity финали слова (без учета начальных согласных).

В соответствии с предположением, что слогу соответствует импульс звучности, по-видимому, следует считать, что слово ‘лето’ в данном говоре, скорее, не содержит дифтонга, а содержит интервокальный губно-губной глайд и является двусложным; для слов же ‘ухо’ и ‘луна’, скорее, следует говорить о восходящем дифтонге *ia* в обоих случаях, как и для первого слога слов ‘глина’ и ‘нос’ — о восходящем дифтонге *ia*.

Возможно, для описания ороchonских дифтонгов было бы небесполезно рассмотреть экспериментальные данные в подобном аспекте.

Экспериментальное сопоставление ороchonской фонетики с фонетикой эвенкийского селемджинского говора (принадлежащего к восточной диалектной группе, для которой Г. М. Василевич [Василевич 1948: 13] предполагает, что там не выпадает интервокальный *y*), приводит авторов к следующему противопоставлению:

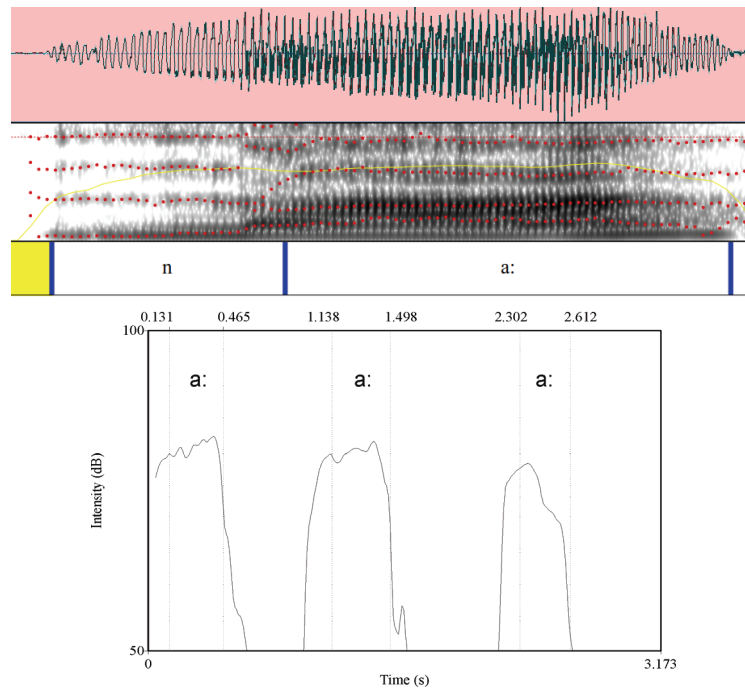
а) «имеются основания предполагать, что в сознании носителей ороchonского языка, под влиянием указанных внутренних факторов и под дополнительным давлением со стороны доминирующего китайского языка, вполне может образоваться (или даже уже образовался) дифтонг как единица системы ороchonского вокализма».

⁵ Приношу благодарность М. К. Амелиной, любезно согласившейся проверить и отредактировать мои разметки спектрограмм.

⁶ Эти реконструкции слегка отличаются от [EDAL], введены в [Дыбо 1992: 53].

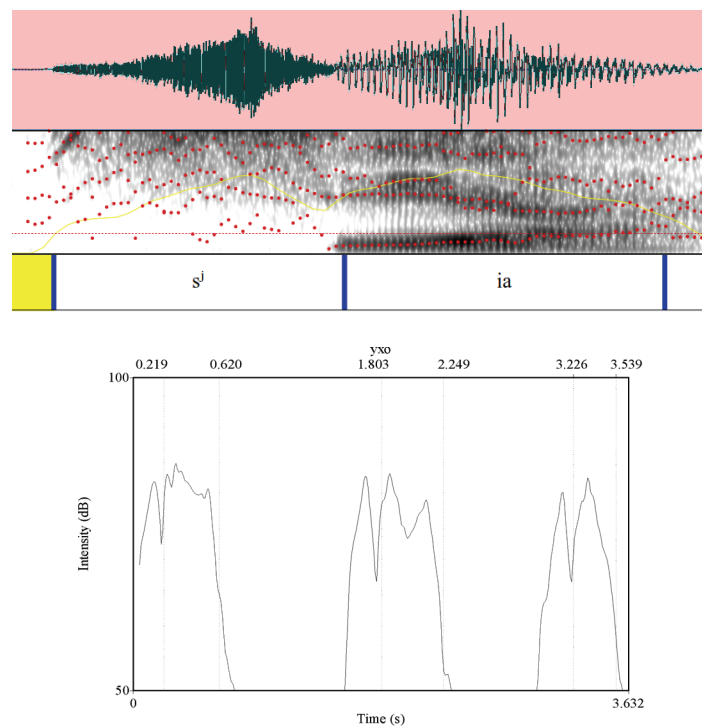
Кривая Intensity без существенных провалов на сочетании гласных (на контуре интенсивности место сочетания и его центр отмечены тремя вертикальными линиями).

nā 'земля'

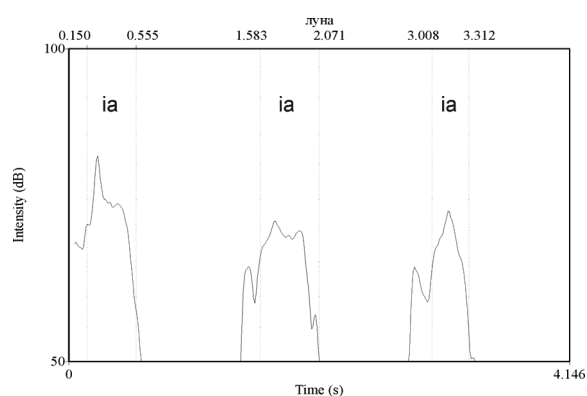
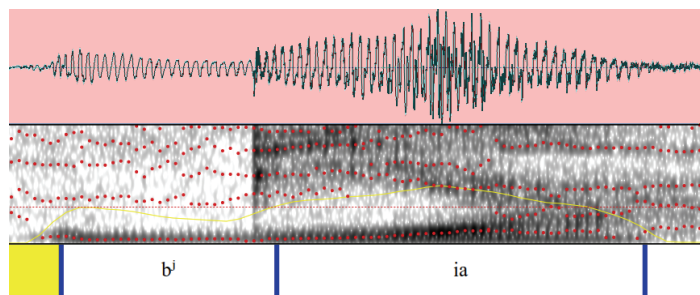
(совсем небольшая ямка интенсивности посреди долгого гласного *ā* есть в первом произнесении; во втором и третьем нет)

s'ia 'ухо'

(здесь первый максимум интенсивности во всех трех случаях — это фриктивный *s'*; во втором произнесении есть существенное падение интенсивности между *i* и *a*, в первом и третьем нет).

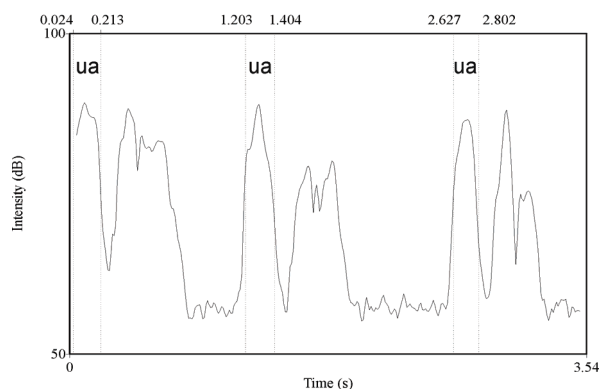
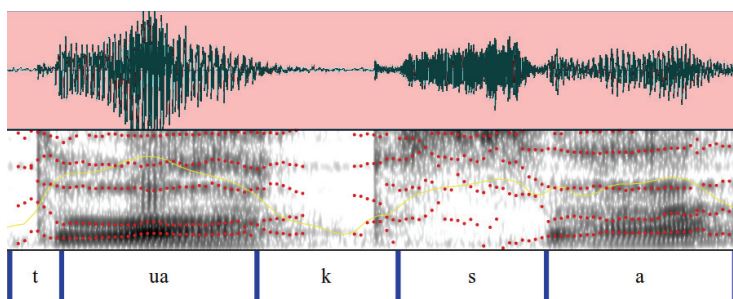
b'ia 'луна'

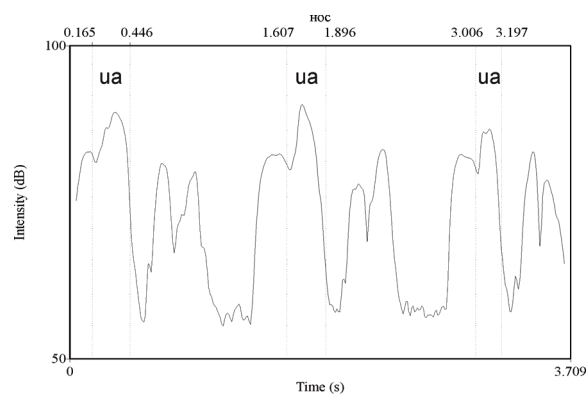
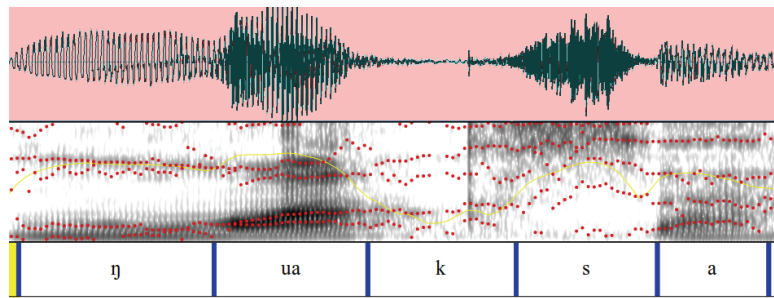
(в слове 'луна' также совсем небольшая ямка в контуре интенсивности имеется в сочетании *ia* во втором произнесении, в первом и третьем нет).

Также не дает ямки кривая Intensity на дифтонге в первом слоге неодносложного слова:

tuaksa 'глина'

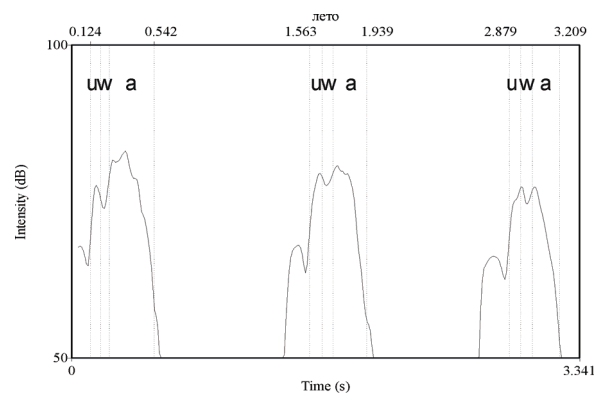
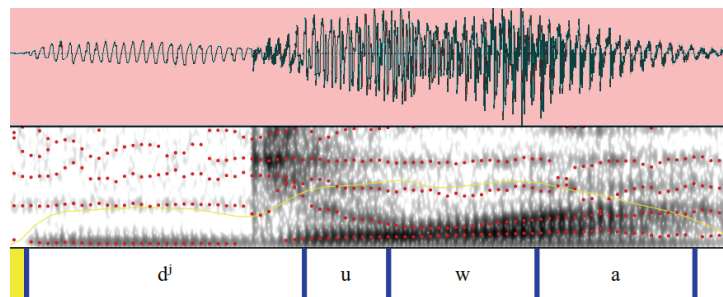

ɲaksɑ ‘нос’

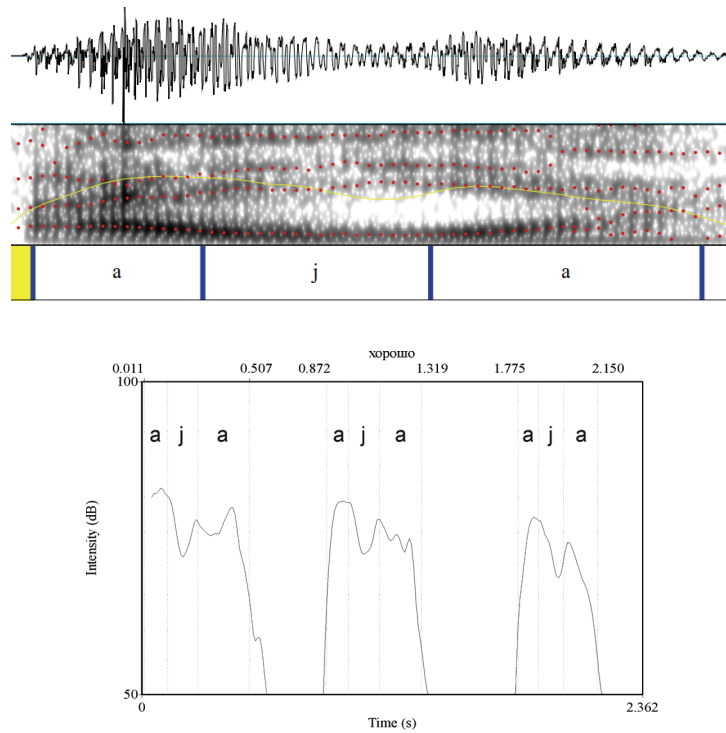
Слова с наличием существенного провала в контуре Intensity на вокальном комплексе финали:

dʷiwa ‘лето’

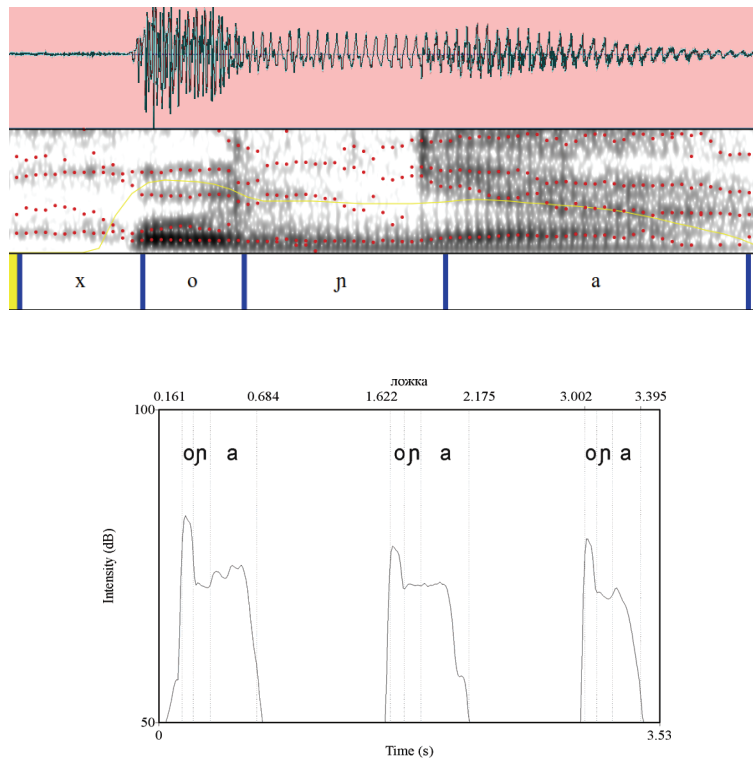
(На этом слове во всех трех произнесениях мы видим не очень большой, но систематический провал интенсивности между *u* и *a*.)

aja ‘хорошо’

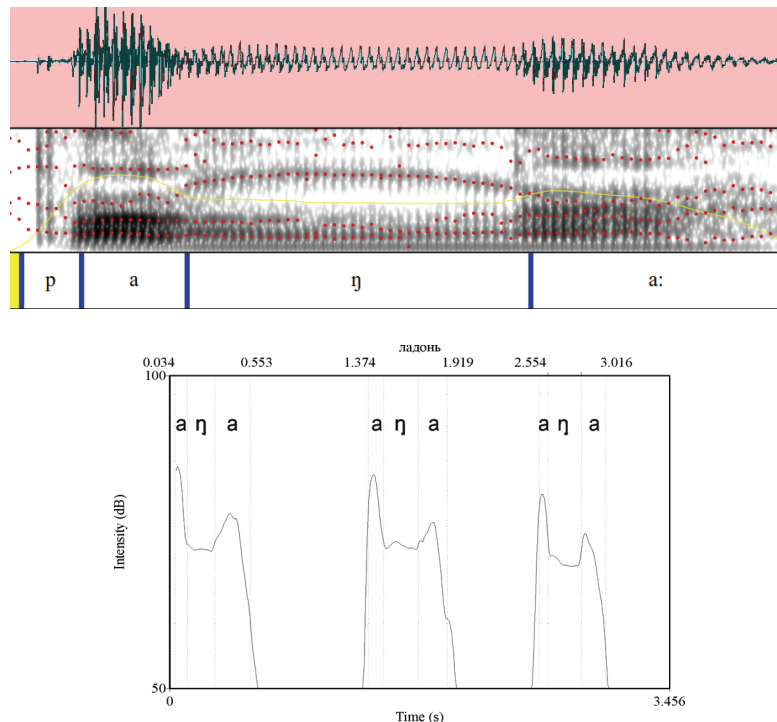

(Здесь существенный провал интенсивности между двумя *a* на месте интервокального *j*).

хола ‘ложка’

paŋa ‘ладонь’

б) «селемджинский говор эвенкийского языка явно развивается в другом направлении — отсутствие системных дифтонгов в данном говоре поддерживается отсутствием дифтонгов в доминирующем русском языке, а возможности образования контекстуальных дифтонгов пока не реализованы».

Такое объяснение различного направления развития вокально-консонантных комплексов в двух близких севернотунгусских идиомах чрезвычайно интересно, но явно нуждается в дополнительном обосновании.

Хочется обсудить также следующий пассаж в статье: «Вместе с тем, нельзя не учитывать, что выпадение /j/, /w/, /g/ в интервокальной позиции имеет место далеко не во всех ороchonских словах, содержащих эти согласные. Так, например, в словах *aja* ‘хороший’, *bəjə* ‘человек’ и многих других — на нашем речевом материале выпадение /j/ не фиксируется, как не отмечено выпадения /w/ в слове *eiwun* ‘солнце’ (диалект Ороchonского автономного хошуна) и многих других словах. Следовательно, образование сочетаний гласных или долгого гласного на данный момент ограничено узким кругом слов».

Данное утверждение подразумевает, что правила выпадения-невыпадения интервокальных согласных лексически связаны. На малом количестве приведенных примеров трудно оспорить этот вывод, однако можно с уверенностью сказать, что среди случаев, приведенных в статье, нет выпадений ПТнг *-j-: как мы уже упомянули, слово ‘луна’ не содержит срединного *-j-, а слова *aja* ‘хороший’ и *bəjə* ‘человек’ восходят к ПТнг **aja* и **beje* соответственно. В слове *eiwun* ‘солнце’ (ПТнг **sigŪn*) мы, наоборот, имеем дело с выпадением интервокального *g, вследствие которого образуется двусловное сочетание гласных, разделенное (поскольку *g стояло перед огубленной гласной) губно-губным глайдом. Примером на выпадение *-b- могут служить приводимые в статье ороchonские рефлексy слова ‘сердце’ [mea:n] и [mje:n]; случаев невыпадения *-b- в ороchonском в статье не приведено. Но мы видели выше, что в словаре Леонтовича в слове ‘сердце’ (ПТнг **miāban*) еще сохранялось *в*: *мява*, *миава* [Леонтович 1896: 121]; по рефлексам в других тунгусских языках похоже, что выпадению здесь мешало положение в интервокале перед широкой гласной в двусложном слове, см. [ССТМЯ 1: 533—534]; такова же ситуация со словом *ивагда* ‘ясень’ [Леонтович 1896: 147] (ПТнг **xiba-gda* [ССТМЯ 1: 295]). Перед узкой гласной и перед согласной для *-b- у Леонтовича отмечено либо выпадение, либо глайд, ср. *ху* ‘пила’ [Леонтович 1896: 103] (ПТнг **rubi-* [ССТМЯ 2: 336]); *дэжука* ‘наушники’ [Леонтович 1896: 91] (ПТнг **žabuka* [ССТМЯ 1: 240]); *ауць* ‘зять’ [Леонтович 1896: 72] (ПТнг **abusi* [ССТМЯ 1: 11]); *аутула* ‘ребро’ [Леонтович 1896: 116] (ПТнг **hepte* [ССТМЯ 2: 435]); *зу/еу* ‘весло’ [Леонтович 1896: 52] (ПТнг **giāpŪn* [ССТМЯ 1: 144]); *сёу*, *сиу* ‘рулевое весло’ [Леонтович 1896: 52] (ПТнг **sebuli* [ССТМЯ 2: 134-135]); *ауһа* ‘вытри’ [Леонтович 1896: 57] (ПТнг **xab-* [ССТМЯ 1: 7]).

Интервокальное *-g- как будто дает у Леонтовича выпадение или глайд в любом вокалическом окружении: бэ 'луна' [Леонтович 1896: 85] (ПТнг *biāga [ССТМЯ 1: 78—79]); буа 'мир, (хорошая) погода' [Леонтович 1896: 104] (ПТнг *buga [ССТМЯ 1: 100]); мо 'огонь' [Леонтович 1896: 97] (ПТнг *toga [ССТМЯ 2: 190]); сяу 'солнце' [Леонтович 1896: 124] (ПТнг *sigŪn [ССТМЯ 2: 78]); туа 'зима' [Леонтович 1896: 71] (ПТнг *tuge- [ССТМЯ 2: 204—205]); уй 'мало' [Леонтович 1896: 86] (ПТнг *ugī [ССТМЯ 2: 246]).

Данные других источников и по другим тунгусским языкам также не дают оснований а) для решения о наличии лексических ограничений на процесс выпадения интервокальных согласных, б) для предположения о связи этих процессов с влиянием китайского или русского языков. Как мы видели в начале настоящей заметки, для эвенского В. И. Цинциус приводит довольно разветвленное правило с позиционными ограничениями, описывающее выпадение *-b-. В эвенкийских диалектах (по [Василевич 1948: 13]) достаточно четко выделяются говоры шекающей подгруппы южной диалектной группы, которые либо теряют интервокальный *-g-, либо заменяют его на глайд w (в зависимости от наличия огубленной гласной). Все остальные — сэкающая подгруппа южной группы, хэкающая северная группа и восточная группа, сибилантно-спирантная — в основном сохраняют рефлекс *g в виде y. Приведем примеры ранних фиксаций эвенкийских диалектов, которые демонстрируют, что уже в XVIII в. выпадение-невыпадение интервокальных *g и *b могло служить дифференцирующим признаком при определении диалектной принадлежности и, по-видимому, при этом подчинялось достаточно четким фонетическим условиям.

По записям Мессершмидта (приведены в [Klaproth 1831: 286—288], записи от 17 июня 1723 г.), в говорах близ Мангазеи (оротонг-тунгусы, что на Нижней Тунгуске; шекающий или секающий говор) *-g- не выпадает, ср. djogánni 'лето' (ПТнг *žuga), togonni 'зима' (ПТнг *tuge-), toggo 'огонь' (ПТнг *toga), bāga 'луна' (ПТнг *biāga); *b выпадает перед огубленным гласным и на конце слова (имеющийся пример — перед отпавшим в северных тунгусо-маньчжурских языках конечным кратким узким гласным), но сохраняется в сохранившемся интервокале: taiuuu 'туча', thaugsoha 'небо' (ПТнг *tebu-ksA); djaiu 'лодка' (< ПСТнг *žab < ПТнг *žabi); но hywi 'дрозд' (ПТнг *piābī).

Миллер [Mueller 2003] (1736—1739 гг.): Якутск, якутские и киренгские тунгусы (с. 1—75); говоры, по другим параметрам относящиеся к восточному типу, *-g- выпадает (все примеры в соседстве с огубленной гласной): Daur [Mueller 2003: 19r] 'буряты' (ПТнг *dayur); Dsjóani [Mueller 2003: 19v] 'лето' (ПТнг *žuga); Tóoni [Mueller 2003: 19v] 'зима' (ПТнг *tuge-). Исключения: Bugà [Mueller 2003: 20r] 'Бог' (ПТнг *buga) и начало суффикса в названиях родов: Haikágir [Mueller 2003: 19r] 'род тунгусов киренской волости', Kakdagir [Mueller 2003: 21r] 'род тунгусов верхоленской волости'; но ср. еще в другом диалекте форму мн. ч. на *-gll: Dsjúl (Мангазея), помета Миллера: «русское произношение Jugil» [111r] 'юрты'; в суффиксах родов и названии бога — также «русское произношение»? Или специфическое поведение начала аффикса?

При этом *-b- в интервокальной позиции в основном не выпадает: Chöwókde [Mueller 2003: 20v] 'грязная задница' (ПТнг *pebi- 'сидеть (поджав под себя ноги)'); Hówori [Mueller 2003: 23v] 'колготки' (ПТнг *pebe-); Lawiktà [Mueller 2003: 32v] 'трава, которая зимой остается зеленой' (ПТнг *labi-ktA 'ягель'); Ngöwi [Mueller 2003: 20r] 'черт' (ПТнг *ñiebi 'покойник; дух умершего предка'); Schöwöki [Mueller 2003: 20r] 'божки' (ПТнг *sebe-kī).

Случаи выпадения *b: перед огубленной узкой гласной и на конце слова: Aun [Mueller 2003: 23r] 'Mütze' (ПТнг *āpūn), Dschu (и в енисейском говоре, также шекающем) [Mueller 2003: 40v, 88r] 'Jurte' (ПТнг *žīb 'дом'). Последнее слово дает также выпадение и в говоре Мангазеи (также шекающем): Dsju (Мангазея) [Mueller 2003: 111r], Dsjúl (Мангазея) [Mueller 2003: 111r] 'Jurten'.

Материалы Я. Линденау, записанные в 1744—1745 гг. в Удском остроге, т. е. на Охотском море [Линденау 1983: 96—101]. Линденау на с. 78 пишет: «К прежним родам удских тунгусов пришли несколько лет назад с Лены и Алдана роды Laligir, Hoigan, Oddjan, Butal». Действительно, в записях Линденау явным образом прослеживаются два говора. Один из них сэкающе-хэкающий (*s- в начале слова сохраняется, а в интервокале переходит в -h-), с потерей начального h- (рефлекса ПТМ *p-), переходом *-ld- > -ll-, *-nd- > -nn и выпадением *-g- и заменой его на -w- в соседстве с огубленными гласными (т. е. похожий на алданские говоры восточного наречия и «якутский» эвенкийский по Миллеру)⁷. Второй — сэкающий, с сохранением h- < ПТМ *p-, переходом *-ld- > -lr-, *-nd- > -nr и сохранением *-g-. Вот примеры на *-g-, демонстрирующие рефлексацию первого и второго типов:

А. awwla 'Большая Медведица' (ПТнг *pegu(le)-), awlan 'поле' (ПТнг *agulan), tewanil 'двоюродный брат' (ПТнг *tugeni + Pl), ewkan 'оленинок' (ПТнг *pegu-kAn); Tschaulo 'послезавтра', Tschawodu 'позавчера' (совр. эвк. čāyū- 'следующий', ПТнг *čāyū- [ССТМЯ 2: 376-377]).

⁷ Подробный разбор материалов XVIII—XIX вв. по эвенкийской диалектологии см. в нашей готовящейся к печати статье «Еще о монголизмах в эвенкийском».

Б. *diogori* ‘бедность’ (заимствовано из сев.-монг. **žoγa-* < ПМонг **žoba-*), *diugani* ‘лето’ (ПТнг **žuga*), *tigga* ‘посуда’ (ПТнг **tige*), *toeggauw* ‘пол’⁸ (ПТнг **tegē* ‘подстилка’), *togano* ‘двоюродный брат’ (ПТнг **tugeni*), *togo* ‘огонь’ (ПТнг **toga*), *tugumu* ‘зимой’ (ПТнг **tuge-*)

Ниже в таблице 2 представлены формы из записей Линденау, в которых буквенное обозначение позволяет предполагать отражение различных рефлексов *-b-: *w* и *u* (последнее может обозначать глайд в составе дифтонга или же гласную *u* (возможно, в сочетании с глайдом, одиночную или в составе двуслогового сочетания).

Таблица 2

Тип сочетания	Губной спирант?	Глайд или падение ⁹
Конец слова	<i>Dioew</i> ‘берестяная лодка’ (< ПСТнг * <i>žab</i> < ПТнг * <i>žabi</i> [ССТМЯ 1: 240]) <i>delew</i> ‘голова’ (ПТнг * <i>dili</i> -Poss1Sg [ССТМЯ 1: 205—206]) <i>girkiw</i> ‘спутник’ (ПТнг * <i>girki</i> -Poss1Sg [ССТМЯ 1: 155]) <i>Gew</i> ‘друг’ (ПСТнг * <i>giā</i> - Poss1Sg [ССТМЯ 1: 144]) <i>owta</i> ‘легкое’; <i>owtilla</i> ‘ребро’ (ПТнг * <i>hebe</i> [ССТМЯ 2: 435])	<i>Dju</i> ‘чум’ (ПТнг * <i>žīb</i> ‘дом’ [ССТМЯ 1: 266-7]) <i>illau</i> ‘тело’ (ПТнг * <i>ilde</i> - Poss1Sg [ССТМЯ 1: 310—311])
Конец слога перед согласной		? <i>Girkiumun</i> ‘послед’ (ПТнг * <i>girki</i> - + ? [ССТМЯ 1: 155])
ПСТнг * <i>b</i> перед огубленной узкой гласной в ПТМ суф. * <i>pŪn</i>	<i>awon</i> ‘шапка’ (ПСТнг * <i>ā-bun</i> < ПТнг * <i>ā-pŪn</i> [ССТМЯ 1: 10]) <i>girawun</i> ‘период ходьбы’ (ПСТнг * <i>gira-bun</i> < ПТнг * <i>pŪn</i> [ССТМЯ 1: 154]) <i>aniwun</i> ‘подарок’ (ПТнг * <i>anī-pŪn</i> [ССТМЯ 1: 43]) <i>delawun</i> ‘оценка’ (видимо, «ясак») (ПТнг * <i>dili-pŪn</i> [ССТМЯ 1: 215]) <i>dawna</i> ‘зять’ (ПСТнг * <i>dā-bun</i> [ССТМЯ 1: 183—184])	<i>seктаun</i> ‘кровать’ (ПСТнг * <i>sekte-bun</i> < ПТнг * <i>pŪn</i> [ССТМЯ 2: 136—137])
ПСТнг * <i>b</i> перед узкой гласной	<i>owutschka</i> ‘тетя’ (ПТнг * <i>ebe-</i> [ССТМЯ 2: 433]) <i>nawuri</i> ‘вдова’ (ПТнг * <i>nābu(n)</i> [ССТМЯ 1: 574]) <i>dewuksi</i> ‘руда’ (ПТнг * <i>debe-</i> ‘красить суриком’ [ССТМЯ 1: 228]) <i>sewuki</i> ‘бог’ (ПТнг * <i>sebe-kī</i> [ССТМЯ 2: 135])	<i>Laukta</i> ‘мох на горах’ (ПТнг * <i>labi-ktA</i> ‘ягель’ [ССТМЯ 1: 485]) <i>taukse</i> ‘облако’ (ПТнг * <i>tebu-</i> [ССТМЯ 2: 208-209]) <i>taukta</i> ‘ягода’ (ПТнг * <i>tebu-ktA</i> [ССТМЯ 2: 225])
ПСТнг * <i>b</i> перед широкой гласной	<i>Gewan</i> ‘утренняя заря’ (ПТнг * <i>giābat</i> [ССТМЯ 1: 145]) <i>tinowo</i> ‘вечер’ (совр. эвк. <i>tīnewe</i> ‘вчера’, ПТнг * <i>tinu-pā</i> [ССТМЯ 2: 183]) <i>koewa</i> ‘подбородок’ (ПСТнг * <i>kebe</i> < ПТнг * <i>kepe</i> [ССТМЯ 2: 432]) <i>mewan</i> ‘сердце’ (ПТнг * <i>miāban</i> [ССТМЯ 1: 533-534]) <i>awa</i> ‘работа’ (ПСТнг * <i>haba</i> < ПТнг * <i>paba</i> [ССТМЯ 2: 307])	

По форме *illau*, в котором *-ll-* < **-ld-*, из второго столбца можно заключить, что второй столбец, то есть выпадение *-b-, относится к говору А, вероятно, алданского типа, т. е. сходному с «якутским» говором у Миллера. Косвенно подтверждает это заключение слово *diuarihin* ‘кислый’ (ПТнг **žujar-* [ССТМЯ 1: 254]), где мы сталкиваемся с выпадением **-j-* с возможностью образования дифтонга, а также с переходом интервокального *-s-* > *-h-*. Одно из слов, отражающих позицию *-b- перед широкой гласной, с явным признаком типа А — *awa* ‘работа’ (< **haba*). В остальных таких словах нет маркеров того или другого говора. Можно полагать, что, как и в современном эвенкийском и в других материалах XVIII в., здесь в обоих диалектах *w* не выпадал в интервокальной позиции перед широкой гласной.

Итак, для приведенных материалов можно ожидать, что они отражают наличие дифтонгов в собственно эвенкийской лексике в следующих диалектах по крайней мере в следующих словах:

⁸ Здесь и ниже *-(u)w / -u* на конце слов, современные словарные формы которых не имеют такого завершения, — показатели Poss1Sg.

⁹ Неясно происхождение дифтонгоподобной записи в формах *seuruk*, *sauruk* ‘сумка’ (ПТнг **seruku* [ССТМЯ 2: 51—52; 146]); *tauksaki* ‘заяц’ (ПТнг **tuksa-* [ССТМЯ 2: 208]) — род перелома гласных?

На Нижней Тунгуске: *au* (*thaugsoha* ‘Himmel’, *djaù* ‘Nachen’).

Якутские и киренгские тунгусы: *au*, *oa* (*Daur* ‘Burjate’; *Aun* ‘Mütze’; *Dsjóani* ‘Sommer’).

На Охотском море: *au*, *eu*, *əu*, *iu*, *iu*, *ua* (*auwla* ‘Большая Медведица’, *awlan* ‘поле’, *ewkan* ‘оленинок’, *Gew* ‘друг’; *toeggauw* ‘пол’; *taukse* ‘облако’, *taukta* ‘ягода’, *Dioew* ‘берестяная лодка’, *owta* ‘легкое’; *owtilla* ‘ребро’, *illau* ‘тело’, *delew* ‘голова’, *girkiw* ‘спутник’, *diuarihin* ‘кислый’).

Об эвенкийских материалах Палласа, Кастрена и Чекановского см. в упомянутой готовящейся к печати статье; уже приведенные здесь материалы, как кажется, достаточно хорошо демонстрируют, что проблема возникновения дифтонгов в северно-тунгусских языках не имеет отношения к китайским и русским контактам этих языков.

Сокращения

Языки

ПМонг — прамонгольский	сев.-монг. — северно-монгольский
ПСТнг — прасевернотунгусский	тунг. — тунгусский
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский	уд. — удэ́йский
ПТнг — пратунгусский	эвк. — эвенкийский

Общие

Pl — множественное число	мс — миллисекунды
Poss1Sg — форма принадлежности 1 лица единственного числа	совр. — современный

Литература

Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948 {*Vasilevich, G. M.* Outlines of the Evenki (Tungus) dialects. Leningrad 1948}.

Дыбо 1992 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992 {*Dybo, A. V.* Semantic's reconstruction in Altaic etymology.Moscow 1992}.

Леонтович 1896 — *Леонтович С.* Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Владивосток, 1896 {*Leontovich, S.* Compendious Russian-Orochen dictionary with a grammar note. Vladivostok 1896}.

Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири. Магадан, 1983 {*Lindenau, J.* Description of the peoples of Siberia. Magadan 1983}.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2. Л., 1975—1977 {A comparative dictionary of the Manchu-Tungussic languages. V. 1-2, Leningrad 1975—1977}.

Цинциус 1949 — *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949 {*Tsintsius V. I.* A comparative phonology of the Manchu-Tungussic languages. Leningrad 1949}.

Benzing 1956 — *Benzing J.* Die tungussischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik. Wiesbaden, 1956.

Doerfer 2002 — *Doerfer G.* Die Liste Gerstfeldt by Castrén // АОН 55 (1-3). Budapest, 2002. S. 115—133.

D-Sh 2004 — *Doerfer G.* Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialecte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim, Zürich, New York, 2004.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Klaproth 1831 — *Klaproth J. G.* Asia Polyglotta. Paris, 1831.

Ladefoged 1995 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of world languages. Cambridge — Massachusetts, 1995.

Ladefoged 2001 — *Ladefoged P.* A Course in Phonetics. Boston, 2001.

Mueller 2003 — *Mueller G. F.* Nachrichten über Völker Sibiriens (1736—1742) / Herausgegeben von Eugen Helimski und †Hartmut Katz. Band 2. Hamburg, 2003.

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); adybo@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >